

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Петрова А.Д. Новая поэтика французской прозы и её восприятие в русском переводе	1
Дуданов Т.В. Трудности корпусного исследования условных конструкций (на материале китайского и русского языков)	10
Бахматова А.Д. Иероглифические преобразования в контексте упрощения письменности Китая и Японии: сравнительный анализ на базе японского иероглифического минимума	20
Зубова Т.Б. Сравнительный анализ репрезентации России в медиадискурсе США и ЮАР	44
Октябрьская О.С. Тема памяти и способы её воплощения в повести М. Ефетова «Письмо на панцире»	57
Шарахина Л.В. Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства	67
Барабанова И.Г., Николаева Е.С. Языковые и идеологические особенности современного американского предвыборного политического медиадискурса	83
Городищев А.В., Городищева А.Н. Ментальные модели политических ценностей в языке современной молодежи	92
Тресорукова И.В., Чуева С.Ю. Словообразование неологизмов-окказионализмов в политическом дискурсе новогреческого языка: номинация партийных деятелей и их сторонников	103
Бадмадоржиева Е.Б. Семантико-функциональные особенности эмотивных глаголов злости в монгольских языках	116
Меркулов Г.В. Морфологические особенности румынского языка XVI—XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)	127
Ван Ц., Вэнь Б., Ду Ю. От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи	138
Хао Г. Эмотивная лексика с семантикой смелости и страха в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина	156
Акимов А.А., Мухамадуллин С.Р., Вафина Ш.Р. Информационное сопровождение деятельности вуза как инструмент реализации региональной политики на примере Республики Татарстан	170
Морозов Д.А. Сопоставительный анализ синтетичности форм степеней сравнения в чешском и русском языках	180
Алексеев А.В. К вопросу о жанровой специфике графического романа	190
Муралова Е.О. Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов»	210
Беленко В.Е. Конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО»: семнадцать лет истории сибирских СМИ	223
Малаховский А.К., Малаховский И.А., Алламин М. СМИ государств СЕМАС: проблемы и решения в контексте современного медиапространства африканского континента	234

Ли М. Формирование национального имиджа в освещении китайско-российских экономических отношений: на примере газеты «Жэньминь жибао»	247
Ван Т. Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах	260
Пак Л.Е. Лингвоаксиологические параметры оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России	272
Ян Д. Языковые механизмы формирования национального самосознания: сравнительный анализ использования языка для создания и поддержания национальной идентичности в России и Китае на материале словаря русской ментальности	286
Чжан Я. Проблемные аспекты влияния медиа на общественное мнение в контексте чрезвычайных ситуаций на примере инфодемии в связи с распространением COVID-19 и пути их решения	297
Пучкова А.Е. Предметность в осмыслении окружающего пространства и становление личности героя-рассказчика: «Письма русского путешественника»	309
Чжэн С. Образ Варвары Петровны Ставрогиной и эволюция дворянской женщины в романе «Бесы»	320
Тарасов Д.С. Особенности употребления зоонимов в российском и британском новостном дискурсах	331
Щеглова В.М., Корнакова Е.С. К вопросу о моделировании гендерной идентичности языковой личности адресата рекламного текста	339
Англоязычные метаданные	348

Contents

Petrova A.D. New poetics of French prose and its perception in Russian translation	1
Dudanov T.V. Difficulties of corpus research of conditional constructions (on the material of Chinese and Russian languages)	10
Bahkmatova A. Graphic Simplification of Chinese Characters in China and Japan: A Comparative Analysis Based on the Jōyō Kanji List	20
Zubova T.B. Comparative analysis of the representation of Russia in the media discourse of the USA and South Africa	44
Oktyabrskaya O.S. The theme of memory and ways of its embodiment in M. Yefetov's story "Letter on the Shell"	57
Sharakhina L.V. Corporate Citizen as a Subject of Social Architecture: An Analysis of the Russian Digital Mediascene	67
Barabanova I.G., Nikolaeva E.S. Linguistic and ideological features of the modern American pre-election political media discourse	83
Gorodishchev A.V., Gorodishcheva A.N. Mental models of political values in the language of modern youth	92
Tresorukova I., Chueva S. Word-Formation Processes of Occasional Neologisms in the Political Discourse of Modern Greek: Nomination of Party Representatives and Their Supporters	103
Badmadorzhieva E.B. Semantic-Functional Features of Emotive Verbs of Anger in Mongolian Languages	116
Merkulov G.V. Morphological features of the Romanian language in the 16th—17th centuries (based on Codex Neagoeanus, 1620)	127
Wang Z., Wen B., Du Y. From tradition to digital: A study on the international communication strategy of Nezha's image	138
Hao G. Emotive Vocabulary with Semantics of Courage and Fear in A. S. Pushkin's "The Tales of Ivan Belkin"	156
Akimov A.A., Muhamadullin S.R., Vafina S.R. Information support of the university's activities as a tool for implementing regional policy based on the example of the Republic of Tatarstan	170
Morozov D.A. Contrastive analysis of the synthetic nature of comparative and superlative forms in the Czech and Russian languages	180
Alekseev A.V. On the Genre Specificity of the Graphic Novel	190
Muralova E.O. Colonial Vietnam through the Eyes of Europeans in the novel by Vietnamese writer Nguyen Suan Khanh «Mother – Mistress of Mountains and Forests»	210
Belenko V.E. The competition of journalistic skills "Siberia.ABOUT": seventeen years of the history of the Siberian media	223
Malakhovskii A.K., Malahovskii I.A., Allamine M. Media of SEMAS countries: challenges and solutions in the context of the contemporary media landscape of the African continent.	234

Li M. Formation of National Image in the Coverage of Chinese-Russian Economic Relations: The Case of People's Daily	247
Wang T. New Year's Table in Russian and Chinese Linguocultures	260
Pak L.E. Linguoaxiological assessment parameters in the discourse of sports electronic media in China and Russia.	272
Yang D. Linguistic Mechanisms of National Identity Formation: A Comparative Analysis of the Use of Language for Creating and Maintaining National Identity in Russia and China Based on the Dictionary of Russian Mentality	286
Zhang Y. Problematic aspects of the media's influence on public opinion in the context of emergencies, using the example of the infodemic associated with the spread of COVID-19, and ways to address them	297
Puchkova A.E. The objectivity in understanding the surrounding space and the formation of the personality of the protagonist-narrator: "Letters of a Russian Traveler"	309
Zheng S. The image of Varvara Petrovna Stavrogina and the evolution of the noblewoman in Dostoevsky's novel "Demons"	320
Tarasov D.S. Peculiarities of the Use of Zoonyms in Russian and British News Discourses	331
Shcheglova V.M., Kornakova E.S. On the issue of modeling the gender identity of the linguistic personality of the addressee of the advertising text	339
Metadata in english	348

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петрова А.Д. Новая поэтика французской прозы и её восприятие в русском переводе // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.74989 EDN: FKDW SV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74989

Новая поэтика французской прозы и её восприятие в русском переводе

Петрова Анастасия Дмитриевна

кандидат филологических наук

Доцент; Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра романской филологии,
филологический факультет

Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Осипенко, д. 6а/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.74989

EDN:

FKDW SV

Дата направления статьи в редакцию:

26-06-2025

Дата публикации:

14-07-2025

Аннотация: Объектом исследования является новая поэтика французской прозы конца XIX — первой половины XX века и её функционирование в системе русского перевода. В центре внимания находятся тексты, в которых художественный эффект создаётся не столько за счёт сюжетной композиции, сколько через синтаксическую структуру, ритмическую организацию и интонационную неоднородность. Исследование опирается на произведения таких авторов, как Марсель Пруст и Андре Жид, в чьих текстах преобладают удлинённые периоды, грамматические отклонения от нормы, ассоциативная логика высказывания и элементы «внутренней речи». Эти признаки затрудняют перевод с французского языка на русский, где традиционно преобладает установка на логическую завершённость, ясность синтаксиса и нормативное оформление текста. В связи с этим перевод рассматривается как форма вторичной поэтики, способной как сохранить, так и трансформировать оригинальную структуру. Методологической основой

исследования является лингвистический и сравнительно-переводческий анализ оригинала и перевода с акцентом на синтаксико-интонационные преобразования, а также элементы функционального и ритмического подходов. Новизна исследования заключается в том, что акцент сделан не на лексико-семантических, а на ритмико-синтаксических аспектах перевода художественного текста. Основными выводами проведённого анализа являются следующие: структура высказывания играет в модернистской прозе роль поэтической категории, а в русском переводе эти элементы часто упрощаются или нивелируются. Особым вкладом автора в данной статье является выявление закономерностей адаптации интонационных и ритмических структур в межъязыковом переводе. Основными выводами проведённого анализа являются следующие: структура высказывания играет в модернистской прозе роль поэтической категории, а в русском переводе эти элементы часто упрощаются или нивелируются. Особым вкладом автора является выявление закономерностей адаптации интонационных и ритмических структур в межъязыковом переводе.

Ключевые слова:

французская проза, перевод, синтаксис, ритм, поэтика, модернизм, интонационная структура, модернистская проза, ритмическая структура, художественный перевод

Во французской прозе конца XIX — начала XX века происходит кардинальный сдвиг: нарушаются жанровые границы и синтаксическая норма, утверждается субъективная организация текста и ритмическая фрагментарность. Эти черты формируют «новую поэтику», объединяющую элементы символизма, психологического реализма и модернистского поиска формы. В центре художественного высказывания оказывается не сюжет, а язык как автономный носитель смысла — ритмичный, насыщенный, ассоциативный.

Актуальность исследования определяется тем, что подобная поэтика предъявляет особые требования к переводу. Сложные синтаксические конструкции, интонационная многозначность и семантическая плотность становятся неотъемлемыми компонентами авторского стиля, а значит — и переводческого вызова. При переносе на русский язык переводчик сталкивается с необходимостью не только передать содержание, но и воспроизвести структуру высказывания как носителя поэтического эффекта.

Цель статьи — выявить особенности поэтики французской модернистской прозы и проанализировать, как она трансформируется в русском переводе. В исследовании применяются методы интерпретативного, сравнительно-сопоставительного и дискурсивного анализа, которые позволяют рассмотреть влияние синтаксических и ритмических решений на переводческую стратегию. В качестве материала выступают тексты Марселя Пруста и Андре Жиде и их переводы на русский язык.

Теоретические подходы к поэтике французской прозы

Новая поэтика французской прозы, зародившаяся в конце XIX — начале XX века, связана с разрушением жанровых границ и синтаксических канонов, что требует от переводчика особого внимания к ритму, интонации и семантической плотности текста. Согласно наблюдению Ю. М. Лотмана, «поэтический текст строится по законам организации, отличным от прозы» [\[7\]](#), однако в модернистской прозе эти границы размываются.

Лингвистические особенности этой поэтики включают синтаксические девиации, инверсии, анаколуфы и полисинтаксические конструкции, как указывает В. В. Виноградов [2], которые в условиях перевода трансформируются в зависимости от целевой языковой нормы. Р. Барт подчеркивал, что модернистское письмо «расшатывает знаковую структуру» [1], что усложняет восприятие и перевод текста.

Эта поэтика формируется на стыке эстетики символизма, психологического реализма и модернистского поиска формы. У таких авторов, как Марсель Пруст, Андре Жид, Натали Саррот, Жан-Поль Сартр и впоследствии Ален Роб-Грийе, синтаксис, ритм, семантическая плотность и композиционная фрагментарность становятся средствами смыслообразования, а не только структурными компонентами текста. В этой связи французская проза сближается с поэзией не по жанровому, а по ритмо-интонационному принципу, предполагая от читателя вовлечённость не только в содержание, но и в формальное оформление текста.

Особенности перевода и восприятия модернистской поэтики

Для перевода подобной прозы на русский язык возникает целый ряд лингвистических и стилистических вызовов. Поскольку французская система организует высказывание по-другому, чем русская (в частности, в плане интонационного членения, типов синтаксических связей, допустимой длины фразы и степени нормативности), переводчик неизбежно вступает в диалог не только с оригиналом, но и с целевой языковой нормой. Нарушения линейности, синтаксическая перегруженность, семантическая неопределённость, характерные для новой французской прозы, часто противоречат традиционной установке на «ясность» и «логическую завершённость» русскоязычного художественного текста.

С точки зрения перевода, данная поэтика требует применения адаптивных стратегий. В. Н. Комиссаров выделяет два принципа: сохранение смысловой целостности и сохранение художественной формы [6]. Л. Венути говорит о «невидимости переводчика» и стилистическом сглаживании как угрозе эстетической специфике оригинала [16]. Современные исследования подчеркивают необходимость баланса между лексико-семантической точностью и синтаксической гибкостью [10; 15].

Особую сложность при переводе художественного текста представляет работа с архаизмами, лексико-семантическими и стилистическими средствами, отражающими исторический или эстетически дистанцированный пласт языка. Переводчику необходимо соблюсти баланс между сохранением выразительности оригинала и возможностью рецепции в целевой культуре [4].

Современное переводоведение расширяет понятие переводимости художественного текста за счёт его реинтерпретативности — способности к многократному переосмыслению в рамках разных языковых и семиотических систем. Это свойство особенно характерно для «сильного» оригинала, обладающего высокой смысловой плотностью и эстетической ценностью. Такая реинтерпретативность обеспечивает переводную множественность: появление нескольких версий как внутри одного языка, так и в межкультурном или даже межкультурном контексте [11; 12].

Таким образом, восприятие новой поэтики французской прозы в русском переводе оказывается не просто процессом языкового переноса, но сложной формой интерпретации, в которой взаимодействуют два по-разному организованных речевых

мира. Лингвистический и переводческий анализ позволяет выявить, какие формальные и семантические элементы оказываются уязвимыми при переходе из одной языковой системы в другую, какие стратегии используются для компенсации потерь, и в какой степени эстетика оригинала сохраняется или трансформируется в тексте перевода.

Анализ восприятия поэтики французской модернистской прозы в русском переводе требует внимания к взаимодействию структурных уровней текста — синтаксиса, ритма и семантики. Эти элементы в модернистской прозе конца XIX — начала XX века функционируют не просто как средства передачи содержания, но как самостоятельные поэтические компоненты, формирующие специфическую художественную реальность. Отказ от линейного повествования, синтаксическая рассредоточенность, лексическая неопределённость и выраженная субъективность речевых конструкций — всё это создает сложную систему смыслов, воспринимаемую через особенности языковой формы. В переводе именно эти характеристики оказываются под угрозой утраты, поскольку нормы и конвенции русского языка часто требуют структурной стабилизации текста. В результате перевод может непреднамеренно устранять поэтическую неопределённость оригинала, тем самым изменяя восприятие текста в новой культурной среде. Таким образом, лингвистический анализ перевода позволяет выявить, каким образом трансформируется поэтика исходного текста при переносе в другую языковую систему.

Поэтика Марселя Пруста и проблемы перевода

Синтаксическая структура прозы Марселя Пруста представляет собой не только стилистическую особенность, но и смыслообразующий приём. Его знаменитые длинные периоды, насыщенные уточнениями, анаколумами, инверсиями и вставками, создают эффект непрерывного развертывания сознания, в котором логика уступает место ассоциативному потоку. Один из таких примеров — фрагмент из «По направлению к Свану», где основная мысль растворяется в цепочке прерывистых уточнений, отражающих психологическое колебание и медленное движение воспоминания.

Как отмечают исследователи, фирменный синтаксис Пруста с его «витиеватой экспансией» и отложенным завершением фразы имитирует ритм человеческой мысли — желания, отвлечённости, памяти [\[14\]](#). Такой синтаксис не просто передаёт информацию, но и формирует эмоциональный ландшафт высказывания. Он требует от читателя не линейного чтения, а восприятия, близкого к музыкальному, — в едином ритме.

Интересно, что при всём своём новаторстве Пруст не нарушает грамматических норм в прямом смысле. Он балансирует на грани нормы и отклонения, выстраивая фразы предельно сложные, но синтаксически корректные. Одно из его предложений достигает 856 слов, оставаясь формально законченным [\[9\]](#). Этот «поток синтаксического сознания» позволяет ему выстраивать предложения, в которых читатель теряет опору на пунктуацию, но получает опыт глубинного сопричастия.

Подобная поэтика оказывается труднопереводимой: при передаче на русский язык она нередко редуцируется за счёт дробления периода, упрощения логических связей и адаптации под привычный ритм русской прозы. Таким образом, прустовская фраза в переводе теряет не только объём, но и внутреннюю ритмическую организацию, на которой строится семантическое напряжение.

Показательным примером является синтаксическая структура прозы Марселя Пруста. Его знаменитое предложение из романа «Du côté de chez Swann» («По направлению к Свану») демонстрирует особую форму грамматической удлинённости, в которой основная

мысль тонет в череде уточнений и вставок. Повествование Пруста в оригинале строится на синтаксической непрерывности, где границы предложений размываются, а развитие мысли подчинено не логике завершённого высказывания, а ритму внутреннего сознания. В одном из ключевых фрагментов — после знаменитой фразы «Longtemps, je me suis couché de bonne heure» — следует разветвлённая структура, в которой основное движение текста развивается через анаколуфы, анафоры, повторяющиеся структуры, а также инверсии, подчиняющие грамматическую связность ассоциативной логике памяти.

В переводе Н. Любимова синтаксическая протяжённость существенно сокращается: периоды дробятся на более короткие синтаксемы, часто с самостоятельной коммуникативной нагрузкой. Так, французское: «Et, une demi-heure après, la pensée qu'il était temps de chercher le sommeil m'éveillait ; je voulais poser le volume que je croyais avoir encore dans les mains...» становится в русском: «А через полчаса просыпался от мысли, что пора спать; мне казалось, что книга все еще у меня в руках...» [8, с. 63]. Здесь наблюдается одновременное упрощение синтаксического строя и трансформация ритмической организации текста. Структура французского оригинала удерживает читателя в состоянии «отсроченного завершения» через многочисленные интенсификации и уточнения, тогда как в русском варианте читается завершённая, линейно развивающаяся мысль. Это сдвигает восприятие: эффект замедленного разворачивания субъективного времени (характерный для прустовской прозы) в переводе нивелируется, уступая месту более привычному русскому нарративному темпу.

Интересна также передача образа «la pensée... m'éveillait». В оригинале пробуждение вызвано именно мыслью, функционирующей как субъект действия. В переводе — «просыпался от мысли» — сохраняется смысл, но исчезает синтаксическая автономия мысли как агента действия. Тем самым меняется логика восприятия: французская конструкция сохраняет амбивалентность между рефлексией и соматическим действием, тогда как в переводе доминирует физиологический аспект.

Наконец, рассмотрим пример ритмической метафоры: «comme après la métempsychose les pensées d'une existence antérieure» — конструкция, в которой синтаксис имитирует «смутное возвращение» мысли через обособления и отступления. В русском: «становилось смутным, как воспоминание о прежней жизни после метемпсихоза» — образ передан, однако исчезает тонкое противопоставление между логическим осознанием и перцептивной неясностью, задающее один из ключевых прустовских приёмов: распад субъектной целостности.

Таким образом, перевод Любимова демонстрирует попытку сохранить общую интонацию оригинала, при этом внося структурную адаптацию под нормы русского синтаксиса и ритма. Это неизбежно приводит к частичной утрате эффектов нарративной вязкости и когнитивной неустойчивости, играющих важную роль в эстетике Пруста.

Языковая структура прозы Андре Жида в оригинале и переводе

Особый интерес представляет проза Андре Жида, особенно с точки зрения языковой структуры и её передачи в переводе. Андре Жид (1869–1951) — одна из ключевых фигур французской литературы XX века, чьё творчество отличается внутренним конфликтом между стремлением к свободе и осознанием её моральных границ. Выросший в строгой протестантской семье, он превратил экзистенциальные противоречия своей жизни в основу литературных произведений, где доминирует тема свободы — интеллектуальной, социальной, сексуальной — и одновременно чувства вины за её реализацию. Жид глубоко восхищался творчеством Ф.М.Достоевского, видя в его героях источник

психологической глубины и конфликтности, что нашло отражение в его собственных романах, прежде всего в «Фальшивомонетчиках». Это произведение стало знаковым для модернистской прозы: в нём сочетаются фрагментарность, сложная внутренняя речь и отказ от единой авторской перспективы. [3].

В романе *Les Faux-monnayeurs* [13]. (Фальшивомонетчики) автор сочетает разговорную гибкость с усложнённым синтаксисом, используя удлинённые периоды, вставные конструкции и ассоциативную логику речи. Всё это требует от переводчика не только точности в передаче смысла, но и внимания к ритму и структуре высказывания. В переводе А. Франковского 1926 года передан общий стиль текста, но во многих случаях наблюдается упрощение синтаксических связей и сглаживание ритмики, за счёт чего меняется интонационное восприятие оригинала [5].

Уже в первом предложении оригинала: «Monsieur Profitendieu était pressé de rentrer et trouvait que son collègue Molinier, qui l'accompagnait le long du boulevard Saint-Germain, marchait bien lentement.» — автор выстраивает длинную фразу, насыщенную уточнениями и грамматическими вложениями. Это создаёт эффект замедленного наблюдения, словно читатель идёт рядом с героем и вместе с ним фиксирует каждую деталь. В русском переводе: «Господин Профитандье спешил домой и находил, что его коллега Молинье, провожавший его по бульвару Сен-Жермен, не слишком торопится.» Смысл остаётся верным, однако синтаксическая динамика смягчается. Русская фраза звучит прямолинейнее и завершённое, в то время как оригинал предполагает неустойчивость фокусировки — то на действии, то на персонаже, то на маршруте.

Прямая речь в романе также насыщена стилистическими приёмами — риторическими вопросами, вводными словами, повтором конструкций. Например: «Nous faisons pour le mieux, c'est entendu ; mais, si bien que nous fassions, nous ne parvenons à rien que d'approximatif.» — здесь с помощью вводного *c'est entendu* и параллельной структуры автор передаёт ироническое напряжение между усилиями и результатом. Перевод Франковского: «Мы стараемся изо всех сил, само собой разумеется, но, как мы ни стараемся, мы достигаем лишь весьма приблизительных результатов.» Передана основная мысль, но синтаксическая игра, интонационные сдвиги и выразительное чередование в русском варианте сглажены. Фраза становится логически ровной, теряя риторическую сложность, присущую оригиналу.

Таким образом, перевод А. Франковского сохраняет лексическую точность, но часто упрощает синтаксис и снижает ритмическую вариативность. Это делает текст более прозрачным, но менее выразительным с точки зрения стилистики Жида. В результате меняется общее восприятие героя и сцены: в оригинале читатель «входит» в речь и сознание персонажа через интонационные паузы и синтаксические повторы, а в переводе получает выровненный, структурно стабильный текст. Подобные сдвиги важны не только с точки зрения художественного стиля, но и как проявление различий между языковыми нормами и переводческими стратегиями начала XX века.

Заключение

Новая поэтика французской прозы конца XIX — первой половины XX века, основанная на синтаксических отклонениях, ритмической вариативности и смысловой фрагментарности, требует от переводчика не только языковой точности, но и стилистической чуткости. На примере произведений Марселя Пруста, Андре Жида и других авторов видно, что при переходе на русский язык именно структура высказывания, а не только его содержание, оказывается наибольшей переводческой

трудностью. Анализ показал, что в стремлении к нормативности и читаемости русские переводы часто упрощают оригинальную композицию, сглаживают ритм и редуцируют многозначность. В результате возникает сдвиг в восприятии текста — от интонационно сложной и внутренне разорванной прозы к более линейному и стилистически стабильному повествованию. Это подтверждает необходимость учитывать лингвистическую форму как носитель поэтического содержания и работать с переводом не только как с текстом, но как с системой приёмов, сохраняющих эстетическую специфику оригинала.

Библиография

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с. EDN: VWTTYJ
3. Вишняков А. Г. Андре Жид о Ф. М. Достоевском // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2022. – № 1. – С. 122-129. EDN: MROBFO
4. Грушевская Т. М., Грушевская Е. С. Особенности перевода архаизмов в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – Вып. 5 (899). – С. 45-50. EDN: IJGYOE
5. Жид, А. Избранные произведения / А. Жид; пер. с фр. А. Франковского. – М.: Панорама, 1993. – 515 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 192 с.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 270 с.
8. Пруст М. По направлению к Свану: роман / М. Пруст; пер. с фр. Н. Любимова; вступ. ст. А. Таганова; примеч. С. Фокина. – СПб.: Амфора, 1999. – 540 с.
9. Пруст и структура синтаксиса. – 2021.
10. Платонова Т. В. Творчество французских писателей на страницах советских литературных журналов в 1930-е гг. / Т. В. Платонова. – Текст: электронный // 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества; под ред. Ю. М. Галкиной (отв. ред.), А. А. Вершинина, К. А. Беспаловой. – Санкт-Петербург: Изд-во Нестор-История, 2022. – С. 271-288. EDN: NXKWUU
11. Разумовская В. А. Межсемиотическая вторичность как сохранение "сильного" текста литературы // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции. Симферополь, 29-30 апреля 2021 года. – Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2021. – С. 293-297. EDN: BXHOGX
12. Разумовская В. А. "Сильный" текст литературы как объект перевода и переперевода // Русистика и компаративистика. – 2022. – Вып. XVI. – С. 233-249. DOI: 10.25688/2619-0656.2022.16.14 EDN: KBDYWZ
13. Gide, André. Les Faux-monnayeurs / André Gide. – Paris: Gallimard, 1925. – 503 p.
14. Translating Proust Again // Oxford University Press Blog. – 2023.
15. Pym A. Exploring Translation Theories. – Routledge, 2021. – 41 p.
16. Venuti. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – Routledge, 2017. – 353 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена особенностям восприятия новой поэтики французской

прозы в русском переводе. Отмечается, что «в конце XIX — первой половине XX века французская проза претерпевает глубокие поэтические преобразования, связанные с разрушением классических форм повествования и переходом к субъективно организованной языковой структуре», «для перевода подобной прозы на русский язык возникает целый ряд лингвистических и стилистических вызовов», «лингвистический и переводческий анализ позволяет выявить, какие формальные и семантические элементы оказываются уязвимыми при переходе из одной языковой системы в другую, какие стратегии используются для компенсации потерь, и в какой степени эстетика оригинала сохраняется или трансформируется в тексте перевода». Вышесказанное и определяет актуальность предмета исследования.

Библиография работы составляет всего 3 литературных источника, а именно: произведения французских писателей Андре Жида и Марселя Пруста, которые послужили ее эмпирической базой. Соответственно, в рукописи отсутствует обобщение и анализ теоретического аспекта изучаемой проблематики. В этой части автору(ам) следует внимательно изучить требования редакции журнала: см «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года», «В список литературы включаются только рецензируемые !научные! источники (статьи из научных журналов и монографии), которые упоминаются в тексте статьи».

Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, сравнительно-сопоставительный анализ, а также методы концептуального, когнитивного и дискурсивного анализа.

В ходе исследования проведен лингвистический анализ оригинала и русскоязычного перевода прозы Марселя Пруста и Андре Жида с точки зрения синтаксиса, ритма и семантики, который позволил автору(ам) сформулировать обоснованные выводы о том, что «новая поэтика французской прозы конца XIX — первой половины XX века, основанная на синтаксических отклонениях, ритмической вариативности и смысловой фрагментарности, требует от переводчика не только языковой точности, но и стилистической чуткости», «при переводе на русский язык именно структура высказывания, а не только его содержание, оказывается наибольшей переводческой трудностью», «в стремлении к нормативности и читаемости ... возникает сдвиг в восприятии текста — от интонационно сложной и внутренне разорванной прозы к более линейному и стилистически стабильному повествованию» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение особенностей восприятия новой поэтики французской прозы в русском переводе, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории перевода, сопоставительной лингвистике, интерпретации текста, в практике художественного перевода, по стилистике художественной речи и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию. Однако объем рукописи слишком мал для раскрытия темы. Обращаем внимание, что рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Новая поэтика французской прозы и её восприятие в русском переводе" представляет собой исследование в области французского литературоведения и переводоведения.

Цель статьи — выявить особенности поэтики французской модернистской прозы и проанализировать, как она трансформируется в русском переводе. В исследовании применяются методы интерпретативного, сравнительно-сопоставительного и дискурсивного анализа, которые позволяют рассмотреть влияние синтаксических и ритмических решений на переводческую стратегию. В качестве материала выступают тексты Марселя Пруста и Андре Жида и их переводы на русский язык.

Актуальность работы заключается в том, что исследуемая поэтика предъявляет особые требования к переводу. Сложные синтаксические конструкции, интонационная многозначность и семантическая плотность становятся неотъемлемыми компонентами авторского стиля, а значит — и переводческого вызова. При переносе на русский язык переводчик сталкивается с необходимостью не только передать содержание, но и воспроизвести структуру высказывания как носителя поэтического эффекта.

Статья имеет структуру научного исследования и состоит из введения, обзора актуальных исследований по теме, а также подробного разбора переводов Марселя Пруста и Андре Жида на русский язык.

В основной части автор рассматривает поэтику Пруста в точки зрения синтаксиса, в том числе подчёркивает трудности передачи на русский язык синтаксической напряжённости оригинального текста Пруста.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

В заключении автор статьи делает следующий вывод "Новая поэтика французской прозы конца XIX — первой половины XX века, основанная на синтаксических отклонениях, ритмической вариативности и смысловой фрагментарности, требует от переводчика не только языковой точности, но и стилистической чуткости. На примере произведений Марселя Пруста, Андре Жида и других авторов видно, что при переходе на русский язык именно структура высказывания, а не только его содержание, оказывается наибольшей переводческой трудностью. Анализ показал, что в стремлении к нормативности и читаемости русские переводы часто упрощают оригинальную композицию, сглаживают ритм и редуцируют многозначность. В результате возникает сдвиг в восприятии текста — от интонационно сложной и внутренне разорванной прозы к более линейному и стилистически стабильному повествованию. Это подтверждает необходимость учитывать лингвистическую форму как носитель поэтического содержания и работать с переводом не только как с текстом, но как с системой приёмов, сохраняющих эстетическую специфику оригинала".

Представленный вывод можно считать достоверным на основании данных большого количества проанализированных автором источников.

Исследование вносит значительный вклад в изучение французской литературы и переводоведения и может быть рекомендовано к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дуданов Т.В. Трудности корпусного исследования условных конструкций (на материале китайского и русского языков) // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75349 EDN: DHJTKE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75349

Трудности корпусного исследования условных конструкций (на материале китайского и русского языков)

Дуданов Тимофей Васильевич

ORCID: 0009-0007-1747-9440

аспирант, кафедра восточных языков; Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Мусская, 6

✉ tdudanov@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75349

EDN:

DHJTKE

Дата направления статьи в редакцию:

26-07-2025

Дата публикации:

02-08-2025

Аннотация: Корпусное исследование представляет собой важный этап в рассмотрении сочетаний слов и их использования в разных типах предложений. Однако корпусные данные не всегда полно отражают особенности употребления слов из-за трудностей в интерпретации контекста и определении коммуникативного намерения говорящего. Эта проблема особенно заметна при изучении китайских условных конструкций, что и представляет предмет исследования в данной статье. Для понимания того, как употребляются условные конструкции китайского языка и насколько регулярно они встречаются в речи, лингвист апеллирует данными корпусов иностранного языка. Тем не менее, несмотря на все необходимые удобства в их использовании, пользователям приходится сталкиваться с определёнными проблемами при анализе слов и, главным

образом, словосочетаний. Цель написания статьи состоит в рассмотрении четырёх проблем, связанных с использованием корпусов китайского языка для анализа условных конструкций. Проблемы были рассмотрены методом поиска отдельных слов или в сочетании с другими словами. Для сравнительного анализа механизмов поиска в корпусах разных языков привлекаются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В научной работе приводятся в качестве примеров корпуса китайского языка ВСС (Корпус Пекинского университета языка и культуры) и CCL (Корпус современного китайского языка Центра китайской лингвистики при Пекинском университете). На сегодняшний день эти источники являются малоисследованными, так как они предназначены для исследователей, владеющих китайским языком на среднем и продвинутом уровнях. В число исследователей в большинстве случаев входят синологи, востоковеды или переводчики с китайского и на китайский язык. Следовательно, научная новизна исследования заключается в обозначении трудностей, которые могут возникнуть при исследовании примеров предложений на китайском языке при корпусном поиске. Исследование показало, что применение китайских корпусов требует большей внимательности, чем Национальный корпус русского языка.

Ключевые слова:

китайский язык, русский язык, корпус, корпусное исследование, условие, конструкции, условные конструкции, трудности, проблемы, релевантность

Введение

Корпус текстов является ключевым инструментом для поиска слов и словоформ в разных жанрах текстов для современных лингвистов. На сегодняшний день существует отдельный раздел лингвистики, именуемый как «корпусная лингвистика». В данном разделе изучается разработка общих принципов построения корпусов с использованием компьютерных технологий [\[1, с. 3\]](#). Профессиональные отечественные лингвисты на сегодняшний день чаще всего обращаются к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) [\[2\]](#) для проверки употребления слов в русском языке. Специалисты же в области китайского языка обычно обращаются к корпусам китайского языка. В статье в качестве примеров приводятся корпуса ВСС (Корпус Пекинского университета языка и культуры) [\[3\]](#) и CCL (Корпус современного китайского языка Центра китайской лингвистики при Пекинском университете) [\[4\]](#).

На первый взгляд может показаться, что корпусное исследование предполагает лишь выделение числа примеров, то есть числа вхождений (предложений, в которых встречается словоформа или конструкция, указанная в поиске), но при регулярном использовании корпуса и проведении детального исследования можно прийти к выводу, что результаты поиска не всегда соответствуют желанию пользователей, в связи с чем, кроме выделения числа вхождений, следует дополнительно проводить модерацию примеров на предмет выявления той или иной семантики.

Цель написания данной статьи заключается в выделении основных проблем корпусов китайского языка ВСС и CCL как инструментов для анализа условных конструкций китайского языка. Условные конструкции — это конструкции, где одна часть указывает на условие, а вторая — на следствие или результат. Чаще всего условие можно обнаружить в сложноподчинённом предложении [\[5, с. 14-15\]](#). Части сложноподчинённого

предложения обычно связываются при помощи союзов, в нашем случае при помощи союза «если», который характерен для придаточной клаузы.

В процессе исследования условных конструкций в корпусах ВСС и ССЛ было выделено четыре проблемы, препятствующие слаженному проведению исследования. Следовательно, для достижения поставленной цели статьи были решены следующие две задачи:

- 1) Дано подробное описание проблем при проведении корпусного анализа условных конструкций китайского языка
- 2) Проведено сравнение принципов работы лингвистических баз данных корпусов ВСС, ССЛ и НКРЯ для выявления специфических сложностей работы с корпусами китайского языка в сопоставлении с корпусами русского языка

Первые две проблемы характерны для обоих корпусов китайского языка (ВСС и ССЛ), а последние — специфичны для каждого из них по отдельности.

Проблема 1. Стык морфем

Китайский язык относится к изолирующим языкам с иероглифической письменностью, где границы иероглифа соответствуют границам слова, а само слово существует в форме корня, не связываясь посредством аффиксов [6, с. 159-162]. В связи с этим между словами в предложении не возникает пробелов, и определять границы слов следует, исходя из контекста. Данное явление заметно при рассмотрении как редких, так и общеупотребительных китайских условных союзов, в особенности односложных союзов, так как они представляют собой отдельные иероглифы, значение которых меняется в зависимости от того, компонентом какого двусложного или трёхсложного слова они являются. Например, в китайском языке существует союз 若 *ruò* (если). Это можно проследить на примере (1):

(1) 在房屋出租若干年后, 什么房子可以“共同租赁”? *Zài fáng wū chū zū ruò gān nián hòu, shén me fáng zi kě yǐ “gòng tóng zū lìn”?* — Какую квартиру можно снять спустя несколько лет после её сдачи? [ВСС]

Данный пример намеренно не прогlossирован и компоненты в транскрипции намеренно отделены друг от друга, чтобы показать место стыка морфем. В переводе данного предложения нет слова «если», так как слово 若 *ruò* является не только союзом «если», но и местоимением в составе двусложного слова 若干 *ruògān* (несколько) [7, с. 423]. Именно поэтому пример необходимо прогlossировать так:

在	房屋	出租	若干	年	后,
Zài	fángwū	chūzū	ruògān	nián	hòu,
НАХОДИТЬСЯ	ДОМ	СДАВАТЬ	НЕСКОЛЬКО	ГОД	ПОСЛЕ
什么	房子	可以	“共同	租赁”?	
shénme	fángzi	kěyǐ	“gòngtóng	zūlìn”?	
КАКОЙ	ДОМ	МОЧЬ	СОВМЕСТНЫЙ	АРЕНДОВЫВАТЬ	

Какую квартиру можно арендовать спустя несколько лет после её сдачи? [ВСС]

Подобная проблема возникает и с двусложными союзами, где один из компонентов не является основным и при этом часто может употребляться в одиночку в другой функции. Рассмотрим пример (2) с союзом 若是 *ruòshì* из корпуса ВСС:

(2) 若是一个德国人, 那就一定是老枪手。**Ruò shì yí ge Dé guó rén, nà jiù yí dìng shì lǎo qiāng shǒu.** — Если это немец, то это обязательно пожилой стрелок. [BCC]

Выделенный фрагмент в данном предложении не является союзом со значением «если», это два отдельных слова, где 若 ruò — односложный союз с тем же значением, а 是 shì — это глагол-связка со значением «быть, являться», который употребляется в другой функции в предложении. В результате данный пример необходимо глоссировать так:

若	是	—	个	德国	人,
Ruò	shì	yí	ge	Déguó	rén,
ЕСЛИ	ЯВЛЯТЬСЯ	ОДИН	CLF	ГЕРМАНИЯ	ЧЕЛОВЕК
那	就	一定	是	老	枪手。
nà	jiù	yídìng	shì	lǎo	qiāngshǒu.
ТОГДА	ТО	ОБЯЗАТЕЛЬНО	ЯВЛЯТЬСЯ	ПОЖИЛОЙ	СТРЕЛОК

Если это немец, то это обязательно пожилой стрелок. [BCC]

В результате замечен стык морфем двух слов, поэтому данный пример необходимо считать нерелевантным при рассмотрении условных конструкций.

Для устранения стыка морфем, возникающих в примерах (1) и (2), необходимо исключить наиболее часто встречающуюся морфему, с которой сочетается тот или иной показатель условия. Только что были упомянуты слова 若干 gān (несколько), где морфема 若 ruò не имеет значение «если», и 若是 ruòshì (если является), где первый иероглиф стоит отдельно от второго. Для исключения примеров с компонентами 干 gān и 是 shì справа необходимо при поиске исключить их из предложения. Данная функция доступна как в корпусе BCC (условное обозначение: --), так и в корпусе CCL (условные обозначения: -расстояние, в пределах которого не появляется следующий иероглиф). Таким образом, поисковые строки будут выглядеть так:

BCC: 1) 若--干 2) 若--是

CCL: 1) 若-0干 2) 若-0是

В корпусе русского языка НКРЯ подобная проблема отсутствует, так как русский относится к синтетическому языку, где изменение формы слова происходит внутри самого слова [8, с. 134], поэтому стык морфем невозможно наблюдать между отдельными словами. Кроме того, прототипически выражение условия осуществляется посредством союзов, которые относятся к служебным частям речи. Служебные части речи не имеют значения, но вносят дополнительные оттенки в значения слов и выражают грамматические отношения [9, с. 544]. Следовательно, союзы не имеют форму слова, что делает излишним приведение соответствующих примеров для русского языка в данном разделе.

Проблема 2. Многозначность слов

Если предыдущая проблема имела большую связь с синтаксической структурой предложения, то данная проблема касается скорее семантической составляющей. Как было сказано ранее, многозначность в большей степени характерна для односложных слов. Рассмотрим пример (3) с тем же словом 若 ruò в корпусе CCL:

(3) 王莹若有所思, 打断大家的话题。Wáng Yíng **ruò** yǒu suǒ sī, dǎ duàn dà jiā de huà tí. — Ван Ин будто призадумался и сбил всех с толку. [CCL]

В этом предложении 若 *ruò* не имеет ни значение союза, ни значение местоимения в составе двусложного слова (см. пример (1)). В данном случае лексема выступает в качестве наречия со значением «как», которое в китайском языке является более распространённым, чем «если». Факт того, что в данном случае слово имеет значение «как, будто», подтверждается последующим глоссированием:

王莹	若有所思,	打断	大家	的	话题。
Wáng Yíng	<i>ruò.yǒu.suǒ.sī,</i>	dǎ duàn	dàjiā	de	huàtí.
ВАН ИН	БУДТО.ИМЕТЬ.PASS.ДУМАТЬ	ПЕРЕБИВАТЬ	ВСЕ	АТР	ТЕМА

Ван Ин будто призадумался и сбил всех с толку.

Значение «если» в данном контексте не подходит: *Если Ван Ин призадумался, то он сбил всех с толку.

Подобное явление можно наблюдать и у двусложных союзов, например, у условного союза 果然 *guǒrán* (если, действительно). Данное слово имеет значение не только союза, но и знаменательной части речи, как в примере (4):

(4) 果然, 检查团离开时, 每人只得到一包牙签。**Guǒrán**, jiǎnchá tuán líkāi shí, měi rén zhǐ dédào yì bāo yáqiān. — Естественно, после отъезда инспекции каждый получил только по пакету зубочисток. [CCL]

В этом предложении 果然 *guǒrán* является наречием со значением «естественно, действительно», а не союзом, так как данное слово обособляется запятой и относится к конструкции 时 *shí* (когда). Следовательно, глоссирование предложения должно выглядеть следующим образом:

果然,	检查团	离开	时,	每	人
Guǒrán ,	jiǎnchá tuán	líkāi	shí,	měi	rén
ЕСТЕСТВЕННО	ИНСПЕКЦИЯ	ПОКИДАТЬ	КОГДА	КАЖДЫЙ	ЧЕЛОВЕК
只	得到	一	包	牙签。	
zhǐ	dédào	yì	bāo	yáqiān.	
ТОЛЬКО	ПОЛУЧАТЬ	ОДИН	CLF	ЗУБОЧИСТКА	

Естественно, после отъезда инспекции каждый получил только по пакету зубочисток. [CCL]

При переводе данного слова как «если, действительно» предложение будет неверным с точки зрения грамматики: *Естественно, после отъезда инспекции каждый получил только по пакету зубочисток.

Для решения проблемы многозначности при рассмотрении условных конструкций необходимо посмотреть на общую структуру условного предложения и отобрать основные конструктивные компоненты. Одним из таких компонентов является коррелят, то есть слово, уточняющее общее значение условия в предложении [10, с. 125]. Ранее приводился пример со словом 果然 *guǒrán*, который в предложении (4) имел значение «естественно, действительно» вместо предполагаемого «если, действительно». Для получения же значения союза в предложении можно поставить на расстоянии от слова коррелят 就 *jiù* (то). В корпусе ВСС это можно сделать с помощью фильтра *, а в CCL — с помощью фильтра \$[расстояние между словом слева и словом справа]. В таком случае частотность примеров с союзным употреблением слова 果然 *guǒrán* останется невысокой, однако вероятность нахождения релевантного примера повысится. В результате поиск должен выглядеть следующим образом:

ВСС: 果然*就

ССЛ: 果然\$5就/果然\$10就

В русском языке ситуация с многозначностью представляется менее сложной. Во-первых, большинство условных союзов русского языка имеют только союзное значение, что позволяет осуществить их поиск в конкордансе (списке примеров в корпусе) без необходимости дополнительных уточнений. Во-вторых, корпус НКРЯ, в отличие от китайского, предоставляет расширенные возможности выбора по грамматическим параметрам, включая принадлежность к части речи или форму слова. Рассмотреть данное различие можно на примере русского слова «стоять». При постановке данного глагола в безличной форме появляется указание на условно-временные или условно-следственные отношения [\[11, с. 347-409\]](#). Для получения безличной формы глагола можно поставить глагол «стоять» в третьем лице и последующее местоимение в форме дательного падежа. В конечном итоге нерелевантные примеры остаются, но их число единично. Проследить разницу между словами можно на примере предложений (5) и (6):

(5) **Стоит** вам повернуться к нему своей тыльной стороной, как тотчас же получите вероломный удар мощными рогами. [НКРЯ]

(6) Ураган Бык сразу прикинул, что со слонёнком не **стоит** связываться — лишняя трата сил и времени. [НКРЯ]

В примере (5) слово «стоять» передаёт условие, а в (6) — указывает на требование для осуществления действия.

Проблема 3. Неудобство в выборе временного интервала

При проверке встречаемости слов следует обращать внимание не только на количество примеров и их релевантность, но и на временной интервал употребления. Это связано с тем, что языковая норма подвержена изменениям, что влияет на частотность употребления слова.

Проблема временного интервала относится исключительно к корпусу ВСС. В данном корпусе представлен раздел 历时检索 lìshí jiǎnsuǒ (исторический поиск) с графиком употребления слова или фразы в разные периоды времени, однако представленный функционал охватывает не все текстовые жанры.

Определить временной интервал употребления можно посредством выбора текста определённого жанра в разделе 自定义 zì dìngyì (задать самостоятельно). Наиболее удобным является поиск газетных текстов с годами издания публикаций. Менее удобным является поиск текстов из литературы, так как при поиске даются лишь названия произведений, поэтому год издания произведения и годы жизни автора необходимо проверять вручную с помощью интернет-ресурсов и иных источников (например, газет, журналов или мемуаров). В качестве примера можно привести таких писателей, как Лю Чжэньюнь (кит. 刘震云 Liú Zhènyún) и Лу Синь (кит. 鲁迅 Lǔ Xùn). Первый начал литературную деятельность только в 1982 году [\[12\]](#), а последний — скончался уже в 1936 году [\[13, с. 55\]](#). Языковая норма в 1982 году была намного ближе к современному китайскому языку, чем норма в 1936 году, поэтому при поиске примеров наибольшее предпочтение необходимо отдавать произведениям Лю Чжэньюня.

В корпусе ССЛ подобной проблемы не наблюдается благодаря возможности выбора

сферы употребления (范围 fànwéi) и временного интервала употребления (时间 shíjiān) при изначальном поиске. При просмотре результата поиска выдаётся упорядоченный конкорданс (список примеров) в хронологической последовательности. Таким образом, если пользователь желает осуществить проверку частотности какого-либо слова или выражения, рекомендуется воспользоваться корпусом CCL.

Удобство поиска временного интервала обеспечивается и в корпусе НКРЯ. Перед поиском слова или коллокации необходимо задать подкорпус для выбора года создания текста в разделе «Основные параметры». Дополнительно есть возможность выбора текстов в новой или старой орфографии, что позволяет сократить конкорданс и, соответственно, уменьшить число нерелевантных примеров (в зависимости от того, какой период времени выбран для проверки).

Проблема 4. Неудобство в использовании фильтров

Как и в русском корпусе НКРЯ, китайские корпуса предоставляют не только базовый поиск по словам и словосочетаниям, но и возможность применения фильтров, позволяющих задавать параметры поиска. В китайском языке их применение особенно важно из-за риска появления стыка морфем или примера употребления слова в другом значении. Однако задать контекст через существующие фильтры значительно сложнее, особенно учитывая, что их избыточность часто приводит к отсутствию результатов при выдаче.

Одновременно проблема заключается в том, что разные фильтры используются в разных разделах корпуса. В корпусе ВСС подобной проблемы нет, однако корпус CCL разбит не по жанрам (как первый корпус), а по типу поиска. В нашем случае интерес представляют типы 普通查询 pǔtōng cháxún (простой поиск) и 模式查询 móshì cháxún (поиск по модели). В первом разделе можно задать интервал между иероглифами для получения определённой коллокации на выходе, а в последнем разделе предоставляется лишь возможность указания части речи, которая может появляться в предложении.

Рассмотреть проблему поиска можно на примере следующего предложения (7):

(7)

他	如果	要	到	新加坡	打球,
Tā	rúguǒ	yào	dào	Xīnjiāpō	dǎqiú,
ОН	ЕСЛИ	НАДО	ДОБРАТЬСЯ	СИНГАПУР	ИГРАТЬ
即	要	遵守		印尼羽协	的
jí	yào	zūnshǒu		Yìnní.yǔ.xié	de
ТО	НАДО	СЛЕДОВАТЬ	ИНДОНЕЗИЯ.БАДМИНТОН.АССОЦИАЦИЯ	ATR	
		有关	规定。		
		yǒuguān	guīdìng.		
		СООТВЕТСТВУЮЩИЙ	ПРАВИЛО		

Если он поедет играть (в бадминтон) в Сингапур, то ему необходимо будет следовать правилам Индонезийской ассоциации бадминтона. [CCL]

Данное условное предложение имеет две особенности. Во-первых, подлежащее 他 tā (он) здесь стоит перед союзом 如果 rúguǒ (если), а не после, как это обычно происходит в условных предложениях, а, во-вторых, в нём употребляется коррелят 即 jí (то). Гипотетически для проверки частотности употребления предложений с этими двумя особенностями необходимо поставить перед союзом 如果 rúguǒ (если) часть речи,

которая выступает в качестве подлежащего, а после союза задать интервал между компонентами и поставить коррелят 即 jí (то). Однако это невозможно, так как проверка употребления частей речи и коллокаций с интервалом употребления слов осуществляется в разных корпусах.

Данная проблема решается подбором конкретных слов для указания на контекст употребления. В таком случае контекст будет задан недостаточно полно, однако число релевантных примеров значительно повысится. В предложении (7) подлежащее 他 tā (он) является местоимением. В китайском языке, как и в большинстве языков мира, местоимений намного меньше, чем существительных, поэтому вместо указания части речи рекомендуется перечислить все существующие местоимения при изначальном поиске с использованием дизъюнкции: например, 他 tā, 她 tā, 我 wǒ или 你 nǐ — ОН, ОНА, Я или ТЫ (условное обозначение: []). Поиск выглядит так:

ВСС: [他 她 我 你]如果

В случае отсутствия результатов при выдаче в корпусе необходимо проверить каждое местоимение по отдельности в сочетании с союзом 如果 rúguǒ (если).

Однако в корпусе ВСС такой проблемы не возникает, так как в нём нет деления на типы поиска.

То же самое относится и к НКРЯ. Рассмотрим следующее предложение:

(8) **Они, если** хоть чуточку и слушались его, **так** только потому, что тот помогал им быстрее удирать. [НКРЯ]

Предложение (8) фактически построено по тому же принципу, что и предложение (7). Здесь употребляются подлежащее «они» перед союзом «если» и коррелят «так». Для получения предложений со схожими особенностями необходимо поставить часть речи, которая выступает в качестве подлежащего (в данном случае существительное или местоимение), а после союза задать расстояние между компонентами и поставить коррелят «так». Данная операция осуществима в основном корпусе в лексико-грамматическом поиске, и никаких дополнительных компонентов для проверки не требуется.

Заключение

Использование китайских корпусов требует большой осторожности, и примеры в нём требуют дополнительной перепроверки ввиду ограниченного функционала и специфики морфологического строя китайского языка по сравнению с корпусом НКРЯ. Данная статья может быть полезна не только для синологов, но и специалистов в области корпусной лингвистики.

Список сокращений

CLF — счётное слово

PASS — показатель пассивного залога

ATR — атрибутивная частица

RES — указание на результат совершения действия

Библиография

1. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебно-методическое пособие. СПб.: 2005. 48 с.
2. Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 31.07.2025).
3. BCC hanyu yuliaoku [Корпус китайского языка BCC]: [Электронный ресурс]. Beijing yuyan daxue yuyan zhineng yanjiuyuan, 2012. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (дата обращения: 31.07.2025).
4. Beijing daxue CCL yuliaoku [Корпус Пекинского университета CCL]: [Электронный ресурс]. Zhongguo yuyanxue yanjiu zhongxin, 2024. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (дата обращения: 31.07.2025).
5. Типология условных конструкций / под. ред. В.С. Храковского. СПб.: Рос. акад. Наук; Ин-т лингвистических исследований; Наука, 1998. 583 с.
6. Фёдорова Л.Л. История и теория письма. М.: Флинта, 2020. 561 с.
7. Xinhua zidian [Словарь Синьхуа] / Ed. by Wei Jiangong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2020. 703 p.
8. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 400 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык: (граммат. учение о слове): учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
10. Podlesskaya V.I. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21, № 2. P. 125-155.
11. Современный русский язык / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 515 с.
12. Xinminwang [Новостной сайт Синьминьван]: [Электронный ресурс]. URL: <https://paper.xinmin.cn/html/xmzk/2022-06-20/78/28215.html> (дата обращения: 31.07.2025).
13. Xiao Hong. Huiyi Luxun xiansheng [Вспоминая господина Лу Синя]. Shanghai: Shenghuo shudian, 1949. 110 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются основные трудности корпусного исследования условных конструкций на материале китайского и русского языков. Актуальность работы определяется тем, что новые информационные технологии в последние десятилетия предоставили возможность изучать язык и его явления не только по традиционным источникам (словарям, художественным произведениям, медиатекстам и пр.), но и с помощью лингвистических корпусов. Например, Национальный корпус русского языка — это представительная коллекция текстов на русском языке общим объемом более 2 млрд. слов, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска. Однако, как верно отмечено в статье, существуют проблемы, препятствующие слаженному проведению лингвистического исследования. Так, «результаты поиска не всегда соответствуют желанию пользователей, в связи с чем, кроме выделения числа вхождений, следует дополнительно проводить модерацию примеров на предмет выявления той или иной семантики».

Теоретической основой исследования выступили работы по корпусной лингвистике и условным конструкциям в языках. Библиография статьи насчитывает 13 источников, в т. ч. электронные ресурсы, соответствует специфике рассматриваемого предмета и находит отражение на страницах рукописи. В дальнейшем рекомендуем автору(ам) в большей

мере использовать собственно научные работы (статьи из научных журналов и монографии). Также в списке использованных источников нет ни одного актуального (изданного в последние 3 года), что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение и обобщение материала; сравнительно-сопоставительный метод при определении сходств и различий между Корпусом Пекинского университета языка и культуры (ВСС), Корпусом современного китайского языка Центра китайской лингвистики при Пекинском университете (CCL) и Национальным корпусом русского языка (НКРЯ); элементы корпусной лингвистики; метод интерпретации полученных результатов.

В ходе исследования выделены четыре проблемы, возникающие при проведении корпусного анализа условных конструкций китайского языка (стык морфем, многозначность слов, неудобство в выборе временного интервала, неудобство в использовании фильтров), дано подробное описание данных проблем и проведено сравнение принципов работы лингвистических баз данных корпусов ВСС, CCL и НКРЯ для выявления специфических сложностей работы с корпусами китайского языка в сопоставлении с корпусами русского языка. Отмечено, что в Национальном корпусе русского языка отсутствует проблема стыка морфем, так как русский относится к синтетическому языку; ситуация с многозначностью также представляется менее сложной. Делается обоснованный вывод о том, что «использование китайских корпусов требует большой осторожности, и примеры в нём требуют дополнительной перепроверки ввиду ограниченного функционала и специфики морфологического строя китайского языка по сравнению с корпусом НКРЯ».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие корпусной лингвистики, в изучение возможностей и проблем, возникающих в процессе корпусных исследований. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, в курсах по корпусной лингвистике и обработке текстов и пр.

Стиль работы тяготеет к научному типу (не вполне понятно, что автор(ы) понимают под выражением «профессиональные отечественные лингвисты»), содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бахматова А.Д. Иероглифические преобразования в контексте упрощения письменности Китая и Японии: сравнительный анализ на базе японского иероглифического минимума // Litera. 2025. № 8. С. 20-43. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75366 EDN: IPVFTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75366

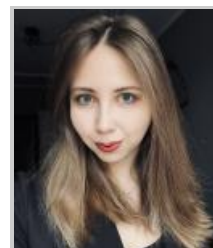
Иероглифические преобразования в контексте упрощения письменности Китая и Японии: сравнительный анализ на базе японского иероглифического минимума

Бахматова Анна Дмитриевна

аспирант; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
китаист-лингвист, переводчик с китайского и английского языков

117152, Россия, г. Москва, Донской р-н, Севастопольский пр-кт, д. 3 к. 5, кв. 7

✉ annabakhmatova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75366

EDN:

IPVFTG

Дата направления статьи в редакцию:

27-07-2025

Дата публикации:

03-08-2025

Аннотация: Статья представляет собой сравнение иероглифов (кандзи) из японского иероглифического минимума 常用漢字表 jōyō kanjihyō «Перечень общеупотребительных иероглифов» от 2010 г., которые претерпели изменения в ходе реформы упрощения письменности, и упрощенных иероглифов современного китайского языка (путунхуа). Предметом исследования являются упрощенные формы иероглифов, которые анализируются по сходству или различию начертаний в китайском и японском языках на современном этапе их развития. Путём выделения общих и различных графем автор приводит собственную классификацию знаков, сгруппированных по общему принципу упрощения в сравнении с аналогичными знаками китайского языка. Особенностью анализа является выделение категорий кандзи в связке с их аналогами в китайском

языке, а не в отрыве от него. В рамках исследования проведён компаративный анализ иероглифов японского и китайского языков. Кандзи японского иероглифического минимума сопоставляются с теми же самыми иероглифами китайского языка, и на основании их сходств или различий было сформировано 7 категорий знаков, каждая из которых отображает особенности упрощения кандзи и соотношение с китайским иероглифом. Проведённый сравнительный анализ показал, что примерно 4% упрощённых китайских иероглифов совпадают с японскими аналогами, что указывает на ограниченное, но заметное влияние японской графической реформы на китайскую. В японском иероглифическом минимуме из 2136 знаков упрощены 360, и лишь 90 из них совпадают с китайскими формами, составляя 4,21%. Большинство японских упрощений отличаются от китайских или вовсе были разработаны самостоятельно. В Китае упрощение было масштабнее: оно затронуло даже ключевые элементы, тогда как в Японии ключи сохраняли традиционный вид. Несмотря на потерю части графем, оба языка сохранили семантическую узнаваемость знаков. Подобный компаративный анализ проводится впервые в российской синологии и японистике и является инновационным по способам классификации и сравнения иероглифов японского и китайского языков в связке друг с другом.

Ключевые слова:

Иероглиф, Кандзи, Графема, Фонетик, Упрощение письменности, Иероглифика, Иероглифический минимум, Реформы письменности, Традиционные иероглифы, Упрощенные иероглифы

Данная статья представляет собой подробный анализ знаков японского иероглифического минимума 常用漢字表 jōyō kanjihyō «Перечень общеупотребительных иероглифов» от 2010 г., которые претерпели изменения в ходе реформы упрощения письменности. Для исследования японский иероглифический минимум является источником для анализа принципов упрощения письменности в Японии и сравнения их с китайскими традиционными и упрощёнными знаками. В рамках анализа выделяется несколько категорий японских упрощённых знаков, сгруппированных по общему принципу упрощения, также они сравниваются со своими китайскими аналогами. Принципы и основания, по которым было произведено деление знаков на категории, описываются непосредственно перед самой категорией. Степень разработанности темы в российской синологии и японистике не является в значительной мере высоким, так как практически не существует работ, посвященных сравнению упрощённой графики в японском и китайском языках. Подход к анализу иероглифической письменности, методов её упрощения и классификации, реализованный в рамках данной статьи, является инновационным для российского китаеведения, поскольку принципы иероглифической классификации ранее не включали в себя сравнение с японскими упрощёнными начертаниями. Однако в западной лингвистике этот подход применялся ранее, например, в работе Роара Бёксета [\[1\]](#) представлена история реформирования иероглифической письменности в сравнении двух стран. Мы в рамках данного исследования ограничились анализом иероглифического минимума и в дополнении к методам, предлагаемым Роаром Бёксетом, выделили 7 новых категорий.

Перед категориями приводится список графем и элементов, которые претерпели изменения в ходе реформ письменности, а потому имеют разнописи или графические варианты. Далее вынесенные в такой список графемы сравниваются с китайскими

вариантами написания. Для отделения разнописей или графических вариантов от упрощенных японских знаков нами использовались такие материалы, как 现代汉语词典 Xiàndài hànyǔ cídiǎn («Словарь современного китайского языка») [2], работа отечественного китаиста В. Ф. Суханова «Упрощенные начертания и разнописи китайских иероглифов» [3] и 语言文字规范手册 («Справочник нормативного написания иероглифов») [4].

Целью анализа является выявление общих и отличных закономерностей упрощения иероглифики для Китая и Японии, а также выделение соответствий между традиционным вариантом написания графемы/элемента, японским упрощением и китайским упрощением. Практическая значимость анализа заключается в создании минимальной сопоставительной базы иероглифов китайского и японского языка, которые в разных стилях и языках записываются по-разному, но имеют одно и то же значение и, по сути, являются лишь графическими вариантами друг друга.

Перед началом анализа стоит разделить и уточнить понятия графемы и элемента. Графемы – это мельчайшие единицы, их китайское название 部件 bùjiàn (досл. «компоненты») [5]. Элемент – это совокупность графем: может упрощаться целиком, а может только одна графема внутри элемента (тогда можно говорить об упрощении графем, но это достаточно редкие случаи). В понятие графемы также входит понятие ключа (кит. назв. 部首 bùshǒu), которых, согласно стандартной классификации от 2009 г. 汉字部首表 hànzì bùshǒu biao, насчитывается 201 [6]. Ключи в случае сокращения в рамках упрощения знака в китайском языке сокращаются во всех иероглифах, содержащих их, а в японском языке ключи упрощаются далеко не всегда. Помимо иероглифов, сокращенных за счёт упрощений ключа, существуют и знаки, упрощенные индивидуальным образом, с добавлением новых элементов или с опущением графем (элементов) [1].

КАТЕГОРИЯ 1: Сокращенные японские и китайские иероглифы, способ упрощения которых отличается

Группы выделены по совпадению принципов упрощения одного конкретного элемента. Один и тот же графический элемент упрощается по-разному в китайском и японском, при этом в каждом из языков прослеживается определенная системность его упрощения. Иными словами, в этой группе представлено единое для одного языка, но различное для двух языков (японского и китайского) упрощение конкретного элемента.

Список упрощаемых графем и элементов в обоих языках:

尛 qiān «всё, полностью»、廣 guāng «широкий»、炊 kài составной элемент из двух графем «огонь»、睪 yì «следить»、藹 guān «аист»、厶 jīng «русло реки»、憲 yīn «уважать, любить»、從 cóng «следовать за»、襄 xiāng «помогать»、發 fā «испускать»、賣 mài «продавать»、齊 qí «ровный»、裹 huái «содержать в себе»、亞 yà «уступать, быть хуже чем»、堯 yáo «выдающийся»、龍 lóng «дракон»、負 fù «нести»、兩 liang «пара».

- слева японский упрощенный вариант

- в скобках традиционный вариант

- справа китайский упрощенный вариант

1) Одинаковое упрощение элемента 尛 qiān «всё, полностью» в каждом из языков:

儉 (儉) 俭; 劍 (劍) 剑; 險 (險) 险; 檢 (檢) 检; 驗 (驗) 验

Следовательно, графема 僉:

- в японском языке в основном упрощается как 僉;
- в китайском языке в основном упрощается как 金

2) Одинаковое упрощение элемента 廣 guang «широкий» в каждом из языков:

広 (廣) 广; 擴 (擴) 扩; 鑛 (鑛) 矿. Следовательно, элемент 廣:

- в японском языке упрощается как 広;
- в китайском языке упрощается как 广.

В данном случае в упрощенном китайском варианте был упрощен не только рассматриваемый элемент, но и ключ 金 «металл» был заменен на 石 «камень», но в Китае 鑛 всё ещё считается разнописью 礦 (только в традиционном написании).

3.1.) Одинаковое упрощение элемента 炊 kài сверху в каждом из языков:

勞 (勞) 劳; 螢 (螢) 萤; 榮 (榮) 荣; 營 (營) 营

Следовательно элемент 炊 в верхней части знака:

- в японском языке чаще всего упрощается как усеченный вид ключа 爪 zhao «когти» (полная запись ключа: 爪)
- в китайском языке чаще всего упрощается как усеченный вид ключа 艹 cao «трава» (полная запись ключа: 艹)

3.2.) В некоторых случаях другие элементы также сокращаются до 爪 zhao «когти», но в японском и китайском упрощении этот процесс происходит одинаково и касается только элемента сверху. Упрощение всего знака в целом может идти по другой схеме:

學 – традиционный знак, 学 – упрощенный знак в Японии и Китае;

覺 – традиционный знак, 觉 – упрощенный знак в Японии, 觉 – упрощенный знак в Китае;

舉 – традиционный знак, 举 – упрощенный знак в Японии и Китае;

舉 – традиционный знак (в своей традиционной форме используется в Японии), 举 – упрощенный знак в Китае.

4) Одинаковое упрощение элемента 睪 yì «следить» в каждом из языков: 馱(驛)驿; 釋(釋)释; 挹(擇)择; 沢(澤)泽; 訳(譯)译

Следовательно, элемент 睪:

- В японском языке в основном упрощается как 尺;
- В китайском языке для упрощения элемента 睪 был выведен новый комбинированный элемент, состоящий из графем 又 и двух горизонтальных черт, пересеченных вертикальной чертой.

5) Одинаковое упрощение элемента 藿 guàn «аист» в каждом из языков

勸 (勸) 劝; 歡 (歡) 欢; 觀 (觀) 观; 權 (權) 权

Следовательно, элемент 𠂔:

- В японском языке упрощается как 𠂔;
- В китайском языке упрощается как 又

6) Одинаковое упрощение элемента, сочетающего 月yuè «луна» сверху и 寸cùn «вершок» снизу в каждом из языков

獎 (獎) 獎; 將 (將) 將

Следовательно, данный элемент:

- В японском языке упрощается как 𠂔. Меняется только верхняя часть, а нижняя (寸cùn «вершок») остаётся без изменений;
- В китайском языке упрощение претерпевает только 月yuè «луна», а 寸 либо полностью сохраняет свой вид (將), либо исключается из состава знака (獎).

7) Одинаковое упрощение элемента 𠂔 jīng «русло реки» в каждом из языков:

經 (經) 经; 輕 (輕) 轻; 徑 (徑) 径; 莖 (莖) 莖

Следовательно, элемент 𠂔:

- В японском языке упрощается как 𠂔;
- В китайском языке упрощается как составной элемент из графем 𠂔 и 𠂔.

8) Одинаковое упрощение элемента 𠂔 yín «уважать, любить» в каждом из языков:

穩 (穩) 稳; 隱 (隱) 隐

Следовательно, элемент 𠂔:

- В японском языке упрощается путём удаления элемента 𠂔, при этом общий внешний вид знака остаётся прежним
- В китайском языке элемент 𠂔 yín заменяется на знак 急 jí «срочный, быстрый», который сам по себе существует в китайском языке и может использоваться отдельно, не в составе других знаков (в отличие от японского варианта написания, который используется только для упрощения элемента 𠂔 в составе таких иероглифов, как иероглифов 穩 и 隱).

Китайское упрощение также можно толковать как дополнительное сокращение ключа «когти», поскольку 𠂔 zhao «когти» с откидной чертой сверху, в частности, сокращается до следующего сочетания черт: 𠂔.

9) Одинаковое упрощение элемента 從 cóng «следовать за» в каждом из языков:

從 (從) 从; 縱 (縱) 纵

Следовательно, элемент 從:

- В китайском языке упрощается как 从. Убирается ключ 𠂔 chī «шаг левой ногой» и элемент 止 zǐ. Таким образом остаётся только верхняя часть изначального традиционного знака.

- В японском языке упрощается как 従. Остаётся ключ традиционного написания, а нижняя часть 止 zhi не претерпевает изменений. Получается, что, по сути, сверху две графемы «человек» 人 превращаются в две точки.

10) Одинаковое упрощение элемента 襄 xiāng «помогать» в каждом из языков

嬢 (嬢) 娘; 讓 (讓) 让; 釀 (釀) 酿

В Китае 襄 xiāng как графема не упрощается, т. е. в списке упрощаемых графем в словарях отсутствует. Кроме того, сейчас 娘 (а не 嬢) используется и в стандартной традиционной графике на Тайване. Также существует пример, где элемент 襄 в китайском языке не упрощается никак, а в японском языке упрощается по вышеизложенной модели – 壤(壤)壤 [\[1\]](#).

Кроме того, написание 嬢 в китайском языке сейчас считается разнописью для одного значения слова 娘 niáng – «мать». В 现代汉语词典 Xiàndài hànyǔ cídiǎn («Словарь современного китайского языка») [\[2\]](#) данное значение указывается как: (口) 母亲, т. е. (устн.) в зн. «мать»

Следовательно, элемент 襄:

- в японском языке – унифицированный фонетик, получивший форму 襄;
- в китайском языке как графема вообще не упрощался или заменялся на элемент 良 liáng, но 讓 (让) ràng является исключением: там рассматриваемый в данном пункте элемент 襄 xiāng был заменен на фонетик 上 из-за распространенности его чтения shàng. Таким образом, замена 襄 xiāng на 上 shàng в данном случае облегчила запоминание фонетической части иероглифа, поскольку 让 ràng и 上 shàng в значительной степени похожи.

11) Одинаковое упрощение элемента 發 fā «испускать» в каждом из языков:

廢(廢)度; 發(發)发

Следовательно, элемент и сам знак 發:

- в японском языке упрощается как 発 с сохранением верхней части;
- в китайском языке упрощается как 发, будучи целиком заменённым знаком.

В этом пункте также рассмотрим модель упрощения знака 髮 fà «волосы»:

髮(髮)发

- в китайском языке такое упрощение было предложено по принципу замены знака на его омофон для упрощения запоминания, так как и 髮 fà «волосы», и 发 fā «испускать» читаются схожим образом. По сути, в иероглифе 髮 fà был ликвидирован ключ, и написание стало идентичным 发 fā.
- в японском языке упрощение было осуществлено лишь за счёт исключения точки

По внешнему виду иероглифов 髮 fà и 发 fā, можно сделать вывод о том, что китайская упрощенная графика современного знака 发 fā (и в значении «волосы», и в значении «испускать») происходит из полного написания знака 髮 fà «волосы», поскольку нижняя часть знака 髮 fà практически полностью соответствует упрощенному написанию. При этом упрощенное написание 发 fā было применено для обоих упрощаемых иероглифов (и 發 fā

«испускать», и 髮 fà «волосы»).

12) Одинаковое упрощение элемента 賣 mài «продавать» в каждом из языков:

売(賣) 売; 続(續) 続; 読(讀) 読

Следовательно, элемент 賣:

- В японском языке упрощается как 売
- В китайском языке упрощается как 卖

13) Одинаковое упрощение элемента 齊 qí «ровный» в каждом из языков

濟(濟) 济; 劑(劑) 剂; 齊(齊) 齐

Следовательно 齊:

- в японском языке упрощается как 齊;
- в китайском языке упрощается как 齐

14) Одинаковое упрощение элемента 褻 huái «содержать в себе» в каждом из языков:

壞(壞) 坏; 懷(懷) 怀

Следовательно, 褻:

- В китайском языке полностью заменяется на графему 不 bù «не», которая является самостоятельным знаком и имеет значение отрицания;
- В японском языке преобразовано в новый элемент за счет опущения точек над нижней графемой. Рассматриваемый элемент 褻 используется отдельно и является независимым.

15) Одинаковое упрощение элемента 亞 yà «уступать, быть хуже чем» в каждом из языков:

亜(亞) 亚; 惡(惡) 恶

Следовательно, элемент и сам знак 亞:

- В китайском языке упрощается как 亚;
- В японском языке упрощается как 亜.

16) Одинаковое упрощение элемента 堯 yáo «выдающийся» в каждом из языков:

曉(曉) 晓; 燒(燒) 烧

Следовательно, элемент 堯:

- В китайском языке упрощается как 尧;
- В японском языке упрощается как 堯.

Получается, что в рассматриваемом случае происходит разная деформация тройного использования 土 (графема «земля»), и при упрощении в японском сохранён принцип троичности, так как в 堯 прослеживается тройное пересечение сверху.

17) Одинаковое упрощение элемента 龍 lóng «дракон» в каждом из языков:

竜 (龍) 龍; 瀧 (瀧) 滝

Следовательно, элемент и сам знак 龍:

- В китайском языке упрощается как 龙;
- В японском языке упрощается как 竜.

18) Одинаковое упрощение собирательного элемента из графем 山 «гора», 王 «князь, царь», 欠 «шаг» и горизонтальной черты.

徵 (徵); 懲 (懲) 懲

Следовательно, данный собирательный элемент:

- В китайском упрощается как 正 по принципу схожести с чтениями двух распространенных знаков (征 zhēng и 懲 zhēng);
- В японском упрощается за счёт исключения горизонтали между графемами 山 «гора» и 王 «князь, царь»

Однако знак 徵 в своём традиционном написании остаётся в китайском языке в специальном значении - муз. чжи (четвёртая ступень китайского пятиступенного лада).

19) В китайском языке упрощается только графема 負 fù «нести» (до 負), а в японском весь элемент заменяется на графему 頁 yè «страница».

瀨 (瀨) 瀬; 賴 (賴) 頼

Такой способ упрощения может быть связан с тем, что в Китае в принципе проходило упрощение ключей в иероглифах, а в Японии – нет [\[7\]](#). Поэтому для японского языка замена ключа на другой – это наиболее рациональный способ упрощения.

Иероглиф 負 отдельно не упрощается в Японии, поэтому в этом случае произошла замена 負 на 頁, так как 頁 имеет меньшее количество черт, и при этом внешне схож с 負. В Китае такая замена была бы излишней, так как было стандартное упрощение самой графемы (負), следовательно, её не нужно было заменять на другую.

20) Одинаковое упрощение элемента 兩 liang «пара» в каждом из языков:

滿 (滿) 満; 兩 (兩) 両

Следовательно, 兩:

- В японском языке упрощается как 両;
- В китайском языке упрощается как 两

21) Единый принцип упрощения для двух традиционных знаков 曆 lì «календарь» и 歷 lì «история» в каждом из языков:

曆 (曆) 历; 歷 (歷) 历

Следовательно, в знаках 曆 и 歷:

- В японском при упрощении две графемы 禾 hé «хлеб на корню» упрощаются до двух графем 木 mù «дерево», так как в японском языке эти знаки произносятся по-разному, а значит их упрощение не должно быть одинаковым.

- В китайском оба знака упрощаются одинаково (历). Это обусловлено тем, что оба знака читаются как lì, поэтому в упрощении присутствует часто употребляемый фонетик 力 lì «сила». Это способствует более простому запоминанию чтения знака, но значения каждого из знаков 曆 («календарь») и 歷 («история») в китайском языке теперь передаются в одном знаке, а не в двух разных.

Поскольку китайское упрощение двух разных знаков одинаково, этот пункт выбивается из общей концепции знаков, приведенных в этой категории. Однако модель упрощения знаков 曆 lì «календарь» и 歷 lì «история» прослеживается в каждом из языков. В случае японского языка внешние отличия двух знаков сохраняются, а в случае китайского языка – стираются, и внешняя форма двух знаков становится неотличимой [18].

Однако для иероглифов, приведенных ниже, не удалось выявить общих принципов упрощения, но все они относятся к категории японских иероглифов, способ упрощения которых не совпадают с китайским. Иными словами, все представленные ниже знаки были по-разному упрощены в Китае и Японии, но мы не можем выявить какие-либо закономерности их упрощения.

- справа дано китайское упрощение

- слева дано японское упрощение

- в центре в скобках – традиционный вариант написания

応 (應) 应; 価 (價) 价; 気 (氣) 气; 囲 (圍) 围; 戯 (戲) 戏; 織 (織) 纤; 覧 (覽) 览; 欄 (欄) 栏; 虜 (虜) 虏; 辺 (邊) 边; 遅 (遲) 迟; 豊 (豊) 丰; 獵 (獵) 猎; 桜 (櫻) 樱; 畳 (畳) 叠; 縄 (縄) 绳; 艶 (艶) 艳; 犠 (犠) 牺; 様 (様) 样; 霊 (靈) 灵; 齢 (齢) 龄; 穀 (穀) 谷; 涙 (涙) 泪; 殻 (殻) 壳; 実 (實) 实; 芸 (藝) 艺; 撃 (撃) 击; 児 (兒) 儿; 県 (縣) 县; 闘 (闘) 斗; 総 (總) 总; 麺 (麵) 面; 貳 (貳) 贰; 聴 (聽) 听; 並 (並) 并; 賓 (賓) 宾; 雑 (雜) 杂; 糸 (絲) 丝; 図 (圖) 图; 円 (圓) 圆; 塩 (鹽) 盐; 塚 (塚) 冢; 嚴 (嚴) 严

КАТЕГОРИЯ 2: Сокращенные японские и китайские иероглифы, упрощённые одинаково

Группы выделены по общему принципу упрощения конкретного общего элемента:

Список упрощаемых графем и элементов в обоих языках:

區 qū «область»、蜀 shu «царство Шу»、夾 jiā «зажимать»、遑 suí «следовать за»、會 huì «встречаться»、詹 zhān «взирать»、舛 pán «расщепленный бамбук»、參 cān «участвовать»、帶 dài «нести»、壽 shòu «долголетие»、縊 luán «смятение»、萬 wàn «десять тысяч»、婁 lóu «полый».

- слева дан упрощенный японский и китайский вариант (они одинаковые в двух языках)

- в скобках справа дан традиционный вариант

1) Элемент 區 qū «область» и в китайском, и в японском языке заменяется на 区:

欧 (歐); 殴 (毆); 枢 (樞); 驅 (驅)

2.1) Элемент 蜀 shu «царство Шу» и в китайском, и в японском языке заменяется на графему 虫 chóng «насекомое»: 触 (觸); 独 (獨)

2.2) Комбинация графем 水 shuǐ «вода» (арх. написание) и 蜀 shu «царство Шу» и в китайском, и в японском языке заменяется на элемент 禹: 囁 (囁); 属 (屬)

Таким образом, если элемент 蜀 shu встречается в иероглифе отдельно, то он заменяется при упрощении на графему 虫 chóng «насекомое», а если элемент 蜀 shu встречается в иероглифе вместе с графемой 水 shuǐ «вода», то при упрощении эта комбинация графем заменяется на элемент 禹 yǔ.

3) Две графемы 人 rén «человек» в элементе 夾 jiā «зажимать» и в китайском, и в японском языке заменяются на две точки, а сам элемент приобретает форму 夹: 峽 (峽); 挟 (挟); 狹 (狹); 来 (來).

4) 迨 suí «следовать за» и в китайском, и в японском языке заменяется на 迨: 随 (隨); 髓 (髓); 墮 (墮).

И в китайском, и в японском языке упрощение элемента 迨 suí «следовать за» происходит за счет снятия графемы 工 gōng «работа» из верхней части элемента 迨 suí. До упрощения данный знак потенциально может быть разделен на следующие составляющие: ключ 辵 chuò «быстро идти» и графемы 左 zuǒ «левый», 月 yuè «луна». При упрощении же в сознании носителей знак 迨 скорее делится всего на два элемента: ключ 辵 chuò «быстро идти» и 有 yǒu «иметь». Такое сокращение составляющих достигается путем удаления графемы 工 gōng «работа». Поскольку количество составляющих иероглифа уменьшается, знак становится гораздо более простым для запоминания.

5) 會 huì «встречаться» и в китайском, и в японском языке заменяется на 会: 会 (會); 绘 (繪)

6) 詹 zhān «взирать» и в китайском, и в японском языке заменяется на графему 旦 dàn «рассвет»: 担 (擔); 胆 (膽)

7) Графема 𠂇 rán «расщепленный бамбук», если находится слева, то и в китайском, и в японском языке заменяется на иную форму написания 丩: 状 (狀); 壮 (壯); 寝 (寢); 装 (裝); 莊 (莊)

В японском и китайском языке одинаково происходит упрощение рассматриваемого элемента в следующих двух случаях:

獎 (獎) 奖; 将 (將) 将

8) 參 cān «участвовать» и в китайском, и в японском языке заменяется на 参: 参 (參); 惨 (慘).

Таким образом, в обоих языках при упрощении в знаке/элементе 參 остаётся только одна из трёх графем 亼 sī «личный».

9) Четыре вертикали сверху сокращаются и в китайском, и в японском языке до трёх в знаке/элементе 帶 dài «нести»: 带 (帶); 滞 (滯).

10) Элемент 壽 shòu «долголетие» в составе других иероглифов и как отдельный элемент, и в китайском, и в японском языке сокращается до 寿, лишь сохраняя свой общий вид: 寿 (壽); 鑄 (鑄).

11) Верхняя часть последующих иероглифов (элемент 巛 luán «смятение») и в китайском, и в японском языке заменяется на элемент 亦 yì «тоже»: 𪚩 (𪚩); 𪚪 (變); 恋 (戀); 灣 (灣).

12) Элемент 萬 wàn «десять тысяч» сам по себе и в других знаках, и в китайском, и в японском языке сокращается до 万 wàn: 万 (萬); 勵 (勵).

13) Элемент 婁 lóu «полый» и в китайском, и в японском языке заменяется на 娄: 数 (數);

楼(樓).

14) Одинаковое сочетание разных элементов в левой части следующих знаков и в китайском, и в японском языке заменяется на графему 舌 shé «язык»: 乱(亂); 辞(辭).

Одинаковые несистемные упрощения в Японии и в Китае

Для следующих иероглифов общие принципы упрощения по конкретным элементам не найдены, но все они так или иначе относятся к категории: сокращенные японские и китайские иероглифы, способ упрощения которых совпадает в обоих языках. Причиной, по которой мы относим их к этой категории является тот факт, что и в китайском, и в японском языках следующие знаки были упрощены абсолютно одинаково. Мы не можем внутри них выделить более мелкие подгруппы, потому что среди них нет тех знаков, где упрощались бы определенные графемы (как это было в знаках выше).

Тем не менее мы можем разделить все знаки из этой группы по следующим принципам:

1) ликвидация графем

2) упрощение графемы

3) полная трансформация всего знака

- слева дан упрощенный японский и китайский вариант (они одинаковые в двух языках)

- в скобках справа дан традиционный вариант

Ликвидация графем

医(醫); 缶(罐); 声(聲); 蚕(蠶); 点(點); 虫(蟲); 条(條); 号(號); 余(餘).

Упрощение графемы

叙(敘); 潜(潛); 秘(祕); 褒(褒); 翻(翻); 免(免); 献(獻); 滨(濱); 窃(竊); 弥(彌); 断(斷); 盗(盜); 痴(癡); 昼(晝); 宝(寶); 誉(譽); 国(國); 炉(爐); 灯(燈); 党(黨); 称(稱).

Полная трансформация всего знака

写(寫); 台(臺); 体(體); 麦(麥); 岳(嶽); 画(畫); 双(雙); 与(與); 尽(盡); 旧(舊); 厅(廳); 当(當).

КАТЕГОРИЯ 3: Иероглифы, не упрощавшиеся в китайском языке

Среди иероглифов, которые не упрощались в Китае, можно также выделить определенные модели упрощения, которые применимы только к японской иероглифике. Группы выделены по единому способу иероглифического упрощения графем только в японском языке.

Список элементов и графем, упрощённых в Японии, но не упрощённых в Китае:

乘 chéng «колесница»、卒 zú «пеший воин»、臼 jiù «ступка»、曾 céng «в прошлом»、藏 cáng «прятать»、冪 xiān «бутон»、田 tián «поле»、弗 fú «не; отрицание»、匈 gài.

- слева японский упрощенный вариант

- в скобках – традиционный, он же современный китайский вариант, оставшийся без упрощения

1) Можно выделить японскую модель упрощения иероглифов с элементом 乘 chéng

«колесница»:

乘 (乘); 剩 (剩)

Следовательно, 乘:

- В японском языке упрощается как 乗;
- В китайском языке не упрощается вовсе.

2) То же самое происходит при упрощении элемента 卒 zú «пеший воин»

碎 (碎); 粹 (粹); 醉 (醉)

Следовательно, 卒:

- в японском языке упрощается как 卒;
- в китайском не упрощается вовсе

3.1.) В японском языке упрощение происходит только за счёт исключения точки:

器 (器); 臭 (臭); 突 (突); 拔 (拔); 淚 (淚); 戾 (戾); 髮 (髮)

В китайском языке знак 淚 «слеза» упрощается как 泪, и только после своего упрощения может причисляться к категории китайских знаков 会意 «совмещение понятий» по словарю иероглифов 说文解字 Shuō wén jiě zì / «Шовэнь цзецзы» (так как ключ в данном случае «вода», а графема справа – «глаз») [\[9\]](#).

3.2.) В японском языке также происходит графическая трансформация за счёт добавления точки (в основном в случаях, где присутствует графема 步 bù «шаг»)

涉 (涉); 步 (步); 頻 (頻)

4.1.) В японском языке графема 臼 jiù «ступка» с вертикалью по середине упрощается как 申 shēn «разогнуться», а в китайском языке этот элемент не упрощается:

搜 (搜); 挿 (挿); 瘦 (瘦)

4.2.) Как следует из примеров далее, графема 臼 jiù «ступка» не упрощается как 申, если внутри неё нет вертикали. В этом случае есть другой вариант упрощения (旧 jiù «старый»):

陷 (陷); 稻 (稻)

Следовательно,

- В японском языке упрощение графемы 臼jiù «ступка» зависит от наличия или отсутствия вертикали;
- В китайском языке элемент не упрощался ни в каком виде.

5) В иероглифах, содержащих элемент 曾céng «в прошлом» происходит упрощение верхней части (曾), то есть верхняя часть с двумя точками внутри заменяется на графему 田 tián «поле»

曾 (曾); 僧 (僧); 層 (層); 增 (增); 憎 (憎); 贈 (贈)

Однако, описанный выше случай с упрощением 會 до 会, доказывает, что описанная выше

модель не является универсальной. И если над элементом 曾 céng «в прошлом» есть элемент 亼 jí, то он упрощается как 会 [10].

6) В японском языке при упрощении из знака/элемента 藏 cáng «прятать» исключается левая часть 扌 rán «расщепленный бамбук» без вертикали:

藏 (藏)

藏 (藏)

- В японском языке из 藏 cáng «прятать» исключается левая часть 扌 rán без вертикали;
- В китайском языке элемент не упрощается вовсе.

7) В японском языке 匚 xiān «бутона» под элементом 口 упрощается до графемы 己 jǐ «сам»:

卷 (卷); 圈 (圈)

- В японском языке графема 匚 xiān «бутона», если находится под элементом 口, то упрощается до графемы 己 jǐ «сам»;
- В китайском языке между 匚 xiān «бутона» и 己 jǐ «сам» нет корреляции при упрощении.

8) В японском языке верхний элемент заменяется на 田 tián «поле», и к нему добавляется точка внизу. В этом случае также происходит графическая трансформация за счёт добавления точки, как и в примере, рассмотренном выше. (См. пункт 3.2. графическое преобразование с графемой 步 bù «шаг»)

卑 (卑); 碑 (碑)

- В японском языке верхний элемент заменяется на 田 tián «поле», и к нему добавляется точка внизу;
- В китайском языке в приведенных выше иероглифах нет графических трансформаций.

9) 弗 fú «не; отрицание» заменяется на 亼 sī «личный»:

扌 (扌); 仏 (佛)

Однако, выше был рассмотрен пример, в котором 廣 в японском языке упрощается как 広. Это значит, что если над 亼 есть 广, то он является упрощением от 廣, а если сверху над 亼 нет этого ключа, то он будет японским упрощением графемы 弗. При этом сама графема 弗 в японском языке не упрощается [11].

При этом, например, знак 沸, в котором присутствует графема 弗 fú «не; отрицание», не упрощается в японском языке. Следовательно, модель не универсальна.

10) В японском языке правый нижний элемент (勾 gài) графически трансформируется всегда одинаково (勾), в китайском не претерпевает изменений:

喝 (喝) 喝; 渴 (渴) 渴; 渴 (渴) 渴; 渴 (渴) 渴; 渴 (渴) 渴; 渴 (渴) 渴

- В японском языке элемент 勾 gài претерпевает графическую трансформацию до 勾. Фактически количество черт при графической трансформации не меняется. Внутри элемента графема 人 «человек» из двух черт заменяется на графему 匕 bǐ «черпак»,

состоящую также из двух черт.

- В китайском языке элемент 冂 gài не претерпевает изменений и упрощений.

КАТЕГОРИЯ 4: Японский принцип упрощения совпадает с китайским, но китайский упрощенный знак не совпадает с таким же японским (был дополнительно упрощён впоследствии)

Можно выделить следующую модель (слева направо):

Традиционный знак – японское упрощение – китайское упрощение

Упрощение претерпели ключи:

繪 - 絵 - 绘; 寬 - 寬 - 宽; 證 - 証 - 证; 鑄 - 鑄 - 铸; 鐵 - 鉄 - 铁

Упрощение претерпели не только ключи:

覺 - 覚 - 觉; 繼 - 繼 - 继

Происходит последовательное упрощение:

От традиционного знака к китайскому варианту упрощения в знаках становится всё меньше и меньше черт, а основные принципы схожи.

歸 - 帰 - 归; 龜 - 亀 - 龟; 對 - 对 - 对; 關 - 関 - 关; 齋 - 斎 - 斋; 變 - 変 - 变; 壓 - 压 - 压

В этом случае в Китае к японскому упрощению была добавлена точка, которая также была в графеме 犬, присутствующей в традиционном варианте написания 壓.

Подгруппы:

1) И в Японии, и в Китае элемент 𠂔 упрощается путём исключения большого количества черт:

棧 - 栈 - 栈; 殘 - 残 - 残; 淺 - 浅 - 浅; 踐 - 践 - 践; 錢 - 钱 - 钱 - в Китае дополнительно упрощен ключ 金 «металл»

Следовательно, элемент 𠂔;

- В японском языке упрощается как 𠂔, при этом сохраняется четыре горизонтали;
- В китайском языке упрощается как 𠂔, при этом сохраняется три горизонтали.

В целом принцип упрощения схож в обоих языках, поэтому мы относим эту модель упрощения к 4-й категории, а не к 1-й, поскольку в случае первой категории модель упрощения знака в одном языке должна значительно отличаться от модели упрощения того же знака в другом.

2) Сокращение графемы 東 jīan «карточка» до графемы 東 dōng «восток»:

練 - 练 - 练; 鍊 - 鍊 - 炼

В китайском упрощении также происходит смена ключа с «металла» 金 на «огонь» 火.

Следовательно, 東:

- В японском языке сокращается до частотной графемы 東 «восток» по принципу замещения двух точек на одну горизонталь. Аналогичное явление мы можем наблюдать

в японских упрощенных иероглифах, содержащих элемент 母. Подробнее см. пункт 3 в следующей категории.

- В китайском сама графема «восток» 東 была упрощена как 东.

3) Комбинация элементов 𠂇 и 囟 в традиционных иероглифах упрощается в китайском и японском по одной общей модели.

惱 – 惱 – 恼; 腦 – 腦 – 脑

Следовательно, и в китайском, и в японском 囟 упрощается до 囟, но 𠂇 в японском упрощается до 𠂇, а в китайском до 一.

КАТЕГОРИЯ 5: Модель упрощения просматривается только в японском языке, в китайском – графема либо не упрощалась, либо была упрощена по разным принципам в разных иероглифах.

Список рассматриваемых графем и элементов:

黑 hēi «чёрный», 母 mǔ «мать», 奚 xī «слуга», 黑 xiān «чёткий», 米 mǐ «рис», 𠂇 xuān составной элемент из графем «рот», 騷 sāo «тревога», 惠 huì «польза», 德 dé «мораль», 樂 lè «радость», 虎 hǔ «тигр».

- слева японское упрощение

- в скобках – традиционный вариант написания

- справа китайское упрощение

1) Одинаковое упрощение элемента под ключом «трава» в японском языке:

В китайском языке упрощение по принципу снятия горизонтали:

漢 (漢) 汉; 嘆 (嘆) 叹; 難 (難) 难

В китайском языке нет упрощения:

勤 (勤) 勤; 謹 (謹) 谨

Следовательно, два элемента:

- В китайском языке не имеют определенной модели упрощения. В некоторых случаях знак с данным элементом не упрощается, а в некоторых упрощается как графема 又 «ладонь»;

- В японском языке упрощается путём исключения первой верхней вертикали.

2) В японском языке все традиционные знаки, содержащие графему 黑 hēi в том или ином виде, упрощаются по одной и той же модели: 黑 (黑) 黒; 墨 (墨) 墨; 薰 (薰) 薫; 默 (默) 黙. Следовательно, 黑:

- В японском языке всегда упрощается как 黒;
- В китайском языке остаётся без изменений.

3) В японском упрощается графема 母 mǔ, а в китайском – нет.

В китайском языке нет упрощения

每 (每); 悔 (悔); 海 (海); 梅 (梅); 敏 (敏); 悔 (悔); 繁 (繁)

Следовательно, две точки внутри 母:

- в японском языке заменяются на две точки по вертикали;
- в китайском языке графема 母 не упрощается

Однако, сам знак 母, когда он не является графемой в составе другого иероглифа, не упрощается и в японском.

4) В японском упрощается элемент 奚 xī, а в китайском – остаётся без изменений.

В китайском языке нет упрощения: 溪 (溪) 溪

В китайском языке упрощение данного элемента происходит по своему принципу: 鷄 (鷄) 鸡

Следовательно, элемент 奚:

- В японском языке упрощается как 𠂇 сверху и 夫 снизу;
- В китайском языке либо остаётся без изменений, либо упрощается по другому принципу до графемы 又 «ладонь»

5) В японском на элемент 米 mǐ заменяются абсолютно разные иероглифические элементы. Однако при рассмотрении китайских упрощений тех же иероглифов не возникает сходство с японским принципом, и элементы, заменённые в японском на 米, в китайском языке упрощаются по-разному.

肅 (肅) 肅 齒 (齒) 齿

Стоит сравнить с упрощением 繼: и в данном случае, и в случае с упрощением 繼 элемент, повторяющийся 4 раза, остаётся в единичном виде при упрощении.

6) В китайском и японском элемент 𣎵 упрощается по одной и той же модели:

湿 (濕) 湿

顯 (顯) 显

Несмотря на то, что первый пример можно отнести ко второй категории, мы всё же считаем нужным отделить его, поскольку в этом случае в обоих языках просматривается схожая модель упрощения.

Следовательно, 𣎵 и в китайском, и в японском упрощается как 显. Если в первом примере из-за такого сокращения упрощённые иероглифы в китайском и японском получаются одинаковые, то во втором примере всё куда сложнее. В японском элемент 𣎵 был так же упрощён до 显, и из первоначального традиционного знака в упрощённый также перешёл и ключ 頁. В китайском языке же ключ знака 顯 был изъят, и сам элемент стал записываться как 显. Поскольку в японском языке не существует знака 𣎵 отдельно, то и его сокращённого варианта 显 также не существует.

7) В японском языке при тройном повторении одного и того же элемента нижние два заменяются на четыре точки:

洄 (洄) 涇 – две из трёх графем 止 zhǐ «остановиться» заменяются на четыре точки в

японском, а в китайском верхняя часть заменяется на 刃, и внизу остаётся только один элемент 止.

攝 (攝) 摄 – две из трёх 耳 ёг «ухо» заменяются на четыре точки в японском, а в китайском нижние два элемента упрощаются до 又 «ладонь».

畛 (畛) 畛 – две из трёх графем 田 tián «поле» заменяются на четыре точки в японском, а в китайском все три 田 упрощаются до 厶.

Следовательно, тройное повторение одного и того же элемента в японском языке в основном упрощается путём замещения нижней части четырьмя точками, а в китайском языке комбинация этих элементов не имеет общего принципа упрощения, поэтому упрощенные в Китае знаки, отличаются от японских.

8) Упрощение графемы 𠂔 xiān сверху

獸 (獸) 兽; 戰 (戰) 战; 禪 (禪) 禅; 彈 (彈) 弹; 單 (單) 单

Следовательно, графема 𠂔 xiān сверху:

- в японском языке упрощается как элемент «когти» (часто по модели 𠂔 ← 𠂔);
- в китайском языке не имеет единой модели упрощения, хотя часто три точки в ключе «когти» просто заменяются на две. Например, 战 zhàn «воевать» выбивается из модели, и упрощение идет не через две точки, а через замену графемы.

В китайском языке упрощение 战 zhàn «воевать» идёт по принципу фонетического сходства этого иероглифа и другого распространенного знака - 占 zhàn. Именно на эту графему заменяется левая часть (單) иероглифа 戰.

9) Упрощение элемента 騷 sāo «тревога»

騷 (騷) 骚

В Японии традиционный знак был упрощен путём исключения двух точек, а в Китае знак в скобках считается старым графическим вариантом. Новый графический вариант соответствует знаку справа. Он является упрощенным только из-за упрощения ключа «лошадь» (𠂔 ← 𠂔), а правый графический элемент числится в списке графических вариантов нового стиля в 现代汉语词典 Xiàndài hànyǔ cídiǎn («Словарь современного китайского языка») ^[2]. Старым вариантом является 蚤, в новом – отсутствует точка слева.

10) В японском языке зачастую при упрощении происходит исключение горизонтали и точки верхней части знака 惠 huì.

惠 (惠); 穗 (穗); 專 (專)

Однако это происходит не всегда. Например, если в составе знака под данным элементом присутствует 寸 cùn «вершок», то упрощение происходит по другой модели:

專 (專) 专; 轉 (轉) 转; 伝 (傳) 传

Следовательно, верхняя часть знака 惠 в японском языке далеко не всегда упрощается как верхняя часть знака 惠, а в китайском эта комбинация элементов вообще не имеет единой модели упрощения. Однако, в китайском языке комбинация элементов 專 будет упрощаться, как 专, а в японском – как 云, но совершенно необязательно, так как на

примере случая 專 (專) видно, что выведенная модель не применима. В китайском – всегда, в японском – кроме изолированного употребления – прослеживается первая модель, описанная выше трех последних примеров.

Кроме того, есть ещё один пример упрощения, опровергающий универсальность данной модели: 團 (團) 团.

В японском языке элемент внутри «ограды» 專 был упрощён не путём исключения вертикали и точки, как показано на примерах выше, а был полностью заменен на элемент 寸cùn «вершок», а в китайском 寸cùn «вершок» был трансформирован в 才cái «талант». Поэтому рассмотренная выше модель упрощения не является универсальной ни в японском языке, ни в китайском.

12) В японском языке упрощение в правой части знака 徳dé происходит за счёт исключения горизонтали, а в китайском упрощение либо не происходит, либо происходит по другому принципу: 德 (德) 德; 聽 (聽) 听.

13) В японском языке одинаковая форма упрощения 樂 lè как графемы и отдельного знака: 楽 (樂) 乐; 藥 (藥) 药.

- В японском языке 樂 lè и в первом, и во втором случае упрощается как 楽, во втором случае ключ «травы» сохраняется над упрощаемым элементом, а само упрощение идет по той же схеме, что и в первом случае.

- В китайском языке принципы упрощения 樂 и 藥 абсолютно разные. Происходит полное замещение знака с 藥 на 药 (ключ «травы» сохраняется, а нижний элемент 樂 заменяется на 约). При этом в первом случае 樂 заменяется на 乐, а не на 约 по принципу, описанному выше. Это, вероятно, связано с тем, что 约 в китайском языке уже имеет несколько значений. Поэтому чтобы не усложнять семантику знака 约, было рациональнее упростить его, введя новый знак 乐. Это означает, что в Китае зачастую прибегали к методу полной замены знака при упрощении, если такие способы, как ликвидация графемы и упрощение графемы могли привести к семантической перегруженности знака, упрощенная форма которого совпадала с уже существующими иероглифами.

14) Все знаки следующей подгруппы в своём традиционном виде включают в себя графему 虍 hū «тигр»:

処 (處) 处; 拠 (據) 据; 遞 (遞) 递

При этом знак 据 также присутствует в современном японском языке, но его значение и употребление отличается от 拠. В этом случае наблюдается разрозненность принципов упрощения. Нельзя выделить общий принцип упрощения для всех знаков, включающих в себя графему 虍 hū «тигр». Поэтому принципы упрощения каждого знака нужно рассматривать по отдельности в китайском и в японском языке [\[1\]](#).

В следующих трёх подпунктах идёт объяснение принципов упрощения знаков, содержащих графему 虍 hū «тигр» сверху:

処 (處) 处

- В случае японского упрощения – устраняется сам элемент 虍 hū «тигр», и остаётся только нижняя часть – 処 chù «место».

- В случае китайского упрощения происходит то же самое, но нижняя часть 処 chù

«место» традиционного иероглифа 處 упрощается вторично, правая графема 厶 заменяется на 卜.

拠 (據) 据

- В случае японского упрощения, как и в первом случае, устраняется сама графема 虎 hū «тигр», при этом графемы 豕 shǐ «свинья» и 虎 hū «тигр» были заменены на тот же самый элемент, который был использован в первом случае в японской системе упрощения (処 chù «место»). Однако в отличие от вышеописанной ситуации здесь сохраняется ключ 扌 shǒu «рука», что в итоге и отличает этот знак (拠). И именно этим он и отличается от предыдущего рассмотренного нами знака (処).

- В случае китайского упрощения происходит замена графем 豕 shǐ «свинья» и 虎 hū «тигр» на так же отдельно существующий знак 居 jū. Это можно объяснить тем, что чтение 居 jū практически совпадает с чтением 据 jù. Для более простого запоминания знака носителями китайского языка был выбран именно такой способ упрощения.

Следует заметить, что в японском языке принципы упрощения редко опираются на схожесть произношения заменяющей графемы и самого знака [12]. Эта проблема более актуальна для Китая, и понятие фонетика вводится в первую очередь для синологической языковой традиции.

遞 (遞) 递

- В японском упрощении, как и в китайском, сохраняется ключ 辵 chuò «быстро идти», а основная часть упрощается по-разному. В случае японского упрощения из традиционного варианта сохраняется часть 厂 chāng «навес», а элемент 虎 hū «тигр» упрощается до элемента 韦 wéi.

- В китайском упрощении основная часть была напрямую заменена на графему 弟 dì «младший брат» опять же по принципу, описанному нами выше. 弟 dì в этом случае введен для упрощения не только написания знака, но и для облегчения запоминания его чтения, так как рассматриваемый знак 遞 dì и его фонетик 弟 dì в китайском языке читаются одинаково.

КАТЕГОРИЯ 6: Использование китайских упрощенных знаков в современной стандартной традиционной графике на Тайване

- Приведенные здесь знаки уже встречались выше. В этой категории мы обобщаем их количество и сравниваем друг с другом.

- Тот упрощенный знак, который используется в современной стандартной традиционной графике в КНР выделен жирным шрифтом.

孃 (трад.)- 孃 (яп.упр.) - 娘 (кит. упр.)

竝 (трад.) - 並 (яп.упр.)- 并 (кит. упр.)

殼 (трад.) - 殼 (яп.упр.) - 壳 (кит. упр.)

祕 (трад.) - 秘 (яп.упр.)/ (кит. упр.)

褻 (трад.) - 褻 (яп.упр.)/ (кит. упр.)

翻 (трад.) - 翻 (яп.упр.)/ (кит. упр.)

免 (трад.) - 免 (яп.упр.) / (кит. упр.)

鬪 (трад.) – 鬪 (яп.упр.) – 鬥 (тайв. упр.)– 斗 (кит. упр.) [13]

Стоит пояснить понятия традиционной графики и стандартной традиционной графики. Под стандартной традиционной графикой мы подозреваем тот вариант написания иероглифа, который зафиксирован в 现代汉语词典 Xiàndài hànyǔ cídiǎn («Словарь современного китайского языка») [2], как основной традиционный вариант написания иероглифа. К тому же знаки этой категории используются на Тайване и в Гонконге как единственно верные варианты написания. Их написание закреплено такими нормативными документами, как 常用國字標準字體表 Chángyòng guó zì biāozhǔn zìtǐ biǎo («Таблица часто используемых китайских иероглифов стандартного написания») от 1979 г. на Тайване и 常用字字形表 Chángyòngzì zìxíng biǎo («Таблица форм часто используемых иероглифов») от 2008 г. в Гонконге. Традиционная графика – это гораздо более широкое понятие, которое включает в себя и стандартное традиционное написание и его разнописи, которые не были приняты в качестве нормативного написания [14]. Такие иероглифы в настоящее время не используются при создании текстов на китайском языке и лишь сохраняются в старых текстах, чаще всего написанных на вэньяне, где феномен замены традиционного знака на его разнопись был крайне распространен, так как стандарта традиционной графики во времена создания этих текстов ещё не было [15].

КАТЕГОРИЯ 7 Иероглифы, изобретенные в Японии (кокудзи), отсутствующие в китайском языке

Термином *кокудзи* в японистике принято называть иероглифы, созданные в Японии из элементов заимствованных китайских иероглифов [16]. Согласно японскому словарю 2014 г. 和製漢字の辞典 «Словарь иероглифов, созданных в Японии» (<http://ksbookshelf.com/nozomu-oohara/WaseikanjiJiten/>) на данный момент существует около 3300 *кокудзи*, имеющих словарную фиксацию на официальном уровне. Однако фактически в повседневной жизни используется лишь малая часть из них [17]. В анализируемом нами японском иероглифическом минимуме встречаются следующие *кокудзи*: 込 *komu* «толпиться», 搾 *shibo* «выдавливает», 働 *hataraku* «работать», 峠 *tōge* «горный перевал», 畑 *hata* «суходельное поле», 柁 *waku* «рама», 塀 *hei* «ограда», 匂 *nioi* «запах». *Кокудзи* в основном образованы с помощью смыслового сложения нескольких графем. Например, 働 *hataraku* «работать» состоит из ключа 亻 «человек» и графемы 動 «двигаться», а 峠 *tōge* «горный перевал» в ключе имеет смысловую часть 山 «гора», а в правой же части последовательно встречаются графемы 上 «верх» и 下 «низ».

Кроме перечисленных выше *кокудзи* также встречается и огромное количество других знаков, изобретенных в Японии, но все они редко употребляются в языке, поскольку означают названия каких-либо деревьев, растений или видов рыбы, которые встречаются относительно часто в Японии и отсутствуют в Китае. Например, 鰯 *iwashi* «дальневосточные сардины», 榎 *sugi* «японский кедр», 栃 *tochi* «японский конский каштан» и др. [18]

Вывод

Чтобы подвести итоги вышеизложенному материалу, приведём статистику форм китайских иероглифов, которые были упрощены по японскому образцу. Для подсчётов данных мы резюмировали количество упрощенных японских иероглифов из японского иероглифического минимума, которые совпадают по своей форме с китайскими

упрощенными иероглифами, а затем разделили общее количество китайских упрощённых знаков на количество тех японских иероглифов, упрощенная форма которых совпадала с китайскими аналогами этих знаков. Согласно нашим подсчетам: общее число упрощенных китайских иероглифов составляет 2326 (по данным таблицы 1964 г. 简化字总表 *jiǎnhuà zì zong biao* / «Общая таблица упрощенных иероглифов»), число упрощенных иероглифов японского иероглифического минимума, форма которых совпадает с упрощенным видом их аналогов в китайском языке – 90. Поэтому можно сделать вывод о том, что в китайском языке процент иероглифов, упрощенных по японскому образцу, составляет около 4%. Данная цифра может считаться основным результатом нашего исследования.

Это доказывает, что в Китае во времена создания упрощенных форм иероглифов применялись не только такие методы, как уподобление уже давно бытовавшим в народе упрощенным формам (т.е. 俗体 *súti*) или самостоятельное упрощение ключа или графемы, но активно происходило заимствование опыта соседней страны, которая в гораздо более далёкие от времени упрощения времена переняла иероглифическую письменность и адаптировала её [\[19\]](#). Кроме того, нельзя исключать также и тот факт, что бытовавшие в народе 俗体 *súti* были одинаковыми и в Китае, и в Японии.

Если произвести аналогичные расчёты с японским иероглифическим минимумом, то получится, что из 2136 иероглифов, которые на сегодняшний день используются в Японии, 90 знаков упрощены так же, как в Китае. Это в свою очередь составляет 4.21% от общего числа всех иероглифов, зафиксированных на официальном уровне в Японии. Остальные знаки либо сохранили свою традиционную форму, либо были упрощены не так, как в Китае, либо были напрямую изобретены в Японии. Эти результаты свидетельствуют о том, что в целом реформа упрощения в Японии значительно отличалась от той, что проходила в Китае.

Всего среди 2136 иероглифов японского иероглифического минимума 360 знаков подверглись упрощению, что составляет 16.35% от общего числа иероглифов японского языка. Это значит, что по большей части иероглифическая письменность в Японии сохранила свой традиционный вид (около 1770 иероглифов остались в традиционной форме написания за вычетом *кокудзи*), а те различия, которые возникли между китайскими и японскими упрощенными знаками составляют около 25% из расчёта, что всего упрощенных иероглифов в Японии – 360, а упрощенных идентично китайским написаниям – 90. Остальные 75% составляют знаки, подвергшиеся упрощению в Японии и отличающиеся от китайских (ровно 270 иероглифов). Следовательно, реформа упрощения письменности в Японии была далеко не столь масштабной, как в Китае.

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что в процессе сокращения иероглифических знаков в Японии упрощение в основном шло через сокращение элементов в графемах, ключи не подверглись упрощению и даже в упрощенных знаках сохранили свой традиционный вид. В Китае же многие ключи были приведены к сокращенному написанию и упрощались во всех иероглифах. В некоторых иероглифических знаках упрощение также происходило за счет исключения ключа. Это привело к тому, что фактически в иероглифах уничтожались смысловые элементы, по внешнему виду которых можно было вычленить семантическую составляющую того или иного иероглифа. Однако иероглифы не потеряли от этого свою способность изображать понятия. Тот или иной знак в сознании носителя сохранял свои семантические свойства несмотря на утерю смысловых указателей в своем составе [\[20\]](#). Это позволяет сделать вывод о том, что все иероглифические знаки изображают понятия. В ином случае

сокращение знаков было бы невозможным, поскольку они бы стали неузнаваемыми для носителей языков с иероглифической письменностью. Тем не менее и в Китае, и в Японии сокращенные написания знаков вошли в употребление и не привели к утере семантики знаков. Постепенная утрата изобразительных свойств иероглифов является общей тенденцией в развитии китайской письменности, и кампании по упрощению, прошедшие в XX веке в обоих странах, лишь подтверждают это умозаключение.

Библиография

1. Bökset R. Long Story of Short Forms. The Evolution of Simplified Chinese Characters. Stockholm: Universitetsservice US-AB, 2006. 220 p.
2. 现代汉语规范词典, 7版. 北京市: 商务印书馆, 2016. 1892页 / Словарь современного нормативного китайского языка, 7-ое изд. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2016. 1892 с.
3. Суханов В. Ф. Упрощенные начертания и разнописи китайских иероглифов. М.: Наука, 1980. 128 с.
4. 语言文字规范手册. 北京市: 语文出版社, 1991 / Нормативный справочник начертания иероглифов. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1991. 365 с.
5. Линь Бо. Словарь нормативного написания иероглифов. М.: Шанс, 2022. 607 с.
6. Гурулева Т. Л., Абдрахманова А. Р. Декомпозиционная структура китайского иероглифа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 31-39. DOI: 10.30853/phil20240005 EDN: FTERCV.
7. Mahiques Corrá M. Radicales y clasificadores chinos. Buenos Aires: Editores Asociados, 2022. 120 p.
8. Soriano Fanlo G. Estudio contrastivo del uso de partículas en chino y japonés estándar: una reevaluación de las "preposiciones" y "adverbios" en la lengua china. Barcelona: Universidad Autónoma de Barcelona, 2022. 102 p.
9. Handel Z. Does Xu Shen's Huiyi Category Reflect Historical Reality? An Argument for the Existence of Compound Graphs Lacking Phonophorics. New Horizons in the Study of Chinese: Dialectology, Grammar, and Philology. Seattle: University of Washington, 2016. Pp. 581-598.
10. 李乐毅. 简化字源. 北京市: 华语教学出版社, 1996. 474 页 / Ли Лэи. Источник упрощения иероглифов. Пекин: Хуаюй цзяосюэ чубаньшэ, 1996. 474 с.
11. Gray Hansen Limantoro Y., Yeyen Dwi Atma. History of Japanese Writing System; From Kanji Into Hiragana // International Journal of Multidisciplinary Sciences and Arts. 2024. Vol. 3 No. 4. Pp. 96-102.
12. 山田崇仁. 中国古文字のデジタルテキスト化に関する諸問題. 漢字學研究第一〇號別冊. 2023. 25-46 / Такахито Ямада. Различные проблемы, связанные с оцифровкой древнекитайских иероглифов // Исследования китайских иероглифов. 2023. Специальный выпуск № 10. С. 25-46.
13. Su H. Y., Chun C. C. Chineseness, Taiwaneseesness, and the traditional and simplified Chinese scripts // Tourism, identity, and linguistic commodification. Language & Communication. 2021. 77, pp. 35-45.
14. Молодых В. И. О вариантности и норме в китайской орфографии // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 238-244. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/238-244 EDN: HJFLJL.
15. Kornicki P. F. Languages, scripts, and Chinese texts in East Asia. Oxford: Oxford University Press, 2018. 393 p.
16. Кузьменко Н. Н. Дзюкдзикун, атэдзи и кокудзи в современном японском языке (проблема функционирования) // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 127-137. DOI: 10.24866/2542-1611/2023-2/127-137 EDN: VXWQXS.
17. 杨天霖. 汉字在日韩两国的传播与影响[J]. 现代语言学, 2023, 11(9): 4231-4235 / Ян Тяньлинь.

Распространение и влияние китайских иероглифов в Японии и Корее // Современное языкознание. 2023. 11(9). С. 4231-4235.

18. Bossard A. Ontological and quantitative analyses of the kokuji characters of the Japanese writing system // Journal of Chinese Writing Systems. 2022. Vol. 6(2). Pp. 137-145. DOI: 10.1177/25138502211050962 EDN: FOYRVV.

19. 裘锡圭. 文字学概要. 北京市: 商务印书馆, 1988 / Цю Сигуй. Краткое изложение общей теории письменности. Пекин: Шанью иньшугуань, 1988. 287 с.

20. Соколов А. Н. К вопросу об иероглифической письменности. Японский лингвистический сборник. М.: Восточной литературы, 1959. 199 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают иероглифические преобразования в контексте упрощения письменности Китая и Японии. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в российской синологии и японистике: «практически не существует работ, посвященных сравнению упрощенной графики в японском и китайском языках». Также отмечается, что «подход к анализу иероглифической письменности, методов её упрощения и классификации, реализованный в рамках данной статьи, является инновационным для российского китаеведения, поскольку принципы иероглифической классификации ранее не включали в себя сравнение с японскими упрощенными начертаниями».

Теоретической базой исследования обоснованно послужили работы российских и зарубежных ученых по проблемам современной иероглифики; упрощенному начертанию и разнописи иероглифов; по вариантности и норме в китайской орфографии и др. Библиография насчитывает 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (50% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью («выявление общих и отличных закономерностей упрощения иероглифики для Китая и Японии, а также выделение соответствий между традиционным вариантом написания графемы/элемента, японским упрощением и китайским упрощением») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; статистический и сравнительно-сопоставительный методы и др.

В ходе исследования проведен подробный анализ знаков японского иероглифического минимума «Перечень общеупотребительных иероглифов» (2010 г.); проанализированы принципы упрощения письменности в Японии и проведено их сравнение с китайскими традиционными и упрощенными знаками; выделено несколько категорий японских упрощенных знаков, сгруппированных по общему принципу упрощения. Сформулированы обоснованные выводы: «реформа упрощения письменности в Японии была далеко не столь масштабной, как в Китае», «в процессе сокращения иероглифических знаков в Японии упрощение в основном шло через сокращение

элементов в графемах, ключи не подверглись упрощению и даже в упрощенных знаках сохранили свой традиционный вид; в Китае же многие ключи были приведены к сокращенному написанию и упрощались во всех иероглифах», «и в Китае, и в Японии сокращенные написания знаков вошли в употребление и не привели утере семантики знаков» и др.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность. Они вносят определенный вклад в изучение иероглифической системы современных китайского и японского языков: создана минимальная сопоставительная база иероглифов китайского и японского языка, которые в разных стилях и языках записываются по-разному, но имеют одно и то же значение и, по сути, являются лишь графическими вариантами друг друга.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зубова Т.Б. Сравнительный анализ репрезентации России в медиадискурсе США и ЮАР // Litera. 2025. № 8. С. 44-56. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75385 EDN: NGJFPU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75385

Сравнительный анализ репрезентации России в медиадискурсе США и ЮАР

Зубова Таисия Борисовна

преподаватель; кафедра иностранных языков; Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

✉ taya505@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75385

EDN:

NGJFPU

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2025

Дата публикации:

10-08-2025

Аннотация: Данная статья посвящена сравнительному анализу репрезентации России в медиадискурсе Соединенных Штатов Америки (США) и Южно-Африканской Республики (ЮАР) учитывающему политические, экономические и культурные различия этих стран. Предметом исследования являются лингвопрагматические характеристики, используемые в медиатекстах США и ЮАР для репрезентации России. Цель исследования состоит в выявлении и сопоставлении лингвистических и дискурсивных особенностей репрезентации России в медиапространстве США и ЮАР, определяющие восприятие России в этих странах. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью СМИ в формировании общественного мнения и восприятия стран на мировой арене, особенно в контексте сложных геополитических отношений. В работе акцентируется внимание на анализе языковых средств оценочности, используемых для

формирования образа нашей страны. Методологическую основу исследования составляют контент-анализ, дискурс-анализ и сравнительный анализ. Материалом исследования послужили новостные статьи, аналитические материалы, опубликованные в ведущих СМИ США и ЮАР с 2022 г. по 2025 г. В рамках данного исследования оценочность анализируется на нескольких уровнях (лексическом, грамматическом и стилистическом), что позволяет выявить широкий спектр языковых средств, используемых для выражения положительного, отрицательного отношения к России. Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе оценочных стратегий формирования образа России в медиадискурсе Соединенных Штатов Америки и Южно-Африканской Республики. Результаты исследования позволят внести вклад в понимание механизмов формирования образа нашей страны в медиадискурсе и разработать практические рекомендации для улучшения коммуникационных стратегий и противодействия негативным стереотипам о России, применимые в сфере государственной политики, медиакоммуникаций и образования. Выводы исследования могут быть полезны для специалистов в области лингвистики, медиакоммуникаций, политологии и международных отношений, заинтересованных в формировании положительного и объективного медийного образа России.

Ключевые слова:

Метафоричность, оценочность, оценка, метафора, медиадискурс, лингвопрагматические характеристики, языковые средства, сравнительный анализ, Выражение оценки, образ страны

Введение:

В современном мире средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения и восприятия стран и народов. Образ государства, транслируемый через СМИ, оказывает значительное влияние на международные отношения, экономическое сотрудничество, культурный обмен и, в целом, на глобальную геополитическую обстановку. Репрезентация России, страны с богатой историей и сложным политическим курсом, в медиадискурсе различных государств является объектом пристального внимания исследователей и практиков в области медиакоммуникаций, политологии и международных отношений.

Актуальность изучения репрезентации России в зарубежных СМИ обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Россия является одним из ключевых игроков на мировой арене, оказывающим значительное влияние на политические и экономические процессы. Во-вторых, в последние годы наблюдается усиление информационной борьбы и манипулирования общественным мнением, в которой СМИ играют важную роль. В-третьих, понимание того, как формируется образ России в зарубежных СМИ, позволяет разрабатывать эффективные стратегии коммуникации и противодействовать негативным стереотипам. Особое внимание уделяется анализу оценочности. В лингвистике оценочность рассматривается как выражение субъективного отношения автора к описываемому объекту, опирающееся на определенные критерии оценки. Оценочность, выраженная через различные языковые средства, влияет на восприятие аудиторией информации о России, формируя ее отношение к стране. Как справедливо отмечает Т. Г. Добросклонская, «понятие оценки является одним из основополагающих для медиатекста» [\[1\]](#).

В данной статье проводится сравнительный анализ репрезентации России в медиадискурсе Соединенных Штатов Америки (США) и Южно-Африканской Республики (ЮАР). Выбор этих стран обусловлен их различным политическим, экономическим и культурным контекстом. США, являясь ведущей мировой державой, традиционно занимают критическую позицию по отношению к России. При этом, важно отметить, что даже в период напряженных отношений, отдельные политические деятели выражали свое мнение о России с определенной долей уважения. Например, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью Такеру Карлсону отмечал, что Дональд Трамп, несмотря на свою «дружелюбность» в личных беседах, не занимал пророссийскую позицию, о чем свидетельствовало количество введенных санкций. Лавров подчеркнул, что Москва будет судить о Трампе по его конкретным шагам, несмотря на возможное «тяжелое наследие», оставленное предыдущей администрацией [2]. ЮАР, напротив, демонстрирует более сбалансированный и часто позитивный подход к сотрудничеству с Россией, особенно в рамках БРИКС. Это подтверждается нейтральной позицией ЮАР в отношении конфликта на Украине, выражающейся, в частности, в воздержании при голосовании по резолюциям ООН, осуждающим действия России. Россия и ЮАР развивают взаимодействие в области энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения. Налаживается и военное сотрудничество, включая визиты военных делегаций и проведение совместных военно-морских учений. ЮАР является ключевым партнером России в сфере науки и образования на африканском континенте, участвуя в стратегическом научно-техническом партнерстве стран-участниц БРИКС [3].

Несмотря на растущий интерес к изучению репрезентации России в медиадискурсе [Кулигина, 2023; Зырянова, 2024; Поздеева, 2020], сравнительные исследования, анализирующие оценочные стратегии и их вариативность в медиа разных стран, по-прежнему, немногочисленны.

Целью данного исследования является выявление общих и специфических черт репрезентации России в медиадискурсе США и ЮАР, а также анализ языковых средств выражения оценочности, логических приёмов выражения оценки метафорических структур, влияющих на формирование представлений о России в средствах массовой информации двух стран.

В качестве **основных методов исследования** используются контент-анализ, дискурс-анализ и сравнительный анализ.

Объектом исследования являются языковые средства выражения оценочности, логические приемы формирования оценки и метафорические структуры, используемые для формирования образа России в медиадискурсе Соединенных Штатов Америки (США) и Южно-Африканской Республики (ЮАР). **Предметом исследования** выступают специфика функционирования лингвопрагматических характеристик образа России в медиадискурсе США и ЮАР и их роль в формировании образа России

Практическая значимость данного исследования позволят внести значительный вклад в понимание механизмов формирования образа страны в медиадискурсе и разработать практические рекомендации для улучшения коммуникационных стратегий и противодействия негативным стереотипам о России.

Теоретические основы исследования:

Любой медиатекст обладает коммуникативно-прагматическим потенциалом, то есть способностью оказывать необходимое прагматическое воздействие на определенного

адресата.

Как известно, прагматика – «это один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком» [\[7, с. 332\]](#).

Язык является и средством передачи информации, и способом манипулирования сознанием. Любой медиадискурс имеет социально-регулятивную природу, которая определена рядом его факторов и характеристик. Одним из факторов является прагматическая направленность, которая находит выражение в жесткой ориентации на определенный коммуникативный результат и на конкретную целевую аудиторию. Формирование общественного мнения с помощью медиатекстов дает не только отражение объективной реальности, но и изменение её. Прагматическое влияние медиадискурса на общественное мнение достигается способами речевого воздействия на аудиторию. По мнению О. И. Калинина, «медиадискурс сейчас также активно изучается как инструмент непосредственной реализации коммуникативных стратегий и тактик, связанных с информационно-психологическим противоборством, реализуемым на когнитивном уровне [\[8\]](#).

Основной показатель информационного общества – это социальная потребность людей в постоянном получении и обновлении социально значимой информации. В связи с этим прагматика медиадискурса предусматривает обязательный фактор удовлетворения информационных запросов общества, т.е. релевантность сообщения. Интерпретация информации происходит с учетом прагматического контекста медиатекста, что определяет обязательную реакцию в ответ. Адресат не только активно интерпретирует представленный вербальный и невербальный фрагмент, но и дает им оценку. Вполне закономерно согласиться с мнением Л. Н. Столович, что «оценка и ценность – два полюса оценочного отношения: объективный и субъективный, в котором оценка является одним из важнейших средств объективации и трансляции ценностей» [\[9\]](#).

Существует несколько определений понятия «оценка». Н.Д. Арутюнова утверждает, что «оценка – это результат сопоставления реальных свойств оцениваемого объекта с идеализированной моделью мира, соответствие которой связано с понятием хорошего, а несоответствие по какому-либо из присущих ей параметров – с понятием плохого» [\[10, с. 5\]](#). По мнению Т. В. Маркеловой, «оценка – это функционально-семантическая категория, реализуемая в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств: дидактических, эмотивных, когнитивных, что подчёркивает прагматический характер языковой природы оценки, функцией которой является цель высказывания, основное назначение которого – воздействие на поведение адресата в процессе коммуникации» [\[11, с. 11\]](#).

В широком смысле слова оценка с точки зрения лингвистики – это универсальная категория, которая определяет отношение автора к содержанию речевого сообщения, опирающееся на сравнение данного предмета с избранным эталоном.

В качестве средства выражения оценки выступает оценочность. По мнению В.А. Марьянчик, что «оценочность – это способность языковой или речевой единицы эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [\[12\]](#).

Следовательно, оценка – это категория, которая выражает отношение говорящего к

действиям и поведению других людей в социальной ситуации. Она может быть положительной или отрицательной и зависит от социальных норм и ценностей, которые принимаются в данном сообществе и выражается языковыми и невербальными средствами, такими как мимика, жесты, интонация. Оценочность – это свойство языковой единицы, которая выражает отношение говорящего к тому, о чем он говорит, а также как свойство дискурса. Необходимо подчеркнуть, что оценочность может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Для эксплицитной оценочности характерны эмоционально-оценочная лексика, устойчивые словосочетания, обладающие оценкой. Оценка может быть использована как установка для логических высказываний и собственных рассуждений, что, в свою очередь, также является мощным средством воздействия. Имплицитная оценочность передается с помощью «определенных средств речевого воздействия, воспринимаемых массовым адресатом на эмоциональном уровне» [13, с. 10], основанных на метафорических переносах, эвфемизмах, игре слов и др.

Оценочность может быть реализована на всех уровнях языковой системы: графическом, фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях, единицы которых вносят свой вклад в формирование общего аксиологического содержания текста. Интеграция средств разных уровней усиливает прагматическое воздействие дискурса, создавая когерентную и убедительную аксиологическую структуру.

Лексическая оценочность активно проявляется через коннотативные компоненты значения. Коннотация, как отмечает В.Н. Телия, «включает эмоционально-образные и ассоциативные мотивировки, которые усиливают воздействующий потенциал текста. Так, эмоциональная оценка выражается через слова с ярко выраженными коннотациями, создающими богатый семантический фон, тогда как рациональная оценка чаще ассоциируется с денотативными характеристиками, подчеркивающими объективные свойства объекта» [14, с. 127]. Как показало исследование Е.С. Баландиной, на грамматическом уровне «оценочность реализуется через широкий спектр грамматических средств», способствующих акцентуации субъективного отношения автора к описываемым объектам или явлениям [15, с. 11], а именно: категория наклонения глаголов, средства выражения грамматической модальности, синтаксические конструкции (риторические вопросы, конструкции с модальными глаголами, эмфатические конструкции), степени сравнения прилагательных и наречий. Согласно исследованию, проведенному Т. М. Закиевой и А.А. Рамазановой, «ключевую роль в формировании оценочного потенциала на стилистическом уровне играет стратегия стилистической конвергенции, представляющая собой взаимодействие нескольких стилистических приемов, объединенных общей целью – созданием определенного восприятия события или объекта, что позволяет не только расставлять эмоциональные доминанты, но и закладывать стереотипы восприятия, которые отражают идеологические установки автора, издания или государства» [16, с. 69].

Одним из ключевых средств является метафора. В последние десятилетия лингвисты проявляют повышенный интерес к метафоре, признавая ее важную роль в выражении оценочных суждений. [17]. Признание метафоры как важного компонента когнитивных процессов позволило пересмотреть её роль в языке и мышлении. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только, как стилистическая фигура или как средство образования новых значений слов, но и как основное средство концептуализации и категоризации. Метафора, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, представляет собой «основной механизм, через который осуществляется познание и осмысление мира» и, как утверждают исследователи, «наша концептуальная система в

значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [18]. Альтернативный подход к анализу и классификации оценки – логический, заключающийся в выделении логических приемов ее формирования, как это показано в исследовании А.А. Водяницкой [19]. С логической точки зрения, оценочные значения в дискурсе могут формироваться посредством различных механизмов: обращения к образцу, норме, стандарту, традиции, а также использования аналогий, интуиции, здравого смысла и других инструментов. Эти приемы обеспечивают аксиологическую основу оценки, позволяя субъективному отношению опираться на объективные критерии и культурные ориентиры.

Методика исследования:

Выбор категории оценочности для анализа репрезентации России в медиадискурсе обусловлен ее ключевой ролью в формировании общественного мнения и восприятия страны. Оценочные высказывания, выражающие субъективное отношение к событиям, личностям и явлениям, напрямую влияют на то, как аудитория воспринимает Россию и ее политику.

Материалом исследования послужили 100 новостных статей, опубликованных в ведущих СМИ США (50) ("CNN", "The Washington Post", "The New York Times", "The Washington Times", "NBC News", "Bloomberg"), общий объем - 54827 слов, и ЮАР (50) ("The Citizen", "AllAfrica", "Daily Sun", "The South African", "News24"), общий объем – 28823 слова в период с 2022 г. по 2025 г. Выборка медиатекстов формировалась на основе критериев релевантности теме, доступности и разнообразия источников.

Количественный подход выявления оценочности включает два последовательных этапа, каждый из которых направлен на глубокий и объективный анализ средств выражения оценки в тексте.

Первый этап включает выявление общей оценочности текста, направленное на определение совокупного оценочного потенциала

Второй этап предполагает использование количественных индексов, таких как плотность оценочности (Evaluativeness Density Index, EDI), интенсивность оценки (Evaluativeness Intensity Index, EII) и форма языковой оценки (Evaluativeness Language Form Index, ELFI).

Такой многоуровневый подход позволяет выявить как явные, так и скрытые формы оценочности, что особенно важно в контексте современной информационной борьбы, где часто используются манипулятивные техники для формирования определенного образа страны.

В начале исследования было выявление языковых средств выражения оценки методом сплошного текстологического анализа, направленного на фиксацию лексических, грамматических и стилистических средств выражения оценки, а также логических форм оценки. Проведенный подсчет лексических средств позволил выявить существенные различия в подходах к освещению событий и формированию образа России в медиа разных стран.

В частности, анализ американских СМИ выявляет отрицательный и односторонний подход к освещению событий и формированию образа России, что полностью соответствует официальной позиции администрации США. В отличие от более сбалансированного

подхода, характерного для южноафриканских медиа, американские средства массовой информации демонстрируют подавляющее преобладание негативно окрашенной лексики (552) над положительной (336). Такой значительный перевес отрицательных оценок четко отражает конфронтационный характер американской внешней политики в отношении России. Отрицательно окрашенная лексика, преобладающая в языке, поддается классификации по нескольким признакам: терминология прямой военной агрессии: "invasion" (вторжение) – 61, "attack" (атака) – 30; лексика экономического давления: "sanctions" (санкции) – 165, "isolation" (изоляция) – 15; демонизирующие характеристики и обвинения: "aggression" (агрессия) – 20. Анализ южноафриканских СМИ выявляет сбалансированный, но противоречивый подход к освещению конфликта и созданию образа нашей страны, что отражает сложную позицию страны между историческими связями с Россией и международным давлением. В отличие от индийского дискурса с перевесом позитивной лексики («+» - 380 и «-» - 301), южноафриканские медиа демонстрируют почти равное соотношение положительных (241) и отрицательных (238) оценок, что подчеркивает двойственность официальной позиции ЮАР. В южноафриканских СМИ можно отметить частное использование следующей положительно окрашенной лексики, а именно: "cooperation" (43) и "partnership" (22) акцентируют экономическое взаимодействие; "security" (35) и "solidarity" (9) отсылают к исторической поддержке России; "peace" (18) используется преимущественно в контексте многосторонних инициатив.

Следующим шагом был анализ грамматических средств выражения оценки. Из данного анализа следует отметить, что в новостях вышеперечисленных стран чаще всего используются категория наклонения глагола (ЮАР - 125, США - 276), средства выражения грамматической модальности (ЮАР - 165, США - 226).

В новостном сообщении информационного агентства ЮАР "Russia to 'seize' assets of Western companies that exit the country" в предложении "*Russia has announced that it **could** seize assets*" (Россия объявила, что может изъять активы) ^[20] модальный глагол **could** используется для выражения потенциальной возможности (не гарантии), что Россия оставляет пространство для определенного шага, а также применяется для выражения условного характера действия и сдержанной угрозы, тем самым создается эффект «предупреждения» для других компаний. А в предложении "*Russia **must** act decisively*" (Россия должна действовать решительно) модальный глагол **must** передаёт объективную необходимость (для защиты местных поставщиков) и моральный долг государства (представление действий как вынужденных). В новости из СМИ США "If Russia were to cut off the approximately 40 billion cubic meters of gas that flows through Ukraine, it would be a challenge to make up the shortfall through liquefied natural gas shipments or other energy sources" (Если бы Россия полностью прекратила поставки примерно 40 миллиардов кубометров газа, которые идут через Украину, восполнить этот дефицит за счет сжиженного природного газа или других источников энергии было бы сложно) ^[21] использование условного наклонения "*If Russia were to cut off*" (если бы Россия прекратила) вместо более нейтральных формулировок отражает стремление западных экспертов драматизировать ситуацию, изображая Россию как нестабильного партнера, хотя фактические данные по долгосрочным контрактам свидетельствуют об обратном. Таким образом, эти условные конструкции служат не объективному анализу, а формированию мнения о «российской угрозе», который оправдывает политику энергетического отдаления Европы от России и перекладывает ответственность за возможные экономические трудности на российскую сторону, игнорируя истинные причины кризиса - санкционную политику самого Запада и его неготовность к равноправному диалогу.

В рамках анализа СМИ ЮАР и США, можно выделить различные **стилистические средства**, такие как метафоры, эпитеты, гиперболы, метонимии, анафоры, риторические вопросы и другие, которые создают определенный эмоциональный фон и влияют на восприятие информации. Анализ показал, что наиболее частотным стилистическим приемом является метафора (ЮАР - 771, США - 1567), широко используемая для формирования образов и создания оценочных суждений. Эпитеты (ЮАР - 95, США - 160) и анафоры (ЮАР - 44, США - 102) также встречаются достаточно часто, служа для усиления эмоционального воздействия и придания тексту большей выразительности. Использование гипербол (ЮАР - 133, США - 59) и сравнений (ЮАР - 98, США - 196), напротив, характеризуется средней частотой, что указывает на стремление к более умеренному и, в некоторых случаях, более сдержанному выражению оценки. Данные стилистические средства были также поделены на положительную и отрицательную оценки.

В предложении *"On the contrary, the economy is gaining momentum. **The industry works as efficiently as it has not worked for a long time**, agriculture is setting ever new records and construction is developing at a pace that was unseen in Soviet times," Putin said"* (Напротив, экономика набирает обороты. Промышленность работает так эффективно, как давно не работала, сельское хозяйство ставит все новые рекорды, а строительство развивается невиданными в советское время темпами", - сказал Путин) ^[22] **гипербола** ***The industry works as efficiently as it has not worked for a long time*** показывает сравнение с неопределённым прошлым («давно»), который создаёт абстрактный контраст, позволяя преувеличить текущие достижения без конкретных цифр. В данном случае фраза не только констатирует факт продолжительности войны, но и косвенно выражает авторскую оценку - критику первоначальных прогнозов и подчеркивание непредсказуемости развития событий.

С точки зрения **логики формирования оценочных значений** в дискурсе может происходить через ряд ключевых механизмов: апелляцию к образцу, норме и стандарту, традиции и интуиции, а также через использование оценочной аналогии и других средств. Эти процедуры обеспечивают аксиологическую основу оценки, позволяя субъективному отношению опираться на объективные критерии и культурные ориентиры.

В частности, в медиадискурсе ЮАР наблюдается наиболее частотное употребление апелляции к традиции (89) и апелляция к образцу (70), что указывает на стремление к обоснованию своей позиции через обращение к общепринятым ценностям и историческому опыту. Апелляция к традиции явно прослеживается в предложении *"We have made it clear that **Russia is a friend** and we have had cooperative partnerships for many years, including **partnerships as we combated the apartheid regime**"* (Мы ясно дали понять, что Россия - наш друг, и на протяжении многих лет у нас были партнерские отношения, в том числе в ходе борьбы с режимом апартеида) ^[23]. Она проявляется в отсылке к историческим связям ЮАР и России, особенно в контексте борьбы против апартеида. ЮАР опирается на традиционные связи с Россией, чтобы доказать свой нейтралитет.

В медиадискурсе США наблюдается явный перевес в использовании апелляции к норме и стандарту (89) и к аналогии (93). Это подчеркивает критический и конфронтационный подход к освещению событий, где акцент делается на несоответствии действий России принятым нормам, стандартам.

Апелляцию к норме и стандарту можно встретить в предложении *"According to a*

Washington Post analysis, Russia occupied about 7% of Ukrainian territory when it launched its invasion in February 2022” (По данным анализа Washington Post, на момент начала вторжения в феврале 2022 года Россия оккупировала около 7% территории Украины) [24]. В данном предложении апелляция проявляется через использование статистических данных и ссылку на авторитетный источник. Автор опирается на анализ Washington Post как общепризнанного издания, что придает информации статус верифицируемого факта, соответствующего стандартам качественной журналистики. Конкретные цифры (7% территории) и точная дата (февраль 2022) подчеркивают соответствие нормам аналитической точности и хронологической конкретики. Указание процентов, а не абстрактных формулировок, соответствует стандартам доказательной аргументации в политической аналитике.

Классификация оценочных средств включала разделение выявленных языковых единиц-носителей оценочности по двум параметрам: эксплицитные/имплицитные и рациональные/эмоциональные, что позволило установить функциональную роль оценочности в прагматике медиатекстов (Таблица № 1).

Таблица № 1. Количественное соотношение типов оценок в медиадискурсе США и ЮАР

	США	ЮАР
Эмоциональные	2198	768
Рациональные	1039	1132
Эксплицитные	1989	843
Имплицитные	1248	1057

Если рассматривать корпус «ЮАР» в целом, то можно отметить, что имплицитных и рациональных оценок больше, чем эксплицитных и эмоциональных. В контексте *"Russian President Vladimir Putin is confident that the country is able to solve all the existing problems, contrary to the expectations of its opponents"* (Президент России Владимир Путин уверен, что страна способна решить все существующие проблемы, вопреки ожиданиям своих оппонентов) [22] присутствует рациональная и имплицитная оценка. Рациональная оценка выражается с помощью конструкции *is able to solve (=can)*, которая указывает на объективную, с точки зрения говорящего, способность России справляться с проблемами. Имплицитная оценка отмечается во фразе *contrary to the expectations of its opponents* (вопреки ожиданиям его оппонентов), которая содержит скрытую критику оппонентов России, подразумевая, что их прогнозы ошибочны или даже враждебны.

В корпусе «США» отмечается в большой степени использование эксплицитных и эмоциональных оценок. Во фразе *"These are the cold, hard facts: Russia, the country cornering the European energy market, is profiting from its war against Ukraine, while the West's adversaries gain economic and global dominance"* (Вот холодные, неопровержимые факты: Россия, страна, захватывающая европейский энергетический рынок, наживается на своей войне против Украины, в то время как противники Запада укрепляют экономическое и мировое господство) [25] метафора *the country cornering the European energy market* (страна, захватывающая европейский энергетический рынок) содержит эксплицитную и эмоциональную оценку, изображая Россию как «яркого монополиста, притесняющий Европу», что формирует негативный образ.

Завершающим этапом был количественный анализ оценочности в медиадискурсе ЮАР и США. Индекс плотности оценочности (EDI) рассчитывается как отношение

количества языковых средств, выражающих оценку, к общему числу слов в тексте, что позволяет определить условную насыщенность текста оценочными средствами. Индекс интенсивности оценки (EII) показывает соотношение между эмоциональными и рациональными средствами, а индекс языковой формы оценки (ELFI), в свою очередь, дифференцирует явную и скрытую оценочность, измеряя степень ее выраженности в тексте.

Наибольшая плотность оценочных средств наблюдается в американском медиадискурсе (EDI - 7,67), что свидетельствует об активном использовании оценочных средств в этих странах. Южноафриканский медиадискурс (EDI - 6,38) демонстрирует наименьшую плотность оценочных средств, указывая на более сдержанный подход к формированию оценочного мнения.

Самая высокая интенсивность оценочных средств отмечена в американском (EII - 2,23) медиадискурсах, что говорит о более выраженной эмоциональной окраске и акцентированности оценочных суждений.

Южноафриканский (EII - 1,67) медиадискурс демонстрирует меньшую интенсивность, что может указывать на более рациональный и аналитический подход к выражению мнения.

Американский (ELFI - 2,14) медиадискурс характеризуется более эксплицитной формой выражения оценки, в отличие от южноафриканского (ELFI - 1,84), где преобладают имплицитные средства выражения оценки. Это может указывать на различную степень открытости и прямолинейности в формировании оценочных высказываний.

Вывод:

Основываясь на проведенном анализе медиадискурса США и ЮАР, посвященных репрезентации России, в частности, в ходе СВО, можно сделать следующие общие выводы. Сравнительный анализ выявил значительные различия в стратегиях использования оценочных средств, отражающие геополитические цели и внешнеполитические стратегии каждой из стран. Американский медиадискурс характеризуется высокой концентрацией оценочных средств, а также эксплицитным способом их выражения, что свидетельствует об активном и прямолинейном подходе к формированию общественного мнения. В противоположность этому, медиадискурс ЮАР проявляет тенденцию к нейтральности и сбалансированности, характеризуясь меньшей плотностью оценочных средств и преобладанием имплицитных форм выражения оценки. Таким образом, репрезентация России в медиадискурсе каждой из рассмотренных стран является отражением их уникальных геополитических позиций и внешнеполитических приоритетов.

Библиография

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: Флинта: Наука, 2008. EDN: QTPFSV.
2. Лавров назвал Трампа дружелюбным, но не пророссийским. URL: <https://rg.ru/2024/12/06/lavrov-nazval-trampa-druzheliubnym-no-ne-prorossijskim.html> (дата обращения: 18.07.2025).
3. Межгосударственные отношения России и ЮАР. URL: <https://ria.ru/20230726/diplomatiya-1886162017.html> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Кулигина Е.А. Лингвокультурные характеристики образа России в современном англоязычном медиатексте (на материале британских и американских новостных статей)

- / Е. А. Кулигина // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/61FLSK423.pdf> (дата обращения: 11.07.2025). EDN: CPJKAF.
5. Зырянова И.Н. Сравнительный анализ лингвистических приемов в формировании образа России в западных СМИ / И.Н. Зырянова, Е.А. Универсальюк // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 9 (57). URL: <https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.21> (дата обращения: 30.07.2025).
6. Поздеева В.Д. Содержание и направленность стереотипного образа России в западных СМИ. 2020. № 10. С. 127-137.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
8. Калинин О.И. Анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 135-144. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_13. EDN: HAXBQW.
9. Столович Л.Н. Жизнь – творчество – человек: Функции художественной деятельности / Л.Н. Столович. М.: Политиздат, 1985.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. EDN: YLAWAR.
11. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография / Моск. гос. ун-т печати имени Ивана Федорова; Т. В. Маркелова. Москва: МГУП имени Ивана Федорова, 2013.
12. Марьянчик В.А. Оценка как категория текста / В.А. Марьянчик. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". 2011. № 1. С. 100-103. EDN: NQYRTP.
13. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста на материале периодических изданий 2000–2008 гг.: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2008. EDN: ZNUVQT.
14. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак. // Метафора в языке и тексте : коллективная монография / [В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф] ; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988.
15. Баландина Е.С. Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века / Е.С. Баландина. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 2. С. 5-14. EDN: AKGUHP.
16. Закиева Т.М. Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических текстов / Т.М. Закиева, А.А. Рамазанова. // Политическая лингвистика. 2016. № 5(59). С. 69-76. EDN: XACHBV.
17. Калинин О.И. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея / О.И. Калинин, Д.В. Мавлеева. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99-109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109. EDN: GAGWVI.
18. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: УРСС, 2004. EDN: QRAADX.
19. Водяницкая А.А. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии : анализ академических дискурсивных практик : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Водяницкая Альбина Александровна. [Место защиты: ГАОУ ВО ГМ "Московский городской педагогический университет"]. Москва, 2022. EDN: CYDLGU.
20. Russia to 'seize' assets of Western companies that exit the country. URL: <https://www.thesouthafrican.com/news/russia-likely-to-seize-assets-ukraine-latest-news-updates/> (дата обращения: 05.03.2024).
21. Russia-Ukraine crisis: Severe sanctions could trigger crippling Moscow response. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/russia-ukraine-crisis-severe-sanctions-trigger->

cripling-moscow-respon-rcna13691 (дата обращения: 11.04.2024).

22. Russia has everything to develop, grow stronger: Putin. URL: <https://www.daily-sun.com/post/715120> (дата обращения: 12.05.2024).

23. South Africa's pact with Russia: cast doubt of non-alignment policy. URL: <https://www.thesouthafrican.com/south-africa/south-africas-pact-with-russia-cast-doubt-of-non-alignment-policy29-may-2023/> (дата обращения: 14.08.2024).

24. Opinion: There is a path to ending the Ukraine war. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/24/opinions/fareed-zakaria-ukraine-column/index.html> (дата обращения: 01.09.2024).

25. Time to negotiate peace between Ukraine and Russia. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2022/sep/19/time-to-negotiate-peace-between-ukraine-and-russia/> (дата обращения: 18.01.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. Тема памяти и способы её воплощения в повести М. Ефетова «Письмо на панцире» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75480 EDN: LRSRYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75480

Тема памяти и способы её воплощения в повести М. Ефетова «Письмо на панцире»

Октябрьская Ольга Святославовна

ORCID: 0009-0001-5443-2031

доктор филологических наук

профессор; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; Московский Государственный университет имени МВ. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

✉ svyatolga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75480

EDN:

LRSRYU

Дата направления статьи в редакцию:

06-08-2025

Дата публикации:

13-08-2025

Аннотация: В статье исследуется тема памяти и способы её реализации в повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире». Выявляются разные виды памяти: личная и коллективная, индивидуально значимая и социоориентированная, культурная, историческая и т.д. Исследуются различные способы реализации данной темы: в прецедентных именах (Александр Пушкин, Фёдор Шаляпин, Михаил Щепкин, Зиновий Соловьёв и др.), образах-символах (море, Артек, Аю-Даг, Адалары и т.д.), значимого предметного ряда, визуализации явлений, идей, крымских мифов и легенд и т.д. Выявляется архетипическая природа и роль авторского наполнения образов героев повести Ефетова, что приводит к важным морально-этическим постулатам. В данной работе актуализированы темы коммуникации в семье, дружеском коллективе,

личностных отношениях, а также проблемы, связанные с преодолением обид и восстановления дружеских связей во имя общего дела. Для осмысления данных аспектов в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей осмысления темы памяти и способов её реализации. Новизна исследования обусловлена своевременностью данной статьи, значимость которой обусловлена важностью поставленных проблем, а также актуальным для современного подростка и практически неизученным материалом исследования, коим является повесть М. Ефетова «Письмо на панцире». На примере данного произведения впервые исследуются тема исторической, культурной, нравственной памяти, заложенной как в истории знаменитого пионерского лагеря, в истории России, а также в истории человеческой цивилизации, прослеженной со времён античности до второй половины XX века. Сам детский лагерь осмыслен как хранитель и очевидец важных исторических событий, транслятор нравственных законов существования человечества, воспитатель нового поколения детей. Статья приурочена к столетнему юбилею Артека и восьмидесятилетию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Перспективой исследования становится дальнейшее осмысление темы памяти в произведениях, принадлежащих как крымскому тексту (творчество А. Гайдара, Е. Ильиной, Л. Кассиля и М. Поляновского и др.), так и каникулярной повести в целом (произведения Ю. Кузнецовой, Т. Михеевой и др.).

Ключевые слова:

подростковая повесть, крымский текст, Великая Отечественная война, Артек, мотив памяти, Марк Ефетов, каменный матрос, крымский миф, прецедентное имя, артефакт

Тема памяти, важности её сохранения так или иначе присутствует во многих произведениях русской литературы. Это и произведения на историческую тематику, отражающие прошлое мировой или отечественной истории, от романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» до современной исторической прозы, представленной произведениями, скажем, А. В. Иванова и др. Тема памяти также может быть основой проблемных произведений о современности, как, например, повести Ю. В. Трифонова, рассказы В. М. Шукшина, пьесы А. В. Вампилова и т.д. Детская и подростково-юношеская литература тоже актуализировала тему памяти в произведениях авторов разных временных периодов: А. П. Гайдара, А. Г. Алексина, Т. В. Михеевой и др.

Настоящая статья посвящена осмыслению темы памяти, выявлению способов её реализации в детско-подростковой повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире» (1976). Заявленная проблема **актуализирована**, прежде всего, самим фактическим материалом, который был написан около полувека назад, но остаётся актуальным и для нынешнего времени. Это произведение малоизучено и нуждается в осмыслении современным литературоведением. Кроме того, актуализировано это произведение еще и тем, что основным местом действия его становится Артек, детский пионерский лагерь в Крыму, который в этом году отмечает своё столетие. Книга Ефетова откликнулась на пятидесятилетие Артека, что тоже добавляет особых смыслов в проблематику повести. Магистральной темой, связанной с мотивом памяти, становится осмысление и Великой Отечественной войны как главного события XX века.

Вопросы, связанные с темой памяти о недавней истории, постижение важности данной проблемы для подрастающего поколения, размышление над итогами войны и памятью о

ней остается насущной проблемой для современного подростка. Своевременность и актуальность данного вопроса определена важностью выявления тех аспектов жизни ребёнка, которые способствуют не только его самореализации в семье, дружеском и школьном коллективе, но и выявлению личностных качеств каждого индивида, а также необходимостью формирования системы нравственных ценностей. Исследование темы памяти и отражение её в художественной литературе для детей имеет большую теоретическую и практическую значимость. **Теоретическая значимость** данной статьи обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования психологической и историко-культурной основы художественного произведения, рассмотрения проблем, связанных с реализацией в художественном произведении разных видов памяти – индивидуальной, культурной, исторической и т.д. **Практическая значимость** данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. **Теоретической базой** данной статьи стали фундаментальные труды философов, историков, литературоведов, а также работы современных учёных, занимающихся данной проблематикой. Так, еще в античности началось изучение феномена памяти и его влияние на человека, общество, науку. Философы XIX вв., к примеру, А. Бергсон [1], рассуждали о памяти как о важном личностном факторе, сохраняющем и передающем дальше важную информацию из прошлого, об эмоциональной составляющей такого рода впечатлений. Феномен надындивидуальной памяти актуализировался в трудах, например, П. Нора [2], который развивал идеи истории-памяти, и др. учёных. Проблему культурной памяти реализовывали такие мыслители, как, к примеру, Д. С. Лихачёв [3], Ю. М. Лотман [4], Я. Ассман [5], А. Ассман [6] и др. А реализацию в художественном творчестве мотива памяти, основанного на сопряжении памяти личной и коллективной, культурной и исторической, посвящены труды К. А. Сундуковой [7], О. В. Быстровой [8] и др.

Тема памяти становится лейтмотивной в повести Марка Ефетова «Письмо на панцире». Уже само название произведения выводит читателя на проблему памяти – долгоживущее пресмыкающееся несёт на своей спине послание нескольким поколениям, превращаясь в черепаху-почтальона. Однако данное произведение гораздо глубже приключенческой интриги о поисках особой черепахи и расшифровки надписи-послания в узорах её панциря. Тема памяти становится в повести магистральной и сюжетообразующей и связана она с основным местом действия произведения – известным пионерским лагерем. Именно Артек становится мифологическим, культурным, социально значимым и даже личностным центром повести. Кроме того, основные пространственные границы повести в основном сосредоточены на территории нынешнего Артека, хотя и несколько расширяются в синхронии за счёт упоминания мест жительства пионеров артековской смены, перенесения в ряде случаев места действия в Новгород, Севастополь, Ялту, Симферополь, Воронцовский дворец и т.д., где оказываются герои повести, а также пространственные границы расширяются за счёт обращения автора к диахронному плану, благодаря которому происходит погружение в иные исторические эпохи. Но всё же в центре внимания писателя – Артек, его обитатели, его истории и легенды, связанные с этой местностью. Писатель изображает три основных временных пласта (античность, дореволюционная история Артека, советский период), каждый из которых визуализирован в повести достаточно чётко и оригинально.

Несмотря на то, что данное произведение претендует называться проблемной советской повестью для подростков, самым древним временным пластом в произведении Ефетова становится *античность*. В произведении воспроизведены две *легендарные истории* о

происхождении знаменитых крымских гор – Аю-Дага и Адалар. При этом обе легендарные истории вписаны в философский контекст. К примеру, легенда о братьях, одержимых гордыней, желающих завоевать сердца красавиц-сестёр силой и обманом, открывает проблему связи жестокости и насилия, мнимого торжества вседозволенности, использования злого умысла для удовлетворения мелочных низменных потребностей. Ефетов, выбирая *визуальный ряд* как доминирующий, меняет естественное движение времени – от прошлого к настоящему – на противоположное. Именно существующие в настоящем явления, к примеру Адалары и Медведь-гора, хранят не только память об античных временах, но и выстраивают парадигму нравственной ценностной шкалы: два важных для людей любой эпохи фактора – богатство и добродетель – встают в антитетичные отношения, при этом человеку дана свобода выбора, от которого зависит и его жизнь, и благополучие и жизнь окружающих.

Античный пример индивидуален – братья, получившие в дар от учителя волшебный костяной меч, предпочитают богатство добродетели. Но уже здесь звучит мотив ответственности перед окружающими за свой поступок – выбор братьев напрямую связан с судьбами двоих красавиц-сестёр. Они тоже совершают свой выбор – предпочитают свободу насилию, пусть и ценой жизни. Однако Ефетову важно показать, что за индивидуальным примером кроется социально-этическая закономерность. Эту легенду писатель напрямую связывает с дальнейшей мировой и российской историей, а деспотичные и безрассудные братья-разбойники встают в один ряд с фашистами. Философско-педагогическая идея получает прямую моральную оценку и выражается в авторской сентенции: «Много веков прошло с тех пор, но меч, поднятый для злого дела, никогда не приносил добра тому, кто его поднимал» [\[9, с. 28\]](#). Ефетов выбирает символический образ поднятого для реализации злого умысла меча, который в русской истории получает дополнительные смыслы (ср. слова Александра Невского), и проецирует его на недавнюю историю: «Так произошло и с фашистами-гитлеровцами, которые первыми начали войну против нашей Родины» [\[9, с. 28\]](#). Далёкие легендарные события находят оригинальное воплощение в событиях, которые в 1970-е годы воспринимались максимально остро – событиях Великой Отечественной войны, поэтому не только ассоциативная связь, но и память о недавней войне конкретизирована в определённых образах, ситуациях, эпизодах и носит предельно личностный характер (папа главной героини воевал в Крыму, защищая Артек и Севастополь). Одновременно далёкая античность сохраняет память о себе не только в легендах и явлениях природы, но и в уроках истории.

Писатель не ограничивается единичным примером и дублирует сходную идею и в легенде об Аю-Даге. Память об эгоизме Медведя-вожака, не желавшего отпускать воспитанную им певунью-плясунью в мир людей, закреплена не только в образе скалы, напоминающей пьющего воду Медведя, но и бурлящего моря рядом с этой скалой, символизирующего гнев зверя, теряющего добычу. И в этом случае противопоставлены эгоистические желания и собственнические чувства Медведя и стремления девушки обрести свободу и земное счастье в человеческом обществе. Таким образом, крымские горы становятся для автора повести не только оригинальными объектами природы, но и обретают легендарную основу, выходящую на философско-этические проблемы и реализующиеся в культурно-мифологической памяти Крыма. Физическое время (к примеру, античность) благодаря сохранению словесно-природных объектов памяти проецируется на весь дальнейший ход истории человечества и даёт важный урок современности.

XIX век становится еще одним значимым временным пластом как для культурной, так и

социально-исторической памяти. Здесь уже к мифам и природным явлениям добавляются прецедентные имена, артефакты, памятники и т.д. Так, с Крымом вообще и с Артеком в частности связана биография А.С. Пушкина, который предстаёт и автором романтической лирики, посвящённой Крыму и морю, и создателем поэмы «Бахчисарайский фонтан», и героем книги И. Новикова «Пушкин в изгнании», и философом-созерцателем, сумевшим не только увидеть красоту моря, гор, Крыма в целом, но и поэтически воплотить всё это в литературе. Визуализировать пушкинское слово и природные красоту и величие смог в произведениях живописи И. Айвазовский: «Томик Пушкина и картины Айвазовского рассказали ей о море» [9, с. 35]. Всё это создаёт культурный миф об уникальной личности Пушкина, творчество которого тесно связано с Крымским полуостровом, историей Артека и становится своеобразным *культурным кодом* XIX века, работающим с помощью цитат известных художественных творений, воспроизведения отдельных мизансцен, к примеру, диалоги Пушкина с татаринном-дровосеком, объясняющим значение слова Артек. При этом сам автор проводит оригинальную ассоциативную цепочку – через картины Ив. Айвазовского, произведения Пушкина и их иллюстрации создаётся *культурный миф о Крыме* как чудесном волшебном райском крае. Именно таким является один из вариантов крымского мифа, с точки зрения С. О. Курьянова, который выделяет шесть вариантов крымского мифа [10]. Ефетов и эти события, и явления прошлого помещает в капсулу памяти, делая её актуальной и для второй половины XX века благодаря наращиванию смыслов и использованию исторической перспективы и проводит смелую аналогию между конкретной местностью, её возможностями и задумками человека. И здесь через пушкинский культурный код, реализуемый им в поэме «Медный всадник», можно увидеть творение рук человека: через сто лет пустынная изначально местность превратилась в «страну счастливых детей» [9, с. 36] или «королевство без короля и без подданных» [9, с. 144].

Через *прецедентные имена, артефакты и объекты культурного наследия* заявлены социально-идеологические проблемы дореволюционной России. Так, история актёра, основоположника русской актёрской школы М. С. Щепкина выводит повествование на социокультурный уровень, так как театральный талант этого человека и его актёрские способности оказываются прямо пропорциональны его социальному статусу. Ефетов сопоставляет два взгляда на данную проблему – западный и советский, показывая преимущества последнего. Если в СССР социальный статус – периферийный фактор, то в современной писателю действительности для западной идеологии, равно как и для России середины XIX века, – доминирующий. В этом случае мотив памяти становится смыслообразующим – талантливого артиста Щепкина граф Воронцов воспринимал через призму его социального статуса крепостного крестьянина, что способствовало тяжёлому уходу из жизни талантливого человека: «Щепкин был великим актёром, однако граф никогда не забывал того, что Щепкин крепостной крестьянин. Неласково принял его Воронцов в тот раз, и по дороге в Ялту Щепкин умер в тесной почтовой карете» [9, с. 79]. Культурная составляющая, заявленная в прецедентном имени, характеристике Щепкина-актёра, упоминании его *двух портретов*, отходит на второй план в отношениях с дворянином и замещается социальной, поэтому общение Щепкина и Воронцова с уровня актёр – меценат переходит на уровень крепостной крестьянин – граф. Именно эти смыслы хранят два портрета Щепкина – в Малом театре и в Воронцовском дворце – и проецируются одной из артековок иностранкой Джен на ситуацию в её собственной стране, наглядно сближая дореволюционную Россию и современный автору Западный капиталистический мир и показывая преимущество советского строя и советских нравственных ценностей перед западными. Таким образом, *предметный ряд, поступок* и его последствия сохраняют память о человеке, визуализирующейся в портретной

живописи, изображающей Щепкина, или архитектуре и фактуре дворца, демонстрирующих богатство и благополучие Воронцова, и проецируются на современную жизнь.

В определённый социокультурный контекст вписана память об оперном певце Федоре Шаляпине. Уже не портрет, а *голос* становится хранителем памяти о талантливом человеке, а визуальным воплощением этой памяти – Шаляпинская скала, которую богатая барыня подарила певцу. Сильный бас Шаляпина противостоит возможностям богатой сумасбродки, от чьего желания зависит в том числе и слава Шаляпина – она подарила знаменитому певцу принадлежащую ей скалу и тем самым увековечила память о нём.

Социально-историческая составляющая дореволюционной России выделяет два важных события XIX века – Отечественную войну 1812 года и Крымскую войну 1854-55 гг. Эти явления доходят до второй половины XX века в прецедентных именах – М. И. Кутузов и Л. Н. Толстой – и связанных с ними явлениях исторического наследия – памятниками.

Таким образом, дореволюционная история артековской местности уходит корнями в античность, где рождаются нравственные смыслы и берут начало моральные установки, которые позже наглядно реализовываются в крупных исторических событиях, творчестве и судьбах известных писателей, актёров, художников XIX века. Фактически это борьба за свободу, которая проходит лейтмотивом всей дореволюционной истории России.

XX век оставляет память о себе несколько иначе. Уточняется и лейтмотивная идея свободы, которая сопрягается с другим важным мотивом – правды, за которую так или иначе борются все герои повести. Основной хронотоп остаётся схожим – действие развивается вокруг Артека и основные события локализуются там, а временные границы охватывают основные события новейшей истории с 1925 по середину 1970-х гг. При этом акценты и смысловые точки тоже тесным образом связаны как с этим лагерем, так и с самой местностью южного берега Крыма, Симферополя и Севастополя. Локализация вокруг данного места, с одной стороны, сужает исторический фон повествования, а с другой – аккумулирует в себе основные вехи российской истории и откликается на все те проблемы, которые происходят как в стране, так и за рубежом, и сохраняют память о них. Для данного временного пласта весьма характерен социально-идеологический фактор, соединённый с романтической идеей ребячьей республики, актуализированной в решении Совнаркома о передаче бывших дворянских владений детям. С помощью элементов космогонического мифа писатель выходит на проблему создания особой ребячьей республики, решающей столь же важные и актуальные для определённой эпохи вопросы, что и страна в целом. Однако автор не всё отдаёт на откуп детям – знаковой остаётся фигура фактического основателя детского лагеря – Зиновия Петровича Соловьёва, не только выбравшего место для детского курорта с уникальным природным климатом, но и ставшего хранителем спокойствия и благополучия и защитником детей от социальных потрясений и природных опасностей. Соловьёв показан мудрым наставником, мужественным защитником ребят, готовым пожертвовать счастьем детей собственным здоровьем, личным комфортом, даже жизнью. Композиционно такой альтруизм Соловьёва антитетичен эгоистическому и меркантильному взгляду из другой политической системы. Неслучайно автор сопоставляет климат Артека и Ниццы через призму социального фактора, так как «Ницца – город миллионеров. Артек – страна счастливых детей» [9, с. 36]. Ефетов вновь прибегает к публицистической риторике и сталкивает устами сенатора одной из передовых стран Запада хищническую философию, нацеленную на получение прибыли, с советской: «На этом, одном из лучших уголков

мира можно было бы построить столько пансионатов и всяких увеселительных заведений, что ваше советское министерство финансов косило бы доллары <...> не косой, а комбайнами, миллиарды долларов...» [\[9, с. 41\]](#). Вывод из этого сопоставительного анализа автор делает сам, не доверяя этого читателям: «Доллары и люди. Доллары и здоровье детей. Кому что дороже ...» [\[9, с. 41\]](#).

Интересной авторской инициативой стало вплетение в сюжет повести информации о важном артефакте, хранящемся на почте Артека, – одно из первых писем из этого пионерского лагеря, написанного неким воспитанником в 1920-е годы. Описанная дорога и само пребывание в лагере актуализируют гастрономическую тему – когда, где и чем угостили автора письма. Однако писатель не оставляет данную тему без объяснений и вкладывает их в виде домыслов и предположений в уста главной героини – младшего подростка Виты Яшковой. Она легко догадывается, что тогда, в 1920-е годы, счастьем для голодного ребёнка были вкусные блюда и сам режим питания, что находит подтверждение у вожатой. А само письмо становится важным историческим свидетельством, отражающим не только обстановку в стране, но и политику администрации лагеря, стремящейся скрасить повседневную жизнь ребёнка и подарить счастье.

Однако ключевым явлением XX века однозначно выбраны события Великой Отечественной войны, которые писателем представлены как решающие и поворотные для жизни не только Советского Союза, но и мира в целом. Память об этом периоде представлена на личном и общественном уровнях. Так, отец Виты воевал в Крыму, защищая Артек и Севастополь, а потом восстанавливал детский лагерь после освобождения Крыма от фашистов. Память об этих событиях реализуется в рассказах-воспоминаниях Ивана Павловича, впечатлениях от похода за черепахой-почтальоном, которые очень напоминают военные будни Яшкова. Визуальным свидетельством героической юности Ивана Павловича становятся висящий в шкафу бушлат и фуражка. Так, *предметный ряд, ощущения человека, воспоминания ветерана* оказываются хранителями памяти как личной, так и народной, и проецируются в будущее, которое не только отражает современные ему процессы, но и усваивает уроки истории и бережно хранит память о прошлом. К примеру, процесс преемственности между прошлым и будущим ярко продемонстрирован в памятнике девяти артековцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Память здесь не только визуализирована в своеобразном памятнике погибшим артековцам и в надписи на камне-памятнике, но и оригинально материализована: «Здесь никто никогда не бегаёт, громко не разговаривает, старается даже галькой не зашуршать. Если этой дорожкой идёт человек военный, он остановится, станет по стойке "смирно", приложит вытянутую ладонь правой руки к виску. А ведь он может быть тут один, совсем один. Но всё равно козырнёт – отдаст честь <...> Если вы никогда не были в Артеке и вам доведётся там побывать, вы поступите так же: отдадите военную, гражданскую или пионерскую честь» [\[9, с. 137\]](#). Тишина, благоговение и отдавание чести представлены демонстрацией уважения к памяти павших и сохранения её. В этот ряд встаёт и поход артековцев по местам боевой славы, который открывает и другую сторону памяти – памяти не только о славе и богатырстве советского человека, но и о деяниях гитлеровцев. К примеру, найденные артековцами три проржавевших осколка от гранаты или обнаруженные сапёрами на месте лагеря одиннадцать снарядов, которые «закопали фашисты там, где до войны были детские спальни» [\[9, с. 31\]](#). Оксюморонное сочетание снарядов и детских спален повышает градус ответственности фашизма за преступления против человечества.

Сама Великая Отечественная война вписана в ряд оборонительных войн России. Так,

Вита вспоминает о посещении Новгородского исторического музея, где она увидела не только панцирь русского воина, сражавшегося на Чудском озере, но и размышляла о его храбрости и патриотизме. Автор напрямую связывает события Крымской войны 1854-1855 гг. и первой обороны Севастополя с событиями 1941-1944 гг. Единым нервом двух войн и двух севастопольских оборон, между которыми разница чуть меньше столетия, писатель справедливо называет патриотизм русского воина, готового даже после ранения идти снова в бой, безудержную храбрость, готовность жертвовать жизнью во имя правды и справедливости: «... сражённые матросы возвращались по ночам к своим. И к рассвету снова шли в бой <...> И слух прошёл среди врагов, что возвращались убитые матросы по ночам к своим. И снова дрались, хоть и кровь на них, и бинты, и раны...» [\[9, с. 19-20\]](#). Мистическая составляющая, мифологическая основа поступка такого рода не просто объединяет две войны, но и выстраивает исторический вневременной облик русского солдата, защитника родной земли.

Наиболее яркая реализация такого смысла заложена в легенде о матросе Соловьёве, в одиночку противостоящему многим гитлеровцам. Писатель использует сказочный дискурс и с помощью гиперболы и литоты воссоздаёт мизансцену боя Соловьёва с врагом: «Один против тысячи врагов <...> Соловьёва ранили в правую руку, но он левой противотанковые гранаты бросал <...> Один был, а поди ж ты, так бился, что наши отошли без потерь, а гитлеровцам пришлось по трупам своих же молодого пулемётчика брать» [\[9, с. 21-22\]](#). Смерть героя представлена в романтико-мифологическом ключе: перед выстрелом фашиста Соловьёв, связанный, избитый и израненный, сумел прыгнуть со скалы в море. Память о подвиге русского матроса визуализирует писатель с помощью оживления природы, парцелляции, детализации: «Волны самую вершину скалы захватывали. Шипели. Рычали. Кипели, как в раскалённом котле <...> С грохотом скальные глыбы падали в море. А наутро посмотрели фашисты на ту скалу и, ужаснувшись, повернули – и бегом от берега. Не скала из моря высилась, а шёл на них, раздвигая волны каменной грудью, тот матрос <...> Убитый матрос скалой стал и шёл на фашистов» [\[9, с. 25\]](#). Миф о каменном матросе проходит лейтмотивом через всю повесть – загадка, интриговавшая матросов и местных жителей в годы войны, не разрешена и после её окончания, но исчезновение Соловьёва даёт читателю и героине надежду на благополучный исход ситуации – никто не нашёл тела матроса Соловьёва. Писатель не просто привлекает внимание юных читателей, но и сохраняет в их памяти героическую историю и побуждает к поисковым работам, воспитывая уважение к защитникам страны и гордость за их подвиг.

Ефетов не может остановиться на одном эпизоде, ему обязательно нужен еще один. Поэтому поиски следов матроса Соловьёва пересекаются с поисками черепахи-почтальона, которая, по местной легенде, несёт на своей спине важное послание будущим поколениям. И если судьба Соловьёва остаётся неизвестной, то черепаху герои находят, а та надпись, которая вырезана у неё на панцире, становится воплощением памяти прошлого и заветом будущему: «Трусам – презрение. Пионерам – победа» [\[9, с. 157\]](#).

Таким образом, знаменитый пионерский лагерь представлен детским центром Советского Союза, активно участвующим в жизни государства и откликающимся на все проблемы и нужды страны и бережно хранящим память о разных исторических периодах. Писателю важно показать, что даже в разные исторические периоды нравственная шкала должна быть единой и отвечать общечеловеческим ценностям.

Тема памяти в повести М. Ефетова реализуется с помощью предметного ряда, визуализации определённых явлений, обращения к мифологическому и культурному кодам, прецедентным именам, мемуаристике и т.д.

Библиография

1. Бергсон А. Материя и память / Пер. с фр. А. Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск: Харвест, 1999. С. 413–668.
2. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–150.
3. Лихачёв Д.С. Искусство памяти и память искусства // Лихачёв Д.С. Прошрое-будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 63–70.
4. Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614–621.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
7. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова). Дисс ... канд. филол. наук. Самара, 2018. 217 с.
8. Быстрова О. В. Тема литературной памяти в последнем романе И. С. Шмелёва // Проблемы исторической памяти и творчество И. С. Шмелева / Отв. ред. Быстрова О.В. М.: Директ-Медиа, 2022. С. 161–170.
9. Ефетов М. С. Письмо на панцире. – М.: Детская литература, 1976. 160 с.
10. Курьянов С. О. "Тайный ключ русской литературы": формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2023. 311 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена теме памяти и способам её реализации в детско-подростковой повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире» (1976). Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что, с одной стороны, «вопросы, связанные с темой памяти о недавней истории, постижение важности данной проблемы для подрастающего поколения, размышление над итогами войны и памятью о ней остается насущной проблемой для современного подростка», с другой стороны, повесть «Письмо на панцире» «малоизучена и нуждается в осмыслении современным литературоведением».

Теоретической базой научной работы послужили труды по культурной памяти и особенностям реализации темы памяти в художественном творчестве. Библиография состоит из 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод; герменевтический анализ художественного текста; методы социокультурного и интертекстуального анализа и др.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи.

Отмечается, что «в центре внимания писателя – Артек, его обитатели, его истории и легенды, связанные с этой местностью», «писатель изображает три основных временных пласта (античность, дореволюционная история Артека, советский период), каждый из которых визуализирован в повести достаточно чётко и оригинально». Это две легендарные истории о происхождении знаменитых крымских гор – Аю-Дага и Адалар; картины Айвазовского, произведения Пушкина и их иллюстрации; история актёра М. С. Щепкина, основоположника русской актёрской школы; память об оперном певце Федоре Шаляпине; Отечественная война 1812 года и Крымская война 1854-55 гг. («дореволюционная история артековской местности уходит корнями в античность, где рождаются нравственные смыслы и берут начало моральные установки, которые позже наглядно реализовываются в крупных исторических событиях, творчестве и судьбах известных писателей, актёров, художников XIX века»), события Великой Отечественной войны («предметный ряд, ощущения человека, воспоминания ветерана оказываются хранителями памяти как личной, так и народной, и проецируются в будущее, которое не только отражает современные ему процессы, но и усваивает уроки истории и бережно хранит память о прошлом»). В результате исследования установлено, что «тема памяти в повести М. Ефетова реализуется с помощью предметного ряда, визуализации определённых явлений, обращения к мифологическому и культурному кодам, прецедентным именам, мемуаристике». Автор(ы) заключают, что «писателю важно показать, что даже в разные исторические периоды нравственная шкала должна быть единой и отвечать общечеловеческим ценностям».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в решение современных проблем, связанных с реализацией в художественном произведении разных видов памяти – индивидуальной, культурной, исторической, а также с изучением творчества Марка Семёновича Ефетова. Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях, в учебном и воспитательном процессе.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щахина Л.В. Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75454 EDN: LSQPUN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75454

Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства

Щахина Лариса Валентиновна

ORCID: 0000-0002-0454-0448

кандидат философских наук

зав. кафедрой; Гуманитарный факультет (ГФ); Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В.И. Ульянова (Ленина)

197022, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, ул. Профессора Попова, д. 5 литера Ф

✉ lvkolganova@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75454

EDN:

LSQPUN

Дата направления статьи в редакцию:

06-08-2025

Дата публикации:

13-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена корпорации-гражданина как ключевого субъекта социальной архитектуры в условиях цифровизации общественных отношений. Автор рассматривает трансформацию роли крупного бизнеса в современной России, где компании с государственным участием («Газпромнефть», «Газпром», «РЖД», «Норникель») активно формируют новые модели взаимодействия между бизнесом, государством и обществом через реализацию социальных проектов. Особое внимание уделяется анализу того, как цифровое медиапространство становится платформой для конструирования публичного образа корпораций и продвижения их социальных инициатив. Предметом исследования выступает деятельность корпораций-граждан в

области социальной архитектуры, проявляющаяся в российском цифровом медиапространстве. В работе детально анализируются конкретные проекты и инициативы таких компаний, как «Газпромнефть», «Газпром», «РЖД», «ОМК» и «Норникель», которые реализуются в рамках их социальной ответственности. Основное внимание уделяется тому, как эти корпорации формируют устойчивые коммуникативные фигуры, вовлекая локальные сообщества и стейкхолдеров в совместную деятельность. Методологическая основа включает социально-конструктивистский подход к медиатизированному обществу, а также анализ данных системы мониторинга социальных медиа Brandanalytics таких компаний, как «Газпромнефть», «Газпром», «РЖД», «ОМК» и «Норникель» и др., за период с декабря 2024 по февраль 2025 года. Результаты исследования показывают, что наибольший резонанс и вовлеченность демонстрируют проекты, связанные с поддержкой образования, культуры и инфраструктуры. Лидером по вовлечённости аудитории стал проект «Газпромнефти» – интеллектуальный турнир для старшеклассников «Умножая таланты», который вызвал значительный резонанс в медиапространстве. Другие популярные инициативы включали, например, новогодние украшения городов, выставки, образовательные программы и поддержку социальных предпринимателей. Автор подчёркивает, что эффективная социальная архитектура требует не только финансовых вложений, но и целенаправленного дизайна, в том числе коммуникационного, проектов, учитывающего запросы общества, властей, и медийную стратегию. Корпорации-граждане, выступая в роли социальных архитекторов, способствуют формированию единого социально-политического пространства, укрепляя связи между бизнесом, государством и обществом.

Ключевые слова:

корпорация-гражданин, социальная архитектура, коммуникативная фигурация, медиатизированное общество, корпоративное гражданство, цифровое медиапространство, социальные инвестиции, комьюнити-менеджмент, сообщество, традиционные ценности

Введение

Корпоративное гражданство – термин, который «был введен применительно к отношениям бизнеса и общества и широко используется практиками, поскольку описывает корпоративное поведение более точно, чем понятие корпоративная социальная деятельность, предложенное академическими кругами» [\[1\]](#). На сегодняшний день нет единого понимания данного понятия. Так, например, это «стратегия бизнеса по взаимодействию с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «гражданина», полноправного участника такого развития» [\[2, с. 198\]](#). Или им «описывается участие компаний во всех значительных событиях страны, ее спонсорская и благотворительная деятельность. Ответственное корпоративное гражданство – это стратегия управления репутацией социально-ответственной компании во взаимоотношениях с целевыми группами: сотрудниками предприятия, инвесторами, потребителями, партнерами, а также органами власти. [\[3, с.157\]](#).

Нередко корпоративное гражданство рассматривается как этап эволюции теории корпоративной социальной ответственности, то есть «как переход от филантропии и благотворительности к корпоративному гражданству: период традиционной филантропии

(1960-е – середина 1970-х годов); период стратегической филантропии и вынужденной социальной активности, желание увязать корпоративные стратегические цели с решением социальных проблем (середина 1970-х – начало 1980-х годов); период корпоративного гражданства, когда компании сознательно приносят в общество дополнительные социальные ценности, стремятся соответствовать ожиданиям стейкхолдеров, чтобы элиминировать отрицательное влияние на среду (начало 1980-х по настоящее время) [\[4, С. 137-138\]](#).

Ирина Борисовна Адова и Гариб Насир Оглы Ибрагимов провели комплексное исследование использования понятия «корпоративное гражданство» и выделили 11 аспектов в его понимании [\[5, С. 152-153\]](#):

- как составляющая устойчивого развития бизнеса и региона;
- как концепция социальной ответственности бизнеса;
- как философия социальной ответственности бизнеса;
- как способ ведения бизнеса; Феномен корпоративного гражданства
- как форма социального партнерства государства и бизнеса в публичной сфере;
- как элемент системы отношений государства и бизнеса;
- как механизм взаимодействия бизнеса и общества;
- как фактор экономической эффективности организации;
- как форма социальной инженерии;
- как инструмент модернизации российской экономики;
- как управленческая инновация.

Учёные объединили их в 3 группы: «1) методологический аспект, исследующий и объясняющий принципы и механизмы; 2) макроэкономический и политологический аспекты, анализирующие корпоративное гражданство на уровне социально-экономической системы общества и государства; 3) прикладной (управленческий) аспект, представляющий корпоративное гражданство как управленческую инновацию, способствующую достижению устойчивого успеха отдельных организаций и их объединений» [\[5, С. 152-153\]](#).

Так или иначе, корпорация-гражданин, выстраивая коммуникативное пространство взаимодействия с населением и органами государственной власти, реализует социальные инвестиции, которые меняют среду проживания и, как следствие, оказывают влияние на отношение граждан к бизнесу и власти. С целью выявления лучших практик в данном направлении Российская ассоциация по связям с общественностью в 2025 году проводит исследование «Социальная архитектура в российских компаниях», в контексте которого социальная архитектура понимается «как метод управления общественными проектами, при котором локальные сообщества рассматриваются не просто как выгодоприобретатели, а именно как соавторы и соучастники позитивных изменений, превращается в важнейший инструмент территориального развития» [\[6\]](#).

Понимание значимости социальных проектов, особенно реализуемых совместно с адресатами такой поддержки, обусловило организацию в 2024 году в Российской

Федерации конкурса социальных архитекторов (социальныеархитекторы.рф). Как отмечено на сайте конкурса, он «реализуется с целью поиска и отбора лучших социальных архитекторов страны и формирования их устойчивого сообщества при поддержке АНО «Россия – страна возможностей» и Президентской академии» [7].

Цель исследования – выявить в российской цифровой медиасреде ключевые проекты корпоративных граждан в области социальной архитектуры.

Объект исследования – российское цифровое медиапространство.

Предмет исследования – проекты корпоративных граждан в области социальной архитектуры в российском цифровом медиапространстве.

Методология и источники (Methodology and sources)

Сам термин «социальная архитектура» является достаточно новым для российской науки, и ранее он относился преимущественно к проектированию социальных объектов в городской среде: «это сознательный дизайн среды, которая поощряет желаемый диапазон социального поведения» [8]. Аналогичную дефиницию можно найти в испаноязычной литературе: «Социальный архитектор – это тот, кто посредством архитектурного проектирования и городского планирования стремится решить социальные проблемы, создавая пространства, отвечающие эстетическим и функциональным потребностям всего сообщества, делая доступ к жилью и городской среде более демократичным» [9]. Анализ иностранных источников, где рассматривается социальная архитектура с позиций социального взаимодействия, а не планирования городской среды и строительства, показывает, что, например, во франкоязычной литературе социальный архитектор – это «субъект, который стремится изменить поведение человека посредством сознательного проектирования среды, поощряющей желаемое социальное поведение. Это включает в себя создание программ и семинаров для улучшения жизни сообщества» [8]. В англоязычных источниках социальный архитектор – «это профессионал, который проектирует и организует социальную среду и структуры, влияющие на поведение и взаимодействие людей. Социальная архитектура охватывает системы, политику и культурные нормы, которые формируют отношения отдельных людей и групп друг с другом в обществе. Социальная архитектура может включать физические пространства, такие как городское планирование и дизайн зданий, а также виртуальные пространства, такие как онлайн-сообщества и платформы социальных сетей» [10].

Питер Хинченс (Pieter Hintjens), бельгийский разработчик и писатель, в своей книге по социальной архитектуре отмечает, что «Социальная Архитектура по аналогии с привычной архитектурой является процессом и результатом планирования, разработки и становления онлайн-сообщества. Социальная архитектура в виде онлайн-сообществ – это культурные и политические символы и произведения искусства цифрового общества. 21 век будет ознаменован зарождением Социальных Архитекторов. Успешные онлайн-сообщества обычно основаны на договоренности о взаимной выгоде, подразумеваемой или явной» [11]. Таким образом, он относит к социальной архитектуре формирование и управление исключительно онлайн-сообществами. Сегодня для обозначения данной деятельности используется термин «комьюнити-менеджмент». Комьюнити-менеджмент – это «планомерная и целенаправленная деятельность по управлению сообществами как добровольными объединениями людей для удовлетворения целей как организации, так и целей сообщества» [12].

В рамках российского конкурса социальных архитекторов было дано следующее определение: «Социальные архитекторы – это профессионалы, которые занимаются проектированием и реализацией социальных практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных задач. В контексте понятия социальной архитектуры они выступают как посредники и организаторы, способствующие созданию эффективных коммуникаций между различными социальными группами, институтами и государственными структурами» [\[7\]](#).

Иными словами, социальная архитектура сегодня – это целенаправленный процесс по «разработке и внедрению социальных инициатив для решения насущных общественных проблем» [\[13\]](#), отвечающих стратегическим задачам развития общества, то есть «это процесс целенаправленного совершенствования структуры гражданского общества путем разработки, адаптации и внедрения передовых институтов, механизмов и практик, повышающих уровень взаимодействия между различными социальными группами, а также между населением и властью для решения задач федерального, регионального, местного и локального уровней, направленных на повышение качества жизни граждан нашей страны» [\[14\]](#). Таким образом, деятельность социальных архитекторов направлена на формирование единого социально-политического пространства. При этом речь идёт, в первую очередь, не о физическом, а о социальном пространстве: «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, социальное пространство – по взаимоисключению (различению) позиций, которые его образуют» [\[15, С. 49\]](#). Единое социально-политическое пространство реализуется в форме сообществ, то есть «групп заинтересованных друг в друге людей, которые обладают сходной идентичностью: общие цели, одинаковые ценности, близкий жизненный опыт. Участники группы заинтересованы в совместных действиях для достижения общих целей, которые отражают ценности этого объединения» [\[12\]](#).

Ключевые аспекты социальной архитектуры включают в себя [\[10\]](#):

- 1) дизайн сообществ – это предполагает создание пространств, способствующих социальному взаимодействию и формированию сообщества, таких как общественные парки, общественные центры и многофункциональные комплексы;
- 2) социальную политику – нормы и правила, влияющие на социальное взаимодействие, такие как жилищная политика, система образования и инициативы в области здравоохранения, являются частью социальной архитектуры;
- 3) культурные нормы и ценности – неписанные правила и ценности, которые определяют поведение в обществе и влияют на то, как люди взаимодействуют и относятся друг к другу;
- 4) технологии и цифровые пространства – разработка и регулирование цифровых платформ и онлайн-пространств, способствующих социальному взаимодействию, включая соображения конфиденциальности, доступности и инклюзивности;
- 5) организационные структуры – способы, которыми институты и организации структурированы, чтобы способствовать или препятствовать сотрудничеству и общению между людьми.

Социальная архитектура играет важнейшую роль в формировании развития сообщества, оказывая влияние на все сферы жизни – от индивидуального благополучия и сплоченности до экономического развития и политической стабильности. Эффективная

социальная архитектура направлена на создание среды, которая является инклюзивной, поддерживающей и способствующей позитивному социальному взаимодействию [\[10\]](#).

В современном информационном обществе традиционные модели межличностных отношений и взаимодействия испытывают серьёзные преобразования, что даёт основания развитию и становлению социальной архитектуры как новому направлению деятельности и исследований. Социальные архитекторы проектируют, создают и развивают социальные структуры и сообщества. Они могут работать в самых разных областях – от образования и здравоохранения до сферы технологий и городского планирования. В их задачи входит не только анализ существующих систем, но и формирование новых эффективных решений, способствующих гармоничным взаимоотношениям между людьми.

Что актуализирует деятельность социальных архитекторов?

Координатор Центра объединения гражданских инициатив «Единые» в Свердловской области Юрий Урусов выделяет следующие аспекты [\[16\]](#):

1. «Инновации в общественной жизни: социальные архитекторы привносят свежий взгляд на решение социальных проблем. Вместо того, чтобы полагаться на устаревшие методы, они разрабатывают инновационные подходы, которые учитывают современные реалии и ожидания граждан.
2. Создание сообществ – в условиях глобализации и цифровизации часто возникает ощущение одиночества. Социальные архитекторы работают над тем, чтобы создавать сообщества, основанные на общих интересах и ценностях, способствующие взаимодействию и сотрудничеству.
3. Устойчивое развитие – они разрабатывают стратегии, направленные на устойчивое развитие обществ, учитывают экологические, экономические и социальные аспекты, тем самым обеспечивая гармоничное сосуществование человека и природы».

В рамках реализации программ и проектов социальной ответственности компании нередко формируют группы заинтересованных сторон, которые трансформируются в устойчивые коммуникативные фигуры в форме сообществ в случае закрепления практики социальных инвестиций. В результате институционализации такой практики компания приобретает признаки корпорации-гражданина – феномена, где, как мы отмечали ранее, наиболее важным является реализация деятельности на дискреционном уровне модели корпоративного гражданства, то есть компания экономически эффективна, соблюдает правовые нормы, системно берет на себя дополнительные социальные обязательства перед государством и обществом. Кроме того, как коммуникативная фигура корпорация-гражданин ориентируется на запросы местного сообщества при формировании социальных программ и проектов, выстраивает ценностно-ориентированные сети и сообщества со стейкхолдерами.

Для Российской Федерации характерно, что переход к этой модели («корпорация-гражданин») наметился у крупных компаний с участием государственного капитала, в то время как средние и мелкие практикуют преимущественно традиционную модель корпоративной социальной ответственности. Соответственно, значительное участие государственного капитала обуславливает ориентацию социальных инвестиций на поддержание традиционных ценностей, закреплённых в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Ценности,

зафиксированные в указе:

1. Жизнь.
2. Достоинство.
3. Права и свободы человека.
4. Патриотизм.
5. Гражданственность.
6. Служение отечеству и ответственность за его судьбу.
7. Высокие нравственные идеалы.
8. Крепкая семья.
9. Созидательный труд.
10. Приоритет духовного над материальным.
11. Гуманизм.
12. Милосердие.
13. Справедливость.
14. Коллективизм.
15. Взаимопомощь и взаимоуважение.
16. Историческая память и преемственность поколений.
17. Единство народов России.

Но трансляция указанных ценностей становится возможной при условии, если государство является сильным. Сильное государство обладает 4 развитыми аспектами: (1) организационное проектирование и менеджмент, (2) создание политической системы, (3) основы легитимности и (4) культурные и структурные факторы. [\[17, С. 48\]](#). В случае, если государство не стимулирует структурное формирование и поддержку социальных архитекторов, то создаваемые коммуникативные фигуры могут оказаться наполненными ценностями и смыслами, не способствующими усилению российского государства. Коммуникативные фигуры, в свою очередь, являясь структурным основанием медиатизированного общества, создаются целенаправленно различными социальными, в том числе и политическими акторами, или формируются в результате процесса медиатизации.

Таким образом, корпорация-гражданин является драйвером в социальной архитектуре современного политического пространства, так как занимается «проектированием и реализацией социальных практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных задач. В контексте понятия социальной архитектуры они выступают как посредники и организаторы, способствующие созданию эффективных коммуникаций между различными социальными группами, институтами и государственными структурами» [\[7\]](#).

Как мы отмечали ранее, модель корпоративного гражданства представляет собой самый

высокий уровень ответственного «поведения» организации, который включает в себя экономическую (прибыльность), юридическую (следование правовым нормам) и этическую ответственность [18]. Гражданство в данном случае понимается не как правовой статус, а как политическая и социокультурная характеристика социального субъекта (в данном случае корпорации). Такие организации вовлечены в систематическое решение социальных проблем, формируют коммуникативные фигуры, которые включают как представителей местных сообществ, так и властных структур. Также они часто берут на себя реализацию социальной функции государства, формируя свой репутационный и политический капитал. Также мы считаем важным подчеркнуть, что в соответствии с пирамидой социальной ответственности Кэрролла, корпоративные граждане не могут являться таковыми, если они экономически неэффективны или нарушают закон [19, с. 9].

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

В настоящем исследовании мы обратились к анализу российского цифрового медиапространства с целью выявления ключевых программ и проектов социальных инвестиций, а также их тематического фокуса. Методология исследования была сформирована на основе социально-конструктивистского подхода к медиатизированному обществу; система мониторинга социальных медиа и СМИ Brandanalytics была применена для выявления ключевых сюжетов и смыслов, представленных корпорациями-гражданами в медиапространстве.

Было проанализировано цифровое медиаприсутствие ведущих российских корпораций, среди которых «Газпромнефть», «Газпром», «Российские железные дороги», АФК «Система», X5Group, «МТС», «Объединённая металлургическая корпорация» (ОМК), «Норильский Никель». Данные организации рассматриваются в качестве корпоративных граждан в соответствии с 10 принципами модели [20].

Более того, в изученных компаниях коммуникационная стратегия согласуется с корпоративной стратегией: компании нацелены на получение положительных результатов в регионах своего присутствия, они уделяют всё больше внимания коммуникационной составляющей своей деятельности. Иными словами, мы наблюдаем трансформационные процессы, когда связи с общественностью перестают быть лишь сервисной функцией поддержки проектов, а становятся стратегической коммуникацией (интегрированной, синхронизированной, долгосрочной). Также наблюдается переход от простой информирующей модели к вовлекающей общественность в процесс выбора и реализации долгосрочных социальных программ, выстраиванию диалога со стейкхолдерами.

Период мониторинга с помощью системы Brandanalytics (18/12/2024 – 04/02/2025) был выбран в связи с тем, что во время новогодних праздников увеличивается активность в реализации социальных проектов. Тэги мониторингового запроса следующие: ('КСО программа'~1, 'программа корпоративной социальной ответственности'~1, 'программа корпоративной социальной устойчивости'~1, 'программа социальных инвестиций'~1, 'социальная программа'~1) * (газпромнефть, газпром, ржд, афк, мтс, мегафон, x5group, омк, норникель).

Ранее в научных публикациях [21] мы отмечали, что чаще всего на второй неделе мониторинга наблюдается обратная связь на осуществленную деятельность в сфере корпоративной социальной ответственности, которая сопровождалась активным медийным освещением. Настоящий пример мониторинга демонстрирует динамику

вовлечения, которое растет и снижается каждую неделю соответственно. Мы также склонны это объяснять обратной связью на транслируемую ранее информацию о КСО активностях (см. Таблицу 1):

Период	Общее количество упоминаний	Вовлечённость	Динамика вовлечённости
18 – 24 декабря 2024	399	7088	-49.1% ↓
25 – 31 декабря 2024	281	13 564	+91.4% ↑
01 – 07 января 2025	156	6 358	-53.1% ↓
08 – 14 января 2025	313	8 463	+31.8% ↑
15 – 21 января 2025	775	3 796	-52.3% ↓
22 – 28 января 2025	583	12 043	+198.7% ↑
29 января – 04 февраля 2025	262	1 292	-89.3% ↓

Таблица 1. Общее количество упоминаний компаний в цифровых медиа

Если погружаться глубже в исследование проблемы, становится очевидным, что далеко не каждое сообщение связано с построением социальной архитектуры. Мы исключили такие сообщения и выделили ключевые социально ориентированные сюжеты, которые представлены в таблице 2.

Период	Ключевые сюжеты	Реакции
18 – 24 декабря 2024	В Сальске завершены новогодние украшения: световые гирлянды и инсталляции от Газпромнефти и Альфа-Банка	394
	Газпром трансгаз Ухта украсил Ухту к Новому году	210
	Нефтяники подарили новогоднюю сказку жителям Ямальского района	209
	Мастер-классы и концерты для одарённых детей в Ханты-Мансийске	191
	В Рязани открыта новая хоккейная коробка благодаря социальным инвестициям	157
	Ханты-Мансийск примет конференцию для педагогов музыкальных школ в 2025 году	92
25 – 31 декабря 2024	Музейный проект подвел итоги 2024 года: выставки и гранты	119
	Выставки в Омске: город и его жители в раритетных вещах и документах	102
	Нефтяники исполнили новогодние желания 135 детей	100
	Конкурс семейного видеоконтента в Газпром трансгаз Москва: 20 работ и душевные ролики	93

	Дед Мороз в тундре: праздник для оленеводов и их семей	91
	Социальная программа 'Движение вместе' завершена в Дорогобужском районе: улучшены навыки детей с ОВЗ и инвалидностью	75
	Звезды озвучили сказки народов Крайнего Севера для цифровой библиотеки Газпром нефти	18
	10 социальных предпринимателей из Татарстана получили гранты ОМК на развитие проектов	17
	В Эколого-краеведческом музее откроется интерактивная выставка "По следам забытой экспедиции" с движущимся мамонтом	10
01 – 07 января 2025	В Эколого-краеведческом музее откроется интерактивная выставка "По следам забытой экспедиции" с движущимся мамонтом	101
	Кабмин утвердил стратегию развития агломераций до 2030 года	52
	Волонтеры Газпромнефть-СМ подарили новогодние подарки детям из Омской больницы	9
	Клуб выходного дня Котофей Кирзаводской СДК приглашает на мастер-класс для детей и родителей	3
	Ноябрьскнефтегаз исполнил новогодние мечты 150 детей	0
	Арктический Музей под открытым небом в Ямало-Ненецком АО теперь доступен онлайн	0
	В Тульской области в 2025 году продолжат строительство социальных объектов	0
08 – 14 января 2025	Регистрация на интеллектуальные турниры для старшеклассников в Москве и Санкт-Петербурге	268
	Ведерников вручил Почетные грамоты железнодорожникам за достижения в 2024 году	173
	Социальная газификация: 23,6 млн семей улучшили жилищные условия за 6 лет	103
	Выставка в Омске: 17 героев, изменивших город	85
	Омский НПЗ поддержал конкурс юных художников: 200 участников создали копии мировых шервов	70
	В Архангельской области построили 106 км газовых сетей в рамках социальной газификации	45
15 – 21 января 2025	Регистрация на интеллектуальные турниры для старшеклассников в Москве и Санкт-Петербурге	2251
	Конкурс социальных инициатив: Тарская школа искусств представила проект мурал-студии оСТАНовка	45
	Догазификация жилых домов в Нижегородской области: как подать заявление	38
	Газпром нефть открывает регистрацию на	22

	интеллектуальный турнир для старшеклассников 'Умножая таланты'	33
	Норникель выделит 155 млн рублей на социальные проекты в Красноярском крае	7
22 – 28 января 2025	Газпром нефть открывает регистрацию на интеллектуальный турнир для старшеклассников 'Умножая таланты'	802
	Омские библиотеки и ОНПЗ запустили проект для начинающих блогеров	272
	Юрий Розум делится опытом с юными музыкантами в регионах	140
	В Омске завершилась Музыкальная мастерская Юрия Розума: более сотни учеников и преподавателей музыкальных школ получили ценные знания и опыт	118
	ЮКЖД направила 540 млн рублей на поддержку пострадавших от наводнения в Армении	94
	Экскурсии по выставке "Неархивные истории" в субботу: стихи, талисманы и значки	89
	В тюменских гимназиях обновили кабинеты физики: современное оборудование и мебель для комфортного обучения	76
29 января – 04 февраля 2025	Открытие интерактивных выставок в Омске и Муравейниковском музее	404
	ОНПЗ приглашает старшеклассников на интеллектуальный турнир 'Умножая таланты'	167
	Мобильная арт-лаборатория для детей: итоги проекта 'Дети и нейросети' с поддержкой Газпром нефти	95
	Бизнес всё чаще сотрудничает с НКО для решения социальных задач	76
	Норникель обсудил благополучие жителей регионов в Москве	32
	Крупнейшие инвесторы Оренбуржья: кто вложил больше всего в развитие региона	2
	Уральская сталь возглавила рейтинг инвесторов Оренбургской области	2
	Московский НПЗ и Pioneer Cup стартовали с соревнований по любительскому биатлону	0

Таблица 2. Ключевые проекты социальных архитекторов в цифровых медиа

В таблице 2 фигурируют наиболее эффективные «корпоративные граждане» с точки зрения позиционирования своих социальных инвестиций в медиапространстве: это «Газпромнефть», «Газпром», «Норникель», «ОМК», «РЖД». Если выделить наиболее популярные сюжеты за весь период мониторинга (18/12/2024 – 04/02/2025), то список будет состоять из максимально вовлекающих сюжетов, связанных с деятельностью социальных архитекторов, и провокационных тематик из политического дискурса.

Ниже представлен список ключевых социально ориентированных сюжетов за весь период мониторинга:

- регистрация на интеллектуальные турниры для старшеклассников в Москве и Санкт-Петербурге (582 сообщения, 2 712 реакций);
- «Газпром нефть» открывает регистрацию на интеллектуальный турнир для старшеклассников 'Умножая таланты' (230 сообщений, 835 реакций);
- открытие интерактивных выставок в Омске и Муравейниковском музее (64 сообщения, 417 реакций).

Фактически первый и второй сюжеты относятся к одному проекту, организованному компанией «Газпромнефть», соответственно, это бесспорный лидер в российском цифровом медиапространстве.

Наиболее популярные слова, описывающие тематический фрейминг в указанный период: Газпром, компания, город, проект, инвестиции, поддержка, год, нефть, Россия, возможность, участник, регион, школа, задача, запрос, работа, университет, возможность, участие.

Заключение (Conclusions)

Таким образом, анализ деятельности социальных архитекторов, представленной в цифровом медиапространстве, выявил следующих институционализированных корпоративных граждан: «Газпромнефть», «Газпром», «ОМК», «РЖД». Они были выделены при помощи системы мониторинга и анализа социальных медиа Brandanalytics в результате еженедельного мониторинга. Большая часть сообщений посвящена инфраструктурным проектам («В Сальске завершены новогодние украшения: световые гирлянды и инсталляции от Газпромнефти и Альфа-Банка», «Газпром трансгаз Ухта украсил Ухту к Новому году», «В тюменских гимназиях обновили кабинеты физики: современное оборудование и мебель для комфортного обучения» и другие) и мероприятиям в сфере культуры («В тюменских гимназиях обновили кабинеты физики: современное оборудование и мебель для комфортного обучения», «Звезды озвучили сказки народов Крайнего Севера для цифровой библиотеки Газпром нефти», «Открытие интерактивных выставок в Омске и Муравейниковском музее» и другие).

Бесспорным лидером в течение всего периода мониторинга является «Газпром нефть» с проектом интеллектуальных соревнований для учеников старших классов школ Москвы и Санкт-Петербурга. Такое лидерство подчёркивает ключевую значимость поддержки талантов в деятельности по социальной архитектуре корпорации. Кроме того, необходимо сделать акцент на том, что дизайн социального проекта, направленный на распространение сообщений в медиапространстве с целью привлечения участников в интеллектуальные соревнования, проявился в гораздо более высоком уровне вовлечённости и количестве сообщений, нежели проекты, разработанные без учёта целенаправленного широкого социального вовлечения.

Следовательно, ключевой ценностью, на формирование которой была направлена проектная деятельность корпорации-гражданина, является поддержка талантов, то есть построение архитектуры социального сообщества талантливой молодёжи и инфраструктуры её поддержки.

Библиография

1. Дудкин В. Л. Корпоративная социальная ответственность в институциональном контексте конфессиональных социально-экономических доктрин: специальность 08.00.01

- "экономическая теория": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / В. Л. Дудкин. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/277288/1/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%2008.00.01%20%D0%94%D1%83%D0%B4%D0%BA%D0%B8%D0%BD.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Ячменева В. М., Теретышник К. С. Международный опыт формирования внешней имиджевой политики предприятия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 192-199. – EDN UQCTFO.
3. Попова А. В. Взаимосвязь социальной ответственности и корпоративного управления // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № S2. – С. 155-161. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/883214> (дата обращения: 11.08.2025).
4. Ван Ш., Калашникова И. В., Соцкова С. И. Эволюция теории социальной ответственности бизнеса // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2023. – № 3(70). – С. 129-140. – EDN BFBFF.
5. Адова И. Б., Ибрагимов Г. Н. Феномен корпоративного гражданства в научных исследованиях российских ученых // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2021. – № 56. – Режим доступа: DOI: 10.17223/19988648/56/12 (дата обращения: 11.08.2025).
6. Минченко Е. Н., Полетаев О. В. Социальная архитектура в российских компаниях: лучшие практики. – Режим доступа: https://raso.ru/social_architecture (дата обращения: 08.08.2025).
7. Конкурс социальных архитекторов. – Режим доступа: <https://социальныеархитекторы.рф> (дата обращения: 23.02.2025).
8. Архитектурная социальная архитектура. – Режим доступа: <https://honei.ch/2020/05/19/architecture-sociale/> (дата обращения: 08.08.2025).
9. Arquitectura Social, espacios para todas las personas // Architectural Digest. – Режим доступа: <https://www.admagazine.com/articulos/arquitectura-social-espacios-para-todas-las-personas> (дата обращения: 08.08.2025).
10. Social architecture // Obsidian. – Режим доступа: <https://publish.obsidian.md/connectome/Main+Folder/Essays%3B+Writing%2C+Publishing%2C+Author/Social+architecture> (дата обращения: 08.08.2025).
11. Preface Social Architecture. – Режим доступа: <https://hintjens.gitbooks.io/social-architecture/content/preface.html> (дата обращения: 08.08.2025).
12. Сталь Д., Резницкий Е. Сила сообществ. Как создавать живые комьюнити для бизнеса и не только. М.: ЭКСМО, 2022. – 424 с.
13. Социальная архитектура – новое слово социогуманитарных исследований. – 17.01.2025. – Режим доступа: <https://www.rsuh.ru/news/indexpage/sotsialnaya-arkhitektura-novoe-slovo-sotsiogumanitarnykh-issledovaniy/?ysclid=m7htpoe033673828172> (дата обращения: 23.02.2025).
14. Социальная архитектура – новый процесс жизни общества // Информационный портал о выборах "Выбор народа". – 14 января 2025. – Режим доступа: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/277457-socialnaja-arhitektura-novyy-process-zhizni-obschestva.html> (дата обращения: 23.02.2025).
15. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
16. Урусов Ю. Социальные архитекторы: визионеры нового... // OK.RU. – Режим доступа: <https://m.ok.ru/profile/581754524824/statuses/157313484336536?ysclid=maijwywhc3249164978> (дата обращения: 08.08.2025).
17. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.:

АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.

18. Шарахина Л. В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования феномена корпоративного гражданства // Дискурс. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 73-85. – DOI 10.32603/2412-8562-2023-9-4-73-85.

19. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // Business Horizons. – 1991. – Vol. 34, No. 4. – P. 42. Цит. по: Управление проектами в области социального предпринимательства: учеб. пособие / Ю. Н. Арай, О. В. Бандалюк и др. под общ. ред. Ю. Е. Благова. – СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2017.

20. Birch D. Corporate citizenship? Rethinking business beyond corporate social responsibility // In: Andriof J., McIntosh M. (Eds.). Perspectives on Corporate Citizenship. Sheffield: Greenleaf, 2001. – P. 53-65.

21. Шарахина Л. В. Коммуникационные стратегии вовлечения пользователей цифровых медиа в социально ориентированные проекты российских корпоративных граждан // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – Т. 1, № 1(43). – С. 89-102. – DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_1_89. – EDN KMQPPI.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «КОРПОРАЦИЯ-ГРАЖДАНИН КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЦИФРОВОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА».

Предмет исследования статьи: феномен корпорации-гражданина, который является субъектом социальной архитектуры в рамках российского цифрового медиа пространства, где особое внимание уделяется роли корпоративных акторов в контексте формирования социальных практик, в том числе коммуникаций и цифровых сообществ.

Методика исследования: в научной работе автор применял комплексный методологический подход, который включал в себя качественный контент-анализ корпоративных коммуникаций в цифровых медиа, дискурс-анализ публичных высказываний и стратегий взаимодействия корпораций с аудиторией. В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного анализа и кейс-стади на примере ведущих российских корпораций. Используемые методы и подходы соответствуют целям и задачам исследования.

Актуальность научной статьи заключается в том, что растёт роль современных корпораций не только как экономических субъектов, но и как активных участников жизни общества в цифровом пространстве. В контексте цифровизации и трансформации медиа среды на современном этапе исследование корпораций как гражданских акторов помогает более глубоко понимать новые форматы социального взаимодействия и ответственности бизнеса в нашей стране.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении корпорации-гражданина посредством призмы социальной архитектуры цифрового медиа пространства. Автор научной работы предлагает новую концептуальную модель, которая отражает взаимодействие корпораций с цифровыми сообществами.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, раздела Результаты, Обсуждение и Заключение (выводы и рекомендации) и Списка источников с текущими исследованиями в рассматриваемой области. Текстовое содержание дополнено примерами из практики разных корпораций России, что

иллюстрируют две таблицы.

Заключение подводит итоги проведённого автором исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.

2. Шарахина Л. В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования феномена корпоративного гражданства // Дискурс. 2023. Т. 9, № 4. С. 73-85. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-73-85. EDN: CERZZQ.

Замечания к статье:

1. В Список источников рекомендуется добавить больше публикаций за последние пять лет.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный автором материал с правом повторного представления в журнал Litera только при условии учёта автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант работы, представленный к публикации, тематически явно нов, актуален, открыт к диалогической амбивалентности. Предметная область исследования не так часто попадает в поле свободных дискуссий, именно этим и объясняется позиционный подход автора рецензируемой статьи к свободному освещению проблемы. Считаю, что подобный уровень / ценз исследования в принципе уместен, в данном случае срабатывает и методологический блок, который актуален, современен, правилен. Статья соотносится с жанром научного изыскания, весьма точно обозначена цель, задачи исследования, предмет и объект работы, финально обозначена и исследовательская перспектива: «цель исследования – выявить в российской цифровой медиасреде ключевые проекты корпоративных граждан в области социальной архитектуры», «объект исследования – российское цифровое медиапространство», «предмет исследования – проекты корпоративных граждан в области социальной архитектуры в российском цифровом медиапространстве». Думаю, что материал может быть весьма удачно инкорпорирован далее, ибо тема исследования явно нуждается в новом изводе научной мысли, новой трактовке проблемы. Считаю, что большая часть суждений объективна, серьезных фактических сбоев не выявлено, нет и т.н. терминологической путаницы: например, «термин «социальная архитектура» является достаточно новым для российской науки, и ранее он относился преимущественно к проектированию социальных объектов в городской среде...», или «деятельность социальных архитекторов направлена на формирование единого социально-политического пространства. При этом речь идёт, в первую очередь, не о физическом, а о социальном пространстве: «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, социальное пространство – по взаимоисключению (различению) позиций, которые его образуют» и т.д. Ссылочный блок идентифицирован: «В рамках российского конкурса социальных архитекторов было дано следующее определение: «Социальные архитекторы – это профессионалы, которые занимаются проектированием и реализацией социальных

практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных задач. В контексте понятия социальной архитектуры они выступают как посредники и организаторы, способствующие созданию эффективных коммуникаций между различными социальными группами, институтами и государственными структурами» [7]». Хотя ссылки могли иметь и более традиционный вид «...» [4, с. 567]. Думаю, что материал уместно использовать при формировании новых работ смежно-тематической направленности; для расширения вопроса уместно использовать иной методологический подход. Считаю, что фактические данные введены верно, цитации полновесны: «Для Российской Федерации характерно, что переход к этой модели («корпорация-гражданин») наметился у крупных компаний с участием государственного капитала, в то время как средние и мелкие практикуют преимущественно традиционную модель корпоративной социальной ответственности. Соответственно, значительное участие государственного капитала обуславливает ориентацию социальных инвестиций на поддержание традиционных ценностей, закреплённых в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Статистика в работе открыта, предметная координата верифицирована; тема соотносится с изданием. Автор приходит к выводу, что «ключевой ценностью, на формирование которой была направлена проектная деятельность корпорации-гражданина, является поддержка талантов, то есть построение архитектуры социального сообщества талантливой молодёжи и инфраструктуры её поддержки». Список источников достаточен, фактическая правка не имеет смысла, если ответственный редактор не обозначит что-либо дополнить и расширить. Считаю, что статья «Корпорация-гражданин как субъект социальной архитектуры: анализ российского цифрового медиапространства» может быть допущена к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Барабанова И.Г., Николаева Е.С. Языковые и идеологические особенности современного американского предвыборного политического медиадискурса // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.72267 EDN: LYGNWP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72267

Языковые и идеологические особенности современного американского предвыборного политического медиадискурса

Барабанова Ирина Геннадьевна

кандидат филологических наук

зав. кафедрой; кафедра Лингвистика и межкультурная коммуникация; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

344018, Россия, Ростовская область, г. Г Ростов-На-Дону, ул. Мечникова, 77в, кв. 78

✉ lenikol@yandex.ru

Николаева Елена Сергеевна

ORCID: 0009-0009-9082-4129

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Лингвистика и межкультурная коммуникация; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

344003, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, Соборный пер., 62, кв. 108

✉ lenikol@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.72267

EDN:

LYGNWP

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2024

Дата публикации:

14-08-2025

Аннотация: В статье рассматривается предвыборный дискурс как тип коммуникативной деятельности, который имеет четко определенную структуру, зависит от многих экстралингвистических факторов и выполняет ряд задач, направленных на получение победы на выборах. Объектом настоящего исследования служит американский предвыборный медиадискурс как разновидность политического дискурса, обладающего специфическими чертами, связанными с его массово-информационной природой. Предметом работы выступают языковые и идеологические особенности, реализуемые в стратегиях и тактиках, применяемых в политической предвыборной борьбе. Намерения говорящего в плоскости реального общения с избирателями реализованы при посредничестве тщательно спланированных стратегий и тактик, направленных на избирателя, на оппонента и самого кандидата, которые политики актуализируют при помощи различных языковых средств. В статье приводятся причины повышенного интереса современных исследователей к политической коммуникации, а также предмет, функции и цель политического предвыборного дискурса. В исследовании были применены следующие методы исследования: дискурсивный анализ, лингвопрагматический анализ, количественный и интерпретационный анализ. Отбор эмпирического материала осуществлялся посредством вспомогательного приема сплошной выборки, основным критерием ограничения служили временные рамки осуществления предвыборных кампаний 2024 г. Материал исследования по теме американских выборов является новым, отражает противоречия внутри современного американского общества и иллюстрирует лингвистические и идеологические особенности предвыборной кампании 2024 года. Политический предвыборный дискурс США прагматически обусловлен, а использование знаков, принадлежащих к различным семиотическим системам, соответствует определенным политическим целям. Выбор коммуникативной стратегии зависит от намерений говорящего, целевой аудитории, ситуации в стране. Выбирая средства влияния, американские политики используют проверенный годами опыт, активно привлекают мифы о национальной идее, единстве, элитарности американской нации, пропагандируют образы решительных лидеров, апеллируют к устоявшимся демократическим ценностям. Практическую ценность полученных результатов и основных положений исследования усматриваем в возможности их применения при разработке спецкурсов по дискурсологии, неологии и прагмалингвистике.

Ключевые слова:

дискурс, предвыборный дискурс, политический дискурс, медиадискурс, избирательная кампания, выборы, стратегии, тактики, манипулирование, избиратель

Американский политический дискурс, будучи отражением сложной социальной и политической структуры США, представляет собой богатейший пласт для лингвистического анализа, поскольку является той информационной средой, где отображаются самые актуальные проблемы американского общества.

Проведение масштабных избирательных кампаний, рост роли политики и СМИ, персональные и ораторские качества американских политиков служат вескими основаниями для выделения предвыборного дискурса в отдельную сферу исследовательских поисков. Закономерно, что кандидаты много внимания уделяют общению с избирателями, а, следовательно, структурному и семантическому наполнению предвыборных речей.

Выбирая средства влияния, американские политики используют проверенный годами опыт, активно привлекают мифы о национальной идее, единстве, элитарности американской нации, пропагандируют образы решительных лидеров, апеллируют к устоявшимся демократическим ценностям.

Политическая коммуникация сложна и обусловлена многими факторами. С одной стороны, политический текст отражает прямые или скрытые интенции адресанта. С другой, чтобы воплотить свои намерения в жизнь и достичь желаемого, необходимо учитывать ожидания адресата, уровень его языковых и энциклопедических знаний, общий контекст, а также социальные и культурные реалии в обществе. Конечный успех такой коммуникации зависит от учета и сбалансированной компоновки этих составляющих, что в конечном итоге и объясняет выбор инструментов, которые политики используют во время общения. Политические штабы активно привлекают к своим кампаниям политических технологов, психологов, специалистов по коммуникации и экспертов по написанию политических речей.

Средства массовой информации превратились в неограниченное пространство политической агитации. Избиратели стали мишенью манипуляций и многочисленных политических технологий. Чтобы достичь желаемого результата, опытный политик должен активировать нужные эмоции, убедить адресата в правильности своих взглядов, сформировать соответствующее отношение к тем или иным политическим событиям [\[1\]](#). Основным инструментом достижения этих целей для политиков служит дискурс.

Прежде чем перейти к трактовке дефиниций и подходов, релевантных для исследования предвыборного политического дискурса, обратим внимание на понятие «дискурс», которое нашло свое отражение в трудах многих лингвистов (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Борботько, Т.А. ван Дейк, М.В. Ильин, В.И. Карасик, В.Е. Чернявская и др.). Несмотря на такой интерес к этому явлению, в научной литературе можно столкнуться с различными, иногда противоречивыми определениями понятия «дискурс».

По мнению известного исследователя Т.А. ван Дейка, основная сложность определения заключается в том, что предмет исследования не является однородным и в своей структуре содержит различные аспекты коммуникации, что обуславливает привлечение к исследованию дискурса сразу нескольких дисциплин [\[2, с. 2\]](#). Каждый тип дискурса имеет свои правила и нормы организации, вытекающие из типичных социально обусловленных коммуникативных ситуаций [\[2, с. 36\]](#).

Стоит отметить, что понятия «дискурс» и «текст» являются близкими, однако не тождественными. Дискурс – это своеобразное «отражение» текста в сознании конкретного индивида в конкретной ситуации в конкретный момент времени. По меткому определению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «текст, погруженный в жизнь» [\[3, с. 137\]](#). Другими словами, в отличие от текста, дискурс не может существовать вне реального времени, в котором он разворачивается, не способен накапливать информацию, не является ее носителем, а всего лишь способом ее передачи.

В нашем исследовании под дискурсом понимаем не только определенный продукт речевой деятельности, но и любое явление действительности, имеющее знаковую природу, определенную организационную структуру и характеризующееся рядом экстралингвистических, социокультурных, прагматических и других факторов. Говоря о политическом дискурсе, заметим, что это одна из наиболее активно исследуемых разновидностей дискурса. Такую популярность можно объяснить тем фактом, что с одной

стороны, политика играет чрезвычайно важную роль в жизни современного общества, а с другой, язык является средством достижения власти политиками.

Исследованию различных параметров политического дискурса, в том числе и его предвыборной составляющей, посвящены многочисленные труды зарубежных и отечественных ученых, в частности Е.В. Будаева [\[4\]](#), Л.А. Даутовой [\[5\]](#), Е.С. Кубряковой [\[6\]](#), Е.Ю. Пишковой [\[7\]](#), К.И. Рахимовой [\[8\]](#), А. П. Чудинова [\[9\]](#), D. Hamed [\[10\]](#), R. Wodak, [\[11\]](#) и других.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что политический дискурс всегда тесно переплетен с социальной, культурной, экономической и другими сферами человеческого бытия. Изменения в любой из этих сфер непременно влияют на риторику политического дискурса, его тематический состав, а, следовательно, и политический вокабуляр в рамках соответствующих тем. Взаимодействие социокультурных пространств и событий на определенном историческом этапе определяет набор ценностей и значений определенного социума и служит ориентиром для планирования стратегии соответствующей политической кампании. Политический дискурс всегда прагматично обусловлен, а использование языковых знаков всегда соответствует определенным политическим целям [\[12, с. 39\]](#).

Политический дискурс в рамках нашего исследования трактуется как совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, сформировавшихся вследствие имеющихся традиций и протоколов. Сфокусируем внимание на предвыборном политическом дискурсе.

Обобщив теоретический материал по данной проблеме, мы приходим к выводу, что под предвыборным дискурсом следует понимать модель коммуникативного поведения кандидатов на пост президента страны, которая актуализирована через совокупность вербальных и невербальных средств, использование которых обусловлено особенностями проведения избирательной кампании. На организацию англоязычного предвыборного дискурса США влияют ряд экстралингвистических факторов, таких как: страна, в которой проходят выборы (США); кандидаты на пост президента (представители Демократической или Республиканской партий); избиратели (граждане США соответствующего возраста).

Выделяют следующие дифференциальные признаки предвыборного дискурса:

1. «Я направленность»: дискурс направлен на демонстрацию преимуществ программных положений кандидата (партии) над программными положениями конкурентов;
- 2 . побуждение: предвыборный политический дискурс направлен на увеличение электоральной поддержки путем ориентации избирателей на восприятие программы кандидата (партии);
- 3 . сопричастность: в предвыборном политическом дискурсе четко прослеживается тенденция к отождествлению политиком (партией) себя с народом – политик (партия) демонстрирует себя неотделимой частью народа;
- 4 . образность: с целью демонстрации собственных преимуществ и/или недостатков конкурентов в предвыборном политическом дискурсе широкое использование приобретают стилистически маркированные единицы.

Другой характерной особенностью предвыборного дискурса является его тесная связь

со СМИ, которые являются основным каналом актуализации предвыборной борьбы. Непосредственные встречи с избирателями – это неотделимая составляющая избирательной кампании, однако они имеют ограниченный масштаб охвата. СМИ, которые транслируют соответствующие сюжеты или публикуют материал, имеют значительно более мощное влияние. В современных реалиях главную роль играют информационно-коммуникативные технологии. СМИ не просто отражают предвыборные события, а являются активными участниками политических процессов. Сближение массмедийного и предвыборного дискурсов делают возможным выделение медиаполитического дискурса. Это дает основания утверждать, что предвыборный и массмедийный дискурсы США образуют общую информационно-коммуникативную среду на период избирательных кампаний.

Анализ корпуса иллюстративного материала англоязычного предвыборного дискурса США свидетельствует о том, что его коммуникативно-прагматические особенности находят свое отражение на следующих уровнях: лексическом (использование автором метафор, гипербол, метонимий и пр.); морфологическом (оперирование в дискурсе категориями числа, способа образования и пр.); синтаксическом (наличие повторов, эмфатических конструкций и пр.); лексико-семантическом (использование эпитетов, сравнений и пр.).

Необходимо отметить, что конечной целью предвыборного дискурса является привлечение на свою сторону как можно большего количества участников политических процессов, актуализации в сознании людей преимуществ своей политической программы. В процессе исследования политического дискурса необходимо учитывать, что прагматический потенциал дискурса является результатом выбора автором содержания сообщаемого и способа его выражения. В соответствии с коммуникативным намерением автор выбирает для передачи информации единицы, имеющие «желаемое» значение, как предметно-логическое, так и коннотативное.

Манипулирование сознанием для осуществления скрытого влияния на выбор реципиента с помощью вербальных и невербальных средств на протяжении длительного времени применяют в сфере политической пропаганды. Возможности такого воздействия заложены природой языковой системы. Разделяем мнение В.И. Карасика, что такие свойства языка, как подвижность семантической структуры слова, сложность отграничения коннотации от прямых денотативных значений, вариативность денотативных и коннотативных значений тех же языковых знаков под влиянием социальных факторов, многокомпонентность как лексического, так и прагматического значения, наличие познавательного и коммуникативного, объективного и субъективного в значении, синонимичные и ассоциативные связи слов, модальность высказывания, оценочность семантики, умышленно и целенаправленно используют в пропаганде, искажая значение идеологических коннотаций определенных слов [\[13\]](#).

Предвыборная речь – это тщательно спланированный коммуникативный конструкт, которому присущи четко определенная цель, задачи, структура и набор вербальных и невербальных средств, направленных на осуществление имплицитного или эксплицитного влияния на избирателя. Возможности изменить ход речи в процессе ее произнесения минимальны, а обратную связь политик получает лишь впоследствии в виде голосов избирателей. Поэтому стратегическое планирование предвыборной речи политика является чрезвычайно важной задачей в процессе борьбы за власть. Выбор коммуникативной стратегии зависит от намерений говорящего, целевой аудитории, ситуации в стране. Реализуют стратегии через набор тактик, где ключевую роль играют

тщательно подобранные языковые средства.

Среди коммуникативных стратегий в предвыборном дискурсе можно выделить три типа: те, которые направлены на избирателя, на оппонента и самого кандидата. Коммуникативные стратегии, целью которых является создание собственного позитивного имиджа, реализуются через тактики позитивного освещения своей деятельности и личных достижений. Стратегии, направленные на оппонента, представлены тактиками критики, дискредитации, отрицания компетентности оппонента, подчеркивания негативных моральных качеств. Ключевая задача этих тактик представить своего оппонента в негативном свете. Стратегии, ориентированные на избирателя, имплементированы через тактики интеграции, создания эмоционального настроения, апелляции к моральным ценностям, солидаризации, ссылки на авторитеты, создания угрозы. Основная цель этих стратегий понравиться избирателю, убедить его в правильности своей программы, заручиться его поддержкой.

Анализ иллюстративного материала предвыборного американского дискурса 2024 года показывает, что кандидаты в президенты активно стремились выделиться на фоне соперников, используя как программные положения, так и личные характеристики. Тактика «мы – они» (или «свой – чужой») является классическим примером создания «внутренней группы» и «внешней группы», что способствует мобилизации электората и дискредитации оппонентов: *Donald Trump left us the worst unemployment since the Great Depression. Donald Trump left us the worst public health epidemic in a century. Donald Trump left us the worst attack on our democracy since the Civil War. And what we have done is clean up Donald Trump's mess. What we have done and what I intend to do is build on what we know are the aspirations and the hopes of the American people* (Vice President Kamala Harris) [\[14\]](#).

Кандидаты стремятся выделиться при помощи громких программных заявлений, чтобы убедить в преимуществах своего политического курса или программы и, как результат, привлечь избирателя на свою сторону: *I believe in the ambition, the aspirations, the dreams of the American people. And that is why I imagine and have actually a plan to build what I call an opportunity economy* (Vice President Kamala Harris) [\[14\]](#).

Действительно, любое публичное выступление кандидата выполняет три функции. Во-первых, это – позитивное самопредставление, демонстрация компетентности и заслуг: *I believe very strongly that the American people want a president who understands the importance of bringing us together knowing we have so much more in common than what separates us. And I pledge to you to be a president for all Americans* (Vice President Kamala Harris) [\[14\]](#). Во-вторых, критика оппонентов, раскрытие их недостатков и дискредитация их программ: *My opponent has a plan that I call the Trump sales tax, which would be a 20% tax on everyday goods that you rely on to get through the month. Economists have said that Trump's sales tax would actually result for middle-class families in about \$4,000 more a year because of his policies and his ideas about what should be the backs of middle-class people paying for tax cuts for billionaires* (Vice President Kamala Harris) [\[14\]](#). А также отражение критики и защита собственной позиции: *What Goldman Sachs has said is that Donald Trump's plan would make the economy worse. Mine would strengthen the economy.* (Vice President Kamala Harris) [\[14\]](#). Таким образом, к основным функциям предвыборного дискурса США можно отнести: манипулятивную; функцию убеждения; информативную; аргументативную; создание убедительной картины лучшего будущего.

В предложенной статье мы попытались рассмотреть особенности предвыборного дискурса США. Проведенный анализ позволил прийти к некоторым выводам.

Англоязычный предвыборный дискурс США развивается в условиях исторически сложившейся двухпартийной политической системы. Таким образом, кандидаты на пост президента должны не только сохранить голоса своих многолетних сторонников, но и склонить колеблющихся граждан, а также попытаться изменить мнение избирателей, которые обычно поддерживают партию оппонента. Свои намерения кандидаты на пост президента США реализуют через привлечение тщательно спланированных коммуникативных стратегий, позиционируя себя в позитивном свете, апеллируя к избирателям и оппонентам. Имплементация этих стратегий осуществляется при помощи разнообразных лексико-стилистических средств. Необходимо обратить внимание на то, что риторика американских политиков выделяется среди других не только благодаря традиционным темам, которым поддерживается та или иная партия, а благодаря средствам, которые используют политики противоположных лагерей.

Таким образом, политический предвыборный дискурс США прагматически обусловлен, а использование знаков, принадлежащих к различным семиотическим системам, соответствует определенным политическим целям. Повышенный интерес к изучению предвыборного дискурса обусловлен стремлением одной стороны избирательного процесса быть как можно более эффективной в убеждении широких масс общества и желанием другой лучше понять суть политических процессов, имплицитность и эксплицитность политической риторики и принципы политических манипуляций.

Библиография

1. Тоноян, Я.К. Умение убеждать – ключевой элемент политической коммуникации // Молодой ученый. 2023. № 18 (465). С. 399-402. URL: <https://moluch.ru/archive/465/102409/> (дата обращения: 08.11.2024).
2. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. URL: <https://djvu.online/file/hmSTlwDnPe16y?ysclid=m38hkaalh5308642516> (дата обращения: 07.11.2024).
3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 136-137.
4. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2008. 248 с.
5. Даутова, Л.А., Бадмацыренова, Д.Б. Языковые особенности предвыборного дискурса (на материале американского предвыборного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2(39). С. 53-57.
6. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5-13.
7. Пишкова, Е.Ю. Прагмалингвистическое диагностирование речевого поведения кандидатов в президенты США (на материале предвыборного дискурса): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2007. 18 с.
8. Рахимова, К.И. Речевой портрет политического лидера в предвыборном дискурсе // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-3. С. 49-53.
9. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособ.; 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
10. Hamed, D. Keywords and collocations in US presidential discourse since 1993 // A

corpus-assisted analysis. Journal of Humanities and Applied Social Sciences, 2020. P. 137-158.

11. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Palgrave Macmillan, 2009. 252 p.

12. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 35-73.

13. Карасик, В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56-77.

14. Transcript of Harris-Trump presidential debate. URL: debate-transcript/story?id=113560542 (дата обращения: 20.10.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена языковым и идеологическим особенностям современного американского предвыборного политического медиадискурса. Предмет исследования достаточно актуален и определяется необходимостью системно и целостно осмыслить феномен политической коммуникации не только в собственно лингвистическом, но и лингвокультурологическом аспекте: «американский политический дискурс, будучи отражением сложной социальной и политической структуры США, представляет собой богатейший пласт для лингвистического анализа, поскольку является той информационной средой, где отображаются самые актуальные проблемы американского общества». Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень воздействия на аудиторию и ее убеждение.

Теоретической основой научной работы явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как Н. Д. Арутюнова, В. Г. Борботько, М.В. Ильин, В. И. Карасик, В. Е. Чернявская, Е. В. Будаев, Л. А. Даутова, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Е. Ю. Пишкова, К. И. Рахимова, А. П. Чудинов, Т. А. ван Дейк, Р. Водак, D. Nased и др., посвященные понятиям дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике, дискурсивному проявлению личности, политической коммуникации, языковым особенностям предвыборного дискурса и т.п. Библиография включает 14 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Так, апеллируя к работе В. И. Карасика, автор(ы) называют те свойства языка, которые «умышленно и целенаправленно используют в пропаганде, искажая значение идеологических коннотаций определенных слов». Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, социокультурный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Проанализировав и обобщив теоретический материал, автор(ы) определяют, что дискурс - это «не только определенный продукт речевой деятельности, но и любое явление действительности, имеющее знаковую природу, определенную организационную структуру и характеризующееся рядом экстралингвистических, социокультурных, прагматических и других факторов»; политический дискурс - «совокупность всех

речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, сформировавшихся вследствие имеющихся традиций и протоколов»; предвыборный дискурс – «модель коммуникативного поведения кандидатов на пост президента страны, которая актуализирована через совокупность вербальных и невербальных средств, использование которых обусловлено особенностями проведения избирательной кампании». Анализ корпуса иллюстративного материала англоязычного предвыборного дискурса США позволил выделить его коммуникативно-прагматические особенности на лексическом уровне (использование автором метафор, гипербол, метонимий и пр.); морфологическом (оперирование в дискурсе категориями числа, способа образования и пр.); синтаксическом (наличие повторов, эмфатических конструкций и пр.); лексико-семантическом (использование эпитетов, сравнений и пр.).

Основываясь на результатах исследования, автор(ы) делают обоснованные выводы о том, что политический предвыборный дискурс США «развивается в условиях исторически сложившейся двухпартийной политической системы», «прагматически обусловлен», «использование знаков, принадлежащих к различным семиотическим системам, соответствует определенным политическим целям». Выводы исследования отвечают поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в углубление теории дискурса, изучение политического дискурса, выявление специфики предвыборного дискурса США. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может применяться в курсах по общему языкознанию, лингвистике текста и теории дискурса, прагмалингвистике и социалингвистике и использоваться специалистами в области политической коммуникации.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Городищев А.В., Городищева А.Н. Ментальные модели политических ценностей в языке современной молодежи // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75556 EDN: LICURP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75556

Ментальные модели политических ценностей в языке современной молодежи

Городищев Алексей Викторович

ORCID: 0000-0003-2224-3794

кандидат филологических наук

доцент; факультет иностранных языков; Санкт-Петербургский государственный университет
доцент; институт базового образования; Национальный исследовательский технологический
университет "МИСИС"
Директор; АНО ЦСНИР "Добропорядок"

191119, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, Лиговский пр-кт, д. 135 литера А, кв. 11

✉ agorodischev@gmail.com

Городищева Анна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4330-2802

доктор культурологии

зав. кафедрой; кафедра рекламы и культурологии; Сибирский государственный университет науки и
технологий им. акад. М.Ф. Решетнева

660069, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Ленинский р-н, пр-кт им. газеты "Красноярский
рабочий", д. 63б, кв. 74

✉ nauada@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75556

EDN:

LICURP

Дата направления статьи в редакцию:

11-08-2025

Дата публикации:

18-08-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются когнитивные фреймы языка современной молодежи, отражающие политические ценности современной культуры России. Объектом исследования является политический медиадискурс, оказывающий эксплицитное влияние на языковое воплощение ценностей в языке молодежи. Цель данного исследования – зафиксировать когнитивные фреймы политических ценностей в языке современной российской молодежи, которые обеспечивают контекст для понимания конкретных их воплощений в языке. В статье обобщен новый материал по использованию политического фреймирования для лингвистических конструкций политического дискурса в современной молодежной среде. Выявлены и проанализированы когнитивные и коммуникативные фреймы и окказионализмы молодежного языка политических ценностей, а также способы их образования. В работе определено как в языке молодежи формируются политические ценности. Использован метод ментальных моделей для исследования когнитивных и политических метафор, метод когнитивного фреймирования для исследования связи лексических конструкций языка молодежи, а также метод дескрипции в контексте лингвопрагматики для анализа структур фреймов выражения политических ценностей. Особое внимание уделено качественному анализу описаний смыслов политических ценностей, полученных в результате опросов студентов. Научная новизна исследования заключается в обосновании определяющей роли систем коммуникации и способов обработки информации в формировании смыслов политических ценностей в языке современной молодежи. Показано, что молодые люди активно рефлексировали на событийный политический ряд, но манипулятивные практики политического дискурса, направленные на отвлечение внимания от основной проблемы, недостаточность политического опыта, а также влияние переводной лексики, ведут к образованию метафор и окказионализмов. Основным сценарием образования установлен блендинг, который позволяет смешивать не только смыслы, не относящихся к политике, но эмоционально усиливать фреймы соединением с когнитивно простыми понятиями традиционных ценностей. Исследование подтверждает, что когнитивные фреймы строятся через простые, единичные значения одноуровневого порядка в целях экономии времени для принятия решения о выборе ценности, а также отражают нехватку языковых средств для выражения в языке смысла ценностей. Полученный результат может быть применен как в теоретических исследованиях для обоснования теорий ментального моделирования, так и в практике политического дискурса для адаптации текстов политической тематики для молодежной аудитории.

Ключевые слова:

Ментальные модели, политический дискурс, политические ценности, когнитивное фреймирование, лингвопрагматика, метафора, окказионализм, семантическая аура, блендинг, фузия

Введение

В ряду медийных дискурсов политический дискурс занимает все более значительные позиции, что даже компания Gartner, которая занимается прогнозированием технологических трендов, внесла политику в факторы риска для развития технологий в 2024 году, отмечая, что: «Многие компании, однако, вольно или невольно уже втянуты в политические споры, которые потенциально могут нанести им репутационный ущерб» (Gartner Survey Shows Political Polarization Is a New Top Emerging Risk for Enterprises.

Available at: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-02-07-gartner-survey-shows-political-polarization-is-a-new-top-emerging-risk-for-enterprises>). Активно воздействуя на все социальные отношения, политический дискурс формирует не просто ментальное пространство, содержащее знание о политических ценностях, а формирует удобное информационное пространство для манипулирования. Одной из технологий воздействия является изменение концептуальной структуры, приоритетов в ценностной иерархии, контекстных отношений между концептами политических текстов [1], которые через дискурс утверждают новые речевые практики и формируют отношение к политическим ценностям. До недавнего времени предполагалось, что риторика и чувства играют вспомогательную роль в отношении когнитивная модель – воплощение в слове, но в современном языке молодежи они соединились с рациональностью мысли, создав прецедентные выражения для многих явлений субъективного опыта, в том числе и политического. Появившись как эмоциональный ответ на социальные потрясения XXI в., выразившиеся как в политическом переустройстве мира, так и в глобальной медиатизации культуры, субъективное выражение политических ценностей стало основой формирования политического дискурса в молодежной среде. В результате требуется тщательное обоснование лингвистических конструкций, выявление ментальных моделей для определения и разъяснения смыслов, метафор, интерсубъективности и других проекций воплощенного познания. Анализ ментальных моделей и когнитивных концептов, определяемых как аксиологемы политического дискурса, позволяет определить, насколько осозанным или навязанным является смысл политических фреймов языка молодежи в современной России.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: определить какой опыт послужил основой концептуализации и категоризации политических ценностей, описать структуру фреймов, отражающих смыслы политических ценностей в сознании, и определить на какие предметы, смыслы и стратегии политики направлено сознание, формирующее отношение к политическим ценностям.

Предметом исследования являются когнитивные фреймы, которые под влиянием ментальных контекстов, экстралингвистических факторов подвергаются деконструкции смыслов, определяющих политические ценности.

Научная новизна работы заключается в определении «лингвистической ауры» языковых выражений политических ценностей как комплексного пространства неполитических смыслов, которая отражает как образно, так и рационально социально-политический опыт молодежи. В работе показано, что данного вида языковые выражения имеют в основе измененные контексты языковых фреймов, что позволило рассмотреть фреймы как политические метафоры и окказионализмы.

Эмпирическим материалом исследования стали результаты эксперимента по определению и фиксации политических ценностей, который проводился в период 2023-2024 года в городах Санкт-Петербург и Красноярск, среди студентов двух вузов (Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Санкт-Петербургский государственный университет). Всего в исследовании приняло участие 18 групп студентов. Методом выборочного обследования собрано 369 ответных листов. Ответные листы расшифровывались вручную и подвергались статистической обработке с применением программ работы с табличными данными с открытым кодом Open Office (<https://www.openoffice.org/>) и ANTCont (<https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>) для выделения ключевых слов и уникальных выражений. В результате обработки было получено 315 полноценных

записей ценностей с ранжированием и комментариями, которые были промаркированы как наиболее релевантные для исследования.

В качестве вводной информации были взяты отечественные исследования в области анализа ценностей. Исследование политико-моральных проблем 2020-2021 гг., направленное на анализ речевого инструментария выявило, что россияне применяют к политике традиционные концепты отечественной морали, такие как искренность (честность) и справедливость, комфорт (отсутствие внешнего давления), польза (политико-моральный аспект «себе и людям»), развитие (благо народа, страны). Свобода (независимости, проявления индивидуальности, отсутствия внешнего давления и принуждения), справедливость (равенство законов, равенство всех перед законом), но не применяют добро, любовь и т.п. [2]. Авторы показали, что формирование ментальных моделей и когнитивных метафор строятся на социальном опыте, который со стороны политики часто бывает негативным и разрушает понятие «справедливость».

Практическая и теоретическая значимость работы выражается в отработке методологии анализа лингвистических фреймов политического дискурса как «социальных артефактов» [3], отражающих структуру политических ценностей.

Полученный результат может быть применен при анализе структур фреймов языка, контекстов их создания, что может помочь в определении условий возникновения содержания ценности, зафиксировать деструктивные представления и предотвратить искажение смысла. В работе использован комплекс методов, сформулированных в подходе когнитивного фреймирования, метадискурсивного подхода, лингвистического анализа. Такого рода методологический синтез позволяет установить, как конкретные когнитивные фреймы кодируют аспекты опыта, фиксируются в языке, и выявить фоновые понимания политических ценностей, которые закодированы в лексических единицах или других особенностях языковой формы, несвойственных носителям русского языка.

Исследовательские программы ментальных моделей и когнитивного фреймирования

Исследования по когнитивным моделям, фреймированию и репрезентациям политических метафор, политических ценностей и политического дискурса проводятся регулярно. Ведущие теоретики в данной области С. Филмор [4], Ж. Лакофф, М. Джонсон [5, 6] Г. Фауконер [7] и др. определили эмпирическую природу политической метафоры в повседневных процессах мышления и действия, на основе прагматизма, феноменологии и эмпирических исследований политического дискурса. Однако глобальное изменение систем коммуникации в последние 20 лет актуализирует данную тему после каждого громкого политического события и вызывает появление новых работ и теорий. В работах отечественных ученых А. П. Чудинова и Э. В. Будаева [8] неоднократно подчеркивалась необходимость принимать во внимание, что политические метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, который берет начало в ее ментальном характере [9]. Поэтому воздействуя на когнитивные процессы можно подбирать образы и формировать понимание малопонятного, например, политических ценностей. Однако, манипуляции в современном политическом пространстве осуществляются и в процессе экстралингвистического воздействия на когнитивные элементы, через замещающие концепты, идеологемы, нарративы, метафоры в ментальных моделях.

Ментальные мировоззренческие модели, согласно исследованиям Т.А. Подшибякиной, в статике структурно представляют собой сочетание ценностных (аксиологических) и

концептных (когнитивных) элементов [4]. При этом воплощение в языке когнитивных фреймов является более осознанным, чем сознательное воплощение опыта. Опыт может быть разным, но если носители языка находятся в одном времени и пространстве, то они будут вступать во взаимодействие с одними и теми же социальными мирами. Их представления, знания и ощущения, в таком случае, складываются в когнитивную модель, по сути, конвенциональную, которая задает несколько опорных понятий (концептов), которые формируются в абстрактные структуры знания – фреймы (frames) или сценарии (scenarios) [11, с.4]. Следовательно, если есть личный опыт участия в политическом дискурсе, даже как пассивного участника, при нечеткой ценностной иерархии и нестабильном языковом поведении, все же существует вероятность попасть под манипулятивные воздействия.

Фрейм – это условно зафиксированное, стереотипное понятие или опыт, который отличается от концепта тем, что считается более общей структурой знания, а концепт определяется человеком с учетом всех личных переживаний и опыта [12], поэтому при рассмотрении когнитивных моделей больших социальных групп адекватным будет использование метода когнитивного фреймирования (фрейминг). Фрейминг – метод исследования фреймов [13-14], который системно рассматривает фрейм одновременно в критической, когнитивной и конструктивистской парадигмах. Метод позволяет фиксировать через конкретные языковые формы опыт, эмоциональное отношение к ценности в данный момент, в данной ситуации, подчеркнуть положительные или отрицательные стороны, риски для понимания, отметить эмоциональную насыщенность языка, выделить конкретные метафоры.

Применительно к политическому фреймированию метод был адаптирован Д. Яноу и М. ван Хульстм, которые выделили существование статического и динамического восприятия фрейма, и определили фреймирование более процессуально-ориентированным и более политически чувствительным к описаниям [15, с.89]. Данная точка зрения позволяет использовать фрейм не только как статичный набор данных, но и рассматривать его как основу для синтеза новых фреймов (симуляций в сознании). Утверждение, что «любые образы, создаваемые в политическом дискурсе, по своему смыслу – только ментальные объекты, соотнесенность которых с реальностью соответствует доле используемых в них контекстов» [16], показывает, что когнитивное моделирование политического дискурса связывает между собой когнитивные феномены использования в языке политических категорий, лексики, метафор, языковых форм и др. лексические конструкции, которые получены носителем языка в процессе концептуализации политического опыта. Но создание новых концептов невозможно без дополнительных данных, которые появляются в той или иной языковой ситуации, или формироваться под давлением внешней среды не дискурсивного характера – структурных особенностей политической системы, ее институций и т.д.

Фреймы рассматривались как структуры, которые могут существовать в виде языковых метафор, при этом политические метафоры оказываются более слабыми по воздействию если они не согласуются с прототипами того или иного общества [12]. Но когда они используются, то происходит заполнение недостающих смыслов через создание симуляций в сознании, которые способны вызывать субъективные переживания опыта, и побуждать к моделям мышления, соответствующих данному опыту [17]. Поэтому, как утверждает М.В. Берендеев, в когнитивной метафоре политического дискурса образ и реальный объект могут вообще не совпадать, а лингвистическое поведение фреймов, далеко не факт, что будет «отражать политическое или социальное поведение или с ним

совпадать» [\[16, с.96\]](#). Т.е. возникает ситуация взаимодействия с «семантической аурой», обусловленной стереотипными ассоциациями, которую в современном понимании можно охарактеризовать как «облако слов», сопутствующее определенному понятию или даже фрейму в целом. Аура, при актуализации понятия, воплощается в «фоновых» смыслах, которые активно используются в политических текстах и оказывают существенное влияние на восприятие и использование слова в конкретной коммуникативной ситуации.

В ментальных моделях политические фреймы представлены вместе с когнитивной метафорой. Полученные в процессах «блендинга» – образования новых слов при помощи соединения их частей нетипичными для русского языка способами [\[18\]](#) (от англ. Blend – смешивать) и «фузия» (от lat. Fusio – сливать вместе, сплавлять), эти фреймы создавались как смешение отдельных компонентов смысла (политикан, агитпроп, пандадипломатия) [\[19\]](#), так и как «сплавление», со скрыванием смыслов не подходящие для данных условий в когнитивной метафоре (например, цитата Оруэлла: «Война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила. Власть – не средство; она – цель», разошедшаяся по всем политическим каналам), но благодаря им «становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания» [\[8\]](#).

Материалы и методы

Для сбора актуальной информации и точной фиксации языковых фактов когнитивного выражения политических ценностей использовался метод выборочного обследования без участия электронных средств коммуникации. Метод «мышление письмом», без влияния внешних факторов и раздражителей позволил оценить развитость когнитивных моделей.

В анализе результатов использован метод дескрипции коммуникативных фреймов и их лингвопрагматический анализ. В результате выявлены стратегии использования когнитивного осознания содержания политической ценности и использования понимания в создании языкового выражения.

Эксперимент проводился среди молодых людей, в возрасте от 16 до 25 лет, получающих высшее образование сразу после школы или уже после обучения в колледже. Необходимо было выделить 10 политических ценностей, описать их содержание и проранжировать их по степени значимости в личной иерархии ценностей. В 369 опросных листах было зафиксировано 127 уникальных ценностей, 46 повторяющихся. Респонденты использовали 874 уникальных ключевых слова для описания ценностей. Ценности могли состоять из одного слова – 145 записей, двух слов – 125 записей, трех и более – 45 записей. Тем не менее двусловные, такие как «Свобода слова», «Экономическая стабильность», «Национальная безопасность», также занимают большую часть ответов (125), более сложные составные понятия с несколькими уточняющими словами занимают малую долю ответов. Важным для исследования было присутствие в описаниях политических ценностей когнитивных метафор и окказионализмов, доказывающих что существует и проявляется паттерн взаимодействия ментальной модели и эмоционального переживания жизненно важных факторов и коммуникативных практик.

На уровне ценностных фреймов чаще всего наблюдался блендинг. Было найдено 14 вариантов смешения смысла, часть из которых уже устойчивые выражения в политическом дискурсе, а часть – окказионализмы: «Законопорядок», «Самопорядок», «Демократичность», «Служение личное», «Научно-технологическая безопасность»,

«Социальная солидарность», «Патриотизм Родины», «Экономическая ответственность», «Стабильность порядка», «Справедливое распределение властей», «Гражданские отношения», «Покой и здоровье», «Гражданский мир», «Созидательный дух». Эти выражения показывают, что респонденты активно рефлексиируют на событийный ряд, и их субъективная оценка событий порождает как концептуальные метафоры, так и авторские окказионализмы, которые в силу своей нестандартности наиболее адекватно отражают системы ценностей создателей [\[20\]](#).

Обсуждение и результаты

Следуя цели исследования и используя анализ фреймов Дж. Лакоффа, отметим, что формирование метафор и окказионализмов в описании политических ценностей может быть связано с несколькими причинами. Через социальные миры политики, СМИ и компьютерных игр, методом окружения политической ценности проблемами социального плана, отвлекается внимание от законных политических ценностей (социальное благосостояние, национальное здравоохранение, борьба с бедностью и финансирование образования и др.), и внимание переключается на ценности иного семантического поля. В общее ментальное пространство, в аксиологический фрейм, встраивается объект ситуативный и образуется новый фрейм, который уже не зависит от источника и начинает жить своей жизнью [\[8\]](#). Так происходит конструирование нового ментального объекта, который многомерен и имеет множество интерпретаций.

В качестве иллюстрации направленного влияния на фреймы и политических ценностей рассмотрим появление окказионализма «Патриотизм Родины» в русском языке. «Патриотизм Родины» имплицитно отражает измененное отношение к ценностям «патриотизм», «Отечество», «Родина», «права и свободы человека», но не просто из «экономии» слов, а исходя из особенности когнитивных процессов того, кто использует язык. Можно предположить, что это влияние игрового мира, где «Патриотизм Родины» – это транслитерация и дословный перевод с сокращением смысла, который понятен пользователям китайских игр, использующим автоматический перевод. В китайском варианте «Patriotism of the Motherland» употребляется в китайских текстах в контексте патриотизма [\[21\]](#) – культуры родины-Китая как страны, в смысле «отражение патриотизма воссоединения родины» [\[22\]](#).

Второй вариант – это «облако слов» вариантов подсказок поисковой системы GOOGLE, построенное на анализе публикаций СМИ – расширение окружения понятия патриотизм, которое в англоязычном варианте выглядит так: patriotism of the motherland indigenous, film, patriotism of the motherland anthropology, patriotism of the motherland colonialism, patriotism of the motherland native Americans, patriotism of the motherland Britain, patriotism of the motherland nationalism. Если же поиск вести на русском языке, то данное выражение даже не появляется в поисковой выдаче. Система предлагает: патриотизм сочинение, в чем проявляется патриотизм, примеры патриотизма, почему патриотизм важен и др. Слово Родина встречается только в найденных текстах в следующем окружении: Патриотизм подразумевает любовь к Родине в целом, Патриотизм – это гордость за свою Родину.

Если же рассматривать ценности, описанные новыми словами по типу блендинга, то «Законопорядок» – смешение с целью усилить эмоциональный окрас, «Созидательный дух» – смешение процесса и понятия, чтобы показать превосходство духа над физическими границами, «научно-технологическая безопасность» – эмоциональное усиление безопасности в технологическом плане, «социальная солидарность» – попытка

соединить общество и общность в одном контексте, пробудить сознание и вызвать ассоциацию, «покой и здоровье» – неосознанное соединение спокойствия как синонима мира, и здоровья для усиления эффекта, и вызов ассоциации с медициной, что любому пациенту нужно оставаться в состоянии покоя для восстановления здоровья после пережитого стресса, «гражданский мир» – смешение в попытке более точно выразить понятия мира на государственном уровне, «стабильность порядка» – попытка усилить домен «порядок» через ассоциацию стабильности. Более сложные сочетания происходят на уровне ценности плюс комментарии, позволяя увидеть первичные домены и дополнительные.

Таким образом, в основном политические ценности выражаются молодым поколением через когнитивно простые, единичные значения одноуровневого порядка. Это связано с высокой плотностью политического информационного потока, который требует быстрой рефлексии и субъективной оценки как в жизни для принятия решения, так и в социальных сетях для получения определенного статуса [\[23\]](#). Оказионализмы стали появляться и по причине неотрефлексированной практики политических действий, и, как следствие, нехватки слов для описания необходимого понятия. Но это только в том случае, если автор не владеет ситуацией и не интересуется политикой. Подобные процессы могут быть вызваны так и психологическими факторами – страхом невозможности объяснить свои мысли и быть понятым.

Заключение

Как показало исследование, политический дискурс, социальное и культурное окружение, медийное поле СМИ создают наиболее вероятную связь с когнитивным фреймами, ментальными моделями и разрушают границы ситуативного сценария использования языкового выражения политических ценностей.

Несомненной причиной появления политических окказионализмов является проникновение английского языка, как преобладающего в цифровой среде. Его влияние сложно игнорировать, потому что ментальные пространства, в которых происходят процессы приема информации, сопоставления, поиска решения и смешивания для получения результата, участвуют в составлении новых слов. В нашем случае новые слова – это заимствованные слова из английского языка, которые входят в «семантическую ауру» слов, обозначающих политические ценности.

Использование принципа аналогии при создании политических окказионализмов вызвано необходимостью решения коммуникативно-стилистических задач в среде общения. В языке молодежи эмоциональное выражение смысла политических ценностей, более свойственное неформальному общению, становится ведущим, и в публичной, и в официальной ситуации.

Подобные выводы свидетельствуют, что помимо исключения из практики политического дискурса элементов чужих культур с соответствующими языковыми фреймами, необходимо выстраивать цепочку «коротких», но связанных между собой знаний о политических ценностях, используя другие медиадискурсы как инструмент систематизации знаний и понятий о политическом мире.

Полученный результат может быть применен и при анализе структур фреймов языка, контекстов их создания, что может помочь в определении условий возникновения содержания ценности, зафиксировать деструктивные представления и предотвратить искажение смысла. В качестве исследовательских выводов авторами предлагается рассмотреть предложения по созданию фреймов вокруг ментальных объектов,

ограниченных не только социальными контекстами, но и критериями подлинности, правдивости, нормальности русского языка.

Библиография

1. Корниенко Е. Р. Дискурс как когнитивный механизм // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 379-383. DOI 10.18500/1817-7115-2019-19-4-379-383 EDN: AWYAIC.
2. Селезнева А. В., Скипин Н. С., Турков Е. А. Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. Т. 17, №. 2. С. 60-70. DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70 EDN: OBDBPJ.
3. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
4. Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences. 1976. Т. 280, №. 1. С. 20-32. DOI 10.1111/j.1749-6632.1976.tb25467.x.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 2008.
6. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the gulf // Cognitive Semiotics. 2012. Т. 4, №. 2. С. 5-19. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/cogsem.2012.4.2.5/html>.
7. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. URL: <https://www.hillpublisher.com/UpFile/202502/20250212103156.pdf>.
8. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. Т. 4, №. 1. С. 8-27. EDN: LDGOGT.
9. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивные и риторические истоки теории Дж. Лакоффа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 11-15. URL: https://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?SECTION_ID=276 EDN: PQGACF.
10. Подшибякина Т. А. Динамика ментальных мировоззренческих моделей: концепция и метод сценарного прогнозирования // Политическая наука. 2024. № 4. С. 241-261. DOI 10.31249/poln/2024.04.10 EDN: YTPMMF.
11. Ватолина Т. Г. Когнитивная модель дискурса как многомерный ментальный конструкт // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2017. № 9 (сентябрь). URL: <http://e-kon-cept.ru/2017/175006.htm> DOI: 10.24422/MCITO.2017.9.7488 EDN: ZIBXYD.
12. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2007. № 1. С. 236-239. URL: <https://vestnik.astu.org/ru/nauka/journal/200/view> EDN: JTLUKF.
13. Андреева С. Л. Потенциал понятия "фреймирование" для когнитивной лингвистики // Русистика и компаративистика: сб. науч. трудов по филологии. Гл. ред. С. А. Васильев. Вып. XI. Ч. II. М.: Книгодел, 2017. С. 159-167.
14. Асланов И. А. Исследование фрейминга в работах российских ученых: результаты контент-анализа // Медиаскоп. 2020. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2662> DOI: 10.30547/mediascope.4.2020.2 EDN: MSBLPJ.
15. Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического: от фрейманализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1-2. С. 87-113. EDN: NYKOVH.
16. Берендеев М. В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 91-99.
17. Чугунова С. А. "Живое" слово на перекрёстке теории и эксперимента в

отечественной и зарубежной науке // Вестник БГУ. 2015. № 1. URL:

<https://bsu.by/editions/magazine/vestnik-bgu-d/numbers/49354>.

18. Хрущева О. А. Блендинг в системе словообразования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 11 (105). С. 95-101. EDN: MLUFZL.

19. Стрельцов А. А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: тематический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 131-150. DOI 10.22250/24107190_2022_8_2_131 EDN: OZIRMO.

20. Самойлова А. В. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, №. 1. С. 145-159. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159 EDN: NCHUQJ.

21. Hou L. Mandarin learning system based on chatbot // 2023 International Conference on Distributed Computing and Electrical Circuits and Electronics (ICDCECE). IEEE, 2023. С. 1-6.

22. An J., Xiang Q. A Study on Characteristics of the Phenomenon of National Association, Communication and Integration Embodied in the Tibetan Heroic Epic "Gesaer" // 2nd International Conference on Language, Communication and Culture Studies (ICLCCS 2021). Atlantis Press, 2021. С. 215-220.

23. Селезнева А. В., Скипин Н. С., Турков Е. А. Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. Т. 17, №. 2. С. 60-70. DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70 EDN: OBDBPJ. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают когнитивные фреймы, которые под влиянием ментальных контекстов, экстралингвистических факторов подвергаются деконструкции смыслов, определяющих политические ценности.

Методология исследования базируется на использовании комплекса методов, сформулированных в подходе когнитивного фреймирования, метадискурсивного подхода, лингвистического анализа.

Заслуживает внимания проведенный эксперимент среди молодых людей, в возрасте от 16 до 25 лет, получающих высшее образование сразу после школы или уже после обучения в колледже, и результаты обработки 369 опросных листов с помощью компьютерных программ для выявления ключевых слов и уникальных выражений.

Актуальность исследования обусловлена тем, что молодежь, будучи активным потребителем цифрового контента, формирует политические ценности под влиянием не только традиционных СМИ, но и соцсетей, игровой культуры, автоматизированных переводов, поэтому необходимо обоснование лингвистических конструкций, выявление ментальных моделей для определения и разъяснения смыслов, метафор, интерсубъективности.

Заявленная авторами научная новизна работы состоит в определении «лингвистической ауры» языковых выражений политических ценностей как комплексного пространства неполитических смыслов, которая отражает как образно, так и рационально социально-политический опыт молодежи.

В публикации выделены следующие разделы: Введение, Исследовательские программы ментальных моделей и когнитивного фреймирования, Материалы и методы, Обсуждение и результаты, Заключение, а также Библиография.

Авторы отмечают, что политический дискурс активно воздействует на все социальные отношения и формирует не просто ментальное пространство, содержащее знание о политических ценностях, а и удобное информационное пространство для манипулирования. В работе проведен анализ ментальных моделей политических ценностей в языке современной молодежи, рассматриваемых через призму когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. Авторы исследуют, как политический дискурс формирует ценностные фреймы в сознании молодых людей, а также какие языковые механизмы (метафоры, окказионализмы, блендинг) используются для выражения этих ценностей. В работе сделан вывод о том, что помимо исключения из практики политического дискурса элементов чужих культур с соответствующими языковыми фреймами, необходимо выстраивать цепочку «коротких», но связанных между собой знаний о политических ценностях, используя другие медиадискурсы как инструмент систематизации знаний и понятий о политическом мире.

Библиографический список включает 23 источника – научные публикации отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой теме в российских и зарубежных журналах и изданиях на русском и иностранных языках. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что уместно было бы расширить анализ влияния социальных сетей на формирование фреймов, а также использовать наглядную визуализацию при подаче результатов исследования.

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал, соответствует тематике журнала «Litera», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после рассмотрения авторами высказанных замечаний и пожеланий.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тресорукова И.В., Чуева С.Ю. Словообразование неологизмов-окказионализмов в политическом дискурсе новогреческого языка: номинация партийных деятелей и их сторонников // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75574 EDN: RBKZUU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75574

Словообразование неологизмов-окказионализмов в политическом дискурсе новогреческого языка: номинация партийных деятелей и их сторонников

Тресорукова Ирина Витальевна

ORCID: 0000-0001-8899-5716

кандидат филологических наук

доцент, кафедра византийской и новогреческой филологии; МГУ имени М.В. Ломоносова

119899, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 строение 51

✉ itresir@mail.ru

Чуева София Юрьевна

ORCID: 0009-0000-2334-0356

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 53 к. 3 стр. 15

✉ sophychuyeva@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75574

EDN:

RBKZUU

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2025

Дата публикации:

20-08-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию лексем-неологизмов в политическом дискурсе новогреческого языка, образованных от названий политических

партий, организаций и объединений для обозначения их членов и сторонников. В работе анализируются словообразовательные модели, семантика и прагматика данных лексем, а также их роль в политической коммуникации. Процесс суффиксации, отмеченный в качестве способа образования исследуемых лексем, представляет собой достаточно частотное явление в рамках словообразования и рассматривается в ряде работ, посвященных морфологии и словообразованию лексем новогреческого языка (ср., напр. А. Ралли, А. Богри и др.). Материалом исследования служат 57 уникальных лексем-неологизмов, выявленных в ходе работы с электронными корпусами текстов, а также с новостными сайтами греческих печатных СМИ. В работе применяется морфологический анализ неологизмов с использованием деривационной модели Д. Корбин, при помощи которой мы можем проанализировать структуру, истолковать и пояснить семантическое сходство или различие между неологизмами-дериватами и спрогнозировать значения, которые потенциально появляются при использовании конкретных структур, и в результате, продемонстрировать степень реализации каждой лексемы в речи. Научная новизна работы заключается в системном анализе неологизмов политического дискурса новогреческого языка, многие из которых ранее не фиксировались в словарях новогреческого языка. Выявлены наиболее продуктивные суффиксы, при этом установлено, что главным источником для деривации являются аббревиатуры, а основным методом словообразования – сокращения и усечения, графические вариации и утрата букв при аффиксации. Феминитивы чаще всего образуются при помощи суффикса – ισσά, реже – η и – α, что отражает более широкий процесс феминизации в новогреческой словообразовательной системе. Полученные результаты подтверждают, что неологизмы в политическом дискурсе – индикатор динамики языка, а их морфологический анализ является ценным инструментом для изучения эволюции новогреческого словообразования и социолингвистических процессов.

Ключевые слова:

новогреческий язык, политический дискурс, неологизмы, окказионализмы, пейоративы, феминитивы, суффиксация, словообразование, деривация, морфологический анализ

Как известно, политический дискурс неоднократно становился предметом исследования различных исследований на материале разных языков. Язык, присущий политическому дискурсу и используемый в средствах массовой информации, занимает особое место в лингвистике, так как он охватывает все функциональные стили и активно применяет характерные для них средства и приемы. Такая широта и возможность выбора языковых инструментов придает политическому дискурсу неограниченный потенциал в информационном, воздействующем и творческом аспектах. Особую роль в этом играют неологизмы, возникающие в дискурсе и позволяющие придать речи более эмоциональную окраску.

Неологизмы как категория являются предметом научных статей и дискуссий в целом ряде работ зарубежных и отечественных лингвистов. Как отмечает греческая исследовательница А. Христофиду, неологизмы в виде окказионализмов или более устойчивых лексем составляют наиболее живую и творческую часть нашего языка, поскольку их особенности являются наиболее надежными индикаторами языковых изменений и эволюции, сигнализируют о тенденциях языка и способствуют выявлению продуктивности морфем [\[1\]](#). Морфологический анализ существующих слов часто бывает запутанным, потому что каждый язык, и особенно греческий, сохраняет в своих недрах

многочисленные языковые слои, происходящие из более ранних эпох, с множественными окончаниями и аффиксами. При этом неологизмы могут представлять собой несклоняемые заимствования из других языков или при образовании получать полную парадигму склонения или спряжения, и в последнем случае выявляются как уже существующие (ср. напр. *ο σνομπ* > *ο σνομπισμός*, где заимствованное из английского языка *snoob* транслитерируется в греческом, а затем создает неологизм при помощи существующего в греческом языке форманта – *ισμος* по формуле X_N -*ισμος*), так и новые, зачастую не существовавшие в языке словообразовательные модели (*ΑΚΕΠίτης* < *Α.Κ.Ε.Π.* (*Αυτοδύναμο Κίνημα Επανάστατικής Πολιτικής* «Независимое Движение Революционной Политики») по формуле $[[X]Acr(-(i)της)]$, где в качестве исходной основы используется аббревиатура), о чем будет более подробно изложено в первой части нашей статьи.

А. А. Инжечик в своей работе [2] о неологизмах в политическом дискурсе немецкого языка отмечает, что «основным мотивом для создания неологизмов является потребность социальной действительности в новых номинациях и в экспрессивно-эмоциональной лексике». Этот постулат применим и к греческому политическому дискурсу, где неоднократно создаются различные неологизмы (зачастую употребляемые *ad hoc*) для более емкого и эмоционального описания того или иного явления в политической жизни страны.

Данная статья посвящена разбору лексем-неологизмов, сформированных от названий греческих политических партий, организаций и объединений и используемых для номинации их членов и сторонников. Многие лексемы подобного рода представляют собой неологизмы-оказионализмы и до сих пор не фиксируются в толковых словарях новогреческого языка. Процесс суффиксации, отмеченный в качестве способа образования исследуемых лексем, представляет собой достаточно частотное явление в рамках словообразования и рассматривается в ряде работ, посвященных морфологии и словообразованию лексем новогреческого языка (ср., напр. А. Ралли [3], А. Богри [4], А. Анастасиади-Симеониди [5], А. Иорданиду и Э. Мандзари [6] и др.).

Как известно, словообразование является одной из основополагающих процедур для формирования и обновления словарного запаса любого языка (этим вопросом в греческом словообразовании занимались такие ученые, как А. Ралли [3], А. Анастасиади-Симеониди [5] и пр.). Как пишет Р. Г. Гатаулин, «суффиксация, как один из важнейших видов словообразования <...> является активным и продуктивным способом образования коннотативно маркированных лексических единиц» [7]. При этом аксиологический потенциал деривата всегда обусловлен семантикой производящей основы, которую могут составлять 1) лексемы оценочно-эмоционального, экспрессивного характера, 2) лексика функциональных стилей, 3) слова, у которых может формироваться дополнительное метафорическое, метонимическое и пр. значения [7].

Неологизм, который в рассматриваемом случае представляет собой своего рода дериват [5], представляет собой продукт сочетания морфологической структуры и семантической нагрузки, поэтому для того, чтобы лексема воспринималась как дериват, она должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) каждая из частей ее морфологической структуры должна относиться к определенной категории и иметь уникальное значение;
- 2) прогнозируемое значение является производным по отношению к первоначальной

морфологической структуре;

3) отклонения от нормы могут объясняться при помощи общепринятых правил словосложения.

В своем анализе мы придерживаемся принципов словообразования, которые изложены в работе Д. Корбин [\[8\]](#), которая отмечает, что слово является не изолированной единицей, а представляет собой элемент морфологической парадигмы как структурированной сети, где все связи между словами организованы по деривационным правилам, и полностью принимаем точку зрения, высказанную А. Богри [\[4\]](#), которая отмечает, что подход Д. Корбин позволяет получить всеобъемлющий подход в описании всей совокупности деривационной морфологии и возможность для словообразования всех потенциально создаваемых лексем языка, пусть даже не подтверждаемых в существующих словарях.

Как будет показано далее, при помощи предлагаемой Д. Корбин формулы мы можем достаточно емко и результативно проанализировать структуру, истолковать и пояснить семантическое сходство или различие между аффиксальными неологизмами-дериватами, существующими в политическом дискурсе, и спрогнозировать значения, которые потенциально появляются при использовании конкретных морфологических структур, и в результате, продемонстрировать степень реализации каждого лексического элемента в речи.

В своей работе мы исследовали корпуса текстов серии eITenTen [\[9\]](#) [\[10\]](#) за 2014 и 2019 год, а также новостные сайты греческих печатных СМИ [\[11\]](#) [\[12\]](#) [\[13\]](#) и выявили целый ряд неологизмов, используемых для наименований членов или сторонников различных греческих партий. Как известно, политическая жизнь Греции отличается активным участием в ней представителей различных партий и объединений. Необходимость номинации представителя того или иного политического движения порождает необходимость поиска способов образования дериватов от названий политических партий. На данный момент в Греции насчитывается 81 политическая партия (на 2025 г.), 9 из которых представлены в Парламенте (по результатам парламентских выборов 25.06.2023).

В результате проведенного исследования было выявлено 57 уникальных неологизмов, большинство из которых имеют пейоративную окраску. При анализе словообразовательных моделей мы использовали формулу

$$[[X]_y(Z)suf],$$

где $[X]_y$ представляет собой исходное словосочетание (Ph) или аббревиатуру (Acr), обозначающую ту или иную политическую партию (переменная y обозначает соответствующую исходную часть речи), а $(Z)suf$ – словообразующий формант, состоящий из суффикса и родового окончания имени существительного, участвующий в образовании лексем, характеризующих членов и последователей различных партий. Нами были вычленены следующие суффиксы, участвующие в процессе словообразования:

- (i)της (ж. р. – ισσα, реже – η, – α)
- τζής (ж. р. – τζού)
- (i)ος (ж. р. – α)

- ης (ж. р. – α)
- ές, – έδες
- αίος (ж. р. – α)
- ούς, – ούδες

Кроме того, мы выявили такую модель, как

$$[[X]_y[Y]_y(Z)suf]$$

где $[X]_y$ и $[Y]_y$ обозначают части речи, участвующие в процессе словообразования, при этом формант $(Z)suf$ может быть факультативным, как будет показано далее. Другими словами, мы говорим о двух типах моделей, суффиксальной и словосложении.

1. Суффиксальная модель $[[X]_y(Z)suf]$

1.1. $[[X]_{Acr}-(i)της] / [[X]_{Acr}-(i)πισσα]$

Самым продуктивным суффиксом в рамках лексем исследуемого семантического поля является суффикс $-(i)της$, (16 уникальных лексем), при этом максимальное количество лексем (12) являются производными от аббревиатур по формуле $[[X]_{Acr}-(i)της]$, ср. напр.:

ΑΚΕΠίτης < **Α.Κ.Ε.Π.** (Αυτοδύναμο Κίνημα Επαναστατικής Πολιτικής «Независимое Движение Революционной Политики»): Ένα μεγάλω ευχαριστώ Για τις νύχτες αφισοκόλλησης στου Γκίζη και τους Αμπελόκηπους. Ένας πρώην **ΑΚΕΠίτης** και ένας πρώην κνίτης και νυν τίποτα, να αφισοκολλούν ! Κάτι σαν τους αδελφούς Μαρξ (Большое спасибо за ночи расклеивания афиш в Гизи и Абелокипи. Бывший **последователь ΑΚΕΠ** и бывший член Коммунистической молодежи Греции, а сейчас ничего, пусть клеят афиши! Что-то вроде братьев Маркс)

ΑΝΕΛίτης < **ΑΝ.ΕΛ.** (Ανεξάρτητοι Έλληνες – Независимые греки): Σύμφωνα με τα αποτελέσματα του ΥΠΕΣ, ο Παναγιώτης Κορουμπλής συγκέντρωσε 13.684 σταυρούς έναντι των 13.389 του πρώην **ΑΝΕΛίτη** και νύν βουλευτή του ΣΥΡΙΖΑ, Θανάση Παπαχριστόπουλου (Согласно результатам МВД, Панайотис Корублис собрал 13684 голоса против 13389 голосов бывшего **члена партии Независимые греки** и нынешнего депутата партии СИРИЗА Танасиса Папахристопулу)

Стоит отметить, что в большинстве случаев аббревиатура может сохраняться в неизменном виде и записываться заглавными буквами, но в ряде случаев аббревиатура как имя собственное (ИС) утрачивает свою первоначальную структуру и записывается строчными буквами:

ΕΑΜίτης / **εαμίτης** < **Ε.Α.Μ.** (Εθνικό Απελευθερωτικό Μέτωπο – Национально-освободительный фронт Греции): Τότε ο **εαμίτης** Μίχας του ζήτησε να ενταχθεί στον ΕΛΑΣ καί όταν αυτός αρνήθηκε άρχισαν τά βάσανά του (Тогдашний **сторонник ЭАМ** Михас попросил его вступить в ЭЛАС (Национально-освободительную армию Греции), и когда тот отказался, начались его страдания)

Также отмечается урезание гласной буквы в аббревиатуре, если она заканчивается на гласную:

Κνίτης < **Κ.Ν.Ε.** (Κομμουνιστική Νεολαία Ελλάδας) Οι κομμουνιστές και οι **ΚΝίτες** της

Νικαριάς είναι έτοιμοι να αντιμετωπίσουν αγωνιστικά και αποφασιστικά τον πολιτικό χειμώνα που επιφυλάσσουν οι κυρίαρχοι κύκλοι της ΕΕ και της χώρας μας για το λαό μας (Коммунисты и члены молодежной организации **Κ.Ν.Ε.** острова Икарии готовы отчаянно бороться с политической зимой, которую готовят для нашего народа правящие круги ЕС и нашей страны).

Мы видим, что производный неологизм *Κνίτης* при образовании утрачивает *Ε* из аббревиатуры *ΚΝΕ*. Аналогичный процесс отмечается и в лексеме *ΑΝΤΑΡΣΥτης*, где утрачивается *Α* из аббревиатуры *ΑΝΤ.ΑΡ.ΣΥ.Α*:

ΑΝΤΑΡΣΥτης < ΑΝΤ.ΑΡ.ΣΥ.Α (Αντικαπιταλιστική Αριστερή Συνεργασία για την Ανατροπή – Αντικαπιταλισтическое левое сотрудничество для ниспровержения, Фронт антикаπιταλισтических левых): *Ο ΑΝΤΑΡΣΥτης δήμαρχος Χαλανδρίου κάνει «ανταρσία» αγνοώντας το Ελεγκτικό Συνέδριο και πληρώνοντας τους συμβασιούχους* (Мэр Халандри, **сторонник Фронта антикаπιταλισтических левых**, устраивает «мятеж», игнорируя Счетную палату и выплачивая деньги подрядчикам).

По формуле **[[X]_{Acg}-(i)τισσα]** образуются соответствующие феминитивы для наименования женщин-сторонниц различных партий:

ΕΑΑΚίτισσα < ΕΑΑΚ: *εδώ τον βλέπουμε σε πάρτι στο πολυτεχνείο την περίοδο που προσπαθούσε να την πέσει σε μια ΕΑΑΚίτισσα...* (здесь мы видим его на вечеринке в Политехническом университете в тот период, когда он пытался подбивать клинья к одной **стороннице ΕΑΑΚ**)

Κιναλίτισσα < ΚΙΝΑΛ: *Η ΝΔ, δηλαδή, που πράγματι έχει πρόεδρο κι αυτός ενεργεί ως αρχηγός, ως αφεντικό, δεν είναι δημοκρατικό κι είναι η **κιναλίτισσα** Φώφη, Η οποία ούτε καταδέχθηκε να απαντήσει στο... αίτημα να την συναντήσει ο Σγουρός* (То есть, Новая демократия, у которой правда есть председатель, и он ведет себя как лидер, как босс, не демократична. А что же **сторонница партии Движение перемен** Фофи, которая даже не сооблаговолила ответить... на запрос Сгуроса о встрече?)

Подобного типа производные лексемы позволяют, во-первых, судить о присутствии женщин-депутатов от той или иной партии, а также о последовательницах того или иного политического движения, а во-вторых, проанализировать образование феминитивов от лексем мужского рода с суффиксом – (i)της. Как и в ряде других случаев (профессии, качества, этнонимы и катойконимы) родовая пара для лексем с формантом -της в новогреческом языке наиболее часто образуется с помощью суффикса -ισσα [14]. Также мы отмечаем единичные случаи образования лексем женского рода посредством формантов -η и -α (*κνίτη, νάρα*): так, вариант *Κνίτη* в качестве феминитива мы находим в насмешливой картинке, изображающей бородатую кошку Hello kitty с подписью «HELLOKNITH» (намек на неопрятность представительниц коммунистического движения молодежи). Лексема *νάρα* не выявляется в контекстах при корпусном поиске, однако приводится в качестве варианта производной лексемы женского рода от лексемы *ΝΑΡΙτης* на портале SlangWiki [15].

1.2. **[[X]_{Acg}-τζής] / [[X]_{Acg}-τζού]**

По этой формуле образуются наименования сторонников или членов партии ΠΑΣΟΚ (Πανελλήνιο Σοσιαλιστικό Κίνημα – Всегреческое социалистическое движение): **πασοκτζής** и **πασοκατζής**: *Ο Πάγκαλος, περισσότερο από κάθε άλλον **πασοκτζή** οφείλει να κρατάει κλειστό στόμα. Δεν επιτρέπεται ούτε αλήθειες σε βάρος του Τσίπρα να λέει.* (Пангалос

больше, чем любой другой **сторонник партии ПАСОК** должен держать язык за зубами. Ему нельзя говорить даже правду против Ципраса.)

и другой вариант

<...> βουλευτής της Χρυσής Αυγής κατηγορήσε τον μουσουλμάνο **πασоκατζή** βουλευτή της Θράκης, που φωτογραφιζόταν με φόντο την ανεξάρτητη Δυτική Θράκη, και τον αποκάλεσε πράκτορα της Τουρκίας <...> (Депутат от Золотой зари обвинил **депутата**-мусульманина **от партии ПАСОК** из Фракии, который фотографировался на фоне независимой Западной Фракии, и назвал его агентом Турции).

Стоит отметить, что сторонники этой партии почти всегда отображаются на письме строчными буквами, причем это наименование появляется в греческой прессе уже с конца 1990-х годов: *Και είναι βέβαιο πως αν η ΝΔ ήταν κυβέρνηση, ο κ. Στέφανος Μάνος θα ψήφιζε αυτό που δήλωσε <...> και τότε θα ήταν οι Νεοδημοκράτες «Γκισαούρηδες» και οι **ΠΑΣΟΚατζήδες** θα έτρεχαν στο λαοσυναξάρισμα* (И конечно же, если бы «Новая демократия» была бы у власти, Стефанос Манос проголосовал бы за свое заявление <...> и тогда сторонники партии «Новая демократия» были бы гяурами, а **сторонники партии ПАСОК** бегали бы по митингам). ([13], 27.06.2000)

Феминитив для обозначения сторонницы данной партии всегда образуется при помощи форманта *-(α)τζού*:

*Μια ξαδέρφη μου **πασоκατζού** διανύει περίοδο μεγάλης αγωνίας. Φοβάται μην τυχόν η κυβέρνηση κάνει κανένα αστείο και εφάρμόσει στην πράξη την αξιοκρατία στο Δημόσιο.* (Моя сестра, **сторонница партии ПАСОК**, очень сильно нервничает. Она боится, как бы правительство не пошутило и на деле не ввело бы аксиократию в государственных службах).

*Η κα Μπαλαούρα, πρώην(?) **ΠαСоКτζού** και πρόσφατα διορισμένη από την κυβέρνηση Κούλη διοικήτρια στο νοσοκομείο των Αθηνών "Άγιος Σάββας", καλείται να "βγάλει" τα κάστανα από τη φωτιά και να "σώσει" την κατάσταση σε Τρίκαλα και Καρδίτσα "ισοοροπώντας" καταστάσεις* (Госпожу Балаура, бывшего (?) **члена партии ПАСОК** и недавно назначенную правительством Мицотакиса директором афинской больницы "Святого Саввы", призывают "таскать каштаны из огня" и "спасти" ситуацию в Трикале и Кардице, "сбалансировав" обстановку)

1.3. [[X]_{Ac}-αίος] / [[X]_{Ac}-αία]

В ходе нашего исследования мы обнаруживаем производные на *-αίος* от аббревиатур ΣΥ.ΡΙΖ.Α (Συνασπισμός Ριζοσπαστικής Αριστεράς – Коалиция радикальных левых) и ΚΙΝ.ΑΛ (Κίνημα Αλλαγής – Движение перемен):

*Άμα είσαι εσύ **συριζαίος** ή έχεις κάποια υποτυπώδη σχέση με τον πολιτικό χώρο που λέγεται αριστερά, εγώ είμαι ο Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως* (Если ты **из партии СИРИЗА** или имеешь какое-то поверхностное отношение к политическому пространству, которое зовётся левым, то я — Патриарх Константинопольский)

*Εκπρόσωπος **ΚΙΝΑΛαίος** για το συνέδριο του SPD που δεν προσκάλεσαν την Φώφη: "Εμείς συνεδριακό τουρισμό δεν κάνουμε"* (Представитель партии **Движение перемен** о конференции СДПГ, куда не пригласили Фофи: «конференционным туризмом мы не занимаемся»).

Выявляются и соответствующие феминитивы, образованные по этой же модели:

*Βεβαίως και έχει άδικο η **συριζαία** και κακώς νομίζεις ότι το σχόλιο σου εκφράζει τη κοινή γνώμη.* (Конечно же, **сторонница партии СИРИЗА** не права, и зря ты считаешь, что твой комментарий выражает и общественное мнение).

1.4. [[X]_{Acr}-(i)ος] / [[X]_{Acr}- α]

Для образования наименований сторонников партии ПАСОК также используется формант – ος/– α:

*Ήταν μόδα για τον Έλληνα να είναι **ΠΑΣΟΚος** τη δεκαετία του '80.* (Для греков было модным в 80-е быть **сторонниками партии ПАСОК**).

Соответствующий феминитив также выявляется при корпусном анализе:

*Η δε Σπυράκη από φανατική **Πασόκα** έφτασε στο σημείο να υπερασπίζεται την εικόνα της ΝΕΑΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ* (Α Σπираки из фанатичной **сторонницы партии ПАСОК** дошла до того, чтобы защищать облик НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ)

Πомимо производных от аббревиатуры ΠΑΣΟΚ с формантом –(i)ος мы выявили неологизм, производный от аббревиатуры ANT.AP.CY.A:

*Θα ξεχάσω εγώ πόσοι συνδικαλιστές έφευγαν από το ΚΚΕ όταν ο **ΑΝΤΑΡΣΥος** Κωσταντίνος Καραμανλής έκανε 119 κρατικοποιήσεις;* (Неужели я забуду, сколько членов профсоюза ушли из партии ΚΚΕ (Компартия Греции), когда **сторонник ANT.AP.CY.A**. Константинос Караманлис национализировал 119 объектов?)

При анализе выявляется и вариант ΠΑΣΟΚιος, образованный посредством форманта – (i)ος:

*<...> ας θυμηθούμε τις διαφοροποιήσεις του κ. Γιαννόπουλου απ' τα καμώματα Λοβέρδου, όταν ο ελαφρόφρων αυτός **ΠΑΣΟΚιος** είχε αρχίσει να ξεχαρβαλώνει ό,τι είχε απομείνει απ' το Εθνικό Σύστημα Υγείας.* (Давайте вспомним, как г-н Яннопулос дистанцировался от выходок Ловердоса, когда тот легкомысленный **деятель ПАСОК** начал разваливать то, что осталось от Национальной системы здравоохранения)

Стоит отметить, что феминитив по модели с формантом – ία не выявляется ни для одной из представительниц греческий политических партий.

1.5. [[X]_{ph}-(i)της] / [[X]_{ph}- ίτισσα]

Данная модель используется для образования наименований представителей партий, названия которых состоят из словосочетаний, ср., напр., *Νέα Δημοκρατία, Χρυσή Αυγή*

Νεοδημοκράτης < Νέα Δημοκρατία: *Μια άστοχη δήλωση του **Νεοδημοκράτη** υπουργού Ναυτιλίας κ. Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη και μια εξοργιστική δήλωση του βουλευτή Πειραιώς του ΣΥΡΙΖΑ, κ. Θεόδωρου Δρίτσα* (Бесцельное заявление **члена партии Новая Демократия**, министра судоходства г-на Милитиадиса Варвициотиса и возмутительное заявление депутата от партии СИРИЗА в г. Пирей Тодороса Дритсаса)

Χρυσαιγίτης < Χρυσή Αυγή: *Αυτή η ενέργεια του μητροπολίτη εξόργισε τον **χρυσαιγίτη** τέως βουλευτή Αχαΐας Μιχάλη Αρβανίτη (συνήγορο πολιτικής αγωγής στην δίκη), ο οποίος, αφού χαρακτηρίζει ως "ηλίθιους" όσους συμπαραστάθηκαν στον δήμαρχο, απειλεί τον Χρυσόστομο με μηνύσεις <...> και ζητά "δικαίωση" από την Ιερά Σύνοδο για την στάση του Χρυσόστομου.* (Это действие митрополита разозлило **члена партии Золотая заря** бывшего депутата парламента от Ахеи Михалиса Арванитиса (адвоката в гражданском

иске на судебном процессе), который, назвав слабоумными всех, кто поддержал мэра, угрожает Хризостому исками и требует от Священного Синода «правосудия» в отношении позиции Хризостома).

Выявляются и соответствующие феминитивы *νεοδημοκράτισσα, χρυσαυγίτισσα*:

Τέλος, ως Νεοδημοκράτισσα, απέναντι στις "ανίερες συμμαχίες" του κ. Ξυριδάκη με την αριστερά, επιλέγω τον Νεοδημοκράτη Παντελή Χαροκόπο (В конце концов я, как **член партии Новая демократия**, перед «нечестивыми союзами» г-на Ксиридакиса с левыми отдаю предпочтение члену Новой демократии Панделису Харокопосу).

Χρυσή Αυγή: Ποια είναι η Χρυσαυγίτισσα αστυνομικός που καταδικάστηκε και έφυγε τυλιγμένη με σεντόνι στη ΓΑΔΑ; (Золотая заря: кто такая полицейская-**сторонница Золотой зари**, которую осудили, и она отправилась в Главное управление полиции Атики завернутой в простыню?)

1.6. [[X]_{Acg}-ουλης]

Весьма интересны случаи образования производных от аббревиатуры ΝΔ – сокращенного названия партии *Νέα Δημοκρατία* (Новая Демократия). Подобные лексемы представлены двумя вариантами: *νουδούλης* и *νουδούδες* (только во множественном числе):

Τώρα απλά είτε θα κάψει τη τουριστική περίοδο (κάτι που μάλλον δεν ενδιαφέρει τους νουδούλες και μιλάνε για επενδύσεις) είτε η συμμετοχή και μάλιστα των σηματικότερων εκλογών, θα είναι στον πάτο (Сейчас он либо просто сожжет туристический сезон (что, скорее всего, не интересует **членов партии Новая демократия**, и они говорят об инвестициях), либо явка на самые важные выборы будет рекордно низкой).

Стоит отметить, что в этом случае мы не выявляем феминитивов, образованных по такой модели.

1.7. [[X]_{Acg}-ές]

В результате анализа был выявлен окказионализм *Κουκουές* от аббревиатуры партии ΚΚΕ (Κομμουνιστικό Κόμμα Ελλάδας – Коммунистическая партия Греции), хотя сторонников этой партии чаще всего называют распространенным термином *κομμουνιστής*:

Με τσιμπούκι, τσιγάρο άφιλτρο, τον Ριζοσπάστη παραμάσχαλα, ψιλοαξύριστο και να κυκλοφορεί με σκισμένο τζιν; Όχι, τέτοιος Κουκουές δεν είμαι (С трубкой, сигаретой без фильтра, номером газеты «Ризоспастис» под мышкой, слегка небритый и рванными джинсами? Нет, я не такой **член ΚΚΕ**.)

Стоит отметить, что окказионализм *Κουκουές* чаще всего употребляется в пейоративном значении (ср., напр., вышеприведенный пример), в то время как в нейтральных контекстах употребляется лексема *κομμουνιστής* (коммунист).

2. Грамматические характеристики выявленных неологизмов

Образованные неологизмы получают практически полную парадигму склонения по правилам новогреческого языка, отмечаются формы мн. ч., образованные по правилам образования соответствующих имен существительных и пр., ср., напр.:

-ίτης > -ίτες

Την βρώμικη δουλειά της κυβερνητικής δολιότητας να στιγματίσει τους αγρότες ανέλαβαν οι γνωστοί επαγγελματίες "αντιφασίστες", οι **ΣΕΚίτες**, η πιο ύποπτη συνιστώσα της ΑΝΤΑΡΣΥΑ (Грязную работу коварства правительства по стигматизации фермеров взяли на себя известные профессиональные «антифашисты», **члены партии СЕК**, самой подозрительной составляющей коалиции ΑΝΤΑΡΣΥΑ)

– τζής >– τζήδες

Ο Δημήτρης Κουνενάκης είναι ένας από τους πολλούς "όψιμους" **ΠΑΣΟΚατζήδες** που έχουν εκδηλωθεί τα τελευταία 3-4 χρόνια. (Димитрис Куненакис является одним из «зрелых» **представителей партии ПАСОК**, которые появились за последние 3-4 года).

Также встречаются формы родительного падежа:

Εφόσον, με βάση το Σύνταγμα και τη Λογική, είναι Πρωθυπουργός του λαού και όχι ο Πρωθυπουργός των δεξιών ή των **пασоκατζήδων**, θα έπρεπε να είναι εκλεκτός του συνόλου του λαού και όχι εκλεκτός συγκεκριμένων μερίδων του. (Поскольку на основании конституции и логики он является народным премьер-министром, а не премьер-министром правых или **членов партии ПАСОК**, ему следовало быть избранным всем народом, а не лишь какой-то его частью).

3. Графическое отображение неологизмов

В процессе анализа мы выявили следующие варианты написания аббревиатур:

- 1) ΠΑΣΟΚ-, ΣΕΚ-, ΔΗΜΑΡ- – все буквы заглавные (70%)
- 2) пасок-, χρυσαυγ- – все буквы строчные (25%)
- 3) Νεοδημοκρατ-, Πасок- – первая заглавная, остальные строчные (4%)
- 4) ΚουΚου-, ΠαΣοΚ- – чередование заглавных и строчных букв (1%).

Такое написание не зависит от источника и не несет каких-то оценочных характеристик, являясь лишь графической особенностью написания конкретных лексем.

Заклучение

Таким образом, политический дискурс новогреческого языка является чрезвычайно продуктивной сферой для возникновения и функционирования неологизмов-окказионализмов, которые обслуживают потребности номинации, экспрессии и оценки в условиях высокой политической конкуренции. В результате исследования было выявлено 57 уникальных неологизмов, большинство из которых остаются вне словарной фиксации, но активно используются в публицистике и медийных текстах. Методологически продуктивным оказывается использование деривационных моделей по Д. Корбин, позволившее нам не только описывать реально функционирующие лексемы, но и прогнозировать возможные словообразовательные образования в политическом дискурсе. Отмечено, что основным способом образования подобных лексем выступает суффиксация, что соответствует общей закономерности словообразования в новогреческом языке. Наиболее продуктивными оказались форманты – (i)της / – (i)τισσα, – τζής / – τζού, – (i)ος / – α, – αιος / – αία, – ές, – έδες, – ουλης, – ούδες, при этом главным источником для деривации являются аббревиатуры, а основным методом словообразования являются сокращения и усечения (Κνίτης < ΚΝΕ), графические вариации (Κουκουές, ΠαΣοΚτζής), утрата букв при аффиксации (ΑΝΤΑΡΣΥτης < ΑΝΤΑΡΣΥΑ). Феминитивы чаще всего образуются при помощи суффикса – ισσα, реже – η

и – а, что отражает более широкий процесс феминизации в новогреческой словообразовательной системе. Семантика неологизмов в большинстве случаев имеет пейоративную окраску, что связано с функцией политического дискурса — противопоставлением «своих» и «чужих», а также необходимостью создания экспрессивных характеристик, при этом графическое оформление (заглавные, строчные, комбинированные буквы) не является оценочным маркером, а представляет собой лишь вариативность в письменной фиксации. В языке происходит полная грамматическая интеграция новых лексем, неологизмы получают парадигму склонения, множественное число, формы косвенных падежей, что подтверждает их «встраивание» в морфологическую систему языка.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что неологизмы в политическом дискурсе — индикатор динамики языка, а их морфологический анализ является ценным инструментом для изучения эволюции новогреческого словообразования и социолингвистических процессов. Научная фиксация и лингвистический морфологический анализ неологизмов в целом предоставляет лингвистике чрезвычайно важный инструмент для изучения множества и многогранных явлений языковой динамики и изменений.

Библиογραφία

1. Χριστοφίδου, Α. Περί Νεολογίας // Νάκας, Θ. & Κατσούδα, Γ. Όψεις Της Νεολογίας: Σύμφυση Και Επανετυμολόγηση – Ολικοί Και Μερικοί Λεξικοί Σύμφυρμοι Στη Δημοσιογραφία, Τη Διαφήμιση, Τα Ιστολόγια Και Τη Λογοτεχνία Για Παιδιά. Γλωσσοφιλολογική Βιβλιοθήκη 11. Αθήνα: Πατάκης, 2013.
2. Инжечик, А.А. Образование неологизмов в политической терминологии современного немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 108-113. ISSN 1997-2911. EDN: XELTIT.
3. Ralli, A., Xydopoulos, G. Blend formation in Modern Greek // Renner, V., Maniez, F. & P. Arnaud (eds.) Cross-disciplinary perspectives on lexical blending (Trends in Linguistics). Berlin, 2012. С. 35-50.
4. Μπόγρη, Α. Το επίθημα-ίλα στην Κοινή Νέα Ελληνική // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα. № 35. Θεσσαλονίκη, 2017. С. 658-668.
5. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α. Η νεοελληνική παραγωγή κατά το μοντέλο της D. Corbin // Μελέτες για την ελληνική γλώσσα-Πρακτικά της 13ης ετήσιας συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής Α.Π.Θ., 7-9 Μαΐου 1992. Θεσσαλονίκη. С. 505-526.
6. Ιορδανίδου, Α., Μάντζαρη, Έ. Τα θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά: γλωσσική χρήση και τυποποίηση. Πρακτικά 5ου Συνεδρίου Ελληνικής Γλώσσας και Ορολογίας, 13-15 Οκτωβρίου. Λευκωσία: Ελληνική Εταιρεία Ορολογίας, 2005. С. 73-87.
7. Гатаулин, Р.Г. К проблеме суффиксальной стилистической номинации (на примере немецких суффиксов -о, -е, -и) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 127-132. EDN: OXLTIX.
8. Corbin, D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. Т. I – II. Presses universitaires du Septentrion, 1991. URL: <https://books.openedition.org/septentrion/124160> (дата последнего обращения: 28.06.2025).
9. eITenTen2014. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Feltenten14_tt2 (дата последнего обращения: 25.06.2025).
10. eITenTen2019. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Feltenten19_tt3 (дата последнего обращения: 25.06.2025).
11. www.tovima.gr (дата последнего обращения: 08.07.2025).
12. www.kathimerini.gr (дата последнего обращения: 08.07.2025).
13. www.rizospastis.gr (дата последнего обращения: 08.07.2025).

14. Чуева, С.Ю. Изменение продуктивности суффикса феминитивов -ιοσα в греческом языке (диахронный анализ) // Рема. Rhema. 2024. № 2. С. 33-60. DOI: 10.31862/2500-2953-2024-2-33-60. EDN: BOVSHS.

15. SlangWiki. URL:

<https://slang.fandom.com/el/wiki/%CE%9D%CE%B1%CF%81%CE%AF%CF%84%CE%B7%CF%82> (дата последнего обращения: 24.07.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает процесс образования неологизмов-окказионализмов в политическом дискурсе новогреческого языка, актуальность изучения которого обусловлена как повышенным интересом научного сообщества к изучению политического дискурса («язык, присущий политическому дискурсу и используемый в средствах массовой информации, занимает особое место в лингвистике, так как он охватывает все функциональные стили и активно применяет характерные для них средства и приемы»), так и важностью научного обоснования динамичного процесса обновления и пополнения словарного состава языка, а также специфики функционирования новых слов, неологизмов, появление которых в языке вызвано непрерывным развитием общества, науки и техники, литературы и искусства. Как отмечается в работе, «научная фиксация и лингвистический морфологический анализ неологизмов в целом предоставляет лингвистике чрезвычайно важный инструмент для изучения множества и многогранных явлений языковой динамики и изменений».

Теоретической базой исследования послужили работы российских и зарубежных ученых по вопросам неологии; проблемам словообразования в греческом языке; особенностям образования неологизмов в политическом дискурсе и др. Библиография насчитывает 15 источников, в том числе электронные ресурсы, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Также в дальнейшем рекомендуем переводить на русский или английский языки источники на других языках (см требование редакции: «список литературы (References) приводится на русском и английском языках»).

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; словообразовательный анализ и сравнительно-сопоставительный метод и др. Также используется подход Д. Корбин, который позволяет «достаточно емко и результативно проанализировать структуру, истолковать и пояснить семантическое сходство или различие между аффиксальными неологизмами-дериватами, существующими в политическом дискурсе, и спрогнозировать значения, которые потенциально появляются при использовании конкретных морфологических структур, и в результате, продемонстрировать степень реализации каждого лексического элемента в речи».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута

цель работы и решены поставленные задачи, выявлены и обоснованы основные способы образования неологизмов-окказионализмов в политическом дискурсе новогреческого языка, особенности их графического оформления и семантики («в большинстве случаев имеет пейоративную окраску, что связано с функцией политического дискурса — противопоставлением «своих» и «чужих», а также необходимостью создания экспрессивных характеристик»). Достаточно ценным является наблюдение, что в новогреческом языке происходит полная грамматическая интеграция новых лексем, неологизмы получают парадигму склонения, множественное число, формы косвенных падежей, что подтверждает их «встраивание» в морфологическую систему языка

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в развитие неологии и дискурсологии, в изучение словообразовательной системы новогреческого языка, могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и применяться в вузовских курсах по теории дискурса, лексикологии новогреческого языка, по словообразованию и развитию словарного состава данного языка.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бадмадоржиева Е.Б. Семантико-функциональные особенности эмотивных глаголов злости в монгольских языках // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.71628 EDN: RFOHTN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71628

Семантико-функциональные особенности эмотивных глаголов злости в монгольских языках

Бадмадоржиева Елена Баяровна

ORCID: 0009-0000-3044-2895

аспирант; кафедра филологии Центральной Азии; Бурятский государственный университет
670000, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24, оф. а

✉ badmadorzhieva@aginskhost.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.71628

EDN:

RFOHTN

Дата направления статьи в редакцию:

03-09-2024

Дата публикации:

21-08-2025

Аннотация: Глаголы злости, характеризующиеся разнообразием и специфической семантикой, являются одними из наиболее многочисленных эмотивных глаголов монгольских языков. Предметом исследования данной статьи являются семантико-функциональные признаки эмотивных глаголов злости в бурятском, калмыцком и монгольском языках. Автором определен состав и объем лексико-семантической группы глаголов со значением «злиться», описан характер взаимоотношений между членами ЛСГ. ЛСГ глаголов злости включает в себя глагол-идентификатор и 5 лексико-семантических подгрупп, которые выделены на основе дифференциальных сем («испытывать определенное состояние; «прийти в какое-либо эмоциональное состояние»; «вызвать определенное состояние (через воздействие на субъект)»; «чувствовать определенное отношение, направленное на что-либо или вызванное чем-

либо», внешнее выражение эмоций). Выявление семантико-функциональных признаков рассматриваемых глаголов было выполнено на основе языкового материала, извлеченного из лексикографических источников, корпусов национальных языков. В исследовании были использованы следующие методы: общенаучные исследовательские методы, структурные методы (дефиниционный анализ, компонентный анализ, оппозитивный анализ, метод семантического поля). Полученные выводы способствуют более детальному описанию структуры функционально-семантического развития глагольной лексики в монгольских языках и представляют интерес для исследований в области лексикографии, лингвокультурологии, психолингвистики и др. Основными выводами проведенного исследования стали следующие положения: 1. Глаголы со значением "злиться" в монгольских языках представляют собой сложную, иерархическую микросистему языка, состоящую из базового глагола – идентификатора бур. уурлах «злиться, сердиться»/монг. уурлах «сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться»/калм. уурлх «сердиться, злиться, гневаться» и 5 лексико-семантических групп. 2. ЛСГ глаголов злости в монгольских языках объединены общей лексико-категориальной семьей, внутри ЛСГ наблюдается синонимия, многозначность. 3. Репрезентация злости в монгольских языках схожа, ввиду близкородственности рассматриваемых языков, но не совпадает, что обусловлено культурными и историческими реалиями. 4. Глаголы и субстантивно-глагольные сочетания со значением "злиться" обладают образной внутренней структурой, на основе которой можно выявить характер проявления злости, реакцию на эмоцию-раздражитель, степени проявления эмоции и др.

Ключевые слова:

монгольские языки, эмотивный глагол, монгольский, семантика, калмыцкий, гнев, злость, бурятский, эмоции, значение

Введение

Интерес к проблеме выражения эмоций в языке, к языковой категоризации эмоций и их связи с национальной культурой остается неизменным - сегодня лингвистика уделяет значительное внимание эмоциональному аспекту языка и считает его ключевым подходом к исследованию языковой личности в контексте антропоцентризма в науке. Однако, несмотря на достаточную разработанность лингвистики эмоций в целом [Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., 1993, 2011; Бабенко, 1989-2020; Васильев, 1971; Вежбицкая, 1996-2008; Ковексес 1989-2020; Шаховский, 1983– 2007 и др.], на современном этапе наблюдается недостаточность специальных работ в монголоведении, посвященных проблемам эмотиологии.

Имеющие в монголоведении исследования по проблемам эмотивности посвящены структуре и семантике сложных эмотивных конструкций [Скрибник 1982, 2015], лингвокультурным характеристикам эмоций [Митриев, Есенова, 2013; Харчевникова, Лиджиева, 2015; Эрдэнэ-Очир, 2016], выявлению закономерностей процессов вербализации и восприятия эмотивных составляющих невербальных знаков [Одончимэг, 2010], установлению специфики вербализации эмоций средствами монгольских языков [Абаева Ю.Д., 2022; Дадуева Е.А, 2023; Даржаева 2021, 2022; Мулаева 2020; Сундуева 2018, 2022; Цог-Очир, 2020; Цыренов Б.Д., 2021, 2022 и др.].

Данное исследование представляет собой попытку структурирования и семантического

описания эмотивных глаголов со значением «злиться, гневаться» в монгольских языках. Отметим, что функционально-семантические особенности глаголов в монголоведении специально не изучались ранее, до недавнего времени проводилась лишь тематическая классификация слов [Баяржаргал, Цунаева, 2012; Скородумова, Ульгийсайхан, 2008; Цыдендамбаев, 1957]. На материале монгольского и калмыцкого языков Э. У. Омакаевой (2008) были предприняты попытки разработки принципов представления глагольной лексики — валентностных (актантных) классов глаголов, семантических классов и подклассов, лексико-семантических групп глаголов. В ряде работ на материале монгольских языков выделены отдельные лексико-семантические группы глаголов [Лиджиева, 2021, 2022; Омакаева, 2015; Егодурова, 2001; Шахаева, 2014; Бачаева, 2019; Даржаева, 2021 и др.].

Исследованию же конкретно эмотивных глаголов монгольских языков были посвящены работы Н. М. Мулаевой [\[1\]](#) по анализу и классификации лексико-семантических групп эмотивных глаголов, называющих «базовые» эмоции в текстах эпоса «Джангар», Н.В. Даржаевой [\[2\]](#) по изучению комбинаторики бурятских глаголов эмоции и синтаксического выражения валентности стимула эмоциональной реакции, а также Е.В.Сундуевой [\[3\]](#) и Б.Д. Цыренова [\[4\]](#) по выявлению семантических особенностей обозначения эмоций в монгольских языках.

Методы и материалы

Материал исследования выделен путем сплошной выборки из различных лексикографических источников: современных двуязычных, этимологических и толковых словарей, также привлечены примеры употребления эмотивных глаголов со значением «гневаться» из корпусов национальных языков (монгольского, бурятского и калмыцкого).

Классификация эмотивных глаголов осуществлялась на структурно-семантическом основании с опорой на опыт лексико-семантической классификации Л.Г.Бабенко.

Л.Г.Бабенко, рассматривая различные по грамматической оформленности слова, выделяет функционально-семантические классы слов эмоционального состояния, становления эмоционального состояния, эмоционального воздействия, эмоционального отношения, внешнего выражения эмоций, эмоциональной характеристики, эмоционального качества [\[5, с. 71-80\]](#). Учитывая, что предметом нашего рассмотрения являются эмотивные глаголы, мы будем использовать термин «лексико-семантические группы». Под лексико-семантической группой (далее — ЛСГ) вслед за Бабенко Л.Г. мы понимаем «слова одной части речи, взятые преимущественно в основных значениях, конкретизирующие основное идентифицирующее понятие лексико-семантического поля и интерпретирующие его регулярно в определенных аспектах, имеющие максимум общих семантических признаков, которые объединяются на основе категориально-лексической семы, но в то же время имеют различия, передаваемые дифференциальными семами, регулярно повторяемыми в составе этих групп» [\[6, с.13\]](#).

Базовый глагол-идентификатор

Базовым глаголом идентификатором во всех рассматриваемых языках является глагол бур. уурлаха «злиться, сердиться» [\[7, с. 310\]](#)/монг. уурлах «сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться» [\[8, с. 1125\]](#)/калм. уурлх «сердиться, злиться, гневаться» [\[9, с. 536\]](#). Данные глаголы характеризуются наибольшей частотностью,

которая напрямую связана с ее обобщенным значением: бур. уурлаха -190, монг. уурлах – 176, калм. уурлх - 91 вхождений в Корпусах рассматриваемых языков соответственно [10-12]. В монгольском языке обнаружено менее употребительное однокоренное слово высокого стиля монг. уурсах «сердиться; быть недовольным, гневаться» (26 вхождений) [8, с. 1125].

Базовый глагол-идентификатор активно участвует в образовании сложных глагольных конструкций со значением эмоции «злиться». Данные глагольные конструкции преимущественно состоят из двух значимых компонентов, в которых сочетаются как глаголы, близкие по значению, так и глаголы различного смыслового содержания. При этом в парных глаголах с близким по содержанию один из них выражает эмоцию в более обширном проявлении (глагол-идентификатор), а другой глагол – какой - то оттенок эмоции, например, монг. унтууцан уурлах «раздражаться, испытывая затруднение», монг. уурлах уцаарлах «нервничать от отчаяния», монг. цухалдаж уурлах «поспешно злиться, не зная полностью ситуацию», бур. уурлаха сүхалдаха «злиться», бур. уурлаха тэбдэхэ «горячиться», бур. уурлаха голхорхо «злиться».

В парных словах, в которых сочетаются слова различные по значению, один из этих компонентов под влиянием значения другого приобретает свойство употребления в переносном смысле: монг. уурлаж давшлах «раздражаться; гневаться» (монг. давшлах бросаться в бой, атаку, наступать [8, с. 676]), монг. зэвүүцэн уурлах «возмущаться» (монг. зэвүүцэх «робеть, испытывать робость» [8, с. 398]) и т.д.

Классификация эмотивных глаголов со значение «злиться, гневаться»

Глаголы, составляющие периферию, конкретизируют содержание эмоции.

ЛСГ «Глаголы эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема – «быть в состоянии гнева, испытывать гнев». Гнев в данной ЛСГ передается как неактивное, замкнутое в субъекте состояние.

В словарях рассматриваемых языков указаны эмотивные глаголы бур. хилэнлэхэ «гневаться» с пометой старомонг. [7, с. 424], монг. хилэнлэх «гневаться, приходить в ярость, сердиться» [13, с. 1305], калм. килних «сердиться, гневаться» с пометой высок [9, с. 301]. Отсутствие примеров с данными глаголами в Национальных корпусах рассматриваемых языков становится основанием вывода о том, что вышеуказанные глаголы малоупотребительны. В Национальных корпусах отмечено частое употребление парных сочетаний бур/ монг. уур хилэн «злость», в Калмыцком корпусе калм. ур килц «злость» [10-12].

От корня калм. урын «гнев» образуется калм. урных «злиться, сердиться» [9, с.537], в языке ойратов Синьцзяна зафиксирован ойр. урньха «сердиться, злиться, становиться гневным» [14, с. 357], однако, корень монг. урин «гнев, пылкая страсть» эмотивный глагол не образует, отмечена лишь парная конструкция монг. урин хилэн «сильный гнев». Языковых параллелей в бурятском языке не обнаружено.

ЛСГ «Глаголы становления эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема «прийти в состояние гнева, становиться наполненным гневом». Эмоция в ЛСГ отражена в развитии.

Отчетливо увидеть становление эмоционального состояния можно через анализ

субстантивно-глагольных единиц:

1. В сочетании с глаголами бур.хүрэх [\[7, с. 501\]](#)/ монг. хүрэх [\[13, с. 1434\]](#)/ калм.күрх «быть охваченным чем-либо, быть преодолеваемым чем-либо» [\[9, с. 328\]](#), монг. төрөх «возникать, происходить (о переживаниях)» [\[8, с.981\]](#), монг. гаргах «выходить, выделяться» [\[16, с. 545\]](#), бур. хүдэлхэ [\[7, с. 482-483\]](#)/монг. хөдлөх [\[8, с.1359\]](#)/калм.көдлх [\[9, с.310\]](#) «зарождаться, пробуждаться (о каких-л. побуждениях, желаниях)» показывают начальную стадию гнева (инхоативное значение): монг. хилэн төрөх «гневаться, разгневаться», монг.уур хүрэх/ бур. уур хүрэхэ/калм. ур күрх «злиться, сердиться», монг. цухал хүрэх/бур. сухал хүрэхэ/калм. цухл күрх «злиться, гневаться», монг. зэвүү хүрэх «гневаться, возмущаться», монг.омог төрөх «злиться», монг. унтуу гаргах «разгневаться», монг. шар гаргах «злиться», монг. шар хөдлөх «злиться», монг. унтуу хөдлөх «гневаться», монг. омог нь хөдлөх «злиться», монг. хор хөдлөх «досадовать, гневаться на кого-либо»/бур. хороо хүдэлхэ «раззадориваться»/ калм. хор буслх «злиться», бур. уураа худэлхэ «сердиться, гневаться»/монг. уур хөдлөх «гневаться»/калм. уурнь көдлх «рассердиться» и т.д.

Несмотря на то, что бур. түрэхэ [\[7, с. 271\]](#), калм. төрх [\[9, с. 515\]](#) употребляются в значении «рождаться, появляться, возникать» говоря об эмоциях и чувствах (например, бур.баяр түрэхэ «радоваться», калм. хүндл төрх «обижаться»), в Корпусах рассматриваемых языков не отражены примеры с употреблением данных глаголов в значении «гневаться».

Субстантив бур. зэбүүн [\[15, с. 421\]](#) в бурятском языке семантически отличается от монг. зэвүү «возмущение, гнев» [\[16, с. 398\]](#), имея значение «отвращение, омерзение; гадливость», соответственно бур. зэбүүгээ хүрэхэ «испытывать отвращение». В калмыцком языке данная лексема не обнаружена, что подтверждается данными этимологическими словаря монгольских языков [\[17-18\]](#).

1. В сочетании с глаголами монг. шатах «гореть» [\[16, с. 1617\]](#), бур. бусалха [\[15, с. 157\]](#)/монг. буцлах «кипеть» [\[16, с. 445\]](#), монг. бадрах «пылать» [\[16, с. 368\]](#) описывается пик гнева, высшая степень гнева: монг. омог/уур нь шатах «кипеть от гнева», бур.уураа бусалха «кипеть от гнева», монг. шар буцлах «кипеть от злости», монг. хилэн бадрах «пылать гневом», бур. сухал бурьялха «кипеть от злости» и т.д. Здесь и в подобных субстантивно-глагольных единицах видим метафорический перенос гнев-огонь, гнев – горячая жидкость. Это так называемые «биологические» метафоры, имеющие высокую языковую универсальность и основанные на физиологическом повышении температуры тела человека при сильном гневе [Апресян, 2011: 30].

Отметим, что внутри вышеописанных подгрупп субстантивно-глагольных единиц характерны синонимические связи, как одна из основных форм проявления системности ЛСГ. Основное отличие этих синонимов (идеографических) друг от друга заключается в оттенках значения и в выражении различной степени проявления гнева.

Высшая степень гнева также обозначается глаголами бур. агсамнаха зап. «1) рваться вперёд, горячиться (о лошади) 2) горячиться; скандалить, буянить (о человеке) [\[15, с.36\]](#)/монг.агсрах «горячиться, бросаться, кидаться, вспылить; буйствовать, буянить, скандалить 2) горячиться, рваться (о лошади); быстро ездить, спешить» [\[16, с. 170\]](#)/калм. агсмнх «буянить, дебоширить, скандалить» [\[9, с. 26\]](#)/ойр. агсараха «рассердиться, разгневаться, быть в гневе» [\[14, с. 20\]](#)/ойр. агсамлаха «буянить, горячиться» [\[14, с. 20\]](#),

монг. догшрох/монг.догширхох «свирепствовать; приходить в ярость; горячиться; лютовать» [16, с. 713]/ойр. догширхаха «1. становиться резким, усиливаться 2. приходить в ярость, разгневаться» [14, с. 127], монг. улангасах «становиться свирепым; звереть, сатанеть, неистовствовать» [8, с.1069]/бур. уланхарха/уланхатаха/уланхадаха [7, с.295] «звереть, сатанеть, становиться свирепым», монг. хийрхэх [13, с.1302]/бур. хиирэхэ [7, с.423] «быть в состоянии нервного возбуждения; впадать в истерику; нервничать; 2) сойти с ума, помешаться, рехнуться; 3) беситься» и др.

Глаголы эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема «вызвать гнев через воздействие на субъект». Значительная часть глаголов данной ЛСГ составляют каузативные глаголы, в значениях которых можно отследить указание на способ воздействия, например, бур. гаарулха «сердить, дразнить, выводить из себя, раздражать, злить» [15, с.185] / монг.гааруулах «разъярить, раздражить, подстрекать, бесить, вызывать усиление, обострение; усиливать, обострять» [15, с. 470], монг. уцаарлуулах «раздражать, дразнить» [8, с. 1137], калм. килннүлх «сердить, вызывать гнев» [9, с.301]/ монг. хилэгнүүлэх «вызывать гнев, сердить» [13, с. 1305]/ бур. форма не обнаружена и др.

Рассмотрим наиболее интересные с точки зрения семантики примеры глаголов. Наблюдается потеря эмотивного компонента значения ойр. агсуулха [14, с.20] в языке ойратов Синьцзяна (от ойр. агсаха «рассердиться, быть в гневе») - «заставить вооружиться, повесить доспехи». В современном монгольском же монг. агсаргах [16, с. 170] несет в себе целый спектр способов эмоционального воздействия - «1) сердить, злить, бесить, приводить в бешенство, ярость; разъярять; распалять; гневить; 2) возмущать, вызывать возмущение, приводить в негодование, возмутить, привести в негодование кого-л.; 3) раздражать, нервировать; дёргать, коробить; раздражить; действовать кому-л. на нервы; 4) горячить, вызывать, провоцировать, возбуждать, пробуждать, будить, зарождать, поднимать, внушать, вселять в кого-л., поселять, сеять, навевать, зажигать». Семантические преобразования, связанные с изменением объема слов, определяются как историческими процессами и явлениями в жизни общества, так и иными внешними причинами, по-разному воздействующими на семантическую структуру слова [Цыбикова: 18-19]. Полагаем, что значение «заставить вооружиться, повесить доспехи» является более архаичным в отличие от значений монг. агсаргах, преобразование может быть объяснено утратой в жизни общества соответствующего явления.

Монг. Гаажлах [16, с. 469] «задевать, раздражать, выводить из терпения», образованный от корня гааж- «что-нибудь из ряда вон выходящее» вероятно близко с бур. (зап) гаатай «вредный, раздражительный (о человеке)», ойр. нажуурах «вести себя недостойно, куражиться» [14, с.98] и употребляется, когда гнев вызван поведением, отклоняющимся от нормы. Примеров с данным словом в Национальном корпусе не зафиксировано.

Глаголы эмоционального отношения: передают переживание гнева к чему-либо/кому-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо

Цыренов Б.Д. в статье «Эмотивы со значением «злость, гнев» в монгольских языках» выделяет оттенок нервозности, раздражения в номенклатуре значений слов с корнями сухал- и дериватах от этих корней [4, с. 62]. Данные из толковых словарей также позволяют выделить значение «раздражение от вынужденности смириться с ситуацией»

глаголов бур.сухалдаха «сердиться, гневаться; возмущаться; раздражаться, горячиться, вспылить» [7, с.200] /монг.цухалдах «нервничать; раздражаться; сердиться; гневаться, горячиться, вспылить» [8, с.1598] /калм.цухлтх «гневаться, негодовать, возмущаться» [9, с. 642]. Эти глаголы употребляются только со словами, обозначающими человека, для обозначения злобного состояниях животных чаще всего употребляется базовый глагол-идентификатор. Также говоря о гневе собак зафиксированы монг. ганших «визжать, злобно лаять (о собаке)» [16, с. 541], восходящий к общемонгольскому корню ᠭᠠᠩᠭᠢᠨᠠ [18, с. 19] (однако в бурятском и калмыцком языке нет глаголов с таким значением, а лишь һанһх «выть визжать», бур. гангинаха «выть, визжать, скулить»).

Глаголы внешнего выражения эмоций: категориально-лексическая сема «выражать во внешности, жесте гнев, эмоциональное отношение к гневу». В данной подгруппе отражено внешнее выражение эмоции – указание на органы, с которыми связано проявление эмоции, типичное внешнее проявление эмоции. Гнев в данном случае является причиной, а различные физиологические или психические реакции – следствием проявления эмоции-раздражителя.

Глаголы монг. унтуурхах/монг.унтуурах «раздражаться; изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид, пылать гневом, злиться»/монг. унтууцах «сердиться, пылать гневом, гневаться, изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид» [8, с. 1086] являются однокоренными словами (корень «унтуу» «гнев, злоба, злость; сердитый, злобный вид»), употребляются в высоком стиле. В этимологическом словаре монгольских языков отражен корень калм. унту «гнев» [19, с. 200], однако в лексикографических источниках по калмыцкому и ойратскому языкам [9], Калмыцком национальном корпусе [11] не удалось обнаружить слова, имеющие данный корень. В бурятском языке языковые параллели также не обнаружены.

Несмотря на то, что глагол монг. Уцаарлах [8, с. 1137] в БАМРС имеет значение «раздражаться», данное слово было отнесено в данную ЛСГ, основываясь на данные толкового словаря монгольского языка «Монгол хэлний тайлбар толь» Ц. Норжина [21, с. 58]: «монг.уур уцаар- уурласан хүний хатуу гажуу үгс» досл. уур уцаар – «грубые слова гневного человека». Так, если монг. унтуурхах/монг.унтуурах [8, с.1086] выражают внешний сердитый, злобный вид, то глагол монг.уцаарлах [8, с. 1137] выражает типичное действие при гневе – «ругаться грубыми словами». Интересны значения глагольных сочетаний, представленные в Большом толковом словаре монгольского языка: монг. унтууцан уурлах «раздражаться, испытывая затруднение», монг. уурлах уцаарлах «нервничать от отчаяния», монг. цухалдаж уурлах «поспешно злиться, не зная полностью ситуацию» [20].

В.И. Рассадин и С.М.Трофимова [22, с. 42] рассматривая процессы развития и обогащения лексики калмыцкого языка и его говоров, происходившие под влиянием тюркских языков, описывают глагол калм.аһлх «плакать от злости». Данный глагол отражен в калмыцком словаре Г.И. Рамстедта как общекалмыцкий, но отсутствует в современных калмыцких словарях. Языковые параллели также не отражены в остальных монгольских языках.

Цыбикова И. А. в кандидатской диссертации «Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском языках» описывает психологическую реакцию человека в гневе отражал стп.-м. keükirḱü «бушевать, неистовствовать, приходить в запальчивость»

(о сердитом человека). В современном монгольском языке глагол приобрел значение монг. хүүхрэх «реветь, шуметь, кричать в гневе» [8, с. 1348], в бурятском и калмыцком языках также не наблюдается семантической общности с праединицей, произошла утеря эмоциональной окраски - бур. һүүхирхэ 1) кликать, звать; 2) кричать, орать; 3) гукать (о филине) [7, с.580], калм. хээкрх «кричать, вопить, восклицать» [9, с. 587].

Из примеров, представленных в данной ЛСГ можно сделать вывод, что в бурятском и калмыцком языках в большинстве случаев выражение гнева представлено «синтетически» – словами, которые указывают одновременно на эмоцию и на тип поведения – злиться, гневаться, в монгольском же языке наблюдаются специализированные глаголы, описывающие в первую очередь внешние проявления этого чувства.

Заключение

Итак, основным выразителем эмоции – глаголом-идентификатором выделены глаголы бур. уурлаха «злиться, сердиться»/монг. уурлах «сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться»/калм. уурлх «сердиться, злиться, гневаться».

Глаголы со значением «злиться, гневаться» были распределены в 5 ЛСГ, в каждом из этих глаголов уточняется категориально-лексическая сема группы. Произведенная нами классификация глаголов позволяет говорить о неоднородном составе, ее иерархической организации. На примере эмотивных глаголов «злиться, гневаться» видно, что монгольским языкам присущи общечеловеческие черты репрезентации эмоций, носящие биологический и культурный характер, наряду с этим можно сказать о неравномерном семантическом устройстве ЛСГ глаголов гнева в рассматриваемых языках. Большинство значений эмотивных глаголов гнева в монгольских языках совпадает ввиду близкородственности, однако мы наблюдаем определенную детальность репрезентации гнева средствами глагольной лексики в монгольском языке.

Библиография

1. Мулаева Н.М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе "Джангар" // Вестник КИГИ РАН. 2020. № 4. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120.
2. Даржаева Н. Б. Комбинаторика бурятских глаголов эмоции и синтаксическое выражение стимула // Вестник БГУ. Филология. 2023. № 3. С. 33-40.
3. Сундуева Е. В. Манифестация грусти в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 4. С. 20-26. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-4-20-26
4. Цыренов Б. Д. Эмотивы со значением 'злость, гнев' в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 59-66. Режим доступа: <https://journals.bsu.ru/content/articles/3040.pdf>. Дата обращения: 01.03.2024.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 1989. 182 с.
6. Бабенко Л. Г. Лингвopsихология на методологической базе когнитивистики: лексикографический аспект. 2020 Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/90984>. Дата обращения: 21.02.2024. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.3.0573.
7. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 708 с. Т. 2. О–Я.
8. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. 2001. 440 с. Т. 3. Ө–Ф.
9. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык. 1977. 768 с.

10. Бурятский национальный корпус [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>. Дата обращения: 21.02.2024.
11. Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // <http://kalmcorporu.ru>. Дата обращения: 24.02.2024.
12. Монгольский национальный корпус [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://webcorpora.net/MongolianCorpus>. Дата обращения: 24.02.2024.
13. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. 2001. 532 с. Т. 4 Х–Я.
14. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна: (По версиям песен "Джангара" и полевым записям автора). Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 2001. 493 с.
15. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 636 с. Т. 1. А–Н.
16. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. 2001. 520 с. Т. 1. А–Г.
17. Этимологический словарь монгольских языков / ред. Г.Д. Санжеев. М.: ИВ РАН. 2015. 224 с. Т. 1. А–Е.
18. Этимологический словарь монгольских языков / ред. Г.Д. Санжеев. М.: ИВ РАН. 2016. 232 с. Т. 2. Г–Р.
19. Этимологический словарь монгольских языков / ред. Г.Д. Санжеев. М.: ИВ РАН. 2018. 232 с. Т. 2. Q–Z.
20. Монгол хэлний их тайлбар толь [электронный ресурс] // <https://mongoltoli.mn/dictionary/> Дата обращения: 24.02.2024.
21. Ц. Норжин Монгол хэлний толь. Хух-Хото: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо. 1997. 3142 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемое исследование представляет собой «попытку структурирования и семантического описания эмотивных глаголов со значением «злиться, гневаться» в монгольских языках. Отметим, что функционально-семантические особенности глаголов в монголоведении специально не изучались ранее, до недавнего времени проводилась лишь тематическая классификация слов». Автор отмечает, что «интерес к проблеме выражения эмоций в языке, к языковой категоризации эмоций и их связи с национальной культурой остается неизменным - сегодня лингвистика уделяет значительное внимание эмоциональному аспекту языка и считает его ключевым подходом к исследованию языковой личности в контексте антропоцентризма в науке». На мой взгляд, предмет исследования достаточно интересен, актуальность как таковая не вызывает сомнений. Удачен на мой взгляд срез / оценка критических наработок в указанном тематическом русле: «исследованию конкретно эмотивных глаголов монгольских языков были посвящены работы Н. М. Мулаевой [1] по анализу и классификации лексико-семантических групп эмотивных глаголов, называющих «базовые» эмоции в текстах эпоса «Джангар», Н.В. Даржаевой [2] по изучению комбинаторики бурятских глаголов эмоции и синтаксического выражения валентности стимула эмоциональной реакции, а также Е.В.Сундуевой [3] и Б.Д. Цыренова [4] по выявлению семантических особенностей обозначения эмоций в монгольских языках». Автор придерживается выверенной методологической основы, противоречий в данной части нет: «классификация эмотивных глаголов осуществлялась на структурно-

семантическом основании с опорой на опыт лексико-семантической классификации Л.Г.Бабенко». Фактические данные обрабатываются по ходу научной наррации грамотно, филологически верно. Работа имеет явный практический характер, материал может стать подспорьем при формировании новых исследований в смежной тематической направленности. Цитации даются точно, в соответствии с требованиями издания. Например, «базовым глаголом идентификатором во всех рассматриваемых языках является глагол бур. уурлаха «злиться, сердиться» [7, с. 310]/монг. уурлах «сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться» [8, с. 1125]/калм. уурлх «сердиться, злиться, гневаться» [9, с. 536]. Данные глаголы характеризуются наибольшей частотностью, которая напрямую связана с ее обобщенным значением: бур. уурлаха - 190, монг. уурлах - 176, калм. уурлх - 91 вхождений в Корпусах рассматриваемых языков соответственно [10-12]. В монгольском языке обнаружено менее употребительное однокоренное слово высокого стиля монг. уурсах «сердиться; быть недовольным, гневаться» (26 вхождений)[8, с. 1125]», или «глаголы, составляющие периферию, конкретизируют содержание эмоции. ЛСГ «Глаголы эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема – «быть в состоянии гнева, испытывать гнев». Гнев в данной ЛСГ передается как неактивное, замкнутое в субъекте состояние. В словарях рассматриваемых языков указаны эмотивные глаголы бур. хилэнлэх «гневаться» с пометой старомонг.[7, с. 424], монг. хилэнлэх «гневаться, приходить в ярость, сердиться» [13, с. 1305]/ калм. килних «сердиться, гневаться» с пометой высок [9, с. 301]. Отсутствие примеров с данными глаголами в Национальных корпусах рассматриваемых языков становится основанием вывода о том, что вышеуказанные глаголы малоупотребительны. В Национальных корпусах отмечено частое употребление парных сочетаний бур/ монг. уур хилэн «злость», в Калмыцком корпусе калм. ур килц «злость» [10-12]», или «несмотря на то, что бур. түрэхэ [7, с. 271] , калм. төрх [9, с. 515]употребляются в значении «рождаться, появляться, возникать» говоря об эмоциях и чувствах (например, бур.баяр түрэхэ «радоваться», калм. һүндл төрх «обижаться»), в Корпусах рассматриваемых языков не отражены примеры с употреблением данных глаголов в значении «гневаться». Субстантив бур. зэбүүн [15, с. 421] в бурятском языке семантически отличается от монг. зэвүү «возмущение, гнев» [16, с. 398], имея значение «отвращение, омерзение; гадливость», соответственно бур. зэбүүгээ хүрэхэ «испытывать отвращение». В калмыцком языке данная лексема не обнаружена, что подтверждается данными этимологическими словаря монгольских языков [17-18]» и т.д. Считаю, что тема работы раскрыта, цель как таковая достигнута; поставленный спектр задач решен продуктивно и целостно. Иллюстративный фон достаточен, серьезных противоречий и фактических нарушений не выявлено; термины / понятия используются в режиме унификации. Выводы созвучны с основной частью, автор отмечает, что «глаголы со значением «злиться, гневаться» были распределены в 5 ЛСГ, в каждом из этих глаголов уточняется категориально-лексическая сема группы. Произведенная нами классификация глаголов позволяет говорить о неоднородном составе, ее иерархической организации. На примере эмотивных глаголов «злиться, гневаться» видно, что монгольским языкам присущи общечеловеческие черты репрезентации эмоций, носящие биологический и культурный характер, наряду с этим можно сказать о неравномерном семантическом устройстве ЛСГ глаголов гнева в рассматриваемых языках. Большинство значений эмотивных глаголов гнева в монгольских языках совпадает ввиду близкородственности, однако мы наблюдаем определенную детальность репрезентации гнева средствами глагольной лексики в монгольском языке». Библиографический список объемён, формальной правки не требуется. Рекомендую статью «Семантико-функциональные особенности эмотивных глаголов злости в монгольских языках» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Меркулов Г.В. Морфологические особенности румынского языка XVI—XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620) // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75579 EDN: QILTEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75579

Морфологические особенности румынского языка XVI—XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)

Меркулов Глеб Васильевич

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

143005, Россия, Московская обл., г. Одинцово, ул. Говорова, д. 26А, кв. 184

✉ glebmerkulov@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75579

EDN:

QILTEF

Дата направления статьи в редакцию:

15-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Данная статья посвящена описанию морфологических особенностей румынского языка XVI—XVII вв. на примере манускрипта Codex Neagoeanus. Предметом исследования является комплексный морфологический анализ рукописного памятника «Codex Neagoeanus» (ms. rom. 3821, Библиотека Румынской Академии), датированного началом XVII века. Данный кодекс представляет собой характерный для румынской культуры XVI—XVII вв. сборник религиозных и народных текстов (cărți populare), включающий переводы народного романа, дидактического трактата, краткого номоканона и произведения астрологической литературы. Исследование сосредоточено на системном описании и классификации архаичных и вариативных морфологических черт румынского языка, зафиксированных в текстах кодекса. Особое внимание уделяется тем особенностям, которые демонстрируют переходный характер языка этой

эпохи, находящегося на стыке старой латинской традиции и активного влияния славянских языков, а также процесса становления будущих литературных норм. Анализ проводится на материале всех знаменательных частей речи: имени существительного, прилагательного, глагола, местоимения и наречия. Основным методом исследования стал комплексный морфологический анализ, направленный на выявление и классификацию характерных архаичных и инновационных элементов в морфологической системе памятника письменности. Также используются методы палеографического анализа. Научная новизна исследования заключается в проведении первого детального и системного лингвистического анализа именно Codex Neagoeanus, который вводит в научный оборот новый фактический материал. Ключевые выводы заключаются в следующем: морфологическая система кодекса характеризуется крайней вариативностью и отсутствием стабильной нормы, что проявляется в сосуществовании архаичных (окончание -и у сущ. м.р., устаревшие формы перфекта) и инновационных (перифрастический кондиционал) форм. Установлено, что фонетические процессы (например, стяжение дифтонга ea) напрямую влияли на парадигмы спряжения глаголов. Важным выводом является демонстрация глубокого интегрального влияния славянских языков, которое выражается не только в лексических заимствованиях, но и в активном использовании славянских словообразовательных моделей (суффиксы -enie, -nie, приставка пе-) для создания новых слов на основе латинских и греческих корней. Таким образом, кодекс служит наглядным свидетельством сложного и многокомпонентного состояния румынского языка в ранний период.

Ключевые слова:

старорумынский язык, румынистика, Codex Neagoeanus, румынская кириллическая письменность, румынская морфология, манускрипт, народные книги, палеография, диахронический анализ, языковая вариативность

Введение

Абсолютное большинство румынских текстов XVI–XVII вв., сохранившихся до наших дней, составляют различные переводы библейских текстов, апокрифических сказаний, а также некоторое количество народных сказок, романов. Подобные произведения называются «народными» или «популярными книгами» (*cărți populare*) и получили широкое распространение, согласно некоторым исследователям румынской литературы, вследствие неудовлетворенного запроса простого населения [\[1, с. 42\]](#).

Некоторые сборники рукописей (или кодексы) содержат в себе тексты, созданные задолго до их непосредственного создания [Ibid, с. 44]. Например, такие сборники как: Кодекс Стурдзана, переписанный в Махачи, в период 1580–1620 гг. [\[2, с. 43\]](#), Кодекс Марциана, переписанный в Трансильвании в XVI в. [\[3, с. 188\]](#), и Псалтирь Хурмузаки, переписанный в конце XV в. [\[4, с. 111\]](#).

Среди довольно обширного набора сохранившихся до наших дней письменных источников, большой интерес представляет манускрипт под названием Codex Neagoeanus. Данный манускрипт находится в Библиотеке Румынской Академии под номером ms. rom. 3821, а также размещен в открытом доступе на ресурсе Medievalia.

Материалы и методы

Codex Neagoeanus имеет объем в триста восемьдесят две страницы, первые двадцать шесть повреждены наиболее сильно. Характер повреждений – сугубо механический, вырваны фрагменты клиновидной формы в центре страницы сверху. Учитывая тот факт, что поврежденные страницы следуют друг за другом, можно предположить, что все повреждения были нанесены одновременно. Кроме того, некоторые страницы (стр. 98, 128, 221, 229) надорваны по краям с незначительной потерей текста. Полностью отсутствующих страниц нет.

Сам текст, как и подавляющее большинство румынских текстов эпохи, написан с использованием кириллического алфавита, чернилами и киноварью. Тип письма, если пользоваться терминологией отечественной палеографии, можно определить как полуустав с элементами скорописи [\[5, с. 21\]](#). В манускрипте присутствуют специально оформленные заголовки, т.е. вязь, выполненные преимущественно киноварью на страницах 62, 80, 89, 155, 250, 255, 273. Кроме того, киноварь иногда используется для выделения заглавных букв в предложении или же целых предложений, причем использование киновари в таких случаях носит скорее бессистемный характер.

Помимо самих текстов, манускрипт содержит и авторские записи, а именно – авторское заключение к «Alixăndria», вступление и заключение к «Floarea Darurilor» и заключение к «Pravilă...». Наиболее интересны заключения, так как там переписчик оставляет информацию о дате написания («*let 7128*»; «*popa Ion din sat din Simpetru*»), а также указывает свое полное имя и должность («*mlado pop Ion Vlahă*»).

Манускрипт обладает фонетическими чертами сразу нескольких «диалектов», так как: 1. Был переписан примерно на границе зон говоров (Хунедоара, конкретнее — д. Sînpetru / Sîmpetru) [\[6, с. 545-560\]](#); 2. Наиболее вероятно, что каждый текст манускрипта (всего их 4) был переведен разными людьми и переписан одним человеком из разных источников. Однако, это не отменяет того факта, что, например, стяжение дифтонга «оа» может как происходить, так и не происходить в пределах одного текста. Поэтому говорить о принадлежности к одному конкретному диалекту довольно трудно.

Название манускрипта происходит от имени первого известного владельца – Штефана Нягоя, румынского писателя и учителя, жившего в XIX в. [\[7, с. 2\]](#). Имеется и другое название, используемое только на ресурсе Medievalia и в онлайн-каталоге Aleph – «Misceleanu religios și de cărți populare», т.е. «Сборник религиозных и народных книг». Данное название носит скорее описательный и технический характер и в научной литературе не используется, используется либо номер, либо название по имени первого известного владельца.

Результаты

Прежде чем мы начнем рассмотрение конкретных феноменов, позволим себе разъяснить порядок оформления примеров в данной статье. После указания той или иной особенности, примеры подаются следующим образом: *пример* (=современный / нормативный вариант, 'перевод', X, Y, Z...), где «X, Y, Z...» – номера страниц манускрипта, содержащие данные примеры. Интересующие нас морфемы выделены **жирным** шрифтом. Такая система оформления выбрана в связи с тем, что подавляющее большинство особенностей, к сожалению, невозможно полноценно отобразить с помощью глоссирования в соответствии с Лейпцигскими правилами, так как большинство обнаруженных нами феноменов носят скорее формальный характер, вызванный либо вследствие еще неоконченного процесса нормирования языка, либо влиянием других языков (в первую очередь – славянских).

Существительное. Некоторые существительные единственного числа в именительном падеже сохраняют старое окончание «е», т. е. остаются ближе к своему латинскому прототипу: *aramе* (=лат. *aeramen*, 'медь', 30), *grindine* (=лат. *grandinem*, 'град', 180). Наконец, трижды встречается архаичная форма *zio* (=zi, 'день', 9, 88, 195,).

Некоторые существительные мужского рода 2-го склонения, оканчивающиеся в им.п. ед. ч. на согласную, в Codex Neagoeanus (далее «CN») сохраняют на конце «u» / «ŭ» (графически выражено с помощью «ь»): *cămpu* (=cămp, 'лагерь', 4, 33), *fierŭ* (=fier, 'железо', 17, 42, 98), *omŭ* (=om, 'человек', 42, 52, 228, 234, 238), *anu* (=an, 'год', 11, 83), *auru* (=aur, 'золото', 22, 103, 124), *fundŭ* (=fund, 'дно', 31).

Обнаружено несколько случаев сохранения латинского суффикса «-torius», использовавшийся в латыни для образования прилагательных [8], но здесь исполняющий функцию агентивного суффикса: *De ară învăța carte el ară fi învățătoriu tuturor. De nu va învăța, el va fi muncitoriu* ('Если он будет учить (т.е. «изучать») книги, то будет всем **учителем**. Если не будет учить, то будет **работником**', 281), *judecătoriu* ('судья', 193), *deregătoriu(l)* ('правитель', 193, 194). Сохраняется и в современном румынском, в виде суффикса «-or».

Говоря о **падежных флексиях** в существительных мужского рода, следует отметить следующее:

1. Существительное «frate» ('брат') в форме родительного падежа единственного числа, вероятнее всего, имело отличную от современной форму / основу, так как в CN находим особую форму для единственного числа родительного падежа (в связке с притяжательным местоимением): *Fătul me(u) Alexandru scos-au muiere frățini-tău de la Evagrid-Împărat și i-au dat țara* (=frații tău, 'Мой сын Александр отнял у императора Эвагрида жену **брата твоего** и отдал ей страну', 108).

2. Также были отмечены две лексемы с особыми формами винительного падежа множественного числа: *Și zis(ă) Alexandru: "Să încalcece voinici toți pre iepe cu mănzi și să lege m(ă)nzii la gura peșterei* (=mânji, 'И сказал Александр: «Пусть все воины поведут вперед кобыл и **жеребят** и жеребят привяжут у входа в пещеру», 38), *și-l puse patriarh prespe toți patriarșii* (=patriarhilor, 'и поставил его патриархом над всеми **патриархами**', 124).

Отдельно стоит сказать о способах оформления **звательного падежа** в существительных мужского рода, в CN их было обнаружено четыре:

1. Архаичное оформление вокатива с помощью прямого присоединения «е» к основе: *Și plânse Alexandru și zise: „O, fericate Arakleo-împărate...”* ('И заплакал Александр, и сказал: О, блаженный Араклий-император!', 7), *Domne* ('Господи!', 35, 73), *ome* ('человек!', 126).

2. Оформление вокатива с помощью присоединения к основе множественного числа окончания множественного числа – «lor»: *Alexandru chem(ă) pre machidonenii și lă grăi tututuroru: „O, dragilor și fraților, și vitejilor machidonenilor, și înțelepților și prietnici miei”* ('Александр позвал македонцев и сказал всем: «О, любимые, и братья, и витязи македонские, и мудрецы, и друзья мои», 57).

3. Несколько раз на месте формы звательного падежа встречается форма именительного падежа с **определенным постпозитивным артиклем**: *o, dragul meu* ('о, любимый мой!', 99, 102, 122...), *o, dragii mei* ('о, любимые мои!', 5, 114, 142, 145...)

4. И даже без артикля: *boeri* ('бояре!', 63), *scrișu-ție Poră-împărată* ('написал тебе, Пор-император!', 51, 71).

В существительных **женского рода** также стоит отметить некоторые особенности, а именно:

1. Некоторые существительные образуют родительный падеж единственного числа с помощью окончания «-iei»: *Și iară zise Al(e)xandru: „O, lume și soare și tote făpturile lumiei* (=lumii, 'И тогда сказал Александр: О, мир, солнце и все создания **мира**', 141), *Și luo calicul (la) cetate și fu domn cetăției calic* (=cetății, 'И привел бедняка в город, и стал правителем **города** бедняка', 126).

2. Было обнаружено одно существительное ж. р., в родительном падеже, единственном числе с окончанием «-ăi»: *socră-me es(te) mie în locul maicăi mel(e) Oli(m)biiada* (=maice, 'свекровь моя мне вместо матери моей, Олимбиады', 100).

3. По аналогии с сущ. м. р. «frate», можно предположить, что сущ. ж. р. «mumă» ('мама') в ед. ч. род. п. могло иметь форму, отличную от современной, так как в связке с притяжательным местоимением находим *în mațele mumăni-ta* (=a mamei tale, 'в утробе матери твоей', 110).

4. Некоторые существительные (из лат. 1-го скл.) в мн. ч. им. падежа все еще имеют окончание «-e», вместо «-i»: *groape* (=gropi, 'ямы', 16, 17), *code* (=cozi, 'хвосты', 44), *lature* (=lături, 'помои', 156). Это окончание переносится и на некоторые прилагательные: *groape adânce* (=gropi adânci, 'ямы глубокие', 17), *hăinele lunge* (=haine lungi, 'одежды длинные', 60).

5. Обнаружены существительные с несколькими формами именительного падежа множественного числа: *pietri* (39, 46, 47, 77...) vs. *petre* (110) vs. *petri* (3, 7, 117) =pietre, 'камни'; *cărnile* (46) vs. *cămurile* (47) =cărnuri, мн.ч. 'мясо'.

6. У нескольких существительных с окончанием мн. ч. «-i» все еще не изменяется корневая гласная в форме множественного числа: *sabii* (=săbii, 'сабли', 78, 134), *pasări* (=păsări, 'птицы', 212).

Большинство существительных **среднего рода** во множественном числе имеют архаичное окончание «-ure»: *lucrure* (=lucruri, 'дела', 36, 162, 231), *podure* (=poduri, 'мосты', 64), *glasure* (=glasuri, 'голоса', 42), *darure(le)* (=daruri, 'дары', 117, 166, 181). Однако находятся и формы с современным окончанием «-uri»: *lucruri(le)* (121, 164, 166, 173), *darurile* (134). Также были обнаружены существительные, форма среднего рода, мн. ч. которых образуется в современном румынском с помощью «-uri», образующих эту форму с помощью окончания «-e»: *Și ave arce și segeți și nu ave segețile fieră ce ave pîiatră adamantă* (=arcuri, 'И есть **луки** и стрелы, и стрелы не железные, а алмазные', букв. 'дуги', 42).

Склонение имен собственных в CN также имеет несколько особенностей. Названия стран, рек, народов, городов и имена склоняются как имена нарицательные в современном румынском: N. – Асс. единственного числа: *Fisonă* ('Фисон', 35), *Efrath* ('Евфрат', 35), *Ghionă* ('Гион', 35); множественного числа: *Machidoneni* (Македонцы, 56), *Indieni* ('Индийцы', 59, 66, 68, 75); G. – D. единственного числа: *pre apa Fisonului* ('по водам Фисона', 55), *și merse pre câmpii Sinarului* ('и пришли они к лагерю Синара', 113); множественного числа: *cu Evant – împăratul nagomudrilor* ('с Евантом – императором нагомудрецов', 54).

Звательный падеж у имен собственных чаще всего формируется с помощью присоединения гласной «о» (для ж. р.) или «е» (для м. р.) к корню: *Talistrado* (83), *Seramido* (7), *Adame* (26), *Evante* (27, 30), *Teodoro* (248). Встречаются и упомянутые ранее формы без артикля: *Porŭ*. Исключением из этих правил являются мужские имена *Araclie* (G. – D.: *Aracliei* 13, 54; Voc.: *Aracléo* 7) и *Antioh* (Voc.: *Antioş* 95, 96, 102).

Имена лиц склоняются по падежам только с использованием препозитивного **артикля** «**lu**» (=«**lui**»): *hainele lu Antioh* ('одежды Антиоха', 92), *spuseră lu Alexandru* ('сказал Александру', 37), *dede lu Adam* ('дал Адаму', 242), *învăţătura lu Dumnezeu* ('учение Господне', 233).

Глагол. Некоторые глаголы (как переходные, так и непереходные), используемые в современном румынском в невозвратной форме, в CN появляются в форме с возвратным местоимением: *munci-să* ('мучаться', 31), *să zăbăvise* ('забавляться', 33), *adunaiu-mă* ('собираюсь', 54), *te zăbăvişi* ('забавляешься', 102), *veghe-te* ('не спишься тебе', букв. 'ты не спишься', 139). Однако, в CN зарегистрирован, как минимум, один глагол, используемый в современном румынском в возвратной форме, без возвратной частицы: *abătura din cale* (=a se abate, 'сбился с пути', 96).

Настоящее (Prezentul Indicativ). Некоторые глаголы 4-й группы спряжения в CN спрягаются с помощью суффикса «-eşt», а именно: *să repezeşte* ('он торопится', 192), *să rogoreşte* (=a soborî, 'он спускается', 210), *să slobozeşte* ('он выпускает, 45, 210). Однако находятся и современные формы: *să repezi* ('торопиться', 146), *nu slobozi* ('не выпускаешь', 218).

Имперфект. Глаголы в форме 1 л. ед. числа не имеют обязательного в современном румынском окончания «-m»: *eu fugie* (=fugeam, 'я убежал', 93), *era şi eu* (=eram, 'был и я', 98). Из-за фонетических изменений (переход дифтонга «ea» в «ie/e» на конце слова), глаголы 2-й, 3-й и 4-й группы спряжения имеют в 3 л. ед. ч. окончания «-e» (вм. «-ea»), «-ie» (вм. «-ea») и «-e» (вм. «-ia») в имперфекте соответственно: *ave, merge, venie, sărie, năvăle*. В форме 3 л., мн. числа глаголы не имеют современного окончания «-u» / «-au»: *unele era albe* (=erau, 'некоторые были белые', 20), *şi i merge toţi nagomudri* (=mergeau, 'и шли все нагомудрецы', 33), *şi i mirosie florile* (=miroseau, 'и нюхали цветы', 34).

Простое прошедшее (Perfect Simplu). В формах простого прошедшего глаголы в CN демонстрируют преимущественно устаревшие формы.

В форме 1 л., единственного числа: *scrişu-ţi* *Porŭ-împăratŭ* (=scrisei, 'написал тебе, Пор-император!', 49, 71); кроме того, могут иметь окончание «-uiu» (вместо «-ui»): *începuiu războielea lu Por-împărat* (=începui, 'я начал (писать о) войне Императора Пора', 62), *tueri nu văzuîu la voi* (=văzuî, 'женщин я не увидел среди вас', 28). В форме множественного числа также имеет отличное от современного окончание: *începură* (=începurăm, 'мы начали', 12), *au muri(t) împăraţii şi noi rămasemŭ fără împăraţi* (=rămaserăm, 'умерли правители и мы остались без правителей', 12).

Глаголы «a da» ('давать') и «a sta» ('стоять') также встречаются в устаревших формах: *şi-l dede lu Alexandru* ('и дал его Александру', 24), *iară lefantele <...> să întorseră îndărăt şi dederă pre oste lu Por* ('тогда слоны <...> развернулись и дали (=пошли) по войску Пора', 64-65...), *Iară noi nu ascultă(m), nici stătumŭ pre judecata loră* (=stăturăm, 'Но мы их не послушали и не предстали перед судом их', 12).

Сложное прошедшее (Perfect Compus). Строится в полном соответствии с

современной нормой – вспомогательный глагол «a avea» + причастие. Вспомогательный глагол при сложном прошедшем был зарегистрирован как в препозиции (в соответствии с современной нормой): *dupa acea **au** murit* ('после этого они умерли', 12), *și pintru ace **am fugit** noi din lume la pustie* ('и поэтому я убежал от мира в пустыню', 45), ***am văzut*** ('я увидел', 98); так и в постпозиции: *și mers-**au** (sic!) la ei Arhangel Mihail* ('и **пришли** к ним Архангел Михаил', 26), *Și-mi ziseră să merg pre apa Fisonului, și **ieșit-am** la lume, și **văzut-am** multe menunate* ('и сказали мне идти по водам Фисона, и **вышел** я в мир, и **увидел** я много замечательного', 108).

Будущее. Будущее время в CN преимущественно строится по принципу современного *viitorul literal*: особая форма спряжения глагола а *vrea* + инфинитив. Исключение составляет форма 2 л. ед. числа, где вспомогательный глагол имеет 2 варианта (*veri / vei*): *Alexandru zis(e): „Dar apa Alfeonului cum **vei treci**?”* ('Александр спросил: «Но воды Альфеона как ты **пройдешь**?», 67), *Iară de te vom bate noi pre tine, mai mare rușine nu **veri fi pățit** într-alt loc* ('и если мы тебя победим, то большего стыда ты **не испытываешь** нигде', 61), *nu **veri** mai **eși*** ('ты больше не выйдешь', 105). Причем вспомогательный глагол также может находиться и в постпозиции: *și te vei pogori până la iad, și tot pământ(n)tul **loa-veri**, și în pământ **întra-vei*** ('и ты сойдешь в ад, и завладеешь всей землей, и в землю вернешься', 22). В остальных случаях формы вспомогательного глагола близки к современным. Он также может находиться как в препозиции: *Iară voievozi ziseră: "Ce **vom face**?"* ('И тогда воеводы сказали: «Что мы будем делать?», 6), *Alexandru zisă: „Domne, dară pre unde **voiu ieși** la lume mirolui?”* ('Александр сказал: «Господи, но как **я выйду** в мир?», 8); так и в постпозиции: *Poți merge până acolo la cetatelor, iară în cetate să nu cauți, că cineva căuta – **muri-va*** ('Можешь дойти до города, но в сам город не заходи, так как тот, кто заходит – **умрет**', 29), *Adame, să îngropi pre Avel în pământă, și pre Cain <...> și la judecată toți vor învie, și **fi veți** toți cu trupă și sufletă* ('Адам, похорони Авеля в земле, и Каина <...> и в день Страшного Суда все воскреснут, и **вы будете** все с телом и с душой', 26).

Однако будущее время также строится с помощью ранее упомянутых форм глагола а *vrea* + конъюнктив: *Iar de ție, **voie să-ți rămâne** ostrovul pustiniu și **voi să perți** toți* ('А что до тебя, то пусть твой остров **останется** безжизненным и **вы погибните** все', 83), *și rămase Potolomei și Filon numa că nu vre să-i lase, că știe Alexandru, că **va să moră** curundu* ('И остались Птолемей и Филон, так как не хотели его оставлять, так как знали, что Александр **умрет** скоро', 135).

Кроме того, единожды будущее время выражается с помощью вспомогательного глагола «am» + инфинитив: *Nu te teme nimică, Alexandre, că nu sămt eu încă așa nebună să te spun <...> ce **am a te certa** ca și mătă-ta Olimbiada* ('Ничего не бойся, Александр, я еще не настолько безумен, чтобы сказать тебе, что **буду тебя наказывать/ругать**, как мать твоя, Олимпиада', 106).

Конъюнктив. Обнаружено несколько устаревших форм конъюнктива настоящего, неиспользуемых в совр. румынском: *Iară Alexan(d)ru <...> învălui stălpul cu postav <...> să **nu să spaminte** oștile (=spăimânte, 'И тогда Александр <...> обмотал столб тканью <...>, чтобы **не испугались** воины', 2), *Iară el văzu un pește mare venie la elă **să lă mănse*** (=mănpânse, 'И увидел он – рыба большая плывет к нему, **чтобы съесть** его', 41). В формах конъюнктива прошедшего мы можем наблюдать спряжение вспомогательного глагола «a fi», который в современном румынском не спрягается (т.е. всегда представлен формой «fi»): *să **fie** luat multă* (40).*

Кондиционал. Несмотря на то, что на данном этапе кондиционал зачастую строился на

основе латинского перфекта конъюнктива [9, с. 506], CN несколько раз демонстрирует перифрастические формы кондиционала настоящего, соответствующие современному варианту, т. е. вспомогательный глагол «a avea» ('иметь') в специальной форме + причастие спрягаемого глагола: *O, blazhene Evante, de numără fi de machidoneni că nu voră pute ieși la lume fără mine, iară eu așă rămăne aița cu voi, și așă vie viiață înșerăscă* ('О, блаженный Евант, (если бы не) множество македонян, что не могут выйти в мир без меня, то **я бы остался** здесь, с вами, **прожил бы** жизнь долгую', 32).

Императив. Глагол «a sta» в форме императива приближен к своему латинскому прототипу [10]: *Stă pre loc, Alexandre* ('Стой на месте, Александр!', 35). Глагол «îmblare» появляется в манускрипте в форме императива, причем в афerezированной форме: *Rogu-te, frate, blăm de mi* ('Молю тебя, брат, отойди от меня', 96). Отрицательный императив, соответствующий латинскому имперфекту сослагательного наклонения, встречается в CN всего один раз: *nu mă uitareți* ('не покидайте меня', 145).

Инфинитив. В тексте манускрипта лишь дважды встречаются полные формы инфинитива: *facere* (=face, 'делать', 178), *nu suferi* (=nu suferi, 'не страдать', 192). В остальных случаях – формы краткие. Современная норма не предполагает использование полной формы инфинитива, поскольку все они субстантивировались [9, с. 508].

Наречие. В CN многие наречия имеют несколько форм, либо представлены более старыми формами, среди них стоит отметить:

1. Acolo ('там'): *acole* (4, 7, 8) – *acolo* (1, 2, 7) – *aclo* (55);
2. Acum ('сейчас'): *acmu* (5, 53, 55) – *acum* (177, 215);
3. Aici ('здесь'): *aice* (1, 25, 27) – *aița* (1, 2, 10);
4. De aici ('отсюда'): *deice* (14, 26, 27) – *deița* (2, 80) – *de aița* (36);
5. Curând ('быстро, скоро'): *curundu* (51, 141) – *curândă* (262);
6. Îndărăt ('сзади'): *înderăt* (63) – *înderet* (65) – *îndărăt* (36, 65, 74);
7. Înainte ('спереди'): *nainte* (9, 14, 20) – *înainte* (36, 62, 239);

Наиболее вероятно, что такая вариативность вызвана, в первую очередь, фонетическими изменениями, а также отсутствием четких орфографических норм.

Местоимение. У **безударных форм личных** местоимений 1 л., мн. числа аккузатива и 3 л. мн. числа датива все еще наблюдаются устаревшие в современном языке формы «**nă**» ('нам' / 'нас') и «**lă**» ('им' / 'их') соответственно: *nă aștepti* ('ждите нас', 82), *Și lă ieși un om golă nainte-lă și zisă* ('и к ним вышел голый человек и сказал', 20), *Alexandru chem(ă) pre machidonenii și lă grăi* ('Александр позвал македонцев и сказал **им**, 56), и т. д.

Однако гораздо чаще встречаются современные формы «**ne**» и «**le**»: *și ne mănca ficiorii noștri, și ne ucide pre noi* ('и ест детей наших, и убивает нас', 13), *le povesti* ('рассказал **им**', 33), *Și le zisă Alexandru* ('И сказал **им** Александр', 39), *le pune* ('ставит **их**', 47), *le duce* ('ведет **их**', 80) и т. д.

Указательные местоимения в афerezированных формах *cel(a/e/ă)* ('тот / те / та', 3, 73, 85, 92 и т. д.) и *cest(a/e/ă)* ('этот / эти / эта', 23, 94, 139, 247) встречаются примерно так же часто, как и современные *acel(a/e/ă)* (22, 37, 38, 48 и т. д.) и *acest(a/e/ă)* (13, 23, 27, 59 и т. д.). Кроме того, встречается форма *alalt(ă/e)* ('другой', 32, 86, 130, 134, 157)

там, где современный румынский предполагает форму *celalt*: *Și într-acel ceas l-ascultă Dumnezeu, apropiară-să munții unul de **alaltă** 12 coți de aproape și stătură*. ('и в тот момент услышал его Господь, сблизилась горы одна с **другой** на двенадцать локтей, и встали они', 86)

Среди **притяжательных** местоимений была обнаружена ненормативная форма 3 л. ед. числа **seu** (вместо совр. *său*): *și văzu pre socru-**seu** Darie-împărat* ('и увидел тестя **своего**, императора Дария', 99). Наиболее вероятно, что данная форма образовалась по аналогии с формой 1 л. ед. числа – **meu**.

Наконец, среди **неопределенных** местоимений находим устаревшие формы: **cineși** *cu stiațul lui* (=fiecare, 'каждый с флагом своим', 128), **neștine** (=cineva, 'кто-то', 156, 179).

Следует сделать несколько замечаний, касаемо **приставок** и **суффиксов** в CN. Было обнаружено несколько слов без приставки «**în-**», нормативной в современном румынском: *vălituri* (=învălituri, 'конверты', 60), *grijește cu morții* (=a îngriji, 'беспокоится о смерти', 100), *podobi* (=a împodobi, 'украсить', 102), *podobită* ('украшенный', 211), *Și socoti Alexandru că "deca **voiu bătrăni**, cu ačasta mă voiu scălda, și iară voi fi tinără"* (=a îmbătrâni, 'И подумал Александр: «если **я состарюсь**, этим себя омою и тогда буду молодым», 24). Однако также находим: *Și deca vede că **îmbătrănește**, și slăbește* ('И когда она видит, что **стареет** и слабеет', 212).

Также было обнаружено несколько слов с приставкой «**ne-**»: **nevolnic** ('пленник', 22), **neputernici** ('немощные', 45), **nebunie** ('безумства', 50, 178, 191), **nevăzutele** ('невидимое', 85, 99). Можно заметить, что эта приставка используется не только в словах со славянским происхождением (*nevolnic*), но и активно используется для образования новых слов с латинскими корнями (*nebunie*, *nevăzutele*).

Кроме того, в CN используются несколько славянских суффиксов, среди них: «**-anie**»: *rosa**anie*** ('покаяние', 159, 217, 255); «**-čune**»: *ierta**čune*** ('прощение', 50, 56); «**-enie**»: *folos**enie*** ('благо, польза', 155), *cet**enie*** ('поучение', 158), *smer**enie*** ('смирение', 159), *încep**enie*** ('начинание, начало', 173), *sfrăș**enie*** ('завершение', 173), *milost**enie*** ('милосердие, милостыня', 195), *spăse**enie*** ('спасение', 197), *trăpe**enie*** ('терпение', 206); «**-nic**»: *nevol**nică*** ('пленник', 22), *păhar**nic*** ('дворянин', 136), *cămat**nică*** (=cămătar, 'ростовщик', 281). Здесь так же, как и в случае с приставкой «**ne-**», некоторые суффиксы используются не только как часть слов-заимствований, но и как инструмент словообразования с греческими и латинскими корнями: *folos**enie*** (греч. όφελος), *încep**enie*** (лат. incepere).

Заключение

Рассмотрение морфологических особенностей в CN позволяет нам увидеть довольно сильную связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка периода XVI—XVII вв. Особенно это заметно среди форм имперфекта (прямое влияние на парадигму спряжения из-за стяжения дифтонга [ea] на конце формы). Кроме того, незавершенный процесс сознательного нормирования языка и отбора вариантов приводит к сосуществованию нескольких форм наречий с одинаковым значением, равно как и двух видов форм указательных местоимений (с аферезой и без).

Нельзя не отметить довольно высокую нестабильность составных форм глаголов (perf. compus, viitorul literal) – вероятнее всего, на начало XVII в. еще не было четкого понимания, в каком порядке должны располагаться главный и вспомогательный глаголы.

Кроме того, в CN мы регистрируем как архаичные элементы (например, формы *perf. simplu*, конъюнктива, отдельные формы личных и неопределенных местоимений), так и откровенно инновационные (формы кондиционала, приближенные к современным). Однако на данном этапе, архаичные черты, разумеется, преобладают.

Наконец, следует отметить случаи использования славянских морфем (приставок, суффиксов) для составления новых лексических единиц на основе латинских и греческих корней. Этот факт кажется нам достаточно ясной иллюстрацией степени влияния славянских языков на румынский язык периода XVI—XVII вв.

Библиография

1. Grosu M. *Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană)*. București: Litografia și Tipografia Învățămintului, 1958.
2. Chivu G. *Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu linvistic, editie de text si indice de cuvinte*. București: Editură Academiei Române, 1993.
3. Drăganu N. *Doua manuscripte vechi. Codicele Todorescu și Codicele Martian*. București: Librariile SOCEC, Sfetea și Libraria Nationala, 1914.
4. Camară I. *Originea celui mai vechi text românesc // Receptarea Sfintei Scripturi, între filologie, hermeneutică și traductologie*. Vol. 12. 2023. P. 129–139.
5. Чекунова А. Е. *Русское кириллическое письмо XI-XVIII вв. Учебное пособие*. М., 2010.
6. Ghetie I. *Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Româna*. Vol. 22. № 6. 1973. P. 545–560.
7. Ionascu A. «Alexăndria», or the first instance of monsters in romanian culture // *Journal of Romanian Literary Studies*. № 17. 2019. P. 939–944.
8. Sihler, Andrew L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.
9. Rosetti A. *Istoria Limbii Române*. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.
10. Викисловарь, «sto». URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/sto#Latin> (дата обращения: 18.02.2025)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают морфологические особенности румынского языка XVI—XVII веков. Актуальность работы обусловлена важностью изучения морфологического строя румынского языка в диахронии, поскольку это позволяет понять достаточно сложную грамматическую систему современного языка. Эмпирическим материалом исследования послужил манускрипт *Codex Neagoeanus* (1620). Отмечается, что среди довольно обширного набора сохранившихся до наших дней письменных источников данный манускрипт представляет большой научный интерес. Как и подавляющее большинство румынских текстов изучаемой эпохи, текст манускрипта написан с использованием кириллического алфавита; содержит авторские записи; обладает фонетическими чертами сразу нескольких «диалектов» и пр.

Теоретической основой работы выступили труды по истории румынского языка, исследования письменных источников румынского языка изучаемого периода и т. д. Библиография состоит из 10 источников; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание,

что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить об актуальности изучения грамматического строя румынского языка на современном этапе. Также в дальнейшем рекомендуем переводить на русский или английский языки источники на других языках (см требование редакции: «список литературы (References) приводится на русском и английском языках»).

С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ материала, диахронно-сопоставительный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, методы лингвистического наблюдения на основе семантического, морфемного и словообразовательного анализа.

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики. Подробно рассмотрены морфологические особенности румынского языка в тексте *Codex Neagoeanus*, которые позволили автору(ам) «увидеть довольно сильную связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка периода XVI—XVII вв.». Отмечена и обоснована сравнительно высокая нестабильность составных форм глаголов: «вероятнее всего, на начало XVII в. еще не было четкого понимания, в каком порядке должны располагаться главный и вспомогательный глаголы». Выявлены случаи использования славянских приставок и суффиксов для составления новых лексических единиц на основе латинских и греческих корней, что, по мнению автора(ов), является «достаточно ясной иллюстрацией степени влияния славянских языков на румынский язык периода XVI—XVII вв.».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в комплексное изучение морфологических особенностей румынского языка XVI—XVII веков. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований и могут применяться в вузовских курсах по общему и романскому языкознанию, истории румынского языка и литературы, сравнительной грамматике романских языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц., Вэнь Б., Ду Ю. От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75321 EDN: QGRIFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75321

От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи

Ван Цзымин

ORCID: 0009-0000-5188-4377

кандидат филологических наук

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. 26-ти Бакинских Комиссаров, д. 7 к. 6

✉ 1042248002@pfur.ru

Вэнь Боюань

ORCID: 0009-0007-0874-7650

кандидат филологических наук

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 каб. кв. 218

✉ 1042228177@pfur.ru

Ду Юйвэй

ORCID: 0009-0005-1483-4596

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042228058@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75321

EDN:

QGRIFD

Дата направления статьи в редакцию:

28-07-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: В данной статье предметом исследования является культурный IP китайского мифологического персонажа Нэчжа, а именно процесс трансформации его образа в эпоху цифровых медиа и особенности его международного распространения. Рассматриваются изменения, произошедшие с этим образом в различных историко-культурных контекстах, включая религиозные и литературные источники, а также адаптация в цифровой аудиовизуальной среде. Особое внимание уделяется фильмам «Nezha: The Demon Child's Descent» (2019) и «Ne Zha 2» (2025) как примерам современных интерпретаций, а также платформенной стратегии распространения контента через китайские и зарубежные цифровые платформы (Douyin, Weibo, YouTube и др.). Целью исследования является выявление механизмов реконструкции культурного IP и межкультурной адаптации через призму медиапространства и транснациональной коммуникации. Методологической основой является качественный сравнительный анализ, включающий кейс-анализ двух экранизаций о Нэчжа, платформенную аналитику и интерпретацию пользовательских комментариев. Используются подходы из теории медиапространства и межкультурной коммуникации. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению трансформации китайского мифологического IP «Нэчжа» в условиях цифровой медиасреды и межкультурной коммуникации. Впервые сопоставительно проанализированы две современные экранизации, отражающие различную стратегию реконструкции мифологического героя. «Nezha: The Demon Child's Descent» акцентирует тему бунта и самоидентификации, тогда как «Ne Zha 2» усиливает мотив перерождения и искупления, что находит отклик у зарубежной аудитории. Визуальные и нарративные изменения дополняются новыми каналами распространения на цифровых платформах. Исследование выделяет три ключевые стратегии успешной адаптации IP: смягчение визуального стиля, универсализация нарратива и усиление эмоционального вовлечения. Также предложена трёхуровневая модель «производство контента – медиаплатформа – глобальная аудитория» как инструмент анализа культурного трансфера. Полученные результаты могут быть полезны в практиках международной медиакоммуникации, культурной дипломатии и разработке медийных продуктов с учётом межкультурных различий.

Ключевые слова:

культурный IP Нэчжа, цифровая медиакоммуникация, межкультурная коммуникация, новые медиа-платформы, визуальный нарратив, культурная адаптация, реконструкция мифологического образа, участие пользователей, стратегия международной коммуникации, теория медиапространства

1. Введение**1.1. Исследовательский контекст**

Нэчжа, как один из важнейших персонажей китайской мифологической системы, на протяжении веков обладал множественной символикой в религии, литературе и

народной культуре [\[1\]](#). В традиционных повествованиях он известен как юный герой, «бросающий вызов небесам и меняющий судьбу». Его истории встречаются не только в древних произведениях, таких как «Фэншэнь яньи» («Увековечение богов») и «Путешествие на Запад», но также в театральных постановках, народных картинах и других формах фольклора.

В религиозной традиции образ Нэчжа соединяет в себе черты даосского божественного отрока и буддийского «сына, жертвующего собой ради родителей», выражая верность, сыновнюю почтительность и дух самопожертвования. В литературе он воплощался в разных ипостасях — от смелого воина в старинных пьесах и мятежного духа в романах о богах и демонах до озорного ребёнка в жанре народных песен и рассказов. Такое разнообразие вариантов демонстрирует высокую пластичность и адаптивность архетипа Нэчжа.

Этот феномен можно объяснить через теорию «смещения мифа» Нортропа Фрая, согласно которой мифы, возникшие в древнем обществе, способны многократно трансформироваться в последующих литературных и культурных произведениях, обретая новое значение [\[3\]](#). Подобно тому, как в западной культуре образы греческих и римских богов и героев переосмыслились в новых контекстах, Нэчжа как восточный мифологический архетип также многократно «смещался» в процессе культурного производства в Китае. Его происхождение, возможно, связано с индийским буддизмом и образом «царевича Налакуверы», что придаёт фигуре Нэчжа изначальную межкультурную основу и уникальность [\[2\]](#).

В XX веке интерес к историям о Нэчжа не ослабевал: от издания в 1955 году комикса «Победа принца Нэчжа над Драконом» (издательство «Новая изобразительная литература») до анимационного фильма 1979 года Шанхайской киностудии, где тот же сюжет был представлен в формате полнометражной мультипликации. Эти произведения оставили глубокий след в памяти нескольких поколений и добились огромного успеха.

В XXI веке, благодаря развитию кинематографических технологий и государственной политике поддержки культурной индустрии, образ Нэчжа постепенно трансформировался из «текстового нарратива» в «визуальный IP», став современным культурным активом.

После выхода в 2019 году анимационного фильма «*Nezha: The Demon Child's Descent*» кассовые сборы превысили 5 млрд юаней, и картина стала важной вехой в истории китайской анимации. Фильм переосмыслил ключевой мотив «Моя судьба принадлежит мне, а не небесам» в современном нарративе и благодаря оригинальному художественному стилю и образу бунтаря-подростка вызвал сильный отклик у поколения Z, что стало прорывом в межкультурном распространении [\[4\]](#).

В 2025 году фильм «*Ne Zha 2*» усилил глобальные мотивы «перерождения и искупления», обогатив визуальный стиль, систему персонажей и мировоззренческий фон, придав IP новый импульс для международной экспансии. По данным «*China Film Daily*», в первые недели проката картина превысила 8 млрд юаней в сборах и вошла в топ-5 североамериканского уикендового бокс-офиса, что ознаменовало новый этап международной коммуникации китайской анимации.

В процессе распространения ключевую роль сыграли новые медиа-платформы. Douyin (международная версия TikTok), Weibo, WeChat Video Channels и YouTube с помощью коротких видео, алгоритмических рекомендаций и пользовательского контента сформировали межплатформенный и межкультурный механизм коммуникации [\[5, 6\]](#).

Зрители активно участвовали в пересоздании и вторичном распространении IP Нэчжа через коллекционные фигурки, челленджи в танцевальном формате, нарезки сцен, аналитические комментарии и мемы, что демонстрирует высокую вовлечённость и глобальные особенности «рекодирования».

Успешное возрождение образа Нэчжи не только демонстрирует новую жизнеспособность традиционной китайской мифологии, но и становится типичным примером того, как цифровые медиатехнологии могут способствовать межкультурной коммуникации. Этот феномен затрагивает механизмы реконструкции культурных символов, алгоритмическую логику распространения контента и различия в восприятии международной аудитории, что делает индустрию медиа ключевым звеном во внешней коммуникации концепции «Культурный Китай». Настоящее исследование анализирует три аспекта: эволюцию культурных символов, трансформацию платформ распространения и пользовательские комментарии. Рассматривается современная реконструкция образа Нэчжа в цифровую эпоху и его пути международной коммуникации, что предоставляет теоретическую основу для продвижения других китайских мифологических IP на мировой арене.

1.2. Исследовательские вопросы и методы

Возрождение образа Нэчжа представляет собой попытку реконструкции традиционной культуры в новом историческом контексте, а также практику международной коммуникации китайского мифологического IP. Несмотря на наличие исследований, анализировавших нарративные инновации и ценностное наполнение фильма *«Nezha: The Demon Child's Descent»*, системного рассмотрения межкультурных коммуникационных путей на цифровых платформах, роли механизмов новых медиа и особенностей международного восприятия и вторичного творчества пользователей всё ещё недостаточно.

В условиях новой экологии распространения — «короткие видео + пользовательский контент + алгоритмическое распределение» — международная коммуникация традиционного культурного IP сталкивается с новыми вызовами и сложностью.

Исходя из вышеизложенного, в настоящем исследовании ставятся три ключевых вопроса:

1. Как именно образ культурного IP «Нэчжа» реконструируется в цифровую эпоху?
2. Каким образом новые медиа влияют на межкультурные пути распространения IP Нэчжа?
3. С какими вызовами культурной адаптации сталкивается процесс коммуникации и как нарративные стратегии и технологические инструменты могут обеспечить её эффективность?

В работе применяется метод кейс-анализа на примере фильмов *«Nezha: The Demon Child's Descent»* и *«Ne Zha 2»*, в которых анализируются культурные символы и нарративные структуры, выделяются стратегии культурного выражения и механизмы эмоционального резонанса. Сравнительно рассматриваются данные с платформ Douyin, Weibo, WeChat Video Channels, TikTok и YouTube, анализируются алгоритмы распространения и модели взаимодействия пользователей. Дополнительно используются комментарии зарубежных зрителей с YouTube, Reddit и IMDb, которые сопоставляются с теориями межкультурной коммуникации для выявления различий восприятия и феноменов культурных искажений. Путём сопоставления образа Нэчжа с западными супергероями также изучается межкультурная эффективность коммуникации.

1.3. Научная значимость

Цифровое распространение традиционного культурного IP стало важным направлением в укреплении культурной «мягкой силы» государства. Нэчжа как типичный персонаж китайской мифологии не только глубоко укоренён в национальной культурной памяти, но и обладает потенциалом межкультурной коммуникации.

Теоретическая перспектива межкультурного распространения мифологического IP.

На основе анализа изменений образа и нарратива в фильмах 2019 и 2025 годов исследование выявляет механизмы культурной реконструкции традиционного мифологического IP в современном контексте, подтверждая применимость теории «смещения мифа» и теории медиапространства, что способствует более глубокому пониманию эволюции китайских культурных символов в глобальной среде [\[7, 8\]](#).

Ключевая роль цифровых платформ и поведения пользователей.

Анализируя данные о распространении фильмов о Нэчжа на платформах Douyin, Weibo и YouTube, а также тексты комментариев и межплатформенные взаимодействия, статья раскрывает, как новые медиа-технологии, пользовательская вовлечённость и механизмы распространения контента совместно формируют логику международной коммуникации культурного IP. Это открывает новые перспективы для понимания структуры цифрового распространения.

Модель координированного межкультурного распространения, ориентированная на адаптацию.

На основе анализа особенностей зарубежного восприятия и вторичного творчества пользователей формулируются три типичные стратегии межкультурной коммуникации: смягчение визуального стиля, универсализация нарратива и акцент на эмоциональной экспрессии. Дополнительно предлагается трёхуровневая модель «культурное производство — механизмы платформы — глобальная аудитория», обеспечивающая эффективное распространение традиционных китайских мифологических IP в разных культурных контекстах.

Настоящее исследование не только обогащает теоретические разработки в области культурной коммуникации и медиаисследований, но и предлагает практические пути повышения эффективности международной экспансии китайских культурных продуктов.

2. Обзор литературы

2.1. Смещение архетипа мифологического IP Нэчжа и его локальная эволюция

Нэчжа, как один из ключевых персонажей традиционной китайской мифологической системы, изначально не имел фиксированного образа «юного героя» или «бунтаря-отрока». Его истоки восходят к индийскому буддийскому мифу о сыне Вайшраваны (Налакувере), в котором доминируют религиозные мотивы буддизма и характерная психологическая структура «любовь к матери и вражда с отцом». В индийских историях архетип Нэчжа обладал чертами убийцы змей, небесного ребёнка и бунтаря, а его острый конфликт с отцом составлял основную драматическую линию.

С распространением буддизма в Китае данный образ претерпел глубокую локальную переработку на религиозном уровне: фигура отца трансформировалась из Вайшраваны в китайского божества Ли Цзина, Повелителя пагоды; мотив «вражды с отцом» был смягчён за счёт введения фигуры Будды или наставника Тай-цзы Чжэньжэня в качестве

«заместителя отцовской власти», что позволило адаптировать повествование к конфуцианской логике сыновней почтительности. В этом контексте поступок Нэчжа — «вернуть плоть и кости родителям» — сохранил индийский мотив «возвращения долга», но одновременно воплотил китайские ценности сыновнего долга и жертвенности.

Теория «смещения мифа» Нортропа Фрая позволяет объяснить данный процесс. Учёный отмечает, что мифологический архетип, будучи рожденным в определённой культурной среде, способен в разные исторические периоды трансформироваться в литературе или массовой культуре, получая новые формы и смыслы. Этот процесс «смещения» дарует мифу новую жизнеспособность. В китайской культуре это проявилось в постоянном переосмыслении и интерпретации образа Нэчжа: от гневного Нэчжа на фресках Дуньхуана времён Тан, через сражения с драконом в юаньских пьесах, до юмористических и обыденных версий в театре и устной прозе периода Цин. Таким образом, образ Нэчжа постоянно адаптировался к изменениям медиума, общественных ценностей и эстетических предпочтений аудитории, в результате чего сформировался символ с ярко выраженными чертами локализации.

Сюжет «Нэчжа умирят море» является концентрированным выражением этой эволюции. От индийского буддийского эпизода «битва со змеем» через китайские народные легенды о «битве с драконом» и «укрощении дракона», до интерпретаций в каменных резных гробницах Ляо, юаньских пьесах и цинских постановках пекинской оперы — история постепенно обогащала символическое содержание Нэчжа и закрепляла его как культурный образ героя и жертвенного воина.

Сегодня значение Нэчжа выходит далеко за рамки религиозных или литературных трактовок, превращаясь благодаря визуальной культуре и цифровым медиа в национальный культурный символ. Фильмы «*Nezha: The Demon Child's Descent*» и «*Ne Zha 2*» стали новой волной «смещения мифа» на траектории «архетип — нарратив — коммуникация», воплощая механизм «реконструкции — перекодирования» традиционного культурного символа в системе современных медиа.

2.2. Новые медиа-платформы и механизмы распространения цифрового культурного IP

В условиях традиционной медиасреды распространение культурного контента в основном опиралось на кино, телевидение и печатные издания, следуя линейным каналам и централизованной системе производства и дистрибуции. В цифровую эпоху, особенно с подъёмом социальных сетей и коротких видеоплатформ, пути распространения культурных IP претерпели радикальные изменения. Эти изменения касаются не только скорости и масштабов распространения, но прежде всего глубокой вовлечённости алгоритмов платформ, поведения пользователей и механизмов репродукции контента, что заново формирует логику коммуникации культурных продуктов и модели их восприятия аудиторией.

Алгоритмы платформ и механизмы видимости.

В новых медиа-экосистемах, представленных TikTok, YouTube, Weibo и WeChat Video Channels, алгоритмическая система рекомендаций заменила традиционную редакционную модель, став ядром распределения контента. Платформы автоматически предлагают схожие материалы, основываясь на интересах пользователей и их действиях (время просмотра, лайки, комментарии и т.д.). Это делает такие визуально яркие и эмоционально насыщенные образы, как Нэчжа, особенно заметными, формируя основу «визуального резонанса» в межкультурном распространении.

Фрагменты «*Ne Zha 2*» на TikTok были переработаны в короткие клипы «Пробуждение героя», «Моя судьба — в моих руках» и т.п. С помощью многословного дубляжа, субтитров и визуальных фильтров они быстро адаптировались к локальной среде, формируя модель взаимодействия «челлендж — имитация — пересоздание». Такая схема «алгоритмы + пользовательский контент» стала движущей силой межкультурного распространения образа Нэчжа, предоставив новые возможности для вовлечения аудитории в культурное производство.

Участие пользователей и логика пересоздания.

Под влиянием платформенных механизмов международное распространение образа Нэчжа представляет собой не только односторонний экспорт, но и процесс партисипаторного пересоздания (Participatory Culture). Пользователи, подражая внешности и движениям персонажа, монтируя отрывки из фильма, создавая дубляжи или даже переписывая сюжет, наделяют образ Нэчжа новыми культурными смыслами. Такое пересоздание часто выходит за рамки оригинального нарратива и соединяется с локальными культурными кодами и популярными символами, что превращает потребление культуры в её новое производство.

Теория «трансмедийного повествования» (Transmedia Storytelling), предложенная Генри Дженкинсом, объясняет этот процесс. Согласно теории, ключевые персонажи и сюжетные элементы раскрываются в разных медиумах в комплементарных формах, а не через простое дублирование ^[9]. Образ Нэчжа в фильмах, фигурках, коротких видео и комиксах образует многоуровневую, трансмедийную и интерактивную экосистему IP, что усиливает его узнаваемость и адаптивность на глобальном культурном рынке.

Делокализация символа и культурное перекодирование.

В цифровой медиасреде культурные символы часто проходят процесс «делокализации — перекодирования». В межкультурной коммуникации образ Нэчжа, изначально укоренённый в китайской мифологии, вырывается из своего культурного контекста и интерпретируется в новом. Так, на западных платформах некоторые пользователи сопоставляют Нэчжа с персонажами аниме или супергероями (например, со Спайдерменом), акцентируя мотивы «пробуждения» и «борьбы с судьбой». Подобные аналогии, пусть и приводящие к культурным искажениям, в то же время демонстрируют высокую адаптивность символа.

С точки зрения коммуникации это типичный феномен «символического переноса», то есть культурные продукты подвергаются частичной реконструкции своего значения с целью адаптации к целевой культуре в процессе распространения. Именно в ходе такой миграции образ Нэчжа оформился в глобально универсальную нарративную схему «бунт — жертвенность — возрождение», что укрепило его интерпретируемость и эмоциональный резонанс в многообразных культурных средах.

2.3. Цифровые нарративные стратегии и механизмы культурного резонанса ценностей

В цифровой медиасреде глобальное распространение культурного IP опирается не только на узнаваемость визуальных символов, но и на понятность нарратива и ценностный резонанс. Распространение образа Нэчжа в фильмах и на платформах короткого видео демонстрирует разнообразные цифровые нарративные стратегии. Эти стратегии не только усиливают культурную символику, но и повышают степень принятия и потенциал для вторичного творчества в международной коммуникации.

Традиционные истории о Нэчжа строились на линейной структуре «бунт — самоубийство

— возрождение», акцентируя моральное наставление и героическую жертву. Однако фильмы 2019 и 2025 годов модернизировали эту схему, превратив её во внутренне ориентированный, психологизированный нарратив взросления. Нэчжа перестал быть лишь моральным символом и стал представлять подростка, переживающего личностные кризисы и поиски самоидентификации. Такое конструирование персонажа делает его ближе к психологическому опыту современных зрителей, особенно поколения Z, и облегчает эмоциональную связь в разных культурных контекстах. Сопротивление Нэчжа «предопределённой судьбе» в фильмах фактически отражает напряжение между свободой воли, индивидуальной ценностью и общественными ожиданиями. Эта тема обладает высокой межкультурной интерпретируемостью и обеспечивает универсальный эмоциональный резонанс.

Визуальный дизайн Нэчжа также отражает логику культурного перевода в цифровую эпоху. Образ в фильмах отходит от традиционного иконографического стиля и использует Q-стилизированный, мультяшный визуальный язык, придающий персонажу большую привлекательность и черты массовой культуры. Костюмы, архитектура и музыкальное сопровождение сохраняют элементы китайского стиля, но при этом проходят умеренную интернационализацию, что снижает барьеры восприятия. Например, такие элементы, как превращение в лотос, кольцо Цянькунь или ленты Хунтяньлин, поддерживают нарратив с помощью визуальных эффектов, а не только как этнические символы. Подобная стратегия формирует «мягкое культурное выражение»: сохраняет идентичность, но избегает сильного эффекта экзотизации, соответствуя эстетике международной анимации. Благодаря такой «нейтрализации» визуального стиля образ Нэчжа становится более доступным и узнаваемым для глобальной аудитории.

Цифровой нарратив Нэчжа акцентирует «эмоциональный драйв»: внимание зрителей удерживается за счёт высокой плотности конфликтов и резких эмоциональных переходов, что усиливает психологическое напряжение. В комментариях международных пользователей к фильмам часто встречаются слова «тронуло», «резонанс», «слёзы», что свидетельствует об эффективности данного способа эмоциональной экспрессии в межкультурной коммуникации.

Картины ясно транслируют базовую ценность: «судьбу можно изменить, самоопределение возможно». Эти универсальные ценности, превосходящие культурные различия, обладают высокой степенью адаптивности и становятся важной предпосылкой для принятия и пересоздания IP Нэчжа в международном контексте.

Механизмы взаимодействия на коротких видеоплатформах, в социальных сетях и кинокритических сообществах также усиливают эффект этих нарративных стратегий. Пользователи, монтируя фрагменты фильмов, создавая мемы или участвуя в челленджах-имитациях, вторично интерпретируют сюжеты и образы, перерабатывая эмоциональный контент. Так формируется «эмоциональная изоморфность» и «культурное со-творчество» между пользователями и оригинальным нарративом. Такая «децентрализованная нарративность», свойственная платформенной логике, расширяет масштабы распространения IP Нэчжа и стимулирует культурную активность пользователей, продлевая жизненный цикл исходного нарратива.

3. Платформенная структура и формирование путей распространения

Международная коммуникация IP Нэчжа формируется в результате синергии нескольких платформ, образующих межконтекстную, трансмедийную и многоузловую сеть взаимодействий. В данной главе анализируются механизмы работы различных платформ

и обсуждается роль пользовательской активности в процессах культурного пересоздания.

Международное распространение культурного IP Нэчжа демонстрирует «двухуровневую структуру»: «агрегация на национальных платформах — расширение на зарубежных». В Китае Douyin, Weibo и WeChat Video Channels образуют основной каркас внутреннего распространения. Эти платформы посредством коротких видео, тематических хэштегов и механизмов трендов быстро консолидируют внимание аудитории и стимулируют волну пересозданий. На международном уровне YouTube и TikTok выполняют функции экспорта контента, культурной интерпретации и получения обратной связи от зарубежной аудитории.

Эта структура формирует путь распространения «изнутри наружу»: сначала внутри страны достигается высокая концентрация тем и разнообразие контента, а затем, благодаря межплатформенному «перетеканию информации», материалы выходят во внешний медиaprостранство. Важную роль здесь играет алгоритмическая система рекомендаций, которая на основе интересов, истории просмотров и активности пользователей обеспечивает глобальную видимость культурного контента даже без языкового перевода.

На платформе Douyin контент, связанный с фильмами о Нэчжа, массово пересоздаётся пользователями в виде ремиксов, мемов и нарезок. Такое пересоздание не только продлевает жизненный цикл контента, но и способствует многомерному развитию IP. Данные показывают, что пользовательские ремиксы, опубликованные одновременно с премьерой фильма, набрали значительно больше лайков и репостов, чем официальные материалы, что подчёркивает возрастающую роль пользовательского производства в культурной коммуникации. Основные формы пересоздания включают:

1. Ролевое исполнение и эмоциональное подражание (например, имитация реплик или танцев Нэчжа);
2. Встраивание межкультурных отсылок (например, сопоставление Нэчжа с персонажами Marvel);
3. Образовательно-разъяснительные материалы (объяснение ценностей фильма на доступном языке).

Эти формы отражают как высокий уровень вовлечённости пользователей, так и поддержку культурных практик пересоздания со стороны платформ.

4. Цифровая реконструкция культурного IP Нэчжа и пути межкультурной коммуникации

4.1 Реконструкция образа

В условиях цифровых медиа визуальная и нарративная трансформация культурного IP становится ключевым фактором успешной межкультурной коммуникации. В качестве кейсов рассматриваются фильмы *«Нэчжа: Рождение дьявольского ребёнка»* (2019) и *«Нэчжа 2: Бунт демонического ребёнка против моря»* (2025). Анализ показывает, каким образом образ Нэчжа был реконструирован в новой медиасреде и преобразован из локального нарратива в универсальный глобальный символ.

Фильм 2019 года выстраивается вокруг идеи *«Моя судьба в моих руках, а не в руках небес»*. Усиление характера бунтаря и акцент на кризисе самоидентификации вызвали отклик у зрителей поколения Z. Нэчжа здесь получает более глубокую психологическую

проработку: он уже не просто «сын, исполняющий долг» или «небесный воин» традиционной мифологии, а подросток, переживающий эмоциональные коллизии, поиск себя и сопротивление судьбе.

Фильм 2025 года, *«Нэчжа 2»*, развивает темы «перерождения» и «искупления», показывая путь героя от «демонической жемчужины», вызывающей страх и недоверие, до подростка, готового взять на себя ответственность и принять судьбу. Такая концепция не только продолжает линию вызова традиционному нарративу, но и создаёт для международной аудитории окно культурной эмпатии.

Обе картины используют стилизованную эстетику «guochao» (национальная волна), совмещённую с современными технологиями 3D-анимации. В *«Нэчжа: Рождение дьявольского ребёнка»* персонажи моделируются в пропорциях «большая голова — маленькое тело», что придаёт визуальную экспрессивность, а насыщенные цвета и этнические орнаменты усиливают узнаваемость. *«Нэчжа 2»* расширяет визуальный масштаб за счёт морского антуража и усовершенствованной симуляции воды, создавая более иммерсивный и интернационально воспринимаемый аудиовизуальный опыт.

Сюжетные линии обеих частей вращаются вокруг поиска идентичности: первая акцентирует перспективу «другого» и необходимость самодоказательства, вторая подчёркивает путь героя через «жертву и возрождение». Эти мотивы находят параллели как в китайской, так и в западной мифологии, а также в супергеройских нарративах, например, в образе Тора из Marvel. Кроме того, во второй части усиливается тема «семьи и ответственности», где конфликт отца и сына уступает место модели «совместного сопротивления», что облегчает восприятие истории зрителями разных культур.

4.2 Анализ механизма двойной циркуляции

В глобальном цифровом медиапространстве именно короткие видео и социальные сети становятся основными каналами международного продвижения культурного IP. Распространение серии фильмов о Нэчжа строится не на единственной платформе или официальном канале, а на модели «двойной циркуляции» — *внутренней* и *внешней*. В этой системе алгоритмы платформ, пользовательский контент (UGC) и межкультурная адаптация действуют синергично, обеспечивая условия для глобальной экспансии образа Нэчжа.

Внутренний контур. В Китае ключевыми платформами стали Douyin и Weibo. Douyin не только увеличил популярность фильмов, но и сформировал широкую экосистему контента вокруг хэштега «Нэчжа». Например, челлендж *«#ТанецНэчжа»* собрал более 14 миллиардов просмотров, стимулировав массовое участие пользователей: танцевальные пародии, косплей, аналитические обзоры и ремиксы. Weibo, опираясь на взаимодействие знаменитостей, официальные релизы и тренды, сумел аккумулировать мощный эффект информационного резонанса. Дополнительно выпуск слеп-боксов POPMART с фигурками Нэчжа вызвал вирусное распространение в соцсетях, расширив визуальные и эмоциональные границы узнаваемости IP.

Внешний контур. Международное продвижение базируется на TikTok и YouTube, где «алгоритмы интересов» позволяют точно находить целевую аудиторию. Согласно данным App Annie (март 2025), общее количество просмотров контента с хэштегами *#nezha* и *#nezha2* превысило 670 миллионов, при этом основная аудитория — пользователи из Юго-Восточной Азии, Северной Америки и Ближнего Востока.

Ключевые механизмы распространения включают:

- 1. **Challenge Video (видеочелленджи)** — например, «*Nezha Transformation Challenge*», где пользователи повторяют макияж или движения героя, стимулируя массовое участие.
- 2. **Lip-sync (синхронизация губ)** — использование знаковых реплик фильма в пародийных видео, что помещает персонажа в новый культурный контекст.
- 3. **Reaction Video (реакции зрителей)** — особенно распространены на YouTube: зрители оценивают сюжет, спецэффекты и культурные мотивы, формируя своего рода «обратную культурную петлю».

В экосистеме обеих платформ алгоритмы рекомендаций и UGC находятся во взаимной зависимости: алгоритмы усиливают контент с высоким уровнем вовлечённости, а пользовательское творчество продлевает «жизнь» IP и увеличивает его культурную адаптивность.

Сравнительные данные по платформам

Платформа	Популярный хэштег / тема	Количество участников	Общее количество просмотров
Douyin	#Nezha2 Challenge	более 850 пользователей	тыс. более 1,4 млрд просмотров
TikTok	#nezha2	более 550 пользователей	тыс. более 670 млн просмотров
YouTube	Nezha Reaction	более 70 видеороликов	тыс. общее количество просмотров около 200 млн

4.3 Восприятие и реконструкция со стороны зарубежной аудитории

Международное распространение IP-образа Нэчжа основывается не только на самом контенте и алгоритмах платформ, но и на глубоком участии пользователей в цепочке «восприятие — интерпретация — реконструкция». На таких платформах, как TikTok, YouTube, Reddit и IMDb, зарубежные пользователи вокруг двух фильмов о Нэчжа создали многочисленные комментарии, реакционные ролики, культурные сравнения и реконструкции контента, что демонстрирует многообразную картину восприятия в рамках межкультурной коммуникации [\[10\]](#).

Собранные популярные комментарии на YouTube и IMDb по фильмам «*Nezha: The Demon Child’s Descent*» и «*Ne Zha 2*» показывают, что наиболее часто встречающимися ключевыми словами являются:

Ключевое слово	Частота появления	Контекст использования
«Chinese animation»	высокая частота	оценка уровня китайской анимации
«rebirth / reincarnation»	высокая частота	интерпретация культурных тем
«Eastern superhero»	средняя частота	сопоставление Нэчжа с западными супергероями
«father-son conflict»	средняя частота	восприятие ключевого сюжетного конфликта
«Buddhism / Taoism»	низкая частота	интерпретация религиозных элементов
«visual effects»	высокая частота	восхищение визуальным стилем и

«китайский спецэффект» — высокая частота использования специфическими спецэффектами

Анализ популярных комментариев на YouTube и IMDb показывает: наибольший отклик вызвали такие культурные мотивы, как «**перерождение**», «**становление личности**», «**конфликт**», что свидетельствует о высокой универсальности данных архетипов.

Формы вторичного творчества зарубежных пользователей можно разделить на три типа:

1. **Reaction-видео** (реакции на просмотр) — зрители из Северной Америки, Индии, Юго-Восточной Азии публикуют ролики с эмоциональными и вербальными реакциями, акцентируя внимание на сопереживании и культурных различиях.
2. **Видео культурных сопоставлений (Culture Comparison)** — авторы на YouTube сравнивают Нэчжа с героями Marvel и DC, подчеркивая его нелинейный путь взросления и «восточную» нарративную структуру.
3. **Meme- и ремикс-видео** — на TikTok и Reddit Нэчжа становится объектом косплея, пародий, озвучек и мемов, что демонстрирует высокую пластичность IP и способность адаптироваться к различным культурным контекстам.

В межкультурном восприятии можно выделить два измерения:

- **Признание (идентификация)** — многие зрители отмечают универсальность тем взросления, сопротивления судьбе и искупления, что особенно близко аудитории поколения Z.
- **Искажения (misreading)** — часть пользователей испытывает трудности в понимании таких элементов, как «лотосовое перерождение» или образ Тай-и Чжэнь-жэнь, а также нередко воспринимает Нэчжа как «китайского Сунь Укуна», что отражает типичное культурное непонимание.

4.4 Эффективность коммуникации и будущие вызовы

С момента выхода в 2019 году фильм «*Nezha: The Demon Child's Descent*» собрал более 5 млрд юаней в прокате, став вехой китайской анимации ((Источник данных: Маоуан Professional Edition, дата запроса: август 2025 г.). В 2020-х он продолжал активно распространяться на YouTube и Reddit, где совокупное количество просмотров роликов превысило 100 млн, а субтитры были переведены на 15 языков.

Фильм «*Ne Zha 2*» уже в первую неделю более 30 раз попадал в тренды Weibo, а хэштеги в Douyin собрали свыше 1,8 млрд просмотров. На международной арене картина одновременно вышла на Netflix и Amazon Prime, где удерживает рейтинг IMDb выше 7,9 (Источник рейтинга IMDb: <https://www.imdb.com/title/tt34956443/> дата обращения: август 2025 г.), что подтверждает высокую степень межкультурного принятия. Таким образом, Нэчжа постепенно выходит за пределы китайскоязычного пространства, формируя начальный уровень глобальной узнаваемости и фанатской базы.

Тем не менее, сохраняются вызовы:

- Текущая модель продвижения по-прежнему строится по схеме «внутренний ажиотаж → внешняя экспансия», при этом отсутствует системная стратегия, исходящая из международных платформ.
- Религиозные и мифологические мотивы (например, «*剔骨还父*» — «вернуть кости отцу») вызывают у западной аудитории недоумение или ошибочные ассоциации, что снижает эмоциональную вовлеченность.
- Отсутствует развитый «переводческий и пояснительный механизм» — культурные

справочники, глоссарии, вводные видеоролики, которые могли бы снизить барьеры восприятия.

Предлагаемые пути оптимизации:

- 1. Применение стратегии «универсальные архетипы + локальные символы» — сохранение духа китайской мифологии при акценте на темах, имеющих глобальную значимость (рост, сопротивление, самоидентификация).
- 2. Дифференцированная работа с целевыми аудиториями: от ядра (китайская диаспора) через «культурных исследователей» (ACG-сообщество) до широкой публики.
- 3. Развитие мультимедийной экосистемы: игры, AR-фильтры, челленджи в TikTok, мем-культура как формы углубленной вовлеченности.

5. Стратегии и механизмы межкультурной коммуникации

Одним из ключевых барьеров глобальной экспансии IP Нэчжа является культурная специфика, затрудняющая интерпретацию. Так, сцена «剔骨还父» в конфуцианском контексте символизирует сыновнюю преданность и жертвенность, но у западного зрителя может вызывать дискомфорт или ассоциироваться с аскезой. Аналогично, такие артефакты, как башня Ли Цзина, Кунь-кунь-хуань или Хун-тянь-линь, не имеют очевидных аналогов в международной культуре и потому сложны для визуального распознавания.

Ключевые стратегии адаптации:

- **Визуальная мягкость:** упрощение и анимизация образа Нэчжа в «*Nezha: The Demon Child’s Descent*» сделало его ближе к международным стандартам анимации.
- **Универсализация сюжета:** акцент на индивидуальном пути героя («моя судьба в моих руках»), исключение избыточных элементов системы «Фэншэнь», что повышает культурную транспарентность.
- **Эмоциональная стратегия:** линия семьи и мотив жертвы акцентированы как универсальные элементы, вызывающие сопереживание вне зависимости от культурного фона.

В итоге автор предлагает **трёхуровневую модель координации «культурное производство — медиаплатформа — глобальная аудитория»**, которая предполагает:

- 1. Современную трансформацию мифологического архетипа на стадии контент-производства.
- 2. Учёт мультязычности, визуальной стандартизации и алгоритмической логики при проектировании каналов распространения.
- 3. Активное стимулирование пользовательского творчества и механизмы обратной связи на стороне аудитории.

Эта модель может быть применена не только к IP Нэчжа, но и к другим китайским мифологическим продуктам, стремящимся к глобальной интеграции.

Уровень	Ключевое содержание	Практические проявления
Уровень культурного производства	Реконструкция мифологического архетипа, разработка локального нарратива, эстетическая адаптация	Международная визуальная реконструкция образа Нэйчжа, универсализация сюжетных мотивов
	Многоязыковая адаптация.	Синергия Douyin + YouTube.

Уровень медиаплатформ	оптимизация алгоритмов, стратегии продвижения через челленджи в распространения контента	соцсетях
Уровень глобальной аудитории	Участие пользователей, культурная декодировка, вторичное творчество	Комментарии и «данму», видеорецензии, фан-арт и ремиксы видео

6. Заключение

Данное исследование сосредоточено на образной реконструкции и путях межкультурного распространения китайского мифологического культурного IP «Нэйчжа». В качестве кейсов были выбраны два анимационных фильма — «Нэйчжа: Рождение демона» (2019) и «Нэйчжа 2: Восстание демона в море» (2025). С опорой на теорию медиапространства и межкультурной коммуникации анализ проведён по трём измерениям: конструирование образа, механизмы платформ и обратная связь пользователей. На основе текстового анализа и выборки контента с медиаплатформ исследование выявило механизмы эволюции культурного IP «Нэйчжа» в цифровой среде и стратегии его международной дистрибуции.

Результаты показали, что в условиях медиапространства, доминируемого цифровыми платформами, IP «Нэйчжа» прошёл процесс модернизации образа, универсализации нарратива и диверсификации каналов распространения. Образ героя в двух фильмах претерпел значительные изменения: первая картина «Нэйчжа: Рождение демона» акцентировала темы «борьбы с судьбой» и «поиска самоидентичности», что вызвало отклик у молодой аудитории; вторая же — «Нэйчжа 2» — усилила мотивы «возрождения и ответственности», подчеркнув эмоциональную составляющую. Визуальный стиль образа стал более современным, избавился от излишней религиозной окраски и оказался доступнее для зрителей разных культурных контекстов. Это позволило перевести Нэйчжа из сферы традиционного мифологического персонажа в категорию «юного героя», понятного глобальной аудитории.

В плане медиараспространения выявлена двухуровневая структура: «агрегация на национальных платформах — расширение на международных платформах». Douyin и Weibo обеспечили высокую вовлечённость пользователей внутри страны, в то время как YouTube и Reddit сформировали интерактивные поля через комментарии, интерпретации и культурные реконструкции.

С точки зрения межкультурной адаптации, IP «Нэйчжа» преодолевает культурные барьеры посредством трёх ключевых механизмов: визуальной мягкой адаптации, универсализации нарратива и эмоциональной вовлечённости. Построенная в исследовании трёхуровневая координационная модель — «культурное производство — платформенное распространение — глобальная аудитория» — может служить ориентиром и для других китайских мифологических культурных IP в процессе их интернационализации.

Тем не менее, исследование имеет ограничения: выборка охватывает ограниченное число фильмов, а количественный анализ данных носит недостаточный характер. Перспективные направления будущих исследований включают: (1) использование системных инструментов сбора данных с разных платформ и построение комплексных моделей межкультурного анализа; (2) расширение исследований на другие мифологические IP Китая (например, Нюйва, Сунь Укун, Юй Великий, Цзян Цзыя) для выявления различий в их культурной адаптации; (3) более глубокий анализ роли алгоритмов платформ в формировании траекторий культурного распространения.

В целом, опыт международного продвижения IP «Нэйчжа» демонстрирует, что интеграция традиционной культуры и цифровых медиа способна не только продвигать китайские мифологические IP на глобальный уровень, но и вносить вклад в совместное формирование культурного многообразия. В условиях ускоряющейся цифровой глобализации важным исследовательским вопросом остаётся то, каким образом китайские культурные IP смогут достичь «глубокого распространения», «мягкого проникновения» и «устойчивого резонанса» в мировом культурном пространстве.

Библиография

1. Sun Y., Hua J. On Strategies and Effects of Cross-cultural Communication of Chinese Mythological Animated Films—With Nezha and White Snake as Examples // European Journal of Language and Culture Studies. 2023. № 6 (2). С. 6–14. <https://doi.org/10.24018/ejlang.2023.2.6.121> EDN: PKIIYF
2. Wulandari A. The Animated Film of Ne Zha in Disruptive Era: From Chinese Classical Mythology goes to Global. Indonesia: EAI, 2021. <https://doi.org/10.4108/eai.30-12-2020.2311278>
3. Zhao H., Dolah J. Discusses the Narrative Elements of Retelling Traditional Myths in Chinese Animated Films: A Case Study of New Gods: Nezha Reborn (2021) // Herança. 2024. № 4 (7). С. 222–235. <https://doi.org/10.52152/heranca.v7i4.816> EDN: BKSZSN
4. Fan N. Ne Zha's image transformation in Chinese animation cinema (1961–2019) // Film, Fashion & Consumption. 2021. № 1 (10). С. 277–298. https://doi.org/10.1386/ffc_00025_1
5. Yang G., Wang W. Engaging Social Media in China: Platforms, Publics, and Production. / G. Yang, W. Wang. Michigan State University Press, 2021. https://muse.jhu.edu/pub/26/edited_volume/book/82318
6. Theocharis Y., Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. Platform affordances and political participation: how social media reshape political engagement // West European Politics. 2023. № 46 (4). С. 788–811. <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2087410> EDN: NMXHJE
7. Chen A., Gu H. IP Adaptation Strategies in Film: A Case Study of Ne Zha 2 (2025) // Arts. 2025. № 4 (14). С. 85. <https://doi.org/10.3390/arts14040085>
8. Spatial Literary Studies in China / ред. Y. Fang, R. T. Tally. Cham: Springer International Publishing, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-03914-0>
9. Lähteenmäki I. Transmedia history // Rethinking History. 2021. № 3 (25). С. 281–306. <https://doi.org/10.1080/13642529.2021.1963597> EDN: SUZBGB
10. Wei Yanan, Mohd Kipli Abdul Rahman, Gao Shijie. Role of Social Media in the Global Reception of Chinese Animation: A Case Study of 'Nezha' // Environment-Behaviour Proceedings Journal. 2025. № 31 (10). С. 63–69. <https://doi.org/10.21834/e-bpj.v10i31.6509>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлены результаты исследования международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи. Актуальность работы обусловлена как важностью образа Нэчжи в китайской культуре («Будучи важной фигурой в древнекитайской мифологии, Нэчжа издавна обладал глубоким культурным символическим значением»), так и интересом научного сообщества к изучению возможностей цифровых технологий распространения традиционных культурных

ценностей.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение и интерпретацию материала; методы сопоставительного анализа; статистический метод; метод контент-анализа.

В ходе исследования рассмотрена эволюция образа Нэчи от мифа к фильму (2019 г.); изучены инновации сиквела 2025 года («продолжение, сохранив основные ценности и визуальный стиль предыдущей работы, значительно улучшило содержание, технические средства и каналы международной коммуникации»); охарактеризованы механизмы продвижения образа Нэчи в социальных сетях (Douyi, Weibo, YouTube и Instagram); проанализированы алгоритм и эффективность цифровых медиа-коммуникаций при продвижении образа Нэчи, восприятие международной аудиторией этого образа, проблемы и стратегии межкультурной коммуникации («несмотря на то, что образ Нэчи завоевал внимание во всем мире благодаря своим характерным визуальным символам и эмоциональному выражению, процесс его распространения не является гладким и сталкивается с многочисленными проблемами в межкультурном контексте», «культурное непонимание и семантические девиации являются существенными проблемами в распространении образа Нэчи», «языковые барьеры и ограничения, связанные с субтитрами, еще больше усложняют культурную коммуникацию»); для решения данных проблем предложена «динамическая многоуровневая коммуникационная модель»; в заключении подведены итоги исследования. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в развитие таких современных научных направлений, как межкультурная коммуникация и лингвокультурология, медиакоммуникация, когнитивная лингвистика, прагматика и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Однако вопросы вызывает библиография статьи. Во-первых, первые два источника требуют уточнения: см 1. Редакция. Библиотека РГУ. URL: <https://rsuir-library.rsu.ac.th/handle/123456789/2649> (дата обращения: 20.10.2023) и 2. НБД. Статья о тенденциях в 2025 году. URL: <https://www.nbd.com.cn/articles/2025-02-02/3740302.html> (дата обращения: 20.10.2023). Во-вторых, необходимо пересмотреть библиографическое описание источников с учетом требований редакции журнала. Обращаем внимание, что цифровые идентификаторы научных источников (DOI) не соответствуют самому источнику. Например, DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202419902008> источника Иванова, А. В. Современные подходы к обучению. В: Школа и общество: вызовы и решение. 2022 отсылает нас к научной публикации Yilin Wei A Study on User Comments on Douyin: Analysis of Film Promotion Strategies on Chinese Social Media// SHS Web Conf., 199 (2024) 02008.

В целом, работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья не соответствует стандартам серьезного научного изыскания. Предмет изучения в принципе реален, ориентир на образ Нэчжа в культурном пространстве «прошлого» и «настоящего» может быть рассмотрен, причем в режиме компаратива, но этого не происходит должным образом в данной работе. Замечу, что текст имеет ярко выраженные приметы генерирования; работа компилятивна, в ней нет правильной логики изложения сути вопроса, да и большая часть данных фальсифицирована. Яркий пример этому – список источников с несуществующими или неправильно оформленными изданиями: «Международный журнал контента», «Глобальный журнал искусств, гуманитарных и социальных наук», или «Цзэн Х. Нормативная реконструкция и коллективная память: переосмысление мифа с точки зрения визуальной антропологии – на примере фильма "Не Чжэ 2"» и т.д. Стиль данного сочинения не соотносится с научным типом, налицо смысловое нарушение, наличие несоответствий. Например, видим это в следующих фрагментах: «статья стремится выявить новую логику и структуру рисков распространения культурной продукции «за рубеж» в цифровой медийной среде, а также обогатить существующие теоретические концепции...», или «статья сосредоточена на феномене распространения, восприятия и повторного творчества образа Нэчжа в различных культурных контекстах и стремится разработать модель исследования кросс-культурного пути коммуникации «культурное производство — медиаплатформа — зарубежное восприятие» и т.д. Материал не отражает качественной систематизации данных, абсолютно не ясна и методология исследования (а это обязательные показатели научного изыскания). Текст перенасыщен псевдонаучной терминологией, если ее так можно назвать: «от традиционного мифологического персонажа до глобального феномена, IP Нэчжа совершил качественный скачок от «экспорта контента» к «символическому резонансу», используя технологические преимущества и адаптируемость повествования цифровых медиаплатформ. Его количественные показатели коммуникации не только закрепили конкурентоспособную позицию китайской анимации на глобальном рынке, но и представили яркий пример того, как китайская культура может достичь «глобального повествования» при помощи медиасилы». Использование «синонимайзинга» делает текст неудобным для чтения, ИИ, как понимаем, не работает должным образом, создается только эффект путаницы / введения в заблуждение. Считаю, что низкое качество материала подрывает репутационный уровень издания, подобные работе, безусловно, не должны проходить в открытые источники. Выводы бессмысленны, дублирование в итоге уже сказанного является ошибкой: «в данной статье объектом исследования выбран процесс интернационализации серии фильмов «Нэчжа» в эпоху цифровых медиа. Систематически проанализированы пути трансформации и механизмы распространения китайского традиционного мифологического IP. Исследование показало, что Нэчжа трансформировался из традиционного символа в глобальный культурный IP благодаря реконструкции образа «бунтующего подростка» и усилению цифровыми медиа...». Таким образом, все стандарты научной статьи в данном тексте нарушены; работа не имеет теоретической и практической значимости; в ней нет серьезной концептуальной разверстки вопроса. Статья «От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи» не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает лингвокультурные особенности образа Нэчжи - одного из важнейших персонажей китайской мифологической системы, который на протяжении веков обладал множественной символикой в религии, литературе и народной культуре. С учетом всё большего сближения наших стран и взаимопроникновения культур, всё больше людей интересуются традициями и обычаями Поднебесной, языком и культурой, что делает рецензируемую работу востребованной.

Несомненно, работа имеет большой научный потенциал, вносит существенный вклад в развитие как теории лингвокультурологии, так и в сопоставительное изучение русского и китайского языков и культур.

Настоящее исследование анализирует три аспекта: эволюцию культурных символов, трансформацию платформ распространения и пользовательские комментарии. Автор рассматривается современная реконструкция образа Нэчжа в цифровую эпоху и его пути международной коммуникации, что предоставляет теоретическую основу для продвижения других китайских мифологических IP на мировой арене.

Материалом исследования послужили фильмы кейсов были выбраны два анимационных фильма — «Нэйчжа: Рождение демона» (2019) и «Нэйчжа 2: Восстание демона в море» (2025).

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методологическую основу составляет метод кейс-анализа, сопоставительный метод, метод текстового анализа, также общенаучные методы познания.

В фокусе рецензируемой работы находятся вопросы лексикологического и лингвокультурологического характеров. К сожалению, автор не обратился к работам отечественных исследователей и фундаментальным трудам по данной тематике. Научно-теоретическая составляющая статьи представляется нам слабой. С другой стороны, работа является больше практикоориентированной.

К недостаткам также отнесем технические погрешности (форматирование таблиц, разные шрифты в пределах одного абзаца), а также отсутствие языковых примеров, подтверждающих постулируемое автором.

Однако, указанные недостатки не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от настоящей работы.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, исследования и заключительная, в которой представлены выводы, полученные автором. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Пунктуационные и орфографические ошибки, существенно затрудняющие понимание текста, не обнаружены. Библиография статьи насчитывает 23 источника, в которые включены как отечественные, так и зарубежные труды. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, культурологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «От традиции к цифровым технологиям: исследование международной коммуникационной стратегии образа Нэчжи» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хао Г. Эмотивная лексика с семантикой смелости и страха в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75575 EDN: QPJTCM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75575

Эмотивная лексика с семантикой смелости и страха в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина

Хао Гаюань

ORCID: 0009-0006-3464-9918

аспирант; кафедра русского языка; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, 1

✉ 947922671@qq.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75575

EDN:

QPJTCM

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Дата публикации:

23-08-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают лексические средства выражения эмоций смелости и страха в цикле А. С. Пушкина «Повести Белкина». Анализируется семантика и функционирование данных единиц в художественном тексте на материале 93 контекстов. Особое внимание уделяется выявлению связи между лексическим выбором (смелость, робость, опасаться) и социальным статусом персонажей (дворяне и «маленькие люди»), гендерными характеристиками (бодрость у мужчин, обморок у женщин), а также ситуативными факторами. Исследуется роль контекста в формировании эмоциональных значений и их классификация по 7 функционально-семантическим группам по Л. Г. Бабенко (эмоциональное состояние, качество, внешнее выражение и др.). Рассматриваются прямые номинации эмоций (смелость, робость) и косвенные маркеры через физиологические реакции (дрожать, побледнеть, с замиранием сердца).

Применены методы контекстуального и статистического анализа, функционально-семантической классификации. Методологической основой выступает система Л. Г. Бабенко (7 групп эмоциональной лексики) и принципы лексикографии. Научная новизна заключается в первом системном анализе оппозиции «смелость» – «страх» у А. С. Пушкина через призму лексической семантики. Установлено, что доминирование лексики трусости (79 случаев, например опасаться, оробеть) над смелостью (14 случаев, например храбрость, бодрость) отражает авторское понимание человеческих слабостей как отклонения от нормы. Выявлена гендерная асимметрия: смелость у мужчин выражается прямыми номинациями (героический, герой), у женщин – косвенно, через физиологические реакции (побледнеть, дрожать). Обнаружена социальная специфика: страх перед высшими сословиями кодируется глаголами опасаться, не сметь. Доказано, что страх ситуативен («плавающая эмоция» робость в зависимости от контекста), а смелость трансформируется (физическая → моральная). Выводы значимы для психолингвистики и интерпретации русской классики.

Ключевые слова:

художественный текст, А. С. Пушкин, семантика, эмоциональная лексика, невербальные средства, смелость, трусость, эмоция, лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ

Введение

Как известно, эмоции, как форма восприятия окружающей реальности, играют важную роль в жизни человека. Как отмечает Л. Г. Бабенко: «эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [2, с. 3]. Ученые в определенной мере сходятся во мнении, что язык служит инструментом выражения эмоций. В рамках развития антропоцентрической лингвистики на данном этапе наблюдается возрастающий интерес к исследованию эмоциональных состояний человека, что находит отражение в работах многих исследователей, например, В. И. Шаховского: 1983; Л. Г. Бабенко: 1989; Ю. Д. Апресяна: 1995 и других. Это обусловлено тем, что эмоции, с одной стороны, отражают внутренний мир личности, а с другой – непосредственно регулируют его поведение.

Л. Г. Бабенко выделила 37 наиболее часто используемых «базовых исходных эмотивных смыслов», среди которых присутствуют смелость и страх, указывая, что «исходные эмотивные смыслы пронизаны антонимическими связями и фактически обозначают крайние полюса одного чувства» [2, с. 27-28]. Основополагающим принципом идеографического словаря, составленного под руководством Л. Г. Бабенко, является оппозитивность; в нем такие пары, как *смелость* – *трусость* и т.д., выделены как противоположные слова, а также зафиксированы синонимико-антонимические гнезда в структуре словарной статьи [9, с. 6]. А. М. Плотникова, проведя сопоставительный анализ ряда идеографических словарей, обнаружила, что в каждом из них, в группах слов, обозначающих черты характера человека, отдельно выделяются такие семантические константы, как *смелость* и *трусость* [13, с. 25].

Выражение и описание эмоций преимущественно исследуется на материале художественной литературы, где поступки и речь персонажей часто отражают их богатые

эмоциональные состояния. В качестве материала для нашего исследования выбран цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». Как отмечал Д. Д. Благой, «Повести Белкина» обладают огромным «историко-литературным значением, заложив основы русской реалистической прозы» [3, с. 6]. Данное произведение отличается богатством сюжетов, его главные герои, обладающие различным эмоциональным складом и социальным статусом, демонстрируют многообразие типов смелости: смелость в любви, смелость в борьбе за выживание и нравственная смелость. Эмоциональное поведение персонажей раскрывается в полной мере в разнообразных ситуациях. Герои цикла обладают разными характерами: благородные и сильные, добрые и жестокие, строгие и хитрые, что создает основу для многообразия проявлений их эмоциональных состояний. Различия в характерах героев предоставляют возможность для более глубокого и системного выявления особенностей использования ими лексических средств для передачи эмоций персонажей.

В данной статье основное внимание уделяется лексическим средствам выражения эмоций смелости и страха. Рассмотрим определения слов *смелость* и *страх* в словаре. Лексема *смелость* в «Большом толковом словаре» как эмоция определяется как производное от прилагательного *смелый* «1. Не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей; храбрый, отважный» [4, с. 1216]. Более подробно объясняется значение слова *страх*: «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т.п.; боязнь» [4, с. 1277]. Заметим, что при толковании обеих эмоций используются слова со сходным значением, которые содержат общие семантические компоненты. Анализ определений лексических единиц, связанных с семантикой этих слов, позволяет утверждать, что значение слова *страх* включает в себя психологическое состояние, порождаемое сильным чувством беспокойства перед трудностями или опасностями, в то время как *смелость* обозначает противоположное состояние.

Методология исследования

Для описания нашего материала мы обратились к современным лингвистическим исследованиям. Как отмечает Ю. А. Кузнецов, ключевой проблемой «описания эмотивной лексики является создание единой классификационной системы» [10, с. 11].

Как отмечает А. М. Плотникова, в ряде словарей лексические единицы, описывающие различные эмоциональные состояния, объединены в один класс со словами, описывающими поведенческие характеристики, поскольку поведение и поступки могут детерминироваться чертами характера и психологическими особенностями человека [13, с. 26]. В «Русском семантическом словаре» поведение, противоположное *смелости*, представлено тремя группами: 1. «Застенчивое, нерешительное, осторожное поведение», в частности, «робкое, стеснительное поведение, скованность»; 2. «Нерешительность, осторожность, трусость», в частности, «малодушие, нерешительность, уклончивость, растерянность»; 3. «Безволие, покорность. Вялость» [15, т. 4, с. 375]. Данные лексические единицы объединяют черты характера с их проявлениями в поведении. Л. Г. Бабенко на основе грамматических характеристик, функций и способов эмотивной интерпретации лексики разделила единицы классов «смелость» и «страх» на 7 функционально-семантических классов: эмоциональное состояние; становление эмоционального состояния; эмоциональное воздействие; эмоциональное отношение; внешнее выражение эмоции; эмоциональная характеристика; эмоциональное качество [2, с. 174–179].

Мы классифицировали собранные лексические данные в соответствии с двумя вышеупомянутыми классификациями, разделив слова, выражающие эмоции смелости и страха, на две подгруппы: первую подгруппу составили слова, дающие непосредственное описание черт характера и эмоций субъекта, таких как «застенчивость», «пугливость», «робость» и т.д. Во вторую подгруппу вошли слова, выражающие эмоции смелости или страха опосредованно, то есть слова, обозначающие внешние проявления эмоций, такие как: *вздрагнуть, дрожать, побледнеть* и т.п. Большинство из этих слов связано с состоянием организма человека, испытывающего страх, поскольку физиологические инстинктивные реакции при страхе лежат в основе трусливого поведения. Далее мы проведем более детальный контекстуальный анализ этих слов в соответствии с 7 функционально-семантическими группами, выделенными Л. Г. Бабенко.

Результаты исследования

На основании проведенного анализа материала установлено, что в «Повестях Белкина» Пушкина лексические средства, выражающие эмоции «смелость» и «страх», встречаются 93 раза. Среди них 9 лексем выражают смелость: *бодрость, бодрый, героический, герой, ободриться, смело, смелость, смелый, храбрость*. Слова, опосредованно, передающие смелость, – *драться, дуэль*. Всего 14 словоупотреблений. Выявлены 24 лексемы с семантическим компонентом 'страх': *беспокоить, беспокоиться, беспокойство, боязнь, бояться, испуг, испуганный, испугаться, напугать, не осмеливаться, не сметь, небось (не бойся), опасаться, оробеть, перепугаться, побояться, полуиспуганный, пугливость, робость, смятение, содрогнуться, страшно, трепет, ужас, ужаснуть, ужасный*. Слова и выражения, иносказательно передающие страх, – *бледный, броситься к ногам, вздрогнуть, волосы стали дыбом, дрожать, дрожащий, ноги подкосились, побледнеть, попадать в обморок, с замиранием сердца, сердце сильно забилося*. Эти слова и выражения встречаются в повестях 79 раз. Следует отметить, что в повести «Гробовщик» нет слов, выражающих эмоцию «смелость».

В других произведениях мало лексических единиц, непосредственно выражающих семантику смелости. Частота употребления и объем лексики, передающей негативные эмоции, значительно превосходят аналогичные показатели для эмоций позитивных. Особо подчеркнем, что смелость проявляется не только в опасных ситуациях, но и в случаях трудностей и неизвестности. Проиллюстрируем это примерами из текста повести «Барышня-крестьянка». Во-первых, характеристика Григория Ивановича (отца Лизы) дается через оценку его поступка другими персонажами: он *первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и **смелым*** [14, с. 100]. Употребление прилагательного *смелый* здесь относится к дерзкому, неординарному решению. Во-вторых, в контексте, связанном с враждой семей, Пушкин использует наречие *смело* для описания рискованного поведения Лизы. Настя, поощряя её план, говорит: *И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте **смело** в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает* [14, с. 103]. Употребление словосочетания *ступайте смело* подчеркивает необходимость решительных и отважных действий в сложной, чреватой последствиями ситуации.

В цикле повестей, как пишет В. В. Виноградов, рассказчик, выступая в роли непосредственного участника и свидетеля событий, становится основной движущей силой развития сюжета [7, с. 640]. В «Выстреле» Пушкин устами рассказчика описывает ценные в тогдашнем обществе качества: *Недостаток **смелости** менее всего извиняется*

молодыми людьми, которые в **храбрости** обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков [14, с. 60]. Храбрость и робость тесно связаны с понятием чести: то, как воспринималось обществом того времени проявление недостатка смелости, то есть трусости, выражено словами *честь его была замарана* [14, с. 60]. Наименования типичных проявлений рыцарского кодекса чести *драться* и *дуэль* также являются частотными лексемами в данной повести. Главный герой «Выстрела» Сильвио характеризуется как храбрый: *Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость* [14, с. 59]. Интересно, что Сильвио, говоря о своем противнике на дуэли, использует одновременно лексемы *храбрость* и *робость*: при первой встрече он описывает графа как человека, обладающего **храбростью** *самую беспечную* [14, с. 62], однако во время их второй дуэли говорит графу: *я видел твоё **смещение**, твою **робость*** [14, с. 69]. Психологически удовлетворенный, Сильвио, достигнув своей цели мести, отказывается от выстрела в графа. Это внешне робкое поведение имеет высокую нравственную ценность. Мужество Сильвио претерпевает трансформацию: от «физической» смелости к смелости нравственной, то есть от внешней, «насиловственной» храбрости к духовной, возвышенной. Как отмечают исследователи, создание образа невозможно без соотнесения противоположных качеств, что подчеркивает его сложность и противоречивость [11, с. 142].

Герои-дворяне в данном цикле повестей, как правило, обладают эмоциональным качеством смелости. Например, в «Метели» рассказчик характеризует Бурмина как человека, *обнаруживающего **смелость** и пылкость характера* [14, с. 78]. Позитивная или негативная природа эмоций зависит от индивидуальных внутренних процессов взаимодействия субъекта со средой, поскольку эмоции обладают выраженной субъективной окраской [6, с. 15]. В данном контексте мы рассматриваем *робость* как «плавающую» эмоцию: ее позитивная или негативная окраска зависит от конкретной ситуации и от причины, ее вызвавшей. Лексема *робость* обозначает состояние неуверенности в себе и недостатка смелости. В повести Пушкина «Метель» она употребляется преимущественно в контексте любовных отношений, например: *Подумав хорошенько, она (Марья) решила, что **робость** была единственной тому причиной* [14, с. 78]. **Робость**, *неразлучная с истинною любовью* [14, с. 78]. Марья размышляет о том, почему Бурмин не признался ей в любви, приходя к выводу о робости. Слово *робость* используется в описании дважды, причем без какой-либо отрицательной коннотации. В повести «Выстрел» читаем: *Ее (графини) присутствие возвратило мне всю **бодрость*** [14, с. 68]. Граф испытывал страх после встречи с Сильвио, однако появление графини придало ему смелости. Этот эпизод также иллюстрирует пушкинскую концепцию любви, согласно которой настоящая любовь может придавать смелость, но и порождать робость. Лексика, обозначающая эмоциональные качества, такие как смелость, храбрость, робость, чаще всего используются для описания качеств мужчин из аристократического слоя общества того времени.

В повести «Выстрел» встречается глагол *оробеть*, однокоренной со словом *робость*. Эта лексема означает «испытывать боязнь, неловкость от неуверенности в себе; смущаться» [4, с. 1124], сочетая в себе семантику робости и боязни. *Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем и уже давно не видав чужого богатства, я **оробел** и ждал графа с каким-то **трепетом**, как проситель из провинции ждет выхода министра* [14, с. 65]. Здесь рассказчик описывает свое психологическое состояние перед встречей с графом.

Эмоция робости проистекает из ощущения неполноценности: если человек чувствует, что не может контролировать ситуацию и не знает, как себя вести в такой ситуации, то он будет чувствовать себя робко [\[1, с. 61\]](#).

В этой же повести неоднократно используются лексические средства для отражения социального статуса персонажей. Например: *Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто **не осмеливался** о том его спрашивать* [\[14, с. 58\]](#). Данный фрагмент показывает трепет героя перед Сильвио как представителем высшего дворянства. ...Я старался **ободриться** и начал было себя рекомендовать, но он предупредил меня [\[14, с. 65\]](#). Разговор его (графа), свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую **застенчивость** [\[14, с. 65\]](#). Рассказчик, **молодой армейский офицер в отставке**, описывает изменение своего эмоционального состояния при встрече с графом: от робости он постепенно переходит к большей уверенности.

В цикле «Повести Белкина» дважды встречается слово *опасаться*, который означает «избегать чего-либо из предосторожности, предохранять себя от чего-либо; остерегаться» [\[4, с. 715\]](#). Этот глагол выражает чувство страха, беспокойства или опасения перед чем-либо, боязнь возможных негативных последствий. Как правило, он используется для обозначения рационального опасения в отношении потенциально неблагоприятных событий в будущем. Например: ...Ее (Марьи) *горничная* никому ни о чем не говорила, **опасаясь** гнева господ («Метель») [\[14, с. 75\]](#); Он (врач) уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, **опасаясь** его нагайки («Станционный смотритель») [\[14, с. 94\]](#). В обоих случаях показаны трепет и страх простого человека перед вышестоящим. Молчание выступает как акт самозащиты. Сочетание *не смей* несет схожую семантику, также указывая на то, что субъект эмоции действует с повышенной осторожностью, стремясь избежать нежелательного исхода [\[1, с. 61\]](#). Например: Долго **не смели** объявить об этом выздоравливающей Маше («Метель») [\[14, с. 76\]](#). – Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да **не смею**. ... [\[14, с. 105\]](#); ...Она **не смела** просить... она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей... [\[14, с. 112\]](#); Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и **не смела** надеяться на взаимное примирение («Барышня-крестьянка») [\[14, с. 108\]](#). В последних трех примерах сословные и семейные ограничения становятся причиной нерешительности Лизы. Примечательно, что отец Алексея в разговоре с сыном использует лексику, выражающую категоричный приказ и запрет, его властную позицию: ... Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться («Барышня-крестьянка») [\[14, с. 114\]](#).

При выражении предчувствия неприятных, катастрофических событий, вызывающих страх, Пушкин также использует лексему *угроза* в следующих отрывках из «Станционного смотрителя»: Боже! Какие ругательства, какие **угрозы** посыплются на его голову! [\[14, с. 88\]](#). Будучи мелким чиновником, Вырин существовал в условиях жесткой социальной иерархии, что, в конечном счете, обрекло его на трагедию. После того, как его дочь уехала с гусаром Минским мы видим, как три или четыре года могли превратить **бодрого** мужчину в хилого старика [\[14, с. 91\]](#). Тем не менее, именно таких «маленьких людей» Пушкин считает *почтенного сословия смотрителей* [\[14, с. 89\]](#). В повести «Гробовщик», столкнувшись с гневом мертвецов, гробовщик испытывает страх, опасаясь непредвиденных последствий для себя: Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и **угрозами** [\[14,](#)

[с. 87\]](#).

Пушкин использует лексику *беспокойство* для описания состояния страха. Обычно оно вызывается неопределенностью ситуации и потенциальной опасностью и представляет собой негативную эмоцию. Например, Сильвио стремится увидеть страх графа перед неожиданно объявленной дуэлью. *Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень **беспокойства*** («Выстрел») [\[14, с. 63\]](#). Состояние Бурмина обусловлено воздействием метели: *Непонятное беспокойство овладело мною* («Метель») [\[14, с. 79\]](#). Лиза опасается разоблачения своего обмана, выдавая себя за крестьянку Акулину: *Алексей тотчас заметил на ее лице следы уныния и беспокойства* («Барышня-крестьянка») [\[14, с. 106\]](#).

Как отмечено в «Словаре языка Пушкина», семантика слова *беспокойство* включает значение «ощущение тревоги, опасения за кого-, что-нибудь» [\[16, т. 1, с. 88\]](#). Это значение отчетливо проявляется в следующем отрывке из повести «Станционный смотритель»: *Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и **беспокойство** овладело им до такой степени, что он (смотритель) не утерпел и пошел сам к обедне* [\[14, с. 93\]](#). Отсутствие дочери вызывает у смотрителя Вырина изменение психофизиологического состояния. Анализ приведенного контекста позволяет утверждать, что *беспокойство* представляет собой сложное эмоциональное состояние, включающее страх и печаль. Как отмечает К. Э. Изард: «Эмоциональный комплекс – эмоции разной направленности, придающие мотивационную окраску сигналам внешней среды, которые активизируются одновременно» [\[8, с. 400\]](#).

Лексические единицы *побояться* и *бояться* являются наиболее частотными в исследуемых произведениях Пушкина. Глагол *бояться* имеет нейтральную стилистическую окраску и означает «испытывать страх, боязнь; остерегаться, опасаться чего-нибудь тяжёлого, неприятного, вредного» [\[16, т. 1, с. 156\]](#). Приведем несколько примеров. «Выстрел»: ... *Да признаюсь, **побоялся** я сделаться пьяницею с горя, т. е. самым горьким пьяницею* [\[14, с. 64\]](#). Рассказчик из-за тяжелого материального положения семьи был вынужден переехать в бедную сельскую местность уезда Н и боялся, что будет продолжать опускаться. «Станционный смотритель»: *Чего же ты **боишься**? – сказал ей (Дуня) отец, – ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви* [\[14, с. 93\]](#). Ротмистр попросил дочь станционного смотрителя Дуню проводить его до церкви на окраине деревни. Дуня колебалась, но отец успокаивает её, чтобы она не боялась. «Гробовщик»: *Но Трюхина умирала на Разгуляе, и Прохоров **боялся**, чтоб ее наследники <...> не поленились послать за ним в такую даль и не сторговались бы с ближайшим подрядчиком* [\[14, с. 82\]](#). Прохоров, чья профессия способствовала формированию эгоистичного и угрюмого характера, опасается упустить выгоду от смерти купчихи.

В повести «Барышня-крестьянка» глагол *бояться* неоднократно встречается в сцене первой встречи Лизы, переодетой крестьянкой, с Алексеем, отражая её тревожное состояние из-за рискованного предприятия. По дороге на встречу, ***боясь** какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела* [\[14, с. 104\]](#). Лиза испытывает страх быть узнанной. Диалог после встречи: *Да нет, барин, – сказала она, притворяясь **полуиспуганной**, полужастенчивой, – **боюсь**: она, вишь, такая злая; опять кинется* [\[14, с. 104\]](#). Здесь речь персонажа выполняет портретирующую функцию, показывая

характерные черты языковой личности, соответствующие её социальному статусу (низкому положению служанки в общении с дворянином Алексеем). Прилагательное *полуиспуганной* передает смешанное чувство страха и напряжения. Ответ Алексея: **Небось**, милая, – сказал он Лизе, – собака моя не кусается» [14, с. 104]. Согласно «Словарю языка Пушкина», *небось* – «просторечно-разговорная форма повел, накл.; с отрицанием» [16, т. 1, с. 156], имеющая здесь ободряющее значение. *Я провожу тебя, если ты боишься*, – сказал он ей... [14, с. 104-105]. Обе реплики Алексея выражают его заботу о Лизе. Однокоренное отглагольное существительное *боязнь* обозначает эмоциональное состояние страха или опасения перед чем-либо. Словарные дефиниции слова *боязнь*: «1. Чувство опасения, страха. 2. Беспокойство, тревога» [4, с. 93]. Оно может быть связано и с неизвестностью или неопределённостью. Так, Лиза, отправляясь на встречу с Алексеем в образе крестьянки, испытывает тревогу из-за непредсказуемости ситуации. *Сердце ее сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть* [14, с. 104].

С позиций лингвопоэтики, все составляющие художественного мира выражаются четкими и определенными категориями – существительными, прилагательными, глаголами [5, с. 453]. В рамках нашего исследования обращает на себя внимание неоднократная актуализация в тексте глаголов, существительных и прилагательных с корнем *-пуг-*. Согласно классификации Л. Г. Бабенко, лексема *испуг* и прилагательное *испуганный* называют эмоциональное состояние; глаголы *пугаться*, *испугаться*, *перепугаться* относятся к категории становления эмоционального состояния; глагол *напугать* обозначает эмоциональное воздействие; существительное *пугливость* характеризует эмоциональное качество.

В отличие от глагола *бояться*, обозначающего устойчивый страх перед чем-либо, глагол *испугаться* соотносится с мгновенным испугом, вызванным неожиданным событием. Приведем примеры: *Лошадь у жены что-то заупрячилась; она испугалась* («Выстрел») [14, с. 67]; *Как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала* («Барышня-крестьянка») [14, с. 104]. Глагол *испугаться* называет действие, которое отличается высокой интенсивностью и относительной кратковременностью при описании реакции страха. Ср. в «Барышне-крестьянке»: *Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами* [14, с. 104]. В данном примере внезапное появление Алексея с собакой застает Лизу врасплох, вызывая у нее чувство страха и состояние испуга. Важно отметить, что в отличие от глагола *бояться*, передающего страх перед предстоящим событием, глагол *испугаться* описывает реакцию страха, спровоцированную уже произошедшим событием. Глагол *перепугаться* означает «сильно испугаться» [4, с. 815]. В «Выстреле» по речи графа можно понять психологическое состояние графини, когда она увидела, как ее муж стреляется с Сильвио: *Как же ты перепугалась!* [14, с. 68].

Субъектом, способным вызвать эмоцию страха или обладающим эмоциональным качеством пугливости, может быть не только человек, но и животное [1, с. 61]. Приведем два отрывка из повести «Барышня-крестьянка»: *Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла* [14, с. 108]; *Таким образом вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливости куцой кобылки* [14, с. 109]. Здесь испуг лошади и ее природная пугливость становятся сюжетообразующими факторами, приводящими к повороту в развитии событий.

Прилагательное *испуганный* характеризует признак «охваченный страхом, выражающий испуг» [4, с. 402]. Данное психологическое состояние часто передается через физиологические реакции, например, через выражение глаз: *Свидетели устремили на меня (Бурмин) испуганные глаза* («Метель») [14, с. 80]. Другой контекст иллюстрирует мгновенность этого эмоционального состояния: *Испуганный Минский кинулся ее поднимать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева* («Станционный смотритель») [14, с. 96]. Появление Вырина для Минского становится полной неожиданностью, вызывая мгновенный испуг. Отметим, что базовые эмоции, такие как гнев, часто могут сопровождать или сменять состояние страха.

Глагол *напугать* обозначает эмоциональное воздействие, результатом которого является устойчивое состояние страха, оказывающее длительное влияние: *Он (Владимир) был напуган* обыкновенным приемом («Метель») [14, с. 76]. Предшествующий опыт (метель) нанес Владимиру психологическую травму, проявляющуюся в реакции на схожую ситуацию.

Эмоциональные состояния различаются по интенсивности и причине возникновения. Например, глагол *беспокоиться* может сочетаться с наречиями степени *сильно* и *менее* для усиления или ослабления выраженности эмоционального состояния: *Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться* («Метель») [14, с. 73]. *Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений* («Барышня-крестянка») [14, с. 113]. Одно и то же событие способно вызывать у человека эмоции различной интенсивности, варьирующиеся в зависимости от обстоятельств, времени и окружения [12, 2020, с. 29]. Сопоставление значений слов *беспокоиться* и *беспокоить* позволяет выявить их семантические различия: *беспокоиться* – «испытывать беспокойство, волноваться, тревожиться» [16, т. 1, с. 87]. *Беспокоить* – «внушать тревогу, волновать» [16, т. 1, с. 73]. В отличие от глагола *беспокоиться*, который больше подчеркивает эмоциональное состояние субъекта, *беспокоить* указывает на причину возникновения этой эмоции, в качестве которой, как правило, выступают бытовые мелочи: *Любопытство начинало меня беспокоить* («Станционный смотритель») [14, с. 91]; *Обещание, данное ею (Лиза) на завтрашний день, всего более беспокоило ее* («Барышня-крестянка») [14, с. 106].

Для описания эмоции страха Пушкин также использует лексемы, обозначающие более высокую степень интенсивности. Лексема *страшно* передает «состояние страха, испытываемое кем-либо» [16, т. 4, с. 416]. Как видно из примера, графиня продолжает испытывать страх спустя долгое время после дуэли графа с Сильвио: *Ах, милый мой, – сказала графиня, – ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать* («Выстрел») [14, с. 67].

Кроме того, существительное *ужас* и его однокоренные слова: прилагательное *ужасный* и глагол *ужаснуть* выражают наивысшую степень страха. *Ужас* определяется как «чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета; Вызывающее такое чувство страшное, трагическое явление, положение, случай» [16, т. 4, с. 691]. Важно отметить, что ощущение такого страха возникает из-за внезапного осознания существования некой силы, перед которой человек совершенно бессилен и которая выходит за пределы его понимания. Окружающая среда в повести «Метель» играет существенную роль, формируя психологический фон и эмоциональное состояние героев. Владимир, неспособный сориентироваться в незнакомой обстановке, испытывает отчаяние и беззащитен перед стихией: *Владимир с ужасом* увидел, что он

заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им [14, с. 74]; Как вдруг поднялась **ужасная** метель [14, с. 79]. Мучимый тайной, он проявляет моральное мужество, признаваясь в ней: Но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам **ужасную** тайну и положить между нами непреодолимую преграду... [14, с. 78].

Как правило, для переживания ужаса необходимо не только представить, но и увидеть своими глазами что-то ужасное: Люди **не смели** его (Сильвио) остановить и с **ужасом** на него глядели («Выстрел») [14, с. 69]. Поскольку Сильвио почти не прицелился, он выстрелил в картину. Тогда Сильвио... (в эту минуту он был, право, **ужасен**) [14, с. 68]. Граф тоже был полностью потрясен этой ситуацией. В повести «Гробовщик» Адриан испытывает сильнейший страх при виде похороненных им людей: Адриан с **ужасом** узнал в них людей, погребенных его стараниями [14, с. 86]. Феномен мужества и трусости представлен имплицитно. Хотя гробовщик по роду деятельности ежедневно сталкивается со смертью, что может быть воспринято как проявление мужества по сравнению с обычными людьми, это, скорее, профессиональная апатия – поверхностная бесстрашность. Страх, проявившийся в кошмарном сне, обнажает его глубинную трусость.

Однако иногда для возникновения чувства ужаса достаточно лишь вообразить опасную ситуацию: Она (Марья) бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут **ужасные** мечтания поминутно ее пробуждали («Метель») [14, с. 71]; С **ужасом** вспомнил Адриан все вчерашние происшествия («Гробовщик») [14, с. 87]. Алексей, прождав **ее** напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, <...> и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. Мысль эта **ужаснула** Лизу [14, с. 106] («Барышня-крестьянка»). Лиза испытывает сильное эмоциональное потрясение из-за страха быть разоблаченной любимым человеком.

Кроме того, в текстах «Повестей Белкина» мы обнаруживаем примеры описания физического состояния страха, возникающего у персонажей при переживании сильного эмоционального потрясения. Хотя сами эти выражения лишены эмоциональной окраски, их сочетание и контекст позволяют отнести их к средствам выражения эмоции страха. Так, мы считаем эмоционально окрашенным описание обморока в следующих контекстах: Мы бросились к саблям; дамы **попадали в обморок**; нас растащили, и в ту же ночь поехали мы драться («Выстрел») [14, с. 63]. Это реакция дворянок во время первой дуэли Сильвио и графа. И ещё реакция графини во время второй дуэли Сильвио и графа: Жена **лежала в обмороке** [14, с. 69]. Обморок Марьи в повести «Метель» вызван страхом за возлюбленного: Нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она (Марья) **упала в обморок, и боялись**, чтоб горячка ее не возвратилась [14, с. 76].

В повести «Выстрел» показана физиологическая реакция страха перед *грозным* Сильвио: Маша **бросилась к его ногам** [14, с. 68]. В повести «Гробовщик», когда Адриан увидел мертвецов, он почувствовал одновременно шок и страх и не смог контролировать свои действия: Тут **ноги его подкосились**. Комната полна была мертвецами [14, с. 86]. В «Словаре языка Пушкина» *подкоситься* означает «подогнуться от какого-н. сильного переживания или слабости» [16, т. 3, с. 450]. В Толковом словаре русского языка дано более подробное описание значения: «непроизвольно согнуться от слабости, усталости, потрясения и т.п.; подогнуться, подломиться (о ногах)» [4, с. 868].

Эмоция страха также часто связана у Пушкина с использованием существительного *сердце* – уникального символа человеческих чувств, зачастую заключающего в себе глубокие и сложные переживания: *То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие ... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца* («Метель») [14, с. 71]. Несуществующие видения также могут вызывать чувство страха: *Нет, – возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца* («Станционный смотритель») *Нужды* [14, с. 95]. Интересно, что ощущение ужаса может передаваться и через волосы: *Сильвио! – закричал я (граф), и признаюсь, я почувствовал, как волосы стали вдруг на мне дыбом* («Выстрел») [14, с. 67]. Фразеологизм *волосы стали дыбом* означает «чувство сильного страха, ужаса» [4, с. 145]. Эта идиома усиливает передачу эмоции страха графа при узнавании старого противника.

В опосредованном описании страха через физиологические реакции выделяются четыре лексемы, сходные по способу номинации: глагол *дрожать* и его синонимы – *вздрагнуть*, *содрогнуться*; а также однокоренное прилагательное *дрожащий*. В их прямом значении они обозначают как физическое проявление эмоции страха, так и саму эмоцию. Как видно из сравнения словарных дефиниций, различия в семантике этих единиц заключаются в причине, длительности и интенсивности вызываемого ими эмоционального состояния. По словарному определению, *дрожать* включает значения «вздрагивать, содрогаться, трястись» [4, с. 285].

Глагол *вздрагнуть* обозначает, что субъект «непроизвольно делать телом резкие судорожные движения (от испуга, холода и т.п.)» [4, с. 126]. Он встречается в повести «Барышня-крестьянка»: *Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, закричала и хотела убежать* [14, с. 115]. Внезапный возглас пугает Лизу, а страх разоблачения усиливает ощущение. В другом отрывке используется глагол *дрожать*: *Отец его подошел к ее ручке, и он с досадою ему последовал; когда прикоснулся он к ее беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали* [14, с. 111]. Лиза, боясь, что Алексей узнает ее, испытывает длительный страх, проявляющийся в дрожи пальцев. По сравнению с глаголом *вздрагнуть*, *дрожать* описывает именно состояние, а не его изменение, причем состояние большей длительности.

Прилагательное *дрожащий*, как и причастие, соотносится с глаголом *дрожать* в значении «испытывать опасение, страх, тревогу за кого-, что-либо» [4, с. 285]. В повести «Станционный смотритель» страх героя, выраженный этим словом, имеет особую причину. Низкий социальный статус станционного смотрителя обуславливает его постоянный страх перед начальством: *Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую* [14, с. 88]; *Сердце старика закипело, слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!»...* [14, с. 94]. В повести «Метель» молчание и *дрожащий* голос Марьи отражают ее смелость в отстаивании любви. Она воплотила в жизнь то, о чем говорил Владимир: *героическое постоянство*. Это смелое действие, без сомнения, было проявлением стремления Марьи к свободе в любви: *Сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью* [14, с. 72].

Помимо физических реакций, эмоции могут передаваться через симптомы, такие как цвет

лица. В тексте повестей неоднократно используются лексемы *бледный* и *побледнеть* для описания страха и робости женщин. Согласно Толковому словарю русского языка, *бледный* может означать «не имеющий румянца (о человеке и его лице; обычно как показатель болезни или какого-л. эмоционального состояния)» [4, с. 83]. В «Выстреле» *Граф указывал пальцем на простреленную картину; лицо его горело как огонь; графиня была бледнее своего платка: я не мог воздержаться от восклицания* [14, с. 68]. Здесь используется сравнение, ярко и образно подчеркивающее страх графини. В «Барышне-крестьянке» использован глагол *побледнеть*, означающий «терять румянец, покрываться бледностью от волнения, страха, боли и т. п.» [16, т. 1, с. 120]: *Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы. «Что вы говорите!» – сказала она, побледнев* [14, с. 109]. Лиза, переодетая в крестьянку Акулину, боится разоблачения Алексеем, что может поколебать его мнение о ее поведении, правилах и благоразумии. Этот глагол передает изменение ее состояния.

Лексема *содрогнуться* передает более сильную степень страха, чем предыдущие. По словарному определению: «Сделать резкое, судорожное движение, вздрогнуть; прийти в сильное волнение, трепет (от боли, отвращения, ужаса и т.п.)» [4, с. 1229]: *Дверь отворилась, он (Алексей) повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться* («Барышня-крестьянка») [14, с. 110]. Здесь передается чувство страха, внушаемое Алексеем.

Таким образом, при отнесении этих слов и фраз к средствам выражения страха контекст играет решающую роль. Психологическая техника Пушкина отличается своеобразием. В его произведениях внутренний мир персонажей раскрывается через их внешние действия (жесты, мимику и т.п.). Этот способ изображения передает психологическое состояние и чувства персонажей, вплоть до самых тонких изменений, через конкретные, видимые внешние проявления, что обеспечивает точность и достоверность описания.

Заключение

Исследование лексических средств выражения эмоций смелости и страха в «Повестях Белкина» выявило три ключевые закономерности. Во-первых, количественная асимметрия (79 словоупотреблений с семантикой страха и 14 – с семантикой смелости) подчеркивает авторское внимание к человеческой уязвимости. Во-вторых, выявлена системная дифференциация: страх «маленького человека» (зритель) кодируется глаголами социального запрета (*не смей, опасаться*), тогда как мужество дворян (*храбрость* у Сильвио) переходит от физической агрессии к моральному выбору. Гендерный аспект проявляется в контрасте прямой номинации мужской смелости (*героизм* Бурмина) и телесного кодирования женской (*обморок, дрожь* Марьи). В-третьих, установлен феномен ситуативной «плавающей эмоции» (робость как амбивалентное состояние в любовных сценах) и выявлена роль соматического кода (*с замиранием сердца, волосы дыбом*) как универсального маркера страха. Научная новизна статьи заключается в создании первой функционально-семантической классификации данной оппозиции у Пушкина, что открывает перспективы для анализа эмотивных стратегий в русской классике XIX века.

Библиография

1. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд. – М.: Школа "Языки славянской культуры", 2003. –

1488 с.

2. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

3. Благой Д. Д. Закономерности становления новой русской литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 108 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов [и др.]; под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

5. Борецкий М. И. Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – № 5. – С. 453.

6. Вартанян Г. А., Петров Е. С. Эмоции и поведение. – Л.: Наука, 1989. – 144 с.

7. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999. – 704 с.

8. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.

9. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации / Л. Г. Бабенко [и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.

10. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 23 с.

11. Лебедевская Т. В., Гурская Ю. А. Характеристика языковой личности как способ раскрытия содержания художественного образа (на материале "Повестей Белкина" А. С. Пушкина) // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2 (23). – С. 73-78.

12. Муллагаянова Г. С. Положительные эмоции, эксплицируемые в русском языке // Казанский лингвистический журнал. – 2020. – № 1 (3). – С. 28-40. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.28-40.

13. Плотникова А. М. Семантические константы и переменные внутреннего мира человека (по данным идеографических словарей) // Филологический класс. – 2017. – № 4 (50). – С. 25-29. DOI: 10.26710/fk17-04-03.

14. Пушкин А. С. Повести Белкина // Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 6. Художественная проза. – С. 54-115.

15. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / Н. Ю. Шведова [и др.]; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – Т. 4. – 952 с.

16. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / В. В. Виноградов [и др.]; отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. – 1002 с.; Т. 2. – 1085 с.; Т. 3. – 1284 с.; Т. 4. – 1228 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает эмотивная лексика с семантикой смелости и страха в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена повышенным интересом ученых к категории эмотивности и способам ее выражения в художественных текстах. Отмечается, что «выражение и описание эмоций преимущественно исследуется на материале художественной литературы, где поступки и речь персонажей часто отражают их богатые эмоциональные состояния». Выбор цикла повестей Александра Сергеевича Пушкина «Повести Белкина» в качестве эмпирической базы обусловлен их огромным «историко-литературным значением», а также богатством сюжетов, разнообразием характеров главных героев, обладающих различным эмоциональным складом и социальным статусом

и пр.

Теоретической основой научной работы обоснованно выступили труды ученых, посвященные эмотивности как самостоятельной лингвистической категории; концептосфере русского языка; лексическим средствам обозначения эмоций в русском языке; идиостилю языка Пушкина и др. Библиография статьи составляет 16 источников, в том числе литературные и лексикографические (Словарь языка Пушкина под редакцией академика В. В. Виноградова, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Ю. Д. Апресяна, Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой); представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. К сожалению, в статье отсутствуют актуальные источники по данной проблематике (за последние 3 года). Наоборот, используются работы полувековой давности (Благой Д. Д. Закономерности становления новой русской литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1958; Борецкий М. И. Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – № 5. – С. 453), что ставит под сомнение утверждение автора(ов), что для описания материала они обратились к «современным лингвистическим исследованиям». Однако данное замечание не является существенным и не умаляет значимости работы.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер, используются традиционные методы, доказавшие свою эффективность: описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвостатистический, структурный методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также методы семантического и контекстуального анализа эмотивных контекстов.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования проведен качественный, количественный и критический анализ лексических средств выражения эмоций смелости и страха в «Повестях Белкина», выявлены и обоснованы три ключевые закономерности: количественная асимметрия (преобладание словоупотреблений с семантикой страха), системная дифференциация по гендерному и социальному признаку, феномен ситуативной «плавающей эмоции» (робость как амбивалентное состояние в любовных сценах) и соматический код (с замиранием сердца, волосы дыбом) как универсальный маркер страха. Научная новизна проведенного исследования заключается в создании первой функционально-семантической классификации данной оппозиции у Пушкина.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы неоспоримы и обусловлены ее вкладом в изучение категории эмотивности как лингвистического феномена и эмотивных стратегий в русской классике XIX века, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию; теории дискурса; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю А. С. Пушкина и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Акимов А.А., Мухамадуллин С.Р., Вафина Ш.Р. Информационное сопровождение деятельности вуза как инструмент реализации региональной политики на примере Республики Татарстан // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75597 EDN: PRIEFH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75597

Информационное сопровождение деятельности вуза как инструмент реализации региональной политики на примере Республики Татарстан

Акимов Андрей Анатольевич

ORCID: 0000-0003-2933-578X

ассистент, институт социально-философских наук и массовых коммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Профессора Нухина, зд 1/37

✉ akimov.andrey17@mail.ru

Мухамадуллин Салават Раилевич

ORCID: 0000-0002-7341-7769

Заведующий лабораторией визуальной информации; КФУ

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Профессора Нухина, зд 1/37

✉ SRMukhamadullin@kpfu.ru

Вафина Шамиля Рауфовна

ORCID: 0000-0002-6255-256X

ассистент, институт социально-философских наук и массовых коммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Профессора Нухина, зд 1/37

✉ shvafina@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75597

EDN:

PRIEFH

Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2025

Дата публикации:

26-08-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу региональной составляющей в информационной политике ведущих вузов Республики Татарстан и потенциалу их собственных каналов коммуникации для достижения целей региональной политики. В качестве предмета исследования выступает информационная политика вузов Республики Татарстан, в числе которых Казанский федеральный университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет и Казанский государственный энергетический университет. Особое внимание уделяется региональному аспекту в содержании статей на официальных сайтах и страницах в социальных сетях. Цель работы заключается в выявлении роли каналов коммуникации вузов для реализации региональной государственной политики. Основу исследования составляет контент-анализ публикаций за период январь-май 2025 года на официальных сайтах, страницах вузов в социальной сети VK и мессенджере Telegram. Особое внимание уделяется частоте и контексту использования региональных маркеров («Татарстан», «Республика», «Раис», «Политика», «Гранты», «Министерство», производные от слова «Государство» и различные программы поддержки молодёжных инициатив), которые в среднем встречаются в 10% исследуемых постов. Работа подтверждает тесную взаимосвязь между информационной политикой вузов и региональной повесткой, подчеркивая их значимость как ключевых акторов в формировании образовательного, научного и социального пространства Татарстана. В качестве основных методов исследования выступают количественный и качественный контент-анализ материалов региональных вузов, опубликованных на официальных сайтах и группах в социальных сетях, мессенджерах. Новизна исследования заключается в выявлении роли каналов коммуникации региональных вузов в качестве инструмента информирования о реализуемых программах и мерах поддержки, актуальных для студентов и преподавателей. Официальные сайты, социальные сети и мессенджеры университетов интегрируются в систему электронного правительства в качестве дополнительной точки контакта с конкретной целевой аудиторией. Размещаемые публикации выполняют как информационную функцию, так и стимулирующую, что позволяет достигать больших значений по ключевым показателям эффективности региона, например, индексу человеческого развития (ИЧР). Исходя из проведённого анализа удалось выявить наличие политической компоненты в среднем в 10% публикаций по вузам Татарстана, обнаружены особенности информационной политики изучаемых вузов, которые исходят как из специфики направлений подготовки, так и из внутренней культуры и ценностей вуза.

Ключевые слова:

Информационная политика, региональная политика, университет, ВУЗ, пресс-служба, электронное правительство, Татарстан, GR-коммуникации, медиакommunikации, социальные сети

Исследования информационного сопровождения вузов и аспектов достаточно обширно представлены в отечественных и зарубежных работах. В контексте географического расположения университетов, можно выделить ряд направлений, которые формируются именно под влиянием региональной политики. К ним можно отнести содержание контента, взаимодействие с целевой аудиторией в условиях дифференцированного

социально-экономического положения, инструменты реализации информационной политики вузов с учетом инфраструктурного обеспечения, каналы распространения информации в информационном поле региона и особенности инфополя, формируемые местными СМИ, учёт которых значительно повышает эффективность передачи информации потребителям. Эти процессы происходят в условиях, когда вузы выступают с одной стороны ключевым инструментом реализации государственной политики, в том числе и региональной, с другой – функционируют в условиях высокой конкурентной среды. Данное обстоятельство делает разработку стратегии информационного продвижения университетов и привлечение внимания студентов к программам государственной поддержки всё более комплексным и требующим дипломатии процессом, особенно в контексте усиливающейся медиатизации общественных процессов [\[1\]](#). Позиционирование университетов через призму регионального аспекта происходит не только в масс-медиа, но и во внутренней образовательной среде. Так, в ходе защиты собственных стратегий развития в рамках государственной программы академического лидерства «Приоритет-2030», вузы регулярно приглашают руководителей и членов правительства субъектов Российской Федерации. Такая же картина наблюдается и в борьбе за ресурсную поддержку в ходе реализации программы создания передовых инженерных школ. Исполнительные органы власти выступают гарантом софинансирования проектов со стороны местных органов власти и представителей бизнес-сообщества. Так, согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2024 году из федерального бюджета на финансирование программы «Приоритет-2030» было выделено 31,75 миллиардов рублей. В дополнение к этим средствам вузы привлекли дополнительные инвестиции в виде 65,64 миллиардов рублей, из которых 60,1 составили ресурсы промышленных партнеров и 5,5 миллиардов от региональных администраций. Имеющаяся ресурсная поддержка обязывает университеты осуществлять свою деятельность, в том числе и реализовывать информационную политику, если не под контролем, то, как минимум, в рамках проводимой региональной политики. Таким образом, в информационном сопровождении деятельности вуза формируется следующий нарратив: «Университет – представитель или субъект региональной политики, а его каналы коммуникации реализует информационную функцию электронного правительства.»

Рассматривая медиастратегию современного российского вуза, Фаюстов А.В., Бенеманский Д.А. и Краснова А.В. выделяют три медиакommunikационных потока: научный, институциональный и персонализированный [\[2\]](#). Федюнин Д. В. исследовал эффективность применения вузами GR-технологий в коммуникационной деятельности, а именно таких инструментов, как участие в экспертных советах при органах власти, медиаактивность, ориентированная на государственные структуры, а также совместное проведение публичных мероприятий с представителями органов власти [\[3\]](#). При этом сами университеты заинтересованы в интеграции собственной информационной политики в общий ландшафт проводимой информационной политики в регионе ввиду, как отмечают Смирнова Е.А. и Матвеева А.С., специфики бренда образовательного учреждения. Она включает в себя комплекс услуг по большей части из нематериальных активов, а потому им необходимо на регулярной основе давать экспертные оценки и формировать лояльность широкой аудитории, в том числе уделять особое внимание работе и коммуникациям со стейкхолдерами [\[4, С.142\]](#). В то же время, университеты выступают в роли ретранслятора позиций, управленческих решений и взглядов региональных политических элит. Это обусловлено тем, что крупные университеты, в особенности расположенные в городах-миллионниках, выступают системообразующими для региональной экономики в следствие высокой образовательной миграции [\[5, С.100\]](#).

Университеты становятся для студентов в том числе и адаптационной площадки, соответственно информационная политика вузов направлена на интеграцию обучающихся в региональные условия посредством формирования соответствующего информационного поля. Учитывая уникальные способности в качестве субъекта региональной политики по созданию и комбинированию знаний из различных источников, университеты являются центральным строительным блоком успешной региональной инновационной системы [6,8]. Вузы обеспечивают доступ к академическим знаниям, что положительно влияет на технологические изменения, инновации и рост, особенно если новизна фундаментальных исследований может сочетаться с задачами бизнеса [7].

Сложность и многогранность задачи интеграции региональной политики в информационное пространство университета обуславливает необходимость разработки разнообразных подходов и поиска эффективных коммуникационных механизмов [9,10,11,15]. Современное медиаполе вышло за пределы традиционных источников информации - развитие цифровых каналов распространения создало новые возможности для интерпретаций и генерации производного контента. В этих условиях университеты получают значительную свободу для формирования собственной информационной стратегии, адаптированной к изменяющейся медиасреде [12,13]. Данная ситуация требует от вузов гибкого подхода к управлению коммуникациями, сочетающего традиционные методы с инновационными решениями, что особенно актуально в контексте взаимодействия с региональными стейкхолдерами. В рамках создания условий для построения коммуникации в рамках региональной политики субъекты РФ создают собственные стратегические документы [14,16,17,18]. Так, в Республике Татарстан разработана и применяется концепция государственной информационной политики региона, которая задействует различные каналы коммуникации, в том числе и ресурсы электронного правительства [19]. Она направлена на создание условий для информационного взаимодействия. Среди приоритетных задач выделяются формирование системы мониторинга информационного пространства для оперативного выявления потенциальных угроз и рисков, отлаженная работа с обратной связью от студентов, преподавателей и администрации ВУЗа, поступающая с сайтов ведомств и опросных форм. Также отмечается значимость обеспечения медийного освещения социально значимых инициатив в СМИ и социальных медиа, а также организации информационных мероприятий (пресс-конференций, брифингов, прямых эфиров) [20]. Кроме того, важными направлениями являются развитие инфраструктуры и кадрового потенциала государственной информационной политики с повышением уровня прозрачности, а также создание условий для распространения достоверной, полной и многоплановой информации о событиях в республике и за ее пределами [21]. Субъектам государственной информационной политики региона определены исполнительные органы власти, органы местного самоуправления, хозяйственные субъекты и учредители СМИ.

Методология и методы исследования

Эмпирическую базу исследования, ставшей основой для данной работы, составили сведения, опубликованные на медиаресурсах, а именно на официальных страницах в социальной сети VK и Telegram-каналах Казанского федерального университета, Казанского национально-исследовательского технологического университета, и Казанского государственного энергетического университета. При взаимодействии авторов исследования и авторов ресурса проанализировано 900 постов в социальных

сетях и мессенджерах, опубликованных сотрудниками пресс-служб рассматриваемых вузов. В работе был использован метод контент-анализа. Исследование осуществлялся через выявление первоисточников информации, поиск тегов «Татарстан», «Республика», «Раис», «Политика», «Грант», «Стипендия», «Министерство» и производные от слова «Государство» и ряд других в содержаниях публикаций в социальных сетях и в статьях на сайтах вузов с января по май 2025 года.

Результаты

В ходе анализа страниц в VK в публикациях информационных служб КФУ было определено, что из 588 постов 11,5% были с упоминанием ключевого слова «Татарстан», 11% «Республика» и 1% с тегом «Раис». Для сравнения, на официальной странице КНИТУ-КХТИ за этот же период было опубликовано 545 постов, при этом количество упоминаний тех же тегов ниже на треть. Так, с тегом «Татарстан» вышло 6% постов от общего количества, с тегом «Республика» чуть более 3%, «Раис» в 1,5%. На странице Казанского энергетического университета общее количество публикации ниже более чем в 2 раза, однако соотношение публикаций с определенными ранее тегами находится на уровне более крупного университета, а именно «Татарстан» в 8% постов, «Республика» в 10%, «Раис» в 0,5%. Также по тегам «Политика», «Грант», «Государство», «Министерство» и названиям различных именных стипендий были найдены публикации, однако в каждой из них присутствовали ранее обозначенные и проанализированные теги. Беря во внимание цель исследования – выявление роли каналов коммуникации вузов для реализации региональной государственной политики, обозначенных ранее тегов будет достаточно, дальнейшему анализу подвергнется содержание найденных публикаций и сортировка в зависимости от темы и направления политики государства. В качестве промежуточного вывода отметим, что страницы в данной социальной сети имеют наибольшее количество подписчиков и охватов во всех анализируемых университетах, однако показывают не лучшую вовлечённость.

Что касается тематического распределения, в контенте Казанского федерального университета выбранные ключевые слова встречаются в постах, посвященным культуре и творчеству (26,9%), например, театральные постановки, концерты, «Студенческая весна», литературные мероприятия и национальные праздники. К науке и инновациям (23,9%) относятся посты, связанные с научными достижениями и исследованиями, образовательными проектами, новостями о технологических стартапах, наградах ученых и преподавателей. Спорту и здоровому образу жизни относится почти каждый пятый пост (19,4%), теме социальной активности и волонтерства (16,4%) посвящены посты, связанные с благотворительными и гуманитарными акциями, патриотические инициативы. К карьере и трудоустройству (13,4%) мы отнесли медиатексты о ярмарках вакансий, мастер-классах, историях студентов и выпускников.

Сотрудники информационной службы Казанского национального исследовательского технологического университета в группе вуза в VK, используя выбранные ключевые слова, делают акцент на научных достижениях и спортивных успехах, что отражает техническую направленность вуза. Значительное внимание уделено карьерным возможностям для студентов, а также социальным и экологическим проектам, подчеркивая вовлеченность университета в решение актуальных проблем в связи с технологическим процессом. Так, выделяются категории «Наука и инновации» (31,3%), к которой относятся, например, посты о разработке полимерного аэрогеля с уникальными свойствами, победа профессора в конкурсе молодых ученых и рейтинг «50 главных светил науки Татарстана», «Спорт и студенческие достижения» (28,1%) с медиатекстами об успехах футболистов, баскетболистов и игроков в гандбол, представляющих вуз,

«Образование и карьера» (18,8%), где, например, идет речь о стипендиях Академии наук Татарстана и региональных программах и конкурсах по поддержке студентов, «Студенческая жизнь и мероприятия» (12,5%) с постами о Дне химии и «Марше Памяти» и выделим категорию «Экология» (9,4%), где представлены тексты о соответствующих разработках и проекте «Чистые игры – Татарстан».

Стоит отметить, что в публикациях с соответствующими тегами также уделялось внимание содержательной части статьи или поста и ключевому сообщению в каждом из них. В качестве примера, в статьях рубрики «Образование и карьера» прослеживается чёткая задача донесения информации до студентов и преподавателей вуза о имеющихся формах поддержки, присутствуют ссылки, ведущие на порталы государственных организаций, ответственных за реализацию. Таким образом информационные площадки вузов являются одним из этапов воронки привлечения аудитории к активному участию, для многих как раз благодаря поддержке системы информирования электронного правительства со стороны ресурсов университетов становится известно о проводимых программах. Кроме того они содержат призыв к участию и кратко, доступно раскрывают процедуру подачи документов.

В группе КГЭУ выбранные ключевые слова встречаются в постах, посвященным развитию студенческого самоуправления (50%), включая гранты, форумы и волонтерство, творчеству и патриотизму (30%), в которых отражается культурная и социальная вовлеченность студентов и преподавателей университета, а также спортивные достижения (20%), которые содействуют поддержанию образа ведения здорового образа студентами и сотрудниками вуза на территории Республики Татарстан.

В ходе анализа Telegram-канала Казанского федерального университета за период с января по май 2025 года выявлено, что из 725 постов за этот период было опубликовано 85 текстов с упоминанием слова «Татарстан», 70 «Республика» и 16 «Раис», что в составляет приблизительно 12% от общего количества. На официальном ресурсе КНИТУ-КХТИ за этот же период размещено 545 медиатекстов и в 7% из них встречаются эти же теги.

На канале КГЭУ в Telegram за 5 месяцев опубликовано 190 постов, но при этом выбранные ключевые слова найдены в 10% из них, что повторяет процентное соотношение из анализа страниц этих же университетов в социальной сети VK. Также отметим, что просмотры в мессенджере Telegram значительно выше, чем в социальной сети ВКонтакте, особенно разница заметна у КФУ, где это число больше в 2 раза, что говорит о более подходящем для целевой аудитории формате взаимодействия с сообщениями вуза.

Тематический анализ контента в Telegram-каналах вузов демонстрирует существенные различия в акцентах проводимой информационной политики, однако при упоминании определенных ключевых слов наблюдается одинаковый позитивный вектор, связанный с достижениями в тех или иных областях. В Казанском федеральном университете преобладают посты с гиперссылками на другие статьи на официальном сайте вуза. Тематический контекст упоминаний региона и его лидера складывается следующим образом: научным достижениям, конференциям, грантам, наградам учёным и исследованиям в различных областях с упоминанием Татарстана посвящено 25% публикаций, культуре и творчеству 17 постов, что означает порядка 20% текстов данной тематики, спорту и студенческим достижениям 15%, такие же показатели и в категориях, которые мы обозначили как «Образование и международное сотрудничество» и «События КФУ», к спорту и студенческим достижениям относятся порядка 15%

публикаций с упоминанием выбранных ключевых слов. Особый интерес представляет сравнение с Казанским национальным исследовательским технологическим университетом, где в официальном Telegram-канале нет ярко выраженного направления публикаций с указанными тегами. При этом региональная ориентированность контента проявляется в частом упоминании предприятий и организаций РТ (85%), регулярном освещении визитов руководства республики и акценте на подготовку кадров именно для Татарстана. Система подачи информации выстроена так, чтобы подчёркивать вклад КНИТУ в развитие региона, демонстрировать поддержку со стороны руководства РТ и показывать реальное применение разработок в республике. На официальном ресурсе КГЭУ в Telegram в медиатекстах с упоминаниями региона, руководителя или региональных ведомств анализ показал: доминирующей тематикой постов является наука и партнерство (35-40%), что отражает специфику технического вуза, акцент на патриотизм (20-25%), а студенческая активность подается через призму социальной ответственности (волонтерство) и внеучебных успехов. Вуз как часть системы образования РТ таким образом отражает в информационном пространстве связь с самим регионом и его руководством, способствует достижению целей региональной политики в сфере образования и технологического развития.

В среднем каждая десятая публикация напрямую связана регионом. Как показывают приведенные примеры, университеты регулярно упоминают свое географическое положение, название соответствующего субъекта и органы региональной государственной власти. Во всех случаях это происходит в ходе публикации в положительном контексте, это может быть связано с достижениями студентов, ученых и сотрудников вуза. В большинстве случаев присутствует ссылка на ресурсы государственных органов или реализуемых программ для централизации всех заинтересованных в участии студентов региона.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что информационная политика вузов Республики Татарстан тесно интегрирована в контекст региональной политики, что проявляется в частом упоминании географической привязки, руководства региона и различных институтов власти. Это подтверждается данными анализа публикаций на официальных сайтах, в социальных сетях и Telegram-каналах, где ключевые слова, связанные с регионом, и отсылающие на инициативы правительства в различных областях встречаются в среднем в 10% постов, причем в нейтральном или позитивном ключе.

Наблюдаются различия в тематической направленности контента между университетами, что обусловлено их специализацией. Например, Казанский федеральный университет акцентирует внимание на культуре, науке и социальной активности, тогда как Казанский национальный исследовательский технологический университет чаще освещает научные достижения и сотрудничество с промышленными предприятиями региона. Казанский государственный энергетический университет делает упор на студенческое самоуправление и патриотические инициативы.

Важным аспектом является активное использование вузами VK и Telegram, где в среднем университеты публикуют 4-5 постов в день. Это позволяет им эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией, учитывая паттерны медиапотребления молодежи и подавать информацию о государственных и региональных инициативах в соответствующем целевой аудитории формате. При этом предпочтение отдается мессенджерам, что указывает на их растущую значимость в информационной политике

вузов.

Касательно цели исследования, удалось выявить роль каналов коммуникации вузов в системе электронного правительства региона, которая сводится к донесению информации о реализуемых программах и инициативах региональных ведомств в отношении образовательной, научной, социальной, демографической и культурной политики. Такого рода информация может быть интересна аудитории вузов, а также вовлекает больше студентов и преподавателей к активному участию, напрямую влияет на индекс человеческого развития (ИЧР).

Таким образом, университеты Республики Татарстан не только выполняют образовательные и научные функции, но и активно участвуют в формировании регионального информационного пространства, выступая проводниками государственной и региональной политики. Это подчеркивает их роль как ключевых субъектов регионального развития и интеграции образовательной, научной и социальной сфер.

Библиография

1. Гуреева А. Н. Глубокая медиатизация как драйвер информационной работы вуза // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения : Сборник материалов Международного научного форума. 2024. С. 168-169. EDN: LLGVTQ.
2. Фаюстов А. В., Бенеманский Д. А., Краснова А. В. Медиастратегия вуза: связь целей, структурных решений и деятельности // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 4. С. 135. DOI: 10.15826/umpra.2021.04.041 EDN: SAYGRG.
3. Федюнин Д. В. Формирование GR-коммуникаций университета с внешними стейкхолдерами // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2(12). С. 230-235. EDN: ZXOEAN.
4. Смирнова Е. А., Матвеева А. С. Факторы брендообразования вуза (на материале публикаций о ВолГУ в волгоградских СМИ) // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 8. С. 141-147. EDN: LHTEZN.
5. Габдрахманов Н. К., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Образовательная миграция молодёжи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88-116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116 EDN: ANWKLZ.
6. Petruzzelli A. M. The impact of technological relatedness, prior ties, and geographical distance on university-industry collaborations: A joint-patent analysis // Technovation. 2011. No. 31(7). P. 309-319.
7. Kindt A.-M., Geissler M., Bühling K. Be my (little) partner?! – Universities' role in regional innovation systems when large firms are rare // Journal of Regional Science. 2022. Vol. 62. P. 1274-1295.
8. Mukhamadullin S., Andreeva Yu., Ratner F., Raskhodova I. University information policy as a tool for supporting civic engagement of student youth // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 449. DOI: 10.1051/e3sconf/202344907017 EDN: RVUCFL.
9. Смирнов В. А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. № 5. С. 9-20. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20 EDN: ADRDWX.
10. Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Влияние молодежной политики на реализацию программы развития университета // Векторы благополучия: экономика и социум. 2024. № 1 (52). С. 89-92.
11. Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Молодежная политика и ее роль в стратегическом развитии университета // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 70-92. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-

70-92 EDN: XUJWBW.

12. Милюкова А. Г. Культура без коммуникаций? Внутрикorporативные коммуникации в университетах // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 28. С. 56-67. EDN: KAAEXX.

13. Koivumäki K., Karvonen E., Koivumäki T. Challenges in the collaboration between researchers and in-house communication professionals in the digital media landscape // JCOM. 2021. Vol. 20. No. 03. P. 21.

14. Морозова С. С. Цифровые экосистемы в политической сфере: анализ тенденций и перспективы развития // ПОЛИТЭК. 2024. № 2. С. 356-368. DOI: 10.21638/spbu23.2024.215 EDN: FAVSYB.

15. Zubov V. Business-Government Relations (GR) as a Problem Field of Modern Political Science: Theoretical Issues // Sociopolitical Sciences. 2025. Vol. 15. P. 22-32. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-22-32 EDN: PQEZSM.

16. Fedyunin D. V., Lochan S. A., Avtonomova S. A., Kutyrkina L. I., Mintusov I. E. The scenario approach to establishing GR communications in higher education institutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. No. 2 (32). P. 472-480. DOI: 10.14505/jarle.v92(32).11 EDN: VPTCCI.

17. Zubov V. Communicative, ideological and expert-analytical aspects of Government Relations (GR) in the structure of modern corporations // Sociopolitical Sciences. 2025. Vol. 15. P. 51-60. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-1-51-60 EDN: IOWXUP.

18. Rahmeeva I., Barykin A. Russian school of corporate GR: research program // Moscow Economic Journal. 2024. No. 7. P. 74-101. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_7_318 EDN: GWOCTM.

19. Пясецкая Е. Н. Электронное правительство и электронная демократия: институционализация политики информационного развития // Концепт. 2017. № 9. С. 1-8.

20. Stefan M. Social Media and Technological Ubiquity, in Agile Development of E-Business Solutions at the Government Level // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2025. Vol. 19. P. 2149-2161.

21. Rudan I. Editor's view: Value of information in the 21st century – examples from science, medicine, policy, media, and markets // Journal of Global Health. 2025. Vol. 15. P. 103-106.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «исследования информационного сопровождения вузов и аспектов достаточно обширно представлены в отечественных и зарубежных работах». Мониторинг этой составляющей важен, необходим, так как итоги оценки дают возможность эффективно планировать работу в режиме конструктивной перспективы. На мой взгляд, предмет исследования достаточно актуален, автор статьи обращает внимание на проблему информационного сопровождения деятельности вуза в рамках реализации региональной политики. В целом работы имеет завершённый вид, она достаточно информативна, содержательна. Методы, которые выбраны в качестве ведущих, современны, их системный характер оправдан. Стиль данного труда соотносится с научным типом, терминологический ряд вводится с учетом прямых коннотаций: например, «университеты становятся для студентов, в том числе и адаптационной площадки, соответственно информационная политика вузов направлена на интеграцию обучающихся в региональные условия посредством формирования

соответствующего информационного поля. Учитывая уникальные способности в качестве субъекта региональной политики по созданию и комбинированию знаний из различных источников, университеты являются центральным строительным блоком успешной региональной инновационной системы» и т.д. Ссылки и цитации верифицированы: «при этом сами университеты заинтересованы в интеграции собственной информационной политики в общий ландшафт проводимой информационной политики в регионе ввиду, как отмечают Смирнова Е.А. и Матвеева А.С., специфики бренда образовательного учреждения. Она включает в себя комплекс услуг по большей части из нематериальных активов, а потому им необходимо на регулярной основе давать экспертные оценки и формировать лояльность широкой аудитории, в том числе уделять особое внимание работе и коммуникациям со стейкхолдерами [4, С.142]». Привлекает в работе точность авторской позиции, прямой диалог и с читателем, и с оппонентами есть показатель грамотного оценки проблемы. Думаю, что материал будет практически полезен для тех, кто занимается профильно проблемой оценки деятельности вузов. Эмпирическая база полновесно открыта; автор обозначает, что «исследование осуществлялось через выявление первоисточников информации, поиск тегов «Татарстан», «Республика», «Раис», «Политика», «Грант», «Стипендия», «Министерство» и производные от слова «Государство» и ряд других в содержаниях публикаций в социальных сетях и в статьях на сайтах вузов с января по май 2025 года». На мой взгляд, работы стоит вычитать, устранить некоторые стилистические неточности, в ряде мест опечатки. Удачно вводится в исследование статистика, она дает возможность объективно рассмотреть тему: «в ходе анализа страниц в VK в публикациях информационных служб КФУ было определено, что из 588 постов 11,5% были с упоминанием ключевого слова «Татарстан», 11% «Республика» и 1% с тегом «Раис». Для сравнения, на официальной странице КНИТУ-КХТИ за этот же период было опубликовано 545 постов, при этом количество упоминаний тех же тегов ниже на треть. Так, с тегом «Татарстан» вышло 6% постов от общего количества, с тегом «Республика» чуть более 3%, «Раис» в 1,5%». Выводы соотносятся с основной частью, противоречий в этом блоке нет. Автор тезизирует в финале, что «университеты Республики Татарстан не только выполняют образовательные и научные функции, но и активно участвуют в формировании регионального информационного пространства, выступая проводниками государственной и региональной политики. Это подчеркивает их роль как ключевых субъектов регионального развития и интеграции образовательной, научной и социальной сфер». Общие требования издания учтены; список источников достаточен; цель работы достигнута, поставленные задачи решены. Рекомендую статью «Информационное сопровождение деятельности вуза как инструмент реализации региональной политики на примере Республики Татарстан» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Морозов Д.А. Сопоставительный анализ синтетичности форм степеней сравнения в чешском и русском языках // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75647 EDN: OKONKS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75647

Сопоставительный анализ синтетичности форм степеней сравнения в чешском и русском языках

Морозов Даниил Александрович

ORCID: 0009-0004-2654-8477

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова
Технический писатель; ООО "Датадванс"

606015, Россия, Нижегородская обл., г. Дзержинск, ул. Самохвалова, д. 3, кв. 68

✉ mda1998@yandex.by

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75647

EDN:

OKONKS

Дата направления статьи в редакцию:

21-08-2025

Дата публикации:

28-08-2025

Аннотация: В настоящей статье представлен опыт корпусного анализа форм степеней сравнения десяти наиболее частотных качественных прилагательных чешского и русского языков в письменном дискурсе 1990–2019 гг. Исследование направлено на выявление особенностей системы чешского языка на общеславянском фоне, а именно – на определение характерных черт градационности качественного признака прилагательных. Среди славянских языков чешский традиционно считается наиболее синтетичным, то есть выражающим значения при помощи флексий и аффиксов. Однако синтетические модели образования компаративов и суперлативов также развиты в русском языке. Цель исследования заключается в установлении степени синтетичности чешского языка путем сопоставления данных о частотности простых и сложных форм степеней сравнения в чешском и русском письменных дискурсах. Предметом

исследования является частотность употребления таких форм, а объектом – градационность качественного признака прилагательных, представленная грамматической категорией степеней сравнения. Методология исследования включает функциональный и системный методы, разработанные в рамках советской школы богемистики, а также сопоставительный метод, описанный в трудах А. Г. Широковой и В. Барнета по сопоставительным исследованиям грамматики чешского и русского языков. Кроме того, для анализа языкового материала применены корпусные инструменты лингвистического исследования. Материалом исследования послужили сбалансированные корпуса чешских письменных текстов серии SYN и основной подкорпус Национального корпуса русского языка. Актуальность исследования обусловлена развитием технологий электронно-вычислительной техники, делающих возможным анализ моделей градационности на большом объеме текстов. Научная новизна заключается в применении средств больших языковых моделей для анализа найденных в корпусах контекстов и подтверждается отсутствием в настоящее время точных сведений о соотношении синтетических и аналитических компаративов и суперлативов в языках славянской группы. В результате корпусного анализа выявлено значительное различие в частоте употребления аналитических форм (типа *více důležitý* «более важный», *nejvíce mladý* «самый молодой») в чешском и русском языках: 0.023% против 10.396%. Это подтверждает гипотезу о синтетическом характере градационности качественного признака чешских прилагательных.

Ключевые слова:

корпусные исследования, славистика, чешский язык, русский язык, степени сравнения прилагательных, синтетичность, конкуренция компаративов, конкуренция суперлативов, сопоставительный анализ, градационность качественного признака

Первостепенные функции любого языка – хранение и передача информации – реализуются различными способами. Морфологическая типология разделяет языки на две большие группы: синтетические и аналитические. В синтетических языках грамматическое значение выражается в пределах слова, то есть словоформами – при помощи флексий, аффиксов, ударения, супплетивизма. Они противопоставлены аналитическим структурам, где значения выражаются с помощью служебных слов.

Однако естественные языки не являются типологически однородными. Обе группы – синтетические и аналитические – взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Языки славянской группы традиционно относят к синтетическим, однако черты синтетизма и аналитизма выражены в большей или меньшей степени в каждом конкретном языке. Например, болгарский и македонский языки утратили падежную систему, но это вовсе не означает, что они не могут выразить субъектно-объектных отношений. Ввиду отсутствия падежных форм отношения выражаются через сочетания существительных с предлогами, то есть аналитически, ср.: болг. *отивам във влака на вкъщи* «я еду поездом домой». Наоборот, чешский и русский языки – синтетические, с развитой флексивной системой, ср.: чеш. *jedu vlakem domů* и рус. *еду поездом домой*.

Если же рассматривать парадигмы градационности – то есть, по определению Ю. Л. Воротникова, способности качественного признака выступать в одном носителе в той или иной степени проявления по отношению к норме или другому носителю ^[1] – то чешский и русский языки располагают и синтетическими моделями, и аналитическими. Однако даже при беглом рассмотрении данных моделей обнаруживается, что чешский язык

использует преимущественно синтетические способы. В частности, в современном чешском языке формы компаратива и суперлатива образуются при помощи суффиксов -š-/-ejš-/-ějš- и приставки *nej-*, ср.: *rychlejš í* «быстрее/более быстрый», *nejkrásnějš í* «самый красивый». Для прилагательных, которые не образуют синтетических форм степеней сравнения, пражская «Русская грамматика» отмечает возможность формирования описательных сочетаний с *víc(e)/nejvíc(e)* и *silněji/nejsilněji* [2, с. 349-350].

Однако аналитические компаративы и суперлативы образуются в чешском языке не только при недоступности синтетических вариантов, что было выявлено нами в предыдущих корпусных исследованиях. Современный чешский письменный дискурс подтверждает сосуществование простых и сложных форм степеней сравнения прилагательных и указывает на наличие конкуренции таких форм у ряда лексем [3, 4].

Тем не менее, рассматривая наиболее частотные качественные прилагательные (*velký, nový, dobrý, malý, vysoký, starý, mladý, dlouhý, důležitý, špatný*), можно заметить крайне незначительную долю употребления производных от них аналитических форм степеней сравнения (Таблица 1). В следующей таблице приведено абсолютное число (N) выявленных контекстов употребления синтетических и аналитических форм степеней сравнения, а также доля аналитических вариантов от общего числа случаев.

№	Позитив	N синт. комп.	N аналит. комп.	N синт. суперл.	N аналит. суперл.	% аналит. форм
1	velký	39157	1	31839	2	0
2	nový	1034	3	3439	2	0,11
3	dobrý	27136	1	30171		0
4	malý	18791	1	5846		0
5	vysoký	22606		15276		0
6	starý	19085	2	5144		0,01
7	mladý	9829		2455	3	0,02
8	dlouhý	7987		1284		0
9	důležitý	2820	11	6818	1	0,12
10	špatný	7814	1	6215		0,01

Таблица 1: Конкуренция наиболее частотных качественных прилагательных в чешском письменном дискурсе по данным корпуса SYN2020

В то же время запрос на употребительность компаративных форм наиболее частотного русского прилагательного *новый* в русском корпусе сервиса Google Books Ngram Viewer показывает сосуществование и активное использование как синтетического варианта *новее*, так и аналитической конструкции *более новый* (Рисунок 1).

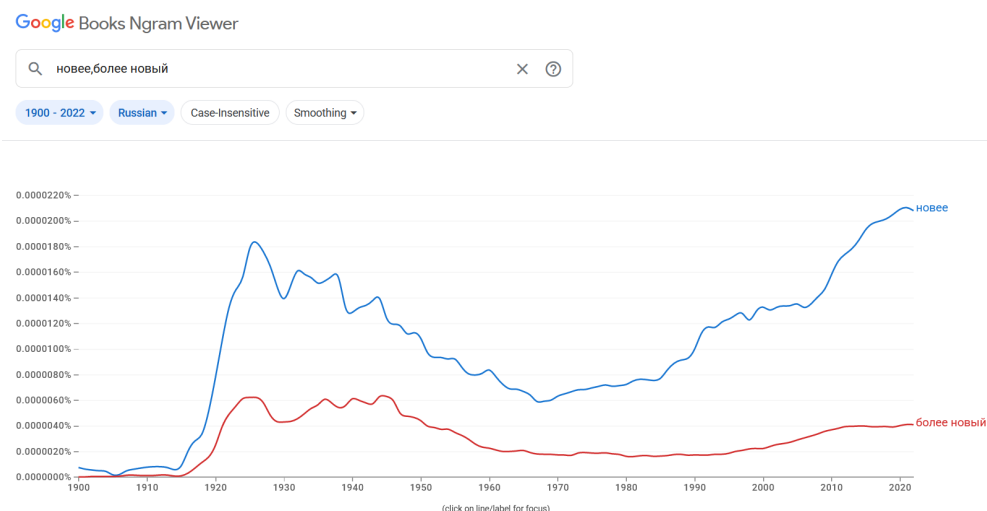

Рисунок 1: Сравнительная употребительность форм *новее* и *самый новый* по данным русского корпуса сервиса Google Books Ngram Viewer

То есть выбор чешского и русского языков для сопоставления моделей градационности качественного признака обусловлен несколькими факторами.

На общеславянском фоне чешский и русский языки выделяются уникальными чертами, исходящими из истории геополитического развития их языковых систем. Чешский язык, по утверждению В. Матезиуса, является «самым архаичным членом славянского языкового мира» [5, с. 442] и наиболее синтетичным в сравнении с другими языками славянской группы [6, 7]. В то же время в русском языке парадигма степеней сравнения сильно преобразовалась даже за последние двести лет. В русской литературе XIX в. формы на *-ейш-/-айш-* еще функционировали в компаративном значении, ср.: *...мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо **сильнейшее** всякого законного* (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). В современном же дискурсе данные формы имеют суперлативное или элативное значение: *высочайший небоскреб = самый высокий...* (суперлатив), *интереснейшие подробности = очень интересные...* (элатив).

Чешский язык принадлежит западной подгруппе, а русский –восточной подгруппе славянских языков, разошедшихся к 1000 г. н. э. [8, 9]. При этом оба языка ныне являются живыми и развивающимися, активно использующимися в различных сферах жизни. Это формирует многогранную жанровую палитру письменного чешского и русского письменного дискурса.

Также для русского и чешского языков существуют объемные аннотированные корпуса, позволяющие изучить употребительность тех или иных лингвистических единиц.

В «Грамматике современного чешского языка» 2010 г. указывается, что формы сравнительной или превосходной степени образуют около 6 % прилагательных, причем формы всех трех степеней в современном чешском языке представлены лишь у 3 % чешских прилагательных, что составляет примерно две тысячи лексем [10, с. 205]. При этом, однако, не указано, как распределяются между собой синтетические и аналитические модели, какое реальное соотношение между ними существует в тех случаях, если прилагательное может формировать степени сравнения по обоим моделям.

Для выявления особенностей чешской градационности было решено изучить функционирование синтетических и аналитических форм степеней сравнения на материале сбалансированных корпусов серии SYN, отражающих чешский письменный дискурс периода 1990-2019 гг. Объем каждого из подкорпусов составляет примерно 120 млн токенов, а входящие в их состав тексты в равной мере представляют художественную литературу, специальные издания и публицистику.

Материалом для изучения функционирования русских форм стал основной раздел Национального корпуса русского языка объемом 127 млн токенов с ограничением по периоду с 1990 по 2019 гг. Таким образом, употребительность синтетических и аналитических форм степеней сравнения рассматривалась на выборках текстов одинакового временного интервала.

В качестве репрезентативных лемм были выбраны десять наиболее частотных качественных прилагательных в чешском языке (*velký, nový, dobrý, malý, vysoký, starý, mladý, dlouhý, důležitý, špatný*) и в русском (*новый, большой, старый, молодой, белый, полный, хороший, черный, маленький, высокий*).

Одним из необходимых условий сопоставления лингвистических данных является определение *tertium comparationis* [11, 12]. Так как восходящие к общеславянской основе парадигмы степеней сравнения в чешском и русском языках за тысячелетнюю историю независимого развития претерпели изменения, необходимо было выбрать модели для проведения адекватного сопоставления.

После изучения синтаксиса SYN и НКРЯ были сформированы запросы для корпусного анализа компаративных и суперлативных форм. Для поиска форм в чешском корпусе использовались запросы следующих типов, где *<adj>* – прилагательное в форме позитива:

§ [lemma="*<adj>*" & tag="AA.....2.*"] – для поиска синтетических форм компаративов по заданной лемме;

§ [lemma="*<adj>*" & tag="AA.....3.*"] – для поиска синтетических форм суперлативов по заданной лемме;

§ ([word="[Vv][Íí][Cc][Ee]?"][lemma="*<adj>*"]) – для поиска сочетаний заданной леммы с *více* и *víc*;

§ ([word="[Nn][Ee][Jj][Vv][Íí][Cc][Ee]?"][lemma="*<adj>*"]) – для поиска сочетаний заданной леммы с *nejvíce* и *nejvíc*.

Двойной вариант каждой буквы вспомогательного слова в запросах №3 и №4 обусловлен поиском точных форм по маркеру word. Аналогичным образом проверялись сочетания с *silněji* и *nejsilněji*, хотя опыт корпусного анализа не выявил таких сочетаний с исследуемыми лексемами и показал крайне редкую употребительность таких квантификаторов в коллокации с прилагательными вообще.

Для поиска русских форм в НКРЯ в запросах использовались как исходные позитивы прилагательных, так и образованные от них при помощи аффиксов *-ш-/-ейш-/-айш-* и *наи-* варианты. Причиной этого являлось выделение прилагательных типа *новый* и *новейший* в разные леммы, поэтому, кроме самих десяти исходных лексем, проверялись также контексты с их синтетическими вариантами: *новейший*, *большой*, *наибольший*, *старейший*, *старший*, *младший*, *белейший*, *полнейший*, *лучший*, *наилучший*, *чернейший*, *меньший*, *наименьший*, *высший*, *наивысший*, *высочайший*. Итоговый набор запросов в НКРЯ представлял следующие типы:

§ Словоформа «*более*» + лемма типа «*новый*» – для поиска аналитических компаративов типа *более новый*;

§ Словоформа «*наиболее*» + лемма типа «*новый*» – для поиска аналитических суперлативов типа *наиболее новый*;

§ Лемма «*самый*» + лемма типа «*новый*» – для поиска аналитических суперлативов типа *самый новый*;

§ Лемма типа «*новый*» & (comp) – для поиска простых компаративов типа *новее*, *новей*, *поновее*;

§ Лемма типа «*новейший*» & (comp) – для поиска исторических форм компаративов;

§ Лемма типа «*новейший*» & (supr) – для поиска простых форм суперлативов.

Суммарно по указанным моделям нами было проанализировано 265018 контекстов в

Чешском национальном корпусе и 118172 контекста в Национальном корпусе русского языка. Отметим некоторые аспекты проведенного корпусного исследования:

1. В чешском языке сочетания с *více*, *víc*, *nejvíc* и *nejvíce* часто выражают количественное значение, а не степени сравнения. В таких сочетаниях квантификатор *více* и др. не относится к прилагательному, а сами сочетания употребляются с существительными в форме родительного падежа, ср.: *<nejvíc čemých> pasažérů je Praha* «больше всего безбилетников в Праге». При анализе всех корпусов серии SYN было выявлено 688 случаев употреблений аналитических конструкций с десятью наиболее частотными прилагательными, причем лишь в 143 из них можно было утверждать об использовании аналитических компаративов или суперлативов.

2. Стимулом выверить значение контекстов с *víc(e)/nejvíc(e)* стало также использование перед ними *co*, ср.: *nejvíce znepokojivých trendů* «**самых** тревожных трендов», *co nejvíce znepokojivých trendů* «**как можно больше** тревожных трендов» [13, 14].

3. В русском языке необходимо было дополнительно маркировать леммы типа *новейший* грамматическими признаками сравнительной или превосходной степени. С одной стороны, исторически данные формы использовались в качестве компаративов и постепенно вышли из употребления в данном значении к началу XX в. С другой стороны, в настоящее время синтетическим способом нередко выражается элативное значение, которое, кстати, на чешский язык обычно переводится формами позитива [15], ср.: *...нижайший поклон матушке* (Набоков) > *hluboce se klaním vaší matičce*; *Человек, верблюд, собака – эти простейшие существа...* (Айтматов) > *Člověk, velbloud, pes – ti prostí tvorové* [16, с. 151]. Однако для нашего исследования интерес представляли исключительно незлативные употребления подобных форм, составившие около 73% всех вхождений.

4. В отличие от чешского языка, русские формы синтетических компаративов одинаковы для прилагательных и наречий, ср.: чеш. *dobrý* > *lepší* «хороший > лучше» и *dobře* > *lépe* «хорошо > лучше». Поэтому при анализе функционирования простых компаративов в НКРЯ дополнительно производилась проверка по образующему слову, чтобы исключить возможные наречные компаративы.

5. По причине большого объема контекстов и отсутствия некоторых фильтров в стандартном функционале Чешского национального корпуса было невозможно вручную исключить контексты с количественным значением аналитических сочетаний. Поэтому для исключения неподходящих контекстов были использованы ресурсы предобученной большой языковой модели (LLM). Путем анализа N-грамм с учетом употребления в количественных сочетаниях существительных в форме родительного падежа были получены значения для каждого из контекстов: *сравнительная*, *превосходная* или *количество* (Рисунок 2).

```
['tyden'] | ...a vůbec <nejvíc důležitě>, a jak dnes už skoro nikdo neví... > **превосходная степень**
['proste98'] | ...lékaře ohrožuje <nejvíce mladé> slyšela jsem... > **количество**
['proste98'] | ...a snaze poznat co <nejvíce nového>... > **количество**
['brizy'] | ...Jsem <více dobrá> než zlá... > **сравнительная степень**
['kantilen'] | ...Aby bylo <více dobrého> najednou... > **количество**
```

Рисунок 2: Семантический анализ контекстов в LLM

Впоследствии выявленные контексты обрабатывались при помощи регулярных

выражений $\wedge m$, $. * <$ и $. * >$ для выведения из контекстов исключительно форм и последующего их подсчета. Важно заметить, что в контекстах, в отличие от выборки по частотности употреблений словоформ, доступной в стандартных инструментах Чешского национального корпуса, формы прилагательных не были лемматизированы. Поэтому, выявив подходящие контексты, нужно было привести все словоформы к позитиву, а затем обобщить количественные данные для каждого уникального вхождения. Приведение к позитиву также было автоматизировано при помощи большой языковой модели, список полученных форм сохранялся в текстовый файл и затем импортировался в электронную таблицу.

6. В результате семантического анализа были выявлены такие контексты, в которых фигурировали обе формы сразу, ср.: *Díky, můj <nejvíc nejlepší> kamaráde na celým širým světě!* «Спасибо тебе, мой **самый лучший** друг на всем белом свете!» Любопытно, что рус. *самый лучший* является таким же плеонастическим сочетанием, как и чеш. *nejvíc nejlepší*.

Так как период 1990-2019 гг. представлен в Чешском национальном корпусе пятью версиями корпусов серии SYN, данные были собраны по каждой из них, а затем консолидированы для получения статистики о функционировании синтетических и аналитических форм степеней сравнения в современном – на срезе 30 лет – чешском письменном дискурсе. Отношение употребительности простых и сложных форм было рассчитано для каждого из десяти наиболее частотных качественных прилагательных.

Аналогичное соотношение частотности аналитических и синтетических форм было рассчитано для русского языка. Полученные данные были обобщены в сводной таблице (Таблица 2).

№	Позитив, русский	N синт.	N аналит.	% аналит.	Позитив, чешский	N синт.	N аналит.	% аналит.
1	новый	1324	286	17,76	velký	70996	6	0,01
2	большой	25041	4045	13,91	nový	4473	7	0,16
3	старый	4768	643	11,88	dobrý	57307	14	0,02
4	молодой	2091	896	30	malý	24637	3	0,01
5	белый	188	59	23,89	vysoký	37882	5	0,01
6	полный	757	825	52,15	starý	24229	0	0
7	хороший	39837	276	0,69	mladý	12284	5	0,04
8	чёрный	124	130	51,18	dlouhý	9271	1	0,01
9	маленький	10620	791	6,93	důležitý	9638	19	0,2
10	высокий	28931	5239	15,33	špatný	14029	1	0,01
		113681	13190	10,396		264746	61	0,023

Таблица 2: Употребительность синтетических и аналитических форм степеней сравнения прилагательных в русском и чешском языках в 1990-2019 гг. по данным SYN и НКРЯ

Анализируя данные таблицы, можно обратить внимание на неравное распределение доли аналитических форм степеней сравнения в русском языке. В ряде случаев аналитические сочетания составляют 50% и более – то есть используются наравне или даже чаще, чем синтетические варианты.

В то же время чешский язык весьма последовательно использует синтетический способ образования компаративов и суперлативов. Ни для одного из десяти наиболее частотных прилагательных доля аналитических форм степеней сравнения не превышает 0.16%.

Сравнивая итоговые соотношения сложных форм ко всем обнаруженным случаям употребления компаративов и суперлативов, можно с уверенностью говорить о синтетическом характере градационности качественного признака чешских прилагательных. На материале функционирования десяти наиболее частотных

прилагательных корпусное исследование показало заметное различие между частотой употребления аналитических форм в чешском и русском языках: 0.023% против 10.396%.

Выявленные в результате исследования статистические данные отражают актуальные особенности градационности качественного признака чешских прилагательных и представляют источник информации об относительной употребительности как отдельных форм степеней сравнения прилагательных, так и лексико-грамматических групп. Полученные сведения могут быть дополнены путем проведения сопоставительного анализа частотности других прилагательных и изучения функционирования моделей категории субъективной оценки. В перспективе парадигма градационности может быть также изучена на материале других частей речи.

Собранные статистические данные позволяют судить об относительной распространенности синтетических и аналитических способов выражения значения и могут быть применены в будущих исследованиях по сопоставительной славистике, в практических курсах по стилистике и грамматике чешского языка, а также для совершенствования систем автоматической обработки естественных языков.

Библиография

1. Воротников Ю. Л. Структура функционально-грамматической сферы градационности качественного признака // НДВШ. Филологические науки. 1987. № 4. С. 78-81.
2. Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 с.
3. Изотов А. И., Морозов Д. А. Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа // Славянский альманах. 2025. № 1-2. [В печати].
4. Морозов Д.А. Опыт корпусного анализа компаративов в современном чешском письменном дискурсе // Litera. 2025. № 7. С. 66-76. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75167 EDN: ATSHNJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75167
5. Mathesius V. Čeština a obecný jazykozpyt: soubor statí. V Praze: Melantrich, 1947.
6. Рылов С. А. Проблема типологии современных славянских языков: социально-функциональный аспект // Лингвистические традиции и современность: сборник статей, посвященный 90-летию проф. В. Н. Немченко / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 113-120. EDN: XZXCDZ.
7. Рылов С. А. Лингвистическая типология современных славянских языков: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2021. 58 с.
8. Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. P. 207-211. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14317>. EDN: TWVZDJ.
9. Chang W., Cathcart C., Hall D., Garrett A. Ancestry-constrained phylogenetic analysis supports the Indo-European steppe hypothesis // Language. 2015. Vol. 91, № 1. P. 194-244. URL: <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2015.0005>. EDN: UPECSZ.
10. Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 с.
11. Barnet V. К problému эквивалентности при лингвистическом сравнении (в переводе А. Г. Широковой) // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками / Под ред. А. Г. Широковой и Вл. Грабье. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. С. 9-29.
12. Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные

исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 10-99.

13. Co nejvíce, co možná nejvíce; čím více, tím lépe; dost na tom // Naše řeč. 1919. № 3. I. 6. С. 161-166. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=564>.

14. Co nejvíce // Naše řeč. 1924. № 8. I. 2. С. 61. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=1073>.

15. Hanusová Z. K překladu ruského elativu do češtiny // Ruský jazyk. 1970/71. Т. 21. С. 249-251.

16. Brandner A. Postupy při vyjádření vysoké míry vlastnosti u ruských Adjektiv a jejich české protějšky // Linguistica Brunensia. 2011. Т. 59, № 1-2. С. 149-161.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет точечной оценки рецензируемой работы касается синтетичности форм степеней сравнения в чешском и русском языках. Детальный анализ позволяет оценить вектор развития языков, объективировать факторы становления, отчасти наметить и путь изменений. Все это ценно для науки, интересно в плане методологической разверстки (в данном случае – компаративный анализ). Работа в целом имеет правильный, завершённый вид, она соответствует нормативу «научной статьи», общие параметры учтены. Примечательно, что автор пользуется стилем максимально приближенным к научному типу, термины и понятия вводятся с учетом правильных коннотаций: например, «первостепенные функции любого языка – хранение и передача информации – реализуются различными способами. Морфологическая типология разделяет языки на две большие группы: синтетические и аналитические. В синтетических языках грамматическое значение выражается в пределах слова, то есть словоформами – при помощи флексий, аффиксов, ударения, супплетивизма. Они противопоставлены аналитическим структурам, где значения выражаются с помощью служебных слов» и т.д. Метод сравнительно-сопоставительного порядка поддерживается на протяжении всего исследования, что стоит оценить только положительно: «в то же время в русском языке парадигма степеней сравнения сильно преобразовалась даже за последние двести лет. В русской литературе XIX в. формы на -ейш-/-айш- еще функционировали в компаративном значении, ср.: ...мимо законного управленья, образовалось другое правленья, гораздо сильнее всякого законного (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). В современном же дискурсе данные формы имеют суперлативное или элативное значение: высочайший небоскреб = самый высокий... (суперлатив), интереснейшие подробности = очень интересные... (элатив)». Примеров, на мой взгляд, в работе достаточно, они иллюстрирует рассматриваемую лингвистическую проблему. Работа выверена, информация достоверна; автору удастся создать с потенциальным читателем некий конструктивный диалог, которые может являться импульсом для создания новых изысканий в рамках данной темы. Например, «двойной вариант каждой буквы вспомогательного слова в запросах №3 и №4 обусловлен поиском точных форм по маркеру word. Аналогичным образом проверялись сочетания с *silněji* и *nejjsilněji*, хотя опыт корпусного анализа не выявил таких сочетаний с исследуемыми лексемами и показал крайне редкую употребительность таких квантификаторов в коллокации с прилагательными вообще», т.е. ряд позиций можно изучить далее более детально, а это вариант перспективы. Использование схем / рисунков в качестве обобщающих вариативов оправдано; новизна данной работы сводится к расширенной оценке

проблемы синтетичности форм степеней сравнения, а также в обобщении уже имеющихся наработок. Автор в финале приходит к выводу, что «выявленные в результате исследования статистические данные отражают актуальные особенности градационности качественного признака чешских прилагательных и представляют источник информации об относительной употребительности как отдельных форм степеней сравнения прилагательных, так и лексико-грамматических групп. Полученные сведения могут быть дополнены путем проведения сопоставительного анализа частотности других прилагательных и изучения функционирования моделей категории субъективной оценки. В перспективе парадигма градационности может быть также изучена на материале других частей речи». В данном случае противоречий с основной частью нет, итог закономерен. Цель работы достигнута, тема раскрыта, поставленные задачи решены. Материал уместно использовать в вузовской практике при изучении истории и теории языка; список источников достаточен. Рекомендую статью «Сопоставительный анализ синтетичности форм степеней сравнения в чешском и русском языках» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеев А.В. К вопросу о жанровой специфике графического романа // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75624 EDN: PCBJHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75624

К вопросу о жанровой специфике графического романа

Алексеев Антон Владимирович

ORCID: 0009-0006-7865-0486

аспирант; институт Филологии и истории; Российский государственный гуманитарный университет

121108, Россия, г. Москва, р-н Фили-Давыдково, ул. Кастанаевская, д. 35 к. 1, кв. 34

✉ hanzett@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75624

EDN:

PCBJHI

Дата направления статьи в редакцию:

22-08-2025

Дата публикации:

29-08-2025

Аннотация: В статье исследуется жанровая природа графического романа как особой повествовательной формы, возникшей на стыке литературной и комиксной традиций и занявшей особое место в современном литературном процессе. Объектом исследования выступает графический роман как графико-литературный жанр, сочетающий структурную сложность и тематическую глубину романа с грамматическим инструментарием комикса. Предметом статьи выступает жанровая специфика графического романа в аспекте его соответствия критериям романного жанра, принятым в современном литературоведении (прежде всего в исследованиях М.М. Бахтина и Н.Д. Тмарченко). Цель работы – выявление и систематизация жанровых признаков графического романа, а также критическая переоценка его первоначальной жанровой маркировки на материале графических романов «Контракт с Богом» У. Айснера, «Маус» А. Шпигельмана, «Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса, «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» Ф. Миллера. В качестве методологической основы используются работы М.М. Бахтина и

Н.Д. Тамарченко, посвящённые жанровой характеристике романа, а также работы В.И. Тюпы о категориях жанра и нарративной стратегии. Научная новизна данного исследования заключается в поэтологическом анализе жанровой природы графических романов, которые не только утвердили данное жанровое определение для широкой аудитории, но и взяли на себя роль эталона для дальнейшего развития жанровой идентичности в сфере визуальных нарративов. Результаты исследования показывают, что графический роман формируется на пересечении романа без слов и комикса: от первого заимствуется глубина тематической проблематики, ориентация на исторический опыт и индивидуальную судьбу; от второго – грамматика визуального повествования, композиционные приёмы и диалог слова с изображением. Романная поэтика проявляется в вербально-визуальном синтезе через мотивную организацию, графическую трансформацию и контрапункт вставных текстов. Хронотоп незавершённого настоящего выражается в сопоставлении графических стилей, диалогичности пространственно-временных планов и открытости финала, а зона контакта – через художественную организацию автобиографического материала и ограничения супергероического дискурса. Жанровая синтетичность рассматриваемых графических романов демонстрирует реализацию романной природы в гибридной знаковой систем.

Ключевые слова:

графический роман, жанр, жанровая идентичность, нарративная стратегия, романский жанр, роман, роман без слов, комикс, поэтика гибридного текста, жанровая синтетичность

Введение

Графический роман как объект исследования уже несколько десятилетий находится в поле зрения зарубежной науки, где его изучение носит системный и многоуровневый характер. В англоязычном академическом дискурсе сложился достаточно обширный корпус работ, охватывающих историческую поэтику графического романа, его семиотический и социокультурный аспекты данной литературной формы [11]; [2]; [3]; [4]; [5]. В русскоязычном же научном дискурсе исследовательский блок о графическом романе, по мнению А. В. Поташовой, остаётся фрагментарным и недостаточно систематизированным [6]. Несмотря на то, что в последние годы появляются работы, направленные на систематизацию знаний о графическом романе [7]; [8]; [9]; [10], многие аспекты теоретической поэтики графического романа остаются недостаточно изученными. Учитывая, что признание графического романа объектом литературоведческого исследования [11]; [12]; [10], как считает Т. Ф. Семьян, находится в зачаточном состоянии [10], вопрос его жанровой идентичности в рамках литературоведческого подхода на данный момент разработан относительно слабо. Этот пробел становится особенно значимым при обращении к произведениям, задавшим жанровый эталон, — их анализ требует чётких литературоведческих оснований для идентификации и оценки их роли в становлении формы.

Появление графического романа предвещалось ещё в 1960-е годы как долгожданный выход из творческого кризиса, созданного переизбытком инфантильной комиксной литературы, её репетитивностью и трафаретностью [13]. У. Айснер в своём графическом романе «Контракт с Богом» представил «серьёзное» переосмысление комикса, которое,

как отмечается в недавнем русском издании его работы, заслужило титул «кардинального нового жанра литературы» [11]. В последующие десять лет примеру Айснера последовали другие авторы, закрепившие за жанром статус предмета научного осмысления: «Маус» А. Шпигельмана получил в 1992 году Пулитцеровскую премию, «Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса — премию Hugo Awards (англоязычная литературная премия в области научной фантастики) в 1988 году, роман Ф. Миллера «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» определил тональность вселенной DC Comics и стал предметом академического интереса в англоязычном научном дискурсе [14].

Благодаря данным работам, ставшим знаковыми в истории графического романа, за жанром закрепился условный ярлык антипода комиксов как ориентированного на взрослую аудиторию литературного жанра, дифференцированного от массовой литературы. Именно по такому принципу до сих пор происходит жанровое размежевание у современных авторов графических романов, не желающих каталогизироваться в разделе «низкого» жанра [15]. Разумеется, это жанровое размежевание совершается без обращения к поэтологическим критериям жанровой идентификации. Первичная, выраженная У. Айснером, неотрефлексированность жанрового определения графического романа обусловила дальнейшее появление малых и средних графико-литературных форм, отнесённых к графическим романам лишь по внешним признакам: несерийному выходу, количеству страниц и тематической серьёзности поднимаемых тем.

Современное жанровое калькирование в контексте графических романов обусловлено тем, что их создателями зачастую выступают художники, чьи приоритеты в творчестве могут смещаться в сторону визуальных аспектов, а не литературных.

В связи с этим открытым остаётся вопрос: если вектор создания первого графического романа, «Контракт с Богом» был направлен в сторону литературной осознанности, поддаётся ли он, как и следующие за ним графические романы, которые внесли особый вклад в его становление как жанра, поэтологическим критериям жанрового определения? Другими словами, насколько они соответствуют своей жанровой маркировке и какова их жанровая принадлежность?

Материал статьи ограничен отбором четырёх графических романов — «Контракт с Богом» У. Айснера, «Маус» А. Шпигельмана, «Хранители» А. Мура и Ф. Гиббонса, а также «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» Ф. Миллера как первых наиболее значимых произведений в контексте становления графического романа как самостоятельного жанра. В данной работе особый акцент сделан на первом конституированном графическом романе, «Контракте с Богом», как наиболее знаковом художественном высказывании в контексте проблемы жанровой самоидентификации; обращение к другим графическим романам в статье носит иллюстративный характер и необходимо для демонстрации системности тех приёмов, которые описываются в работе.

В более широком же контексте в статье ставится задача привлечь внимание к необходимости осмысления жанровой системы графической литературы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью систематизации научного знания о комиксах, графическом романе и графической литературе вообще, особенно в русскоязычном научном сегменте [6].

Научная новизна данного исследования заключается в поэтологическом анализе жанровой природы графических романов, которые не только утвердили данное жанровое определение для широкой аудитории, но и взяли на себя роль эталона для дальнейшего

развития жанровой идентичности в сфере визуальных нарративов.

Объект работы — графический роман как графико-литературный жанр; **предмет** — жанровая специфика графического романа в аспекте его соответствия критериям романного жанра, принятым в современном литературоведении (прежде всего в исследованиях М. М. Бахтина и Н. Д. Тмарченко).

Цель данного исследования заключается в осмыслении и прояснении жанровой природы графических романов «Контракт с Богом» У. Айснера, «Маус» А. Шпигельмана, «Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса и «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» Ф. Миллера с критической переоценкой их первоначальной жанровой маркировки.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Дать общую характеристику романа как жанра с опорой на труды М. М. Бахтина и Н. Д. Тмарченко;
- 2) реконструировать генезис графического романа от романа без слов и комикса;
- 3) выявить особенности поэтики и дать жанровую характеристику графических романов У. Айснера, А. Шпигельмана, А. Мура и Ф. Миллера через обращение к теории романа и нарративных стратегий.

В качестве **методологической основы** используются работы М. М. Бахтина и Н. Д. Тмарченко, посвящённые жанровой характеристике романа, а также работы В. И. Тюпы о категориях жанра и нарративных стратегиях.

Характеристики романа как неканонического жанра

Роман является специфическим литературным жанром Нового времени ввиду того, что он принципиально незавершён, открыт, к нему неприменимо понятие «канона» как исторически действующей силы [\[16\]](#), отчего его жанровая идентичность строится вокруг другого понятия — «внутренней меры жанра» как динамического единства [\[17\]](#); это отличает его от всех остальных жанров: если трагедия, ода или новелла представляют собой готовые формы, подчиняющиеся определённым принципам построения художественного целого, то роман — это жанр, лишённый внутренней самоудовлетворённости, что отражает динамику мироощущения в эпоху Нового времени. Эпичность, обширное сюжетное повествование, прозаическая форма, приземлённый, лишённый поэтической патетики язык и свободный ритм создают особую форму романа [\[18\]](#).

М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман» выводит три основных особенности, которые дифференцируют роман от всех остальных жанров: стилистическая трёхмерность, хронотоп незавершённого настоящего и «зона контакта» с незавершённой действительностью [\[19\]](#).

Стилистическая трёхмерность романа возникает из взаимодействия изображённой и изображающей речи, объединённых вокруг единого смыслового центра, который, по Н. Д. Тмарченко, выступает организующим началом, находящимся за пределами многообразия речевых форм [\[20\]](#). Этот центр действует как структурирующая инстанция, координирующая полифоническое многообразие текста.

Бахтин подчёркивал, что анализ романного стиля нередко ограничивается рассмотрением индивидуальных авторских приёмов, что игнорирует социальную природу

языка. Подобный подход лишает стилистику философской и социологической глубины, сводя её к поверхностным декоративным элементам. Напротив, роман по своей сути является многостилевым и многоязычным, вмещаая разнообразные языковые уровни, подчинённые различным стилистическим принципам [\[21\]](#).

Стиль романа представляет собой *систему* стилей, а его язык — *систему* языков, что делает роман художественно организованным социальным разноречием. Каждое стилистическое единство допускает сосуществование множества социальных голосов, а также разнообразие их взаимодействий и взаимосвязей [\[21\]](#).

Хронотоп незавершённого настоящего. Эпос обращён к «абсолютному прошлому», а потому замкнут его в хронотопических и ценностных границах мира национальных преданий. Автономность эпического художественного пространства подразумевает отсутствие в нём какой-либо проблематичности или незавершённости, поскольку действие эпоса вакуумно замыкается в самом себе как отрезок бесконечно далёкий и не требующий полемики относительно его расширения. Роман же, напротив, ориентирован на репрезентацию действительности в её становлении, он линейно вытянут и делает дистанцию между читателем, автором и героем осязаемой, создавая пространство для диалога.

Жизнеописательность романа определяется его нарративной гибкостью, включающей в себя прецедентную, императивную и окказиональную нарративные стратегии. Нарративная стратегия, согласно В. И. Тюпе, обращается к нарративной картине мира, определяющей природу событийности в художественном мире, который может конструироваться на основе прецедентного события, строиться из подчинённости верховному мироустройству или потоку случайностей [\[22\]](#).

Близкая к читателю действительность вызывает трудности с точки зрения её ценностного осмысления из-за присущей ей текучести. Для решения такой сложной задачи автору-романисту приходит на помощь смеховая культура как фольклорный «корень» романа и одновременно фильтр для искажения и осовременивания абсолютного прошлого благодаря снижению стилистической патетики и обытовлению некогда «неприкасаемого» образа.

Как следствие — **зона контакта** с настоящим в его незавершённости как новая зона построения литературного образа в романе. Как отмечает М. М. Бахтин, свобода переключения масок в романе достигается расположением фигур автора, читателя и героя в одной ценностно-временной плоскости, что делает их условно-современниками [\[19\]](#).

Все эти особенности, по Бахтину, вырастают из социальных переломов в истории европейского человечества, его выхода из замкнутого пространства в условия мультязычных и мультикультурных связей и отношений [\[16\]](#).

Генезис графического романа: роман без слов и комикс

Прежде чем обратиться к анализу жанровых характеристик графического романа с позиций современной поэтики, рассмотрим генезис данной художественной формы.

В 1964 году Р. Кайл, а в 1978 году У. Айснер предприняли попытку систематизировать литературный термин, который мог бы служить категориальным противопоставлением комиксу как инфантильному графико-литературному жанру, обозначая произведения

более крупного и серьёзного характера:

«So, in future issues of Wonderworld, when you find me using the terms "graphic story" and "graphic novel" to describe the artistically serious "comic book strip", you'll know what I mean» [\[13\]](#).

[«Итак, когда вы увидите, что я употребляю термины "графический рассказ" и "графический роман" для того, чтобы описать художественно ценные комиксные зарисовки в следующих выпусках Wonderworld, вы будете знать, что я имею в виду» — пер. А. А.]

Такой подход к терминологическому осмыслению представляет собой попытку эксплицировать характеристики большого литературного жанра при опоре на материальный объём, проблематику и содержание. У. Айснер, в свою очередь, развил эту концепцию в предисловии к «Контракту с Богом», где он стремился создать новый стиль повествования в комиксах, ориентируясь на романы О. Нюкеля, Ф. Мазереля и Л. Уорда [\[23\]](#).

Роман без слов

Одной из форм, хронологически и генетически предшествующих графическому роману, является «роман без слов», имеющий разные наименования: «romans In beelden», «novel in a woodcuts», «wordless novel» [\[24\]](#). Роман без слов, возникший в первой трети XX века, представляет собой, говоря языком Айснера, форму последовательного визуального повествования (sequential art), принципиально лишённого вербального компонента. Этот жанр, представленный, в частности, такими произведениями, как «25 Images of Man's Passion» (1918) и «The Sun» (1919) Франса Мазереля, а также «Gods' Man» Линда Уорда (1929), обращается к технике ксилографии, что придаёт ему эстетическую строгость.

Ключевой чертой поэтики романа без слов является его полный отказ от вербального компонента. Вся визуальная его составляющая, воспринимаемая не как набор дискретных изображений, но как связный их ряд, обретает повествовательную самостоятельность; речевой компонент не столько исключается из текста, сколько является частью изобразительного ряда. Сознательный отказ от вербального языка в пользу иллюстративного определяет специфику визуального ряда и ставит акцент на визуальной выразительности и символической плотности [\[24\]](#).

П. В. Дедюхина подчёркивает социальную ориентированность первых романов без слов, которые можно назвать художественно-оформленной манифестацией индивидуального авторского переживания [\[25\]](#); романы без слов, как правило, освещают социальный конфликт — будь то война или индустриализация — или личное переживание исторических событий [\[24\]](#). Такая коммуникативная направленность подспудно совпадает с ориентацией романного жанра на диалог с читателем. Обращение к историческому времени и открытость для дискуссии обеспечивают его чертами романности.

Роман без слов, несмотря на свою формальную лаконичность, демонстрирует ключевые характеристики, сближающие его с концепцией романа, предложенной М. М. Бахтиным, в отношении тематического содержания, поскольку данный жанр направлен на проблематизацию исторического опыта современного человека.

Комикс

Комикс, как непосредственный предшественник графического романа, обладает поэтикой, детерминированной ориентацией на массовую аудиторию и развлекательной функцией, изначально обусловленными социальным запросом на самоидентификацию в связи с отсутствием социокультурной идентичности [26]. Также общественная напряжённость в период Великой депрессии определила направленность супергероики в комиксе на эскапизм [27].

Ключевые черты комикса, обусловленные ориентацией на массовую аудиторию, включают в себя: 1) устойчивую типизацию персонажей (герой, злодей, помощник), обращённую к сказочной традиции; 2) подчинённость чёткой аксиологической дифференциации (добро / зло), которая обуславливает воспроизводимость сюжетной схемы «угроза — борьба — победа» [2]; [28]; 3) условность и гиперболизацию действия (создание супероружия, способного уничтожить целый город, герой, который с лёгкостью борется с растущей преступностью при помощи суперсил) [2]; 4) преобладание внешнего конфликта над внутренним ввиду смещения акцента с развития героя на зрелищность повествования. Внутренний конфликт персонажа, если и присутствует в комиксе, тесно связан с осмыслением внешнего конфликта, запущенного внешним действием, как правило, первоначальной утратой как формой вредительства, выражаясь языком В. Я. Проппа [29]. Например, смерть дяди от рук преступника у Питера Паркера («Человек-Паук»), родителей — у Брюса Уэйна («Бэтмен») определяют дальнейшую ролевую модель поведения главных героев. Также к числу основных жанровых характеристик комикса относятся 5) важность визуальной динамичности, которая, по мнению У. Айснера, затмевает связь между живописью и литературой [1], а также 6) серийность как основной формат публикации. Исторически комикс вырастает из газетных стрипов и существует как низкий, развлекательный жанр, форма современного фольклора с нарративной стратегией сказания.

Прямую аналогию с морфологией сказки В.Я. Проппа проводит И.Ю. Сычев, формулируя морфологию комикса и типизируя четыре типа комиксов англо-американской культуры: сказочные, детективные, научно-фантастические, супергеройские, — определяя последние в качестве доминирующей группы [30].

Полярность в расстановке сил, ролевая система акторов (герой, злодей), воспроизводимость сюжетных перипетий являют черты формально современного, но — по своей сути — сказочного инобытия и прецедентной картины мира, характерной для нарративной стратегии героического сказания [22].

Романная полифоничность в комиксе выражена слабо. Мир в комиксе аксиологически бинарен, речь персонажей служит скорее продвижению сюжета, нежели раскрытию их социальных или идеологических позиций, лежащих за пределами их личной мотивации занимать ту или иную сторону во внешнем конфликте. Авторский голос, как правило, нивелируется требованиями серийности и узнаваемости бренда, а многоголосие отсутствует ввиду коммерческих рамок и ориентации на массовую аудиторию, вынуждающую обращаться к стилистически монотонному языку для простоты чтения.

Комикс *формально* обращён к современности, используя актуальные антураж и технологии. Герой имеет предысторию, и серийность предполагает формальную фабульную незавершённость. Однако ключевая особенность комикса в этом отношении — в характере времени и условной завершённости. Художественное время комикса чаще всего не линейно-развивающееся, а циклическое, мифическое: после каждого

комиксного выпуска условия художественного мира возвращают статус-кво. Герой принципиально не меняется, или меняется незначительно и обратимо, чтобы сохранить узнаваемость. Нередки случаи, когда персонажи вселенной DC умирают и воскресают по воле Смерти, имеющей человеческий облик и волю.

Зона контакта с действительностью также имеет ограничения схожего характера: контакт с читателем основан на предвкушении предстоящих событий и идентификации с супергероем как мифической фигурой в эскапистском инобытии; читатель становится в позицию активного со-мыслителя, однако супергероика направлена скорее на репрезентацию подающего пример неунывающего героя.

Традиционный серийный комикс, при всей его обращенности к современности и формальной незавершенности, не соответствует современному пониманию романа как художественной формы. Его циклическое время, статичность персонажа, ограниченная полифония и установка на воспроизведение статус-кво противоречат романному становлению. Смеховое начало, будучи генезисно важным, в массе продукции не выполняет той «фильтрующей» и «осовременивающей» функции, которую М. М. Бахтин видел в фольклорных корнях романа ^[19]. Незавершенность комикса имеет внешне-фабульный характер: она обусловлена способностью персонажей циклически «обновляться», подобно сказочным героям. Незавершённость же романа — семантическая; она определена принципиальным неравенством романного мира и героя самим себе, их смысловой открытостью будущему и динамизмом.

Графический роман как жанр в свете теории романа М.М. Бахтина и Н.Д. Тмарченко

Графический роман, как уникальная форма художественного выражения, формируется на пересечении двух парадигм: комиксной грамматики и литературных амбиций романа без слов; иные жанровые истоки утверждают М. Г. Меркулова и И. Г. Прудис, выделяя в качестве доминантных праформ комикс и роман ^[7]. В отличие от серийного комикса, графический роман характеризуется целостностью и сознательной завершённостью, в одном томе или ограниченном количестве выпусков — глав. Это позволяет преодолеть характерные для комикса ограничения в виде циклического воспроизведения и реализовать его романский потенциал.

При этом понятие «графический роман» остаётся неопределённым и размытым в силу отсутствия чётких жанровых критериев. Это обстоятельство, с одной стороны, предоставляет авторам свободу для экспериментов, но с другой — затрудняет формирование единого и общепризнанного представления о данном жанре. Для оценки того, в какой мере первые графические романы отвечают критериям романности, продуктивно обратиться к выделенным М. М. Бахтиным признакам романа: стилистической трёхмерности, хронологу незавершённого настоящего и зоне контакта автора, героя и читателя.

Стилистическая трёхмерность

Стилистическая трёхмерность возникает от взаимодействия прямого слова и объектного, а также голоса автора как эвристического смыслообразующего центра; эта «третья мера» координирует разноречие, сохраняя самостоятельность отдельных речевых дискурсов ^[31] и создавая пространство диалога языков-мировоззрений ^[21].

В «Контракте с Богом» У. Айснера данная установка трактуется через архитектуру произведения: графический роман опирается на синтез жанровых форм, в нём

фрагментарность, характерная для очеркового повествования, основанного на реальных событиях, скрывается посредством романного хронотопа и полифонической целостности. Дом №55 в Бронксе выполняет функцию структурообразующего центра, связывая разрозненные истории в единое художественное пространство, которое представляет незавершённое настоящее, отражающее социальный кризис, его незамкнутость и осязаемость.

Бахтинская концепция «полифонии» предполагает сосуществования равноправных самостоятельных голосов, не подчинённых единой авторской точке зрения. Образ дома как микрокосма социальных отношений, в которых «все знали всё и обо всех», эксплицитно задаёт пространство для полифоничности городской жизни, отражая многослойность социальных взаимодействий. Нарратор, представленный как внешний наблюдатель, занимает опосредованную позицию между героями, не представляя единый ценностный центр, но давая персонажам свободу, а читателю — пространство для диалога. Каждая из четырёх историй репрезентирует отдельный социальный голос — одновременно общий и индивидуальный.

Стилистическая трёхмерность языка в графическом романе проявляется не только через вербальную полифонию, но и через визуальные средства как неотделимое свойство авторской индивидуальности в рамках гибридного текста; в связи с этим мы делаем допущение, что трёхмерность не исчерпывается лишь вербальными средствами. Уникальность графического исполнения, определяемая мастерством художника, выражается в смене реалистичных и карикатурных изображений, динамике композиционных решений и использовании визуальных метафор, таких, например, как искажение пропорций, связанное с особенностями ситуативного восприятия персонажа читателем-зрителем. Эти элементы формируют систему «визуальных языков», где каждый изобразительный компонент может служить носителем социального голоса или выражать авторскую позицию, обогащая полифоническую структуру произведения.

Визуальный компонент в «Маусе» А. Шпигельмана проявляется в репрезентации нескольких субъектов повествования, одним из которых становится незримый автор, обращающийся к графико-языковой пластике, поэтому помимо Арта и Владека как субъектов повествования присутствует также инстанция, изображающая персонажей как антропоморфных животных, тем самым вводя визуальную метафору с чёткой иерархическими отношениями «охотник-жертва» с евреями-мышьями и фашистами-котами. Авторский голос таким образом становится медиумом между персонажами, переживающими и осмысляющими Холокост во время Второй мировой войны, через графическую трансформацию как визуальное средство подавления травмирующего опыта [\[32\]](#).

«Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса обращаются к мультимедийности через контрапунктную интеграцию ряда вставных историй, как например, интегрированный в роман комикс «Истории с Чёрной шхуны» даёт параллельный комментарий основной истории, или мемуары Холлиса Мейсона «Записки под капюшоном», которые деконструируют супергеройский образ: выбор имени, материала для костюма, обсуждение личной жизни героев в прессе. А. Мур и Д. Гиббонс в «Хранителях» также обращаются к использованию диететических ракурсов, что позволяет читателю временно отождествить свою перцептивную позицию, например, с визуальной перспективой Роршаха. Это достигается путём включения в нарратив сцен, в которых зритель наблюдает за миром глазами самого героя: к примеру, Роршах, прогуливаясь по подворотням, внезапно сталкивается с насильником, — в этот момент зритель

воспринимает сцену через призму зрения героя. Другой пример — сцена в тюрьме, где герою проводят тест Роршаха, а зрителю предоставляется возможность наблюдать ассоциации, возникающие в сознании протагониста [\[33\]](#).

Как отмечает Рой О., полифония в «Хранителях» не совпадает с бахтинской в строгом смысле: если для Достоевского источником свободы и личной незавершённости является врождённая способность сознания к диалогу, то у Мура и Гиббонса она определяется внешними детерминантами [\[34, p. 390\]](#). Однако это разделение кажется искусственным, так как сознание реализуется через диалог с другим «я», что предполагает его внутреннюю динамику.

Обращение к «общественному» мнению через газетные или телевизионные голоса с противоположными оценками присутствует в «Бэтмене...» Ф. Миллера. Несмотря на то, что фокус супергеройской сказки смещается в сторону социально-политического высказывания, в графическом романе наблюдается подчёркнуто монологическая структура: голоса персонажей — Джокера, Двуликого — служат скорее катализатором для раскрытия внутреннего мира Бэтмена, а медиа-вставки подчинены скорее доминирующей перспективе главного персонажа, они не являются самостоятельными позициями; это мир одного героя, трагическую направленность которого усиливает общий «голос толпы» [\[35\]](#).

Стилистическая трёхмерность наиболее полно проявляется в «Контракте с Богом» У. Айснера и «Маусе» А. Шпигельмана. В этих произведениях взаимодействие вербальных и визуальных компонентов, множественность голосов и авторская позиция создают полифоническое пространство.

Хронотоп незавершённого настоящего

Хронотоп незавершённого настоящего, по М. М. Бахтину, противопоставлен эпическому «абсолютному прошлому»: если эпос замыкает события в законченном и недоступном для пересмотра времени, то роман фиксирует жизнь в процессе становления в открытой перспективе [\[21\]](#). В романе заложена динамика, позволяющая событиям и характерам развиваться за пределами текста.

В «Контракте с Богом» хронотоп незавершённого настоящего задаётся, во-первых, временной рамкой, историческим временем — Нью-Йорк времён Великой депрессии, — события внутри которого не воспринимаются как окончательно закрытое прошлое; автор сохраняет дистанцию, однако удерживает событийный ряд в «поле настоящего» для читателя благодаря живой детализации среды и бытовых сцен. Во-вторых, каждая из четырёх историй вписана в более широкий историко-социальный контекст, что не позволяет трактовать любую из них как полностью завершённую.

В визуальной организации хронотопа незавершённого настоящего у Айснера можно выделить использование пространственных мотивов — лестничных пролётов, уличных переулков и вокзала, которые выполняют роль пространственно-временных «узлов», маркирующих качественную циклическую сменяемость, трансформацию и диалогическое напряжение между прошлым и будущим. На ступенях лестницы, по которой поднимается Фримми Херш, после гибели героя сидит другой еврей, Шлойме, который впоследствии наследует контракт с Богом. Под лестницей в подвальном помещении Скаггс занимал должность управдома — к концу третьей истории на его месте висит объявление об открытой вакансии, которую займёт следующий домоуправитель; уличный музыкант в желании вернуться на улицу, где живёт его новый учитель по вокалу, обречён на

безрезультатное блуждание в лабиринте похожих друг на друга домов. В «Кукалейне», четвёртой главе, события начинаются на оживлённой вокзальной площади в конце зимы и заканчиваются там же в конце лета, — несмотря на цикличность, герои претерпевают качественные изменения.

«Маус» А. Шпигельмана обращается к двум пространственно-временным плоскостям — Польше времён Второй мировой войны и Америке 1970-80-х гг. — через ретроспективный приём воспоминания; благодаря диалогу между Артом и Владеком описываемая действительность получает идеологическое осмысление и тем самым делает границы объектного мира осязаемыми и проницаемыми. Незавершённостью обладает именно пространство современности, интерпретирующей интерессубъективный опыт.

Хронотоп незавершённого настоящего в «Хранителях» А. Мура насыщен множеством ретроспекций и параллельных голосов (дневник Роршаха, «Истории с чёрной шхуны», отрывки из мемуаров, газетные вырезки); ограниченный логикой апокалиптического финала, его открытость реализуется через достижение хрупкого равновесия, обращённого в будущее. Адриан Вейдт, не получивший оценки своих действий, оказывается в состоянии неопределённости неравен своему изначальному «я»; на его вопрос о правильности его поступков, Доктор Манхэттен отмечает, что «ничто никогда не заканчивается» ^[33], подчёркивая циклическую природу событий, и исчезает, что позволяет говорить о фабульной открытости его дальнейшей судьбы — несмотря на то, что он находится в состоянии поиска, его личность кажется завершённой. Зыбкое равновесие, достигнутое к финалу, может быть нарушено дневником, оказавшимся в редакции жёлтой прессы и раскрывающий причастность Вейдта к геноциду в Нью-Йорке, что привело бы к деэскалации конфликта между СССР и США, однако вероятность публикации дневника Роршаха остаётся за кадром. Таким образом, «Хранители» балансируют между катастрофической предопределённостью и бахтинской незавершённостью.

«Бэтмен...» также обращается к образу надвигающейся катастрофы в условиях вечного кризиса, а потому настоящее время в романе разворачивается не столько как пространство свободных возможностей, сколько как этап подготовки к неизбежной развязке. Хронотоп «Бэтмена...» линейен: герой постепенно стареет, — однако каждое событие подчинено логике предопределённого квазитрагического финала и дальнейшего «перерождения». Инсценировка Бэтменом собственной смерти создаёт иллюзию открытой концовки: учитывая статус Бэтмена как архетипического образа массовой культуры, играющего большую роль в мифологическом пространстве вселенной комиксов DC, его выживание или преображение кажется решением конвенциональным. Внутренний рост Бэтмена минимален, хотя факт делегации обязанностей и ухода в подполье создаёт символическое изменение, не совсем равное статичности персонажа. Финальные слова Бэтмена о «новой армии, что привнесёт смысл миру» ^[34] подчёркивают как мифологический статус героя, чьи действия выходят за пределы истории одного персонажа, так и циклическую преемственность в супергеройской борьбе с преступностью.

Таким образом, в отличие от комиксного хронотопа с его циклическим воспроизведением исходной позиции в неизменном виде, хронотоп «Контракта с Богом» подчинён линейному развитию, в чём заключается один из признаков романности — открытости в будущее. «Маус», благодаря открытости за счёт введения второго, современного плана, в котором происходит осмысление индивидуального опыта, не оказывается замкнут в

мире столкновения архетипов. В «Хранителях» незавершённость носит формальный характер и осуществляется через достижение хрупкого равновесия. «Бэтмен...» же оставляет финал открытым, однако созданным для дальнейшего мифотворчества в рамках супергеройского мифа.

Зона контакта

М. М. Бахтин определял зону контакта как ценностно-временное сближение автора, героя и читателя, при котором они становятся условными современниками в одном художественном пространстве [\[19\]](#). Такая позиция разрушает абсолютность эпической дистанции и позволяет включить читателя в диалогическую структуру текста.

Диалогическая открытость романа и его зона контакта имманентно манифестируется Айснером через введение автобиографического материала [\[23\]](#). Образ Фримми Херша, главного героя первой из четырёх историй, переживающего утрату приёмного ребёнка, и его спор с Богом становится формой художественной авторской рефлексии, занимая центральное место в структуре графического романа, отчего первая часть про лишившегося ребёнка еврея выбивается из общей очерковой тональности романа в сторону притчевой однозначной моральной оценки. Постепенное оценочное отдаление нарратора от героя создаёт связку, подводящую к позиции, которая будет транслироваться в дальнейшем — «бывает и такое»: как только выстраданная история закончилась, внимание переключается на остальных жителей арендного дома.

«Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса, несмотря на нахождение в современных читателю реалиях американской повседневности 1980-х гг., используют изолированный и срежиссированный хронотоп, гиперболизируя угрозу ядерной войны и вводя условности, характерные для супергеройской сказки, изолирующей художественное пространство мифотворчеством, — исторический контекст встроен в повествование, однако скорее как иллюстрация к идее кризиса супергеройского мифа. «Бэтмен...» Ф. Миллера, который ставит в центр пусть и более приземлённого героя — стареющего Бэтмена, — однако оценка художественного мира представлена через призму его субъективного восприятия, что позволяет говорить о построении не столько независимой реальности, в которой читатель может себя представить современником, сколько замкнутой системы, отражающей внутренний мир персонажа.

Можно допустить, то супергеройский дискурс имеет ограниченную зону контакта с читателем по причине мифологической закрытости и контекстуальной привязанности. Темы, которые определяли становление супергероического дискурса, такие как борьба с преступностью или угроза ядерной войны с СССР, представляли собой скорее кратковременную реакцию на конкретные политические и социальные обстоятельства. Супергеройская литература в подобных формах концентрируется на фигуре персонажа и его способности преодолевать угрозы, что в более широком культурном измерении можно рассматривать как мифологизированное отражение «превозмогание» Америки над враждебными силами или проекциями популистских страхов. В этом отношении супергероика, особенно в «Бэтмене...», выступает разновидностью мифотворчества, замкнутого в границах своего историко-культурного контекста и не ориентированного на открытое будущее. Конечно, стоит учитывать, что подобная литература сохраняет потенциал для эмпатического сопереживания: читатель способен вовлекаться в индивидуальные переживания героев, — однако это сопереживание работает скорее на уровне аффективного контакта, чем на уровне диалогического взаимодействия.

Синтез различных нарративных стратегий и жанровых установок в графический

романах

Романный жанр, обладая исключительной универсальностью, способен интегрировать элементы различных мировоззренческих парадигм [\[36\]](#).

В «Контракте с Богом» как художественном целом отдельные части соотносятся с различными жанровыми установками и нарративными стратегиями.

В контексте рассматриваемого произведения гибель героя первой истории, Херша, представляется закономерной и скорее притчевой, так как его судьба детерминирована трансцендентным императивом. Божественная сила, выполняющая функцию высшего судьи, осуществляет приговор в момент повторного совершения святотатства, что позволяет интерпретировать данный эпизод как окончательную и однозначную оценку его действий. С точки зрения христианского дискурса, развитие Херша подчиняется логике духовных отношений между человеком и Богом: дары, полученные героем, можно рассматривать как форму утешения после утраты Хершем падчерицы, хотя их использование в корыстных целях привело к возникновению духовной пустоты и, как следствие, гордыни. Этот процесс иллюстрирует диалектику благодати и греха в христианской антропологии, где успех оказывается иллюзорным и преходящим, уступая место духовной деградации при злоупотреблении божественным даром. По мере того, как Херш начинает отходить от своих религиозных убеждений, нарративная стратегия претерпевает трансформацию. Описание его смерти приобретает более отстранённый и объективный характер, кульминацией чего становится эпизод, в котором еврейский мальчик, Шлойме, находит камень с текстом контракта и ставит на нём свою подпись. Этот момент можно рассматривать как критическую точку, в которой рассказчик окончательно дистанцируется от образа героя, имманентно предопределяя его духовное падение.

Помимо божественной воли в «Контракте» находит место и воля случая: уличный музыкант, стремящийся к признанию и обнаруживший в незнакомке свою музу и покровителя, оказывается не в состоянии вновь её отыскать вследствие обыденного происшествия. Он теряет к ней путь, что может быть интерпретировано как наказание со стороны городской среды, пространство которой характеризуется наличием повторяющихся маршрутов. Судьба Скаггса, героя третьей истории, обусловлена социальными факторами и стечением случайных обстоятельств: не справившись с отчаянием, он совершает самоубийство. Его путь одновременно предопределён и случаен: он пребывал в постоянном конфликте с арендаторами дома, отчего наказание и посмертное порицание, лишённое какого бы то ни было эмпатического сопереживания, со стороны общества оказывается закономерным. В этой истории три голоса: голос самого Скаггса, одинокого мужчины, не ладящегося с арендаторами и находящего отдушину заботе над в своей собакой и своём фантазийном одиночестве; голос дома, находящегося в постоянной конфронтации с управдомом из-за бездействия последнего; и, наконец, голос автора как медиатора, занимающего срединную сторону внешнего наблюдателя.

Установка на достоверное бытописание и репрезентацию скромного ряда социальных типов функционально сближает два рассказа, «Уличный музыкант» и «Супер», с литературными очерком. В этом ключе продуктивным кажется обращение к тезисам В. И. Тюпы, который, анализируя тургеневские «Записки охотника», определяет их очерковость через прецедентный и воспроизводимый характер очеркового казуса [\[22\]](#). Эта воспроизводимость в «Уличном певце» и «Супере» подчёркивается типичностью самих ситуаций и образов в контексте общего бытописания: феномен уличных

музыкантов, находящихся на экономической периферии, получил в то время широкое распространение; конфликты между арендаторами и домоуправителями, обострённые экономическим кризисом, были неизбежностью.

Наконец, последняя часть романа, «Кукалейн», распадается на ряд микроисторий со стремительным их развитием и сказочным завершением. Голди, приехавшая в поместье Гроссманов в поисках состоятельного супруга, становится обесщеченной банкротом Бенни, однако быстро находит любовь в лице врача Херби. Ирвинг застаёт свою жену за изменой с пятнадцатилетним парнем Вилли. Фанни смиряется с неверностью своего мужа, однако вынуждена сохранять брак как необходимый социальный конструкт, «чтоб не позорились». Все эти истории разрешаются с невероятной лёгкостью, что подчёркивает их несколько идеализированный характер.

Творческой задачей У. Айснера при создании «Контракта...» было художественно осмыслить воспоминания о реально существующем локусе его прошлого. Айснер имманентно стремится к генерализации частных случаев, экстраполируя их на общий социальный контекст, однако акцентирует внимание на индивидуальных трагедиях персонажей, что позволяет рассмотреть личные истории в рамках коллективного опыта. Обращаясь к жанровым возможностям очерка, Айснер реализует задачу бытоописания в четырёх рассказах личных трагедий своих героев, обладающих одновременной индивидуальностью и подчёркнутой типичностью — опытом intersубъективным.

С одной стороны, «Контракт с Богом и другие истории арендного дома» У. Айснера представляет собой текст, разные части которого восходят к различным жанровым парадигмам. Так, первая часть «Контракта с Богом», — сжатая повесть: герой встаёт перед испытанием, его неправильный с точки зрения духовности выбор ведёт его к гибели, инициатором которой становится божественная воля. Вторая и третья части — очерковые рассказы: фигура уличного музыканта и управдома; последняя же часть — рассказ о съезде семейств в загородный дом.

С другой стороны, «Контракт...» как художественное целое обнаруживает жанровые черты *романа*. «Романность» поэтики произведения У. Айснера прослеживается в полифоничности, которая задаётся местом действия — многоквартирным домом — замкнутым пространством непереносимого и частотного столкновения мнений. Действие произведения привязано к определённом историческому периоду с конкретными социально-историческими условиями, задающими логику взаимоотношений между персонажами. В «Контракте с Богом» отсутствует поэтическая патетика, герои, язык многообразен, — например, очевиден контраст между стремящейся к высокопарности и заимствующей французскую речь и культурные образы певицы, — и уличным музыкантом с довольно односложными речевыми конструкциями, — в силу разницы нравов, обладают своими голосами. Позиция наблюдателя вполне конкретна, она не содержит безапелляционной оценки, — за исключением первой части графического романа, где всё-таки незримо, но присутствует фигура судьи. Ситуации, в которых оказываются персонажи, и поступки, которые последние совершают, выносятся на суд читателю, что создаёт пространство для диалога.

Соединение в одном тексте различных нарративных стратегий и жанровых установок характерно и для других произведений, относимых к жанру графического романа.

Так, в «Маусе» А. Шпигельмана жанровая структура соединяет в себе черты автобиографической исповеди, семейной хроники и исторического романа. Нарративный центр романа — диалог отца и сына, который работает на соотношении прецедентного и

интерпретирующего планов. Визуальная метафора, выражающаяся через графическую трансформацию персонажей, придаёт роману бинарность сказочного аксиологического деления на добро и зло в контексте интерпретации индивидуального опыта. Романский хронотоп реализуется в двуплановой структуре, содержащей в себе как пространство воспоминания, так и современности, его осмысляющей.

«Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса репрезентируют жанровый синтез апокалиптической антиутопии и деконструкции супергеройского мифа, что обуславливает отход от прецедентной картины мира, так или иначе обращённой к эсхатологическому исходу. «Бэтмен...» Ф. Миллера же демонстрирует взаимное наложение комиксного супергеройского мифа и трагедийного повествования, также ориентированного на предопределённый финал. Полифоничность супергеройских романов усечена, во-первых, спецификой супергероического дискурса как такового, направленного на типизацию образов, во-вторых, акцентом на внешнем конфликте одной фигуры, оттеняющей остальные голоса.

Таким образом, выявленная во всех рассмотренных произведениях жанровая синтетичность не является случайной особенностью переходных форм, но выражает саму природу романа как жанра. Будучи пластичным, открытым к взаимодействию с иными художественными системами и лишённым жёсткой канонической нормы, роман закономерно реализуется в графическом формате через совмещение разнородных повествовательных стратегий и жанровых моделей.

Заключение

В результате проведённого анализа особенностей поэтики таких произведений, как «Контракт с Богом» У. Айснера, «Маус» А. Шпигельмана, «Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса и «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» Ф. Миллера мы пришли к ряду выводов, проясняющих его жанровую природу.

1. Концептуализированный Р. Кайлом и У. Айснером, графический роман формируется на пересечении романа без слов и комикса. С одной стороны, графический роман унаследовал от романа без слов глубину тематической проблематики, стремление к осмыслению исторического опыта и индивидуальной судьбы, а также высокую степень визуальной выразительности и символической насыщенности. В контексте графического романа он заложил основу для восприятия изображения как самостоятельного носителя смысла, близкого по своей природе к литературному высказыванию. С другой стороны, от комикса графический роман заимствует грамматику визуального повествования, композиционные приёмы и диалогическое взаимодействие слова и изображения. Однако, в отличие от комикса как продукта массовой графической литературы, ориентированной на серийность, графический роман стремится к целостности и завершённости. Так, генезис графического романа можно охарактеризовать как диалектическое преодоление жанровых пределов: он берёт у комикса форму, у романа — цельность, у романа без слов — визуальную метафоричность, и в результате возникает жанр, способный сочетать литературную глубину с визуальной интенсивностью и обращающийся к читателю не как к массовому потребителю, но как к участнику смыслопорождения.

2. Анализ графических романов в свете бахтинской теории романа, показал, что ключевые признаки романной поэтики получают в них новое, визуально-вербальное отражение.

Во-первых, стилистическая трёхмерность как система межъязыкового взаимодействия

реализуется в графических романах не только через полифонию речевых средств, но через вербально-визуальный синтез. В «Контракте с Богом» У. Айснера «гибридная» полифония проявляется в сопоставлении графических стилей и благодаря архитектонике произведения; в «Маусе» А. Шпигельмана — через графическую трансформацию, имеющую аллегорическую нагрузку; в «Хранителях» А. Мура и Д. Гиббонса — через контрапункт вставных текстов.

Во-вторых, хронотоп незавершённого настоящего, противопоставленный абсолютному эпическому прошлому, в графических романах реализуется через преодоление циклического воспроизведения статус-кво в пользу линейного повествования. В «Контакте с Богом» хронотоп задаётся историческим временем Великой депрессии, не замыкаясь на прошлом и используя пространственные мотивы; В «Маусе» диалог между прошлым и настоящим вводится через диалог прецедентного и интерпретационного планов; в «Хранителях» апокалиптический сюжет совмещается с формальной открытостью и неопределённостью финала. Финал «Бэтмена...» носит скорее конвенциональный характер.

В-третьих, зона контакта как ценностное сближение автора, героя и читателя в «Контракте...» выстраивается через художественную интеграцию автобиографического материала; в «Маусе» диалог отца с сыном делает читателя свидетелем процесса переживания травмы; супергеройский дискурс, ввиду мифотворческой основы [\[36\]](#), в «Хранителях» зону контакта ослабляет, в «Бэтмене...» она присутствует лишь на уровне аффективного переживания.

3. Несмотря на то, что «Контракт с Богом» У. Айснера формально представлен как небольшой цикл рассказов, их внутреннее архитектурное единство, многоголосие при наличии эксплицитной фигуры нарратора, художественно осмысляющего воспоминания автора при сохранении полигlossии персонажей, обращение к историческому времени и дискурсивная открытость позволяют с уверенностью отнести это произведение к **жанру романа**. Такой подход коррелирует с традиционными представлениями о романе как синтетическом жанре, способном включать в себя различные жанровые формы [\[37\]](#), что обеспечивает более полное, стереоскопическое осмысление социальной и индивидуальности действительности.

Синтез жанровых установок и нарративных стратегий проявляется и в других графических романах, подтверждая, что жанровый плюрализм не является чертой отдельного текста, но выражает природу романа как открытой и пластичной формы. В «Маусе» А. Шпигельмана реализуется синтез автобиографического романа и семейной хроники; введение аллегорической бинарности работает на углубление моральной проблематики.

В контексте жанрового синтеза наиболее наглядным примером становятся «Хранители» А. Мура и Д. Гиббонса, поскольку в этом графическом романе интегрируют в повествование дневниковые записи, вставные истории, интервью и газетные статьи — во всём многообразии голосов ни один не становится доминирующим, а итоговое равновесие становится непрочным и проблемно-открытым.

Таким образом, жанровая синтетичность, присущая графическим романам, выступает не как формальный приём, но как реализация романной природы в гибридной знаковой системе. Именно способность интегрировать разнородные повествовательные стратегии — от императивной до окказиональной, от притчи до документального свидетельства — делает возможным художественное осмысление сложной, противоречивой

действительности. В этом проявляется сущность романа как жанра, лишённого канонической нормы, открытого к диалогу с другими формами и способного обновляться, используя разные медиа. Графический роман, опираясь на визуально-вербальный синтез, не имитирует романную форму, но подтверждает её гибкость, демонстрируя, что жанр романа является не жёсткой структурой, но динамическим принципом организации текста, основанным на полифонии, открытости и жанровой подвижности.

На основе проведённого анализа жанровой природы графических романов, открываются несколько направлений для дальнейшего научного осмысления графической литературы: дальнейшая разработка её жанровой типологии; теоретическое осмысление визуальной полифонии; сравнительно-сопоставительный анализ графических романов в разных культурах, а также исследование отечественной традиции графических романов, где данная графико-литературная форма пока остаётся маргинальной.

Библиография

1. Айснер У. Комикс и последовательное искусство / Айснер Уилл; пер. с англ. М. Заславского. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 192 с.
2. Sabin R. Comics, comix and graphic novels: the history of comic art. London: Phaidon Press Limited, 1996. 240 p.
3. Hatfield Ch. Alternative Comics: An Emerging Literature. University Press of Mississippi, 2005. 182 p.
4. МакКлауд С. Понимание комикса. М.: Белое яблоко, 2012. 216 с.
5. Chute H. Why Comics? From Underground to Everywhere. Harper, 2017. 449 p.
6. Поташова А. В., Ошуков М. Ю. Комикс: динамика взаимодействия вербального и визуального в становлении медиума // Филологические исследования. 2021. № 13. DOI: 10.15393/j100.art.2021.3822. URL: <http://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3822>.
7. Меркулова М. Г., Прудис И. Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Vol. 16, № 10. С. 3379–3385. DOI: 10.30853/phil20230522. EDN: RRBYYT.
8. Маркелова А. А. Графический роман как феномен современной словесности. Автореф. маг. раб. СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2022. 10 с.
9. Барзах А. Е. О поэтике комикса // Русский комикс: сб. ст. М.: НЛО, 2010. С. 9-52.
10. Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Графические адаптации произведений русской литературы // Филологический класс. 2024. Т. 29, № 3. С. 162-173. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-162-173. EDN: NIGWBL.
11. Шубитидзе В. З., Алимуратов О. А. Графический роман: вехи эволюции жанра в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Черты креолизации в текстовом пространстве графического романа как переводчески значимая особенность // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 09 (65). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/graficheskij-roman-vekhi-evolyutsii-zhanra-v-angloyazychnoj-i-russkoyazychnoj-lingvokulturakh-cherty-kreolizatsii-v-tektovom-prostranstve-graficheskogo-romana-kak-perevodcheski-znachimaya-osobennost.html>.
12. Павловский А. Нужна ли комиксу теория литературы (рец. на кн.: Geszy A., McBurnie J., Litcomix: Literary Theory and the Graphic Novel, 2023) // НЛО. 2023. С. 336-345.
13. Kyle R. (1964, November). The Future. Wonderworld (1st series), Capa-Alpha, issue 2. pp. 3-4.
14. Pearson R. E., Uricchio W. The Many Lives of the Batman: Critical Approaches to a Superhero and his Media / ed. Roberta E. Pearson & William Uricchio. New York; London: Routledge/BFI Publishing, 1991. 213 p.
15. Юдин Л. А. Драматургический потенциал графического романа: поэтика синкретизма

// Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1. С. 186-190.

16. Бахтин М. М. К вопросам теории романа // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 557-607.

17. Тмарченко Н. Д. Русский классический роман XIX в.: проблемы поэтики и типологии жанра. М.: Издательство РГГУ, 1997. 203 с. EDN: SRGZZN.

18. Кожин В. В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Советский писатель, 1963. 440 с.

19. Бахтин М. М. Роман, как литературный жанр // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 608-654.

20. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр "Академия", 2004. 512 с.

21. Бахтин М. М. Слово в романе (к вопросам стилистики романа) // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 554-607.

22. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2 (52).

23. Айснер У. Контракт с Богом и другие истории доходного дома. М.: МИФ, 2018. 216 с.

24. Verona D. A. Wordless Novels in Woodcuts. Print Quarterly. 2003. Vol. 20, № 1. 13 p.

25. Дедюхина П. В. Междисциплинарный подход в исследовании романа без слов первой половины XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 715-724. DOI: 10.18688/aa2212-08-57. EDN: HHXEEI.

26. Фетисова Т. А. Комикс – порождение американской массовой культуры. Аналитический обзор // Вестник культурологии. 2019. № 3 (90). С. 174-192. DOI: 10.31249/hoc/2019.03.07. EDN: XFDMKG.

27. Wright B. W. Comic Book Nation: The Transformation of Youth Culture in America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 360 p.

28. Coogan P. Superhero: The Secret Origin of a Genre. Austin: MonkeyBrain Books, 2006. 290 p.

29. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

30. Сычев И. Ю. Герой комикса и герой комикс-культуры // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 99-103. EDN: OWIRWB.

31. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004. 656 с.

32. Шпигельман А. Маус. М.: АСТ, 2023. 296 с.

33. Мур А., Гиббонс Д. Хранители [графический роман] / Алан Мур, Дэйв Гиббонс; пер. с англ. М. Юнгер; под ред. С. Бережного. СПб.: Амфора, 2009. 415 с.

34. Auh R. The Polyphonic Poetics of Watchmen by Alan Moore and Dave Gibbons and Its Ontological Implications. North Carolina: Duke University, 2017. 10 p.

35. Миллер Ф. Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря. М.: Азбука, 2022. 264 с.

36. Тмарченко Н. Д. Теория литературных жанров. Изд. 2-е. М.: Академия, 2012. 256 с.

37. Teampău G. Comics Book as Modern Mythology // Media Mythologies. Revisiting Myths in Contemporary Media / coord. Andrada Fătu-Tutoveanu & Corin Braga. Cluj-Napoca: Orma Sodalitas Anthropologica, 2015. Vol. 28. 14 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статья является графический роман. Автор в начале статьи отмечает, что «графический роман как объект исследования уже несколько десятилетий находится в поле зрения зарубежной науки, где его изучение носит системный и многоуровневый характер. В англоязычном академическом дискурсе сложился достаточно обширный корпус работ, охватывающих историческую поэтику графического романа, его семиотический и социокультурный аспекты данной литературной формы». При этом вопрос, так или иначе, остается открытым, да и выбор методов исследования позволяет определиться с новым вариантом оценки графического романа. Контекстуальное пространство работы достаточно, «материал статьи ограничен отбором четырёх графических романов — «Контракт с Богом» У. Айснера, «Маус» А. Шпигельмана, «Хранители» А. Мура и Ф. Гиббонса, а также «Бэтмен: Возвращение Тёмного рыцаря» Ф. Миллера как первых наиболее значимых произведений в контексте становления графического романа как самостоятельного жанра». Однако, в статье «особый акцент сделан на графическом романе, «Контракте с Богом», как наиболее знаковом художественном высказывании в контексте проблемы жанровой самоидентификации...». На мой взгляд, работа задает эффект диалога с оппонентами, оппозиция представлена объективно, собственно, это и определяет интерес к обозначенной проблеме. Методологический базис сочинения удачен, он сочетается с рядом современных / актуальных наработок. Думаю, что материал может стать неким импульсом для написания новых работ касающихся графического романа как особой формы. Термины / понятия, которые используются в работе при анализе жанра, вводятся правильно, автор учитывает коннотативный ценз категорий (нарратив, поэтология, жанр, автор и т.д.). Приятно видеть в работе особый (оправданный) «пиетет» к трудам М.М. Бахтина, Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпы, ссылки на авторитетные исследования природы жанра, несомненно, должны быть в научном изыскании. В целом работа продумана, она интересна, самостоятельна; отмечу ее дуалистический характер – это и теория, и практика анализа. Стил соотносится с научным типом (академический подвид): например, «стилистическая трёхмерность романа возникает из взаимодействия изображённой и изображающей речи, объединённых вокруг единого смыслового центра, который, по Н.Д. Тмарченко, выступает организующим началом, находящимся за пределами многообразия речевых форм [20]. Этот центр действует как структурирующая инстанция, координирующая полифоническое многообразие текста», или «Эпос обращён к «абсолютному прошлому», а потому замкнут его в хронотопических и ценностных границах мира национальных преданий. Автономность эпического художественного пространства подразумевает отсутствие в нём какой-либо проблематичности или незавершённости, поскольку действие эпоса вакуумно замыкается в самом себе как отрезок бесконечно далёкий и не требующий полемики относительно его расширения. Роман же, напротив, ориентирован на репрезентацию действительности в её становлении, он линейно вытянут и делает дистанцию между читателем, автором и героем осязаемой, создавая пространство для диалога» и т.д. Наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы, достижения поставленной цели. Серьезных / открытых противоречий в работе не выявлено, правка как таковая излишня. Доступен для неподготовленного читателя и вариант перевода иноязычных текстов: например, «So, in future issues of Wonderworld, when you find me using the terms “graphic story” and “graphic novel” to describe the artistically serious “comic book strip”, you’ll know what I mean» [13]. [«Итак, когда вы увидите, что я употребляю термины “графический рассказ»

и "графический роман" для того, чтобы описать художественно ценные комиксные зарисовки в следующих выпусках *Wonderworld*, вы будете знать, что я имею в виду» — пер. А. А.]» ит.д. Привлекает в статье фактическая точность, это также одна из примет научного стиля: «одной из форм, хронологически и генетически предшествующих графическому роману, является «роман без слов», имеющий разные наименования: «romans In beelden», «novel in a woodcuts», «wordless novel» [24]. Роман без слов, возникший в первой трети XX века, представляет собой, говоря языком Айснера, форму последовательного визуального повествования (sequential art), принципиально лишённого вербального компонента. Этот жанр, представленный, в частности, такими произведениями, как «25 Images of Man's Passion» (1918) и «The Sun» (1919) Франса Мазереля, а также «Gods' Map» Линда Уорда (1929), обращается к технике ксилографии, что придаёт ему эстетическую строгость». Ссылки и цитации даются в правильном, выверенном режиме; нет в работе грубых нарушений общих требований издания. Суждения по ходу научной наррации правомерны, точны, объективны. Статье присуща выверенная логика, которая строится на умелом обобщении имеющихся данных. Дробность текста на смысловые блоки оправдана: «Комикс», «Графический роман как жанр...», «Стилистическая трехмерность», «Хронотоп незавершенного настоящего» и т.д. Анализ «графических романов» дается скрупулезно, точно, вариативно: например, «Бэтмен...» также обращается к образу надвигающейся катастрофы в условиях вечного кризиса, а потому настоящее время в романе разворачивается не столько как пространство свободных возможностей, сколько как этап подготовки к неизбежной развязке. Хронотоп «Бэтмена...» линейен: герой постепенно стареет, — однако каждое событие подчинено логике предопределённого квазитрагического финала и дальнейшего «перерождения» и т.д. Выводы по тексту есть закономерный итог исследования: автор тезисует, что «жанровая синтетичность, присущая графическим романам, выступает не как формальный приём, но как реализация романной природы в гибридной знаковой системе. Именно способность интегрировать разнородные повествовательные стратегии — от императивной до окказиональной, от притчи до документального свидетельства — делает возможным художественное осмысление сложной, противоречивой действительности. В этом проявляется сущность романа как жанра, лишённого канонической нормы, открытого к диалогу с другими формами и способного обновляться, используя разные медиа». Работа может активно использоваться при изучении ряда гуманитарных дисциплин, материал можно использовать как «инструментарий» при написании новых работ смежной тематической направленности. Список библиографических источников объёмен, формальная правка не нужна. Рекомендую статью «К вопросу о жанровой специфике графического романа» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муралова Е.О. Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75667 EDN: RZKCVE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75667

Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов»

Муралова Екатерина Олеговна

ORCID: 0000-0002-0659-9814

аспирант, Институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11

✉ murket96@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75667

EDN:

RZKCVE

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2025

Дата публикации:

01-09-2025

Аннотация: Предмет исследования – исторический роман вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя (1933–2021) «Матушка – хозяйка гор и лесов» 2005 г., который описывает социокультурный контекст вьетнамской деревни конца XIX – начала XX века. Одна из ключевых проблем произведения – взаимодействие Франции и Вьетнама в период французского колониального завоевания. «Матушка – хозяйка гор и лесов» занимает значимое место в современной вьетнамской литературе как роман, осмысляющий историческую травму и культурную преемственность сквозь призму фольклорных архетипов, мифологического сознания и народных верований. Произведение отражает кризис традиционных религиозных и философских учений – буддизма и конфуцианства – на фоне колониальной экспансии. Важной темой романа является восприятие

колониального Вьетнама глазами европейцев. Методологическая основа исследования – сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, позволяющие выявить особенности изображения колониального Вьетнама глазами европейцев. Выявлены два типа персонажей-европейцев. Первый тип характеризуется европоцентричным, колониальным мышлением, стремлением «цивилизовать» местное население. Второй тип демонстрирует уважение к вьетнамской культуре, стремится к диалогу. Их противопоставление, система оценочных суждений, авторские ремарки и сюжетные решения позволили реконструировать авторскую позицию о взаимоотношениях Вьетнама с бывшей метрополией и понимание колониального прошлого страны с позиций современной вьетнамской идентичности. Новизна работы заключается в постколониальном прочтении романа, выходящем за рамки бинарной модели «метрополия – колония». Само произведение не переведено на другие языки и в отечественном литературоведении вводится в научный оборот впервые. Полученные выводы могут быть полезны в области сравнительного литературоведения и изучения постколониальных процессов в литературе Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова:

Нгуен Суан Кхань, современная вьетнамская литература, исторический роман, Восток и Запад, вьетнамская идентичность, французское колониальное завоевание, ориентализм, постколониальный дискурс, другой, Вьетнам и Франция

Введение

Нгуен Суан Кхань (Nguyễn Xuân Khánh) – современный вьетнамский писатель, получивший ряд престижных наград и широкое признание за три исторических романа [1]. Тем не менее, в англоязычном и отечественном литературоведении его творчество практически не изучено. Так, применительно к российской науке следует упомянуть статью Филимоновой Т. Н., посвященную главному герою первого из исторических романов писателя, – «Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» [2][3]. В англоязычном литературоведении работы, как правило, принадлежат вьетнамским исследователям. Например, Фунг Фыонг Нга и Доан Дык Хай исследуют синкретизм культурных и религиозных элементов в другом его романе и влияние верований на развитие вьетнамской литературы в целом [4].

«Матушка – хозяйка гор и лесов» (Mẫu Thượng Ngàn; 2005) [5] – второй исторический роман писателя. В центре повествования – жизнь северовьетнамской деревни в период, когда Вьетнам был французской колонией (вторая половина XIX в. – 1945 г.). Большинство имеющихся исследований посвящены религиозно-культурной составляющей произведения. Помимо упомянутой выше работы Фунг Фыонг Нга и Доан Дык Хая можно, например, отметить статью Нгуен Ван Хунга [6], посвященную анализу элементов вьетнамской духовной культуры в романе, а также исследования Фам Ван Зы [7], в которой рассматриваются архетипические образы и символы произведения, Чыонг Тхи Хоа [8], посвященную вьетнамской духовной культуре в романе, Нгуен Тхи Хюэ, где «Матушка – хозяйка гор и лесов» рассматривается вместе с другим историческим романом Нгуен Суан Кханя с точки зрения культурологии [9]. Все эти работы сосредоточены преимущественно на культурных аспектах произведения – религии, мифологии, традициях, образах женского божества. В то же время один из важных и

недооцененных сюжетов романа «Матушка – хозяйка гор и лесов» о взаимном влиянии и взаимодействии французской и вьетнамской цивилизаций в условиях колониальной зависимости, насколько известно, остается неизученным даже в рамках собственно вьетнамского литературоведения.

На современном этапе исследования вьетнамской исторической прозы интерес к вопросам культурного взаимодействия и постколониальной идентичности возрастает. Например, Фан Мань Хунг показывает, как южновьетнамские писатели начала XX века использовали историческую прозу как способ переосмысления национального самосознания [\[10\]](#). В другом исследовании, посвященном понятию «цивилизация», рассматривается, как вьетнамские интеллектуалы начала XX в. интегрировали колониальные и азиатские цивилизационные модели, стремясь к культурному синтезу [\[11\]](#). Постколониальный подход активно применяется и в экологической критике. Так, одним из ключевых аспектов исследования в монографии «Окружающая среда и нарратив Вьетнама» Тьи Фам и Урсулы Хейзе является связь природных образов и исторического нарратива, в том числе то, как природа наделяется символической нагрузкой и функционирует как пространство колониального конфликта [\[12\]](#).

Культурная и образовательная трансформация в колониальный период, которая изображена и в романе Нгуен Суан Кханя, также становится объектом внимания исследователей. Так, в статье «Франко-вьетнамская культура образования в Кохинхине (1862–1945)» анализируется, как французская система обучения повлияла на формирование новой вьетнамской образовательной системы и на становление национальной культуры [\[13\]](#).

Таким образом, несмотря на то, что вопрос влияния контактов между Вьетнамом и Францией на Вьетнам в романе Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» оставлен практически без внимания литературоведов, эта тема составляет важный аспект проблематики произведения и соотносится с рядом современных исследовательских направлений, среди которых можно отметить вопросы культурной гибридности, постколониальной идентичности, социо-культурной трансформации в условиях колониализма. Настоящая статья восполняет существующий пробел и вносит вклад в развитие дискуссии о постколониальном сознании во вьетнамской литературе.

Для более глубокого погружения в контекст проблемы взаимодействия двух цивилизаций в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кхань выстраивает систему персонажей, в которую входят как местное население, так и представители французской метрополии. Их образы раскрываются как через комментарии повествователя, так и через действия и речь самих героев и их взаимовосприятие. Последнее особенно интересно с точки зрения анализа в свете постколониальной теории, которая позволяет рассматривать художественный текст как пространство противостояния и диалога между двумя цивилизациями.

Оценка французскими колонизаторами Вьетнама и его жителей помогает понять специфику отношения Нгуен Суан Кханя, заставшего колониальный Вьетнам, к произошедшим событиям и иностранным завоевателям. Писатель не только фиксирует травмирующий опыт в романе, но и передает гордость за национальные традиции.

Необходимость творческого осмысления культурных контактов, по всей видимости, вызвана следующим. К моменту работы над романом Вьетнам уже больше десяти лет был открыт влиянию со стороны западных (капиталистических) стран в результате принятия политики обновления в конце 1986 г. Соответственно обращение к колониальной

истории приобрело особую актуальность – как попытка отрефлексировать и проанализировать прошлое, чтобы лучше понимать динамику новых форм культурного обмена и сопротивления.

Методологической основой исследования послужили сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, которые позволили интерпретировать роман в рамках постколониального дискурса. В частности, используется концепт ориентализма, разработанный Э. Саидом [\[14\]\[15\]](#), согласно которому колониальные державы формировали представления о Востоке как о принципиально ином, иерархически низшем и нуждающемся в «просвещении». Такой подход позволяет выявить в произведении устойчивые бинарные оппозиции – «цивилизованное / отсталое», «рациональное / инстинктивное», «метрополия / колония», – а также проследить, каким образом вьетнамская культура репрезентируется глазами европейцев. Обращение к постколониальной критике позволяет интерпретировать процессы взаимного влияния, культурной ассимиляции и механизмы символического господства.

Типология европейских персонажей в романе

В романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» присутствует несколько персонажей-европейцев: как реальных исторических лиц, так и вымышленных. При этом последние играют более важную роль в сюжете. В основном оценочные суждения о метрополии и колонии помещены в беседы братьев Мессме – хозяев деревни, где происходят основные события в произведении; отца Коломбера, проповедовавшего много лет во Вьетнаме, и этнографа Рене.

Нгуен Суан Кхань стремится к объективности при описании иностранцев. В романе представлены как колонизаторы с «типичным» европоцентричным представлением о мире, так и персонажи, проявлявшие интерес к местной культуре и традициям и стремившиеся к установлению межкультурного диалога. В первую группу входят старший и младший братья Мессме – Филипп и Жюльен соответственно; во вторую – средний брат Пьер, отец Коломбер и этнограф Рене. Эти две группы представляют противоположные подходы к восприятию культурной инаковости. Все вышеперечисленные персонажи видят вьетнамцев как «других». Разница в том, что Филипп и Жюльен воспринимают различия негативно, стремятся их преодолеть путем «офранцузивания» местного населения. В то время как персонажи второй группы проявляют искренний интерес к вьетнамской культуре и традициям, рассматривая их как источник познания и вдохновения, что в свою очередь помогает им глубже осмыслить собственную идентичность и через это имеют возможность лучше понять себя.

Филипп и Жюльен Мессме неоднократно говорят о «бремени белого человека», о необходимости «нести свет» покоренным народам. Они стремятся «поднять» коренное население до уровня культурного развития Франции, отказывая вьетнамцам в богатстве и самобытности их традиций. Например, Жюльен рассуждал так: «... мы приехали в Индокитай, чтобы цивилизовать местное население, и доказать, что наша культура превосходит остальные. Мы хотим превратить эту страну в маленькую Францию, а здешних жителей – в подданных, тень народа метрополии... Не верю, что пугливые и рабоподобные люди в этой темной стране могут что-то сделать» [Здесь и далее перевод с вьетнамского языка выполнен автором статьи] [\[5, с. 483-484\]](#). Аналогичным образом Филипп желал «стать завоевателем, уехать покорять варварские народы, цивилизовать людей, живущих во тьме, нести крест на своих плечах, Божий свет язычникам» [\[5, с. 76\]](#). Он говорил: «Мы, французы – люди, обладающие способностью действовать,

способностью мыслить и, прежде всего, очень сильной волей... Благодаря воле мы завоевали эту землю за тысячи миль от нашей Родины. Благодаря воле наша страна совершила много чудес. У нашего народа есть поговорка «Захотеть – значит получить» (Vouloir c'est pouvoir)» [5, с. 169]. Хотя в последней цитате французы характеризуют сами себя, на уровне подтекста наблюдается противопоставление характеров двух наций. Если французы наделяются такими качествами, как активность, рациональность и волевая целеустремлённость, то, по логике Филиппа, вьетнамцы, раз они проиграли, оказываются их антиподами: бездеятельными и безвольными. Их мыслительные процессы будто бы не сопоставимы с таковыми у французов.

Таким образом, эти рассуждения не столько отображают реальный портрет вьетнамского жителя, сколько говорят о стереотипических представлениях типичных французских колонизаторов, по крайней мере, какими их видит Нгуен Суан Кхань. Самоуверенные, решительные, жестокие (оба брата участвовали в боевых действиях против местного населения), поспешно делающие выводы, пребывающие в иллюзии о собственном превосходстве. Писатель деконструирует фигуру европейца, как «героя-просветителя».

Совсем по-другому о колонии отзываются персонажи-европейцы из второй группы. Так, например, отец Коломбер «любил самых нежных, трудолюбивых, умных и терпеливых людей на этой земле» [5, с.307]. Он же говорил о том, что «зачастую мы слишком суровы и усугубляем разницу между цветами кожи...я живу с местными и никакого разделения не вижу» [5, с. 482]. Пьер спрашивал Жюльена: «Почему ты не хочешь мирно жить здесь с добрыми людьми?» [5, с. 405]. Рене, говоря о причине своего путешествия в Индокитай, отвечал, что поехал «за непознанным, за добрым и прекрасным». «Я остался здесь, потому что ... околдован чарующей красотой тропиков. И я хочу почтить эту восточную красоту» [5, с. 403]. Он общался «с местными интеллектуалами, знатоками Китая и Запада. Они также много думают о своей стране». Контраст этих высказываний и рассуждений Филиппа и Жюльена призван дополнительно продемонстрировать высокомерие последних. Разница в подходах также подталкивает читателя поверить характеристикам, данным вьетнамцам голосами Рене, Пьера и отца Коломбера.

Стоит уточнить, что все трое смутно ощущали вину перед местными жителями. Так писатель намекает, что одна из причин, по которой отец Коломбер решил остаться в колонии, как раз заключена в признании злодеяний Франции, совершенных во Вьетнаме. «Казалось, что в душе он чувствовал себя обязанным им. ... почему они страдают от такого количества бедствий. Действительно ли он принес им свет? Или это просто слабый луч света, в то время как тьмы, густой тьмы, было принесено куда больше...» [5, с. 307]. Рене сформулировал это так: «Когда мы стремимся цивилизовать их, мы хотим, чтобы они стали нами. Но мы едим их еду, пьем их воду и спим с их женщинами. Мы господствуем над ними. Мы заставляем их плакать, а сами смеемся.. Однажды душа земли отомстит». [5, с. 183-184]. Или: «Мы пришли ассимилировать эту страну, но и я сам был ассимилирован этим краем» [5, с. 482].

Вышеуказанные размышления дают настоящую оценку деятельности Франции в колонии, отражают критическое осмысление французского колониального присутствия во Вьетнаме. В репликах Рене содержится имплицитованная полемика с позицией Филиппа и Жюльена: в отличие от них, этнограф рассматривает процесс культурной ассимиляции, как взаимный. С его точки зрения, ассимиляция — это не одностороннее подчинение, а двусторонний обмен, в котором и француз подвержен влиянию местной среды. Тем самым Рене опровергает тезис о безволии и пассивности вьетнамцев, распространённый

в колониальном дискурсе. «Темные и раболепные» люди не смогли бы успешно противостоять такому сильному давлению и культурному влиянию. Эта мысль прямо выражена в очередной беседе с Жюльеном: «Возможно, Вы излишне самоуверенны, как и многие французы, придерживающиеся подобных взглядов. Должны ли мы быть такими самодовольными? Правда, что люди Востока сейчас кажутся нам слабыми, но всегда ли так будет?» [\[5, с. 480\]](#).

Кроме ранее упомянутых персонажей в романе присутствуют и другие европейцы, высказывающие суждения о вьетнамцах. Они часто воспроизводят критику, выраженную вымышленными персонажами (прежде всего Филиппом и Жюльеном), хотя в отдельных случаях встречаются и положительные оценки. Кроме того, через их реплики писатель подчеркивает, что культурный потенциал и силы вьетнамского народа в основном сосредоточены на севере страны, традиционно рассматриваемом как исторический центр Вьетнама.

Так реальный исторический деятель, участвовавший в захвате Ханойской цитадели в 1883 г., Анри Ривьер (1827-1883), обратил внимание на следующее. Во время переговоров с губернатором Ханоя (город находится на севере Вьетнама) французский офицер увидел «двух больших, физически развитых аннамитских [то есть вьетнамских] воинов». Они были выше не только среднестатистического вьетнамца, но и «выигрывали по сравнению с французскими бойцами». «Они стояли, скрестив руки на груди, и пристально смотрели на гостей. Было такое ощущение, что они могли бы без затруднений сломать шею противнику. Теперь Ривьер получил подтверждение плохому предчувствию. Он понял, что два слона под манговым деревом снаружи и эти два гигантских стражника четко выражали скрытый смысл» [\[5, с.84\]](#).

Одно из символических значений слона – императорская власть и могущество. Так в другом романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» (Hỗ Quý Ly, 2001)[\[3\]](#) слоны часто фигурируют, как орудие защиты государственности: верхом на них генералы вели в бой войско против иностранных захватчиков, выходили на прогулку императоры, высокопоставленные чиновники казнили мятежников. В подтверждение этой мысли можно привести цитату из письма Анри Ривьера Филиппу: «слоны [в саду дворца] будто намеревались растоптать или прогнать двух моих стражников своими хоботами» [\[5, с. 89\]](#).

Офицеру Ривьеру вторит другой исторический персонаж, эпизодически появляющийся в повествовании – епископ Поль-Франсуа Пужинье (1835-1892). «Тонкин [то есть север Вьетнама] является источником аннамитского народа и культуры этой страны. Здесь не то, что в Кохинхине [юг Вьетнама, ставший к данному моменту французской колонией]. Люди в этих краях все еще очень почитают своего императора и чиновничество...» [\[5, с. 79\]](#). Хотя нельзя с полной уверенностью утверждать, что данные слова принадлежат самому епископу, их включение в роман, по-видимому, отражает авторскую позицию. Сквозь реплику иностранного персонажа проступает гордость писателя за Вьетнам, конкретнее за Тонкин. Во-первых, именно северные регионы дольше сопротивлялись французскому наступлению, и даже после установления протектората оставались центром антиколониального сопротивления, в отличие от юга. Во-вторых, сам Нгуен Суан Кхань родился под Ханоем и большую часть жизни прожил в столице или в ее окрестностях, что позволяет говорить о его особом отношении к этим местам. Вероятно, сохранить иллюзию объективности, писатель поместил похвалу в адрес Тонкина в речь не местных жителей, а иностранцев, более того, реальных исторических деятелей.

Среди вымышленных персонажей-европейцев можно также отметить мать братьев

Мессме. Она возражала против того, чтобы Филипп оставался во Вьетнаме и, находясь при смерти, взяла с Пьера клятву не ехать в Индокитай. «Не уподобляйтесь Филиппу, покинувшему Францию и отправившемуся в эту странную страну, полную солнца, дождя и диких животных. Неужели вы сошли с ума? Не знаю, какой волшебной силой обладает Индокитай, этот азиатский край. Какое небо может быть прекраснее нашего французского неба... Поклянись, что никогда не покинешь Францию, чтобы отправиться в ту странную страну, где женщины красят зубы в черный цвет... в ту странную страну, где бушует малярия и отрубленные человеческие головы посажены на бамбуковые колья». [\[5, с. 171\]](#).

Мать Мессме являет собой типичного, в понимании Нгуен Суан Кханя, консервативно настроенного обывателя, который ни разу не был в колонии, а возможно и за пределами своего города. Для мадам Мессме Вьетнам остаётся далёкой и чуждой территорией, априори воспринимаемой как отсталая и враждебная. В её представлении эта страна ассоциируется исключительно с экзотическими и пугающими элементами: почернённые зубы, малярия, жестокие казни. Даже такие нейтральные природные явления, как солнце и дожди, в её речи приобретают негативную окраску. Мадам Мессме лишена представления о культурной или социальной сложности жизни в колонии и потому отождествляет её с набором варварских и отталкивающих черт, демонстрируя ограниченность взглядов метрополии на колонизируемое пространство.

Облик Вьетнама в интерпретации Нгуен Суан Кханя

Если образ Вьетнама в восприятии среднего француза сводится к ряду негативных стереотипов, то возникает вопрос: чем же тогда Индокитай продолжает привлекать европейцев? Реальная, объективная причина – стремление к карьерному росту или материальной выгоде – в романе получается не главной. Напротив, экономическая целесообразность отступает на второй план, уступая место идеологическим установкам. Например, Анри Ривьер наставлял Филиппа: «Ты должен помнить, что французы приезжают в Аннам не только для того, чтобы получить кусок земли, и обработать его. Французы в основном приезжают сюда, чтобы управлять, чтобы просветить темную страну. Твоя задача – просвещать местных». [\[5, с. 75\]](#). Однако помимо риторики «цивилизаторской миссии» существует и другой – более интуитивный, чувственный – уровень влечения.

Первое, что, по мнению Нгуен Суан Кханя, обладает притягательной силой для европейцев – необычайно красивые пейзажи. Так Филипп, уговаривая Пьера приехать, подчеркивает: «Зеленые деревья, фрукты круглый год... везде яркие цветы. Лес – странный, густой, ширящийся вверх и вдаль... Все полно жизни. Природа здесь принимает бесчисленные формы... Тропическая природа может научить тебя разным необычным вещам, о которых в холодных краях никто не знает» [\[5, с. 172-173\]](#).

По роману получается, что флора и фауна страны являются отражением состояния ее населения, его подлинного характера. Так многие вьетнамские персонажи часто говорят о том, что душа земли – это души рек, гор, деревьев, живущих людей и умерших вместе взятые. Рене в разговоре о религии отмечает, что вьетнамцы – пантеисты. Они ближе к природе, «естественнее», чем французы [\[5, с. 183-184\]](#). Следовательно, природное многообразие Вьетнама отображает богатство внутреннего мира, традиций местного населения. Европейцы со своей как бы скудной окружающей средой и холодным климатом оказываются духовно ограничены. Поэтому они стремятся во Вьетнам, чтобы восполнить эту нехватку.

В другом месте писатель как бы цитирует французскую газету тех времен. «Индокитай – это легенда с загадочными первобытными лесами, обширными рисовыми заливными полями, лодками под парусами в виде крыльев летучей мыши, с восхитительно красивым заливом Халонг. Это особая земля в мечтах французов об Азии. Индокитай был оккупирован Францией довольно поздно. Он отличается от арабских земель, от Китая, Японии. Это жемчужина метрополии» [5, с. 175]. Строго говоря, колониальные владения Франции в Индокитае объединяли не только Вьетнам, но и Камбоджу, Лаос. Однако описание скорее посвящено Вьетнаму, причем северному (заливное рисоводство больше распространено именно в этой части страны; Халонг находится примерно в 160 км к западу от Ханоя). В этом вновь наблюдается гордость писателя за родные места.

Вторым аспектом, оказывающим притягательное воздействие на европейцев, согласно авторской логике романа, выступают вьетнамские женщины. Даже Жюльен — персонаж, наиболее враждебно настроенный по отношению к коренному населению, — оказывается не в силах скрыть восхищения. «Маленькое идеальное тело, гладкая упругая кожа. Мягкая, гибкая походка леопарда. Глаза слегка раскосые, немного дикие. Эти глаза и внешний вид гармоничны и сообщают о сильной жизненной силе... И я вдруг почувствовал восхищение ими, местными женщинами. Откуда взялось это прекрасное маленькое существо, полное энергии? Я не наблюдаю этого в наших женщинах» [5, с. 675]. Или: «Филипп был удивлен, когда увидел эту женщину... Глаза большие и раскосые. Тонкие губы без помады, но все равно красные... Фигура, которую любят все на Востоке и на Западе» [5, с. 104].

Увлеченность французов местными девушками даже нашла свое подтверждение в языке представителей метрополии. По роману европейских мужчин, которые предпочитали вьетнамок, называли «en congaié» (от вьетн. *con gái* – девушка, девочка) [5, с. 481]. Стоит отметить, что слово “*con gái*” действительно перешло во французский язык колонизаторов, живших в Индокитае — *congai*. Оно обозначало молодую «аннамитскую» девушку или по контексту спутницу европейца из местных народов индокитайской колонии (Dictionnaire Vivant de la Langue Française. URL: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/conga%C3%AF> accessed 05.05.2025).

Репрезентация Вьетнама в рамках колониального дискурса

При этом писатель постоянно подчеркивает, что европейцы недооценивают местное население, и не так важно к какому лагерю они относятся. Так, например, Филипп был поражен некоторыми вьетнамскими женщинами. «Наверное, она из благородной семьи... Восточное благородство, с таким он столкнулся впервые» [5, с. 104]. Даже Пьер, восхищавшийся страной, невольно примитивизировал местные поверья и мировоззрение. «Кули подумали, что это привидение шло по лесу... Французы снисходительно улыбнулись наивным мыслям этих несчастных людей... Они были настолько погружены во тьму, что куда бы ни посмотрели, везде видели силуэты божеств и демонов. Все необычное для них было знаком присутствия сверхъестественной силы. Пьеру стало еще больше жаль их...» [5, с. 190]. Или: «Он не ожидал, что в этом уединенном месте встретит молодого коренного жителя с такими глубокими мыслями» [5, с. 458].

Представления о местных, основанные на идеологических клише, сравнения, принижающие вьетнамцев, опровергаются действительностью в романе. Так, например, Филипп говорил, что «люди здесь неплохие. Но мы все равно хозяева. А между

хозяином и слугой всегда существует дистанция». Однако в итоге он женился на вьетнамке. Они с Жюльеном считали местные анимистические верования «недостойной ересью», а шамана, жившего в деревне под их управлением, воспринимали как «оборванца, сумасшедшего старика, аннамитского волшебника» [5, с. 199]. Эксцентричность и непохожесть последнего подчеркивается контрастом с находящимся рядом Пьером – «достойным европейским господином». В то же время именно шаман (а не европейский врач), оказался единственным, кто смог вылечить среднего Мессме от ран и лихорадки [5, с. 202].

Уверенность французов в собственном цивилизационном превосходстве также оказалась разбита. Так, например, Филипп заявил, что на его плантации «должен сиять дух свободы, справедливости и милосердия Французской революции. Здесь должна царить Божья любовь» [5, с. 319-320]. По всей видимости, по мнению Филиппа, во вверенных ему территориях этого духа и любви изначально не было. Однако позднее в деревне проводились казни участников антифранцузских восстаний, а старший и младший братья Мессме неоднократно срывали проведение народных праздников. То есть они действовали вразрез со своими убеждениями и декларациями о «свободе, справедливости и милосердии».

Чтобы подчеркнуть нелепость и ошибочность представлений Филиппа и Жюльена о коренном населении колонии, Нгуен Суан Кхань прибегнул к зеркальной композиции. Так в начале романа оба брата намекали на неспособность к мысли и воле у вьетнамского народа. Они говорили, что вьетнамцы, даже получив власть, «все равно не знали бы, что с ней делать» [5, с. 389, 671]. В итоге, когда Филипп стал владельцем плантации, он ввел новые порядки. Одежда всей прислуги должна была быть белая. Это придавало «месту больничную атмосферу, но Филиппу нравилась такая атмосфера... Больше всего он хотел, чтобы ему не приходилось говорить ни слова, и его желания немедленно выполнялись бы людьми в белом... он любил ходить взад и вперед, будто размышляя, но на самом деле его мысли ни на чем не задерживались». [5, с. 355]. То есть, получив контроль над небольшой территорией и, «стерилизовав» ее (все чисто, в белом, напоминает больницу) соответственно своим желаниям, Филипп больше не знает, чего хотеть, к чему стремиться, то есть, становится в определенном смысле безвольным. Можно было бы предположить, что он расчистил себе пространство, чтобы сосредоточиться на делах умственного труда. Но писатель тут же это опровергает.

Жюльен считал, что вьетнамский язык «примитивный, принадлежащий варварским джунглям». Он часто говорил о слишком большой разнице между народами через оппозиции сильный – слабый, цивилизованный – варварский, образованный – темный. По этой причине младший Мессме исключал возможность смешения между расами. Но и здесь в романе прослеживается насмешка над представлениями француза. В конце романа Жюльен возьмет себе в девушки метиску, встретив в ней «восточное очарование и западную легкость». От одной из героинь – вьетнамки – у него родится дочь (сам Жюльен, как и Филипп, к этому моменту умрет по невыясненным обстоятельствам).

Заключение

Таким образом, в романе присутствует большое число описаний и рассуждений на тему вьетнамских страны, народа, традиций от лица французов. С одной стороны, Нгуен Суан Кхань действительно раскрывает в таких размышлениях вьетнамский национальный характер, используя взгляд колонизаторов как зеркало. С другой, на том же материале он дает критическую оценку европейцам-колонизаторам, прибывшим во Вьетнам.

Персонажи-европейцы в романе условно поделены на положительных и отрицательных. Первые уважительно относятся к местным, а вторые принижают их, воспроизводя колониальные стереотипы. Отрицательные характеристики обычно подаются в формате клише и в конце романа часто подвергаются сомнению или полностью опровергаются. Писатель использует зеркальную композицию, чтобы подчеркнуть несостоятельность претензий некоторых персонажей-колонизаторов на исключительное цивилизационное превосходство. Наблюдается контраст между теми, кто, недооценивая местных жителей, пытается сделать из них французов, и теми, кто стремится наладить контакты с местными, не пытаясь подстроить их под себя. Все это подталкивает читателя критически отнестись к мнению европейских отрицательных персонажей-европейцев по отношению к вьетнамцам. В то же время точка зрения, поддержанная представителями обеих групп, подчеркивает объективность высказывания. Читатель понимает, чем гордился Нгуен Суан Кхань – вьетнамскими женщинами, природной красотой, культурным наследием. Соответственно, некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри.

Библиография

1. Lại Nguyên An. Mấy nét về đường văn Nguyễn Xuân Khánh. // Đoàn Ánh Dương biên soạn. Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. Hà Nội: nxb. Phụ nữ Việt Nam. 2021. Tr. 48-64. [Лай Нгуен Ан. Некоторые особенности творческого пути Нгуен Суан Кханя. // Доан Ань Зыонг (ред.). Нгуен Суан Кхань: одна улыбка, одно дело прозаика. Ханой: Фуны Вьетнам, 2021. С. 48-64]. (на вьет. яз.)
2. Филимонова Т. Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя "Хо Куи Ли". // Вьетнамские исследования. 2012. Вып. 2. М.: ИДВ РАН. С. 370-387. EDN: ТРОНУJ
3. Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2000. 834 tr. [Нгуен Суан Кхань. Хо Куи Ли. Ханой: Фуны, 2000. 834 с.]. (на вьет. яз.)
4. Phung Phuong Nga, Doan Duc Hai. Religion and culture mixture in "Mau Thuong Ngan" novel of Nguyen Xuan Khanh. // Tạp Chí Khoa học và Công nghệ Đại học Đà Nẵng [Журнал науки и технологий Данангского Университета], vol 6, № 79.2, 2014. P. 62-65. (на англ. яз.)
5. Nguyễn Xuân Khánh. Mẫu Thượng Ngàn. In lần thứ 8. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2018. 756 tr. [Нгуен Суан Кхань. Матушка – хозяйка гор и лесов. 8 переизд. Ханой: фуны, 2018. 756 с.]. (на вьет. яз.)
6. Nguyễn Văn Hùng. Giải mã cội nguồn bản sắc văn hóa Việt qua tín ngưỡng thờ Mẫu trong tiểu thuyết Mẫu Thượng Ngàn của Nguyễn Xuân Khánh. // Tạp Chí Khoa học Đại học Huế: khoa học xã hội và nhân văn [Нгуен Ван Хунг. Расшифровка происхождения вьетнамской культурной идентичности через поклонение Богине-Матери в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кханя. // Вестник Университета Хюэ: социальные и гуманитарные науки], vol. 82. № 4, 2013. P. 62-70. (на вьет. яз.)
7. Phạm Văn Dự. Tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" và "Đội gạo lên chùa" của Nguyễn Xuân Khánh từ góc nhìn lý thuyết cổ mẫu. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Фам Ван Зы. Романы «Матушка – хозяйка гор и лесов» и «История одного послушника» Нгуен Суан Кханя с точки зрения архетипов. Дисс. маг. Педагогический университет]. Thái Nguyên. 2018. (на вьет. яз.)
8. Trương Thị Hòa. Văn hóa tâm linh người Việt trong tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" của Nguyễn Xuân Khánh. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Чыонг Тхи Хоа. Духовная культура Вьетнама в романе Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов». Дисс.

маг. Педагогический университет]. Thái Nguyên, 2013. (на вьет. яз.)

9. Nguyễn Thị Huệ. Tiểu thuyết Nguyễn Xuân Khánh từ hướng tiếp cận văn hóa học (qua "Mẫu Thượng Ngàn" và "Đội gạo lên chùa"). Luận văn thạc sĩ. Đại học quốc gia Hà Nội.

[Нгуен Тхи Хюэ. Романы Нгуен Суан Кханя с культурологической точки зрения (на примере романов «Матушка – хозяйка гор и лесов» и «История одного послушника»). Дисс. маг. Ханойский государственный университет]. Hà Nội, 2013. (на вьет. яз.)

10. Phan Mạnh Hùng. History as a way of constructing the notion of nation: a case study of historical novels published in southern Vietnam in the early twentieth century. // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío, 2022. 34(2). P. 396-408.

11. Ran Tai. Pursuing Văn Minh: A Study of Civilizational Discourse in the Historical Narratives in Colonial Vietnam (1900–1915). // Vietnam over the long twentieth century. Springer, 2024. P. 13-36.

12. Heise, U. K., Pham, C. P. Environment and Narrative in Vietnam (Literatures, Cultures, and the Environment). Palgrave Macmillan, 2024. 367 p.

13. Нго Т. Х., Буй Х. Т. Франко-вьетнамская культура образования в Кохинхине (1862–1945). // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 2. С. 67-78. DOI: 10.54631/VS.2024.82-562779 EDN: CPHWQX

14. Said E. W. Culture and Imperialism. New York: Alfred A. Knopf, 1993. 380 p.

15. Said E. W. Orientalism. London: Penguin Books, 2003. 396 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является проблема взаимодействия французской и вьетнамской цивилизаций в литературоведении, рассматриваемая на материале исторического романа «Матушка – хозяйка гор и лесов» (Mẫu Thượng Ngàn; 2005) Нгуен Суан Кханя (Nguyễn Xuân Khánh). Актуальность настоящей работы обусловлена как необходимостью освещения проблемы взаимодействия цивилизаций («писатель не только фиксирует травмирующий опыт в романе, но и передает гордость за национальные традиции»), так и недостаточной изученностью творчества современного вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя, получившего ряд престижных наград и широкое признание за три исторических романа.

Теоретической основой исследования выступают труды, посвященные изучению религиозно-культурной составляющей романа, архетипических образов и символов произведения, концепции ориентализма, влиянию империализма на культуру. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям, однако насчитывает всего 9 источников, в том числе два литературных, что, по мнению рецензента, недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Обращаем внимание, что автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Также рекомендуем перевести на русский или английский языки источники на вьетнамском языке (см требование редакции: «список литературы (References) приводится на русском и английском языках»).

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачами: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, методы когнитивного и дискурсивного анализа

и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены типология европейских персонажей в романе; облик Вьетнама в интерпретации Нгуен Суан Кханя; особенности репрезентация Вьетнама в рамках колониального дискурса, сделаны выводы о том, что «писатель использует зеркальную композицию, чтобы подчеркнуть несостоятельность претензий некоторых персонажей-колонизаторов на исключительное цивилизационное превосходство», «он дает критическую оценку европейцам-колонизаторам, прибывшим во Вьетнам». Отмечается, что «некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри».

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие современного вьетнамского литературоведения, в изучение особенностей освещения проблемы взаимодействия цивилизаций в художественном тексте как «пространстве противостояния и диалога между двумя цивилизациями», могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах по современному вьетнамскому литературоведению и др.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы направлена на анализ / оценку колониального Вьетнама глазами европейцев в романе Нгуен Суан Кханя. Думаю, что предметная область исследования конструктивна, нова, диалогична. Статья имеет цельный вид, она достаточно самостоятельна, оригинальна, считаю, что материал имеет практическое значение, ибо касается мало изученного текста, тем более в рамках российской научной мысли. Автор в начале труда отмечает, что «на современном этапе исследования вьетнамской исторической прозы интерес к вопросам культурного взаимодействия и постколониальной идентичности возрастает», думаю, что с этим можно согласиться и признать данный тезис как основу актуализации работы. Новизна, таким образом, верифицирована самим исследователем, она объективно понятна и читателю; «статья восполняет существующий пробел и вносит вклад в развитие дискуссии о постколониальном сознании во вьетнамской литературе». Текст дробиться на т.н. смысловые блоки, подобное деление оправдано; переход от одной смысловой части к другой осуществляется в режиме выверенной логики. Стиль соответствует научному типу: например, «Для более глубокого погружения в контекст проблемы взаимодействия двух цивилизаций в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кхань выстраивает систему персонажей, в которую входят как местное население, так и представители французской метрополии. Их образы раскрываются как через

комментарии повествователя, так и через действия и речь самих героев и их взаимовосприятие. Последнее особенно интересно с точки зрения анализа в свете постколониальной теории, которая позволяет рассматривать художественный текст как пространство противостояния и диалога между двумя цивилизациями» и т.д. Материал удобно использовать при изучении истории зарубежной литературы; его можно оценить и как импульс для написания новых работ связанных с литературой Вьетнама. Уровневый анализ романа Нгуен Суан Кханя сделан полномерно: это образный ряд, жанр, идейно-тематический уровень... Фактические наблюдения точны: «в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» присутствует несколько персонажей-европейцев: как реальных исторических лиц, так и вымышленных. При этом последние играют более важную роль в сюжете. В основном оценочные суждения о метрополии и колонии помещены в беседы братьев Мессме – хозяев деревни, где происходят основные события в произведении; отца Коломбера, проповедовавшего много лет во Вьетнаме, и этнографа Рене» и т.д. Иллюстративный фон, на мой взгляд, достаточен; примеры удачны: «Темные и раболепные» люди не смогли бы успешно противостоять такому сильному давлению и культурному влиянию. Эта мысль прямо выражена в очередной беседе с Жюльеном: «Возможно, Вы излишне самоуверенны, как и многие французы, придерживающиеся подобных взглядов. Должны ли мы быть такими самодовольными? Правда, что люди Востока сейчас кажутся нам слабыми, но всегда ли так будет?» [5, с. 480]». Как видим цитации оформлены верно, специальная правка излишня. Выводы созвучны основной части: «читатель понимает, чем гордился Нгуен Суан Кхань – вьетнамскими женщинами, природной красотой, культурным наследием. Соответственно, некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри...». Список источников достаточен, он вариативен и разнообразен. Таким образом, тема работы раскрыта, цель достигнута; материал интересен, наукообразен. Рекомендую статью «Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Беленко В.Е. Конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО»: семнадцать лет истории сибирских СМИ // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.71847 EDN: TIOWBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71847

Конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО»: семнадцать лет истории сибирских СМИ

Беленко Виктория Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-8622-7323

кандидат философских наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций; Новосибирский государственный университет

630090, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, оф. 1225

✉ Viktoria_belenko@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.8.71847

EDN:

TIOWBU

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2024

Аннотация: Несмотря на сравнительно небольшое внимание, которое уделяется в отечественной научной литературе конкурсам профессионального мастерства журналистов, считаем возможным утверждать, что обращение к такого рода материалу может представлять большую ценность, поскольку отражает примеры качественной журналистской работы. «Сибирь.ПРО» впервые состоялся в 2006 г., поэтому он представляет собой почти двадцатилетнюю летопись региональной отечественной журналистики. «Сибирь.ПРО» проходит при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе. С 2006 по 2023 год включительно в проекте приняли участие более 670 средств массовой информации и свыше 4000 журналистов. Цель этого межрегионального конкурса – пропаганда позитивного опыта сотрудничества органов власти, бизнеса и СМИ в рамках реализуемых в Сибирском федеральном округе программ социально-экономического развития. То есть тематика номинаций конкурса соответствует основным направлениям развития страны и зачастую соотносится с посланием Президента Федеральному собранию. В данном научном

исследовании представлена фиксация и анализ сибирских СМИ, побеждавших в межрегиональном конкурсе журналистского мастерства «Сибирь.ПРО» с 2006 по 2023 г. В статье нашла отражение трансформация номинаций «Сибирь.ПРО» как отражение изменения государственных задач, которые возлагаются на региональные медиа, позволила увидеть темы, внимание к которым воспринимается как наиболее заслуживающее наград. Прделанная работа позволила выявить СМИ десяти регионов Сибирского федерального округа, становившиеся в разные годы победителями «Сибирь.ПРО». А поскольку значительная трансформация медиасистемы России, вызванная событиями 2022 г., ставит вопрос о фиксации состояния региональных СМИ как на переломном этапе, так и в исторической ретроспективе последних двух десятилетий, то подобное «картирование» позволяет выявить примеры медиа, которые лучше всего справлялись с освещением важных для государства тем. Контент этим СМИ может в дальнейшем подвергаться разбору на занятиях по журналистике в вузах или стать эмпирической базой для анализа в рамках научной работы по выявлению особенностей регионального медиадискурса.

Ключевые слова:

конкурс журналистского мастерства, Сибирь.ПРО, сибирские СМИ, региональные медиа, победители конкурса, качественная журналистика, межрегиональный конкурс, журналистика, средства массовой информации, СМИ

Конкурсы журналистского мастерства сравнительно редко становятся объектами изучения в современных медиаисследованиях. Существующие работы чаще всего посвящены педагогическим аспектам участия в них молодых специалистов [\[1; 2; 3\]](#). Отдельно отметим работу В.В.Смеюхи [\[4\]](#). Она также посвящена конкурсам для юных журналистов, но в ней приводится развернутая типология существующих конкурсов по целевой направленности, статусу учредителя и организатора, степени интенсивности взаимодействия организаторов конкурса и его участников, формату проведения, периодичности. И таким образом в ней намечены ориентиры, по каким основаниям можно анализировать такого рода мероприятия. К работам победителей конкурсов как к примерам медиапроектов, достойных внимания и изучения, обращается Е.В.Вологина [\[5\]](#): она опирается на профессиональные премии журналистики США. Фестивали в области документального кино и других видов аудиовизуального искусства рассматривает Н.Б.Кириллова [\[6\]](#).

К сибирским конкурсам – что ближе к тематике настоящей статьи – в своем разделе монографии «Телевидение Сибири» обращается Е. Халина [\[7\]](#). В работе упоминаются следующие конкурсы, в которых принимают участие журналисты сибирских телекомпаний. Четырнадцать лет назад такими конкурсами были: «ТЭФИ-регион», Всероссийский фестиваль телевизионных и радиопрограмм военно-патриотической тематики «Щит России», Всероссийский конкурс «Патриот России», фестиваль телевизионных информационных программ «Мир. Согласие. Единство», Евразийский телевизионный конкурс социальных программ и фильмов для молодежи «Я-человек», межрегиональный конкурс журналистского мастерства «Сибирь ПРО». В статье также упоминается ряд менее популярных областных конкурсов. Е.Халина пишет, что «среди межрегиональных профсоревнований несомненным лидером является конкурс журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» <...> Проводится с 2000

года под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Союза журналистов России [7. С. 149]. Однако в последний раз этот конкурс проводился в 2017 г.

Несмотря на сравнительно небольшое внимание, которое уделяется в отечественной научной литературе как самим соревнованиям журналистского мастерства, так и их победителям, считаем возможным утверждать, что обращение к такого рода материалу может представлять большую ценность, поскольку отражает примеры качественной журналистской работы: ведь не только сами редакции ощутили конкурсный потенциал своей работы и решились выдвинуть ее на соревнование, но и жюри подтвердило ее ценность, «образцовость». А значит победители такого рода конкурсов могут помочь с «картированием», фиксацией в конкретно-исторический момент региональных СМИ, чей опыт достоин внимания и изучения.

В предложенной статье в центре исследовательского интереса – межрегиональный конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО». Никита Куриленко, директор ИД «Сибирское слово» выразил пожелание, «чтобы конкурс и впредь соответствовал своему неофициальному названию «Сибирский Оскар для журналистов» [\[8\]](#). А Алексей Севостьянов, начальник Департамента информационной политики Администрации Томской области отметил, что «по ленте конкурсных работ можно смело писать новейшую историю Сибири, и эта история гораздо объёмней и многогранней, чем взгляд отдельных историков, политологов, экономистов, чиновников на жизнь главного российского региона. Именно благодаря тому, что эту историю пишут не отдельные геродоты, а сотни сибирских журналистов, она получается разносторонней и объективной» [\[9\]](#).

«Сибирь.ПРО» впервые состоялся в 2006 г., поэтому он представляет собой почти двадцатилетнюю летопись региональной отечественной журналистики. «Сибирь.ПРО» проходит при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе. С 2006 по 2023 год включительно в проекте приняли участие более 670 средств массовой информации и свыше 4000 авторов печатных изданий, журналистов электронных СМИ и информационных агентств. За все время реализации проекта в составе жюри работали около 200 человек, на суд экспертов было представлено более 13 тысяч журналистских работ в 69 номинациях [\[10\]](#).

До 2024 г. оператором конкурса был Сибирский окружной информационный центр (с 2024 г. им стал Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение»). Именно им проводился предварительный отбор работ, направляемых в дальнейшем для оценки жюри. Здесь надо отметить, что в этом конкурсе участвуют не только те редакции, которые заявили сами, но и те, чьи выдающиеся материалы были предложены для участия самой рабочей группой. В ходе работы над статьей было проведено экспертной интервью с операторами конкурса для уточнения информации и оценки работ-победителей их глазами. В тексте работы будет несколько обращений в этому интервью.

В жюри приглашают представителей компаний-партнеров, представителей органов госвласти и крупных СМИ. Судьи оценивают конкурсные работы дистанционно — голосование происходит в личном кабинете на сайте проекта. Каждое СМИ или работа, номинированные в конкурсе, получают оценку от 0 («скверно») до 10 («отменно»). Члены жюри не знакомы с оценками друг друга. Победитель определяется по максимальному количеству баллов.

Цель этого межрегионального конкурса -- пропаганда позитивного опыта сотрудничества

органов власти, бизнеса и СМИ в рамках реализуемых в Сибирском федеральном округе программ социально-экономического развития. То есть тематика номинаций конкурса соответствует основным направлениям развития страны и зачастую, как это прозвучало в интервью, соотносится с посланием Президента Федеральному собранию.

Трансформация номинаций «Сибирь.ПРО» позволяет проследить изменение государственных задач, которые возлагаются на региональные медиа, увидеть темы, внимание к которым кажется полпредству наиболее заслуживающим награды.

Есть номинации, которые существуют в течение всех или почти всех восемнадцати лет этого конкурса. Они апеллируют к профессионализму, здоровью, образованию (с 2017 г. номинация становится «Наука и образование»), сельскому хозяйству, экономике, энергетике, жизни молодежи («Молодая Сибирь», с 2009 г.). Стабильная номинация «Герой нашего времени». Героями времени становились пожарные, футболисты, люди с интересными увлечениями и «народные умельцы».

«Авиация» и «Финансы» существовали в 2014-2020 гг. Зато в 2016 г. появляется и остается до сих пор «Профессия железнодорожник», «Цифровая Сибирь» (с 2017 г.), «Горный профиль» (о работе шахтеров, с 2018 г.). «Про благотворительность» появляется в 2019 г. и проводится до сих пор.

Ряд номинаций были совсем кратковременными: например, «Район. Точки роста», «Особая экономическая», «Большой проект», «Свое дело», «Сибирская гвардия», «открытый диалог», «Промышленность», «Продвижение территорий», «Культпространство», «Профессия будущего». С 2014 г. исчезает номинация «О главном». В 2022-2023 гг. существует номинация «Про туризм». В 2023 появляется «Про Родину».

Шесть лет проводилась номинация «Проба пера» для студентов вузов. В ней 7 раз побеждали студенты НГУ, два раза – ребята из Алтайского края, по одному разу Новосибирский педагогический университет и ТГУ. Здесь надо отметить, что по всем номинациям выбирается два победителя: автор печатного/ интернет-СМИ и журналист электронного СМИ. То есть побеждает текстовая журналистика и программа или сюжет на телевидении/ радио.

Количество номинаций за 18 лет почти не изменилось: 14 в 2006 г. на 12 – в 2023.

Посмотрим на СМИ, побеждавшие в этих номинациях в разрезе регионов. Победителями из Кемеровской области становилось 34 СМИ 60 раз, Новосибирской области – 22 СМИ 84 раза, Томской области – 22 СМИ 55 раз, Красноярского края – 20 СМИ 48 раз, Алтайского края и Республики Горный Алтай – 20 СМИ 32 раз, из Омской области – 16 СМИ 31 раз, Иркутской области – 5 СМИ 8 раз, Республики Хакасия – 7 СМИ 20 раз, Бурятии – 2 СМИ дважды, Тыва – 3 СМИ 4 раза, из Забайкальского края – 7 СМИ 13 раз.

Лидирующая роль Кемеровской области может объясняться тем, что СМИ этой области представляют 7 городов, что больше, чем в любом другом регионе, а также отдельной номинации в «Сибирь.ПРО», посвященной горнодобывающей отрасли. Новосибирск отличается более тесными связями СМИ с сотрудниками полпредства, находящегося в этом же городе. Что касается Томска, города с населением 545 тыс. человек против Новосибирска с 1,57 млн населения, то сочетание качественных прогрессивных СМИ и амбициозность их редакций, выразившаяся в готовности участвовать в такого рода соревнованиях, в целом подтверждает идею о «томской медийной аномалии» [см., напр., 11; 12].

Про Красноярск и Омск – города-миллионники, как и Новосибирск, необходимо отметить следующее: в них проводятся свои очень популярные соревнования журналистов и редакций, такие как творческий конкурс «Енисей РФ» и ежегодный творческий конкурс среди журналистов и редакционных коллективов средств массовой информации на лучшее освещение социально значимых тем в Омской области. Несмотря на то, что в последние годы «Енисей» активно развивается как всероссийский конкурс, а в 2023 г. Агентство печати Красноярского края даже получило за него национальную премию Союза журналистов России «Золотая стратегия» в номинации «Образовательный проект», анализ шорт-листов последнего года показал, что 27 из них – это СМИ Красноярского края, а 31 – СМИ других регионов. Хотя всего на конкурс было подано 1711 заявок из 38 регионов РФ, мы видим, что почти половина победителей – это местные красноярские СМИ. Возможно, на этом фоне участие в межрегиональном «Сибирь.ПРО» кажется красноярским редакциям менее ценным.

Среди печатных СМИ чаще всего победителями становятся областные газеты (см. таб. 1), что еще раз подчеркивает взаимосвязь и взаимоподдержку задач, поставленных государством, а именно представителем Президента в федеральном округе, и изданий, учрежденных правительствами регионов. Районные газеты побеждают сравнительно редко, хотя в экспертном интервью с организаторами конкурса прозвучало, что «районки» становятся все более активными, что с развитием интернета они перестают быть «вещью в себе», видимой только жителям района, и, если не они сами, то их работы стали чаще выдвигать на этот конкурс организаторы. Чаще всего победителями становились «районки» Алтайского Края и Республики Горный Алтай и Омской области (5 и 4).

Таблица 1. Печатные СМИ, победители конкурса «Сибирь.ПРО»
(в скобках указано количество побед, если их более одной)

Красноярский край	«Наш Красноярский край» (4), «Красноярский рабочий», «Канские ведомости» г.Канск (2), «Таймыр» (2), «АиФ на Енисее», «Городские новости», «Сегодняшние газета г.Ачинск, «Маяк» г.Ангарск, «Эвенкийский журнал» Эвенкийский р-н, «Сельская новь» Балахтинский р-н, «Грани» Новоселовский р-н
Новосибирская область	«Континент Сибирь» (8), «Эксперт Сибирь» (8), «Честное слово» (3), «Неизвестная Сибирь» (2), «Вечерний Новосибирск» (2), «Новая Сибирь» (2), «Советская Сибирь», «АиФ на Оби», «Стратегия успеха», «Российская газета Вся Сибирь», «Транссиб», «КП Новосибирск», «Метро», «Ведомости», «Коммерсантъ Сибирь», «Свидетель» г.Бердск, «Бердские новости» г.Бердск (2), «Искитимская газета» г. Искитим (3), «Наша жизнь» Карасукский р-н
Омская область	«АиФ в Омске» (2), «Российская газета Омск» (2), «Пламя всегда с вами» Одесский р-н (2), «К новым рубежам» Саргатский р-н (2), «Омская правда», «Омский вестник», «Маяк», «Таврические новости» Таврический р-н,

	«Знамя труда» Муромцевский р-н
Алтайский край	«Алтайская правда» (2), «Алтайская нива» (2), «Свободный курс», «Звезда Алтая», «Хлебороб Алтая», «Алтай молодой», «Каменские известия», «Вечерний Барнаул», «Змеиногорский вестник» г. Змеиногорск, «Новое время» Немецкий р-н, «Новый путь» Поспелихинский р-н, «Ленинец» Усть-Калманский р-н, «Знамя Ильича» Заринский р-н
Республика Горный Алтай	«Сельская новь» Шебалинский р-н
Кемеровская область	«Кузбасс» (5), «Газета Кемерова» (4), «Аиф в Кузбассе» (2), «Кузнецкий край», «Строительный Кузбасс», «Птица», «Учебный Кузбасс», «Уголь Кузбасса», «Московский комсомолец в Кузбассе», «Московский комсомолец в Новокузнецке», «Новокузнецк», «Тайгинский рабочий» г.Тайга, «Беловский вестник» г.Белово, «Вперед» Марьинский р-н, «Эхо» Промышленновский р-н
Респ. Хакасия	«Черногорский рабочий» (6), «Хакасия» (5), «Саянские ведомости» (3), «Абакан», «Пятница»
Респ. Тыва	«Тувинская правда» (2)
Томская область	«Томские новости» (10), «Комсомольская правда Томск» (4), «Красное знамя» (4), «Московский комсомолец в Томске», «Сибирское бюро газеты «Известия», «Губернские новости», «Томский вестник», «Вечерний Томск Итоги», «Томское предместье», «Пятница», «Академический проспект», «Сельская правда» Каргасокский р-н, «Нарымский вестник» Парабельский р-н
Иркутская область	«Правда Бурятии», «Новая Бурятия»
Забайкальский край	«Чита спортивная» (2), «Азия-Экспресс»

Отметим значительно большую диверсификацию по разным городам и сельским районам победителей из Красноярского края, а также специфическую экономическую направленность газет, призеров конкурса, из Новосибирской области.

По количеству побед среди печатных СМИ лидер – «Томские новости». 10 раз их статьи попадали в финал.

Среди телевизионных компаний феноменальные показатели у ГТРК Новосибирск (см. таб. 2). Хотя и ГТРК других городов активно участвуют и побеждают в «Сибирь.ПРО». На втором месте – областные телеканалы. Отметим Кемеровскую область, в которой в лидеры выходили телеканалы пяти городов.

Таблица 2. Телеканалы, победители конкурса «Сибирь.ПРО»

(в скобках указано количество побед, если их более одной)

	Телевидение
Красноярский край	ГТРК «Красноярск» (КТРК «Енисей-Регион») (8), «Енисей» (8), «Прима» (3), ТВК (3), «Афонтово», 7 канал
Новосибирская область	ГТРК «Новосибирск» (33), ОТС (8), Новосибирское муниципальное телевидение
Омская область	ГТРК «Омск» (ГТРК «Иртыш») (6), 12 канала (5), «Продвижение» (2), «Антенна-7»
Алтайский край	ГТРК «Алтай» (10), ТОЛК (2)
Республика Горный Алтай	ГТРК «Горный Алтай» (8), «Катунь 24» (7)
Кемеровская область	ГТРК «Кузбасс» (4), «Кузбасс 1», «ТВ Мост», «Квант» г.Междуреченск (5), «РТА Междуреченск» (2), «27 плюс» г.Прокопьевск (3), «Ново ТВ» г.Новокузнецк, «Абакан» г.Абакан
Респ. Хакасия	ГТРК «Хакасия» (3), РТС
Респ. Тыва	ГТРК «Тыва»
Томская область	ГТРК «Томск» (8), «Томское время» (7), ТВ2, «Восьмой день»
Иркутская область	ГТРК «Иркутск» (3)
Респ. Бурятия	АТВ, «Ариг-Ус»
Забайкальский край	«Альтес» (4), ГТРК «Чита» (3), АС «Байкал ТВ»

Руководствуясь задачей «картирования», собирания «реестра» сибирских СМИ, которые показывали творческие успехи в первой четверти XXI века, считаем необходимым упомянуть те из них, которые были закрыты в последующие годы. Так телекомпания ТВ2, отключенная от вещания в 2015 г., становилась победителем «Сибирь.ПРО» в 2006 г. Интернет-СМИ «Тайга.инфо» (см. таб. 4), существовавшее с 2010 по 2023 г., затем заблокированное Роскомнадзором и признанное иноагентом, побеждало в разных номинациях «Сибирь.ПРО» в 2015 и 2016 гг. Один из старейших сибирских частных телеканалов, впервые вышедший с новостями в 1992 г., – красноярский «Афонтово» прекратил эфирное вещание в 2021 г. Он побеждал в «Сибирь.ПРО» в 2010 г. «Альтес» (Альтернативная Телевизионная Студия), побеждавшая в этом конкурсе четыре раза (2011, 2015, 2016 и 2017) закрылась в 2020 г. из-за финансовых трудностей. Этот канал вещал на территории Читы и Забайкальского края.

Таблица 3. Радиостанции, победители конкурса «Сибирь.ПРО»

(в скобках указано количество побед, если их более одной)

Новосибирская область	«Радио «Слово»
Омская область	«Серебряный дождь в Омске»
Кемеровская область	«Радио Кузбасса» (4), ГТРК «Кузбасс» (2), ГТРК «Прокопьевск» г.Прокопьевск (2), ТРК «27 плюс»
Респ. Тыва	ГТРК «Тыва»
Томская область	«Радио Сибирь» (3), «Радио Северска»

Что касается радиостанций (см. таб. 3), успешно, а главное, качественно, работавших с важными для государственной политики темами, больше всего их в Кемеровской области, причем две входят во Всероссийскую гостелерадиокомпанию. Хотя отдельного упоминания также заслуживает «Радио Сибирь», а именно их томская редакция, побеждавшая в «Сибирь.ПРО» в 2009, 2016 и 1017 гг.

Среди информационных агентств доминирует ТАСС-Сибирь (см. таб. 4), а также, в целом, государственные агентства. Однако среди лидирующих в конкурсе интернет-СМИ много и коммерческих проектов: красноярский Newslab становился победителем 5 раз, как и новосибирский «Сиб.фм», кемеровский А42 побеждал 3 раза. Если посмотреть на динамику по годам, что красноярские интернет-СМИ присутствуют среди победителей «Сибирь.ПРО» с самого начала конкурса, в то время как новосибирские попадают в него только с 2014 г., кемеровские и алтайские – с 2020, а иркутские – с 2021 г.

Таблица 4. Интернет-СМИ, победители конкурса «Сибирь.ПРО»

(в скобках указано количество побед, если их более одной)

	Интернет-СМИ
Красноярский край	Newslab (5), ИА «Пресс Лайн» (2), «Дела.ру» (2)
Новосибирская область	ТАСС-Сибирь (11), «Сиб.фм» (5), «Тайга.инфо» (3), Infopro54 (2), НГС (2), ИА Интерфакс Сибирь, РИА Новости, Infosibnet, ЧС-Инфо, VN.ru, «Контент Сибирь»
Омская область	РИА «ОмскИнформ» (2), ИА Омскрегион
Алтайский край	«Свободный курс», ТОЛК
Кемеровская область	А42 (3), «Сибдепо», VSE42 (2), Avokado, ИА Хакасия
Томская область	«Томский обзор» (3), Tomsk.ru (2), «ЗАТО Говорим», г.Северск
Иркутская область	IRK.ru (2), ИА «Восток-Телеинформ», г.Улан-Удэ
Забайкальский край	ИА «Чита.ru», Забайкальское информагентство

Отметим также «примету времени»: во времена становления такого явления, как интернет-СМИ, их учредителями зачастую становились компании, поставлявшие оборудование и обеспечивавшее подключение к интернету (провайдеры). К таковым можно отнести РТА Междуреченска (телеканал), побеждавший в конкурсе в 2013 и 2015 гг., новосибирский Infosibnet (2020 г.).

В экспертном интервью организаторы конкурса упоминали (без указания конкретных СМИ), что они сталкивались с отказом некоторых частных интернет-СМИ от награды, поскольку те не хотели, чтобы читатели связывали их с продвижением «государственных» тем.

Подводя итоги проделанной работе, процитируем томских исследователей: «Синхронное осмысление происходивших в медиасфере процессов было практически невозможно: для исследовательской рефлексии необходима временная дистанция. Изучение медиа велось от случая к случаю, преимущественно историками. Но теперь, когда у

исследователей появилась возможность «обернуться назад» и приступить к систематизации и анализу материалов, выяснилось, что многое оказалось утраченным за минувшие тридцать лет. Отмена «обязательного экземпляра» в библиотеках привела к «провалам» в подборке печатных изданий; недолговечная жизнь частных радиальных и ТВ-проектов – к утрате аудио и видеоархивов; интернет также оказался очень ненадежным хранителем информации о первых сайтах, форумах, порталах» [13. С. 119]. Поэтому фиксация СМИ, на высоком профессиональном уровне освещавших темы, ставившиеся перед журналистикой государством в первой четверти XXI века, помогает «сохранению истории» региональных медиа. В дальнейшем подобный «репозиторий» может использоваться в качестве исходных сведений для проведения экспертных интервью с сотрудниками наиболее активных участников медиапроизводства или для знакомства студентов вузов с примерами качественной региональной журналистики в рамках образовательного процесса.

Библиография

1. Семилет Т. А. и др. Конкурсы творческого мастерства в развитии профессиональных компетенций студентов-журналистов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. №. 2. С. 128–131.
2. Королев Е. А. Не все то золото, что блестит: о профессиональных журналистских конкурсах для студентов // Век информации. 2018. № 3. С. 86–89.
3. Тулупов В. О медиафестивалях и конкурсах журналистов, рекламистов и пиарменов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2018. № 3–4. С. 2–5.
4. Смеюха В.В. Конкурсы юных журналистов: функциональные и типологические характеристики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 4. С. 1064–1076.
5. Вологина Е. В. Аналитический обзор актуальных трендов в области премирования по журналистике / Наследие В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Материалы II Международной научно-практической конференции. Кубанский государственный университет, факультет журналистики. 2018. С. 240–244.
6. Кириллова Н. Б. Фестиваль аудиовизуальных искусств как индикатор развития региональной медиакультуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 25. С. 72–82
7. Халина Е. Участие региональных тележурналистов в конкурсах профессионального мастерства / Телевидение Сибири: монография / Под ред. А.Е. Ярославцевой. Томск; ТГУ, 2010. С. 147–152.
8. Куриленко Н. «Желаю, чтобы конкурс и впредь соответствовал своему неофициальному названию «Сибирский Оскар для журналистов» / Официальный сайт конкурса Сибирь Про. 2019. URL: <https://sibirpro.ru/interview/nikita-kurilenko-direktor-id-sibirs/> (дата обращения 25.05.2024)
9. Севостьянов А. «По ленте конкурсных работ можно смело писать новейшую историю Сибири» / Официальный сайт конкурса Сибирь Про. 2019. URL: <https://sibirpro.ru/interview/aleksej-sevostyanov-nachalnik-depar/> (дата обращения 25.05.2024)
10. Официальный сайт конкурса «Сибирь.ПРО», 2024. URL: <https://sibirpro.ru/o-konkurse/> (дата обращения 6.06.2024)
11. Мишанкина Н.А., Жиликова Н.В., Вершинин В.А., Ершова В.Е. «Томская медийная аномалия»: методологическая модель исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 269–286.
12. Жиликова Н.В. Томская медийная аномалия: происхождение и содержание термина

(2000–2010 гг.) // Журналістыка – 2023: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 25-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 лістап. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. В. Бяляеў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2023. С. 133–136.

13. Жиликова Н.В., Мишанкина Н.А., Ершова В.Е. Томский государственный университет трансформации региональной медиасистемы с 1990-х до 2020-х годов (на примере Томска и Томской области) / Коммуникация в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 2021 мая 2022 г. С. 117–119.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В предложенной к публикации статье в центре исследовательского интереса – межрегиональный конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО». Как видно предмет изучения нетривиален, достаточно оригинален и интересен. Автор в начале труда обозначает, что «несмотря на сравнительно небольшое внимание, которое уделяется в отечественной научной литературе как самим соревнованиям журналистского мастерства, так и их победителям, считаем возможным утверждать, что обращение к такого рода материалу может представлять большую ценность, поскольку отражает примеры качественной журналистской работы: ведь не только сами редакции ощутили конкурсный потенциал своей работы и решились выдвинуть ее на соревнование, но и жюри подтвердило ее ценность, «образцовость». А значит победители такого рода конкурсов могут помочь с «картированием», фиксацией в конкретно-исторический момент региональных СМИ, чей опыт достоин внимания и изучения». Считаю, что намеченный вектор аргументирован, материал имеет практический характер, обобщение опыта должным образом выполнено. Методы разверстки вопроса соотносятся с рядом актуальных наработок (см. ссылки). Системный характер труда поддерживается на протяжении всего сочинения. Стиль статьи собственно-научного типа: например, «трансформация номинаций «Сибирь.ПРО» позволяет проследить изменение государственных задач, которые возлагаются на региональные медиа, увидеть темы, внимание к которым кажется полпредству наиболее заслуживающим наград», или «Отметим также «примету времени»: во времена становления такого явления, как интернет-СМИ, их учредителями зачастую становились компании, поставлявшие оборудование и обеспечивавшее подключение к интернету (провайдеры). К таковым можно отнести РТА Междуреченска (телеканал), побеждавший в конкурсе в 2013 и 2015 гг., новосибирский Infosibnet (2020 г.). В экспертном интервью организаторы конкурса упоминали (без указания конкретных СМИ), что они сталкивались с отказом некоторых частных интернет-СМИ от награды, поскольку те не хотели, чтобы читатели связывали их с продвижением «государственных» тем» и т.д. Отличительной чертой работы является грамотная обработка статистики, аналитика в данном случае доминирует: «Сибирь.ПРО» впервые состоялся в 2006 г., поэтому он представляет собой почти двадцатилетнюю летопись региональной отечественной журналистики. «Сибирь.ПРО» проходит при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе. С 2006 по 2023 год включительно в проекте приняли участие более 670 средств массовой информации и свыше 4000 авторов печатных изданий, журналистов электронных СМИ и информационных агентств. За все время реализации проекта в составе жюри работали около 200 человек, на суд экспертов было представлено более 13 тысяч журналистских работ в 69 номинациях...», или «Посмотрим на СМИ,

побеждавшие в этих номинациях в разрезе регионов. Победителями из Кемеровской области становилось 34 СМИ 60 раз, Новосибирской области – 22 СМИ 84 раза, Томской области – 22 СМИ 55 раз, Красноярского края – 20 СМИ 48 раз, Алтайского края и Республики Горный Алтай – 20 СМИ 32 раз, из Омской области – 16 СМИ 31 раз, Иркутской области – 5 СМИ 8 раз, Республики Хакасия – 7 СМИ 20 раз, Бурятии – 2 СМИ дважды, Тыва – 3 СМИ 4 раза, из Забайкальского края – 7 СМИ 13 раз» и т.д. Подобные информационные блоки вполне уместны и целесообразны, они придают работе объективный характер. Исследование конструктивно, самостоятельно, фактически выверено, серьезных ошибок, искажения фактов не допускается. Автор наработанный материал уместно организует в виде таблиц, это, на мой взгляд, эффективный способ обработки информации. Выводы по тексту соотносятся с основной частью. В итогах указано, что «фиксация СМИ, на высоком профессиональном уровне освещавших темы, ставившиеся перед журналистикой государством в первой четверти XXI века, помогает «сохранению истории» региональных медиа. В дальнейшем подобный «репозиторий» может использоваться в качестве исходных сведений для проведения экспертных интервью с сотрудниками наиболее активных участников медиапроизводства или для знакомства студентов вузов с примерами качественной региональной журналистики в рамках образовательного процесса». Думаю, что работа будет полезна заинтересованной аудитории. Основные требования издания учтены. Рекомендую статью «Конкурс журналистского мастерства «Сибирь.ПРО»: семнадцать лет истории сибирских СМИ» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Малаховский А.К., Малаховский И.А., Алламин М. СМИ государств СЕМАС: проблемы и решения в контексте современного медиапространства африканского континента // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75469 EDN: TFWSQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75469

СМИ государств СЕМАС: проблемы и решения в контексте современного медиапространства африканского континента

Малаховский Алексей Кимович

ORCID: 0000-0002-6372-3455

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 корп. 2, оф. филологический факультет

✉ malakhovskiy_ak@pfur.ru

Малаховский Иван Алексеевич

ORCID: 0009-0000-8447-9036

независимый исследователь

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 к. 2, каб. 647

✉ malakhovskiy2468@gmail.com

Алламин Мустафа

ORCID: 0009-0009-4149-2113

независимый исследователь

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2, каб. 647

✉ 1032189012@pfur.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75469

EDN:

TFW SQK

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2025

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу современного состояния и проблем, стоящих перед СМИ государств-членов центральноафриканского регионального объединения СЕМАС. Целью исследования является анализ современной ситуации в медиапространстве государств-членов СЕМАС, являющемся составной частью африканского медиопространства. Объектом исследования являются африканские СМИ (к югу от Сахары), предметом исследования – СМИ государств-членов СЕМАС. Авторы намерены изучить СМИ Камеруна, Габона, Экваториальной Гвинеи, Чада, Центральноафриканской Республики, Республики Конго, выявив их сходства и различия в региональном и африканском контексте. Авторы также рассматривают задачи, стоящие перед структурами СЕМАС для совершенствования СМИ региона, а также предлагают практические шаги по выработке политики СЕМАС в области информации, новых шагов в области международного сотрудничества, отвечающего требованиям современного многополярного мира. Методология настоящего исследования включает в себя метод научного обобщения, метод научного наблюдения, критического анализа медиатекстов, анализ статистических данных. Исследованы труды российских, африканских и западных авторов, посвященные проблематике СМИ африканского континента и центральноафриканского региона, а также медиатексты доступных СМИ региона, правительственные документы стран региона, документы международных организаций, базы статистических данных. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием в российской научной литературе специальных трудов, посвященных СМИ стран СЕМАС. Авторы установили, что центральноафриканское объединение СЕМАС в настоящее время сосредоточено на региональной экономической интеграции, однако для достижения успехов в данной сфере необходимо уделять больше внимания координации усилий в области развития региональной медиасреды. Неравномерность развития традиционных СМИ, разнящиеся уровни развития цифровых медиа, гегемония ведущих западных медиагигантов в медиасреде стран региона, информационный суверенитет и информационная безопасность – вот проблемы современной эпохи, которые необходимо преодолевать государствам-членам СЕМАС. Авторы рекомендуют региональному объединению СЕМАС выработать более артикулированную политику в сфере СМИ региона, для этого необходимо создать специальный координирующий орган в руководящих структурах организации, который выработал бы единую стратегию для решения задач по совершенствованию региональной медиасреды. Сотрудничество с Россией в рамках саммитов «Россия-Африка», сближение со странами БРИКС могло бы способствовать созданию платформ для решения медийных задач, стоящих перед странами-членами СЕМАС.

Ключевые слова:

СМИ государств СЕМАС,информационный империализм, информационный суверенитет, непропорциональные информационные потоки, франкофония, информационное пространство СЕМАС,интеграционные проекты СЕМАС,охват интернетом, информационная безопасность, международное сотрудничество

Введение

Актуальность избранной темы исследования обусловлена возрастающей ролью африканских государств в современном мире в контексте усиливающихся признаков его многополярности. Полуторамиллиардный африканский континент и его информационное

пространство является предметом внимания не только исследователей, но и сферой столкновения интересов ведущих мировых держав.

Целью исследования является анализ современной ситуации в медиапространстве государств-членов центральноафриканского регионального объединения СЕМАС, являющегося составной частью африканского медиaproстранства. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- проанализировать ситуацию в СМИ Африки в современную цифровую эпоху, рассмотрев, в частности проблему достижения нового информационного и коммуникационного порядка;
- охарактеризовать состояние СМИ шести центральноафриканских государств: Камеруна, Габона, Экваториальной Гвинеи, Чада, Центральноафриканской Республики, Республики Конго, то есть государств-членов регионального объединения СЕМАС, выделить их общее и различия;
- рассмотреть современное состояние цифровой среды государств-членов СЕМАС;
- наметить пути решения задач, стоящих перед СМИ государств центральноафриканского региона, сделав ряд практических рекомендаций.

Предметом нашего исследования является африканская медиасреда, причем, под африканскими СМИ мы понимаем средства массовой информации африканских государств к югу от Сахары. Объектом исследования являются СМИ указанных выше государств-членов СЕМАС.

Методология исследования: метод научного обобщения, метод научного наблюдения, критического анализа медиатекстов, анализ статистических данных.

Эмпирическую базу исследования составили данные таких источников, как официальный сайт Президента Российской Федерации, официальный сайт ЮНЕСКО, официальный сайт Communauté Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale (СЕМАС), данные, содержащиеся на сайте исследовательского центра Baromètre des médias africains, организации Reporters Sans Frontieres, портала Data Reportal, содержавшего обширную базу данных по цифровому пространству стран мира, с доступных сайтов СМИ государств-членов СЕМАС и западных СМИ.

Научная новизна данной работы обусловлена отсутствием в русскоязычной научной литературе специальных исследований по избранной теме.

СМИ Африки к югу от Сахары: трудный путь к информационному суверенитету в цифровую эпоху

Начиная с времен обретения политической независимости, африканские государства, стремясь к преодолению наследия колониализма, уделяют большое внимание созданию собственных средств массовой информации. По мнению руководителей независимых африканских стран национальные масс-медиа должны стать одним из важных инструментов для создания условий духовной и культурной деколонизации [\[1\]](#). Из-за произвольного характера границ между африканскими государствами, проведенных странами-метрополиями, одной из главных задач СМИ молодых государств континента стало воспитание и развитие чувства принадлежности к определённому сообществу, которое, как правило, было шире этнической и языковой принадлежности [\[2, с. 45\]](#).

Одним из главных направлений деятельности африканских государств после обретения независимости стала борьба за достижение национального суверенитета, включая информационный суверенитет, которые имеет, по мнению российских исследователей, два аспекта – идеологический и технологический. Идеологический аспект – это официальная идеология или национальная идея, высокий уровень популярной массовой культуры, государственная система пропаганды, а также целостное законодательство в области информации. Технологический аспект – это наличие национальных СМИ, программного обеспечения, собственных социальных сетей, поисковых систем, средств коммуникации [\[3\]](#). При этом достижение информационного суверенитета невозможно без комплексного решения проблем в информационно-культурной сфере, включая не только СМИ, но и образования и культурной политики. Однако именно в данной сфере достижение подлинного суверенитета оказалось задачей не менее сложной, чем в области экономики и политики.

Политическая деколонизация африканских государств отнюдь не означала окончание экономической, технологической, культурной кадровой зависимости от бывших стран-метрополий. Лидеры молодых африканских государств заговорили о неокOLONIALИЗме развитых стран Запада уже в 1960-е гг., когда процесс политической деколонизации континента еще не был завершен, Кваме Нкрума, возглавлявший Гану в 1960–1966 гг., один из наиболее ярких и радикальных в своих социально-экономических преобразованиях африканских лидеров 1960-х гг., в своем труде «Неоколониализм как высшая стадия империализма» определил неоколониализм следующим образом: «Суть неоколониализма заключается в том, что государство, которое ему подчиняется, теоретически независимо и обладает всеми внешними атрибутами международного суверенитета. В действительности его экономическая система, а следовательно, и политический курс, управляются извне» [\[4, p. 4\]](#).

В полной мере неоколониальная зависимость африканских государств, начиная с периода обретения политической независимости и по настоящее время, проявляется в медиасфере [\[5\]](#). Говоря об этой зависимости, современные исследователи используют термин «информационный империализм», который представляет собой одну из форм неоколониализма, наряду с экономическим, направленную на продолжение эксплуатации африканских народов народами западной цивилизации [\[6, с. 91\]](#).

В эпоху динамичного развития современных информационных технологий африканские страны, задавшись целью ускоренного развития информационно-телекоммуникационной индустрии, при этом не имея соответствующей технологической базы, начали широко заимствовать западные модели медиаиндустрии [\[7\]](#). Со своей стороны западные государства и корпорации, стремясь сохранить свое влияние как в идеолого-информационной сфере, так и обеспечить постоянные рынки сбыта для западного коммерческого информационного контента и коммуникационного оборудования, активно включились в программы помощи африканским государствам в создании современной коммуникационной и медиаиндустрии. С одной стороны, это привело к определенному прогрессу в области СМИ и коммуникаций, с другой – сохранению или даже усилению информационной зависимости африканских государств от стран Запада.

Проблема нового международного информационного и коммуникационного порядка: от 1970-х гг. до современности

Проблема непропорциональных информационных потоков между странами Запада и странами «глобального Юга», прежде всего, африканскими, стала предметом изучения

специальной комиссии ЮНЕСКО в конце половине 1970-х гг., которое ознаменовалось принятием «Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне», а также созданием Комиссии Макбрайда, которую возглавил известный ирландский политик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира 1974 г. Шон Макбрайд. Доклад комиссии Макбрайда был опубликован ЮНЕСКО в 1980 г.^[8] в нем были рассмотрены последствия неравноправия в обмене информацией. Доклад Макбрайда одобрили практически все африканские государства, при этом он вызвал недовольство Запада. Из доклада следовало, что ведущие новостные организации Запада (напр., Associated Press, Reuters, Agence France-Press) не только игнорируют успехи развития, культурное своеобразие африканских стран, но и создают в международном информационном пространстве и внутри африканского континента их образ, как экзотических, неспособных к развитию государств и обществ. Именно благодаря широкой огласке доклада Комиссии Макбрайда на африканском континенте активизировалось движение за новый международный информационный и коммуникационный порядок ^[9].

После распада СССР и исчезновения с политической арены стран социалистического содружества в 1990-е гг. движение за новый информационный и коммуникационный порядок на африканском континенте трансформировалось в концепцию «нового порядка», в котором акцент был сдвинут в сторону «демократизации» информационных связей, идеи антиколониальной борьбы, противодействие культурному империализму, неоколониализму были выхолощены. На первый план вышли идеи повышения активности гражданских сообществ, организаций, движений преимущественно на национальном уровне; главная роль в этом отводилась всевозможным некоммерческим и неправительственным организациям, действующим «снизу», которые во главу угла начали ставить реализацию свободных демократических прав на информацию в глобальном мультикультурном мире в противостоянии с национальными правительствами и государственными структурами ^[10, с. 56]. ЮНЕСКО были организованы всемирные саммиты по информационному обществу в 2003 и в 2005 гг., последний декларировал следующее: «Построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни» [Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества// Тунисский этап (16–18 ноября 2005 года)// Конференции, заседания и мероприятия ООН. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/wsis.shtml?ysclid=me354xoosb506109940>]. В XXI в. ЮНЕСКО, в противоположность временам подготовки и публикации доклада комиссии Макбрайда, оказалось фактически вытеснено негосударственными организациями, особенно в условиях развития цифровых и социальных СМИ.

В 2020-е гг. вопрос о новом мировом информационном и коммуникационном порядке стоит так же остро, как и во времена доклада комиссии Макбрайда (конец 1970-х – начало 1980-х гг.). Как отмечают современные африканские исследователи, в настоящее время западные СМИ с удовольствием сообщают о кризисах и катастрофах, затрагивающих африканские страны, но при этом не стремятся сообщать позитивные новости, связанные с развитием. В результате западные СМИ публикуют только сюжеты о

бедности, голоде, политических беспорядках, войнах, болезнях, государственных переворотах, стихийных бедствиях и подобных событиях [11, p. 580].

СМИ государств СЕМАС: сходства, различия, задачи

СЕМАС – региональное сообщество в зоне франкофонии. Информационное пространство современной Африки к югу от Сахары в основном делится на англоязычное и франкоязычное. Франция, как бывшая метрополия, продолжает активно действовать в рамках политики франкофонии, Международная организации франкофонных стран (L'Organisation Internationale de la Francophonie - OIF) весьма заметна странах Африки к югу от Сахары, где расположено большинство франкоязычных стран Африки, составляющих большую часть так называемого «мира франкофонии». Французский язык является официальным или вторым официальным языком наряду с другими языками в 21 африканской стране [12]. Политика франкофонии осуществляется франкоязычной правящей элитой Франции и Африки, а также сетью патронажа «Франсафрика». Омар Бонго, президент, руководивший Габонем на протяжении 42 лет (с 1967 г. до своей смерти в 2009 г.), олицетворявший «Франсафрику», как мало кто другой, в 1996 году охарактеризовал франкофонию следующим образом: «Африка без Франции — это машина без водителя, Франция без Африки — это машина без топлива». [ibidem, p. 6].

Региональное объединение *Communauté Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale* (Центральноафриканское экономическое и валютное сообщество, французская аббревиатура – СЕМАС) образовалось в преимущественно франкофонной части центральной Африки. Параллельно с деятельностью Франции по сохранению своего влияния в бывших французских колониальных владениях африканские государства к югу от Сахары объединяются в региональные организации с целью координации усилий по экономическому социальному, культурному развитию. 16 марта 1994 года в Нджамене, столице Республики Чад, был подписан Договор об учреждении СЕМАС. В сообщество вошли шесть государств: Чад, Камерун, Центральноафриканская Республика, Габон, Экваториальная Гвинея, Республика Конго. В июне 1999 года вступил в силу Договор об учреждении СЕМАС; в 2010 г. была установлена ротация руководителя организации со сроком полномочий пять лет без права продления; в октябре 2017 г. государства-члены СЕМАС подписали циркуляр, устанавливающий свободное перемещение людей и товаров в пределах сообщества для всех граждан входящих в него стран [La CEMAC face à son destin économique : Yvon Sana Bangui de la BEAC présente les défis [Live streaming By ICT Media]. URL: <https://ictmedia.africa/la-cemac-face-a-son-destin-economique-yvon-sana-bangui-de-la-beac-presente-les-defis-%F0%9F%94%B4live-streaming-by-ict-media/>].

СЕМАС ставит перед собой следующие цели:

- Обеспечение стабильного управления единой валютой (франк КФА);
- Сохранение благоприятных условий для экономической деятельности и бизнеса в целом;
- Гармонизация национальной отраслевой политики для усиления интеграции;
- Создание все более тесного союза между народами государств-членов для укрепления их географической и человеческой солидарности;
- Развитие национальных рынков путем устранения барьеров в торговле внутри сообщества;

- Координация программ развития и согласование промышленных проектов;
- Создание подлинно общего рынка [Afrique: Les projets intégrateurs de la CEMAC <https://oubanguimedias.com/2021/12/08/afrique-les-projets-integrateurs-de-la-cemac/>].

Данные интеграционные проекты, прежде всего, ориентированы на факторы конкурентоспособности современной экономики такие, как развитие человеческого капитала. [La CEMAC en bref. URL: <https://www.pref-cemac.org/cemac-en-bref.php>]. Проблемы развития СМИ государств-членов CEMAC в документах организации не выделены специально, пожалуй, к ним можно отнести такое направление, как «создание все более тесного союза между народами».

СЕМАС и информационное пространство региона. Для достижения более тесного союза в гуманитарной сфере необходима определенная гармонизация информационного пространства регионального сообщества. При этом стоит учесть, что СМИ государства CEMAC характеризуются как рядом общих черт, так и различным уровнем развития.

Камерун. Французские источники отмечают, что Камерун «может похвастаться» одним из самых богатых медиаландшафтов на африканском континенте. Число СМИ в стране достигает 600, деятельность которых регулируется законом от 19 декабря 1990 года о свободе социальных коммуникаций [Paysage médiatique camerounais//La France au Cameroun. 28/03/2023. URL: <https://cm.ambafrance.org/Paysage-mediaticque-camerounais>].

В Чаде ситуация со СМИ скромнее: в стране действуют 68 частных радиостанций, 45 частных газет, 18 частных интернет-СМИ и 6 частных телеканалов, что составляет в общей сложности 137 частных СМИ. Государственные СМИ представлены Национальным управлением аудиовизуальных СМИ (ONAMA), Национальным радиовещанием Чада, Национальным телевидением и его 25 провинциальными станциями, а также Агентством печати и издательств Чада [ADES – ONG Internationale//Presentation de l'annuaire des medias du Tchad 2022/<https://www.ades-international.org/presentation-de-lannuaire-des-medias-du-tchad-2022/>].

Габон. По данным Высшего совета по коммуникациям (НАС), органа регулирования СМИ Габона, по состоянию на 10 января 2024 года в стране действовало 169 онлайн-СМИ. Однако только 29 из этого списка соответствуют действующим законодательным нормам, в частности, касающимся осуществления аудиовизуальной, письменной и цифровой коммуникационной деятельности. В связи с этим регулятор СМИ призвал всех обновить свои обязательства [Communication: Seuls 29 médias en ligne en règle sur 169 au Gabon/Gabon Review. 11.01.2024. URL: <https://www.gabonreview.com/communication-seuls-29-medias-en-ligne-en-regle-sur-169-au-gabon/>].

Центральноафриканская Республика. В системе СМИ этой страны доминирует радиовещание: это, прежде всего, радиостанция «Радио Ндеке Лука» в столице страны Банги [Radio Ndeke Luka. URL <https://www.radiondekeluka.org/>], а также и маломощные местные радиостанции; телевизионная сеть находится в затруднительном положении. Печатные СМИ развиты недостаточно и часто подвержены влиянию турбулентных политических факторов государства ^[13], для которого характерна политическая нестабильность вследствие действий сепаратистских вооруженных группировок [Relèvement et stabilisation en RCA, volet médias. URL: <https://cfi.fr/fr/projet/relevement-et-stabilisation-en-rca-volet-medias>].

Экваториальная Гвинея. СМИ данного испаноязычного государства-члена CEMAC весьма немногочисленны: 7 периодических изданий, 5 радиостанций и 2 телеканала, при этом

масс-медиа находятся в государственной собственности [Equatorial Guinea Media Directory/EIN Presswire. URL: <https://www.einpresswire.com/world-media-directory/3/equatorial-guinea>].

Республика Конго. Более разнообразен медиаландшафт Республики Конго (Конго-Браззавиль), который характеризуется сочетанием частных и государственных СМИ, а также значительным присутствием телевидения и радио. Французские источники, пристально наблюдающее за странами франкофонии, отмечают, что несмотря на кажущееся разнообразие (около 20 частных телеканалов, 20 газет и 40 радиостанций), многие СМИ, особенно телеканалы, тесно связаны с правительственными кругами, и данное обстоятельство в сочетании с влиянием «авторитарного правительства» на СМИ, приводит к самоцензуре и давлению на журналистов [Congo-Brazzaville//RSF. URL: <https://rsf.org/fr/pays-congo-brazzaville> (дата обращения: 07.01.2025)].

СЕМАС и интернет. Уровень охвата населения стран-членов СЕМАС интернетом вариативен. Обратимся к сводной таблице (Таблица 1), составленной авторами на основе данных за 2025 г., публикуемых статистическим онлайн-ресурсом Data Reportal [Digital 2025: Cameroon//Data Reportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-cameroon>; Digital 2025: Chad//Data Reportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-chad>; Digital 2025: Gabon// URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-gabon>; Digital 2025: The Republic of the Congo// URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-republic-of-the-congo>; Digital 2025: Equatorial Guinea. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-equatorial-guinea>; Digital 2025: Central African Republic. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-central-african-republic>].

Таблица 1

Государство-член СЕМАС	Кол-во пользователей интернетом	Кол-во населения	% пользователей интернетом по отношению к населению
Камерун	12,4 млн	29,5 млн	41,9
Чад	2,74 млн	20,7 млн	13,2
Республика Конго	2,46 млн	6,41 млн	38,4
Габон	1,84 млн	2,57 млн	71,9
Экваториальная Гвинея	1,16 млн	1,92 млн	60,4
Центральноафриканская Республика	0,839 млн	2,07 млн	15,5

В таблице страны-члены СЕМАС расположены по убыванию общего количества пользователей интернетом и, соответственно, социальными сетями. Мы видим, что наиболее населенный Камерун, являющийся государством с выходом к Атлантическому океану, имеет наибольшее количество пользователей интернетом, хотя доля их по отношению к общему количеству населения составляет менее половины населения страны. При этом небольшие по населению прибрежные государства Габон и Экваториальная Гвинея значительно опережают остальные страны-члены СЕМАС по количеству пользователей интернетом в процентном соотношении (значительно более половины населения). Чад и Центральноафриканская Республика, территории которых по прихоти бывшей метрополии (Франции) отрезаны от выхода к Атлантическому океану, имеют самый низкий процент населения, имеющего доступ к интернету. Таким образом

краткий анализ ситуации с цифровыми СМИ в странах-членах СЕМАС демонстрирует различные условия развития современной медиасреды данной организации.

Медиапространство СЕМАС: общие проблемы. Схожие черты СМИ государств-членов СЕМАС обусловлены политической, экономической и социальной ситуацией в регионе, для которого характерны такие явления, как конфликтогенность, военные столкновения (часто перерастающие в войны) и внутренние социальные конфликты – этнополитические, межэтнические, религиозные [14]. СМИ в странах СЕМАС сталкиваются с многочисленными вызовами, такими как ограничение свободы слова, экономические трудности и политическое давление. Несмотря на эти проблемы, по мнению исследовательского центра африканских СМИ «Baromètre des médias africains», цифровизация и развитие интернета открывают новые возможности для расширения доступа к информации и продвижения независимой журналистики. По мнению «Baromètre des médias africains» проведение реформ законодательства о СМИ и международная поддержка могут способствовать укреплению роли СМИ как важного института в обеспечении прозрачности, демократии и социального развития в странах СЕМАС [Baromètre des médias africains. URL : <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/africa-media/10406.pdf>].

Вместе с тем странам-членам СЕМАС необходимо учитывать, что грантовая или проектная форма финансирования с привлечением зарубежных спонсоров, широко распространенная в регионе, играет двоякую роль. Различные международные некоммерческие организации и западные институты, разрабатывающие локальные или зонтичные программы, зачастую ориентируются на собственные принципы и интересы [15, с. 52].

Информационная система региона СЕМАС, как, собственно, и всей Африки южнее Сахары, представляет собой сочетание традиционных и цифровых каналов, развивающихся неравномерно в зависимости от экономического уровня конкретной страны. Радиовещание остается наиболее охватным и влиятельным медиа, особенно в сельских районах и среди малограмотных слоев населения [Conroy-Krutz J., Amakoh K., Amewunou K. Mutation du paysage médiatique d'Afrique: L'usage des médias numériques augmente, mais les fossés démographiques aussi//Dépêche No. 800 d'Afrobarometer. 30 avril 2024. URL: <https://www.afrobarometer.org/pan-africa-profiles/?current-page=3#:~:text=AD800%20:%20Mutation%20du%20paysage%20médiatique,mais%20les%20fossés%20démographiques%20aussi&text=La%20radio%20reste%20la%20source,utilisée%20-%20et%20la%20plus%20démocratique>]. Телевидение занимает промежуточную позицию, активно используется как внешними медиаструктурами (France 24, BBC, CGTN, CNN, RT), так и национальными государственными каналами для продвижения официальной повестки. Онлайн-СМИ и цифровые платформы демонстрируют определенный рост, особенно в городах, но часто страдают от низкой достоверности, политической ангажированности и зависимости от социальных сетей. Согласно отчету Российского агентства социального инжиниринга за 2025 г., африканские печатные СМИ постепенно утрачивают массовое влияние, сохраняясь как инструмент влияния на узкие элиты. Такая структура медиаполя создает благоприятные условия для гибридных форм психологических операций, комбинирующих устные, визуальные и цифровые каналы в зависимости от целевой аудитории и региона [Континент смыслов. Как устроено внешнее информационное влияние на Африку//Social Engineering Agency. URL: <https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2025/04/АФРИКА-КОНТИНЕНТ-СМЫСЛОВ.pdf>].

СМИ СЕМАС: задачи и решения. На наш взгляд, перед региональным сообществом

СЕМАС в настоящее время стоят следующие задачи в области развития средств массовой информации:

- целенаправленное изучение медийной ситуации в странах данного регионального объединения;
- регулярная деятельность по гармонизации правового поля в области СМИ стран-членов СЕМАС;
- разработка единой стратегии подготовки кадров для масс-медиа стран региона;
- совместная оценка проблем и рисков, связанных с развитием цифровой медиасреды, и разработка общих подходов для их решения.

Указанные задачи необходимо решать, опираясь не только на традиционные контакты и связи, существующие у стран региона в рамках «мира франкофонии» и сотрудничества с многочисленными западными некоммерческими и неправительственными организациями, но и взаимодействия в рамках саммитов «Россия – Африка». Так, на втором саммите «Россия – Африка», прошедшем в Санкт-Петербурге в июле 2023 г., работал медиафорум, который принял декларацию о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. В декларации, в частности, предусмотрены меры, которые «...направлены на использование информационно-коммуникационных технологий в мирных целях, укрепление цифрового суверенитета развивающихся государств, должны учитывать их нужды и потребности, способствовать обмену опытом и передовыми практиками, а также содействовать подготовке квалифицированных специалистов» [Декларация второго саммита Россия – Африка о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности//Документы, принятые и подписанные по итогам второго саммита Россия – Африка//Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5975>].

Выводы

В современном мире СМИ стран Африки к югу от Сахары сталкиваются с той же проблемой, которая существовала в период их освобождения от колониальной зависимости от европейских метрополий: крайний дисбаланс потоков информации «Север – Юг» в пользу промышленно и технологически развитых стран Запада («Севера»). Распад СССР и исчезновение стран социалистического содружества, переход от двухполярного мира к глобализации по западным рецептам при технологической и информационной гегемонии Запада с одной стороны, предоставил возможность африканским странам присоединиться к глобальному цифровому информационному пространству, с другой – лишь усугубил информационную зависимость от Запада «черного континента». Проблема достижения нового информационного и коммуникационного порядка так же актуальна сейчас для стран Африки в эпоху цифровых СМИ, как была в эпоху аналоговых СМИ.

Региональное объединение шести стран Центральной Африки СЕМАС, возникшее во второй половине 1990-х гг., входящее в зону франкофонии, в основном сосредоточило усилия в сфере экономического сотрудничества, однако ему необходимо уделять больше внимания координации усилий в области развития региональной медиасреды. Неравномерность развития традиционных СМИ, разнящиеся уровни развития цифровых медиа, гегемония ведущих западных медиагигантов в медиасреде стран региона, информационный суверенитет и информационная безопасность – вот проблемы современной эпохи, которые необходимо преодолевать государствам-членам СЕМАС.

Рекомендации

Для решения указанных проблем государствам-членам СЕМАС необходимо выработать более артикулированную политику в сфере СМИ региона, для этого необходимо создать специальный координирующий орган в руководящих структурах организации, который выработал бы единую стратегию для решения задач, указанных в последнем разделе данной статьи.

Сотрудничество с Россией в рамках саммитов «Россия-Африка», сближение со странами БРИКС могло бы способствовать созданию платформ для решения медийных задач, стоящих перед странами-членами СЕМАС. Многополярный мир, контуры которого все более ясно проступают в последнее десятилетие, является альтернативой глобалистскому однополярному миру информационной гегемонии стран Запада. Создание собственной статистической базы, координация теоретических и практических исследований в области СМИ, взаимодействие научных сообществ стран СЕМАК и России является перспективой для того, чтобы заложить фундамент развития СМИ региона СЕМАК и Африки в целом.

Библиография

1. Абрамова И. О. (ред.). Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
2. Усачева В. В. Африканские страны в поисках информационного суверенитета: прошлое и настоящее // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3 (68). С. 44-63. URL: <https://doi.org/32053352/2632/5939/2226/88/5/66/85>. EDN: CTYFPR
3. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 565-568. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348. EDN: ZTNGMT
4. Nkrumah K. Neocolonialism, the Last Stage of Imperialism. Transcribed by Dominic Tweedie for marxists.org. Converted to epub for marxists.org by Janet Blackquill, 2023. 204 p. URL: <https://www.marxists.org/ebooks/nkrumah/nkrumah-neocolonialism.pdf>
5. Панцеров К. А. Информационно-коммуникационная индустрия в странах Тропической Африки: история и современности (на примере становления института журналистики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 4. С. 250-259. EDN: NDLZST
6. Панцеров К. А. Информационный неокOLONиализм как форма неокOLONиализма в Африке: прошлое, настоящее, будущее // Тезисы докладов участников Всероссийской конференции. Гавристова, Т. М. & Хохолькова, Н. Е. (ред.). Ярославль, 2020. С. 90-92.
7. Панцеров К. А. Страны Тропической Африки на пути в глобальное информационное общество: проблемы и перспективы. СПб.: Факультет международных отношений СПбГУ, 2010. 254 с. EDN: ZTXYZ
8. MacBride S. Many voices, one world: towards a new, more just, and more efficient world information and communication order. International Commission for the Study of Communication Problems; MacBride, Sean; UNESCO, 1980. ISBN 978-121-110-5. 312 p.
9. Снапковский В., Федотов Л. О некоторых подходах к исследованию международного порядка в области информации и коммуникации // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 67-77. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-67-77>. EDN: MCLIWR
10. Землянова Л. М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. М.: МедиаМир, 2012. 188 с.
11. Omowale A., Azeez M., Opaleke G., Oyindamola, Amusan G. Global News Flow:

Revisiting The New World Communication Order // African Journal of Social & Behavioural Sciences. 2024. Vol. 14, No. 2. Pp. 579-590.

12. Kohnert D. Francophonie en Afrique subsaharienne: dépendance postcoloniale ou autodétermination? // Researchgate. December 2022. License CC BY-NC-SA 4.0. P. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/366185457_Francophonie_en_Afrique_subsaharienne_dependance_postcoloniale_ou_autodetermination.

13. Jenboubi S. Pamorama de la presse centrafricaine: Entre pauvreté et politique d'influence // Notes de l'Ifri. Octobre 2019. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/jendoubi_presse_centrafrique_2019.pdf.

14. Шилина М. Г., Базье И., Джамиу М. М., Волкова И. И., Морева А. Н. Медиа Африки в новой реальности: от медиации к медиатизации в контексте африкологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 201-212. URL: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212>. EDN: UOEYLF

15. Уланова Н. С. Актуальные направления сотрудничества России и стран Африки в области цифровой и информационной безопасности // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 6 (83). С. 48-59. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-48-59. EDN: AGDKNL

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи соотносится с одной из рубрик издания. Автор обращается к анализу медиапространства африканского континента. Собственно «актуальность избранной темы исследования обусловлена возрастающей ролью африканских государств в современном мире в контексте усиливающихся признаков его многополярности». Цель, задачи сформулированы точно, логически верно: «целью исследования – анализ современной ситуации в медиапространстве государств-членов центральноафриканского регионального объединения СЕМАС, являющегося составной частью африканского медиапространства». На мой взгляд, данная работа есть попытка систематизации имеющихся данных в указанной предметной области и это, пожалуй, определяет ее научную новизну. Методы исследования корректны, современны, они уместны для раскрытия вопроса; научное обобщение, критический анализ, общение статистических данных дают возможность концептуально выявить общие аспекты изучаемой проблемы. Эмпирическую базу исследования «составили данные таких источников, как официальный сайт Президента Российской Федерации, официальный сайт ЮНЕСКО, официальный сайт Communauté Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale (СЕМАС), данные, содержащиеся на сайте исследовательского центра Baromètre des médias africains, организации Reporters Sans Frontières, портала Data Reportal, содержавшего обширную базу данных по цифровому пространству стран мира, с доступных сайтов СМИ государств-членов СЕМАС и западных СМИ». Вариатив, думаю, вполне объемен, сферическая / расширительная парадигма необходима. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия, которые использует автор контекстуально точны. Думаю, что материал уместно использовать на практике в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Привлекает в текста позиционная точка зрения автора, он критически обоснована, при этом учитывается и должная аргументация, которая обеспечивает объективность оценки. Ссылки и цитации оформлены правильно: например, «В полной мере неокOLONиальная зависимость африканских государств,

начиная с периода обретения политической независимости и по настоящее время, проявляется в медиасфере [5]. Говоря об этой зависимости, современные исследователи используют термин «информационный империализм», который представляет собой одну из форм неокOLONиализма, наряду с экономическим, направленную на продолжение эксплуатации африканских народов народами западной цивилизации [6, с. 91]» и т.д. «Отсылки» к открытым источникам также весьма уместны: «Камерун. Французские источники отмечают, что Камерун «может похвастаться» одним из самых богатых медиаландшафтов на африканском континенте. Число СМИ в стране достигает 600, деятельность которых регулируется законом от 19 декабря 1990 года о свободе социальных коммуникаций [Paysage médiatique camerounais//La France au Cameroun. 28/03/2023. URL: <https://cm.ambafrance.org/Paysage-mediastique-camerounais>]. Выводы по тексту соотносятся с основной частью; автор отмечает, что «Сотрудничество с Россией в рамках саммитов «Россия-Африка», сближение со странами БРИКС могло бы способствовать созданию платформ для решения медийных задач, стоящих перед странами-членами СЕМАС. Многополярный мир, контуры которого все более ясно проступают в последнее десятилетие, является альтернативой глобалистскому однополярному миру информационной гегемонии стран Запада. Создание собственной статистической базы, координация теоретических и практических исследований в области СМИ, взаимодействие научных сообществ стран СЕМАК и России является перспективой для того, чтобы заложить фундамент развития СМИ региона СЕМАК и Африки в целом». В целом тема работы раскрыта, цель достигнута; материал научно оправдан, список источников полновесен, его можно использовать далее при формировании новых работ смежной тематической направленности. Рекомендую статью «СМИ государств СЕМАС: проблемы и решения в контексте современного медиапространства африканского континента» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли М. Формирование национального имиджа в освещении китайско-российских экономических отношений: на примере газеты «Жэньминь жибао» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75631 EDN: THCNİK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75631

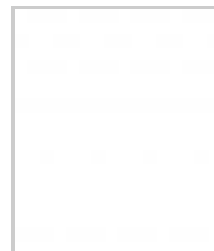
Формирование национального имиджа в освещении китайско-российских экономических отношений: на примере газеты «Жэньминь жибао»

Ли Минъян

аспирант; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ lm7896150@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75631

EDN:

THCNİK

Дата направления статьи в редакцию:

24-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является формирование и трансформация национального имиджа Китая в англоязычных и китайских СМИ на примере освещения китайско-российских экономических и внешнеполитических отношений в таких изданиях, как «Жэньминь жибао», «Нью-Йорк таймс» и «Финансовая газета». Объектом анализа выступают дискурсивные стратегии, лингвостилистические особенности и идеологические акценты, используемые в медиатекстах, отражающих динамику двустороннего сотрудничества, геополитических союзов и глобальных вызовов. Автор подробно рассматривает, каким образом медиарепрезентация Китая соотносится с концепцией «мягкой силы», механизмами легитимации внешнеполитического курса и стратегией публичной дипломатии. Особое внимание уделяется сравнению позитивного, проактивного нарратива «Жэньминь жибао», который представляет Китай как надёжного партнёра и архитектора справедливого мирового порядка, с критически-аналитическим и ограничительным тоном англоязычных СМИ, склонных акцентировать внимание на рисках, неоднозначности и стратегических разногласиях. Методология включает

элементы медиалингвистического анализа, критического дискурс-анализа и когнитивно-прагматического подхода к изучению политико-информационного текста. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном анализе формирования образа Китая в разнополюсных медийных средах китайской и западной в условиях глобальной геополитической турбулентности. Автор впервые обращается к сравнению медиадискурса на конкретных кейсах, связанных с китайско-российским стратегическим партнёрством, используя как отечественные, так и зарубежные источники. В результате установлено, что Жэньминь жибао использует риторику позитивной интеграции и «общей судьбы человечества», в то время как Нью-Йорк таймс и Финансовая газета прибегают к стратегиям дистанцирования и латентной критики, подчеркивая риски и ограниченность партнёрства. Выводы работы вносят вклад в развитие медиалингвистики, исследований политического имиджа и транснациональной коммуникации, демонстрируя значимость лингвистических механизмов в формировании публичного мнения и международной репутации государства.

Ключевые слова:

Национальный имидж, Медийный дискурс, Китайско-российские отношения, Экономическое сотрудничество, Жэньминь жибао, Стратегии фрейминга, Политическая коммуникация, Публичная дипломатия, Лингвистический анализ, Международные СМИ

В условиях стремительных изменений глобального политического и экономического ландшафта средства массовой информации приобретают всё более значимую роль не только как трансляторы информации, но и как активные участники в процессе конструирования смыслов, идеологических установок и национального имиджа. Современная медиареальность демонстрирует, что освещение международных событий в СМИ становится инструментом формирования устойчивых представлений о странах, их политике, экономике и культурной специфике [\[1\]](#). В этом контексте вопрос о том, как через медиатексты репрезентируется образ государства, приобретает особую актуальность, особенно в межгосударственном взаимодействии крупных акторов мировой политики, таких как Китай и Россия.

Китайско-российские экономические отношения, развивающиеся на фоне меняющейся архитектуры международного порядка, служат не только фактором региональной стабильности и роста, но и объектом репрезентации в национальных и зарубежных медиа. Ведущие государственные издания Китая, включая «Жэньминь жибао», выполняют функцию институционализированного канала внешней коммуникации, транслируя не только официальную позицию, но и формируя специфический имидж как Китая, так и его партнёров. Через нарративные стратегии и медийные фреймы эти издания создают устойчивые интерпретации международного сотрудничества, ориентированные как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию. Изучение данных дискурсивных практик позволяет выявить механизмы символического влияния и средства построения лояльного имиджа в рамках политико-экономического партнёрства.

Целью исследования является выявление механизмов формирования имиджа страны средствами медиатекста, а также анализ того, каким образом ведущие китайские СМИ структурируют и транслируют образы Китая и России в контексте экономического партнёрства. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: проанализировать содержательные и стилистические особенности публикаций «Жэньминь жибао» по тематике китайско-российского сотрудничества; определить

основные фреймы, используемые для репрезентации двух стран; рассмотреть взаимосвязь между медиадискурсом и официальными внешнеполитическими установками. Объектом исследования выступает медиарепрезентация государств в международной коммуникации.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в его рамках предпринята попытка медиалингвистического анализа публикаций «Жэньминь жибао» о китайско-российском экономическом сотрудничестве за последние годы с целью выявления лингвистических и дискурсивных стратегий формирования имиджа Китая и России. При этом особое внимание уделяется тому, как данные образные конструкции соотносятся с официальной внешнеполитической риторикой и коммуникативной стратегией Китая на международной арене. В отличие от существующих работ, преимущественно сосредоточенных на политологических или экономических аспектах двустороннего взаимодействия, настоящая статья акцентирует внимание на языковом и нарративном уровне репрезентации, что позволяет расширить понятийный и методологический инструментарий анализа медиаобразов.

Формирование имиджа страны средствами массовой информации на сегодняшний день является одним из ключевых направлений научного анализа в рамках лингвистики, медиакоммуникации и международных отношений. В условиях цифровой трансформации медиапространства возрастает значимость понимания того, какие нарративные, лингвистические и дискурсивные стратегии используются для репрезентации национального образа в публичном дискурсе. Теоретическая база настоящего исследования строится на совокупности междисциплинарных подходов, включающих понятия национального имиджа, медианарратива, символической политики, а также концепции мягкой силы и национальный брендинг.

Согласно междисциплинарной модели О. П. Горбушина, восприятие имиджа страны формируется под влиянием как политико-экономических факторов, так и социокультурных ассоциаций, закреплённых в коллективном сознании через медийные образы. В их исследовании подчеркивается важность культурной дистанции и перцептивных различий в восприятии Китая и России студентами разных стран, что напрямую связано с особенностями медиакоммуникации и репрезентации страны в СМИ [2].

Имидж государства в международной коммуникации неразрывно связан с понятием политического дискурса. Цай Ц и др., анализируя китайские дипломатические коммюнике, приходит к выводу, что стратегическое конструирование имиджа Китая в англоязычных переводах отражает ключевые элементы национального нарратива, адаптированного к глобальной медиасреде. Такие тексты служат не только формой трансляции политических решений, но и средством формирования благоприятного внешнего образа страны [3]. В другом своём исследовании автор прослеживает эволюцию научного подхода к изучению имиджа страны в Китае, подчеркивая его стратегический характер в рамках концепции "мягкой силы", предложенной Дж. Найем [4].

Цифровые медиа становятся важнейшими каналами для трансляции национального имиджа. Сяо Ю на примере анализа видеоплатформы YouTube показывают, что визуально-цифровые нарративы играют всё более значимую роль в формировании интернационализированного образа Китая. При этом важным становится использование мультимедийного контента, сочетающего аудиовизуальные, лингвистические и

символические коды [\[5\]](#).

Концепт "имиджа" тесно связан с понятием медиатекста как носителя идеологического и дискурсивного содержания. А. В. Муравьев подчеркивает, что репрезентации Китая в российских медиа структурируются на основе устойчивых тем, связанных с инвестициями, технологическим развитием и геополитическим партнёрством, что формирует позитивный "образ другого" и влияет на общественное восприятие страны [\[6\]](#).

Роль политического дискурса в создании устойчивых когнитивных и лингвистических моделей восприятия государства раскрыта в работе А. Н. Гуреева и П. А. Киреева. Они подчёркивают, что медиаимидж это не просто отражение реальности, но и сконструированный феномен, формируемый в зависимости от коммуникативной цели, жанровых характеристик текста и стратегий влияния на аудиторию [\[7\]](#).

Дополняя эти выводы, Р. А. Муртазин обращает внимание на актуализацию политического имиджа России в медиапространстве, рассматривая его как систему символов и знаков, репрезентирующих внутренние и внешние смыслы в условиях глобальной конкуренции идентичностей [\[8\]](#). Этот подход соотносится с анализом Давыдовой, в котором рассматривается символическая политика как механизм трансляции идеологем и образов, формирующих паттерны восприятия страны как "друга" или "угрозы" в рамках информационного противостояния [\[9\]](#).

С точки зрения медиалингвистики, особое внимание уделяется нарративной организации медийного дискурса. З. З. Чанышева раскрывает феномен "меганарратива" как структурной категории, в которой фреймируется политическая и экономическая информация. Такие меганарративы формируют единое смысловое пространство новостных сообщений и стабилизируют восприятие сложных процессов через упрощенные и узнаваемые образы [\[10\]](#).

Таким образом, анализ существующих теоретических и эмпирических исследований позволяет выстроить целостное понимание механизмов формирования имиджа страны в медиапространстве. Современные подходы сочетают когнитивно-дискурсивный, медиалингвистический и политико-коммуникативный анализ, позволяя рассматривать медиаимидж как результат стратегического нарративного конструирования, опирающегося на культурные коды, жанровые форматы и лингвистические средства.

Настоящее исследование основывается на сочетании дискурсивного и контент-анализа, что позволяет всесторонне рассмотреть языковые и медийные механизмы формирования имиджа страны при освещении китайско-российского экономического сотрудничества. В качестве основного эмпирического материала были выбраны публикации газеты «Жэньминь жибао» за период с 2020 по 2024 год. Отбор и анализ материалов осуществлялся на основе электронной базы данных официального сайта издания, при этом учитывались тексты различного жанрового характера от новостных сообщений до аналитических статей и официальных комментариев.

Для обеспечения репрезентативности и структурной прозрачности корпуса была проведена предварительная классификация отобранных текстов по хронологическому и тематическому принципам. Ниже представлены сводные таблицы, отражающие количественное распределение публикаций по годам, а также частотность ключевых тем, освещающих различные аспекты китайско-российского экономического сотрудничества.

Таблица 1. Количество публикаций по годам (2020–2024 гг.)

Год	Количество публикаций	Основные события, влияющие на освещение
2020 год	18	Начало пандемии COVID-19, логистические цепочки, гуманитарное сотрудничество
2021 год	25	«Пояс и путь», восстановление после пандемии, цифровая трансформация
2022 год	34	Рост энергетического сотрудничества на фоне геополитической нестабильности
2023 год	29	Форумы, инвестиционные соглашения, технологические партнёрства
2024 год	32	Углубление сотрудничества в области зелёной экономики и логистики

Источник данных: сформированный на основе материалов газеты «Жэньминь жибао» за 2020–2024 гг.

Таблица 2. Частотность тем в публикациях (2020–2024 гг.)

Тематика	Кол-во публикаций	Процент от общего числа (%)
Энергетика	38	27.5%
Цифровая экономика	24	17.4%
Инфраструктура и логистика	22	15.9%
Торговля и инвестиции	21	15.2%
Гуманитарное и медицинское сотрудничество	14	10.1%
Экологическая повестка	11	8.0%
Прочее (образование, культура)	8	5.8%

Источник данных: сформированный на основе материалов газеты «Жэньминь жибао» за 2020–2024 гг.

Формирование национального имиджа в медиадискурсе является одним из ключевых направлений в современных исследованиях политической и экономической коммуникации. В условиях углубляющегося китайско-российского стратегического партнёрства особенно актуальным становится анализ того, каким образом Россия репрезентируется в официальных китайских СМИ, в частности в крупнейшей государственной газете КНР «Жэньминь жибао». Проведённый дискурсивный и контент-анализ текстов, опубликованных в период с 2020 по 2024 год, позволяет выявить устойчивые лингвистические и риторические механизмы, с помощью которых осуществляется формирование позитивного образа России как экономического партнёра.

Анализ корпуса публикаций «Жэньминь жибао» за 2020–2024 гг., включающего 138 материалов, позволяет выявить как количественные тенденции, так и качественные изменения в медиарепрезентации России. Согласно статистическим данным (см. Таблицу 1), наибольший рост числа публикаций фиксируется в 2022 году (34 материала), что совпадает с обострением международной повестки и необходимостью усиления нарратива о стратегической устойчивости российско-китайских связей. В то же время частотный анализ тем (см. Таблицу 2) показывает, что в медиаречи стабильно доминируют сюжеты энергетического сотрудничества (27,5 %), за которыми следуют цифровая экономика и инфраструктурные проекты. Эти данные подтверждают, что выбор

тематических фреймов не случаен, а связан с задачей закрепить за Россией образ ключевого и многофункционального партнёра, адаптируемого к изменяющимся условиям.

В 2020–2021 гг., когда внимание международной прессы было сосредоточено на пандемии COVID-19, китайский медиадискурс акцентировал гуманитарное измерение партнёрства. Россия в публикациях описывалась как страна, готовая к совместным действиям для «поддержания стабильности цепочек поставок» и «оказания взаимопомощи в условиях глобального кризиса». Подобные формулы сочетали лексику солидарности и доверия, что укрепляло образ России как ответственного и предсказуемого актора. Данные Таблицы 2 подтверждают, что количество публикаций оставалось относительно умеренным (18 в 2020 г. и 25 в 2021 г.), однако именно в этих текстах закладывались основы ключевых фреймов, связанных с взаимной поддержкой и сопряжением инициатив «Один пояс — один путь» с российскими проектами [\[11\]](#).

С 2022 г. акценты заметно смещаются: резкий рост числа публикаций (34) и доминирование энергетической тематики отражают новую стратегию медиарепрезентации. В статье «Китайско-российское энергетическое сотрудничество набирает обороты» Россия названа «опорой энергетической стабильности» и «гарантом бесперебойных поставок» [\[12\]](#). В языке текста фиксируются метафоры типа «энергетический мост» и «энергетическая артерия Евразии», которые выполняют когнитивную функцию структурирования восприятия России как жизненно важного звена региональной энергетической безопасности. Сочетание статистического подтверждения (рост публикаций в 2022 г.) и дискурсивных практик (метафоры, положительная оценочность) демонстрирует, что медиарепрезентация России в этот период служила инструментом легитимации её роли в новой геоэкономической реальности.

В 2023 г. тематические приоритеты расширяются: возрастает внимание к инвестициям, цифровой трансформации и зелёной повестке. В публикации «Инновационные концепции и практические кейсы к 10-летию инициативы “Зелёный пояс и путь”» подчёркивается, что Россия активно вовлечена в проекты, направленные на «устойчивое развитие и экологическую модернизацию» [\[13\]](#). Здесь в медиаречи используются устойчивые словосочетания «зелёное партнёрство» и «общее будущее с низким уровнем выбросов», что выводит образ России за рамки традиционного «ресурсного партнёра» и помещает его в глобальный дискурс экологической ответственности. Согласно Таблице 2, экологическая тематика занимает лишь 8 %, но её ценностная нагрузка значительно выше статистического веса, что свидетельствует о дискурсивном «надстроечном эффекте»: даже при небольшой частотности эти тексты выполняют важную идеологическую функцию.

В 2024 г. наблюдается интеграция нескольких фреймов в единый комплекс: энергетическая надёжность, логистическая связанность, цифровизация и зелёное развитие образуют целостный нарратив о России как «полноправном партнёре в создании общего будущего». В статье «Китайско-российские отношения стабильно движутся в правильном направлении» Россия описывается как страна, с которой Китай «разделяет стратегическое доверие и глобальные ориентиры развития» [\[14\]](#). Количество публикаций остаётся высоким (32 материала), что подтверждает стабильное присутствие России в китайском медиапространстве, при этом тематическое поле становится более многомерным. Таким образом, количественные данные (Таблица 1 и Таблица 2) и дискурсивные стратегии демонстрируют синхронность: чем выше политическая значимость двусторонних отношений, тем интенсивнее и многограннее их репрезентация

в официальной прессе.

Сравнительный анализ за 2020–2024 гг. позволяет выделить устойчивые и изменчивые элементы имиджевой репрезентации. К стабильным относятся: положительная оценочность («надёжный», «устойчивый», «стратегический»), метафоры сопряжения («мост», «опора»), риторика доверия и взаимной выгоды. К изменчивым тематические акценты, которые адаптируются к международным обстоятельствам: от гуманитарной помощи в 2020–2021 гг. к энергетической безопасности в 2022 г., инвестициям и цифровизации в 2023 г., комплексному образу партнёрства в 2024 г. Такая динамика подтверждает, что национальный имидж в медиадискурсе является когнитивно и идеологически адаптивной конструкцией, которая одновременно обеспечивает преемственность восприятия и отражает текущее состояние международной политики.

Именно эта способность дискурса к сочетанию стабильности и гибкости опирается на использование специфических лингвистических стратегий, которые позволяют закреплять позитивный образ России и одновременно адаптировать его к изменяющейся международной повестке. В формировании национального имиджа России в дискурсе китайской газеты «Жэньминь жибао» реализуется комплекс лингвистических стратегий, направленных на стабилизацию и легитимацию позитивного образа внешнеэкономического партнёра. Эти стратегии опираются на ключевые принципы медиалингвистики и когнитивной прагматики, в рамках которых имидж трактуется как результат дискурсивной репрезентации, формирующейся на пересечении политического нарратива, оценочной модальности и культурных кодов, закреплённых в языке. Как отмечает П. П. Артемьева, средства языка в медиатексте не просто отражают реальность, но активно её конструируют через отбор тем, стилистических приёмов и семантических рамок восприятия [\[15\]](#). В контексте китайско-российских экономических отношений этот процесс приобретает особую значимость, поскольку образ России формируется не как абстрактная категория, а как функционально значимый элемент китайского геополитического нарратива.

На уровне тематического моделирования дискурса доминируют четыре фрейма: энергетика, логистика, цифровизация и устойчивое развитие. Эти рамки задают концептуальное поле для репрезентации России как надёжного и системно значимого партнёра. В статье «Китайско-российские отношения стабильно движутся в правильном направлении» Россия представлена как «глубоко интегрированная в глобальную архитектуру партнёрства страна», взаимодействие с которой «отражает зрелость и устойчивость двусторонних связей» [\[14\]](#). Такое фреймирование задаёт когнитивную матрицу восприятия, в которой партнёрство с Россией интерпретируется как фактор баланса, ответственности и стратегической стабильности.

Оценочная лексика выступает вторым ключевым инструментом формирования позитивного имиджа. В большинстве проанализированных текстов наблюдается преобладание положительно маркированных лексем: «стабильный», «устойчивый», «надёжный», «взаимовыгодный», «стратегический». Например, в статье подчёркивается, что «Россия и Китай демонстрируют зрелость и устойчивость отношений, укрепляя взаимные интересы». Такая лексика сопровождается прагматическими маркерами дипломатической близости, среди которых особенно часто встречаются словосочетания типа «высокий уровень координации», «глубокое доверие», «совместные усилия». В рамках когнитивной теории оценки такие высказывания можно отнести к категории суждения, поскольку они ориентированы не только на описание событий, но и на интерпретацию акторов как этически и стратегически значимых [\[16\]](#).

Дополнительный пласт репрезентации формируется за счёт риторики стратегического доверия и равноправия. Это проявляется в устойчивом использовании конструкций, легитимирующих партнёрство как основанное на взаимной выгоде и суверенном уважении: «партнёрство на основе равенства», «углубление стратегической координации», «движение навстречу общему будущему». В статье «Си Цзиньпин принимает участие в видеоконференции Всемирного экономического форума 2022 года и выступает с речью» Россия упоминается как один из участников построения «справедливого и устойчивого мирового порядка» [17]. Эти формулы функционируют как речевые стратегии сближения в рамках межкультурной коммуникации, подчеркивая системную сопричастность России к целям и ценностям китайской внешнеполитической доктрины.

Особое внимание следует уделить метафорическим моделям, играющим структурирующую роль в формировании когнитивного образа страны. Метафора, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, не просто украшающий приём, а способ мышления и упорядочивания опыта [18]. В дискурсе «Жэньминь жибао» Россия часто метафорически позиционируется как «мост», «опора», «движущая сила». Так, в статье «Российско-китайский экономический коридор стал надёжным мостом взаимного процветания» Россия выступает как связующее звено, необходимое для реализации евразийских интеграционных инициатив [11]. Такая метафора не только придаёт позитивный смысл взаимодействию, но и стабилизирует политическую интерпретацию партнёрства в массовом восприятии, создавая устойчивые когнитивные образы на уровне коллективного сознания.

Использование конкретных топонимических и символических формул усиливает эффект имиджевого позиционирования. В публикации «Сотрудничество "Северо-Восток — Дальний Восток" демонстрирует активность» фокус смещается на региональное сопряжение, в котором российская территория представляется как логистически активное пространство с высокой степенью интеграционной включённости [19]. Языковые конструкции типа «новые узлы роста» и «связанность регионов» служат не только техническими обозначениями, но и идеологически нагруженными маркерами символического включения России в китайский проект «Пояса и пути».

Таким образом, представленные примеры демонстрируют, что имидж России в китайском медиадискурсе строится посредством системной лингвистической репрезентации, включающей в себя фреймовые структуры, оценочную модальность, риторические и метафорические стратегии. Эти элементы взаимодействуют как на когнитивном, так и на идеологическом уровне, способствуя закреплению устойчивого образа России как суверенного, надёжного и прагматичного экономического партнёра. В условиях текущей международной турбулентности такая языковая репрезентация не только отражает политические реалии, но и активно участвует в их моделировании на уровне публичного сознания.

Проведённый анализ динамики и языковых стратегий репрезентации России в публикациях «Жэньминь жибао» показал устойчивую позитивную тональность нарратива. Однако для более многомерного понимания медийного конструирования имиджа важно дополнить этот анализ сравнением с западными медийными практиками, где репрезентация российско-китайских отношений чаще всего строится в иной, критической оптике.

Сравнение медиадискурсов помогает выявить не только тематические различия, но и

способы, с помощью которых СМИ моделируют когнитивные рамки восприятия. В западной прессе отношения между Китаем и Россией часто описываются через конфликт, стратегическую зависимость или геополитическое противостояние. Например, в статье Нью-Йорк Таймс «Китай и Россия углубляют связи на фоне глобальных перемен» подчёркивается, что углубление сотрудничества происходит на фоне международной изоляции Москвы и может ограничить дипломатическую гибкость Китая [20]. В то время как в «Жэньминь жибао» аналогичные процессы описываются через термины «углубление стратегического партнёрства», «устойчивость» и «взаимная выгода», что формирует прямо противоположное когнитивное поле интерпретации.

В публикации Финансовая газета «Партнёрство Китая с Россией должно иметь ограничения» акцент делается на том, что чрезмерное сближение с Россией может создать для Китая экономические и политические риски, особенно в условиях санкционного давления [21]. Здесь репрезентация строится на идее необходимости «ограничений» и «осторожности». В отличие от этого, в «Жэньминь жибао» подобные сюжеты сопровождаются формулировками «углубление энергетического сотрудничества», «новые горизонты цифровой экономики» и «зелёное партнёрство», где взаимодействие не имеет негативных коннотаций, а наоборот интерпретируется как шаг к устойчивому развитию и укреплению доверия. Таким образом, западный дискурс акцентирует риски и зависимость, тогда как китайский выгоду и стратегическую предсказуемость.

Таким образом, западные медиа чаще функционируют как инструменты проблематизации, формирующие представления о китайско-российском партнёрстве через призму угроз, вызовов и ограничений. В противоположность им, «Жэньминь жибао» демонстрирует стратегию символической легитимации, где ключевыми средствами служат положительная оценочность, метафоры сопряжения и риторика доверия. Этот контраст показывает, что в международном медиапространстве сосуществуют конкурирующие нарративы: один, деидеализирующий и критический, другой стабилизирующий и позитивный.

Сравнивая западный и китайский медиадискурсы, можно выделить фундаментальное различие: западные СМИ стремятся к проблематизации, подчеркивая риски и уязвимости, тогда как китайские источники, прежде всего «Жэньминь жибао», транслируют позитивные и интегративные образы, закрепляющие стратегическое партнёрство как основу международной стабильности. Это сопоставление показывает, что медиарепрезентация не отражение объективной реальности, а инструмент когнитивно-идеологического конструирования, который формирует у аудитории устойчивые, но диаметрально противоположные картины одного и того же процесса.

Таким образом, сопоставительный анализ медийных стратегий и лингвистических средств, задействованных в репрезентации китайско-российских экономических отношений, позволяет обобщить основные тенденции и выводы, полученные в ходе исследования. Настоящее исследование было направлено на выявление лингвистических и дискурсивных механизмов формирования национального имиджа в медиарепрезентации китайско-российских экономических отношений на материале публикаций газеты «Жэньминь жибао» за 2020–2024 гг. В рамках медиалингвистического анализа удалось установить, что освещение России как экономического партнёра Китая строится на основе устойчивых положительных фреймов, таких как «стратегическое партнёрство», «энергетическое сопряжение», «цифровая трансформация» и «устойчивое развитие». Ключевую роль в этом процессе играют

средства оценочной лексики, когнитивные метафоры сопряжения («мост», «опора», «коридор») и риторика взаимной выгоды и доверия.

Дискурсивная динамика, прослеженная по годам, позволяет заключить, что имидж России в медиапространстве КНР обладает адаптивным характером: он варьируется в зависимости от международного контекста и приоритетов внешнеполитической повестки, но сохраняет ядро устойчивых характеристик надёжность, прагматизм, стратегическая ценность. Таким образом, медиарепрезентация выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент когнитивной стабилизации образа международного партнёра.

Сравнительный анализ китайского и западного медиадискурса выявил значительные расхождения в способах репрезентации одних и тех же событий. В то время как «Жэньминь жибао» формирует легитимирующий и стабилизирующий образ России, западные СМИ склонны к проблематизации и критической интерпретации китайско-российского сотрудничества, фокусируясь на рисках, угрозах и стратегических ограничениях. Эта дивергенция демонстрирует, что национальный имидж является конструкцией, производимой в зависимости от идеологической позиции, медиаполитики и внешнеполитической идентичности страны-ретранслятора.

Вклад настоящей работы состоит в том, что она объединяет медиалингвистический, когнитивно-дискурсивный и сравнительный подходы, позволяя комплексно рассмотреть формирование имиджа государства в условиях глобального медиаплюрализма.

Библиография

1. Чунихина Т. Н., Круглик Н. В. Формирование медийного образа страны в СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 83-88. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.036
2. Горбушина О. П. Междисциплинарная модель имиджа стран // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 4. – С. 65-73. DOI: 10.24866/1813-3274/2023-4/65-73
3. Цай Ц., Хань Ч., Чэнь П., Грабельников А.А. Формирование национального имиджа и практика перевода китайского политического дискурса в контексте цифровой эпохи - на примере китайских дипломатических коммюнике // Litera. 2024. № 6. С. 227-243. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70791 EDN: DKZHEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70791
4. Сунь И. Образ Китая в российских СМИ (на основе статей, опубликованных в "Известиях", "Коммерсанте" и "Российской газете" в 2024 г.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 188-203. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203
5. Сяо Ю. Современная межкультурная коммуникация и национальный имидж Китая: исследование видеоплатформы YouTube // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 190-202. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).190-202
6. Муравьёв А. В. Когнитивные особенности формирования имиджа России в интернет-СМИ Китая // Филологическое образование и современный мир: сб. науч. тр. – 2022. – С. 53-57.
7. Гуреева А. Н., Киреева П. А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 28-56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856
8. Муртазин Р. А. Особенности политического имиджа России в массмедийном пространстве современности // Известия Тульского государственного университета.

- Гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С. 22-31. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-1-22-31
9. Таказов В. Д., Загоскина К. С. СМИ как инструмент продвижения политики "мягкой силы" // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 148-151.
10. Чанышева З. З. Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 206-218. DOI: 10.21638/spbu22.2021.301
11. People's Daily: "One Belt, One Road" leading to future common prosperity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/big5/n1/2016/1227/c1001-28979088.html> (дата обращения: 02.05.2025).
12. People's Daily: Chinese-Russian energy cooperation is gaining momentum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0804/c1002-29448563.html> (дата обращения: 02.05.2025).
13. People's Daily: Innovative concepts and practical cases for the 10th anniversary of the initiative "Green Belt and Road" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-01/17/nw.D110000renmrb_20240117_1-17.htm (дата обращения: 02.05.2025).
14. People's Daily: Leading relations between China and Russia are steadily moving in the right direction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-01/31/nw.D110000renmrb_20240131_2-03.htm (дата обращения: 02.05.2025).
15. Артемьева П. П. Когнитивная теория прагматики Т. А. ван Дейка в ракурсе исследования поликодовых текстов // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4 (101). – С. 319-321. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-319-321
16. Chang Y., Wang X., Wang J. et al. A survey on evaluation of large language models // ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – P. 1-45. DOI: 10.1145/3641289
17. People's Daily: Xi Jinping takes part in the video conference of the World Economic Forum 2022 and makes a speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n1/2022/0118/c1024-32333532.html> (дата обращения: 02.05.2025).
18. Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации : Сборник научных трудов VIII Международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной Году педагога и наставника в России и Году русского языка в странах СНГ, Курск, 11 апреля 2023 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2023. – 521 с.
19. People's Daily: Sino-Russian cooperation "North-East-Far East" demonstrates activity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hlj.people.com.cn/n2/2021/0108/c399530-34517256.html> (дата обращения: 02.05.2025).
20. China and Russia deepen ties as the world shifts // The New York Times. – 2023. – 20 марта. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/03/20/world/asia/china-russia-ties.html> (дата обращения: 02.05.2025).
21. China's partnership with Russia needs to have limits // Financial Times. – 2023. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/9ca965a9-2eb2-424b-a836-0224a4c14535> (дата обращения: 02.05.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию особенностей формирования национального имиджа Китая и России в освещении китайско-российских экономических отношений. Отмечается, что «современная медиареальность демонстрирует, что освещение международных событий в СМИ становится инструментом формирования устойчивых представлений о странах, их политике, экономике и культурной специфике». Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения лингвистических и дискурсивных стратегий формирования национального имиджа в медиадискурсе китайской газеты «Жэньминь жибао».

Теоретической основой работы выступили труды как российских, так и зарубежных исследователей по изучению национального образа Китая в российских средствах массовой информации, особенностям политического имиджа России в массмедийном пространстве, вопросам формирования медийного образа страны и др. Библиография составляет 21 источник, в том числе электронные ресурсы, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью (выявить механизмы формирования имиджа страны средствами медиатекста, а также проанализировать, каким образом ведущие китайские СМИ структурируют и транслируют образы Китая и России в контексте экономического партнёрства): применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, статистический метод, компаративный и социокультурный анализ, а также сочетание дискурсивного и контент-анализа, что позволило рассмотреть языковые и медийные механизмы формирования имиджа страны при освещении китайско-российского экономического сотрудничества.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен анализ содержательных и стилистических особенностей медиадискурса «Жэньминь жибао» по тематике китайско-российского сотрудничества («имидж России в китайском медиадискурсе строится посредством системной лингвистической репрезентации, включающей в себя фреймовые структуры, оценочную модальность, риторические и метафорические стратегии» и пр.); определены основные фреймы, используемые для репрезентации двух стран («доминируют четыре фрейма: энергетика, логистика, цифровизация и устойчивое развитие»); рассмотрена взаимосвязь между медиадискурсом и официальными внешнеполитическими установками («национальный имидж является конструкцией, производимой в зависимости от идеологической позиции, медиаполитики и внешнеполитической идентичности страны-ретранслятора»). Сформулированы обоснованные выводы относительно результатов сопоставительного анализа медийных стратегий и лингвистических средств, задействованных в репрезентации китайско-российских экономических отношений: «освещение России как экономического партнёра Китая строится на основе устойчивых положительных фреймов, таких как «стратегическое партнёрство», «энергетическое сопряжение», «цифровая трансформация» и «устойчивое развитие». Ключевую роль в этом процессе играют средства оценочной лексики, когнитивные метафоры сопряжения («мост», «опора», «коридор») и риторика взаимной выгоды и доверия».

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в изучение лингвистических и дискурсивных механизмов формирования национального имиджа в медиадискурсе и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по

заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию.

Обращаем внимание автора(ов), что ссылка в тексте на таблицу оформляется по следующему образцу: «Согласно таблице 2, экологическая тематика занимает лишь 8 %» или «Согласно статистическим данным (см. табл. 1), наибольший рост числа публикаций фиксируется в 2022 году (34 материала)».

Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Т. Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75363 EDN: THNQLC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75363

Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах

Ван Тянью

кандидат филологических наук

аспирант; филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, Ленийский пр-т, 148

✉ 291028743@qq.COM

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.8.75363

EDN:

THNQLC

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является новогодний стол как значимый компонент лингвокультурного пространства в русской и китайской традициях. Объектом исследования выступают языковые средства, символика праздничных блюд, фразеологические конструкции и коммуникативные практики, отражающие национальные представления о счастье, изобилии и семейных ценностях. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как семантика и этимология названий блюд, роль метафор, омонимии и звуковых ассоциаций в формировании праздничной картины мира, а также поведенческие и ритуальные особенности, связанные с праздничной трапезой. Особое внимание уделяется устойчивым выражениям, тостам и пожеланиям, закреплённым в языке и культуре обеих стран. В рамках исследования рассматриваются как современные лексико-семантические проявления, так и историко-культурные предпосылки символики новогоднего застолья, что позволяет выявить универсальные и специфические черты русской и китайской лингвокультур. Материалами исследования послужили данные русских этнолингвистических словарей, китайских философских трактатов («Ли Цзи»), медиатексты, а также кулинарные и фразеологические источники обеих культур. Методологическую основу составил контрастивный лингвокультурологический анализ, а также лексико-семантический и

фразеологический подходы. Новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении лексико-семантических, культурных и коммуникативных аспектов новогоднего застолья в русской и китайской лингвокультурах. Впервые праздничная гастрономическая традиция рассматривается не только как этнографический или социокультурный феномен, но и как структурный элемент языковой картины мира, отражающий глубинные ценности народа через пищевые символы, устойчивые выражения и семантику названий блюд. Особым вкладом автора в исследование темы стало выявление универсальных (идея изобилия, семейного единства, цикличности времени) и уникальных (фонетическая символика, табу, структура трапезы) смыслов, присущих каждой из культур. Основными выводами проведенного исследования являются положения о том, что новогодний стол в обеих традициях выполняет не только утилитарную, но и сакральную функцию; служит инструментом трансляции культурной памяти и национальных ценностей. Лексико-семантический и фразеологический анализ демонстрирует, что названия блюд и праздничные выражения обладают прагматической и аксиологической функцией, способствуя сохранению языкового и культурного наследия. Таким образом, новогодний стол выступает в качестве важного лингвокультурного маркера, формирующего представления о благополучии, успехе и семейной гармонии.

Ключевые слова:

лингвокультура, новогодний стол, символика, русская культура, китайская культура, фразеология, лексико-семантический анализ, культурные коды, праздничная традиция, межкультурное сопоставление

Новогодний праздник занимает центральное место в лингвокультурном пространстве как России, так и Китая, выступая важным маркером национальной идентичности. Его актуальность для сопоставительных исследований обусловлена глубинным взаимодействием гастрономических традиций с языковыми практиками, где пищевые символы становятся носителями культурных кодов [\[1\]](#). В России праздничный стол исторически формировался под влиянием европейских традиций и климатических особенностей, тогда как в Китае он неразрывно связан с философскими концептами «единства Неба и человека» (天人合一) и гармонии Инь-Ян.

Цель исследования заключается в выявлении лингвокультурологических корреляций между русскими и китайскими новогодними гастрономическими традициями через анализ.

Материал исследования включает данные русских этнолингвистических словарей и китайских исторических трактатов «Ли Цзи» (礼记), а также современные кулинарные медиатексты обеих культур. Методологическую основу составляет контрастивный анализ концептов в парадигме лингвокультурологии, позволяющий выявить универсальные и уникальные черты пищевой символики.

В основе исследования лежит метод контрастивного анализа концептов, который является ключевым инструментом в лингвокультурологических исследованиях. Контрастивный анализ подразумевает систематическое сопоставление языковых и культурных единиц двух (или более) языковых культур с целью выявления как универсальных, так и специфических черт, отражающих особенности менталитета и культурной идентичности.

Данный метод применён для выяснения, каким образом новогодние гастрономические традиции России и Китая артикулируются в языковом пространстве и как через язык передаются культурные смыслы. Контрастивный анализ концептов проводится в несколько этапов:

1. Выделение релевантных концептов — на основе корпуса данных (этнолингвистических словарей, исторических трактатов, медиатекстов) определяется набор ключевых понятий, отражающих культурно значимую сферу новогодних гастрономических практик (например, «изобилие», «семейное единство», «благополучие»).
2. Лингвистический анализ концептуальных единиц — изучается лексика, фразеология, символика и семантика названий традиционных блюд, устойчивых выражений и табу, связанных с данными понятиями. Анализ включает выявление семантических оттенков и культурно обусловленных коннотаций.
3. Сопоставление и интерпретация — выявляются сходства и различия в языковом воплощении концептов в русской и китайской лингвокультурах. Рассматриваются структурные, семантические и прагматические особенности, позволяющие интерпретировать роль гастрономической символики в культуре каждого народа.
4. Обоснование универсальностей и специфичностей — на основании сопоставительного материала формулируются выводы о культурных и языковых корреляциях, а также особенностях, присущих исключительно отдельной лингвокультуре.

Значимость контрастивного анализа концептов обусловлена его способностью раскрыть глубинные культурные коды, трансформированные в языковую форму, что позволяет понять, каким образом новогодние гастрономические традиции функционируют не только как социальный феномен, но и как сложный символический комплекс. Такой подход способствует не только описательной характеристике культурных практик, но и интерпретации механизмов, посредством которых язык рефлексировывает культурные нормы, ценности и ментальные структуры.

Кроме того, применяемая методология опирается на междисциплинарные подходы — сочетание этнолингвистики, культурологии и семиотики, что обеспечивает комплексное рассмотрение феномена новогоднего стола и его языкового отражения в парадигме лингвокультурологии.

Понятие «лингвокультура» является одним из ключевых в современных кросс-культурных исследованиях и лингвистике культуры. Лингвокультура рассматривается как интегративное явление, в котором язык выступает не только средством коммуникации, но и репозиторием культурных кодов, отражающих историческую память, менталитет и ценности народа. Согласно классическим подходам (например, Д.Б. Эпштейн, Ю.С. Степанов), лингвокультуры формируются через вербальные и невербальные символы, тесно связанные с этногенезисом и традициями, и структурируются в виде языковых конструкторов, включающих лексические, фразеологические, прагматические и когнитивные элементы. В рамках данного исследования лингвокультура рассматривается как система, в которой новогодние гастрономические традиции выступают не просто как комплекс обычаев, но и как специфический языковой феномен, несущий символическую и коммуникативную нагрузку.

Праздничный дискурс, с позиции дискурсивного анализа, представляет собой особый тип коммуникативной практики, формирующийся на пересечении социальных, культурных и языковых процессов. Он характеризуется активным использованием символики,

ритуалов и установленных конвенций, в том числе связанных с питанием, которые обеспечивают коллективное воспроизводство культурной идентичности и смыслообразования. Как отмечают исследователи (например, М.М. Бахтин, Т. ван Дейк), праздничные дискурсы структурируют социокультурные отношения через жанровую специфику (поздравления, тосты, обряды), семантическую насыщенность и эмоциональный компонент, в частности языковые практики застолья, способствующие созданию «социального согласия» и культивированию позитивных ожиданий.

Семиотика пищи — междисциплинарная область, изучающая пищу как знаковую систему, в которой отдельные продукты, способы их приготовления и употребления воплощают культурные смыслы и символы. В отечественной и зарубежной традиции (Клод Леви-Стросс, Ролан Барт) пища рассматривается не только как биологическая необходимость, но и как элемент языкового и культурного кода, имеющий метафорическую природу. Форма, цвет, звучание названия блюда, а также табу и ритуалы, сопровождающие приём пищи, транслируют ценностные и мифологические концепты, закреплённые в коллективном сознании. В нашем контексте это проявляется в использовании круглой формы (блины, пельмени), цветовых символов (красный, золотой), а также в омонимиях и фонетических играх, которые усиливают праздничную символику.

Таким образом, взаимодействие языковых, культурных и гастрономических компонентов в рамках лингвокультурологии позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты новогоднего застолья в российской и китайской культурах. Это способствует расширению представлений о том, как язык функционирует не только как средство передачи информации, но и как механизм создания и поддержания культурных смыслов посредством пищи и праздничного дискурса.

Лингвокультурология как междисциплинарная область изучает язык в тесной связи с культурой, акцентируя внимание на том, как через языковые знаки и тексты формируются и передаются культурные коды и идентичность народа. В отечественной традиции ключевые исследования в этой сфере принадлежат Е. В. Воробьёву, который развил концепцию лингвокультурного кода, рассматривая язык как систему отражения менталитета и исторической памяти [\[11\]](#). В. Н. Караулов внёс значительный вклад в понимание языковой картины мира, подчёркивая роль лексики и фразеологии в отражении культурных установок и этнических концептов [\[12\]](#). Зарубежные учёные Г. Кросс и М. Халл [\[18\]](#) исследовали когнитивные и семантические аспекты языковых концептов, раскрывая их значение как посредников культурных смыслов.

Гастрономическая метафорика изучает пищу как знаковую систему, где продукты и способы их употребления несут глубокие символические и социально-культурные значения. Ролан Барт в своих семиотических работах выделял пищу как сложный культурный код, где блюда выступают как метафоры социальных ценностей и норм [\[13\]](#). Клод Леви-Стросс в антропологическом ключе рассматривал пищу как структурирующий элемент культуры, включающий мифы и социальные ритуалы [\[14\]](#). В российской науке Н. М. Гальперина [\[15\]](#) и В. В. Захарова [\[16\]](#) изучали пищу и ритуалы питания как носители культурных кодов и этнических смыслов.

Исследование ключевых концептов «праздник», «традиция», «благополучие», «семья» и подобных в рамках лингвокультурологии и культурологии опирается на труды Г. Холла и Г. Хофстеде, которые анализировали культурные ценности и измерения, выявляя параметры коллективизма, индивидуализма и других социально-культурных факторов [\[17,18\]](#). Эти подходы важны для понимания роли семьи и традиций в разных культурах. М.

М. Бахтин внёс вклад в изучение праздничного дискурса, подчёркивая его семантическую насыщенность, жанровую специфику и ритуальную функцию в культурной коммуникации [19]. В отечественной лингвокультурологии работы Ю. С. Степанова [20] и О. П. Кончаковой [21] способствуют углублённому пониманию языковых проявлений традиций и культурных норм через устойчивые выражения и ритуалы. Кроме того, труды Л. В. Щербы и Р. А. Дитмара помогают осмыслить формирование культурных символов, связанных с праздниками и концептом благополучия, что актуально для анализа пищевых практик и их семантики [22,23].

Праздничный стол в обеих культурах выполняет не только утилитарную, но и сакральную функцию, выступая медиатором между прошлым и будущим. В России он символизирует преемственность поколений и единство семьи, что отражается в обязательном присутствии блюд советской эпохи («оливье», «сельдь под шубой») [2]. В Китае стол становится алтарем для коммуникации с предками: целая рыба (鱼, юй) олицетворяет пожелание изобилия (年年有余 - «каждый год с избытком»), а круглая форма пельменей (饺子, цзяоцзы) отсылает к единству семьи и цикличности времени.

Таблица 1 – Сопоставление традиций

Table 1 – Comparison of traditions

Аспект	Русская традиция	Китайская традиция
Центральное блюдо	Поросёнок (XIX в.), салаты (советский период)	Рыба (целая), пельмени, няньгао (年糕)
Символика формы	Круглые блины (солнце)	Круглые пельмени (единство)
Фонетические коды	Мандарины («золото»)	Рыба (鱼 ~ «избыток»), няньгао («рост»)
Табу	Избегание птицы (чтобы счастье не улетело)	Запрет на использование ножей за столом

Общим для обеих культур остаётся акцент на изобилие, выраженное через:

- Количественное разнообразие блюд (12+ угощений в России [1], 8–10 в Китае как символ бесконечности)
- Семантику круглой формы (блины, пельмени) как отражение цикличности времени
- Цветовые коды: красный (Китай - удача), золотой (Россия - благосостояние).

Различия проявляются в акцентах: русская традиция подчёркивает сытость и выживание (холодец, солёная рыба - историческая память о дефиците), китайская - метафизическое благополучие (лапша долголетия без разрывов, ритуальная недоеденная рыба). Лингвистический анализ названий блюд выявляет прямые пожелания в китайской культуре («чаншоу мянь» - долгая жизнь) против имплицитной символики в русской («оливье» как наследие французской кухни).

Лингвистический анализ единиц, отражающих новогодний стол, выявляет сложную структуру лексико-семантических особенностей названий традиционных блюд, в которых отражаются национальные культурные коды и символика праздника. В русской

лингвокультуре названия новогодних блюд часто несут в себе элементы заимствования, метафоричности и исторической памяти. Например, салат «Оливье» - это заимствованное имя собственное, ставшее нарицательным и утратившее связь с французским происхождением, но сохранившее статус символа праздника и изобилия. Название «пельмени» происходит от финно-угорских языков, в русском языке ассоциируется с домашним уютом и семейностью, особенно в контексте новогодних застолий. Мандарины, появившиеся на советском новогоднем столе как символ достатка, в лексике обрели коннотацию праздника и радости, что фиксируется в современных словарях и медиатекстах [3].

В китайской лингвокультуре названия новогодних блюд часто строятся на принципах фонетической и семантической игры. Так, рыба (鱼, yú) - омоним слова «избыток» (余, yú), что придаёт блюду символическое значение пожелания достатка и благополучия в новом году. Пельмени (饺子, jiǎozi) ассоциируются с формой древних денежных слитков и символизируют богатство, а название няньгао (年糕) - «новогодний пирог» - содержит омонимию с выражением «год за годом выше» (年高), что интерпретируется как пожелание успеха и роста [4].

Лексико-семантический анализ показывает, что в обеих культурах названия блюд выполняют не только иконическую функцию (обозначение объекта), но и директивную (пожелание), квалификативно-оценочную (передача позитивных эмоций, статуса) и презентационную (создание праздничного образа). Семантика новогодних блюд в русском и китайском языках насыщена метафорами, омонимией и культурными аллюзиями, что подчёркивает их роль как носителей национальных ценностей и праздничной символики.

Фразеологизмы и устойчивые выражения, связанные с новогодним застольем, занимают особое место в обеих лингвокультурах, отражая не только специфику праздничного общения, но и глубинные культурные смыслы, связанные с понятием изобилия, счастья и единения.

В русской лингвокультуре новогодний стол сопровождается рядом устойчивых выражений, которые фиксируются как в разговорной речи, так и в литературных источниках. Наиболее характерными являются фразеологизмы: «накрыть богатый стол», «встретить Новый год по-царски», «поднять бокалы за счастье», «сесть за праздничный стол всей семьёй». Эти выражения подчеркивают значимость коллективного празднования, обилие угощений и сакральность совместной трапезы. Важно отметить, что многие из них имеют позитивную коннотацию, ассоциируясь с пожеланиями благополучия и радости: «чтобы год был сытым», «чтобы стол ломился от яств» [5].

В китайской лингвокультуре существует целый пласт праздничных пожеланий и идиом, связанных с новогодним застольем. Наиболее распространённые выражения включают: 年年有余 (nián nián yǒu yú, «пусть каждый год будет изобилие»), 合家团圆 (hé jiā tuán yuán, «семейное единение»), 步步高升 (bù bù gāo shēng, «пусть каждый шаг ведёт к повышению»), 招财进宝 (zhāo cái jìn bǎo, «пусть приходят богатство и сокровища») [6]. Эти фразеологизмы часто произносятся во время застолья и отражают традиционные ценности: семейную гармонию, материальное благополучие и стремление к успеху.

Особое место занимают тосты и ритуальные формулы, которые в обеих культурах выполняют коммуникативную и магическую функции. В России распространены тосты: «С Новым годом!», «За здоровье!», «За счастье в новом году!». В Китае аналогичную роль играют выражения типа 恭喜发财 (gōng xǐ fā cái, «поздравляю с богатством»), 万事如意

(wàn shì rú yì, «пусть всё будет по желанию»), которые произносятся при поднятии бокалов и раздаче подарков.

Таким образом, фразеологизмы и устойчивые выражения, связанные с новогодним застольем, не только структурируют праздничную коммуникацию, но и служат средством передачи культурных ценностей, символизируя надежду на благополучие, изобилие и семейное счастье в наступающем году.

Традиционность и семейность выступают ключевыми объединяющими факторами. В обеих культурах новогодний стол символизирует единение поколений: в России обязательны блюда советской эпохи, в Китае - ритуальные пельмени (饺子) и рыба (鱼), приготовленные совместно членами семьи [7]. Изобилие еды маркирует пожелание материального благополучия, что отражается в лексике: русское выражение «чтобы стол ломился» коррелирует с китайским «年年有余» («ежегодный избыток») [8].

Одним из заметных различий является композиция новогоднего стола. В русской традиции преобладают холодные закуски, такие как холодец, солёная рыба, салаты с майонезом. Это связано с исторической необходимостью длительного хранения продуктов в зимний период, а также с кулинарными привычками, сформировавшимися в советское время. В Китае, напротив, акцент делается на горячие блюда, среди которых особое место занимает лапша долголетия (长寿面) и целая рыба — символ завершенности, изобилия и непрерывности жизненного цикла [10].

Значение конкретных блюд также отражает особенности национальных культур. В России, например, мандарины стали символом праздника и достатка благодаря их дефициту в СССР, что придало им статус своеобразного «праздничного изыска». В Китае важным блюдом является няньгао (年糕) — рисовый пирог, название которого ассоциируется с понятием «рост» и «подъём» (高 — «высокий»), что символизирует прогресс и благополучие в новом году. Такая семантическая нагрузка отсутствует в русской традиции.

Поведение за праздничным столом также различается. В России важную роль играют тосты, часто сопровождаемые коллективными пожеланиями здоровья, счастья и удачи («За здоровье!», «За Новый год!»). В китайской культуре присутствует более ритуализованное поведение: например, лапшу долголетия (长寿面, chángshòu miàn) принято есть не перебивая и не разрывая, чтобы символизировать долгую жизнь и непрерывность судьбы. Также переворачивать блюда на столе запрещено — это ассоциируется с неудачей и «переворачиванием» удачи (или даже кораблекрушением, что особенно актуально для прибрежных регионов).

Что касается культурных табу, в России существует поверье, что на новогоднем столе не должно быть птицы, чтобы «счастье не улетело». В Китае же во время праздничной трапезы не рекомендуется использовать ножи (это символизирует разрыв связей и разрушение гармонии), а также ссориться — нарушение спокойствия считается плохой приметой на весь предстоящий год.

В русской традиции пища аккумулирует историческую память: холодец и соленья отсылают к стратегиям выживания в условиях холода. Китайская модель строится на философских принципах: например, форма няньгао (年糕) — рисового пирога — ассоциируется с понятием «рост» и «подъём» (年高), символизируя прогресс и повышение благосостояния в новом году. Кроме того, лапша долголетия (长寿面), которую принято есть целиком и не разрывая, олицетворяет непрерывность жизненного

пути и долголетие. Лингвистически это проявляется в семантике названий и фонетических играх, которые несут позитивные пожелания.

В русской традиции можно выделить, например, красную икру — продукт, символизирующий достаток и праздник, а также холодец — блюдо с ярко выраженной текстурой и традиционной рецептурой, передающее через название и приготовление идею сохранения и укрепления семейных уз. Семантика названий в русском языке зачастую менее напрямую связана с пожеланиями — они либо нейтральны, либо несут в себе историческую или культурную память [\[9\]](#).

В современных исследованиях новогодних лингвокультурных практик особое значение приобретает анализ медиатекстов — телевизионных шоу, рекламы и социальных сетей, где традиции и гастрономия обретают новые формы выражения и интерпретации. Российские новогодние телепрограммы и рекламные ролики акцентируют внимание на богатстве и изобилии праздничного стола, используя языковые клише и фразеологизмы: «накрыть богатый стол», «вкус праздника для всей семьи», «пусть стол ломится от яств». В соцсетях популярны хэштеги и мемы, где сочетается советское наследие (оливье, мандарины) и современные гастрономические тренды, что отражает динамическое развитие праздничных культурных смыслов. В Китае новогодние передачи и реклама широко используют каллиграфические послания и пословицы, фокусируясь на символике благополучия и долголетия через блюда — например, няньгао (年糕) как знак роста, или лапшу долголетия. В соцсетях активно распространяются короткие видео и визуальные креативы с языковыми играми и омонимиями, такими как «鱼 (yú)» — «рыба» и «избыток», что усиливает культурную значимость гастрономии в публичном пространстве.

Из живой речи и социолингвистических опросов можно привести свежие лингвистические примеры. В интервью с представителями русскоязычного населения часто встречаются выражения: «солянка — символ семейного единства», «квашеная капуста — это наша традиция, ассоциация с домашним уютом и достатком», а также шуточные метафоры, связанные с чёрной икрой — «икорные жемчужины праздника» или «деликатес для особых случаев». В китайских анкетах и интервью отмечается важность хурмы (柿子, shìzi), воспринимаемой как символ счастья и «идеальности» (созвучно с 是, shì), а также помело (柚子, yòuzi), ассоциируемого с богатством и продолжением рода. Эти примеры подтверждают вхождение языковых игр непосредственно в повседневное языковое поведение.

Расширенный лингвистический анализ языковых игр, метафор и омонимий в названиях новогодних блюд выявляет культурно языковые различия между русским и китайским языками. В русском языке названия традиционных блюд (например, «солянка», «оливье») в основном утратили прямую метафорическую связь и функционируют как условные знаки праздника; метафорическая нагрузка переносится через контекстные выражения и ритуалы. В то же время употребительная речь обогащена эпитетами и метафорами, которые создают эмоциональное и символическое пространство праздничного застолья. В китайском языке языковые игры и омонимии встроены в саму структуру номинации: названия блюд часто созвучны с пожеланиями и ценностями — «鱼 (yú)» — избыток, «年糕 (niángāo)» — год за годом выше, «长寿面 (chángshòu miàn)» — долгожительство. Это придаёт элементам гастрономии функцию языкового символа с высокой степенью ритуализации и прагматической насыщенности. В Китае именно такая интеграция языка и символики способствует поддержанию культурной идентичности и выражению философских принципов вроде гармонии и долголетия.

Таким образом, в медиатекстах, живой речи и приглашенных интервью проявляется

разница подходов к языковым играм и символике новогодних блюд в русской и китайской лингвокультурах: Россия больше опирается на контекстуальные метафоры и традиционные устойчивые выражения, а Китай — на фонетические омонимии и символические названия, что отражает глубинные культурные установки и ритуализацию праздника.

Сравнительный анализ новогоднего стола в русской и китайской лингвокультурах позволил выявить как универсальные, так и уникальные черты, отражающие глубинные культурные смыслы обеих традиций. Несмотря на различия в составе блюд, символике и ритуалах, общим остаётся стремление к изобилию, семейному единству и благополучию — ценностям, универсально значимым в контексте новогоднего праздника. Лексико-семантический и фразеологический анализ показал, что названия блюд и устойчивые выражения выполняют не только номинативную, но и аксиологическую и прагматическую функции, служа средствами сохранения и трансляции культурных кодов. Таким образом, новогодний стол в обеих культурах выступает не просто гастрономическим феноменом, но и мощным лингвокультурным маркером, объединяющим поколения, воплощающим национальные ценности и формирующим праздничную картину мира.

Библиография

1. Лисян П. Коммуникативное поведение русских: новогодние традиции в репрезентации китайским студентам // Инновационная наука. – 2021. – № 1. – С. 118-120. EDN: ZSTBNB
2. Исаева Л. А., Жиленко Н. В. Концепт "новый год" в русской языковой картине мира: базовые характеристики // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2023. – № 1 (63). – С. 70-76. DOI: 10.35254/bhu/2023.63.12 EDN: ZQIJQW
3. Зеленая В. О. Номинации блюд в лексикографическом аспекте (на материале произведений В. П. Астафьева): дис. – Сибирский федеральный университет, 2023. – 74 с.
4. Микитенко Н. Ю. и др. Структура и семантика наименований блюд в лингвокультурологическом аспекте (на материале кулинарных каналов YouTube) // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 1 (53). – С. 86-95. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-86-95 EDN: BDLCTA
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1934/1935 – 1 т., 1938 – 2 т., 1939 – 3 т., 1940 – 4 т.
6. 现代汉语成语词典 [Современный словарь китайских идиом]. – 北京: 商务印书馆, 2015.
7. Зырянова Е.В., Люй В. Ассоциативное поле концепта «новый год» в русском и китайском языках // Litera. 2019. № 6. С. 298-305. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.6.31130 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31130
8. Сюй М. В. Символика праздника чуньцзе в культуре Китая // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2013. – № Т3. – С. 326-330. EDN: RIFEAZ
9. Захарова М. В. Трансформация осмысления символики празднования традиционного нового года в современном Китае: специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)": дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Захарова Мария Владимировна. – Москва, 2003. – 273 с. EDN: QDVTZZ
10. Тельпов Р. Е., Чжу М. Основные праздничные традиционные блюда в русской и китайской лингвокультурах // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник статей X Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала "Современная коммуникативистика", профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Калининград, 19-22 мая 2022 года. – Калининград: Полиграфичъ, 2022. – С. 207-209. EDN: СЕНТГК
11. Воробьёв Е. В. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 256 с.
12. Караулов В. Н. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1997. – 320 с.

13. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1967. – 318 с.
14. Леви-Стросс К. Мифологические структуры / К. Леви-Стросс; пер. с франц. – М.: Прогресс, 1964. – 451 с.
15. Гальперина Н. М. Семантика и культура: пища как знак // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1990. – № 2. – С. 45-56.
16. Захарова В. В. Культурные коды и ритуалы питания // Современные исследования культур и языков. – 2005. – Вып. 4. – С. 102-110.
17. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills: Sage Publications, 1980. – 290 p.
18. Hall E. T. The Silent Language. – New York: Doubleday, 1976. – 228 p.
19. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
20. Степанов Ю. С. Культурно-языковая картина мира. – СПб.: Наука, 2002. – 400 с.
21. Кончакова О. П. Фразеология и национальная культура. – М.: Флинта, 2010. – 320 с.
22. Щерба Л. В. Историческая семасиология. – М.: Издательство АН СССР, 1930. – 150 с.
23. Дитмар Р. А. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 280 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают русские и китайские новогодние гастрономические традиции. Актуальность работы обоснованно аргументируется «глубинным взаимодействием гастрономических традиций с языковыми практиками, где пищевые символы становятся носителями культурных кодов», «новогодний праздник занимает центральное место в лингвокультурном пространстве как России, так и Китая, выступая важным маркером национальной идентичности». Изучение гастрономического фрагмента языковой картины мира углубляет представление об особенностях национальной лингвокультуры, без знания которых невозможна успешная межкультурная коммуникация.

Теоретической основой работы выступили труды российских и зарубежных исследователей, охватывающие широкий круг вопросов по коммуникативному поведению, основным праздничным традиционным блюдам в русской и китайской лингвокультурах, празднованию традиционного нового года в Китае и России. Библиография насчитывает 10 источников, в т. ч. лексикографические, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный, структурно-семантический методы, интерпретативный анализ материала, а также контрастивный анализ концептов в парадигме лингвокультурологии, позволяющий выявить универсальные и уникальные черты пищевой символики. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы. Материалом исследования послужили данные русских этнолингвистических словарей и китайских исторических трактатов «Ли Цзи» (礼记), а также современные кулинарные медиатексты обеих культур.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен сравнительный анализ новогоднего стола в русской и китайской лингвокультурах; выявлены универсальные и уникальные черты, отражающие глубинные культурные смыслы обеих традиций; сформулированы выводы о том, что «новогодний стол в обеих культурах выступает не просто гастрономическим феноменом, но и мощным лингвокультурным маркером, объединяющим поколения, воплощающим национальные

ценности и формирующим праздничную картину мира», «несмотря на различия в составе блюд, символике и ритуалах, общим остаётся стремление к изобилию, семейному единству и благополучию — ценностям, универсально значимым в контексте новогоднего праздника» и др.

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы знания, как межкультурная коммуникация, лингвокультурология, теория лингвокультурной идентичности и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Однако объем рукописи недостаточен для раскрытия темы (рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков). Автору(ам) необходимо его расширить, особенно в теоретической части.

Также в тексте нередко приводятся одни и те же примеры: см «В России он символизирует преемственность поколений и единство семьи, что отражается в обязательном присутствии блюд советской эпохи («оливье», «сельдь под шубой»)», «В обеих культурах новогодний стол символизирует единение поколений: в России обязательны блюда советской эпохи (салат «Оливье», сельдь под шубой), в Китае — ритуальные пельмени (饺子) и рыба (鱼), приготовленные совместно членами семьи», «В Китае стол становится алтарем для коммуникации с предками: целая рыба (鱼, юй) олицетворяет пожелание изобилия (年年有余 — «каждый год с избытком»), а круглая форма пельменей (饺子, цзяоцзы) отсылает к единству семьи и цикличности времени», «В Китае, напротив, акцент делается на горячие блюда, среди которых особое место занимает лапша долголетия (长寿面) и целая рыба — символ завершенности, изобилия и непрерывности жизненного цикла».

В целом, статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает лингвокультурные особенности на материале двух неродственных языков: русского и китайского, обращаясь к лингвокультурологическому изучению традиции празднования нового года, который в западной культуре тесно связан с христианской традицией, а в восточной — с философией и лунным календарем.

С учетом всё большего сближения наших стран и взаимопроникновения культур, всё больше людей интересуются традициями и обычаями Поднебесной, языком и культурой, что делает рецензируемую работу востребованной.

Несомненно, работа имеет большой научный потенциал, вносит существенный вклад в развитие как теории лингвокультурологии, так и в сопоставительное изучение русского и китайского языков и культур.

Материал исследования включает данные русских этнолингвистических словарей и китайских исторических трактатов «Ли Цзи» (礼记), а также современные кулинарные медиатексты обеих культур. Однако, автор не проводит данных о том насколько велик

языковой корпус, отобранный для исследования.

. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методологическую основу составляет контрастивный анализ концептов в парадигме лингвокультурологии, позволяющий выявить универсальные и уникальные черты пищевой символики.

В основе исследования лежит метод контрастивного анализа концептов, который является ключевым инструментом в лингвокультурологических исследованиях. Контрастивный анализ подразумевает систематическое сопоставление языковых и культурных единиц двух (или более) языковых культур с целью выявления как универсальных, так и специфических черт, отражающих особенности менталитета и культурной идентичности.

В фокусе рецензируемой работы находятся вопросы лексикологического и лингвокультурологического характеров. Автором был проведен анализ отечественных и зарубежных исследований в области лингвокультурологии и лексикологии, а также собственные наблюдения над эмпирическим материалом. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы и статистических данных по избранной теме и анализу фактических данных. Особый интерес представляют примеры на русском и китайском языках, которые анализирует автор. Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Пунктуационные и орфографические ошибки, существенно затрудняющие понимание текста, не обнаружены.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, в которые включены как отечественные, так и зарубежные труды. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, востоковедам, культурологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е. Лингвоаксиологические параметры оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России

// Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75446 EDN: TGJAU1 URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75446

Лингвоаксиологические параметры оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский
государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Гоголя, 41, ауд. 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.8.75446

EDN:

TGJAU1

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена выявлению лингвоаксиологических параметров оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ и описанию их лингвокультурной специфики. Цель исследования заключается в сопоставлении лингвоаксиологических параметров оценки в китайском англоязычном и российском дискурсе спортивных электронных СМИ в лингвокультурной парадигме. Объектом исследования является дискурс спортивных электронных СМИ в лингвокультурах Китая и России. Предмет исследования – лингвокультурный аспект лингвоаксиологических параметров оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, методология исследований, выполненных в русле лингвоаксиологических изысканий соответствует уровню развития современного языкознания, может помочь в системном изучении реализации категории ценности и оценки в тексте и дискурсе. Во-вторых, углубление данных лингвоаксиологического анализа сопоставительным

лингвокультурным исследованием расширяет границы дискурсивно-прагматической лингвистики, вносит вклад в контрастивную лингвоаксиологию. В-третьих, важно обращение к самой спортивной тематике. Спортивный медиадискурс характеризуется выраженной степенью оценочности, экспрессии и идеологической окрашенности. Основными методами исследования послужили метод лингвоаксиологической интерпретации, лингвокультурный анализ, дискурс анализ, методы статистической обработки данных. Новизна исследования заключается в разработке конкретизированной модели лингвоаксиологических параметров. Выводы: отмечено, что высокая оценочная насыщенность российских и китайских спортивных электронных СМИ является универсальной характеристикой в спортивном дискурсе. Доказано, что российский дискурс спортивных электронных СМИ делает акцент на объективность и аналитическое осмысление происходящих событий. В то время как китайский дискурс спортивных электронных СМИ характеризуется доминированием положительных оценок, фокусируясь на героизации спортсмена, коллективной гордости, позитиве и вере в прогресс. С точки зрения идеологической маркированности российский дискурс характеризуется использованием оценочных средств для консолидации национального сознания в условиях международного давления. Для китайского дискурса ценности транслируемые в процессе спортивной коммуникации – это культурный ресурс, средство для расширения национального влияния через символику и культурный код. Лингвокультурная специфика параметра «целевое воздействие оценки» в российских электронных СМИ заключается в активном эмоционально-оценочном сопровождении событий. При этом лингвокультурная специфика китайского спортивного дискурса электронных СМИ проявляется в ориентации на гармонию, коммуникативную уравновешенность и социальную устойчивость.

Ключевые слова:

лингвоаксиология, лингвоаксиологическая интерпретация, лингвоаксиологический параметр, оценка, ценность, оценочное высказывание, оценочное суждение, спортивный дискурс, спортивные электронные СМИ, лингвокультурная специфика

Данное исследование посвящено выявлению лингвоаксиологических параметров оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ и описанию их лингвокультурной специфики в Китае и России.

К классическим трудам, в которых лингвоаксиология сформировалась как научное направление, можно отнести работы различных отечественных и зарубежных ученых. «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежбицкой обосновывает семантический подход к оценке [\[1\]](#). Аксиология рассматривается сквозь призму культурных ключевых слов, которые влияют на формирование мировоззрения в социуме и ценностную картину мира в языке. Другим значимым трудом является «Лингвистическая аксиология» В. И. Стернина [\[2\]](#). Исследование является попыткой систематизации принципов и методов лингвоаксиологии в российском языкознании. В. И. Стернин вводит в научный оборот понятие «оценочное значение», закладывает фундамент для дальнейших прикладных исследований в данной области. Оценка и оценочность в тексте изучается в работах О. А. Болотовой [\[3\]](#). Автор исследует оценочность как текстовую категорию и предлагает классификацию оценочных конструкций, выявляя способы их образования и интерпретации, а также описывает роль оценки как важной составляющей лексической и грамматической связности текста. В

современных лингвистических изысканиях аксиология находится в фокусе исследовательского внимания как масштабное и перспективное направление. Изучаются аксиологические аспекты семантики этнических паремий [4], лингвокультурные аспекты аксиологии эмоций в языковом сознании [5], критерии выделения оценочности при анализе пословиц [6].

Дискурс спортивных электронных СМИ является частью глобального медиадискурса, изучение лингвоаксиологии которого также весьма важно для науки о языке. Одна из ключевых работ по дискурсивной аксиологии – это работа В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [7]. Автор выявляет специфику концепта как аксиологической единицы, которая встроена в дискурс, проводит тщательный анализ аксиологического набора, реализованного в различных жанрах. Роль оценки в дискурсивных практиках СМИ исследует А. Е. Кибрик, который описывает интерактивность, интересубъективность и аксиологическую маркированность высказываний [8]. Современный исследователь Ю. С. Старостина систематизирует значимые направления исследований дискурса с точки зрения лингвоаксиологических методов, делая акцент на структурирование ценностных ориентиров и выделение лакунарных зон [9]. Кроме того, в выделенном русле существуют работы, изучающие оценочность как ключевую дискурсивную характеристику [10]; трансформацию медиадискурса под влиянием мультимодальности, интерактивности и смешения жанров, уделяя особое внимание социальным функциям текстов и их аксиологическим характеристикам [11]; конструирование образа «толерантности» (какие лексические единицы передают ценность толерантности и как строится семантическое поле данного понятия) [12].

Спортивная коммуникация частотно становится объектом современных лингвистических исследований. Ученые изучают коммуникативные доминанты спортивного интернет-дискурса [13]. Работа Н. В. Мосоловой одна из первых работ, затрагивающих аксиологический аспект спортивного дискурса [14]. В рамках англоязычных и италияязычных текстах спортивной тематики анализируются маркеры эмоциональной оценочности, выявляются структурно-семантические различия эпитетов, формируются модели эмоциональной оценки в спортивном медиадискурсе [15]. В работе В. А. Ражиной выделяются критерии оценочности, отражающие культурно-обусловленные ценностные коннотации [16]. Экспрессия и оценка в английском спортивном дискурсе рассматривается в работе Т. А. Логиновой [17].

Таким образом, наша работа продолжает как комплексное, так и аспектное изучение лингвоаксиологии спортивного дискурса, добавляя выявление его лингвокультурной специфики в данном отношении.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, методология исследований, выполненных в русле лингвоаксиологических изысканий соответствует уровню развития современного языкознания, так как может помочь в системном изучении реализации категории ценности и оценки в тексте и дискурсе. Выявление лингвоаксиологических параметров по-новому высвечивает специфику аксиосферы как личности, так и социума, помогает глубже понять способы воздействия на сознание реципиентов. Во-вторых, углубление данных лингвоаксиологического анализа сопоставительным лингвокультурным исследованием расширяет границы дискурсивно-прагматической лингвистики, вносит вклад в

контрастивную лингвоаксиологию. В-третьих, важно обращение к самой спортивной тематике. Спортивный медиадискурс характеризуется выраженной степенью оценочности, экспрессии и идеологической окрашенности, что делает его подходящей площадкой для выявления социокультурных кодов и стереотипов, характерных для той или иной лингвокультуры.

Новизна исследования заключается в разработке конкретизированной модели лингвоаксиологических параметров, применимой к дискурсу спортивных электронных СМИ, что расширяет теоретическую базу лингвоаксиологических исследований цифровой медиасреды.

Цель исследования заключается в сопоставлении лингвоаксиологических параметров оценки в китайском англоязычном и российском дискурсе спортивных электронных СМИ в лингвокультурной парадигме.

Материалом для исследования послужили медиатексты из периодических электронных СМИ Китая на английском языке (The Global Times, The China Daily) и России (Чемпионат, Спорт-Экспресс, Спорт24).

Объектом исследования является дискурс спортивных электронных СМИ в лингвокультурах Китая и России.

Предмет исследования – лингвокультурный аспект лингвоаксиологических параметров оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России.

Основными методами исследования послужили метод лингвоаксиологической интерпретации, лингвокультурный анализ, дискурс-анализ, методы статистической обработки данных.

Результаты исследования. Процедура анализа материала исследования предполагала последовательное выполнение следующих шагов. При помощи метода лингвоаксиологической интерпретации определены основные аксиологические параметры оценки в российском и китайском англоязычном дискурсах спортивных электронных СМИ, описана специфика выделенных параметров. Далее лингвоаксиологическое исследование усложняется сопоставительным лингвокультурным анализом параметров оценки дискурса спортивных электронных СМИ Китая и России. Выявляются специфические характеристики показателей выделенных параметров в разных культурах.

В результате лингвоаксиологического анализа, с учетом технической, жанровой и коммуникативной специфики дискурса электронных СМИ, были выделены четыре лингвоаксиологических параметра, важных для данного исследования: оценочная насыщенность текстов; полярность оценки; идеологическая маркированность оценки; целевое воздействие оценки. На основе данных лингвоаксиологических параметров мы составили модель, в которой указали основные показатели (рис. 1).

Рис. 1. Конкретизированная модель лингвоаксиологических параметров дискурса спортивных электронных СМИ

Первым выделенным параметром является «оценочная насыщенность текста». Параметр отражает частотность использования слов и словосочетаний, содержащих оценку. Интерпретацию показателей мы приводим в относительных величинах. Высокой считается плотность, при которой текст насыщен оценочными высказываниями, рациональная или эмоциональная оценка выражается ярко и часто. Средняя насыщенность имеет место, если оценка присутствует регулярно, но не доминирует. Низкая насыщенность означает, что текст носит преимущественно нейтрально-информативную направленность, оценочные слова и словосочетания встречаются эпизодически.

Российский дискурс электронных СМИ характеризуется высокой насыщенностью оценочными высказываниями.

«Он почувствовал **вкус успеха**, однако **вкусил его не до конца**. **Голоден и хочет еще**» – [18].

«**Железный занавес**, за который нас отправили весной 2022 года, стал **ударом для всего российского спорта**. К чести наших спортсменов и тех, кто причастен к их работе, **этот удар мы выдержали**» – [18].

«**Это все эмоции большого спорта**, которые ни спортсмены, ни болельщики не испытывали уже три с лишним года» – [18].

В данных примерах актуализируются такие ценности как принадлежность к мировому спортивному сообществу, международное признание («вкус успеха», «Железный занавес ... стал ударом для всего российского спорта»), внутренняя сила, воля к победе («удар мы выдержали»), эмоциональное переживание как внутренняя необходимость («Это все эмоции большого спорта»).

В рамках китайского дискурса спортивных СМИ оценочные высказывания встречаются также частотно:

«*The mamianqun is equally capable of **projecting Chinese elegance on the global stage***» (Мамяньцунь [традиционная китайская юбка] в равной степени способна продемонстрировать китайскую элегантность на мировой арене) – [\[19\]](#).

«*The core feature of our torch design this time is that the entire main body was made using **3D printing, namely metal additive manufacturing technology***» – (Ключевая особенность конструкции нашего факела заключается в том, что весь основной корпус был изготовлен с помощью 3D-печати, а именно технологии аддитивного производства металлов) [\[19\]](#).

«*Football Super League's ex-chief, a total of 18 football association-related individuals have been sentenced against the backdrop of the country's efforts **of anti-corruption crackdown***» (Бывший глава Суперлиги по футболу и ещё 17 человек, связанных с футбольной ассоциацией, были приговорены к тюремному заключению в рамках проводимой в стране кампании по борьбе с коррупцией) – [\[19\]](#).

Китайский дискурс спортивных электронных СМИ подчеркивает такие элементы аксиологической системы социума как традиции и преемственность («*mamianqun*»), национальная гордость («*projecting Chinese elegance on the global stage*»), технологическое развитие и модернизация («*3D printing*», «*additive manufacturing technology*»), честность, справедливость («*of anti-corruption crackdown*»).

Таким образом, сопоставительный анализ актуализации лингвоаксиологического параметра «оценочная насыщенность текста» не обнаруживает лингвокультурной специфики. Оценочная насыщенность спортивных электронных СМИ Китая и России является универсальной жанровой характеристикой, обусловленной особенностями самого спортивного дискурса, оценка как средство привнесения эмоциональности и драматизации событий универсальна для спортивного дискурса в условиях цифровой медиасреды.

Следующий лингвоаксиологический параметр, который был проанализирован в рамках процедуры анализа данной работы – «полярность оценки». Если преобладает положительная оценка, значит в текстах транслируется установка на поддержку, гордость за достижения, формируется оптимистичный образ участников спортивного состязания. Если акцент делается на проблемах, неудачах, кризисах, спорных решениях, то доминирует отрицательная оценка. Если в текстах дискурса спортивных СМИ прослеживается стремление к сбалансированности, признаются как достижения, так и недостатки, создается объективный фон, то наблюдается паритет положительной и отрицательной оценки.

Российский дискурс спортивных электронных СМИ характеризуется паритетом отрицательных и положительных оценок (46% на 54% соответственно), при этом оценки часто подаются контрастно в рамках одного фрагмента:

«**Ошибки тоже были** <...> с составами на эстафетах иногда **возникали проблемы**. Но важно понимать, что <...> спортсмены впервые выступили на крупном международном старте. Поэтому считаю, что **команда заслуживает хороших оценок**» – [20].

«Евгения Чикунова приболела и **не смогла показать свои лучшие секунды в финале** <...> В целом я бы сказала, что круто, что между ними есть такое противостояние. На уровне Юлии Ефимовой и Лили Кинг. **Это большой плюс** для Жени» – [20].

В рамках китайского дискурса спортивных СМИ отмечается преобладание оценочных слов и словосочетаний, маркированных положительно (75% от общего количества):

«*Luka Doncic's first six months with the Los Angeles Lakers were more than enough to give him **avisionofaglitteringlong-termfuture** with his new team*» (Первые шесть месяцев Луки Дончича в составе «Лос-Анджелес Лейкерс» более чем убедили всех его в блестящем долгосрочном будущем с новой командой) – [21].

«*Schoolgirl swimmer **shinesatworlds***» – (Школьница блистает на чемпионате мира по плаванию) [21].

«*The **preteen sensation** completed her final individual event at the worlds*» – (Юная сенсация завершила своё последнее индивидуальное выступление на чемпионате мира) [21].

Таким образом, российский дискурс спортивных электронных СМИ делает акцент на объективность и аналитическое осмысление происходящих событий. Паритет положительных и отрицательных оценок указывает на значимость таких ценностных ориентиров как рациональность, критичность и коллективная ответственность. Лингвоаксиологическая интерпретация результатов анализа данного параметра указывает, что в российской культуре ценность успеха считается результатом труда, что объективная оценка важнее безусловной похвалы. Китайский дискурс спортивных электронных СМИ характеризуется доминированием положительных оценок, фокусируясь на героизации спортсмена, коллективной гордости (успех спортсмена – успех всей страны), позитиве и вере в прогресс. Преобладание положительных оценок в текстах статей электронных СМИ высвечивает культурную установку на формирование вдохновляющих нарративов, которые поддерживают общественную сплоченность и эмоциональный подъем.

Третий выделенный параметр – «идеологическая маркированность оценки». Наиболее значимыми показателями данного параметра в дискурсе спортивных СМИ оказались культурно-социальные, национально-политические и гендерные отсылки. Сопоставительный анализ обнаруживает доминирование национально-политических отсылок в текстах электронных СМИ России (50% от общего количества маркированных оценок):

«*Это все эмоции большого спорта, которые ни спортсмены, ни болельщики не испытывали уже три с лишним года. И, скажем откровенно, **если бы и дальше оставались в изоляции**, не испытали бы никогда*» – [18].

«*Циклические олимпийские дисциплины в целом устроены так, что для российского болельщика основной интерес в них **состоит в противостоянии «наших» и «не наших»***» – [18].

При этом китайский дискурс электронных СМИ обнаруживает преобладание оценок, маркированных культурно-социально (63% от общего количества маркированных оценок):

«*This unprecedented collaboration will highlight **theculturalrichness** of the Greater Bay Area*» (Это уникальное сотрудничество подчеркнет культурное богатство района Большого залива) – [19].

«*We **aim to show the world that Chinese ceremonial dress extends beyond the qipao***» (Мы стремимся показать миру, что китайский церемониальный костюм не ограничивается ципао [распространённое в Китае длинное женское платье, которое первоначально носили маньчжурские женщины.]) – [19].

Вторым по значимости показателем идеологической маркированности оценок в российском дискурсе является отсылка к гендерным проблемам (33%):

«*Арутюнян действительно считается одним из сильнейших тренеров в мире, только вот **все важнейшие достижения у него получились с парнями, а не с девушками***» – [18].

В текстах китайских электронных изданий подчеркивается важность национально-политических оценок (26%):

«*This echoes the Eastern ideal of the peony as the 'true national beauty,' while the upward growth metaphor embodies athletes' spirit of striving and **China's prosperity and global-mindedness***» (Это перекликается с восточным идеалом пиона как символа „истинной национальной красоты“, а метафора роста олицетворяет дух стремления спортсменов, а также процветание Китая и его открытость миру) – [19].

Наименее важными в России являются отсылки к культурно-социальным проблемам (17 % от общего количества), в то время как в Китае – гендерные (11%).

Таким образом, в России спорт воспринимается как идентификационно-значимая сфера, в которой преобладает идея национальной принадлежности и борьбы за место в глобальном контексте. Кроме того, важны отсылки к традиционному во многом гендерному порядку. Для Китая тексты, продуцируемые в спортивной сфере, являются средством дипломатии и презентации китайской культуры на мировой арене. Спорт видится как средство расширения национального влияния через символику и культурный код.

Последний параметр, выделенный нами в результате лингвоаксиологического анализа – «целевое воздействие оценки». Приведенный параметр основывается на функции оценки в тексте, в качестве показателей мы выделили четыре наиболее значимые: манипулятивная, дискредитационная, информативная и фатическая.

В российском дискурсе электронных СМИ наиболее значимой является манипулятивная функция оценки (40 %), далее информативная (33%), потом фатическая (27%) и наименее значима дискредитационная (13%). Приведенные удельные доли могут пересекаться вследствие того, что оценочные конструкции могут выполнять смешанные функции.

Манипулятивная функция оценки в российском дискурсе спортивных СМИ имеет целью вызвать сильные эмоции, задать тон, усилить эффект спортивного события:

«**Историческая фигия**». Водный ЧМ-2025 поставил точку в спорах о роли

международных стартов» (яркое, эмоциональное выражение с провокационной окраской) – [18].

«Мужская эстафета совершила подвиг! Российские пловцы **разорвали всех в исторической эстафете**» (военная метафора успеха) – [18].

«И главный вывод, который приходит на ум сразу после завершения водного ЧМ, **какими бы ни были интересными и насыщенными внутренние старты, по спектру ощущений они никогда не заменят мировые чемпионаты высшей пробы**» (убеждение в исключительности международных стартов) – [18].

Информативная оценка выполняет задачу пояснить, предоставить данные анализа, обозначить причинно-следственные связи:

«Так что **оказаться близко к Ландо** на выходе из последнего поворота **было почти нереально**» (фактологическая оценка) – [18].

«Только для большого успеха **должно сложиться все, включая восстановление четверного прыжка**» (обозначение логической перспективы) – [22].

Фатическая (контактоустанавливающая) функция направлена на установление контакта с читателем, формирование атмосферы опосредованного диалога:

«Бывают редкие исключения, но **давайте честно**, много кто из вас включал чемпионаты России по плаванию в последние два-три года?» (апелляция к мнению читателя, имплицитная просьба согласиться) – [18].

«**Простите, Светлана Журова**, но вы с трудом найдете тех, кто считает поездку в Сингапур ошибкой» (игра в диалог, включающая конкретного потенциального читателя) – [18].

«Вспоминая все высказывания наших звезд касательно Олимпиады в Париже, хочется процитировать попугая Кешу, **твердившего, что не хочет ни на какие Таити. И здесь неплохо кормят**» (культурная отсылка к популярному персонажу советского мультфильма, шутка) – [18].

Дискредитационная функция ослабляет доверие к субъекту, решению, событию:

«Даже делегации из стран Восточной Европы, Прибалтики и Украины признавали, что если в чём-то и не согласны с World Aquatics, то лично против этих ребят ничего не имеют. **Так зачем было ломать комедию и тянуть с возвращением, когда можно было сделать это ещё год назад?**» (формирование скептического отношения к рациональности решений международных спортивных структур) – [18].

Таким образом, спортивные тексты в российском медиапространстве активно реализуют манипулятивную и информативную функции оценки. Фатическая функция частотна и используется для удержания читательского интереса. Функция дискредитации встречается эпизодически для выражения недоверия к решениям или ситуациям, формирования у читателя скептического отношения.

В китайском дискурсе спортивных электронных СМИ наблюдается паритет трех функций, выполняемых оценочными высказываниями: манипулятивная (30%), информативная (30%), фатическая (30%). Дискредитационная функция оценки оказывается наименее

значимой (20%).

Манипулятивная функция в дискурсе китайских СМИ имеет цель сформировать определенный, необходимый автору образ, внушить позитивное восприятие через оценочно-маркированные конструкции:

«*This unprecedented collaboration will highlight the cultural richness of the Greater Bay Area*» (Это уникальное сотрудничество подчеркнёт культурное богатство района Большого залива) – [\[19\]](#).

«*The peony... symbolizes the nation's prosperity and its open, inclusive spirit as a major country*» (Пион... символизирует процветание страны и ее открытый, всеобъемлющий дух как великой державы) – [\[19\]](#).

«*This echoes the Eastern ideal of the peony as the "true national beauty"*» (Это перекликается с восточным идеалом пиона как „истинной национальной красоты“) – [\[19\]](#).

Информативная функция оценки направлена на передачу объективной информации, описание деталей:

«*The Games feature 34 sports and 419 medal events*» (В программу игр входят 34 вида спорта и 419 медальных дисциплин) – [\[19\]](#).

«*With the men's team averaging 22.6 years old and the women's team just 20.1*» (Средний возраст мужской команды составляет 22,6 года, а женской — всего 20,1) – [\[19\]](#).

Фатическая функция оценки используется для поддержания контакта с аудиторией, при этом придавая эмоциональную окраску и выражая определенное отношение:

«*You know, we only got a slight edge this time*» (Знаете, на этот раз у нас было лишь небольшое преимущество) – [\[21\]](#).

«*As you see this gold medal doesn't feel any less important than the one we won at the Paris Olympic Games*» (Как видите, эта золотая медаль ничуть не менее важна, чем та, которую мы выиграли на Олимпийских играх в Париже) – [\[21\]](#).

Дискредитационная функция оценки имеет место в случаях, когда нужно подорвать доверие, сделать акцент на отрицательных явлениях:

«*Corruption in sports can negatively impact public opinion*» (Коррупция в спорте может негативно влиять на общественное мнение) – [\[19\]](#).

«*Former Chinese football officials sentenced to over 10 years in prison for bribery*» (Бывшие китайские футбольные чиновники приговорены к более чем 10 годам тюремного заключения за взяточничество) – [\[19\]](#).

Таким образом, в спортивных электронных СМИ Китая прослеживается стремление к гармоничному и сбалансированному освещению спортивных событий, весь дискурс характеризуется информативно-коммуникативной направленностью, имплицитным воздействием на целевую аудиторию. Дискредитационная оценка занимает меньший удельный вес.

Обобщение результатов сопоставительного анализа лингвокультурной специфики лингвоаксиологических параметров дискурса спортивных СМИ России и Китая

представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ лингвокультурной специфики лингвоаксиологических параметров дискурса спортивных СМИ России и Китая

Лингвоаксиологический параметр	Россия		Китай	
оценочная насыщенность текстов	высокая		высокая	
полярность оценки	паритет положительных (54%) и отрицательных оценок (46%)		доминирование положительных оценок (75%)	
идеологическая маркированность оценки	национально-политические отсылки (50%)		культурно-социальные отсылки (63%)	
	гендерные отсылки (33%)		национально-политические отсылки (26%)	
	культурно-социальные отсылки (17%)		гендерные отсылки (11%)	
целевое воздействие оценки	функция	манипулятивная (40%) информативная (33%) фатическая (27%) дискредитационная (13%)	функция	манипулятивная (33%) информативная (33%) фатическая (33%) дискредитационная (20%)

Заключение.

В результате проведенного исследования была выявлена лингвокультурная специфика лингвоаксиологических параметров дискурса спортивных СМИ.

В ходе лингвотипологического анализа были выявлены четыре основных лингвоаксиологических параметра функционирующих на уровне языковой репрезентации аксиосферы: оценочная насыщенность текстов; полярность оценки; идеологическая маркированность оценки; целевое воздействие оценки.

Предложена конкретизированная модель лингвоаксиологических параметров с основными показателями, применяемая к дискурсу спортивных электронных СМИ.

Выявлены и описаны лингвокультурные особенности функционирования данной модели в российском и китайском дискурсе спортивных электронных СМИ.

Отмечено, что высокая оценочная насыщенность российских и китайских спортивных электронных СМИ является универсальной характеристикой в спортивном дискурсе, которая не зависит от лингвокультурной специфики. Данная особенность обусловлена жанровыми и медиаконтекстуальными задачами.

Доказано, что российский дискурс спортивных электронных СМИ делает акцент на объективность и аналитическое осмысление происходящих событий. Паритет положительных и отрицательных оценок указывает на значимость таких ценностных ориентиров как рациональность, критичность и коллективная ответственность. В то время

как китайский дискурс спортивных электронных СМИ характеризуется доминированием положительных оценок, фокусируясь на героизации спортсмена, коллективной гордости, позитиве и вере в прогресс. Преобладание положительных оценок в текстах статей электронных СМИ высвечивает культурную установку на формирование вдохновляющих нарративов, которые поддерживают общественную сплоченность и эмоциональный подъем.

С точки зрения идеологической маркированности российский дискурс характеризуется использованием оценочных средств для консолидации национального сознания в условиях международного давления, где ключевыми становятся категории «нашего» и «чужого» и поддержка традиционного гендерного порядка. Для китайского дискурса ценности транслируемые в процессе спортивной коммуникации – это культурный ресурс, средство для расширения национального влияния через символику и культурный код.

Лингвокультурная специфика параметра «целевое воздействие оценки» в российских электронных СМИ заключается в активном эмоционально-оценочном сопровождении событий, где победа, борьба и исключительность преподносятся как значимые смыслы. В рамках данного дискурса высвечиваются ценности эмоциональной сопричастности, коллективного воодушевления, героизации спорта и защиты национального имиджа. При этом лингвокультурная специфика китайского спортивного дискурса электронных СМИ проявляется в ориентации на гармонию, коммуникативную уравновешенность и социальную устойчивость. Ценности уважения, сотрудничества и недопущения резкой критики отражаются в сниженной роли дискредитационной оценки и балансе между информативностью, фатичностью и имплицитной манипуляцией.

Библиография

1. Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. – 318 pp.
2. Стернин, В. И. Лингвистическая аксиология / В. И. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. – 440 с.
3. Болотова, О. А. Оценка и оценочность в тексте / О. А. Болотова. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – 362 с.
4. Николаева, О. В. Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий / О. В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. – 2023. – № 1 (1). – С. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBCM
5. Волкова, Я. А., Вашуткина, И. В. Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании / Я. А. Волкова, И. В. Вашуткина // Вопросы психолингвистики. – 2024. – № 1 (59). – С. 10-21. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21 EDN: NHJOCL
6. Ломакина, О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности / О. В. Ломакина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – № 1. – С. 97-107. EDN: PCOJZZ
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с. EDN: UGQAMP
8. Кибрик, А. Е. и др. Дискурс как когнитивно-коммуникативное явление / А. Е. Кибрик и др. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 300 с.
9. Старостина, Ю. С. Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода / Ю. С. Старостина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Филология. Журналистика". – 2021. – № 3. – С. 248-

253. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-3-248-253 EDN: AYKSXT

10. Зубова Т.Б., Калинин О.И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 172-187. DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72801 EDN: OHYPEN URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72801

11. Лягошина, Т. В. Гибридизация публичного дискурса в современном медиапространстве: социальные эффекты и исследовательская перспектива / Т. В. Лягошина // Вопросы психолингвистики. – 2022. – С. 94-103.

12. Сабурова, Н. А., Шишкин, Б. А. Лексико-семантический анализ толерантного англоязычного медиадискурса / Н. А. Сабурова, Б. А. Шишкин // Филологический аспект. – 2022. – № 04 (84). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/leksiko-semanticheskij-analiz-tolerantnogo-angloyazychnogo-mediadiskursa.html> (дата обращения: 21.07.2025)

13. Малышева, Е. Г., Рогалева, О. С. Коммуникативные доминанты спортивного интернет-дискурса о фигурном катании / Е. Г. Малышева, О. С. Рогалева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 9. – С. 3071–3078. DOI: 10.30853/phil20240435 EDN: POXFON

14. Мосолова, Н. В. Спортивный дискурс: особенности, жанры, стратегия речевого поведения / Н. В. Мосолова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 308 с.

15. Гималетдинова, Г. К., Камалова, Р. Р. Эмоционально-оценочные модели спортивного медиадискурса / Г. К. Гималетдинова, Р. Р. Камалова // Ученые записки Казанского федерального университета. Серия "Гуманитарные науки". – 2022. – № 5 (164). – С. 47-58.

16. Ражина, В. А. Критерии оценочности в спортивном дискурсе как отражение лингвокультурного фона / В. А. Ражина // Филологические науки. – 2020. – № 11. – С. 265-268.

17. Логинова, Т. А. Экспрессия и оценка в английском спортивном дискурсе (на материале футбольных комментариев) / Т. А. Логинова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 2. – С. 166-168. EDN: OWZKDF

18. Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/> (дата обращения: 05.03.2025).

19. The Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/sport/index.html> (дата обращения: 05.02.2024).

20. Спорт-экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru/football/> (дата обращения: 06.06.2025).

21. The China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/sports> (дата обращения: 15.04.2025).

22. Спорт24. URL: <https://sport24.ru/> (дата обращения: 03.05.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена выявлению «лингвоаксиологических параметров оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ и описанию их лингвокультурной специфики в Китае и России». На мой взгляд, тема интересна, объективна, актуальна; структура текста работы выверена, фактические данные представлены максимально системно. Ориентир на базовые труды сделан, цитации полновесны, целостны: «Аксиология рассматривается сквозь призму культурных ключевых слов, которые влияют на формирование мировоззрения в социуме и ценностную картину мира в языке. Другим значимым трудом является «Лингвистическая аксиология» В. И. Стернина [2].

Исследование является попыткой систематизации принципов и методов лингвоаксиологии в российском языкознании. В. И. Стернин вводит в научный оборот понятие «оценочное значение», закладывает фундамент для дальнейших прикладных исследований в данной области. Оценка и оценочность в тексте изучается в работах О. А. Болотовой [3]». Считаю, что общий методологический ценз выдержан, термины и понятия введены в текст работы верно: например, «Китайский дискурс спортивных электронных СМИ подчеркивает такие элементы аксиологической системы социума как традиции и преемственность («mamianqun»), национальная гордость («projecting Chinese elegance on the global stage»), технологическое развитие и модернизация («3D printing», «additive manufacturing technology»), честность, справедливость («of anti-corruption crackdown»)). Иллюстративный блок достаточен, материал имеет практический характер, его уместно использовать при освоении ряда гуманитарных дисциплин. Стиль соотносится с научным типом, автор сознательно создает эффект диалога с потенциальным читателем, и это стоит оценить только положительно: например, «таким образом, российский дискурс спортивных электронных СМИ делает акцент на объективность и аналитическое осмысление происходящих событий. Паритет положительных и отрицательных оценок указывает на значимость таких ценностных ориентиров как рациональность, критичность и коллективная ответственность. Лингвоаксиологическая интерпретация результатов анализа данного параметра указывает, что в российской культуре ценность успеха считается результатом труда, что объективная оценка важнее безусловной похвалы. Китайский дискурс спортивных электронных СМИ характеризуется доминированием положительных оценок, фокусируясь на героизации спортсмена, коллективной гордости (успех спортсмена – успех всей страны), позитиве и вере в прогресс. Преобладание положительных оценок в текстах статей электронных СМИ высвечивает культурную установку на формирование вдохновляющих нарративов, которые поддерживают общественную сплоченность и эмоциональный подъем». Промежуточные итоги введены, они поддерживают общую логику исследования. Автор приходит к выводу, что «С точки зрения идеологической маркированности российский дискурс характеризуется использованием оценочных средств для консолидации национального сознания в условиях международного давления, где ключевыми становятся категории «нашего» и «чужого» и поддержка традиционного гендерного порядка. Для китайского дискурса ценности транслируемые в процессе спортивной коммуникации – это культурный ресурс, средство для расширения национального влияния через символику и культурный код». Считаю, что противоречий с основной частью нет. Таким образом, цель работы достигнута, поставленный спектр задач решен; тема соотносится с одной из рубрик издания. Рекомендую статью «Лингвоаксиологические параметры оценки в дискурсе спортивных электронных СМИ Китая и России» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Д. Языковые механизмы формирования национального самосознания: сравнительный анализ использования языка для создания и поддержания национальной идентичности в России и Китае на материале словаря русской ментальности // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75419 EDN: TGLBFO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75419

Языковые механизмы формирования национального самосознания: сравнительный анализ использования языка для создания и поддержания национальной идентичности в России и Китае на материале словаря русской ментальности

Ян Дандань

ORCID: 0009-0008-9999-0601

аспирант; кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

115211, Россия, г. Москва, р-н Братеево, ул. Борисовские Пруды, д. 10 к. 1, кв. 178

✉ ydd4114@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75419

EDN:

TGLBFO

Дата направления статьи в редакцию:

05-08-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу языковых механизмов формирования национального самосознания в России и Китае, реализуемых через лексику, отражающую ментальные и культурные ценности. В центре внимания находятся лексические единицы, которые способствуют созданию и поддержанию национальной идентичности, выполняя одновременно идеологическую и эмоциональную функции. Рассмотрены ключевые концептуальные поля – «коллективизм», «соборность» и «государство» в русской традиции, а также их функциональные аналоги в китайской культуре: «цзя» (семья), «ли» (ритуал) и «го» (государство). Исследование опирается на материалы «Словаря русской ментальности» В.В. Колесова, конфуцианские тексты и другие культурно-языковые источники, в которых закреплены образы коллективной

памяти, духовности и государственной идеологии. Особое внимание уделяется различиям в лексической реализации коллективистских ценностей: для русской традиции характерна эмоциональная насыщенность и акцент на духовно-нравственном единстве, а для китайской – строгая иерархическая организация и ритуальная упорядоченность. В работе применены сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический и дискурсивный анализ, а также этимологический разбор и анализ фразеологизмов и пословиц, отражающих ментальные установки. Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении ментально-ориентированной лексики двух культур как стратегического ресурса формирования национальной идентичности. Выявлены общие черты и различия в языковых механизмах: в обеих культурах язык укрепляет коллективистские ценности, однако в России они передаются через эмоционально окрашенные образы («общинность», «соборность»), а в Китае – через ритуально-нормативные конструкции («цзя», «ли», «го»). Показано, что историческая динамика этих концептов демонстрирует устойчивость коллективистских установок, несмотря на социально-политические трансформации, а также их адаптацию к современным условиям. Автор обосновывает, что сохранение данных установок в условиях глобализации обеспечивает поддержание культурной самобытности и служит основой национальной сплочённости. Результаты могут быть использованы в социолингвистике, культурологии и межкультурной коммуникации, а также при разработке образовательных и интеграционных программ.

Ключевые слова:

русский язык, русская ментальность, национальное самосознание, языковые механизмы, национальная идентичность, словарь русской ментальности, лексика ментальности, сравнительный анализ, эмоциональная насыщенность, культурные ценности

Введение

Национальное самосознание, как ключевая составляющая идентичности, формируется через язык, который выступает не только средством коммуникации, но и инструментом кодирования культурных ценностей. В России и Китае, двух цивилизациях с глубокими традициями коллективизма, язык играет особую роль в создании и поддержании национальной идентичности. Настоящее исследование опирается на словарь русской ментальности В.В. Колесова и конфуцианские тексты, чтобы выявить языковые механизмы, обеспечивающие формирование национального самосознания. Целью работы является сравнительный анализ концептуальных полей «коллективизм», «соборность» и «государство» в русской и китайской культурах, с акцентом на их лексическую и культурную специфику.

Исследование предлагает гипотезу, что коллективистские установки, закреплённые в языке, остаются устойчивыми в условиях глобализации, обеспечивая сохранение национальной идентичности. Это проявляется в современных дискурсах, таких как российские государственные речи о «единстве народа» и китайские лозунги о «гармоничном обществе».

Методология исследования

Исследование базируется на сравнительно-сопоставительном подходе, включающем лингвокультурологический анализ лексических единиц, отражающих ментальность, и дискурсивный анализ текстов, связанных с национальной идеологией. Основным

источником для русской традиции служит «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова [1], а для китайской – конфуцианские тексты [2-4]. Используются методы этимологического анализа, анализа фразеологизмов, пословиц и литературных примеров, а также сопоставления культурных практик и ритуалов.

Концептуальное поле «коллективизм»

В русской культуре коллективизм воплощен в концепте «общинность», который, по Колесову В.В. [5], представляет собой не только социальную структуру, но и модель мышления. Этимология слова «община» (от праслав. *obyština* – «общее дело») подчеркивает идею совместного труда и ответственности. Колесов В.В. акцентирует, что община формировала социальную солидарность через практики передела земли и круговой поруки, выраженные в пословице «с миру по нитке – голому рубаха» [1, с. 145]. Исторические формы, такие как крестьянский «мир» и артель, демонстрируют примат коллективного над индивидуальным [15]. Фразеологизмы, например, «сам погибай, а товарища выручай», и литературные образы, такие как Платон Каратаев у Л.Н. Толстого (Война и мир. Т.4, ч.1, гл.XII–XIII), подчеркивают подчинение личных интересов общему благу.

В Китае коллективизм базируется на конфуцианском принципе «цзя» (семья) и «го» (государство), объединенных концепцией «семья и государство структурно идентичны» [9, 10]. Согласно [3], гармония в семье обеспечивает стабильность государства: «совершенствуй себя, управляй семьей, государством, упорядочивай Поднебесную». Концепт «сяо» (сыновняя почтительность) закрепляет подчинение личности семейным и государственным интересам, что проявилось в системе «баоцзя» и программе «Большого скачка» (второй Пятилетний план Китая, 1958–1962 гг.), где индивидуальные интересы жертвовались ради коллективного блага.

Обе традиции акцентируют приоритет коллектива, но в России он выражен через эмоционально-духовную солидарность («мир»), а в Китае – через иерархическую структуру и ритуал («ли»). Русская общинность подчеркивает равенство и взаимопомощь, тогда как китайская модель акцентирует иерархию и моральную дисциплину.

Концептуальное поле «соборность»

Соборность, по Колесову В.В. [1, 2], отражает духовное единство на основе общей веры и нравственных ценностей. Этимология слова (от «съборъ» – собрание) указывает на гармоничное единение, где индивидуальность сохраняется в коллективной гармонии: «соборность – это хор, где голоса сливаются» [1, с. 189]. Исторически соборность проявлялась в Земских соборах и православной литургии, где коллективное произнесение «Верую» символизировало духовное единство [14]. В отличие от западного парламентаризма, соборность исключает конфронтацию, стремясь к внутреннему согласию.

Аналогом соборности в Китае выступает концепт «ли» (ритуал), обеспечивающий социальную и духовную гармонию. Ритуал Цинмин, связанный с поминовением предков, укрепляет связь поколений и коллективное сознание. Сельские собрания («хуэйи») напоминают русские сходы «мира», где решения принимаются коллективно для достижения гармонии [11-13].

Соборность в России акцентирует духовное единство, тогда как китайский «ли»

подчеркивает морально-ритуальный порядок. Обе концепции направлены на поддержание коллективного единства, но русская традиция более эмоциональна, а китайская – структурирована.

Концептуальное поле «государство»

В русской ментальности государство воспринимается как моральный и духовный институт, выраженный в образах «государь-батюшка» и «Святая Русь». Колесов В.В. подчеркивает связь термина «государство» с «господарством» (владение верховной властью), что отражает патерналистский характер управления. Инаугурационные речи российских лидеров (например, Путина В.В. в 2004 году: «сильное государство – это воля народа, объединенного общей целью»^[1]) подчеркивают его роль как гаранта справедливости и единства. Государство воспринимается как «воплощение народной совести» (Достоевский Ф.М.).

В Китае государство («го») трактуется как расширенная семья, согласно принципу «семья и государство устроены по единому образцу». Конфуцианская философия акцентирует моральное лидерство правителя, легитимированное «небесным мандатом» («тяньмин»). Современные лозунги Коммунистической партии Китая («пожертвовать малой семьей ради большой») воспроизводят приоритет коллективного блага. Ритуал («ли») и закон («фа») обеспечивают порядок и иерархию.

В обеих традициях государство – моральный регулятор, но в России акцент делается на духовной сакрализации, а в Китае – на ритуально-иерархическом порядке. Русская модель подчеркивает эмоциональную связь с властью, китайская – строгую моральную дисциплину.

Результаты исследования

Сравнительный анализ выявил, что в обеих культурах язык формирует национальное самосознание через акцент на коллективные ценности (табл. 1). В русской традиции это выражено через духовно-эмоциональные концепты («общинность», «соборность»), закрепленные в пословицах, фразеологизмах и литературе. В Китае коллективизм реализуется через конфуцианские принципы («цзя», «го», «ли»), подчеркивающие иерархию и ритуал.

Таблица 1. Сравнение концептуальных полей в русской и китайской традициях

Table 1 – Comparison of Conceptual Fields in Russian and Chinese Traditions

Аспект сравнения	Русская традиция	Китайская традиция
Базовая социальная ячейка	«Мир» (община), круговая порука	«Цзя» (семья), «баоцзя»
Идеологическое основание	Соборность, духовное единство	«Сяо» (сыновняя почтительность), «ли» (ритуал)
Языковые маркеры	«На миру и смерть красна»	«Совершенствуй себя, упорядочи дом, управляй страной, упокой поднебесную»
Исторические практики	Земские соборы, субботники	«Баоцзя», «Большой скачок»

Источник: составлено автором на основе материалов [\[1-5\]](#).

Таблица 1 иллюстрирует сходства и различия в языковых механизмах формирования национального самосознания. Различия обусловлены ментальными установками: русская культура акцентирует эмоциональную солидарность, а китайская – структурированный порядок. Новизна исследования заключается в выявлении ментальных карт, демонстрирующих сходство в примате коллектива и различия в языковой реализации.

Для более наглядного представления языковых механизмов формирования национального самосознания в России и Китае целесообразно обратиться к ментальным картам, иллюстрирующим взаимосвязь ключевых концептов («общинность», «соборность», «государство» в русской традиции и «цзя», «ли», «го» в китайской). Эти карты позволяют систематизировать лексические и культурные элементы, выявляя их роль в создании коллективной идентичности. На рисунке 1 представлена структура ментальных карт, отражающая иерархию и взаимосвязь концептов в обеих культурах, что подчеркивает их сходства и различия в формировании национального самосознания.

Рисунок 1. Ментальные карты формирования национального самосознания в России и Китае

Источник: составлено автором на основе материалов [\[1, 2\]](#)

Figure 1 – Mental maps of national identity formation in Russia and China

Для углубленного понимания языковых механизмов формирования национального самосознания в России и Китае необходимо рассмотреть ключевые языковые маркеры, такие как пословицы, фразеологизмы и изречения, закрепляющие коллективистские ценности. В русской традиции это устойчивые выражения, отражающие общинность и соборность, в китайской – конфуцианские максимы, акцентирующие семейно-государственную гармонию. Диаграмма (рис. 2) иллюстрирует частотность и семантическую значимость этих языковых маркеров, выявляя их вклад в формирование коллективного сознания в обеих культурах.

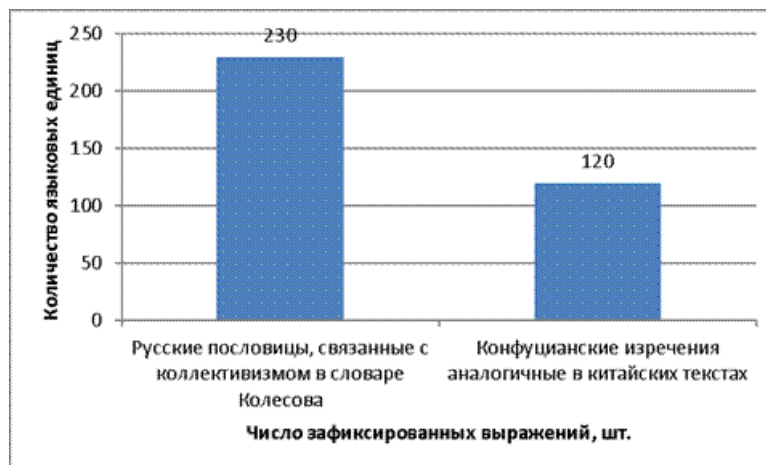

Рисунок 2. Частотность языковых маркеров коллективизма в русской и китайской традициях.

Источник: составлено автором на основе материалов [\[1-8\]](#)

Figure 2 – Frequency of linguistic markers of collectivism in Russian and Chinese traditions

В русской традиции это проявляется в выражениях, отражающих общинность и соборность: «На миру и смерть красна» [\[1, с. 145\]](#), подчеркивающее коллективную солидарность перед лицом трудностей; «Сам погибай, а товарища выручай» [\[5, с. 202\]](#), выражающее жертвенность ради товарища; «С миру по нитке – голому рубаха» [\[1, с. 145\]](#), иллюстрирующее взаимопомощь; «Всем скопом – не в обиду» [\[1, с. 145\]](#), акцентирующее защиту через единство; и «Не в свои сани не садись» [\[5, с. 202\]](#), ограничивающее индивидуализм ради гармонии. В китайской традиции аналогичную функцию выполняют конфуцианские максимы: «Личное совершенствование → порядок в семье → управление государством → гармония в мире» [\[3\]](#), устанавливающее иерархию от личного к государственному; «Сыновняя почтительность – основа служения правителю» [\[4\]](#), связывающее сыновнюю почтительность с лояльностью государству; «Семья и государство – одинаково устроены» [\[2\]](#), подчеркивающее структурное единство семьи и государства; «Отказаться от личного ради общественного» (современный дискурс КПК), призывающее жертвовать личным ради общего; и «Главная цель ритуала – достижение согласия» [\[2\]](#), акцентирующее гармонию через ритуал. Эти выражения демонстрируют, как язык в обеих культурах укрепляет коллективное сознание, но в русской традиции акцент делается на эмоциональной солидарности, а в китайской – на морально-ритуальном порядке.

Для понимания эволюции языковых механизмов формирования национального самосознания в России и Китае важно проследить, как ключевые концепты трансформировались в исторической перспективе. В русской культуре эти концепты развивались от крестьянских общин и Земских соборов к советским практикам коллективизации, в Китае – от конфуцианских ритуалов и системы «баоцзя» к идеологии «Большого скачка» и современного государственного дискурса. График (рис. 3) иллюстрирует динамику этих изменений, показывая этапы развития концептуальных полей и их языковую реализацию в обеих культурах.

Рисунок 3. График исторической динамики концептов

Источник: составлено автором на основе материалов [\[1-8\]](#)

Figure 3 – A graph of the historical dynamics of concepts

График исторической динамики концептов (рис. 3) наглядно демонстрирует, как концепты «общинность», «соборность» и «государство» в русской традиции, а также «цзя», «ли» и «го» в китайской эволюционировали в соответствии с социальными и идеологическими изменениями. Эта визуализация подчеркивает устойчивость коллективистских ценностей в обеих культурах, несмотря на различия в их языковой и культурной реализации. На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа языковых маркеров и исторических практик можно выделить следующие ключевые результаты исследования [\[16\]](#):

- в обеих культурах язык служит инструментом формирования национального самосознания через акцент на коллективистские ценности. В русской традиции это проявляется в концептах «общинность» и «соборность», выраженных через пословицы (например, «На миру и смерть красна») и литературные образы (например, Платон Каратаев у Л.Н. Толстого). В китайской традиции коллективизм закреплён через конфуцианские принципы «цзя» (семья), «ли» (ритуал) и «го» (государство), воплощенные в изречениях, таких как «Личное совершенствование – путь к управлению миром» [\[3\]](#).

- русская традиция акцентирует духовно-эмоциональную солидарность, выраженную в лексике, связанной с «миром» и «соборностью», что отражено в эмоционально окрашенных пословицах и фразеологизмах (например, «Сам погибай, а товарища выручай»). Китайская традиция подчеркивает морально-ритуальный порядок, где язык структурирует иерархию через термины «сяо» (сыновняя почтительность) и «ли», как в изречении «Назначение ритуала – в достижении гармонии» [\[2\]](#).

- анализ исторической динамики (рис. 3) показал, что коллективистские ценности сохраняют устойчивость в обеих культурах, несмотря на социальные и политические трансформации. В России это проявилось в переходе от крестьянских общин и Земских соборов к советским практикам, в Китае – от системы «баоцзя» к идеологии «Большого скачка» и современным государственным дискурсам.

- сравнение ментальных карт (рис. 1) выявило структурные сходства и различия в формировании национального самосознания. В русской традиции концепты связаны через духовное единство и патерналистское восприятие государства («государь-батюшка»), в китайской – через иерархическую модель «семья-государство» («Семья и

государство имеют одинаковую структуру»). Это подтверждает новизну исследования, заключающуюся в сопоставлении ментальных структур двух цивилизаций.

– языковые маркеры (рис. 2) демонстрируют, что в обеих культурах язык выполняет функцию кодирования и передачи коллективного сознания. В России это достигается через эмоционально-нравственные образы, в Китае через ритуально-моральные конструкции, что подчеркивает культурно-специфические механизмы формирования идентичности.

Результаты исследования применимы в лингвокультурологии для анализа языковых механизмов формирования идентичности, в социолингвистике – для изучения влияния языка на общественное сознание, в политологии – для понимания идеологических основ государственного управления. Практическая ценность заключается в возможности использования данных для межкультурной коммуникации и разработки образовательных программ.

Заключение

В статье предложена методология сравнительно-сопоставительного анализа языковых механизмов формирования национального самосознания в России и Китае, основанная на изучении концептуальных полей «коллективизм», «соборность» и «государство» с использованием словаря русской ментальности В.В. Колесова и конфуцианских текстов. Разработанный подход включает анализ лексических единиц, дискурсивный анализ текстов, связанных с национальной идеологией, и визуализацию ментальных карт, языковых маркеров и исторической динамики, подтвержденных сопоставлением культурных практик и их языковой реализации.

Язык в России и Китае служит инструментом формирования национального самосознания, укрепляя коллективистские ценности. В русской традиции это достигается через духовно-эмоциональные образы, в китайской через морально-ритуальные структуры. Сохранение коллективистских установок в условиях глобализации подтверждает их устойчивость как фактора национальной идентичности. Эти установки будут сохранять актуальность, поддерживая культурную самобытность обеих цивилизаций.

Библиография

1. Колесов В.В. Словарь русской ментальности. В 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. – т. 1 – 591 с.; т. 2 – 592 с.; всего – 1184 с.
2. Конфуций. Лунь юй : Восточная литература; 2001. – 180 с. – ISBN 5-02-018024-6.
3. Конфуций. Да сюэ (Великое учение) // Перевод: James Legge. The Great Learning, англ. / e-artnow, 2023. – 32 с. – ISBN 4064066374327.
4. Кучера С. Конфуцианский трактат Сяо цзин // История, культура и право древнего Китая: собрание трудов С. Кучера. / С. Кучера ; Российская академия наук, Ин-т востоковедения. – М. : Наталис, 2012. – 416 с.: ил. – (Corpus Sericum). – ISBN 978-5-8928-2481-1; ISBN 978-5-8062-0351-0 (в пер.).
5. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – 444 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / соч. В.И. Даля. – Москва : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. – 680 с. разд. паг.
7. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Изд-во Росс. ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений.

- М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с. EDN: UKCOEJ
9. Ван С., Фаткуллина Ф.Г., Кузьмина Е.С., Люлина А.Г. Языковая политика и национальный имидж Китая в сообщениях ТАСС о коронавирусе: дискурсивный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1244–1259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1244-1259>.
10. Исследование дискурсивного конструирования национальной идентичности в политическом дискурсе Китая (на примере выступления Си Цзиньпина на 15-й встрече лидеров БРИКС) // Политлингвистика. – 2024. – № 6. (108) – С. 240-248.
11. Zamyatin K. Treatment of and Attitudes Towards 'Other' Languages in Modern Russia // Journal of Language and Politics. – 2023. – Vol. 22, No. 6. – Pp. 60-63.
12. Ли Сяо Кун, Марченко Г.В. Национальная идентичность в Китае и за рубежом: сравнительный анализ средств формирования // Педагогический журнал. 2023. Т. 7А. С. 72-81. DOI: 10.34670/AR.2023.41.99.025.
13. Терских М.В., Зайцева О.А. Лексические средства отражения русского менталитета в текстах учебников по русскому языку как иностранному // Вестник славянских культур. 2024. Т. 71. С. 208-224. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-208-224>. EDN: DWGGBY
14. Россия – Китай: история и культура [Электронный ресурс]: сборник статей и докладов участников XVII Международной научно-практической конференции (Казань, 13-16 ноября 2024 г.) / отв. ред. Р.Р. Мухаметзянов; ред. кол.: Р.Р. Фахрутдинов, Э.К. Хабибуллина, Е.И. Нестеренко, Д.Е. Мартынов. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 174 с. – ISBN 978-5-00130-858-4.
15. Гун С. Номинации и концептуализация понятий «нация» и «народ» в официальных медиатекстах России и Китая // Litera. 2025. № 5. С. 382-396. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74602 EDN: QUNQBK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74602
16. Захарова Е. Ю., Лян Чуньюй. Преобразование системы языкового образования в России и Китае в условиях интенсификации международного сотрудничества // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 1. С. 127-136. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-1-127-136. EDN: IKSKPQ

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются языковые механизмы формирования национального самосознания. Эмпирическим материалом послужили «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова и конфуцианские тексты. Актуальность работы не вызывает сомнения и определяется повышенным интересом ученых к лингвистическим аспектам формирования национального самосознания («национальное самосознание, как ключевая составляющая идентичности, формируется через язык, который выступает не только средством коммуникации, но и инструментом кодирования культурных ценностей»).

Теоретической основой исследования выступили труды по теоретическим основы лингвокультурологии, её ключевым понятиям и методологическим подходам. Библиография насчитывает 8 источников, в т. ч. лексикографические (Словарь русской ментальности В. В. Колесова, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля) и учебник «Лингвокультурология» В. А. Масловой. По мнению рецензента, в

работе использовано недостаточное количество рецензируемых научных источников (статьи из научных журналов и монографии) для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Также в списке использованных источников нет ни одного актуального (изданного в последние 3 года), что не позволяет судить о степени разработанности данной научной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью (провести «сравнительный анализ концептуальных полей «коллективизм», «соборность» и «государство» в русской и китайской культурах, с акцентом на их лексическую и культурную специфику») и носит комплексный характер. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный, структурно-семантический методы; интерпретативный анализ материала; сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы; этимологический и лингвокультурологический анализы лексических единиц; дискурсивный анализ текстов, связанных с национальной идентичностью; метод ментальных карт и т. д.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен сравнительный анализ концептуальных полей «коллективизм», «соборность» и «государство» в русской и китайской традициях, языковых маркеров и исторических практик, что позволило автору(ам) сформулировать ряд обоснованных выводов о том, что в обеих культурах язык «служит инструментом формирования национального самосознания через акцент на коллективистские ценности» и «выполняет функцию кодирования и передачи коллективного сознания». Выявлены различия в формировании национального самосознания («Язык в России и Китае служит инструментом формирования национального самосознания, укрепляя коллективистские ценности. В русской традиции это достигается через духовно-эмоциональные образы, в китайской через морально-ритуальные структуры»).

На наш взгляд, в подведении результатов исследования автор(ы) не совсем корректно используют слово «гипотеза»: см «исследование предлагает гипотезу, что коллективистские установки, закрепленные в языке, остаются устойчивыми в условиях глобализации, обеспечивая сохранение национальной идентичности». Гипотеза представляет собой научное предположение, которое в ходе работы подтверждается или опровергается. Поэтому гипотезу выдвигают в начале исследования после цели и задач.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования связаны с его вкладом в изучение и интерпретацию национальной идентичности с лингвистической точки зрения, в развитие таких научных направлений, как лингвокультурология и социолингвистика. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Языковые механизмы формирования национального самосознания: сравнительный анализ использования языка для создания и поддержания национальной идентичности в России и Китае на материале словаря русской ментальности», предлагаемая к публикации в журнале «Litera»,

несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает лингвокультурные особенности на материале двух неродственных языков: русского и китайского, через призму когнитивной лингвистики, а именно, исследуя языковые механизмы создания национальной идентичности. Несомненно, работа имеет большой научный потенциал, вносит существенный вклад в развитие как теории лингвокультурологии, когнитологии, так и в сопоставительное изучение русского и китайского языков и культур.

Автор выдвигает интересную гипотезу, что коллективистские установки, закрепленные в языке, остаются устойчивыми в условиях глобализации, обеспечивая сохранение национальной идентичности. Это проявляется в современных дискурсах, таких как российские государственные речи о «единстве народа» и китайские лозунги о «гармоничном обществе».

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методологической базой исследования явился сравнительно-сопоставительный подход, включающий лингвокультурологический анализ лексических единиц, отражающих ментальность, и дискурсивный анализ текстов, связанных с национальной идеологией; также применены методы этимологического анализа, анализа фразеологизмов, пословиц и литературных примеров, а также сопоставления культурных практик и ритуалов.

Языковым материалом исследования явились «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова и конфуцианские тексты.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования.

Однако отметим, что автор не обращается к анализу работ предшественников, посвященных данной тематике, что не позволяет достоверно судить о новизне исследования и существенном приращении научного знания.

Автор скрупулёзно анализирует языковой материал, предпринимая попытку выделить схожие черты и доказать выдвинутую гипотезу.

Особый интерес представляют примеры на русском и китайском языках, которые анализирует автор. Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику.

Важным является представление результатов исследования в графиках и таблицах, что позволяет визуализировать итоги работы.

Пунктуационные и орфографические ошибки, существенно затрудняющие понимание текста, не обнаружены. Библиография статьи насчитывает 16 источников, в которые включены как отечественные, так и зарубежные труды. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, востоковедам, культурологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Языковые механизмы формирования национального самосознания: сравнительный анализ использования языка для создания и поддержания национальной идентичности в России и Китае на материале словаря русской ментальности» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Я. Проблемные аспекты влияния медиа на общественное мнение в контексте чрезвычайных ситуаций на примере инфодемии в связи с распространением COVID-19 и пути их решения // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75405 EDN: TBOHUIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75405

Проблемные аспекты влияния медиа на общественное мнение в контексте чрезвычайных ситуаций на примере инфодемии в связи с распространением COVID-19 и пути их решения

Чжан Янин

ORCID: 0009-0002-9766-7946

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. 26-ти Бакинских Комиссаров 8к4

✉ 1042238045@pfur.ru

[Статья из рубрики "Фейки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75405

EDN:

TBOHUIJ

Дата направления статьи в редакцию:

04-08-2025

Аннотация: Данная работа посвящена изучению влияния современных средств массовой информации, включая цифровые платформы и социальные сети, на формирование общественного мнения в условиях чрезвычайных ситуаций. Особое внимание уделено информационным кризисам, связанным с пандемией COVID-19, и явлению инфодемии, которое сопровождалось активным распространением дезинформации и слухов. Рассматриваются механизмы медиавоздействия, такие как фрейминг, сенсационность, предвзятость подачи информации, а также роль алгоритмов в формировании информационной повестки. Анализируется, как данные процессы влияют на восприятие реальности, общественное поведение и принятие решений в кризисных условиях. Целью работы является выявление проблемных аспектов медиаактивности и определение возможных стратегий противодействия негативным эффектам инфодемии. Данная работа представляет собой обзор проблемных аспектов

влияния современных медиа на формирование общественного мнения в условиях чрезвычайных ситуаций, в частности, в контексте инфодемии, вызванной пандемией COVID-19. В исследовании применён метод качественного анализа научных публикаций 2020–2024 годов, с фокусом на сопоставление зарубежного и отечественного опыта медиаанализа. Научная новизна статьи заключается в систематизации и обобщении существующих подходов к анализу медийного влияния в период чрезвычайных ситуаций, с акцентом на роль цифровых технологий в распространении информации и формировании общественной повестки. Автор выделяет ключевые риски и последствия инфодемии, включая снижение доверия к официальным источникам, усиление социальной тревожности и поляризацию общественного мнения. В работе представлена структура типичных медиапаттернов кризисного времени и дана оценка эффективности существующих методов противодействия дезинформации. Сделаны выводы о необходимости повышения медиаграмотности населения и внедрения регулирующих механизмов, способных ограничивать распространение недостоверной информации. Материалы статьи могут быть полезны для специалистов в области медиа коммуникаций, социальной психологии и информационной безопасности.

Ключевые слова:

инфодемия, дезинформация, дум-скроллинг, социальные сети, пандемия COVID-19, общественное мнение, медиавлияние, адаптивная модель, патерналистская модель, гэмблинг-эффект

В условиях чрезвычайных ситуаций, подобных пандемии COVID-19, влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения приобретает особую значимость. В период глобального кризиса не только усиливаются информационные потоки, но и возрастает роль цифровых платформ, способствующих распространению недостоверной информации. Это явление, получившее название «инфодемия», было официально признано Всемирной организацией здравоохранения как угроза общественному здоровью наравне с самим вирусом. Современные медиа становятся не только каналами коммуникации, но и инструментами конструирования реальности, влияя на восприятие рисков, доверие к институтам власти и модели поведения граждан. Особенно остро это проявляется в ситуациях неопределённости и социальной тревожности, когда доступ к информации формирует не только знание, но и эмоциональную реакцию общества.

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного анализа того, каким образом традиционные и цифровые СМИ воздействуют на массовое сознание, способствуют формированию или преодолению панических настроений, распространяют либо опровергают дезинформацию. При этом важно учитывать как особенности фрейминга, сенсационности и нарративных стратегий, так и алгоритмические механизмы персонализации контента в социальных сетях.

Целью настоящей работы является систематизация научных подходов к изучению инфодемии в контексте пандемии COVID-19, выявление ключевых форм информационного воздействия на общественное мнение и анализ стратегий минимизации негативных эффектов. Работа основывается на анализе русскоязычных и англоязычных научных публикаций за период 2020–2024 гг., уделяется внимание как теоретическим моделям, так и эмпирическим данным. В результате предлагается обобщённая картина медиавоздействия в условиях глобальных информационных

кризисов и практические рекомендации по их преодолению.

Исследование выполнено в формате систематизированного научного обзора с опорой на принципы междисциплинарного анализа и сравнительной логики, что обусловлено характером поставленной цели – выявить механизмы информационного воздействия медиа на общественное мнение в условиях пандемийной инфодемии. В условиях, когда медийное пространство становится не только каналом передачи информации, но и активным участником общественно-политического и культурного дискурса, особую значимость приобретает выявление закономерностей, по которым дезинформация, сенсационность, алгоритмическая селективность и цифровая вовлечённость влияют на восприятие обществом чрезвычайных ситуаций.

Методологическая логика анализа носила многоступенчатый характер. На первом этапе проводился контент-анализ текстов с целью выделения ключевых понятий и тематических акцентов. Далее осуществлялось тематическое упорядочивание материала, в котором русскоязычные и англоязычные источники классифицировались по основным направлениям: теоретические интерпретации инфодемии, эмпирические исследования медиапотребления, оценка моделей цифрового вмешательства, анализ эффективности информационных кампаний. На заключительном этапе был реализован синтетический подход, позволивший сопоставить позиции авторов, выявить пересекающиеся аргументы и существующие методологические разрывы в различных академических традициях.

Таким образом, методологическая рамка исследования обеспечивает обоснованную научную достоверность представленных в работе обобщений. Она исключает спонтанную компиляцию мнений и направлена на создание целостной картины, отражающей научное понимание медиавоздействия в период пандемии COVID-19. Подобный подход позволяет не только осмыслить уже существующий научный массив, но и выявить направления, в которых требуется дальнейшее исследование – как с точки зрения уточнения понятийного аппарата, так и с позиции разработки практических механизмов противодействия инфодемии в цифровую эпоху.

1. Ключевые особенности влияния СМИ на общественное мнение

В последние годы акцент в исследованиях медиавлияния сместился с традиционных теорий повестки дня и фрейминга к моделям, описывающим современные цифровые реалии: алгоритмическое персонализированное распространение контента, роль инфлюенсеров и новые формы эмоционального вовлечения. Новые данные как из англоязычной, так и русскоязычной литературы подтверждают: медиа воздействуют на общественное сознание посредством сложного взаимодействия технических, психологических и социально-политических факторов.

Во-первых, алгоритмы социальных платформ и инструменты автоматизации (например, боты и вычислительная пропаганда) ускоряют распространение дезинформации. Исследования показывают, что такой контент расходуется в шесть раз быстрее, чем проверенная информация, что особенно опасно в условиях инфодемии, когда медиaprостранство насыщено тревожными сигналами и слухами [\[1, 2\]](#). Этот аспект подчеркивает не столько содержание, сколько техническую форму его передачи – механизм автоматического масштабирования влияет на восприятие и распространяет эмоции.

Во-вторых, появляются более сложные математические модели формирования общественного мнения, основанные на динамике взаимодействия между медиа и инфлюенсерами. В одной из последних моделей показано: инфлюенсеры быстрее

наращивают подписчиков, зачастую переходя к крайним позициям, что создаёт фрагментированные, но непродолжительные группировки мнений; традиционные медиа, напротив, действуют более стабильно, сглаживая поляризацию [3]. Это помогает объяснить, почему в цифровую эпоху наблюдается рост краткосрочной эмоциональной реакции, но также и возможность восстановить устойчивость дискурса.

Третий тренд касается роли доверия и медиаграмотности. Лонгитюдные исследования из Китая показывают: доверие к официальным СМИ и прозрачность информации уменьшает негативные эмоциональные реакции и способствует благополучию населения во время кризиса. В то же время доверие к соцсетям на первых этапах пандемии повышает уровень тревожности и депрессии, особенно если аудитория воспринимает контент некритически. Это подчёркивает значимость не просто доступа к информации, но её качественной подводки и проверяемости.

Четвёртая новация – использование вычислительных подходов для предсказания общественных настроений. Недавние эксперименты с языковыми моделями, обученными на медиаданных, показали, что они могут прогнозировать динамику общественного мнения с точностью настоящих опросов. Такой подход обещает новый способ измерения влияния медиа-диеты на аудиторию, без зависимости от традиционных опросов.

Наконец, критический фактор – структура платформ и социальная сегрегация. Эффект «эхокамер» и фильтровых пузырей, подкреплённый выборочным восприятием новостей (selective exposure), усиливает поляризацию: пользователи реже сталкиваются с альтернативной информацией, а контент подтверждает уже имеющиеся убеждения [4]. Эмпирические исследования в 31 стране выявили, что тематические паттерны взаимодействия с политическим контентом существенно отличаются по идеологическим линиям и платформам, усиливая устойчивость социальных фрагментов и снижая возможность объединяющего дискурса.

Для того чтобы определить оказывается ли целенаправленное влияние на общественное восприятие со стороны средств массовой информации следует выявить в анализируемой информации следующие аспекты:

1. *Сила предвзятости СМИ.* Факт предвзятости в исследуемом контексте в настоящую эпоху становится объектом пристального научного внимания, поскольку степень и масштабы, с которыми средства массовой информации определяют социальные позиции населения оказываются все более наглядными. СМИ способны по-своему истолковывать общественное мнение и определенным образом его предоставлять потребителям. В этой связи актуальными становятся конкретные механизмы, позволяющие вскрывать факты предвзятости в массивном информационном потоке.

2. *Информационное неравновесие в освещении событий.* Одной из распространённых форм информационной предвзятости является неравномерное внимание к различным темам или позициям. Средства массовой информации часто акцентируют внимание на определённых сюжетах, в то время как другие остаются за пределами информационной повестки. Такая избирательность способна исказить общественное восприятие реальности, формируя выгодную для медиа или их заказчиков картину. Особенно ярко это проявляется в ходе избирательных кампаний, когда внимание публики концентрируется на спорных моментах, касающихся одного кандидата, в то время как положительные аспекты его деятельности игнорируются. Это может привести к смещению общественного мнения в интересах определённой политической силы.

3. *Контекстуализация и язык подачи информации.* То, как подаётся информация в новостях – её контекст, лексика, эмоциональный окрас – существенно влияет на интерпретацию фактов. Один и тот же сюжет может быть представлен под разными углами, формируя диаметрально противоположные реакции аудитории. Например, рост уровня преступности может быть освещён как провал политических институтов, вызывая поддержку жёстких мер. В то же время, альтернативная подача может связывать проблему с социальной несправедливостью, побуждая к реформам в сфере образования или здравоохранения. Таким образом, выбор слов и формулировок в журналистике становится мощным инструментом воздействия.

4. *Соккрытие и искажение информации.* Наряду с тем, что СМИ сообщают, не менее важно и то, что они умалчивают. Соккрытие критически значимой информации или преднамеренное искажение фактов может кардинально менять суть сообщения. Такая практика приводит к формированию односторонней картины мира у аудитории. В ряде случаев подобные манипуляции использовались в международной политике – например, в освещении военных конфликтов, где данные, не соответствующие официальной линии, намеренно игнорировались, а ложные утверждения выдавались за достоверные. Подобная стратегия может серьёзно повлиять на общественные настроения и внешнеполитические решения. С помощью выборочного освещения событий, формулировок, применения особых языковых конструкций, практики умолчания и сознательного извращения фактов СМИ способны реально двигать социальные позиции людей в необходимое русло, формируя определенные установки и способы восприятия фактов. В этом контексте актуализируется важность развития навыков критического мышления к содержанию новостной ленты, практики верификации контента, не игнорируя негативные последствия предубеждений. Другими словами, информатизация в цифровую эпоху повышает значимость механизмов достижения объективности.

В условиях постоянных трансформаций современного мира журналистика сохраняет ключевую роль в формировании общественных взглядов и поведенческих моделей. Сегодня её принято рассматривать не просто как канал передачи информации, но и как социальный институт, активно влияющий на политические, культурные и экономические процессы. По сути, журналистика – это систематическая деятельность по созданию, проверке и распространению информации с использованием различных медиаплатформ [5].

Однако степень влияния и общественного восприятия журналистики существенно варьируется в зависимости от историко-культурного контекста и политической модели конкретного государства. В одних странах медиасреда строго контролируется государством, что ограничивает автономность журналистов, в других – СМИ функционируют как независимые коммерческие организации в рамках правового поля. Таким образом, свобода слова, как фундаментальный принцип журналистики, регулируется по-разному и отражает уровень демократизации общества.

Важна в данном контексте роль ярких заголовков и новостных сюжетов. В современных реалиях быстро меняющегося мира новости распространяются и потребляются непрерывно. Именно по этой причине для привлечения внимания и увеличения числа зрителей СМИ прибегают к распространённой тактике – сенсационности. Под сенсационностью понимается использование в заголовках и новостных статьях нарочито преувеличенного, способного шокировать и вызвать эмоциональную реакцию языка. Всё это делается с целью вызвать у аудитории бурную реакцию. Стоит отметить, что вина за это явление не может быть полностью возложена на СМИ. Необходимо понимать, какие

основные факторы способствуют распространению сенсационности и её влиянию на общественное мнение.

Названия эмоциональной направленности способны провоцировать существенный интерес у потребителей, определяя большую степень вовлеченности в процесс чтения. Не в последнюю очередь на это влияет искусственная гиперболизация проблемы, когда нагнетается тревожность при нехватке времени на раздумье. Нейтральное название новости «Ученые зафиксировали новую разновидность вируса» уступает по степени своей привлекательности заголовку «Срочно! Смертельный вирус неумолимо распространяется по миру!» Яркие заголовки используются для увеличения вовлечённости и побуждения самостоятельного распространения пользователями новостей через репост в социальных сетях, что повышает охват и усиливает влияние конкретных событий на аудиторию.

Освещение новостей с использованием сенсационных материалов влияет на общественное восприятие, воздействуя на понимание и интерпретирование людьми происходящих событий. Когда новостными изданиями предпочтение отдаётся сенсационным историям, а не более подробным репортажам – это может стать причиной искажённого понимания сложных вопросов.

Было проведено большое количество тематических исследований, анализ результатов которых показывает влияние сенсаций на общественное восприятие. Яркий пример – освещение массовых расстрелов. Можно заметить, что при освещении новостей, касающихся данной темы, СМИ часто фокусируются на преступнике, подробно рассказывают историю его личной жизни и мотивы, побудившие его пойти на противоправное деяние. Такие новости могут непреднамеренно сместить внимание аудитории с жертв на стрелка, а это, в свою очередь, может вдохновить подражателей. При этом более широкая проблема контроля над оружием отходит на задний план. Преподнесение информации с акцентом на сенсационность может стать причиной появления у общественности чувства страха и незащищённости, усиливая представление о том, что такие инциденты происходят чаще, чем на самом деле.

Немаловажное значение имеет драматичность и сенсационность в названиях новостей. Это определяет фокусировку внимание потребителей и масштабирование их количества, но вместе с тем это способно извращать реальное положение дел и блокировать возможности позитивного обсуждения каких-то серьезных тем. Ответственный потребитель новостей должен быть разборчивым и критичным, искать надёжные источники и различные точки зрения для получения более точного представления об окружающей действительности [\[6\]](#).

Значение социальных сетей

Особое внимание в этом контексте нужно обратить на соцсети, которые стали частью повседневности в наши дни. Они задают тон процессам современной коммуникации, работе с информационными потоками и оказывают влияние на формирование социальных позиций населения. Facebook*, X (бывш. Twitter) и Instagram* (* – принадлежат компании, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) совершили настоящий переворот в плане потребления новостных ресурсов и способе присутствия и активности их читателя в интернете. Необходимо сказать особо о формах, которые используются соцсетями в контексте возникновения и функционирования общественного мнения.

Социальные сети являются инструментом усиления тех отдельных сегментов

общественного мнения, которые в эпоху до их развития и распространения являлись маргинальными и имеющими сугубо локальное значение. Несколько кликов позволяют человеку с любым социальным статусом распространить свой индивидуальный опыт, мировоззренческую позицию. Это явление, связанное с демократизацией информационного потока и способа участия в нем, создает благоприятную почву для презентации различных суждений, в частности, противостоящих основному политическому курсу, позиции государственной власти, и позволяя малым группам в этом отношении добиться существенного успеха.

Соцсети на современном этапе развития позволяют мгновенно сформировать информационный поток вирусного типа [7]. Новостные сводки экстренного характера, видеоматериалы и легко привлекающие внимание мемы разнородного содержания с бешеной скоростью получают свое распространение в сетевом мире, мгновенно покрывая огромное количество представителей интернет-сообщества. Быстрота распространения конституирует общественное мнение особым образом, формируя тематику обсуждений, определяя акцентировки и актуализируя определенные факты и проблемы.

Несмотря на то, что социальные сети дают возможность для выражения разных точек зрения, они также могут создавать «эхо-камеры» и «пузыри фильтров». Применяемые платформами алгоритмы определяют, какой контент является приоритетным, основываясь на поведении и предпочтениях пользователей. Это приводит к персонализации ленты, укрепляющей уже существующие убеждения и взгляды. Одним из рисков информационного воздействия со стороны СМИ и цифровых платформ является формирование ограниченного информационного поля, в котором маргинализируются альтернативные точки зрения. Это приводит к сокращению плюрализма мнений и способствует укоренению определённых идеологических установок в массовом сознании.

При этом значительную роль в трансформации общественного мнения стали играть лидеры мнений в социальных сетях. Благодаря высокой вовлечённости подписчиков и способности вызывать эмоциональный отклик, инфлюенсеры всё чаще становятся посредниками между информацией и её восприятием. Их позиция, даже если она субъективна, способна формировать установки целевой аудитории, особенно в условиях информационной перегрузки и недоверия к традиционным медиа.

2. Влияние на общественное мнение в контексте чрезвычайных ситуаций

Во время кризисов – будь то глобальная пандемия COVID-19 или локальные чрезвычайные происшествия – медиапространство становится насыщенным тревожной и противоречивой информацией. Это создает среду, где доверие к источникам информации и эмоциональное состояние аудитории играют решающую роль в формировании общественного мнения. Недавние исследования показывают, что распространение фейк-новостей и конспирологических нарративов через соцсети способствует росту социального напряжения и снижению доверия к официальным институтам здоровья.

Статья из JMIR Public Health Surveillance (2025) систематизировала 242 публикации и выделила пять ключевых тем: прогнозирование эпидемий, понимание общественного мнения, выявление фейк-новостей, оценка психического здоровья и связь соцсетей с эмоциональным стрессом [8]. Анализ показал: онлайн-данные оказываются эффективным инструментом для мониторинга общественной реакции и выявления ложной информации на ранних этапах кризиса.

К примеру, смешанные исследования в Йемене продемонстрировали: информационные вакуумные зоны после начала вакцинации заполнялись дезинформацией, что вызвало растущее недоверие и отказ от вакцинации у 61% респондентов [\[9\]](#). Это подчеркивает важность не только быстрого распространения информации, но и качественной коммуникации с населением.

В другом исследовании из Гонконга было установлено, что характеристики новостного сообщения – тема, тон, длина, субъект – напрямую связаны с эмоциональной реакцией аудитории: новости о мерах борьбы и помощи уменьшали негативные эмоции, тогда как упоминание правительства вызывало рост гнева и тревожности. Это подчеркивает, что не только содержание, но и форма подачи информации критически важны в кризисных условиях.

Кроме того, глубину воздействия медиа в кризисах раскрывает продольное исследование из Китая, ставившее доверие к официальным источникам в центр анализа. Оно продемонстрировало, что доверие к государственным СМИ, подкрепленное прозрачностью и оперативностью сообщений, снижало депрессивные реакции населения и способствовало общей устойчивости психического состояния в течение двух лет пандемии [\[10\]](#).

Дезинформация, распространяемая через слухи, стигматизацию и фальшивые лечения, обусловила человеческую гибель, госпитализации и подорвала доверие к здравоохранению в ряде стран. Примеры смертей после употребления метанола как «лечения» COVID показывают трагические последствия распространения ложных медицинских представлений. Это повлекло за собой рост панических настроений и хаотичных социальных реакций, таких как массовая закупка товаров в начале локдауна.

Таким образом, в условиях чрезвычайных ситуаций медиа оказывают влияние на общественное мнение посредством нескольких ключевых механизмов: ускоренного распространения контента, эмоциональной провокации, формирования моделей доверия и манипуляций посредством стигма-нарративов и слухов. Своё значение также получают платформенные особенности: структура соцсетей, алгоритмы фильтрации и массовое вовлечение пользователей ведут к созданию «информационных пузырей» и усилению поляризации восприятия.

Современные социальные сети во многом используют механизмы, схожие с методами вовлечения, применяемыми в азартных играх. Исследователи указывают на то, что бесконечная прокрутка новостной ленты, а также ожидание реакции в виде лайков и комментариев формируют эффект так называемой переменной награды. Это психологическое явление способствует удержанию внимания и вызывает зависимость от цифровой среды. Такие циклы неопределённости и предвкушения становятся важным инструментом вовлечения пользователя, отличая цифровые платформы от традиционных СМИ. Особую опасность для психоэмоционального состояния человека в нештатной ситуации имеет дум-скроллинг, который противостоит практике чтения новостного потока с доброжелательными новостями и сведениями о положительных фактах.

Также достаточно репрезентативным в контексте рассматриваемой проблематики является следующий факт. Анализ социальной позиции из числа населения Евросоюза касательно распространения коронавируса с опорой на еженедельные отчеты «Евробарометра» с марта по июль 2020 года показывают, что ощущения защищенности по трем важнейшим сегментам (здравоохранение, экономическое благополучие и общественная безопасность) не было не в силу полученного ими персонального опыта, а

по причине влияния со стороны СМИ, в которых искусственными методами создавалась атмосфера страха и тревоги.

Исследователь Ю. Ю. Колотаев в своей статье показывает, что в Евросоюзе отсутствовал единый «европейский ответ» на дезинформацию в отношении коронавируса, которая выступает сущностным аспектом инфодемии. В целом, различные страны, как оказалось, явили различное понимание самого феномена «дезинформация». ЕС явил комплексную, но в то же время противоречивую политику в данном отношении. Отсутствовал стандартизированный подход. Одни страны стремились решать проблему дезинформации через взаимодействие с платформами и пользователями, тогда как другие осуществляли борьбу с инфодемией более централизованно [\[8\]](#). В этом плане выделяется «адаптивная» (Италия и Финляндия) и «патерналистская» (страны Центральной и Юго-Восточной Европы) модели реагирования на вызовы, связанные с пандемией и, соответственно, инфодемией.

Соотношение централизованной борьбы с инфодемией средствами медиа и обращенности правительства на обратную связь со стороны населения особым образом показал Китай: «На примере анализа публикаций китайских граждан в социальной сети Weibo становится очевидным, что социальные сети играют ключевую роль во влиянии или формировании действий и политики центрального правительства, а также, что центральное правительство в координации с компанией, занимающейся социальными сетями, может создать специальный канал для расширения возможностей, позволяющих гражданам публиковать сообщения с информацией о пандемии» [\[11\]](#). Несмотря на наличие довольно строгого государственного контроля за распространением информации в Китае правительство смогло найти способы открытости к населению и их общественному мнению, не сводя взаимодействие с ним к простому отслеживанию информационных потоков.

В конечном счёте положительный и отрицательный опыт влияния медиа (традиционных СМИ и социальных сетей) на общественное мнение в ситуации коронавируса показал, что только взаимодействие государственной власти и населения способно создать эффективный механизм по преодолению проблемных аспектов инфодемии: «Противодействие дезинформации необходимо осуществлять с помощью коррекции информации, целенаправленных опровержений, основанных на фактических данных, реализации инициатив по повышению медиаграмотности населения, а также путём совершенствования надзора над социальными сетями. Важнейшая роль в этом процессе отводится скоординированному взаимодействию между правительственными и международными организациями, научным сообществом, средствами массовой информации и глобальными интернет-платформами социальных сетей». Конкретное соотношение между централизованными СМИ и социальными сетями, как и в целом соотношение между различными сегментами и участниками медиапространства, будет определяться национальными культурными и политическими традициями.

Исследователи также отмечают, что для борьбы с дезинформацией недостаточно одной стратегии. Для эффективного смягчения последствий требуется многоуровневый подход, включающий реактивные (проверка фактов), проактивные (цифровая грамотность, вовлечение сообщества) и структурные (прозрачность политики и алгоритмов) меры.

В этом контексте актуальным является взаимодействие официальных СМИ с платформами различных социальных сетей с целью повышения эффективности пресечения негативных следствий распространения инфодемии. Эпоха социальных сетей связана с нарушением привычной для прошлого ориентацией общественного мнения на суждения экспертного

сообщества и государственной власти в тех странах, для которых в большей степени характерна модель централизованного регулирования. В этом контексте нельзя принижать роль официальных каналов распространения информации, которые учитывают актуальное состояние общественного мнения. Также важное значение имеет феномен журналистской проверки фейковых и сомнительных фактов в связи с чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения. Ещё одной важной вехой в этом отношении является специальное усиление положительных фактов в противовес информации из формата дум-скроллинга.

Библиография

1. Адамов М. С. Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии // Человек. 2022. Т. 33. Вып. 3. С. 49-66. <https://doi.org/10.31857/S023620070020513-1>. EDN: OSUJKX
2. Аргылов Н. А., Меньшиков П. В., Шоботенко А. В. Функционирование политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19 // Известия Восточного института. 2022. № 1(53). С. 144-155. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/144-155>. EDN: EMVUUI
3. Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 231-265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. EDN: GWIGPR
4. Борхсениус А. В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. № 8 (1). С. 52-58. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58. EDN: LOFTXO
5. Дейнека О. С., Максименок А. А. Вакцина от инфодемии или психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19. Кострома: АНО "Центр социальных инициатив", 2023. 380 с.
6. Землянский А. В. Фейк-ньюс как одна из ключевых составляющих инфодемии: типология и характеристики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1 (4 (36)). С. 112-121. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_4_112. EDN: HTVONF
7. Казаринова Д. В. Понимание инфодемии теорий заговора о коронавирусе // Россия в глобальной политике. 2022. № 20 (2). С. 83-104.
8. Колотаев Ю. Ю. Европа и Европейский Союз в контексте информационных угроз постковидного мира // Современная Европа. 2021. № 7. С. 143-151. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021135143>. EDN: QBBWYA
9. Пивоварова О. А., Горбатов С. Ю., Короткова Е. О., Камынина Н. Н. Международные аспекты инфодемии COVID-19 // Вестник Российской академии медицинских наук. 2021. № 76 (S5). С. 572-580. <https://doi.org/10.15690/vramn1623>. EDN: PWLQRO
10. Синютина Е. В. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 92-93. EDN: IYHZOF
11. Тянь Ю. Особенности и проблемные аспекты функционирования социальных сетей в контексте китайской информационной политики периода пандемии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2024. № 24 (1). С. 95-104. <https://doi.org/10.14529/ssh240112>. EDN: VIHEVN

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал касается достаточно актуальной темы в связи с событиями 2019-2020 годов. Автор ориентируется на систематизацию научных подходов к изучению «инфодемии в контексте пандемии COVID-19», он также «выявляет ключевых формы информационного воздействия на общественное мнение и анализирует стратегии минимизации негативных эффектов». Думаю, что поставленный ориентир определяет и общую стратегию формирования работы, при этом концептуальная стезя достаточно точно прописана. В целом статья отвечает требованиям издания, она полновесна, самостоятельна, оригинальна. Актуальность работы, на мой взгляд, не вызывает сомнений, материал поддерживает уже сложившийся научный диалог вокруг указанной проблемы. Автору указывает, что «работа основывается на анализе русскоязычных и англоязычных научных публикаций за период 2020–2024 гг., уделяется внимание как теоретическим моделям, так и эмпирическим данным. В результате предлагается обобщённая картина медиавоздействия в условиях глобальных информационных кризисов и практические рекомендации по их преодолению». Стиль сочинения соответствует научному типу: например, «в последние годы акцент в исследованиях медиавлияния сместился с традиционных теорий повестки дня и фрейминга к моделям, описывающим современные цифровые реалии: алгоритмическое персонализированное распространение контента, роль инфлюенсеров и новые формы эмоционального вовлечения», или «Одной из распространённых форм информационной предвзятости является неравномерное внимание к различным темам или позициям. Средства массовой информации часто акцентируют внимание на определённых сюжетах, в то время как другие остаются за пределами информационной повестки. Такая избирательность способна исказить общественное восприятие реальности, формируя выгодную для медиа или их заказчиков картину. Особенно ярко это проявляется в ходе избирательных кампаний, когда внимание публики концентрируется на спорных моментах, касающихся одного кандидата, в то время как положительные аспекты его деятельности игнорируются» и т.д. Считаю, что тема работы раскрывается последовательно и планомерно; источники вводятся в системно-обобщенном режиме. Уместно данные статьи использовать как в практическом, так и теоретическом ритме новых изысканий. Серьезных фактических сбоев в работе не выявлено; текст не нуждается в кардинальной правке и переработке. Автору удастся убедить читателя в правоте своей точки зрения на проблему фальсификации информационных потоков в СМИ причем с разных ситуативных сторон. Привлекает в тексте грамотное использование терминов и понятий, они актуальны, точны; статья могла быть, на мой взгляд, дифференцирована на т.н. смысловые блоки, но и в данном виде она достаточно качественна. Примеров, иллюстрирующих проблемный вектор исследования, достаточно; они объективны, интересны: например, «нейтральное название новости «Ученые зафиксировали новую разновидность вируса» уступает по степени своей привлекательности заголовку «Срочно! Смертельный вирус неумолимо распространяется по миру!» Яркие заголовки используются для увеличения вовлечённости и побуждения самостоятельного распространения пользователями новостей через репост в социальных сетях, что повышает охват и усиливает влияние конкретных событий на аудиторию». Таким образом, можно констатировать, что автору удастся создать диалог как с читателями, так и с потенциальными оппонентами, а это необходимое условие научного труда. Уместно введение и статистических данных, они подкрепляют общий ход исследования: «к примеру, смешанные исследования в Йемене продемонстрировали: информационные вакуумные зоны после начала вакцинации заполнялись дезинформацией, что вызвало растущее недоверие и отказ от вакцинации у 61% респондентов [9]. Это подчеркивает важность не только быстрого распространения

информации, но и качественной коммуникации с населением». Список источников полновесен, достаточен; формальные требования журнала при оформлении литературы учтены. Выводы не противоречат основной части; автор указывает, что «Таким образом, в условиях чрезвычайных ситуаций медиа оказывают влияние на общественное мнение посредством нескольких ключевых механизмов: ускоренного распространения контента, эмоциональной провокации, формирования моделей доверия и манипуляций посредством стигма-нарративов и слухов» и т.д. Таким образом, тема работы раскрыта, цель достигнута, материал имеет признаки научной новизны. Рекомендую статью «Проблемные аспекты влияния медиа на общественное мнение в контексте чрезвычайных ситуаций на примере инфодемии в связи с распространением COVID-19 и пути их решения» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пучкова А.Е. Предметность в осмыслении окружающего пространства и становление личности героя-рассказчика: «Письма русского путешественника» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75259
EDN: TCVNFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75259

Предметность в осмыслении окружающего пространства и становление личности героя-рассказчика: «Письма русского путешественника»

Пучкова Анастасия Евгеньевна

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы; Государственный университет просвещения

141305, Россия, Московская обл., г. Сергиев Посад, ул. Кирпичная, д. 24, кв. 29

✉ anastasiya.puchkova.97@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75259

EDN:

TCVNFD

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2025

Аннотация: Объектом исследования является предметная сфера книги Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» и её место в оформлении представлений о предметном мире русской литературы конца XVIII века. В центре внимания находится проблема освоения реальности в поэтике сентиментализма и своеобразие творческой позиции Карамзина в указанном аспекте. Жанровая и проблемно-тематическая многоплановость «Писем русского путешественника» раскрывается на различных уровнях текста, что определило и особенности организации предметного мира в нем. Актуальность статьи определяется необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века, своеобразной моделью которой и может выступать книга Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Цель статьи – реконструировать предметный мир «Писем русского путешественника», предложить типологию предметно-бытовых деталей книги с учетом различных принципов, которые использовались Карамзиным для организации ее художественного мира. Методологической основой исследования является структурно-семиотический

анализ текста, позволяющий реконструировать законы построения и художественного функционирования системы предметных деталей в нем, а также элементы сравнительно-типологического подхода, необходимого для выявления типологии предметных образов в книге. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявляется предметный уровень карамзинского текста, что позволяет сделать выводы о специфике авторского освоения реальности. Основными выводами проведенного анализа являются следующие: предметный мир «Писем русского путешественника» отражает основные художественные принципы Карамзина-писателя – многоуровневость строения текста и динамический характер коммуникации «автор – читатель»; предметные реалии в книге группируются по нескольким принципам – принадлежности определенной жизненной сфере, соотношению объективно-описательного и субъективно-эмоционального начала, культурной закреплённости и ситуативной обусловленности представления в тексте. В совокупности это позволило автору статьи сделать выводы о специфике творческого освоения реальности Карамзиным-писателем, обусловившим магистральное направление развития русской литературы в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова:

Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника, сентиментализм, художественный образ, художественная деталь, поэтика, предметный мир, категория автора, категория читателя, повествование

Русская литература XVIII века последовательно двигалась к открытию предметного мира в качестве базовой сферы художественного осмысления реальности. В период перехода от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания такой аспект поэтики, как система предметно-бытовых деталей, позволял писателю не просто фиксировать рамки художественного пространства текста и выстраивать мотивировки действия персонажей, но отражать всё более индивидуализировавшуюся картину мира, в полной мере оправдывая принцип, согласно которому «категория предмета, вещи оказывается важной для исторической поэтики»¹², так как по отношению к ней «оформляются целые литературные направления»¹².

Актуальность статьи определяется необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века, своеобразной моделью которой и может выступать книга Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Выявленный исследователями энциклопедизма этого произведения в полной мере раскрылся не только в сфере содержания, но и в сфере формы⁸, она стала художественным обобщением творческого поиска русских писателей XVIII в. в построении диалога с миром и прокладывала новые пути для развития литературы века XIXго¹¹.

Цель статьи – реконструировать предметный мир «Писем русского путешественника», предложить типологию предметно-бытовых деталей книги с учетом различных принципов, которые использовались Карамзиным для организации ее художественного мира. В исследовании применяются структурно-семиотический и сравнительно-типологический методы, которые позволяют представить предметно-бытовые детали в книге как целостную систему, обладающую собственными законами построения и строящуюся на различных иерархически соположенных уровнях. «Письма русского путешественника» как объект исследования позволяют сделать выводы о своеобразии освоения

предметной реальности как в рамках сентименталистской поэтики в целом, так и в индивидуальном преломлении художественных принципов Карамзина-писателя.

Организация предметного мира «Писем...» и жанровая природа текста

В книге «Письма русского путешественника» многочисленные предметно-бытовые детали могут быть классифицированы по довольно своеобразному принципу, который реализуется в общих закономерностях повествования, с учетом той жанровой полифонии, что стала основой карамзинского текста. Исследователями было установлено, что жанровая динамика для Карамзина определялась синтезом нескольких популярных во второй половине XVIII века моделей: беллетризованного путеводителя, «сентиментального путешествия» в духе Л. Стерна, а также аллегорического путешествия инициатического типа⁷, притом, что ориентация на эти модели не сковывала творческую фантазию Карамзина, и он создавал причудливый синтез самых разных подходов к воспроизведению того «маршрута» и дарованных им «впечатлений», которые определили внешний сюжет книги.

Каждый из этих жанровых принципов предполагал отдельную художественную стратегию работы с предметным миром текста.

Для беллетризованного путеводителя («образцом» которого являлась книга Ш. Дюпати «Путешествие по Италии», и значимость которого для Карамзина была зафиксирована уже в работах В. В. Сиповского¹⁰ и Т. Роботи⁷) предметный мир – та материальная основа, о которой автор должен рассказать своему читателю, чтобы сориентировать его, помочь в подготовке к путешествию, направить его движение в реальном, предметном плане возможной поездки. Т. А. Алпатова справедливо отмечает «просветительский потенциал» этого слоя карамзинской книги и значимость наблюдений автора для возможных «последователей» – в «Письмах русского путешественника» фиксируются подробности транспорта, организации быта, возможности поесть и найти ночлег, достопримечательности, которые стоит посмотреть практически во всех местах, через которые пролегает маршрут героя-путешественника². На этом уровне принципом изображения предметного мира книги оказывается полнота и точность изображения.

Уровень книги, заданный традицией «сентиментального путешествия», восходящей к одноименной книге Л. Стерна, также предполагает специфический уровень представления предметного мира. В самом общем виде его можно обозначить как субъективно-эмоциональное маркирование изображаемых предметов, которые начинают играть для повествователя-путешественника не столько бытовую, сколько экспрессивную роль. Предмет наполняется ассоциативными аспектами, которые делают его частью душевной жизни человека, предметно-бытовая деталь становится эмоциональным «якорем», напоминая о важных для героя событиях. Вещь, предмет при этом, даже будучи вполне утилитарными, в значительной степени теряют свой предметно-практический смысл, по меткому замечанию Т. А. Алпатовой, становятся не столько «вещью», сколько «вещицей»² – чем-то эмоционально значимым, привлекательным, не утилитарным по своей сути.

По-своему реализует специфику изображения предметного мира и план книги Карамзина, связанный с аллегорической инициационной традицией. Т. А. Алпатова подробно проанализировала, насколько сложным и неоднозначным было отношение Карамзина-писателя к т.н. «масонской прозе»²; В. Я. Барсков³, В. В. Сиповский¹⁰, Ю. М. Лотман⁶, В. М. Сахаров⁹ установили, сколь сложны были отношения Карамзина с

масонским окружением его юности в ту пору, когда осуществлялась его заграничная поездка, и тем более когда создавались «Письма русского путешественника». Тем не менее, при всей иронической отстраненности писателя от аллегоризма масонской прозы, которая декларировалась уже в «Объявлении» о выходе «Московского журнала», роман М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» вызвал у него очень теплую оценку, и в целом сам принцип представления картины мира в романе подобного типа был Карамзину-писателю понятен и интересен, пусть во многом и как предмет полемики.

Не повторяя подробную характеристику принципов представления предметного мира в масонской прозе, обозначим те его особенности, которые представляются нам актуальными для «Писем русского путешественника». Это видение предмета как символа, открывающего глубоко скрытые ассоциативные культурные пласты – правда, для Карамзина скорее не эзотерические, сакральные, но именно получающие культурологический смысл, отсылающие к различным сферам культуры – преданиям, легендам, истории, мифологии и т.п. В конце XVIII века, когда в европейской мысли, прежде всего в Германии, оформлялись эстетические принципы романтизма, этот подход получил значительную актуальность – и таким образом Карамзин, строивший «философский сюжет» своей книги именно вокруг германской идейной традиции, по-видимому, мог ориентироваться как раз на этот подход. Предметный мир, увиденный в аспекте мифопоэтической, культурологической глубины посвятительного путешествия, обретал символические коннотации. Но, в отличие от прозы Хераскова, не «растворялся» в эзотерических ассоциациях, сохранял ту полнокровность, явленность и зримость, которая требовалась для книги в целом, выполнявшей, по мысли автора, важнейшую просветительскую задачу. «Он хотел стать вестником Европы для России и вестником России для Европы», – писал о Карамзине Ю. И. Айхенвальд¹, – и даже эта задача в полной мере была реализована в предметном мире его книги.

Предметно-тематический уровень типологии бытовых деталей: соотношение изобразительного и субъективно-эмоционального

Значительный по объему план «Писем...» составляют предметно-бытовые детали, связанные с различными сферами занятий человека – военное дело, торговля, земледельческий труд, писательство, путешествие и т.п., причем ожидаемо наибольшее количество подобных деталей связано с темами путешествия и писательства. При этом само количество именуемых реалий не столь велико; однако они встречаются довольно часто, поддерживая своеобразный ореол вокруг героя-повествователя, проходящего на глазах у читателей путь путешественника³. Это упоминания колясок, карет и др. средств его передвижения в пространстве – наиболее точные в бытовом отношении описания (поскольку, по-видимому, в данном случае предметная точность была наиболее важна для выполнения книгой ее просветительской задачи – дать советы путешественникам. Ср. «Странные экипажи! Длинные фуры цугом; лошади пребольшие, и висающие на них гремушки производят несносный для ушей шум»⁵; «Прусская, так называемая почтовая коляска совсем не похожа на коляску. Она есть не что иное, как длинная покрытая фура с двумя лавками, без ремней и без рессор...»⁵ и мн. др.) Различные средства передвижения, кареты, различные способы организации передвижения в разных странах описываются довольно подробно. Но когда представленная ситуация обладает значительным эмоциональным потенциалом, подробность внешних деталей отступает на второй план; так, в первом письме упоминания «кибитки», «звона колокольчика» («сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, сказал: *прости!* Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире,

осиротел в душе своей!»⁵) становятся знаками внутреннего состояния героя-повествователя – как правило, горестного, поскольку эти предметы в данном случае связываются с ситуацией расставания с друзьями. Печальному состоянию души повествователя может соответствовать и описание дурной погоды – из чего выстраивается, например, событийно острая сцена с поломкой кибитки в письме : «Кибитку дали мне негодную, лошадей скверных. Лишь только отъехали с полверсты, переломилась ось; кибитка упала в грязь, и я с нею. Илья мой поехал с ямщиком назад за осью, а бедный ваш друг остался на сильном дожде. Этого еще мало: пришел какой-то Полицейской, и начал шуметь, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее в карман! сказал я с притворным равнодушием, и завернулся в плащ. Бог знает, каково мне было в эту минуту! Все приятные мысли о путешествии затмились в душе моей...»⁵.

Приведенный фрагмент иллюстрирует творческий принцип работы с деталью, который использует Карамзин в «Письмах...». Кибитка путешественника не описывается на внешнем, бытовом уровне, она охарактеризована как «негодная» по реальным следствиям и эмоциональному отношению к ней повествователя. Из обычного предмета в данном случае она становится знаком тяжести испытания, обрушившегося на него в самом начале поездки – чем-то мучительным, раздражающим, заставляющим погружаться в проблему, которая кажется путешественнику ниже его достоинства (о чем свидетельствуют другие детали описания, прежде всего «плащ», который здесь превращается из детали дорожного костюма в защитную оболочку героя, пытающегося подняться над толпой). Карамзин довольно иронично демонстрирует тщетность романтических попыток своего героя оторваться от того, что не позволяет забыть о себе – тем убедительнее становится продолжение этой сцены, когда проблема с кибиткой решается не благодаря тому, что герой в одиночестве отстраняется ото всех, но напротив – благодаря неожиданной помощи других людей – а также многочисленных предметов, с помощью которых они и содействуют путешественнику в преодолении его несчастий: «Мы взялись за руки, и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчивали так сердечно, что я забыл все свое горе. <...> Между тем привезли ось, и все было готово. «Нет, еще постойте!» сказали мне — и хозяйка принесла на блюде три хлеба. «Наш хлеб, говорят, хорош: возьмите его»»⁵.

Данный пример раскрывает еще одну важную особенность изображения предметно-бытовых деталей в книге Карамзина. Их появление чаще всего оформляет сцены, в которых происходит взаимодействие героя-путешественника с другими персонажами, и таким образом предмет воплощает идею связи человека с себе подобными, дружеского общения, основанного на взаимной помощи и симпатии, социальной устроенности. В принципе, это использование предмета в социальном взаимодействии людей можно рассматривать как одну из базовых особенностей его культурной функции, и изображение этого в искусстве является широко распространенным, и одно из направлений освоения предметности в русской литературе XVIII века как раз видится в открытии возможностей взаимодействия героев друг с другом через предметы; однако именно это взаимодействие оказывалось столь важно для оформления главного пафоса книги Карамзина: «Человек рожден к общежитию и дружбе»⁵, – что усиливает изображение предметного мира дополнительными эмоциональными красками.

Рассмотрим этот аспект на примере еще одной детали, связанной в книге Карамзина со специфической предметной сферой путешествия – «чемодан». Это тюркское заимствование приблизительно XVI века (по данным этимологического словаря М.

Фасмера), к моменту публикации «Писем русского путешественника» воспринималось как обозначение довольно экзотического предмета (ср. сундук, более плотно вошедший в народный быт). Чемодан многократно упоминается в «Письмах...», маркируя важные моменты путешествия, чаще всего приезда и отъезда, когда чемодан погружается в коляску, привязывается, отвязывается, переносится куда-то слугами (ср.: «Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемодан и приказать кое-что Илье»⁵; «Я сел в коляске назади, на своем чемодане; мог протянуть ноги <...> — и я, почитая себя блаженнейшим человеком в свете, заснул крепким сном, и спал до первой перемены, где разбудили меня пить кофе»⁵ и мн. др.). При этом в изображении чемодана подчеркивается идея субъективной принадлежности — это именно чемодан героя-путешественника, человек чувствует свою связь с этой вещью, и в известной мере отождествляет себя с ним.

И вот важный в книге момент, когда повествователь выбирает путь (направляться из Швейцарии и Италию или во Францию), появляется чемодан — и эмоциональная обращенность представления вещей в нем подталкивает героя принять решение, продиктованное повелениями дружбы: «Несколько минут я сражался с самим собою, сидя в задумчивости перед камином. Любезный Датчанин разбирал между тем свой чемодан, в котором лежали некоторый из моих вещей. *Вот твои книги*, говорил он — *твои письма — твои платки — возьми их! Может быть мы уже не увидимся. — Нет*, сказал я, встав со стула и обняв с чувствительностью Беккера — *мы едем вместе*»⁵.

Предметом, получающим дополнительную эмоционально-субъективные коннотации, становится в книге Карамзина также трость. Эта деталь костюма получает в повествовании в первую очередь не предметно-бытовой, а именно эмоциональный смысл, она никогда не описывается с внешней стороны, но при упоминании обозначается различными метафорическими, иносказательными формулами, каждая из которых включается в ореол эмоциональных ассоциаций, которые связываются в повествовании с изображением определенных локусов. Трость как нейтральное обозначение обретает дополнительные смысловые оттенки и благодаря литературным ассоциациям — в данном случае, с книгой Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: «В тот же вечер стало мне так грустно, что я не знал, куда деваться. Бродил по городу, нахлобучив себе на глаза шляпу, и тростью своею считал на мостовой камни; но грусть в сердце моем не утихала. <...> Что же делать? спросил я сам у себя, остановясь в конце длинной липовой алеи, приподняв шляпу и взглянув, на солнце, которое в тихом великолепии сияло на западе. Минуты две искал я ответа на лазоревом небе и в душе своей; в третью нашел его — сказал: *поедем далее!* и тростью своею провел на песке длинную змейку, подобную той, которую в *Тристраме Шанди* начертил Капрал Трим (vol. VI, chap. XXIV), говоря о приятностях свободы. Чувства наши были конечно сходны. Так, добродушный Трим! *nothing can be so sweet as liberty*, думал я, возвращаясь скорыми шагами в город; и кто еще не заперт в клетку — кто может, подобно птичкам небесным, быть здесь и там, и там и здесь — тот может еще наслаждаться бытием своим, и может быть щастлив, и должен быть щастлив»⁵.

Исследователи выделяют в книге Карамзина целый смысловой план, связанный с наследием Л. Стерна, хотя уже В. В. Сиповский убедительно доказал, что несмотря на сложившийся историко-литературный стереотип восприятия Карамзина как «русского Стерна», он отнюдь не стремится калькировать образы, мотивы, жанровые схемы Стерна-писателя, воспроизводя не столько конкретные реминисценции, сколько именно «дух» свободного, динамичного, изменчивого стернаинского повествования, и данный

фрагмент не случайно строится вокруг единой для героев бытовой детали¹⁰. Трость, как продолжение руки героя, как воплощение его творческой воли и реализуется в конечном итоге в порыве к движению, представляющему дух самого путешествия в миниатюре.

В других случаях трость может заменяться иными, более ярко стилистически маркированными изображениями, гармонирующими с необычной локацией.

Романтизированные размышления путешественника как странника в ночи вызывают ассоциации трости со «странническим посохом» (см.: «Простите, друзья мои! Ясная ночь вызывает меня из комнаты. Беру свой страннической посох — иду смотреть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звездному небу...»⁵). Горный поход, требующий от героя физической силы и решимости, становящийся в сюжете книги одним из метафорических воплощений инициационного «пути» приводит к превращению трости в «Геркулесову палицу» (см.: «Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошел — с благоговением ступил первый шаг на Альпийскую гору, и с бодростию начал взбираться на крутизны»⁵).

Метапоэтический потенциал предметных деталей в книге

Под влиянием субъективно-эмоциональных коннотаций в книге Карамзина интересно трансформируются и те предметные детали, которые связаны с писательским творчеством героя-путешественника. Специфика этих трансформаций соответствует осмыслению творчества, письма как процесса, характерному для «Писем...». Творчество здесь понимается как живой, неостановимый, постоянно разворачивающийся процесс, у которого нет четкого завершения, оно не ведет к утилитарной внеположной «цели», становясь самоцелью и приобретая безусловную значимость. Воплощением этого в книге становятся, с одной стороны, разнообразные примеры «ситуаций письма»², постоянно возникающие в повествовании и становящиеся лейтмотивом книги, с другой же – собственно сюжет эпистолярного общения героя с «друзьями» – максимально неформального, живого, свободного, которое не только сопровождает впечатления поездки, но в ряде случаев организует их; сюжет путешествия и сюжет писем о нем разворачиваются в книге параллельно, переплетаясь и взаимодействуя друг с другом.

Предметными воплощениями сюжета письма в книге становятся упоминания бумаги, записной книжки, пера и т.п. Повествователь замечает, что все свои заметки «писал серебряным пером»⁵, уточняет: «сел и написал то, что вы теперь читали»⁵ и т.п.

Особенно важными становятся эти предметы, когда они непосредственно связаны с творческим процессом и передачей его энергии от «учителя» к «ученику». Такое значение в книге приобретает «письмо» Лафатера, постоянно упоминаемые книги (детали, связанные и с иными, собственно литературными сюжетными ассоциациями «Писем...»). Примет этого же рода – предметные детали, связанные с организацией творческого процесса Ш. Бонне, книгу которого «Созерцатель природы» начинает переводить герой-путешественник: «“Вы решились переводить *Созерцание Природы*, сказал он: начните же переводить его в глазах Автора, и на том столе, на котором оно было сочиняемо. Вот книга, бумага, чернильница, перо”. — С радостью исполнил я волю его; с некоторым благоговением приблизился к письменному столу великого Философа, сел на его кресла, взял перо его — и рука моя не дрожала, хотя он стоял за мною»⁵.

Как уже было отмечено, с темой творчества в книге Карамзина связывается изображение книги – довольно часто встречающееся в «Письмах...», оно обычно

оформляет историко-литературные ассоциации повествователя и становится не столько предметно-бытовой деталью, сколько мотивировкой для появления различных элементов интертекста, от прямых цитат до причудливой образной амальгамы, отсылающей сразу к целому ряду литературных произведений, оформляющих для Карамзина контуры нового литературного направления.

Однако книги могут упоминаться в «Письмах...» и как собственно предмет, когда имеет значение не столько автор книги, сколько она сама – знак уже не литературной традиции, а именно определенной формы организации жизни людей, пишущих и читающих, которые встречаются во всех землях без исключения. Своеобразные переходные явления при этом – упоминания книг, автор которых назван, но более важным при этом остается книга как предмет – привлекательный или же нет – для путешественника.

Пример этому – «Готшедова грамматика» в самом начале путешествия, в Курляндской корчме («Тотчас окружили нас Жиды с разными безделками. Один предлагал трубку, другой старый Лютеранской молитвенник и Готшедову Грамматику, третий зрительное стекло, и каждый хотел продать товар свой таким добрым господам за самую сходную цену»⁵). В трактовке исследователей этот момент имеет знаковый характер для развертывания т.н. «филологического сюжета» книги. Как пишет Т. А. Алпатова, языковая теория Готшеда представляется Карамзину в момент создания «Писем...» безнадежно устаревшей, поэтому его герой не обращает на нее внимания, сводя книгу (предмет, в просветительской системе ценностей наделенный особой значимостью) до уровня «безделки», никому не нужной, превратившейся в нечто, утратившее даже материальный смысл².

Иной, противоположный оттенок значения, получает книга, упомянутая в описании Кале: «Я взглянул на окно, и увидел горшок с розами. Подле него стояла молодая женщина, и держала в руках книгу — верно *Sentimental Journey!*»⁵. Деталь эта становится знаковой на самых различных уровнях текста. Для развертывания «стернианского сюжета» «Писем...» она включается в целый ряд примеров творческой игры Карамзина-повествователя с реминисценциями из «Сентиментального путешествия», рассыпанными в тексте в письме из Кале (с посещения которого начиналась книга Стерна): «естьли позволите, то я спросил бы еще — — «Где тот каретный сарай, перервал Офицер, в котором Йорик познакомился с милою сестрою Графа Л*?» — Где он помирился с отцом Лорензом и... с своею совестью. — «Где Йорик отдал ему черепаховую свою табакерку и взял на обмен роговую?» — Но которая была ему дороже золотой и бриллиантовой. — «Этот сарай в 50 шагах отсюда, через улицу; но он заперт, а ключ у Господина Дессеня, который теперь... у вечерни.» — Офицер засмеялся, — поклонился, и ушел...»⁵. Сама эта книга, наконец названная, становится для читателя своего рода разгадкой тех литературных загадок, которые до этого предлагаются читателям, стремящимся стать знатоками Стерна. Важно упоминание книги и в развертывании карамзинских оценок Англии как особого культурного пространства, а также для развёртывания своеобразного «чувствительного» уровня эстетики «Писем...», для которого принципиально важен образ нового читателя – женщины, что отсылает и к руссоистскому плану повествования, фиксируя главную для этого философского направления идею превосходства природного начала. В итоге книга как предметный образ объединяет в себе все эти культурные, литературные, эстетические ассоциации, наполняясь важным значением в тексте.

Заключение

Предметный мир «Писем русского путешественника» представляет собой насыщенный бытовым, объективно описательным материалом слой текста, просветительский потенциал которого в значительной мере дополнялся возможностями субъективно-эмоциональной выразительности, принципиально важной как для Карамзина-писателя, так и для развития российского сентиментализма, открывавшего путь индивидуально-творческому освоению окружающего мира в литературе. Многоуровневое строение книги способствовало тому, что каждая представленная деталь получала возможность не только маркировки конкретного эпизода, но попадала в сложную систему связей, обогащавших как культурно-исторические ассоциации ее в тексте, так и привносивших субъективно-авторские, эмоциональные коннотации. В результате предметная деталь оказывалась возможностью раскрывать философию авторского отношения к миру – итог творческих поисков Карамзина в анализируемом направлении, что впоследствии будет магистральным направлением в развитии русской литературы начала XIX века.

Библиография

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 591 с.
2. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина. Поэтика повествования. – М.: МГОУ, 2012. – 560 с.
3. Балдин А. Протяжение точки. Литературные путешествия. Карамзин. Пушкин. – М.: Эксмо, 2009. – 576 с.
4. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века, 1780–1792 гг. – Пг.: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1915. – 335 с.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. [и примеч. сост.] Ю. М. Лотман и др. – Л.: Наука, 1984. – 717 с. ("Литературные памятники").
6. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984 (серия "Литературные памятники"). С. 525-606.
7. Роботи Т. Литература путешествий // Русская проза: сборник статей под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. – Л.: Academia, 1926. – С. 42-73.
8. Сапченко Л.А. "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина – энциклопедия европейской жизни // Философский век. Альманах 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2004. – С. 330-336.
9. Сахаров В.М. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149-164.
10. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника". – СПб.: тип. В. Демакова, 1899. – 578 с.
11. Топоров В.Н. "Бедная Лиза" Карамзина: Опыт прочтения. К 200-летию со дня выхода в свет. – М.: РГГУ, 1995. – 512 с.
12. Чудаков А.П. Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 251-291.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию предметного мира «Писем русского путешественника» Николая Карамзина. Актуальность работы обоснованно

аргументируется «необходимостью целостного взгляда на динамику изображения предметного мира в русской литературе XVIII века». Отмечается, что «в период перехода от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания такой аспект поэтики, как система предметно-бытовых деталей, позволял писателю не просто фиксировать рамки художественного пространства текста и выстраивать мотивировки действия персонажей, но отражать всё более индивидуализировавшуюся картину мира».

Теоретической основой работы обоснованно выступили труды по предметному миру литературы, литературе путешествий, а также исследования, посвященные творчеству Н. М. Карамзина и «Письмам русского путешественника». Библиография включает 12 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Обращаем внимание, что в тексте некорректно дана ссылка на источник 4. Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века, 1780–1792 гг.: см «Т. А. Алпатова подробно проанализировала, насколько сложным и неоднозначным было отношение Карамзина-писателя к т. н. «масонской прозе» [2]; В. Я. Барсков [3], В. В. Сиповский [10], Ю. М. Лотман [6], В. М. Сахаров [9] установили...». Также автор(ы) не апеллируют к научным работам последних лет (не изучено ни одного источника, изданного в последние 3 года). Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в этом случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод обобщения, социокультурный и художественный анализ, культурно-исторический метод, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также структурно-семиотический и сравнительно-типологический методы, которые «позволяют представить предметно-бытовые детали в книге как целостную систему, обладающую собственными законами построения и строящуюся на различных иерархически соположенных уровнях».

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики: подробно рассмотрены организация предметного мира «Писем...» и жанровая природа текста, предметно-тематический уровень типологии бытовых деталей, метапоэтический потенциал предметных деталей «Писем...». В заключении сформулированы выводы о предметном мире «Писем русского путешественника»: «каждая представленная деталь получала возможность не только маркировки конкретного эпизода, но попадала в сложную систему связей, обогащавших как культурно-исторические ассоциации ее в тексте, так и привносивших субъективно-авторские, эмоциональные коннотации», «предметная деталь оказывалась возможностью раскрывать философию авторского отношения к миру – итог творческих поисков Карамзина в анализируемом направлении, что впоследствии будет магистральным направлением в развитии русской литературы начала XIX века».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением предметного мира в русской литературе XVIII века. Полученные результаты могут применяться в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи и в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. В

тексте статьи встречаются языковые недочеты технического характера: см «Выявленный исследователями энциклопедизма этого произведения», «значимость которого для Карамзина была зафиксировала уже в работах В. В. Сиповского».

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжэн С. Образ Варвары Петровны Ставрогиной и эволюция дворянской женщины в романе «Бесы» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75408 EDN: TRXXCN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75408

Образ Варвары Петровны Ставрогиной и эволюция дворянской женщины в романе «Бесы»

Чжэн Сыцун

кандидат филологических наук

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1

✉ lidailing@163.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.8.75408

EDN:

TRXXCN

Дата направления статьи в редакцию:

04-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является художественный образ Варвары Петровны Ставрогиной одного из наиболее неоднозначных и недооценённых женских персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В центре внимания анализ того, как через эту фигуру отражается трансформация дворянской женщины в русской литературе второй половины XIX века на фоне идеологического, культурного и социального кризиса. Объектом анализа выступает литературный тип аристократки, наделённой внешней властью и символическим статусом, но лишённой внутренней целостности и морального авторитета. Автор подробно рассматривает, как Варвара Петровна репрезентирует закат старого дворянства, утрату духовной функции женского начала и переход к риторически оформленной, но содержательно обеднённой субъектности. Особое внимание уделяется её речевой стратегии, характеру взаимодействия с другими персонажами, а также её композиционной роли как носителя культурной памяти и реликта ушедшего социального уклада. Исследование строится в русле междисциплинарного подхода и направлено на выявление символической функции женского образа в кризисном нарративе Достоевского. Методологическую

основу составляет структурно-семантический, дискурсивный и гендерно-культурный анализ с элементами сравнительной интерпретации. Научная новизна работы заключается в комплексном осмыслении образа Варвары Петровны как типологически уникального персонажа, репрезентирующего финальный этап эволюции дворянской женщины в русской литературе. Впервые героиня рассматривается не как второстепенная фигура, а как структурно и идейно значимый элемент художественного мира романа, выполняющий функцию маркера социокультурного распада. Установлено, что её речевая стратегия не выполняет полноценной коммуникативной функции, а превращается в ритуализированный механизм сохранения внешнего символического порядка. Образ Варвары Петровны несёт на себе семиотическую нагрузку культурного реликта, превращённого в «памятник» уходящей эпохе. Сделан вывод о том, что данный персонаж фиксирует историко-ценностный сдвиг в репрезентации женского начала, демонстрируя переход от моральной и духовной значимости к прагматично-формализованной субъектности. Результаты исследования могут быть применимы в рамках гендерной критики, культурологических и литературоведческих подходов при анализе русской прозы конца XIX века.

Ключевые слова:

Достоевский, Бесы, Варвара Ставрогина, Женский образ, Русское дворянство, Гендерная репрезентация, Речевая стратегия, Социальный кризис, Эволюция женщины, Литература XIX века

Образ дворянской женщины в русской литературе XIX века представляет собой многослойную культурную конструкцию, отражающую не только гендерные роли, но и глубокие социокультурные трансформации эпохи. В романах русских классиков — от Пушкина до Достоевского — женская фигура зачастую служит маркером идеологических и нравственных сдвигов, символом распада старого мира и рождения новых общественных ориентиров [\[1\]](#). Особое значение в этом контексте приобретает образ Варвары Петровны Ставрогиной из романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Несмотря на второстепенность её сюжетной линии, именно через неё автор передаёт ряд ключевых смыслов, связанных с деградацией дворянского сословия, кризисом авторитарного материнства и утратой прежней культурной и нравственной доминанты дворянской женщины.

Актуальность обращения к образу Варвары Петровны обусловлена недостаточным вниманием со стороны исследователей к данной героине в контексте анализа эволюции дворянского типа. В большинстве работ, посвящённых «Бесам», акцент сделан на мужских персонажах, прежде всего на Ставрогине, Верховенском, Шатове и Кириллове, в то время как женские фигуры рассматриваются фрагментарно и преимущественно как обрамляющие. Тем не менее, Варвара Петровна выполняет важную художественно-идеологическую функцию: она воплощает переходный тип — женщину, формально обладающую властью и статусом, но утратившую способность к реальному влиянию на ход событий. Её образ формирует целостное представление о социокультурном кризисе эпохи, обнаруживая разрушение не только социальных институтов, но и семейных связей, в том числе материнства как идеологической роли.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей образа Варвары Петровны Ставрогиной как ключевого элемента художественного мира романа и прослеживание через данный персонаж трансформации дворянского женского типа в

русской литературе второй половины XIX века. Исследование основывается на идее, что образ Варвары Петровны не является маргинальным или исключительно вспомогательным, но представляет собой сжатую модель социокультурной девальвации дворянства, где женская фигура теряет традиционную сакральную функцию хранительницы рода и морали.

Научная новизна работы заключается в комплексном филологическом анализе одного из наименее изученных женских образов Достоевского с учётом его речевой, поведенческой и символической составляющей. Впервые Варвара Петровна рассматривается не только как самостоятельный персонаж, но и как носитель структурного, идейного и жанрового напряжения внутри текста. **Теоретическая значимость** исследования определяется тем, что выявленные особенности образа позволяют углубить понимание механизмов репрезентации женского начала в литературе реализма, особенно в его позднем этапе, когда писатели, в лице Достоевского, всё чаще обращаются к моделям культурного разложения и идеологического кризиса. **Практическая значимость** заключается в возможности использовать выводы статьи в курсах истории русской литературы, гендерных исследований, а также в аналитической практике при преподавании произведений Достоевского.

Методологической основой исследования выступает структурно-семантический анализ, позволяющий вскрыть внутреннюю архитектуру образа героини, её языковую структуру, а также символическую нагрузку. Также используются элементы культурологического подхода, учитывающего историко-идеологический фон эпохи, и гендерной критики, направленной на выявление модели женственности в условиях социокультурного разлома. В качестве дополнительного инструмента применяется сопоставительный анализ, позволяющий интерпретировать образ Варвары Петровны в контексте типологических аналогов в русской прозе.

Таким образом, исследование образа Варвары Петровны Ставрогиной позволяет не только реконструировать женский тип в позднем творчестве Достоевского, но и предложить более широкий взгляд на литературную эволюцию фигуры дворянской женщины как индикатора исторических и ценностных изменений в русской культуре XIX века.

Проблематика женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского на протяжении десятилетий оставалась объектом пристального внимания исследователей. Классические труды М.М. Бахтина заложили фундаментальный теоретический подход к пониманию полифонической структуры романов Достоевского, где каждый персонаж представляет собой уникальное сознание, вступающее в диалог с другими. Однако при таком подходе женские фигуры зачастую оказываются в тени философских концепций, отождествляясь с моральными или религиозными символами, а не с индивидуальными художественными типами. Так, образ Варвары Петровны Ставрогиной, как второстепенного персонажа романа «Бесы», в значительной степени выпадает из поля зрения даже в крупных поэтических исследованиях, таких как «Проблемы поэтики Достоевского» [\[2\]](#).

Типологизация женских образов, предложенная Е.В. Макарычевой, выделяет три устойчивых типа: смиренные, юродивые и inferнальные. Эти категории частично объясняют внутреннюю структуру женского мира романов Достоевского, но в то же время не охватывают такие сложные фигуры, как Варвара Петровна, выходящая за рамки упомянутой схемы [\[3\]](#). Сходной позиции придерживается и Б. Цзюньжу,

анализируя специфику женских характеров в русской литературе XIX века. В её интерпретации дворянская женщина чаще всего ассоциируется с архетипом «домашней аристократки» — хранительницы традиции, чья сила выражается не столько в страдании, сколько в социальном влиянии [4]. Однако фигура Варвары Петровны не сводится ни к жертвенности, ни к мистическому началу: она представляет собой иную форму власти — рационально выстроенную, прагматичную, жесткую, — что требует нового теоретического подхода.

Философская интерпретация женского как дополнения мужского (так называемая «женская вторичность») наиболее ярко выражена в трудах Н.А. Тарасова, где женский персонаж фактически становится носителем пассивной рефлексии или идеологической функции [5]. Этот взгляд частично определяет восприятие Варвары Петровны как «матери героя», но обедняет её самостоятельную художественную значимость. В ономастических исследованиях, таких как работа Б.В. Ковалев и Ф.Н. Двинятин, внимание сосредоточено на имени Ставрогин, воспринимаемом как носитель религиозной символики, однако само имя Варвары Петровны не рассматривается как ключ к расшифровке её социального и культурного кода [6].

В то же время в более широком контексте русской литературы XIX века прослеживается трансформация образа дворянской женщины: от романтической героини (Татьяна Ларина) к трагическим, бегущим от долга и нормы персонажам, таким как Анна Каренина. Исследование Сытун и Цзянь в сопоставительном аспекте подчёркивает внутренний конфликт между общественным предписанием и личной свободой, формирующий новый женский тип — активный, но обречённый [7]. Варвара Петровна, напротив, демонстрирует консервативную стратегию выживания: она сохраняет внешнюю лояльность традиции, но подменяет её авторитарной прагматикой. Этот сдвиг, не укладывающийся в бинарные модели «жертва — соблазнительница», в научной литературе почти не осмыслен.

Обращение к более поздним интерпретациям женских образов у Достоевского, например, у Е.В. Кузнецова и Н.В. Ковтун, демонстрирует интерес к женскому как к сфере религиозной метафизики и культурной памяти. Однако и в этих работах основное внимание уделяется фигурам Сонечки, Настасьи Филипповны или Грушеньки, тогда как Варвара Петровна остаётся на периферии, не попадая ни в одну устойчивую типологию [8, 9]. Даже в работах, затрагивающих тему «служения» и «молчания» как формы женской власти, отсутствует анализ рационально-волевого аспекта, присущего героине «Бесов» [10].

Наконец, в контексте современных исследований по гендерной проблематике в прозе Достоевского заслуживает внимания работа Н.А. Макаричевой, посвящённая анализу Ивана и Марьи Шатовых в романе «Бесы» [11]. Исследовательница предлагает интерпретировать взаимодействие этих персонажей через призму противостояния идеологии и гендерной идентичности, выявляя, как социально-политические установки и культурные архетипы влияют на поведенческую модель и языковую структуру героев. Хотя основное внимание уделяется Марье Шатовой, методологический подход Макаричевой применим и к образу Варвары Петровны, которая, в отличие от других героинь, сохраняет формальные черты матери и аристократки, но утрачивает функцию нравственного и культурного центра. Её речевое поведение, прагматичность и социальная активность свидетельствуют о трансформации дворянской женщины из духовного ориентира в символ посттрадиционного, контролирующего женского типа — не

как хранительницы ценностей, а как актера кризисного социума.

Таким образом, в корпусе научной литературы на сегодняшний день отсутствует комплексный анализ Варвары Петровны Ставрогиной как художественного типа, символизирующего кризис дворянского женского идеала. Недостаточно исследован её речевой и поведенческий код, не выявлена роль этой фигуры в более широком ряду дворянских женских образов в русской прозе XIX века. Представляется, что именно в её образе зафиксирована финальная стадия трансформации аристократической женственности: от поэтической и нравственной к социально-прагматической и постутопической. Изучение Варвары Петровны позволяет расширить представления о гендерной модели эпохи, а также дополнить типологический ряд женских персонажей у Достоевского, обогатив тем самым научную картину его художественного мира.

Образ Варвары Петровны Ставрогиной в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского отличается сложной композиционной функцией и многоуровневой семантикой. С одной стороны, она входит в категорию персонажей второго плана, с другой — именно её фигура структурирует важные идеологические и социокультурные оппозиции, закодированные в романе. В её лице представлено реликтовое, но всё ещё влиятельное дворянство, находящееся в состоянии социокультурного угасания. Статус Варвары Петровны как вдовы генерал-губернатора и матери Ставрогина придаёт ей формальную легитимность, однако на уровне характера и действий этот статус переживает напряжённое внутреннее расщепление.

Характер Варвары Петровны следует рассматривать как переходный — между классическим типом «матери-хранительницы» и прагматической, идеологически дезориентированной женщиной, стремящейся сохранить влияние через адаптацию к новым культурным условиям. Её поведенческие стратегии можно охарактеризовать как политико-социальный мимикрий: она умеет говорить языком дворянских манер, при этом активно участвует в идеологических процессах, манипулирует общественным мнением, защищает не столько ценности, сколько саму структуру власти. Эту двойственность подчеркивает её участие в организации светских салонов, где происходит сплетение старых аристократических форм и новых нигилистических смыслов.

Поведенчески Варвара Петровна балансирует между пассивной традицией и активной попыткой удержания авторитета. Она демонстрирует черты контролирующей матери, но в то же время утрачивает личную эмоциональную связь с сыном, подменяя её риторическим оправданием и социальной маской. Её речи наполнены культурным цитированием и стилистической демонстративностью, что превращает язык героини в средство самоподтверждения, а не коммуникации. Это становится особенно заметным в сценах, где она общается с другими представителями дворянства или представителями новой идеологической элиты — её язык формален, холоден и исполнен семантической пустоты. Таким образом, она становится своего рода «памятником самой себе» — символом исчерпавшего себя социального типа.

В идеологической архитектуре романа «Бесы» Варвара Петровна занимает промежуточную позицию между поколением дореформенного дворянства и новым поколением нигилистов и революционеров. Как справедливо отмечает Н.А. Макаричева, «женские персонажи у Достоевского становятся полем столкновения не только полов, но и ценностных систем» [\[11\]](#). Варвара Петровна не является носителем идеологии в прямом смысле, но именно через неё осуществляется передача (и искажение) традиционных ценностей. Её деятельность направлена на сохранение форм, но формы эти всё чаще оказываются пустыми.

Её попытки удерживать «устой» выражаются как в дискурсивной, так и в бытовой практике: от языковых клише и мимики до организации званных вечеров, где сохраняется аристократическая этикетность. Однако эти формы становятся всё более условными, а за внешней вежливостью скрывается бессилие действовать. Таким образом, Варвара Петровна оказывается в положении фигуры ускользающей власти — формально влиятельной, но практически отстранённой от реального управления и морального лидерства. В отличие от мужских персонажей, борющихся за смысл, она борется за форму — аристократическую, институциональную, обыденную.

Именно в этом проявляется трагизм её образа: она не может предложить альтернативу разрушающемуся миру, так как сама является продуктом его поздней, выродившейся стадии. Отсутствие внутренней трансформации у героини подчёркивает её зависимость от внешнего ритуала, а её бессилие — невозможность быть носителем смысла в изменяющейся идеологической реальности. Её образ фиксирует завершение эпохи — эпохи дворянской женщины как морального стержня, как языковой и поведенческой нормы. Варвара Петровна становится символом утраты: утраты ценностей, утраты связей, утраты голоса, который ещё звучит, но не несёт больше содержания.

Таким образом, художественный образ Варвары Петровны Ставрогиной репрезентирует не только частную биографию героини, но и культурную метафору конца дворянского века. В её речи, статусе и поведении зашифрована не индивидуальная трагедия, а цивилизационная диагностика: конец эпохи матери, конец эпохи формы без содержания, конец дворянской идеологии как культурной доминанты. Её образ в романе «Бесы» является художественным свидетельством идеологического истощения и социокультурной инерции, что делает его ключевым для анализа эволюции женских типажей в русской литературе XIX века.

Речевая характеристика Варвары Петровны Ставрогиной — один из важнейших инструментов её художественной репрезентации. В романе «Бесы» Достоевский тщательно выстраивает язык каждого персонажа как индивидуальную речевую маску, отражающую не только личностные черты, но и социальные, классовые, мировоззренческие установки. Язык Варвары Петровны представляет собой сплав архаичных дворянских оборотов, авторитарной интонации и эмоционально отстранённой стилистики, что делает её речь маркером исчезающего сословного сознания.

Уже в первых сценах, где Варвара Петровна вступает в диалог с другими героями, заметна её склонность к монологичности, частому использованию вставных конструкций и риторических восклицаний. Например, в эпизоде, когда она описывает своего сына и его странности, она говорит: *«Я его воспитала, я его и погублю, если нужно; да-с, да-с, я мать, и, может быть, не слишком хорошая, но имею право»*. Здесь повторяющееся вводное слово «да-с» выступает не просто как устаревший вежливый оборот, но как ритуальная формула, подчеркивающая принадлежность героини к определённому социальному слою и одновременно — её стремление утвердить контроль над ситуацией.

Интонационно её речь характеризуется чередованием императивных и объяснительных интонаций. Она часто прерывает собеседника, вступает в диалог как в заранее заданную схему, а не как в живой обмен репликами. Это хорошо прослеживается в её разговорах с Шатовым и Степаном Верховенским. Например: *«Да замолчите же, пожалуйста! Вы, Степан Трофимович, всегда были невыносимо восторженнь»*. Императивное начало «Да замолчите же...» сменяется оценочным суждением, где лексема «невыносимо» задаёт эмоциональный акцент, маскируя раздражение под культурную сдержанность.

Особое внимание заслуживает частотное использование ею местоимений первого лица и модальных конструкций, таких как: «я *считаю*», «я *полагаю*», «я *знаю*», что отражает её эгоцентризм и стремление удерживать центр коммуникативного пространства. Внутренний диалог Варвары Петровны отсутствует — она не рефлексировывает, а утверждает. Это делает её речь структурно простой, но семантически насыщенной — она не развивает мысль, а фиксирует утверждение. В этом наблюдается принцип речевой завершенности, характерный для властной фигуры, стремящейся к речевому доминированию.

Синтаксически её речь насыщена сложноподчинёнными предложениями с вводными конструкциями, что придаёт ей формальную «интеллигентность», но в то же время затрудняет искренность. Пример: «Я, *знаете ли*, не из тех матерей, что любят напоказ, да и не *считаю* это нужным, ибо всё решается поступками, а не чувствами». Здесь трижды нарушается плавное синтаксическое течение за счёт вводных оборотов, а оценочная лексика («не из тех матерей», «напоказ», «не *считаю* нужным») маскирует эмоциональную отчуждённость под видом аристократической сдержанности.

Лексически речь героини сочетает устаревшие формы с холодным рационализмом. Использование слов вроде «*благоразумие*», «*приличие*», «*обязанность*», «*честь*» отсылает к системе ценностей XIX века, в то время как отказ от эмоционально окрашенной лексики свидетельствует о её внутренней дистанции. При этом интересна и риторическая симметрия её реплик — часто она строит предложения по схеме: утверждение — усиление — вывод. Пример: «Он *странен*, очень *странен*, но всё же он мой *сын*». Такая структура делает её речь убедительной в собственных глазах, но не в глазах собеседника.

Таким образом, речевая манера Варвары Петровны выполняет несколько функций одновременно: она является способом демонстрации сословной принадлежности, механизмом самозащиты и инструментом контроля. Её речь оформляет не столько мысли, сколько позицию — она говорит, чтобы сохранить лицо, а не для диалога. Достоевский через языковую организацию её реплик передаёт трагедию исчезающего класса: голос звучит, но не слышится; речь оформлена, но не принята.

На языке Варвары Петровны зиждётся финальный парадокс её образа: она говорит от имени силы, но язык её уже не способен утвердить власть. В этом её речевая и концептуальная уязвимость — она осталась в прошлом не только по статусу, но и по языку, который становится в романе знаком исторической и культурной архаики.

Анализ образа Варвары Петровны Ставрогиной в контексте эволюции художественного типажа дворянской женщины в русской литературе XIX века представляет собой важный аспект исследования дискурсивной репрезентации социальной трансформации. В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» Варвара Петровна оказывается не только одним из ключевых второстепенных персонажей, но и концентратом символических смыслов, связанных с распадом дворянской идентичности [\[12\]](#).

Речевая модель героини позволяет проследить, как на уровне языка формируются маркеры социального контроля, властной дистанции и культурной архаики. Однако значимость её фигуры выходит за рамки индивидуальной речевой стратегии: Варвара Петровна структурно встроена в идеологическую ткань романа как культурный реликт ушедшего дворянского мира, представительница «старого порядка», существующего в условиях наступающего нигилизма и идейного разложения. Сравнение с другими женскими персонажами из русской прозы — Натальей Ивановной («Подросток»),

Варварой Павловной («Дым» И.С. Тургенева), Анной Павловной Шерер («Война и мир» Л.Н. Толстого) — позволяет выявить специфическую направленность эволюции: от сентиментально-моралистического идеала к функциональному и структурно-отчуждённому типу.

Если Наталья Ивановна функционирует как пассивная, жертвенная фигура — лишённая речевого контроля и подчинённая мужскому нарративу, — то Варвара Петровна сохраняет внешнюю властность, но теряет внутреннюю убедительность. Её язык не выражает смыслов, а замещает их — становится ритуалом, поддерживающим фиктивную иерархию. Это соответствует общей идее Достоевского о «разложении личности» в условиях идеологического кризиса: язык героини фиксирует разрыв между функцией и содержанием, между формой и ценностью.

В то же время по сравнению с Варварой Павловной — героиней Тургенева, обладающей тонким психологизмом и женской рефлексией, — Ставрогина демонстрирует отчётливую дистанцию и отсутствие личностной интроспекции. Она действует и говорит не изнутри переживания, а из логики социального положения. Здесь раскрывается специфика типажа дворянки позднего этапа — это уже не «душа» культуры, а её «оболочка».

На фоне образа Анны Павловны Шерер, чей язык — это набор салонных клише и галлицизмов, Варвара Петровна кажется более русифицированной, но не менее стилизованной. Обе героини не вступают в подлинный диалог, они репрезентируют — и в этом схожи как фигуры символической коммуникации уходящего класса. Однако если у Толстого это носит сатирический оттенок, то у Достоевского — трагический, и в этом различии отражается серьёзность авторской концепции распада социального и нравственного.

Таким образом, Варвара Петровна представляет собой сложный переходный тип: она не укладывается в бинарную оппозицию «сильная/слабая», «традиционная/эмансипированная», но воплощает именно амбивалентность эпохи. На уровне дискурса она сохраняет властный интонационный паттерн, но её речь всё чаще оказывается коммуникативно неэффективной — она произносится, но не усваивается. В этом парадоксе заключается не только индивидуальная драма персонажа, но и обобщённый художественный жест: эстетическая форма раскрывает историческое содержание — распад прежней культурной логики.

Следовательно, с точки зрения лингвистической репрезентации Варвара Петровна выполняет функцию структурного индикатора разрыва между традиционной женской речевой моделью (основанной на убеждении, морали, идее служения) и новым типом, в котором язык становится механизмом контроля и симуляции. Это делает образ Ставригиной важным компонентом общей идеологической архитектуры романа, где язык и типаж функционируют как средства демонстрации культурного сдвига и изменения смысловых ролей аристократии.

Проведённое исследование позволило выявить ряд ключевых характеристик образа Варвары Петровны Ставригиной, представляющего собой типологически значимый и структурно выразительный пример трансформации дворянской женской фигуры в русской литературе второй половины XIX века. На основе структурно-семантического и дискурсивного анализа было установлено, что героиня воплощает собой кризисную модель женской субъектности, в которой сохраняются формальные признаки власти, статуса и речевого доминирования, но утрачивается внутренняя содержательность и коммуникативная эффективность.

Варвара Петровна выступает как символ утраченной аристократической парадигмы: её язык формально выверен, логически организован и насыщен оценочной лексикой, однако он всё чаще оказывается лишённым адресности и перформативной силы. Таким образом, речь героини маркирует не столько действующий порядок, сколько его идеологическую и культурную обесцененность. Это позволяет говорить о героине как о репрезентанте переходной эпохи, в которой статус женщины-дворянки перестаёт быть носителем ценностной нагрузки, превращаясь в риторическую форму без устойчивого социального содержания.

Сравнение с другими женскими персонажами русской прозы XIX века (Наташей Ивановной, Варварой Павловной, Анной Павловной Шерер) подтвердило, что образ Варвары Петровны занимает промежуточное положение в эволюционной линии — от идеализированного женского архетипа к более прагматичной, функциональной, но при этом семиотически «опустошённой» фигуре. Этот образ позволяет проследить, как в художественном дискурсе XIX века постепенно смещаются акценты: от этико-эмоциональной насыщенности к социальной репрезентации и дискурсивной инструментализации женского голоса.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в нескольких направлениях. Во-первых, представляется актуальным расширение корпуса анализа на другие тексты Достоевского, в которых репрезентированы фигуры женщин «на границе эпох» (например, Софья Матвеевна из «Подростка» или Елизавета Прокофьевна из «Идиота»). Во-вторых, может быть полезным сопоставительный анализ дворянского женского дискурса у Достоевского и его современников — в частности, у Толстого, Салтыкова-Щедрина и Гончарова. Наконец, в перспективе возможно обращение к рецептивной стратегии: как восприятие образа Варвары Петровны менялось в критике и литературоведении XX–XXI вв., в том числе в гендерных и постструктуралистских интерпретациях.

Таким образом, исследование образа Варвары Петровны Ставрогиной позволило не только реконструировать внутреннюю семантическую логику одного из наиболее значимых женских персонажей Достоевского, но и зафиксировать более широкий культурный сдвиг в понимании женской идентичности в постреформенную эпоху. Это делает данный образ продуктивной точкой входа в междисциплинарный диалог между литературоведением, лингвистикой, культурологией и гендерными исследованиями.

Библиография

1. Копылова А. А., Буянова Г. Б. Женские образы в романе Ф. М. Достоевского "Идиот" // Творчество Ф. М. Достоевского в непростом времени России: материалы конференции. – 2021. – С. 50-55.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Алконост, 1994. – 178 с.
3. Макарычева Е. В. Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и очертания типов // Вестник МГПУ. – 2011. – № 4. – С. 86-90.
4. Цзюньжу Б. Немного о специфике женских характеров в русской литературе XIX века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 12-2. – С. 127-129.
5. Тарасова Н. А. Проблемы подготовки реального комментария (на материале романа Ф. М. Достоевского "Идиот") // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 149-185. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6181
6. Ковалев Б. В., Двинятин Ф. Н. Красное и черное: о семантическом инварианте в романе Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" // Вопросы ономастики. – 2024. – Т. 21,

№ 1. – С. 169-186. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008

7. Сытун Ж., Цзянь Ч. Сравнительное исследование образов Анны Карениной и Татьяны Лариной в аспекте "беглых" женщин в русской литературе XIX века // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3 (106). – С. 445-447.

8. Кузнецова Е. В. Критика Е. Колтоновской: в поисках оснований женской творческой субъектности // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 87. – С. 233-254. DOI: 10.17223/19986645/87/13

9. Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: "Баба-богатырка", "Баба с подушкой" или бизнес-леди? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 108-117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

10. Сеттарова Л. Х. Женские образы творчества Ф. М. Достоевского в научно-критической рецепции как аспект углубленного изучения в работе с одаренными детьми // Педагогические инновации в работе с одарёнными детьми: традиции и перспективы: сб. науч. тр. – 2019. – С. 242-250.

11. Макаричева Н. А. Иван и Марья Шатовы в романе "Бесы" Достоевского: идеология vs гендерология // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2024. – № 2 (24). – С. 137-143. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-137-143

12. Анохина Ю. Ю. Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 172-188. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является образ Варвары Петровны Ставрогиной из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Актуальность работы обоснованно аргументируется недостаточным вниманием со стороны исследователей к данной героине в контексте анализа эволюции дворянского типа: «Варвара Петровна выполняет важную художественно-идеологическую функцию: она воплощает переходный тип — женщину, формально обладающую властью и статусом, но утратившую способность к реальному влиянию на ход событий».

Теоретической базой научной работы послужили труды, посвященные женским характерам в русской литературе XIX века; женским образам в творчестве Достоевского; творчеству Ф. М. Достоевского. Библиография составляет 12 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует заметить, что использованные источники достаточно актуальны (50% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью («выявление особенностей образа Варвары Петровны Ставрогиной как ключевого элемента художественного мира романа и прослеживание через данный персонаж трансформации дворянского женского типа в русской литературе второй половины XIX века») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод; сопоставительный анализ, позволяющий интерпретировать изучаемый образ в контексте типологических аналогов в русской прозе; дискурсивный и структурно-семантический анализы для раскрытия внутренней архитектоники образа героини, её языковой

структуры и символической нагрузки; а также элементы культурологического подхода, учитывающего историко-идеологический фон эпохи, и гендерной критики, направленной на выявление модели женственности в условиях социокультурного разлома.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) провести комплексный филологический анализ одного из наименее изученных женских образов Достоевского с учётом его речевой, поведенческой и символической составляющей; выявить ряд ключевых характеристик образа Варвары Петровны Ставрогиной, «представляющего собой типологически значимый и структурно выразительный пример трансформации дворянской женской фигуры в русской литературе второй половины XIX века»; установить, что «героиня воплощает собой кризисную модель женской субъектности, в которой сохраняются формальные признаки власти, статуса и речевого доминирования, но утрачивается внутренняя содержательность и коммуникативная эффективность» и прийти к ряду существенных выводов о том, что «Варвара Петровна выступает как символ утраченной аристократической парадигмы: её язык формально выверен, логически организован и насыщен оценочной лексикой, однако он всё чаще оказывается лишённым адресности и перформативной силы», «этот образ позволяет проследить, как в художественном дискурсе XIX века постепенно смещаются акценты: от этико-эмоциональной насыщенности к социальной репрезентации и дискурсивной инструментализации женского голоса» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию женского образа в русской литературе XIX века и в творчестве Ф. М. Достоевского, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, истории русской литературы, а также в аналитической практике при изучении творческого наследия Достоевского.

Обозначены перспективы дальнейших исследований, которые состоят в расширении корпуса текстов Достоевского для анализа женских образов «на границе эпох; проведении сопоставительного анализа дворянского женского дискурса у Достоевского и его современников; в изучении, как восприятие образа Варвары Петровны менялось в критике и литературоведении XX–XXI вв., в том числе в гендерных и постструктуралистских интерпретациях».

Обращаем внимание, что в заглавии имена собственные написаны строчными буквами (не исключаем техническую причину): см «Образ варвары петровны ставрогиной и эволюция дворянской женщины в романе «бесы».

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тарасов Д.С. Особенности употребления зоонимов в российском и британском новостном дискурсах // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75558 EDN: TSGZQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75558

Особенности употребления зоонимов в российском и британском новостном дискурсах

Тарасов Даниил Станиславович

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ daniil_tarasov@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75558

EDN:

TSGZQH

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2025

Аннотация: Предметом данной статьи являются лингвокультурные особенности употребления отдельного класса ономастических единиц – зоонимов – в контексте современного российского и британского новостного дискурсов. Употребление зоонимов в общественно-политических и публицистических текстах новостной направленности преследует своей целью увеличение аттрактивного потенциала новостного текста (особенно в случае употребления в заголовке или анонсе статьи) для потенциального читателя, а также эстетического, прагматического и имплицитного содержания рассматриваемого материала. Анализ материала показал значительное разнообразие прагматических функций зоонимов, включая их использование как средства создания метафорических образов, усиления экспрессивности текста и формирования определённой оценочной позиции автора по отношению к описываемым событиям. В работе описаны и проанализированы заголовки, новостные брифы и элементы полнотекстовых статей российских (РИА Новости, РБК, ТАСС, Газета.ру) и британских (Times, Guardian, Independent, Daily Telegraph, Observer, Daily Mail) новостных издательств. В работе были использованы методы сплошной выборки для отбора текстов

новостного дискурса; метод анализа дискурса для изучения текстового материала; метод корпусного анализа для автоматизированного выделения зоонимичных единиц; метод анализа словарных дефиниций, метод семантического анализа лексем-зоонимов; метод лингвокультурного анализа текста для выделения этноспецифических параметров функционирования зоонимов. Целью статьи является выделение и описание лингвокультурных особенностей употребления зоонимов в современном российском и британском новостном дискурсе. Научная новизна проведенного исследования заключается в сопоставлении особенностей употребления зоонимов как отдельного вида ономастических единиц в текстах современного российского и британского новостного дискурса. В результате исследования установлено, что, несмотря на относительную редкость употребления зоонимов в современных новостных текстах, их роль в осуществлении аттрактивной и прагматической функции остается неизменно высокой. В российском новостном дискурсе можно отметить большую частотность употребления зоонимов в контексте паремиологических единиц (пословиц, поговорок, устойчивых выражений), тогда как для современного британского новостного дискурса характерно применение зоонимов в качестве метафорических номинантов различных акторов политического дискурса, а также формирования имиджа политических деятелей или политических направлений.

Ключевые слова:

ономастика, зоонимы, новостной дискурс, лингвокультурология, лингвопрагматика, политический дискурс, российские СМИ, британские СМИ, прецедентное содержание, метафоризация

Введение

Одной из тенденций современного языкознания является направленность на изучение прагматики текста, а также этноспецифических особенностей проявления их элементов. Так, в современной научной парадигме особые текстовые элементы, обладающие такими признаками изучаются в рамках теории прецедентности, а также ономастики [\[1, 2\]](#). Выделение и описание подобных языковых единиц с позиций полипарадигмального подхода в области лингвистики позволяет определить источники появления отдельных языковых элементов, таких как имена собственные, их функции в процессе прямой и непрямой коммуникации [\[3\]](#).

Следует отметить, что ряд работ допускает пересечение теорий прецедентности и ономастики, как смежных направлений исследований: если ономастика изучает собственно лингвистическую категорию имени собственного и параметры их функционирования в различных лингвокультурных пространствах, то теория прецедентности – особенности употребления различных широко известных лингвистических феноменов (имен, событий, содержания и т.д.) в устных или письменных текстах, а также особенности их восприятия носителями различных культур [\[4, с. 267\]](#).

Так, А. В. Терещенко в своих исследованиях отмечает, что именно ономастические доминанты различной природы зачастую становятся прецедентными феноменами культуры или входят в состав различных прецедентных элементов (имен, названий, мест) [\[5, с. 80\]](#). В свою очередь, А. В. Анисимов на примере кинодискурса указывает, что

различные онимы могут входить в состав т.н. полидискурсивных единиц или фигурировать в составе более крупного образования, такого, как прецедентное содержание текста [6, с. 60].

Что касается современного российского и британского новостного дискурсов, можно отметить, что наиболее частотными онимами в новостных статьях и брифах становятся антропонимы и топонимы, тогда как иные виды онимов менее частотны [7]. Тем не менее, роль зоонимов как отдельного вида онимов, называющих виды животных (гиперонимы) и частные гипонимы к ним, нельзя преуменьшить. Основными функциями зоонимов в современной дискурсивной парадигме можно назвать метафорическую, эстетическую и девиантную, согласно Н. В. Николаевой [8]. Н. В. Солнцева отмечает, что в германских и романских языках, использование зоонимов в рамках общественно-политической лексики более распространено, чем в славянских языках, что связано с градацией т.н. девиантного узуса и особенностями инвективизации лексики [9].

Задачами текущего исследования становятся:

- 1) подбор, анализ и описание эмпирического материала на базе современных СМИ России и Великобритании, в частности, новых медиа и традиционных СМИ;
- 2) выделение и описание лингвокультурных и прагматических особенностей употребления зоонимов в новостных текстах;
- 3) выделение основных способов функционирования этноспецифических зоонимов в текстах современного британского и российского новостного дискурса.

Таким образом, актуальным становится вопрос об этнокультурных особенностях репрезентации и непосредственно функционирования зоонимов в современных общественно-политических текстах, в частности, в публичном новостном дискурсе в Великобритании и России. Практическая значимость проведенного исследования заключается в выделении специфики употребления зоонимов как отдельного класса онимов, а также особенностях их инвективизации и способах передачи при переводе.

Обсуждение и результаты

В рамках проведенного исследования нами были проанализированы 113 британских и 120 российских новостных текста, опубликованных в традиционных (печатных) СМИ, а также на порталах новых медиа (онлайн-издания, частные корреспонденты, интернет-обозреватели), специализированных на представлении новостных и общественно-политических сообщений в период 2024-2025 гг. Анализу были подвержены как малоформатные тексты, такие как новостные заголовки, анонсы (краткое введение) и брифы, так и полноформатные тексты собственно новостных сообщений, статей и заметок.

В рамках количественного анализа особенностей употребления зоонимов в современных публицистических текстах, следует отметить, что в британских СМИ употребление зоонимов более распространено, чем в российских новостных издательствах, что может быть связано с меньшей инвективизацией лексики с использованием зоонимов в английском языке по сравнению с русским (табл. 1):

	1	2	3	4	5
Национальный новостной	Общий %	% зоонимов	% зоонимов с	% зоонимов	% зоонимов-

дискурс	употребления	в составе паремий	девиантным содержанием	в прямых цитатах	номинантов
британский	15%	23%	20%	33%	26%
русский	9%	35%	27%	5%	14%

Таблица 1. Сравнительные особенности репрезентации зоонимов в русском и британском новостном дискурсе

**Для столбца 2 используется общий % использования зоонимов в выборке относительно иных типов онимов, для столбцов 3-6 используется % конкретного выделенного типа зоонимов относительно общего количества лексем-зоонимов в проанализированном материале.*

Относительно источников функционирования зоонимов, можно отметить, что в русском новостном дискурсе зоонимы чаще употребляются в рамках фразеологизмов или апелляций к библеизмам, что позволяет им выполнять метафорическую и эстетическую функцию в тексте.

В свою очередь, в британском новостном дискурсе зоонимы чаще используются в качестве выдержек из цитат политиков в рамках анализа или представления отдельных речей или публичных выступлений. При этом следует отметить, что часто такие цитаты носят инвективный или оскорбительный характер, что делает новостные тексты более броскими и увеличивает их аттрактивный потенциал, что характерно для различного типа слоганов [\[10\]](#), к которым можно причислить в том числе новостные заголовки.

Тем не менее, можно отметить примеры употребления зоонимов в различных контекстах как в русском, так и в британском новостном дискурсах. Степень инвективизации лексем-зоонимов зависит как от лингвокультурной специфики (меньшая инвективная нагрузка и большее распространение лексем-зоонимов в германских языках в целом и в современном английском языке в частности), так и от собственно статуса новостного издания. Можно отметить, что крупные новостные агрегаторы, такие как РИА Новости, ТАСС, НСН – Национальная служба новостей, Times, Guardian, Independent, Daily Telegraph, Observer, Daily Mail реже используют зоонимы-инвективы в мало- и полноформатных новостных текстах для привлечения внимания потенциальных читателей.

Рассмотрим подробнее примеры использования лексем-зоонимов в рамках выполнения ими различных функций. Так, выполнение зоонимами метафорической и эстетической функции связано с использованием библеизмов с упоминанием животных или фрагментов паремий, в частности, пословиц, поговорок и крылатых выражений [\[11\]](#).

*Dealmaking genius or **boy who cried wolf**? Trump's trade retreat sow's doubts / Гений в заключении сделок или «мальчик, который кричал "волк"»? Отступление Трампа от торговых договоренностей сеет сомнения*

(Guardian, 12.04.2025)

В рассматриваемом новостном заголовке зооним *wolf* используется в составе фразеологизма (крылатого выражения) *boy who cried wolf*, восходящего к басне Эзопа. Употребление лексемы-зоонима обусловлено обогащением текста (эстетическая функция), а также для описания политической деятельности Д. Трампа (метафорическая функция).

Аналогичные примеры применения лексем-зоонимов в составе паремий можно встретить и в российском новостном дискурсе:

*Израиль и США: почему между Нетаньяху и Трампом **пробежала черная кошка***

(Корреспондент, 13.05.25)

Апелляции к фразеологизму *пробежала черная кошка* позволяют также метафорически отразить характер политических отношений между заявленными политическими деятелями без отражения негативного контекста (метафорическая функция), а также сделать заголовок более привлекательным за счет выполнения эстетической и аттрактивной функции.

В свою очередь, применение лексем-зоонимов в качестве номинаций третьих лиц может быть обусловлено как использованием цитат конкретных политиков или публичных лиц, так и быть собственно выбором новостного агента. Зачастую, применение зоонимов в контексте номинации носит инвективный или девиантный характер и служит, с одной стороны, для имплицитного воздействия на потенциального читателя с целью формирования у него мнения как относительно адресата, так и адресанта номинации.

Примерами номинации в рамках цитирования могут выступить следующие статьи:

*Nationals' leader compares Bendigo MP's political pull to a «**chihuahua**» / Лидер шотландской национальной партии сравнил политический вес депутата из Бендиго с «чихуахуа»*

(Observer, 14.04.2025)

*«Не дергайся, **крыса!**»: Медведев ответил Зеленскому на угрозы*

(Федерал пресс, 10.05.25)

В случае приведения лексемы-зоонима (*chihuahua*, *крыса*) в составе прямой цитаты политического деятеля, фокус девиации смещается с собственно публикующего агентства на политика, употребляющего подобные инвективы в публичной речи. Так, имплицитное воздействие в таком случае сказывается как на указанном адресате (*Bendigo MP*, *Зеленский*), так и на имидже адресанта (*Nationals leader*, *Медведев*).

В случае применения лексемы-зоонима в качестве опосредованной номинации от неопределенного лица (в случае использования её новостным агентом, а не приведения цитаты) к адресату, чаще всего применяется концепция коллективного адресата с обобщающим значением:

***Fiscal hawks** seek millions for home district projects amid government funding debate / **Финансовые ястребы** ищут миллионы [фунтов] на проекты развития местных округов на фоне дебатов о государственном софинансировании*

(Daily Telegraph, 11.08.2025)

*Трамп и пошлины, или **Цепные псы** президента США*

(Обозреватель 10.04.2025)

Использованные таким образом зоонимы-номинанты (*hawks*, *цепные псы*) носят как оценочный (положительный или негативный) характер, так и метафорически-обобщающий характер, позволяя прагматически сгладить девиантный характер

сравнения.

Таким образом, различные способы функционирования лексем-зоонимов в современных текстах российского и британского новостного дискурса связаны с выполнением ими прагматической, аттрактивной, эстетической и метафорической функции, что позволяет одновременно расширить содержание текста за счет имплицитного воздействия, а также сформировать определенный имидж как представляемых лиц, так и собственно новостного агрегатора.

Заключение

Использование онимов различной природы в современных новостных текстах позволяет обогатить языковое содержание общественно-политических и информационных текстов, как на уровне текста, так и на уровне контекста сообщения. В рамках не прямой коммуникации коллективного автора статьи с массовым читателем особенно важными становятся как прагматическая, воздействующая на потенциального читателя, так и аттрактивная функции, реализация которых позволяет как удерживать внимание целевой аудитории и постоянных читателей, так и привлечь новую аудиторию за счёт броских и воздействующих заголовков, анонсов и брифов.

В результате сравнительного анализа новостных текстов, публикуемых российскими и британскими агентствами, можно выделить как ряд сходств, так и различий, связанных с лингвокультурной спецификой.

Среди сходств стоит выделить единство функций, выполняемых лексемами-зоонимами в современных новостных текстах (прагматическая, аттрактивная, эстетическая и метафорическая), а также способы их функционирования (в составе паремиологических оборотов, в качестве лексем-номинантов, в рамках прямого цитирования).

При этом следует отметить, что основные различия связаны с различной степенью инвективизации лексем-зоонимов в русском и английском языках: в современном английском языке степень девадного содержания лексем-зоонимов значительно ниже, чем в русском языке, что также влияет на табуированность их употребления как публичными лицами в своих заявлениях, так и в рамках публикуемых новостных сообщений. В целом, можно говорить о том, что в российских СМИ употребление лексем-зоонимов менее частотно, чем в английском языке, в силу большей табуированности их употребления в рамках русскоязычной лингвокультуры. Данные лингвокультурные особенности следует учитывать в рамках обучения переводу студентов профильных специальностей, а также при работе переводчиков-практиков, реализующих как письменные переводы для новостных агентств, так и устный перевод в рамках общественно-политических отношений, в частности, документируемых СМИ в различных форматах.

Помимо этого, следует отметить, что для русскоязычных новостных текстов более характерно использование лексем-зоонимов в рамках паремий разнообразного формата, от пословиц и поговорок, до крылатых выражений и фразеологических оборотов. Такая тенденция может быть связана с ориентацией современных российских новостных текстов на внутреннюю, русскоязычную, целевую аудиторию, а не на глобального потенциального читателя, так и с традициями публицистического письма в российской лингвокультуре.

Библиография

1. Волова В. М., Опарина К. С., Ракова Е. В. Функционирование прецедентных имен

- собственных (сфера-источник "Политика") на примере современных англоязычных публицистических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 18 (1). С. 359-365. doi: 10.30853/phil20250053. EDN: KSEGGB.
2. Чеснокова О. С., Радович М. О. Ономастические перифразы в национальной концептосфере // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, Москва, 28-29 октября 2020 года. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. С. 350-353. EDN: KFYANE.
3. Болотникова К. Э. Ономастические доминанты в языковой картине мира квебекцев: автореф. дисс. ... к.ф.н. Москва, 2018. 32 с.
4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Прецедентные онимы в СМИ // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 266-268. EDN: OHIEXD.
5. Терещенко А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 76-84. EDN: WXFDR.
6. Анисимов В. Е. Внешняя иерархия французского кинодискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. Т. 6, № 4. С. 34-64. DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-4-34-64. EDN: BMPNHA.
7. Тарасов Д. С. Ономастические доминанты российского и британского новостного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 18 (5). С. 2217-2222. doi: 10.30853/phil20250311. EDN: CMBOBL.
8. Николаева Н. В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): дисс. на соискание уч. степени ... канд. филол.н. Чебоксары: 2022, 302 с. EDN: MPRLLE.
9. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дисс. на соискание уч. степени ... канд. филол.н. Омск: 2004, 221 с. EDN: NNNHHB.
10. Анисимов В. Е., Калинникова Е. Д. Особенности перевода слоганов социальной рекламы в современном веб-пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 10 (865). С. 16-23. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_16. EDN: LARUIC.
11. Анисимова Е. Д., Анисимов В. Е., Денисенко В. Н. Паремия в контексте современной французской социальной интернет-рекламы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 1. С. 70-87. doi: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87. EDN: QGWPDB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой работы сводится к оценке особенностей употребления зоонимов в российском и британском новостном дискурсах. Предметная область соотносится с одной из рубрик издания, следовательно, противоречий в этой части нет. Как отмечает автор работы, «в рамках проведенного исследования были проанализированы 113 британских и 120 российских новостных текста, опубликованных в традиционных (печатных) СМИ, а также на порталах новых медиа (онлайн-издания, частные корреспонденты, интернет-обозреватели), специализированных на представлении новостных и общественно-

политических сообщений в период 2024-2025 гг.». Думаю, что такого объема достаточно для верификации употребления зоонимов в новостной периодике. При этом и объективность исследования явно будет стремиться некоему абсолюту. Четко поставленные задачи дают возможность исследователю грамотно сформировать логику разверстки вопроса; помимо систематизации имеющихся данных, статья обладает и должной научной новизной. Материал практико ориентирован, его можно продуктивно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «относительно источников функционирования зоонимов, можно отметить, что в российском новостном дискурсе зоонимы чаще употребляются в рамках фразеологизмов или апелляций к библеизмам, что позволяет им выполнять метафорическую и эстетическую функцию в тексте», или «в британском новостном дискурсе зоонимы чаще используются в качестве выдержек из цитат политиков в рамках анализа или представления отдельных речей или публичных выступлений. При этом следует отметить, что часто такие цитаты носят инвективный или оскорбительный характер, что делает новостные тексты более броскими и увеличивают их аттрактивный потенциал, что характерно для различного типа слоганов [10], к которым можно причислить в том числе новостные заголовки» и т.д. Автору удается поддержать т.н. конструктивный диалог с оппонентами, это придает работе эмоционально-выраженный тон: «так, А. В. Терещенко в своих исследованиях отмечает, что именно ономастические доминанты различной природы зачастую становятся прецедентными феноменами культуры или входят в состав различных прецедентных элементов (имен, названий, мест) [5, с. 80]. В свою очередь, А. В. Анисимов на примере кинодискурса указывает, что различные онимы могут входить в состав т.н. полидискурсивных единиц или фигурировать в составе более крупного образования, такого, как прецедентное содержание текста [6, с. 60]». Как видим, цитации / отсылки даются верно, правка этого уровня работы не требуется. Обобщение результатов исследования введено в виде таблицы, работы лингвистического порядка допускают этот прием. Считаю, что примеров иллюстрирующих раскрытие темы статьи достаточно: «Dealmaking genius or boy who cried wolf? Trump's trade retreat sow's doubts / Гений в заключении сделок или «мальчик, который кричал "волк"»? Отступление Трампа от торговых договоренностей сеет сомнения (Guardian, 12.04.2025)», или «Fiscal hawks seek millions for home district projects amid government funding debate / Финансовые ястребы ищут миллионы [фунтов] на проекты развития местных округов на фоне дебатов о государственном софинансировании (Daily Telegraph, 11.08.2025)» и т.д. Выводы по работе соотносятся с основной частью, разночтений нет. В частности в финале отмечено, что «в результате сравнительного анализа новостных текстов, публикующихся российскими и британскими агентствами, можно выделить как ряд сходств, так и различий, связанных с лингвокультурной спецификой. Среди сходств стоит выделить единство функций, выполняемых лексемами-зоонимами в современных новостных текстах (прагматическая, аттрактивная, эстетическая и метафорическая), а также способы их функционирования (в составе паремиологических оборотов, в качестве лексем-номинантов, в рамках прямого цитирования)» и т.д. Статья интересна, оригинальна, самостоятельна; потенциально заинтересованный читатель сможет найти в ней необходимые статистические данные, точка зрения автора работы может стать неким импульсом для новых научных изысканий в области функционирования зоонимов. Рекомендую рецензируемую статью «Особенности употребления зоонимов в российском и британском новостном дискурсах» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щеглова В.М., Корнакова Е.С. К вопросу о моделировании гендерной идентичности языковой личности адресата рекламного текста // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.71861 EDN: TOPRDA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71861

К вопросу о моделировании гендерной идентичности языковой личности адресата рекламного текста

Щеглова Валентина Михайловна

ORCID: 0000-0003-1023-1745

аспирант, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ valentina_sheglova@mail.ru

Корнакова Екатерина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8916-1481

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка №5; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kornakova_es@pfur.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.71861

EDN:

TOPRDA

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2024

Аннотация: В статье представлен анализ гендерно-релевантных параметров рекламного текста в соответствии с уровневой структурой языковой личности Ю. Н. Караулова. Актуальность проведения данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к изучению особенностей рекламных текстов, размещенных в разных типах медиа. Исследователи рекламного дискурса выделяют ряд нелингвистических свойств,

присущих адресату рекламного текста и влияющих на выбор адресантом способов воздействия. Одним из таких свойств является гендерная идентичность адресата. Объектом исследования выступают рекламные тексты, а предметом – их гендерно-специфичные особенности. Цель работы – выявить гендерно-релевантные параметры для анализа рекламного текста на разных уровнях языковой личности. Авторы подробно рассматривают содержание рекламы на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях. Особое внимание в данной работе уделяется вербально-семантическому и прагматическому уровням языковой личности. Текстовый материал был отобран с помощью метода сплошной выборки. Исследование проводилось с помощью методов описательного анализа, контент-анализа и статистической обработки отобранного материала. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка подтвердить мнение о влиянии принадлежности адресата рекламы к тому или иному гендеру на выбор адресантом способов организации рекламного объявления. В статье определены критерии анализа гендерной идентичности языковой личности адресата на каждом из уровней языковой личности. В ходе работы обнаружены гендерно-релевантные различия на вербально-семантическом и прагматическом уровнях языковой личности. Проявление гендерно-релевантных параметров в рекламных объявлениях проиллюстрировано примерами из русскоязычных гляцевых журналов для мужчин и женщин, опубликованных в сентябре 2024 года («Домашний», «Правила жизни», «The Voice Mag», «Men Today»). Предложены дальнейшие направления изучения специфики функционирования гендера в рекламном дискурсе.

Ключевые слова:

рекламный дискурс, рекламный текст, языковая личность, гендерная лингвистика, гендерная идентичность, гендер, адресат, семантика, прагматика, медиалингвистика

Исследования рекламного дискурса вызывают все больший интерес в современном языкознании. Особое внимание при анализе рекламных объявлений уделяется цели создания подобных текстов, а именно – осуществлению воздействия на адресата. Важную роль при этом играет учет особенностей потенциальной аудитории рекламного сообщения. К ним относятся возраст, социальное положение, уровень дохода, а также половую принадлежность адресата. В ряде стран половая принадлежность заменяется новой категорией – гендерной идентичностью реципиента. В связи с этим представляется необходимым осуществить анализ данной категории и рассмотреть ее функционирование в рекламном дискурсе.

Так, целью работы является выявление гендерно-релевантных параметров для анализа рекламного текста на разных уровнях языковой личности. В качестве основополагающей теории для моделирования гендерной идентичности адресата рекламы выступает теория языковой личности Ю. Н. Караулова.

Материалом для анализа послужили 102 рекламных текста, опубликованных в мужских и женских гляцевых журналах, таких как «Домашний», «The Voice Mag», «Marie Claire», «Правила жизни», «Men Today» (51 рекламное объявление из мужских гляцевых журналов и 51 рекламное объявление из женских гляцевых журналов). Рекламные объявления были отобраны с помощью метода сплошной выборки из журналов, опубликованных в сентябре 2024 года. Исследование материала осуществлялось с использованием таких методов как: контент-анализ (для изучения содержания отобранных рекламных текстов), статистический анализ (для подсчета частотности

использования лексических единиц).

Направленность данного исследования обусловлена комплексом теоретических положений, выработанных отечественными и зарубежными учеными, занимающимися проблемами гендерной лингвистики (А. В. Кирилина, Е. С. Гриценко, М. Eisend и др.). Обратимся к А. В. Кирилиной, которая называет гендер «плавающим» параметром. Под этим понимается то, что гендер может быть обусловлен особенностями языкового материала и проявляться в нем с разной интенсивностью [1]. В дополнение к этому можно привести мнение исследователей о социокультурном феномене гендера [2]. Так, утверждается, что для него характерна различная степень значимости и наличие разнообразных интерпретации и форм выражения как в синхроническом, так и диахроническом аспектах. Более того, формы выражения гендера могут отличаться в языковых материалах разных культур [3]. Данное положение позволяет судить об актуальности сравнительно-сопоставительных исследований проявления гендера в текстах, написанных на разных языках. Так, например, в западных странах возможно проследить тенденцию к увеличению проведения инклюзивных рекламных кампаний, которая учитывает существование небинарных гендеров [4–5].

По мнению А. В. Кирилиной, при изучении гендерной специфики коммуникации оправданным является рассмотрение конкретных особенностей речевого стиля мужчин и женщин, которые могут быть выделены либо непосредственно в процессе речевого общения путем выделения легко различимых признаков, либо опосредованно с помощью статистических методов анализа (например, путем анализа частотности употребления в тексте определенных частей речи, синтаксических конструкций и т.д.) [1]. Говоря о рекламной коммуникации необходимо отметить тот факт, что рекламный текст является мультимодальным текстом, что предполагает учет как его вербальной, так и невербальной составляющей [6, с. 33].

В связи с этим представляется актуальным предложить методику моделирования гендерной идентичности адресата рекламного текста.

В основе данной методики лежит уровневая структура языковой личности Ю.Н. Караулова, которая позволит сопоставить проявления языковых личностей адресатов-мужчин, адресатов-женщин, а также адресатов, идентифицирующих себя как представителей иного гендера.

Рассмотрим способы анализа наполнения рекламного текста на вербально-семантическом уровне.

Здесь необходимо учитывать не только количество лексических единиц, но и их отбор в соответствии с целями рекламного текста. Анализ лексического наполнения рекламных объявлений предполагает выделение ряда параметров коммуникации. В качестве данных параметров выступили следующие: «Эмоциональность / сдержанность», «Степень референциальной отнесенности», «Направленность на читателя». Рассмотрим каждый из них детальнее. Каждый из параметров включает критерии маскулинности и феминности, по которым определяется гендерная релевантность того или иного параметра.

1. Параметр «Эмоциональность / Сдержанность».

Анализ данного параметра проводился по критериям категорий маскулинности и феминности, которые включали: а) наличие эмоционально-экспрессивной лексики; б) графическое выражение эмоций.

а) Наличие эмоционально-экспрессивной лексики

Результаты исследования показали, что эмоционально-экспрессивные лексические единицы чаще встречаются в рекламе женских глянцевого журналов (22 случая в женской рекламе, 11 – в мужской). Например:

Мы обладаем суперсилой, чтобы вы обладали супертелом (The Voice mag №8'24).

б) Графическое выражение эмоций.**Капитализация.**

С помощью капитализации создатель рекламного объявления может привлечь внимание читателя к какому-либо свойству продукта или же к названию компании, производящей рекламируемый товар. Данный критерий не является гендерно-релевантным, поскольку капитализация в равной степени присутствует как в мужской, так и в женской рекламе.

Примеры из женских рекламных текстов:

Окружайте себя КРАСОТОЙ (The Voice mag №8'24).

Примеры из мужских рекламных текстов:

Новый BAIC X75. Сильное вступление (Правила жизни №12'24)

Пунктуация. Пунктуационные знаки являются одним из способов добавить высказыванию эмоциональную окраску. Они также встречаются как в мужских, так и в женских рекламных объявлениях.

Например:

Тромбо АСС – чтобы видеть, как растут дети...ваших внуков! (Домашний №19'22).

2. Параметр «Большая / меньшая степень референциальной отнесенности».

Референцией является «указание на объект, отношение между языковой единицей и объектом внеязыковой реальности» [\[7, с. 57–68\]](#). С ее помощью можно дать оценку высказыванию и охарактеризовать его как истинное или ложное.

Анализ отобранного материала показал, что как в женских, так и в мужских рекламных текстах используется значительное количество дат и чисел, позволяющих подтвердить передаваемую адресантом информацию. В качестве единиц референции можно выступают имена собственные, числа, даты, аббревиатуры, гиперссылки, а также высокая степень многословности.

Имена собственные.

В рекламе имена собственные позволяют обеспечить точность передаваемой информации. Данный критерий не является гендерно-релевантным, поскольку присутствует в равном количестве рекламных объявлений.

Примеры из женских рекламных текстов:

interCHARM. Бьюти-проект №1 в России (Marie Claire №9'24).

Примеры из мужских рекламных текстов:

Новый стандарт гигиены в TOPGUN (Men Today №1'24)

Цифры и даты. Как в мужских, так и в женских рекламных текстах число упоминаний дат и цифр являлось практически одинаковым, что позволяет нам не выделять данный параметр как гендерно-релевантный.

Примеры из мужских рекламных текстов:

PRIDE – семейный жилой квартал в 15 минутах от Цветного бульвара (Правила жизни №11'24).

Примеры из женских рекламных текстов:

Libre Derm. Утро без следов вчерашнего вечера. 48 часов увлажнения (Marie Claire №9'24).

3. Параметр «Направленность на читателя»

Критериями определения данного параметра послужили личные местоимения и риторические вопросы.

Личные местоимения. Мужской дискурс традиционно характеризуется стилем коммуникативного соперничества, а женский – сотрудничества. Реципиенты рекламного текста выступают в роли потенциальных собеседников адресанта.

В исследуемом материале было обнаружено 7 случаев употребления местоимений 2-го лица единственного числа в женских рекламных текстах, например:

Europa Plus Live Tour – отправим тебя на шоу (The Voice mag №8'24)

В то же время в отобранных нами рекламных объявлениях для мужчин было выявлено лишь 2 случая употребления личных местоимений. Это позволяет подтвердить вышеназванные различия мужского и женского дискурса.

Риторические вопросы. Рекламная коммуникация характеризуется однонаправленностью взаимодействия между автором сообщения и его адресатом. Тем не менее, создатель рекламы стремится вовлечь читателя в процесс коммуникации, чтобы обеспечить успешную передачу информации. Одним из инструментов такого взаимодействия выступают риторические вопросы, которые вызывают у читателей желание подумать над вопросом автора, а также способствуют формированию собственного мнения реципиентов по обсуждаемой проблеме. В рамках нашего исследования не было выявлено отличий в частоте употребления риторических вопросов в рекламе для мужчин и женщин.

Многословность. Как правило многословность приписывается женщинам. Нами была предпринята попытка вычислить среднюю длину рекламного текста. Было выявлено, что средняя длина рекламы, ориентированной на женщин, составляет 34 слова, а средняя длина рекламы, ориентированной на мужчин – 12 слов, что подтверждает сложившийся в обществе стереотип о склонности женщин к многословности.

Обобщая вышеизложенное по параметру «Направленность на читателя», можно сделать вывод, что в женских рекламных текстах чаще встречается апелляция к аудитории (использование личных местоимений 2-го лица).

Итак, анализ вербально-семантического уровня языковой личности позволил выявить наибольшие гендерные расхождения по параметрам «Эмоциональность / Сдержанность»

и «Направленность на читателя». В женских рекламных текстах чаще встречалась эмоционально-экспрессивная лексика и личные местоимения. Это позволяет нам назвать данные параметры гендерно-релевантными. Результаты данного анализа могут использоваться в дальнейших исследованиях гендерной направленности рекламных объявлений.

Необходимо отметить, что вербально-семантический уровень тесно связан с лингвокогнитивным уровнем, характеризующимся тем, что в качестве его единиц выступают различные концепты, понятия и идеи.

По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность начинается именно с лингвокогнитивного уровня. Выбор и употребление языковых единиц в речи зависят от опыта конкретной языковой личности, что делает этот процесс индивидуальным. Следовательно, можно предположить, что на этом уровне язык отличается более высокой степенью индивидуализации [8, с. 52].

При исследовании этого уровня в качестве материала были взяты аллюзии, поскольку в них находят выражение различные концепты и идеи.

В исследуемом материале был обнаружен лишь 1 случай использования аллюзий – в рекламе, ориентированной на женщин.

Примеры из женских рекламных текстов:

Крепкие союзы, как известно, заключаются на небесах, но почему бы не скрепить их бриллиантами на земле? (Marie Claire №9'24)

Результаты анализа данного уровня языковой личности позволяют наметить перспективы для дальнейших исследований. Необходимо привлечение большего количества языкового материала для анализа данного уровня.

С лингвокогнитивным уровнем тесно связан прагматический уровень.

На данном уровне изучаются интересы, мотивы, цели, установки и интенциональность – система коммуникативных ролей, целей, мотивов, руководящих личностью в процессе коммуникации. Устойчивые коммуникативно-деятельностные потребности и черты личности, порождаемые мотивами и целями, являются единицами данного уровня. Данные единицы могут информировать исследователей о внутренних установках, мотивах и целях личности [8, с. 53]. Условия коммуникации, характеристики коммуникативной ситуации и исполняемые коммуникативные роли обуславливают отношения между единицами прагматического уровня [8, с. 53].

При анализе данного уровня особое внимание следует уделить когнитивно-речевым стратегиям, так как именно они представляют собой вербальное выражение мотивов, целей и интенций. В качестве единицы исследования речевой деятельности мы выделяем высказывание, традиционно считающееся единицей речи.

Адресант учитывает все внешние компоненты речевого акта при выборе высказывания. Исследователи выделяют от трех [9] до семи [7, с. 45] компонентов речевого акта. Мы считаем, что тремя наиболее важными компонентами речевого акта являются следующие: отправитель – текст – получатель.

В настоящем исследовании адресатом является читатель гляцевых журналов. Адресат

рекламного текста может быть охарактеризован как массовый и неоднородный. Это требует от адресанта тщательности продумывания текста, чтобы он достиг целевой аудитории и побудил реципиента к приобретению товара или услуги. Как отправитель, так и получатель рекламного текста могут быть охарактеризованы рядом лингвистических характеристик, которые влияют на то, как адресант организует рекламное объявление. Эти характеристики включают социальные аспекты, такие как возраст, пол, образование, социальный статус и культурное происхождение адресата, а также психологические особенности, например темперамент и черты характера реципиента [\[10, с. 336–362\]](#).

Приведем мнение О. С. Иссерс, согласно которому «речевая стратегия представляет собой планирование речевой коммуникации, которая зависит от ее условий и личностных особенностей коммуникантов, а также реализация данного плана» [\[11\]](#). Это позволяет нам говорить о необходимости анализа речевых стратегий, направленных на адресатов, принадлежащих тому или иному гендеру.

В нашей работе мы стремимся определить гендерно-специфичные речевые стратегии, применяемые для воздействия на адресатов рекламного текста. Для анализа была использована классификация речевых стратегий Т. ван Дейка, который выделяет следующие стратегии: «обобщение, приведение примера, поправка, усиление, уступка, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение, пресуппозиция» [\[12, с. 283\]](#). Результаты исследования показали, что к основным стратегиям, используемым в мужских рекламных текстах, относятся усиление (7 случаев), пример (4 случая), обобщение (2 случая), а к женским – усиление (9 случаев), пример (7 случаев), контраст (3 случая). Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в речи мужчин и женщин существуют различия, которые отражены в рекламных объявлениях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выявить гендерно-релевантные параметры рекламного текста. На вербально-семантическом уровне языковой личности к данным параметрам относятся «Эмоциональность / Сдержанность» и «Направленность на читателя», а на прагматическом уровне – такие речевые стратегии как усиление, пример, обобщение и контраст. Результаты, полученные в ходе анализа, в дальнейшем могут быть использованы не только при исследовании печатных рекламных объявлений, но и при изучении рекламы, размещенной в других типах медиа. Еще одним из направлений будущих исследований может являться изучение репрезентации адресатов небинарного гендера в текстах зарубежной рекламы.

Библиография

1. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3. С. 109–147.
2. Wood J. Gendered Lives: Communication, Gender and Culture. NC: Cengage Learning, 2018.
3. Анков А. А., Гаранович М. В., Гриценко Е. С. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации. М.: Издательский дом ЯСК, 2022.
4. Eisend M. Muldrow A.F., Rosengren S. Diversity and inclusion in advertising research // International Journal of Advertising. 2022. No 1. Pp. 52–59.
5. Williams L. Queer(y)ing LGBTQ+ advertisements. Oxford Brookes University, 2021.
6. Карасик В. И. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4. С. 33–43.
7. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. № 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 42–95.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010.
9. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.
10. Эрвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. № 7. Социолингвистика. М.: Иностранная литература, 1975. С. 336–362.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи. М.: Эдиториал УРСС, 2008.
12. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2015.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает гендерная идентичность языковой личности адресата рекламного текста, актуальность изучения которого обусловлена ситуацией, которая сложилась в мире в связи с тем, что «в ряде стран половая принадлежность заменяется новой категорией – гендерной идентичностью реципиента», поэтому «представляется необходимым осуществить анализ данной категории и рассмотреть ее функционирование в рекламном дискурсе».

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили фундаментальные труды Ю. Н. Караулова, Т. А. Ван Дейка, О. С. Иссерс, В. И. Карасика, а также работы отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами гендерной лингвистики (А. В. Кирилина, Е. С. Гриценко, M. Eisend, J. Wood и др.).

Материалом для анализа послужили 102 рекламных текста, опубликованных в мужских и женских гляцевых журналах, таких как «Домашний», «The Voice Mag», «Marie Claire», «Правила жизни», «Men Today» (51 рекламное объявление из мужских гляцевых журналов и 51 рекламное объявление из женских гляцевых журналов). Рекламные объявления были отобраны с помощью метода сплошной выборки из журналов, опубликованных в сентябре 2024 года. Исследование материала осуществлялось с использованием таких методов как: контент-анализ (для изучения содержания отобранных рекламных текстов), статистический анализ (для подсчета частотности использования лексических единиц). Выбор методов оправдан и соответствует цели работы «выявить гендерно-релевантные параметры для анализа рекламного текста на разных уровнях языковой личности».

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить гендерно-релевантные параметры рекламного текста: «на вербально-семантическом уровне языковой личности к данным параметрам относятся «эмоциональность / сдержанность» и «направленность на читателя», а на прагматическом уровне – такие речевые стратегии как усиление, пример, обобщение и контраст». Автор(ы) видят актуальным «предложить методику моделирования гендерной идентичности адресата рекламного текста», в основе которой «лежит уровневая структура языковой личности Ю.Н. Караулова, которая позволит сопоставить проявления языковых личностей адресатов-мужчин, адресатов-женщин, а также адресатов, идентифицирующих себя как представителей иного гендера».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Библиография статьи насчитывает 12 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы по теории языка и языковой личности, по коммуникации и коммуникативным стратегиям, по гендерной лингвистике.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и

практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение рекламного дискурса. Мы согласны с автором(ами), что в дальнейшем они могут быть использованы не только при исследовании печатных рекламных объявлений, но и при изучении рекламы, размещенной в других типах медиа. Еще одним из направлений будущих исследований может являться изучение репрезентации адресатов небинарного гендера в текстах зарубежной рекламы.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

New poetics of French prose and its perception in Russian translation

Petrova Anastasiya Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor; Saint Petersburg State University, Department of Romance Philology, Faculty of Philology

Russia, Samara region, Samara, Osipenko str., 6a/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru

Abstract. The object of the study is the new poetics of French prose of the late 19th — first half of the 20th century and its functioning in the system of Russian translation. The focus is on texts in which the artistic effect is created not so much by the plot composition, but through the syntactic structure, rhythmic organization and intonational heterogeneity. The study is based on the works of such authors as Marcel Proust and André Gide, whose texts are dominated by extended periods, grammatical deviations from the norm, associative logic of the statement and elements of "inner speech". These features complicate translation from French into Russian, where the focus on logical completeness, clarity of syntax and normative design of the text traditionally prevails. In this regard, translation is considered as a form of secondary poetics, capable of both preserving and transforming the original structure. The methodological basis of the study is a linguistic and comparative translation analysis of the original and translation with an emphasis on syntactic-intonational transformations, as well as elements of the functional and rhythmic approaches. The novelty of the study lies in the fact that the emphasis is not on the lexical-semantic, but on the rhythmic-syntactic aspects of translating a literary text. The main conclusions of the analysis are as follows: the structure of the utterance plays the role of a poetic category in modernist prose, and in Russian translation these elements are often simplified or leveled. A special contribution of the author is the identification of patterns of adaptation of intonational and rhythmic structures in interlingual translation. The main conclusions of the conducted analysis are the following: the structure of the utterance plays the role of a poetic category in modernist prose, while in Russian translation these elements are often simplified or leveled. The author's special contribution is the identification of patterns of adaptation of intonation and rhythmic structures in interlingual translation.

Keywords: translation, syntax, rhythm, poetics, modernism, intonation structure, modernist prose, rhythmic structure, literary translation, French prose

References (transliterated)

1. Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. – M.: Progress, 1994. – 615 s.
2. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoi prozy. – M.: Nauka, 1980. – 360 s. EDN: VWTTYJ
3. Vishnyakov A. G. Andre Zhid o F. M. Dostoevskom // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta. – 2022. – № 1. – S. 122-129. EDN: MROBFO
4. Grushevskaya T. M., Grushevskaya E. S. Osobennosti perevoda arkhaizmov v khudozhestvennom tekste // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo

- universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2025. – Vyp. 5 (899). – S. 45-50. EDN: IJGYOE
5. Zhid, A. Izbrannye proizvedeniya / A. Zhid; per. s fr. A. Frankovskogo. – M.: Panorama, 1993. – 515 s.
 6. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. – M.: ETS, 2002. – 192 s.
 7. Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha. – L.: Prosveshchenie, 1972. – 270 s.
 8. Prust M. Po napravleniyu k Svanu: roman / M. Prust; per. s fr. N. Lyubimova; vstup. st. A. Taganova; primech. S. Fokina. – SPb.: Amfora, 1999. – 540 s.
 9. Prust i struktura sintaksisa. – 2021.
 10. Platonova T. V. Tvorchestvo frantsuzskikh pisatelei na stranitsakh sovetskikh literaturnykh zhurnalov v 1930-e gg. / T. V. Platonova. – Tekst: elektronnyi // 130 let franko-russkomu al'yansu: problemy i vyzovy dvustoronnego sotrudnichestva; pod red. Yu. M. Galkinoi (otv. red.), A. A. Vershinina, K. A. Bespalovoi. – Sankt-Peterburg: Izdvo Nestor-Istoriya, 2022. – S. 271-288. EDN: NXKWUU
 11. Razumovskaya V. A. Mezhsemioticheskaya vtorichnost' kak sokhranenie "sil'nogo" teksta literatury // Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinarnyi podkhod: Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Simferopol', 29-30 aprelya 2021 goda. – Simferopol': IT "ARIAL", 2021. – S. 293-297. EDN: BXHOGX
 12. Razumovskaya V. A. "Sil'nyi" tekst literatury kak ob"ekt perevoda i pereperevoda // Rusistika i komparativistika. – 2022. – Vyp. XVI. – S. 233-249. DOI: 10.25688/2619-0656.2022.16.14 EDN: KBDYWZ
 13. Gide, André. Les Faux-monnayeurs / André Gide. – Paris: Gallimard, 1925. – 503 p.
 14. Translating Proust Again // Oxford University Press Blog. – 2023.
 15. Pym A. Exploring Translation Theories. – Routledge, 2021. – 41 p.
 16. Venuti. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – Routledge, 2017. – 353 p.

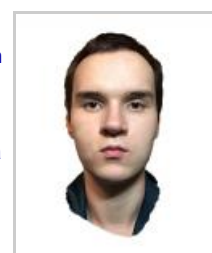
Difficulties of corpus research of conditional constructions (on the material of Chinese and Russian languages)

Dudanov Timofey Vasil'evich

Postgraduate student; Department of Oriental Languages; Russian State University for the Humanities

6 Musskaya Street, Moscow, 125047, Russia

✉ tdudanov@mail.ru

Abstract. A corpus study is an important step in examining word combinations and how they are used in different types of sentences. However, corpus data do not always fully reflect the peculiarities of word usage due to difficulties in interpreting context and determining the speaker's intention, because it is difficult to interpret the context and determine a communicative intention of the speaker. This problem is particularly noticeable in the study of Chinese conditionals. This is the research subject of this paper. To understand how Chinese conditional constructions are used and how regularly they occur in speech, linguists rely on data from foreign language corpora. Nevertheless, despite all the convenience, users have to face certain problems when analysing words and, mainly, collocations. The main purpose is to present four issues related to using BCC corpus (Beijing Language and Culture University corpus) and CCL corpus (Centre for Chinese Linguistics of Peking University corpus) to analyse

conditional constructions. The problems were considered by searching words and their combinations. To compare search mechanisms in different language corpora, we use the data from the Russian National Corpus. According to results of the research the usage of Chinese corpora requires great care. Today these sources are poorly researched as they are used by researchers with intermediate and advanced levels. The researchers mostly include sinologists, orientalist or translators from and into Chinese. Hence, the scientific novelty of the study lies in outlining the difficulties that may arise when researching examples of Chinese sentences in corpus search. The study has shown that the use of Chinese corpora requires more care than the Russian National Corpus.

Keywords: difficulties, conditionals, constructions, condition, corpus research, corpus, the Russian language, the Chinese language, problems, relevance

References (transliterated)

1. Zakharov V.P. Korpusnaya lingvistika: uchebno-metodicheskoe posobie. SPb.: 2005. 48 s.
2. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 31.07.2025).
3. BCC hanyu yuliaoku [Korpus kitaiskogo yazyka BCC]: [Elektronnyi resurs]. Beijing yuyan daxue yuyan zhineng yanjiuyuan, 2012. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (data obrashcheniya: 31.07.2025).
4. Beijing daxue CCL yuliaoku [Korpus Pekinskogo universiteta CCL]: [Elektronnyi resurs]. Zhongguo yuyanxue yanjiu zhongxin, 2024. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (data obrashcheniya: 31.07.2025).
5. Tipologiya uslovnykh konstruksii / pod. red. V.S. Khrakovskogo. SPb.: Ros. akad. Nauk; In-t lingvisticheskikh issledovaniy; Nauka, 1998. 583 s.
6. Fedorova L.L. Istoriya i teoriya pis'ma. M.: Flinta, 2020. 561 s.
7. Xinhua zidian [Slovar' Sin'khua] / Ed. by Wei Jiangong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2020. 703 p.
8. Shaikevich A.Ya. Vvedenie v lingvistiku: Ucheb. posob. dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. M.: Akademiya, 2005. 400 s.
9. Vinogradov V.V. Russkii yazyk: (grammat. uchenie o slove): ucheb. posobie dlya vyssh. ucheb. zavedenii. M.; L.: Uchpedgiz, 1947. 784 s.
10. Podlesskaya V.I. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21, № 2. P. 125-155.
11. Sovremennyyi russkii yazyk / pod red. E.M. Galkinoy-Fedoruk. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1957. 515 s.
12. Xinminwang [Novostnoi sait Sin'min'van]: [Elektronnyi resurs]. URL: <https://paper.xinmin.cn/html/xmzk/2022-06-20/78/28215.html> (data obrashcheniya: 31.07.2025).
13. Xiao Hong. Huiyi Luxun xiansheng [Vspominaya gospodina Lu Sinya]. Shanghai: Shenghuo shudian, 1949. 110 p.

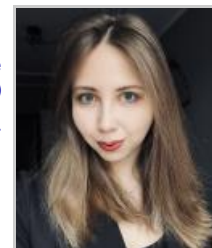
Graphic Simplification of Chinese Characters in China and Japan: A Comparative Analysis Based on the Jōyō Kanji List

Bahmatova Anna

Postgraduate student; Institute of Asian and African Countries; Lomonosov Moscow State University; Chinese linguistics, interpreter (Chinese & English)

117152, Russia, Moscow, Donskoy district, Sevastopolsky ave., 3 room 5, sq. 7

✉ annabahmatova@yandex.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of kanji from the 2010 edition of the Japanese jōyō kanjihyō (常用漢字表, "List of Commonly Used Characters") that were modified during Japan's script simplification reform and the simplified characters of modern Standard Chinese (Putonghua). The study focuses on the simplified forms of characters, examining similarities and differences in their modern graphical structures in both languages. Through the identification of shared and divergent graphemes, the author proposes a classification of characters grouped by common principles of simplification in comparison with their Chinese equivalents. A distinctive feature of this analysis is the systematic comparison of kanji with their Chinese counterparts, rather than treating them in isolation. The research conducts a comparative typology of Japanese and Chinese characters, categorizing kanji into seven groups based on their correlation with simplified Chinese forms. The analysis reveals that approximately 4% of simplified Chinese characters are identical in form to their Japanese counterparts, indicating a limited yet notable influence of Japanese script reform on Chinese. Out of 2136 characters in the Japanese list, 360 were simplified, with only 90 matching Chinese simplified forms—amounting to 4.21%. Most Japanese simplifications differ from the Chinese or were developed independently. The Chinese reform was more comprehensive, affecting even radical components, whereas Japanese simplifications typically retained traditional radicals. Despite the graphical reductions, both writing systems preserved semantic recognizability, reinforcing the concept of the character as a bearer of meaning rather than mere form. This finding opens new avenues for exploring the cognitive perception of characters among native users of Chinese and Japanese.

Keywords: Traditional characters, Script reform(s), Official character list, Logographic writing, Script simplification, Phonetic component, Grapheme, Kanji, Character, Simplified characters

References (transliterated)

1. Bökset R. Long Story of Short Forms. The Evolution of Simplified Chinese Characters. Stockholm: Universitetsservice US-AB, 2006. 220 p.
2. 现代汉语规范词典, 7版. 北京市: 商务印书馆, 2016. 1892页 / Slovar' sovremennogo normativnogo kitaiskogo yazyka, 7-oe izd. Pekin: Shan'u in'shuguan', 2016. 1892 s.
3. Sukhanov V. F. Uproshchennye nachertaniya i raznopisi kitaiskikh ieroglifov. M.: Nauka, 1980. 128 s.
4. 语言文字规范手册. 北京市: 语文出版社, 1991 / Normativnyi spravochnik nachertaniya ieroglifov. Pekin: Yuiven' chuban'she, 1991. 365 s.
5. Lin' Bo. Slovar' normativnogo napisaniya ieroglifov. M.: Shans, 2022. 607 s.
6. Guruleva T. L., Abdrakhmanova A. R. Dekompozitsionnaya struktura kitaiskogo ieroglifa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. Vyp. 1. S. 31-39. DOI: 10.30853/phil20240005 EDN: FTERCV.
7. Mahiques Corrá M. Radicales y clasificadores chinos. Buenos Aires: Editores Asociados, 2022. 120 p.
8. Soriano Fanlo G. Estudio contrastivo del uso de partículas en chino y japonés

- estándar: una reevaluación de las "preposiciones" y "adverbios" en la lengua china. Barcelona: Universidad Autónoma de Barcelona, 2022. 102 p.
9. Handel Z. Does Xu Shen's Huìyì Category Reflect Historical Reality? An Argument for the Existence of Compound Graphs Lacking Phonophorics. *New Horizons in the Study of Chinese: Dialectology, Grammar, and Philology*. Seattle: University of Washington, 2016. Pp. 581-598.
 10. 李乐毅. 简化字源. 北京市: 华语教学出版社, 1996. 474 页 / Li Lei. Istochnik uproshcheniya ieroglifov. Pekin: Khuayui tszyaosyue chuban'she, 1996. 474 s.
 11. Gray Hansen Limantoro Y., Yeyen Dwi Atma. History of Japanese Writing System; From Kanji Into Hiragana // *International Journal of Multidisciplinary Sciences and Arts*. 2024. Vol. 3 No. 4. Pp. 96-102.
 12. 山田崇仁. 中国古文字のデジタルテキスト化に関する諸問題. 漢字學研究第一〇號別冊. 2023. 25-46 / Takakhito Yamada. Razlichnye problemy, svyazannye s otsifrovkoi drevnekitaiskikh ieroglifov // *Issledovaniya kitaiskikh ieroglifov*. 2023. Spetsial'nyi vypusk № 10. S. 25-46.
 13. Su H. Y., Chun C. C. Chineseness, Taiwaneseesness, and the traditional and simplified Chinese scripts // *Tourism, identity, and linguistic commodification. Language & Communication*. 2021. 77, pp. 35-45.
 14. Molodykh V. I. O variantnosti i norme v kitaiskoi orfografii // *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. T. 14, № 4. S. 238-244. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/238-244 EDN: HJFLJL.
 15. Kornicki P. F. *Languages, scripts, and Chinese texts in East Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 393 p.
 16. Kuz'menko N. N. Dzyukudzikun, atedzi i kokudzi v sovremennom yaponskom yazyke (problema funktsionirovaniya) // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2023. № 2. S. 127-137. DOI: 10.24866/2542-1611/2023-2/127-137 EDN: VXWQ SX.
 17. 杨天霖. 汉字在日韩两国的传播与影响[J]. 现代语言学, 2023, 11(9): 4231-4235 / Yan Tyan'lin'. Rasprostranenie i vliyanie kitaiskikh ieroglifov v Yaponii i Koree // *Sovremennoe yazykoznanie*. 2023. 11(9). S. 4231-4235.
 18. Bossard A. Ontological and quantitative analyses of the kokuji characters of the Japanese writing system // *Journal of Chinese Writing Systems*. 2022. Vol. 6(2). Pp. 137-145. DOI: 10.1177/25138502211050962 EDN: FOYRVV.
 19. 裘锡圭. 文字学概要. 北京市: 商务印书馆, 1988 / Tsyu Sigui. *Kratkoe izlozhenie obshchei teorii pis'mennosti*. Pekin: Shan''u in'shuguan', 1988. 287 s.
 20. Sokolov A. N. K voprosu ob ieroglificheskoi pis'mennosti. *Yaponskii lingvisticheskii sbornik*. M.: Vostochnoi literatury, 1959. 199 s.

Comparative analysis of the representation of Russia in the media discourse of the USA and South Africa

Zubova Taisiia Borisovna

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the RF
Foreign Language Chair Teacher

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ taya505@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to comparative analysis of the representation of Russia in

the media discourse of the United States and South Africa, taking into account the political, economic, and cultural differences between these countries. The study focuses on the linguopragmatic characteristics used in American and South African media texts to represent Russia. The goal of the study is to identify and compare the linguistic and discursive features of the representation of Russia in the media landscapes of the USA and South Africa that shape the perception of Russia in these countries. The relevance of the study lies in the key role of mass media in shaping public opinion and international perception, particularly in the context of complex geopolitical relations. The article emphasizes the analysis of evaluative language means used to form the image of Russia. The methodological basis of the study includes content analysis, discourse analysis, and comparative analysis. The study material consists of news articles and analytical publications from leading American and South African mass media from 2022 to 2025. Within this study, evaluative language is analyzed at multiple levels (lexical, grammatical, and stylistic), allowing for the identification of a broad range of language means used to express positive or negative attitudes toward Russia. The scientific novelty of the research lies in its comparative analysis of evaluative strategies in shaping the image of Russia in the media discourse of the United States and South Africa. The study results will contribute to a deeper understanding of the mechanisms behind the formation of media image of Russia and help develop practical recommendations for improving communication strategies and countering negative stereotypes about Russia. These insights can be applied in state policy, media communications, and education. The conclusions may be of use for specialists in linguistics, media studies, political science, and international relations who are interested in fostering a positive and objective media image of Russia.

Keywords: the image of the country, evaluation expression, comparative analysis, language means, linguopragmatic characteristics, media discourse, metaphor, metaphoricity, evaluativeness, evaluation

References (transliterated)

1. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliiskaya mediarech') : uchebnoe posobie / T.G. Dobrosklonskaya. M.: Flinta: Nauka, 2008. EDN: QTPFSV.
2. Lavrov nazval Trampa druzhelyubnym, no ne prorossiiskim. URL: <https://rg.ru/2024/12/06/lavrov-nazval-trampa-druzheliubnym-no-ne-prorossiiskim.html> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
3. Mezhdgosudarstvennye otnosheniya Rossii i YuAR. URL: <https://ria.ru/20230726/diplomatiya-1886162017.html> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
4. Kuligina E.A. Lingvokul'turnye kharakteristiki obraza Rossii v sovremennom angloyazychnom mediatekste (na materiale britanskikh i amerikanskikh novostnykh statei) / E. A. Kuligina // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2023. T. 14. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/61FLSK423.pdf> (data obrashcheniya: 11.07.2025). EDN: CPJKAF.
5. Zyryanova I.N. Sravnitel'nyi analiz lingvisticheskikh priemov v formirovanii obraza Rossii v zapadnykh SMI / I.N. Zyryanova, E.A. Universal'yuk // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 9 (57). URL: <https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.21> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
6. Pozdeeva V.D. Soderzhanie i napravlennost' stereotipnogo obraza Rossii v zapadnykh SMI. 2020. № 10. S. 127-137.
7. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya entsiklopediya,

1969.

8. Kalinin O.I. Analiz yazykovoi reprezentatsii spetsial'noi voennoi operatsii VS RF na Ukraine v SMI KNR, KNDR i Respubliki Koreya / O. I. Kalinin, D. V. Mavleeva // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 5 (95). S. 135-144. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_13. EDN: HAXBQW.
9. Stolovich L.N. Zhizn' – tvorchestvo – chelovek: Funktsii khudozhestvennoi deyatel'nosti / L.N. Stolovich. M.: Politizdat, 1985.
10. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka / N.D. Arutyunova. – Moskva : Yazyki russkoi kul'tury, 1999. EDN: YLAWAR.
11. Markelova T.V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke : monografiya / Mosk. gos. un-t pechati imeni Ivana Fedorova; T. V. Markelova. Moskva: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013.
12. Mar'yanchik V.A. Otsenka kak kategoriya teksta / V.A. Mar'yanchik. // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki". 2011. № 1. S. 100-103. EDN: NQYRTP.
13. Klushina N.I. Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.: avtoref. diss. ... d. filol. n. M., 2008. EDN: ZNUVQT.
14. Gak V.G. Metafora: universal'noe i spetsificheskoe / V.G. Gak. // Metafora v yazyke i tekste : kollektivnaya monografiya / [V.G. Gak, V.N. Teliya, E.M. Vol'f] ; otv. red. V. N. Teliya. – Moskva : Nauka, 1988.
15. Balandina E.S. Otsenochnost' kak sposob modelirovaniya prostranstva v geograficheskikh ocherkakh XIX veka / E.S. Balandina. // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2024. T. 10. № 2. S. 5-14. EDN: AKGUHP.
16. Zakieva T.M. Lingvostilisticheskie strategii vyrazheniya sub"ektivnoi otsenki v korpuse informatsionno-analiticheskikh tekstov / T.M. Zakieva, A.A. Ramazanova. // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5(59). S. 69-76. EDN: XACHBB.
17. Kalinin O.I. Sopostavitel'nyi analiz metaforicheskogo obraza koronavirusa v SMI KNR i Respubliki Koreya / O.I. Kalinin, D.V. Mavleeva. // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2020. T. 18, № 4. S. 99-109. DOI 10.25205/1818–7935-2020-18-4-99-109. EDN: GAGWVI.
18. Lakoff Dzh. Metafora, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. M.: URSS, 2004. EDN: QRAADX.
19. Vodyanitskaya A.A. Eksplanatornyi potentsial lingvisticheskoi aksiologii : analiz akademicheskikh diskursivnykh praktik : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19 / Vodyanitskaya Al'bina Aleksandrovna. [Mesto zashchity: GAOU VO GM "Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet"]. Moskva, 2022. EDN: CYDLGU.
20. Russia to 'seize' assets of Western companies that exit the country. URL: <https://www.thesouthafrican.com/news/russia-likely-to-seize-assets-ukraine-latest-news-updates/> (data obrashcheniya: 05.03.2024).
21. Russia-Ukraine crisis: Severe sanctions could trigger crippling Moscow response. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/russia-ukraine-crisis-severe-sanctions-trigger-crippling-moscow-respon-rcna13691> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
22. Russia has everything to develop, grow stronger: Putin. URL: <https://www.daily-sun.com/post/715120> (data obrashcheniya: 12.05.2024).
23. South Africa's pact with Russia: cast doubt of non-alignment policy. URL:

<https://www.thesouthafrican.com/south-africa/south-africas-pact-with-russia-cast-doubt-of-non-alignment-policy29-may-2023/> (data obrashcheniya: 14.08.2024).

24. Opinion: There is a path to ending the Ukraine war. URL:
<https://edition.cnn.com/2023/02/24/opinions/fareed-zakaria-ukraine-column/index.html>
 (data obrashcheniya: 01.09.2024).
25. Time to negotiate peace between Ukraine and Russia. URL:
<https://www.washingtontimes.com/news/2022/sep/19/time-to-negotiate-peace-between-ukraine-and-russia/> (data obrashcheniya: 18.01.2025).

The theme of memory and ways of its embodiment in M. Yefetov's story "Letter on the Shell"

Oktyabrskaya Olga Svyatoslavovna

Doctor of Philology

Professor; Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process; Lomonosov Moscow State University

Office 967, Leninskie Gory str., Moscow, 119192, Russia

✉ svyatolga@yandex.ru

Abstract. The article explores the theme of memory and its realization in the novella "Letter on the Shell" by Mark Semyonovich Efetov. Different types of memory are identified: personal and collective, individually significant and socio-oriented, cultural, historical, etc. Various ways of realizing this theme are examined: in precedent names (Alexander Pushkin, Fyodor Shalyapin, Mikhail Shchepkin, Zinovy Solovyov, etc.), symbolic images (the sea, Artek, Ayu-Dag, Adalary, etc.), significant objects, visualizations of phenomena, ideas, Crimean myths and legends, etc. The archetypal nature and role of the author's filling of the images of the characters in Efetov's novella are revealed, leading to important moral and ethical postulates. This work emphasizes themes of communication within families, friendship groups, personal relationships, as well as issues related to overcoming grievances and restoring friendships for the sake of a common cause. The article employs comparative, hermeneutic, and comparative-typological research methods to reflect on these aspects. Using a systemic approach, it provides an analytical study of the ways of understanding the theme of memory and its realization. The novelty of the study is determined by the timeliness of the article, whose significance is based on the importance of the identified problems, as well as the relevance to contemporary adolescents and the practically unexplored material of research, which is Efetov's novella "Letter on the Shell." For the first time, this work explores the theme of historical, cultural, and moral memory embedded in the history of the famous pioneer camp, in the history of Russia, and in the history of human civilization, traced from antiquity to the second half of the 20th century. The children's camp is understood as a keeper and witness of important historical events, a transmitter of the moral laws of human existence, and an educator of a new generation of children. The article is timed to coincide with the centenary of Artek and the eightieth anniversary of the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War. The prospect of the research is the further exploration of the theme of memory in works related both to the Crimean text (the works of A. Gaidar, E. Ilyina, L. Kassil, M. Polyanovsky, etc.) and to the vacation novella in general (the works of Yu. Kuznetsova, T. Mikheeva, etc.).

Keywords: precedent name, Crimean myth, stone sailor, Mark Efetov, motive of memory, Artek, Great Patriotic War, Crimean text, teenage story, artifact

References (transliterated)

1. Bergson A. Materiya i pamyat' / Per. s fr. A. Bauler // Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. – Minsk: Kharvest, 1999. S. 413–668.
2. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati // Frantsiya – pamyat'. SPB.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17-150.
3. Likhachev D.S. Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva // Likhachev D.S. Proshloe-budushchemu. Stat'i i ocherki. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1985. S. 63-70.
4. Lotman Yu.M. Pamyat' kul'tury // Lotman Yu. M. Semiosfera. SPB.: Iskusstvo-SPb, 2000. S. 614-621.
5. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
6. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: NLO, 2014. 328 s.
7. Sundukova K.A. Pamyat' kak poetologicheskii printsip v iskusstve romana (na materiale tvorчества G.I. Gazdanova, V.V. Nabokova, Yu.V. Trifonova). Diss ... kand. filol. nauk. Samara, 2018. 217 s.
8. Bystrova O. V. Tema literaturnoi pamyati v poslednem romane I. S. Shmeleva // Problemy istoricheskoi pamyati i tvorchestvo I. S. Shmeleva / Otv. red. Bystrova O.V. M.: Direkt-Media, 2022. S. 161-170.
9. Efetov M. S. Pis'mo na pantsire. – M.: Detskaya literatura, 1976. 160 s.
10. Kur'yanov S. O. "Tainyi klyuch russkoi literatury": formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoi literature X–XIX vekov. M.: INFRA-M, 2023. 311 s.

Corporate Citizen as a Subject of Social Architecture: An Analysis of the Russian Digital Mediascene

Sharakhina Larisa Valentinovna

PhD in Philosophy

Head of the Department; Faculty of Humanities (GF); St. Petersburg State Electrotechnical University 'LETI' named after V.I. Ulyanov (Lenin)

197022, Russia, St. Petersburg, Petrogradsky district, Professora Popova str., 5 letter F

✉ lvkoganova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the study of the phenomenon of corporate citizens as a key subject of social architecture in the context of the digitalization of social relations. The author examines the transformation of the role of large businesses in modern Russia, where state-owned companies (such as Gazprom Neft, Gazprom, Russian Railways, and Norilsk Nickel) actively shape new models of interaction between business, government, and society through the implementation of social projects. Special attention is paid to analyzing how the digital media space becomes a platform for constructing the public image of corporations and promoting their social initiatives. The subject of the research is the activities of corporate citizens in the field of social architecture, manifested in the Russian digital media space. The paper provides a detailed analysis of specific projects and initiatives from companies such as Gazprom Neft, Gazprom, Russian Railways, OMK, and Norilsk Nickel, which are implemented within the framework of their social responsibility. The main focus is on how these corporations create sustainable communicative configurations, engaging local communities and stakeholders in collaborative activities. The methodological basis includes a socio-

constructivist approach to the mediatized society, as well as data analysis from the social media monitoring system Brandanalytics for companies like Gazprom Neft, Gazprom, Russian Railways, OMK, and Norilsk Nickel, among others, during the period from December 2024 to February 2025. The results of the research show that the projects with the greatest resonance and engagement are those related to supporting education, culture, and infrastructure. The leader in audience engagement was Gazprom Neft's project – the intellectual tournament for high school students titled "Multiplying Talents," which generated significant resonance in the media space. Other popular initiatives included, for example, New Year's decorations in cities, exhibitions, educational programs, and support for social entrepreneurs. The author emphasizes that effective social architecture requires not only financial investments but also intentional design, including communication strategies that take into account the demands of society, authorities, and media strategy. Corporate citizens, acting as social architects, contribute to the formation of a unified socio-political space, strengthening connections between business, government, and society.

Keywords: community, community management, social investments, digital mediascene, mediatized society, corporate citizenship, communicative figuration, traditional values, social architecture, corporate citizen

References (transliterated)

1. Dudkin V. L. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v institutsional'nom kontekste konfessional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh doktrin: spetsial'nost' 08.00.01 "ekonomicheskaya teoriya": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk / V. L. Dudkin. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/277288/1/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%2008.00.01%20%D0%94%D1%83%D0%B4%D0%BA%D0%B8%D0%BD.pdf> (data obrashcheniya: 11.08.2025).
2. Yachmeneva V. M., Teretyshnik K. S. Mezhdunarodnyi opyt formirovaniya vneshnei imidzhevoi politiki predpriyatiya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 192-199. – EDN UQCTFO.
3. Popova A. V. Vzaimosvyaz' sotsial'noi otvetstvennosti i korporativnogo upravleniya // Regional'naya i otraslevaya ekonomika. – 2023. – № S2. – S. 155-161. – Rezhim dostupa: <https://rucont.ru/efd/883214> (data obrashcheniya: 11.08.2025).
4. Van Sh., Kalashnikova I. V., Sotskova S. I. Evolyutsiya teorii sotsial'noi otvetstvennosti biznesa // Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – № 3(70). – S. 129-140. – EDN BFBBFF.
5. Adova I. B., Ibragimov G. N. Fenomen korporativnogo grazhdanstva v nauchnykh issledovaniyakh rossiiskikh uchenykh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2021. – № 56. – Rezhim dostupa: DOI: 10.17223/19988648/56/12 (data obrashcheniya: 11.08.2025).
6. Minchenko E. N., Poletaev O. V. Sotsial'naya arkhitektura v rossiiskikh kompaniyakh: luchshie praktiki. – Rezhim dostupa: https://raso.ru/social_architecture (data obrashcheniya: 08.08.2025).
7. Konkurs sotsial'nykh arkhitektorov. – Rezhim dostupa: <https://sotsial'nyearkhitektory.rf> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
8. Arkhitekturnaya sotsial'naya arkhitektura. – Rezhim dostupa:

- <https://honei.ch/2020/05/19/architecture-sociale/> (data obrashcheniya: 08.08.2025).
9. Arquitectura Social, espacios para todas las personas // Architectural Digest. – Rezhim dostupa: <https://www.admagazine.com/articulos/arquitectura-social-espacios-para-todas-las-personas> (data obrashcheniya: 08.08.2025).
 10. Social architecture // Obsidian. – Rezhim dostupa: <https://publish.obsidian.md/connectome/Main+Folder/Essays%3B+Writing%2C+Publishing%2C+Author/Social+architecture> (data obrashcheniya: 08.08.2025).
 11. Preface Social Architecture. – Rezhim dostupa: <https://hintjens.gitbooks.io/social-architecture/content/preface.html> (data obrashcheniya: 08.08.2025).
 12. Stal' D., Reznitskii E. Sila soobshchestv. Kak sozdavat' zhivye kom'yuniti dlya biznesa i ne tol'ko. M.: EKSMO, 2022. – 424 s.
 13. Sotsial'naya arkhitektura – novoe slovo sotsiologicheskikh issledovaniy. – 17.01.2025. – Rezhim dostupa: <https://www.rsuh.ru/news/indexpage/sotsialnaya-arkhitektura-novoe-slovo-sotsiologicheskikh-issledovaniy/?ysclid=m7htpoe033673828172> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
 14. Sotsial'naya arkhitektura – novyi protsess zhizni obshchestva // Informatsionnyi portal o vyborakh "Vybor naroda". – 14 yanvarya 2025. – Rezhim dostupa: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/277457-socialnaya-arhitektura-novyj-process-zhizni-obshchestva.html> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
 15. Burd'e P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2005.
 16. Urusov Yu. Sotsial'nye arkhitektury: vizionery novogo... // OK.RU. – Rezhim dostupa: <https://m.ok.ru/profile/581754524824/statuses/157313484336536?ysclid=maijwywhc3249164978> (data obrashcheniya: 08.08.2025).
 17. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke. – M.: ACT: ACT MOSKVA: KhRANITEL", 2006. – 220 s.
 18. Sharakhina L. V. Neoinstitutsional'nyi podkhod kak metodologicheskaya osnova issledovaniya fenomena korporativnogo grazhdanstva // Diskurs. – 2023. – T. 9, № 4. – S. 73-85. – DOI 10.32603/2412-8562-2023-9-4-73-85.
 19. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // Business Horizons. – 1991. – Vol. 34, No. 4. – P. 42. Tsit. po: Upravlenie proektami v oblasti sotsial'nogo predprinimatel'stva: ucheb. posobie / Yu. N. Arai, O. V. Bandalyuk i dr. pod obshch. red. Yu. E. Blagova. – SPb.: Izd-vo S-Peterb. Un-ta, 2017.
 20. Birch D. Corporate citizenship? Rethinking business beyond corporate social responsibility // In: Andriof J., McIntosh M. (Eds.). Perspectives on Corporate Citizenship. Sheffield: Greenleaf, 2001. – P. 53-65.
 21. Sharakhina L. V. Kommunikatsionnye strategii вовлечения pol'zovatelei tsifrovyykh media v sotsial'no orientirovannyye proekty rossiiskikh korporativnykh grazhdan // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2024. – T. 1, № 1(43). – S. 89-102. – DOI: 10.51965/2076-7919_2024_1_1_89. – EDN KMQPPI.

Linguistic and ideological features of the modern American pre-election political media discourse

Barabanova Irina Gennadievna

PhD in Philology

Head of the Department; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Rostov State University of Economics (RINH)

344018, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, 77b Mechnikova str., 78 sq.

✉ lenikol@yandex.ru

Nikolaeva Elena Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Rostov State University of Economics (RINH)'.

344003, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Cathedral lane, 62, sq. 108

✉ lenikol@yandex.ru

Abstract. The article considers pre-election discourse as a type of communicative activity that has a well-defined structure, depends on many extralinguistic factors and performs a number of tasks aimed at winning elections. The object of this study is the American pre-election media discourse as a kind of political discourse with specific features associated with its mass information nature. The subject of the work is the linguistic and ideological features implemented in the strategies and tactics used in the political election campaign. The speaker's intentions in the plane of real communication with voters are realized through carefully planned strategies and tactics aimed at the voter, the opponent and the candidate himself, which politicians actualize using various linguistic means. The article presents the reasons for the increased interest of modern researchers in political communication, as well as the subject, functions and purpose of political election discourse. The following research methods were used in the study: discursive analysis, linguistic and pragmatic analysis, quantitative and interpretative analysis. The selection of empirical material was carried out through the auxiliary method of continuous sampling, the main criterion for limitation was the time frame for the implementation of election campaigns in 2024. The research material on the topic of American elections is new, reflects contradictions within modern American society and illustrates the linguistic and ideological features of the 2024 election campaign. The political election discourse of the United States is pragmatically conditioned, and the use of signs belonging to various semiotic systems corresponds to certain political goals. The choice of a communication strategy depends on the intentions of the speaker, the target audience, and the situation in the country. Choosing the means of influence, American politicians use proven experience over the years, actively attract myths about the national idea, unity, and elitism of the American nation, promote images of determined leaders, and appeal to established democratic values. We see the practical value of the obtained results and the main provisions of the study in the possibility of their application in: the development of special courses in discoursology, neology and pragmalinguistics.

Keywords: strategies, elections, election campaign, media discourse, political discourse, pre-election discourse, discourse, tactics, manipulation, the voter

References (transliterated)

1. Tonoyan, Ya.K. Umenie ubezhdad' – klyuchevoi element politicheskoi kommunikatsii // Molodoi uchenyi. 2023. № 18 (465). S. 399-402. URL: <https://moluch.ru/archive/465/102409/> (data obrashcheniya: 08.11.2024).
2. Deik, T.A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i

- kommunikatsii / per. s angl. E. Pereverzev, E. Kozhemyakin. URL: <https://djvu.online/file/hmSTlwDnPe16y?ysclid=m38hkaalh5308642516> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
3. Arutyunova, N.D. Diskurs // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Direktmedia Publishing, 2008. S. 136-137.
 4. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Metafora v politicheskoi kommunikatsii. M.: Flinta; Nauka, 2008. 248 s.
 5. Dautova, L.A., Badmatsyrenova, D.B. Yazykovye osobennosti predvybornogo diskursa (na materiale amerikanskogo predvybornogo diskursa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 9-2(39). S. 53-57.
 6. Kubryakova, E.S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike (Obzor) // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: Sbornik obzorov. M.: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2000. S. 5-13.
 7. Pishkova, E.Yu. Pragmalingvisticheskoe diagnostirovanie rechevogo povedeniya kandidatov v prezidenty SShA (na materiale predvybornogo diskursa): avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19. Rostov-na-Donu, 2007. 18 s.
 8. Rakhimova, K.I. Rechevoi portret politicheskogo lidera v predvybornom diskurse // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 108-3. S. 49-53.
 9. Chudinov, A.P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posob.; 2-e izd., ispr. M.: Flinta: Nauka, 2007. 256 s.
 10. Hamed, D. Keywords and collocations in US presidential discourse since 1993 // A corpus-assisted analysis. Journal of Humanities and Applied Social Sciences, 2020. P. 137-158.
 11. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Palgrave Macmillan, 2009. 252 p.
 12. Stepanov, Yu.S. Al'ternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip prichinnosti // Yazyk i nauka kontsa 20 veka. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1995. S. 35-73.
 13. Karasik, V.I. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 56-77.
 14. Transcript of Harris-Trump presidential debate. URL: debate-transcript/story?id=113560542 (data obrashcheniya: 20.10.2024)

Mental models of political values in the language of modern youth

Gorodishchev Aleksei Viktorovich

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Foreign Languages; Saint Petersburg State University
Associate Professor; Institute of Basic Education; National Research Technological University 'MSIS'
Director; ANO TSNIR 'Good Order'

191119, Russia, St. Petersburg, Central district, Ligovsky prospekt, 135 letter A, block 11

✉ agorodischev@gmail.com

Gorodishcheva Anna Nikolaevna

Doctor of Cultural Studies

Head of the Department; Department of Advertising and Cultural Studies; Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev

Abstract. The empirical embodiment of the culturally and historically contextualized experiences of native speakers is of particular interest during periods of social upheaval. Within cognitive linguistics, this entails the study of conscious awareness and the linguistic embodiment of the subjective experience of social events and facts that have occurred or are occurring in a specific historical period. This study focuses on the cognitive frames present in the language of modern youth, which reflect the political values of contemporary Russian culture. The object of investigation is political media discourse, which exerts a direct influence on the linguistic embodiment of values in youth language. The aim of this research is to identify the cognitive frames of political values within the language of modern Russian youth, thereby providing a context for understanding their specific linguistic manifestations. The article presents new data on the use of political framing in the linguistic constructions of political discourse within the modern youth environment. The method of mental models was employed to analyze cognitive and political metaphors; cognitive framing techniques were used to examine the relationship between lexical constructions in youth language; and description in the context of linguopragmatics was applied to analyze frame structures expressing political values. Particular attention is given to the qualitative analysis of descriptions of political value meanings obtained through student surveys. Cognitive and communicative frames, as well as occasionalisms in youth language relating to political values, and their modes of formation, are identified and analyzed. This work elucidates how political values are formed in youth language around social facts not directly related to politics, and why such values often emerge as political occasionalisms. The scientific novelty of the study lies in demonstrating the decisive role of communication systems and information processing methods in shaping the meanings of political values in contemporary youth language. It is shown that while young people actively engage with political events, manipulative practices in political discourse aimed at diverting attention from core issues, limited political experience, and the influence of borrowed vocabulary contribute to the formation of metaphors and occasionalisms. Blending is identified as the predominant mechanism of formation, enabling the mixing of non-political meanings alongside emotionally intensifying frames by combining them with cognitively simple concepts of traditional values. The study confirms that cognitive frames are constructed through simple, single-level values to economize decision-making about value choice, and also reflect the limited linguistic resources available for expressing value meanings. The findings have potential applications in both theoretical research aimed at refining theories of mental modeling and in practical political discourse strategies tailored to youth audiences.

Keywords: semantic aura, occasionalism, metaphor, linguopragmatics, cognitive framing, political values, political discourse, Mental models, blending, fusion

References (transliterated)

1. Kornienko E. R. Diskurs kak kognitivnyi mekhanizm // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2019. T. 19, vyp. 4. S. 379-383. DOI 10.18500/1817-7115-2019-19-4-379-383 EDN: AWYAIC.
2. Selezneva A. V., Skipin N. S., Turkov E. A. Tsennostno-smyslovye dominanty politicheskoi morali rossiiskoi molodezhi: politiko-psikhologicheskii analiz // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2023. T. 17, №. 2. S. 60-70. DOI

- 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70 EDN: OBDBPJ.
3. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
 4. Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences. 1976. T. 280, №. 1. S. 20-32. DOI 10.1111/j.1749-6632.1976.tb25467.x.
 5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 2008.
 6. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the gulf // Cognitive Semiotics. 2012. T. 4, №. 2. S. 5-19. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/cogsem.2012.4.2.5/html>.
 7. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. URL: <https://www.hillpublisher.com/UpFile/202502/20250212103156.pdf>.
 8. Chudinov A. P., Budaev E. V. Stanovlenie i evolyutsiya kognitivnogo podkhoda k metafore // Novyi filologicheskii vestnik. 2007. T. 4, №. 1. S. 8-27. EDN: LDGOGT.
 9. Budaev E. V., Chudinov A. P. Kognitivnye i ritoricheskie istoki teorii Dzh. Lakoffa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2012. № 14. S. 11-15. URL: https://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?SECTION_ID=276 EDN: PQGACF.
 10. Podshibyakina T. A. Dinamika mental'nykh mirovozzrencheskikh modelei: kontseptsiya i metod stsennarnogo prognozirovaniya // Politicheskaya nauka. 2024. № 4. S. 241-261. DOI 10.31249/poln/2024.04.10 EDN: YTPMMF.
 11. Vatolina T. G. Kognitivnaya model' diskursa kak mnogomernyi mental'nyi konstrukt // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2017. № 9 (sentyabr'). URL: <http://e-kon-cept.ru/2017/175006.htm> DOI: 10.24422/MCITO.2017.9.7488 EDN: ZIBXYD.
 12. Sokolova O. V. Kategoriya freima v kognitivnoi lingvistike // Neftegazovye tekhnologii i ekologicheskaya bezopasnost'. 2007. № 1. S. 236-239. URL: <https://vestnik.astu.org/ru/nauka/journal/200/view> EDN: JTLUKF.
 13. Andreeva S. L. Potentsial ponyatiya "freimirovanie" dlya kognitivnoi lingvistiki // Rusistika i komparativistika: sb. nauch. trudov po filologii. Gl. red. S. A. Vasil'ev. Vyp. XI. Ch. II. M.: Knigodel, 2017. S. 159-167.
 14. Aslanov I. A. Issledovanie freiminga v rabotakh rossiiskikh uchenykh: rezul'taty kontent-analiza // Mediaskop. 2020. Vyp. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2662> DOI: 10.30547/mediascope.4.2020.2 EDN: MSBLPJ.
 15. Yanou D., Khul'st M. van. Freimy politicheskogo: ot freimanaliza k analizu freimirovaniya // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2011. T. 10, № 1-2. S. 87-113. EDN: NYKOBH.
 16. Berendeev M. V. Obraz i diskurs: k voprosu o diskursivnom kharaktere formirovaniya politicheskikh obrazov // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2011. № 6. S. 91-99.
 17. Chugunova S. A. "Zhivoe" slovo na perekrestke teorii i eksperimenta v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke // Vestnik BGU. 2015. № 1. URL: <https://bsu.by/editions/magazine/vestnik-bgu-d/numbers/49354>.
 18. Khrushcheva O. A. Blending v sisteme slovoobrazovaniya // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 11 (105). S. 95-101. EDN: MLUFZL.
 19. Strel'tsov A. A. Klassifikatsiya slov, obrazovannykh posredstvom blendinga: tematicheskii aspekt // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. Vyp. 8, № 2. S. 131-150. DOI 10.22250/24107190_2022_8_2_131 EDN: OZIRMO.

20. Samoilova A. V. Angloyazychnye politicheskie neologizmy: ot semantiki k pragmatike ispol'zovaniya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. T. 21, №. 1. S. 145-159. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159 EDN: NCHUQJ.
21. Hou L. Mandarin learning system based on chatbot // 2023 International Conference on Distributed Computing and Electrical Circuits and Electronics (ICDCECE). IEEE, 2023. S. 1-6.
22. An J., Xiang Q. A Study on Characteristics of the Phenomenon of National Association, Communication and Integration Embodied in the Tibetan Heroic Epic "Gesaer" // 2nd International Conference on Language, Communication and Culture Studies (ICLCCS 2021). Atlantis Press, 2021. S. 215-220.
23. Selezneva A. V., Skipin N. S., Turkov E. A. Tsennostno-smyslovye dominanty politicheskoi morali rossiiskoi molodezhi: politiko-psikhologicheskii analiz // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2023. T. 17, №. 2. S. 60-70. DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70 EDN: OBDBPJ.

Word-Formation Processes of Occasional Neologisms in the Political Discourse of Modern Greek: Nomination of Party Representatives and Their Supporters

Tresorukova Irina

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Byzantine and Modern Greek Philology, Moscow State Lomonosov University

119899, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 building 51

✉ itresir@mail.ru

Chueva Sofia

PhD student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 53, room 3, building 15

✉ sophychuyeva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of neologisms in the political discourse of Modern Greek derived from the names of political parties, organizations and associations to denote their members and supporters. This work analyzes word-formation models, semantics and pragmatics of these lexemes and also their role in political communication. The process of suffixation, identified as the method of formation for these lexemes, is a highly frequent phenomenon of word formation which appears as the theme of several works dedicated to the morphology and word formation of the lexemes in Modern Greek. The research material includes 57 lexemes-neologisms identified through working with electronic text corpora and websites of Greek print media.

Morphological analysis of the neologisms based on D. Corbin's derivation model is used in the study, which allows us to analyze the structure and explain semantic similarities and differences between derived neologisms, predict meanings that potentially emerge while using specific morphological structures and demonstrate the degree of realization of each lexical element.

The scientific novelty of the work lies in the systematic analysis of neologisms within the political discourse of Modern Greek, which have not previously been recorded in dictionaries of Modern Greek. As a result we find out the most productive formants, the primary source for

derivation appears to be abbreviations, the main word formation methods are clipping and truncation, graphic variations and letter-loss during affixation. Feminine lexemes are most commonly formed by using the suffix – ισσα, less frequently – η and – α, reflecting a broader process of feminization in Modern Greek word formation system. The results of the work confirm that neologisms in political discourse are indicators of language dynamism and their morphological analysis is a valuable tool for studying the evolution of Modern Greek word formation and sociolinguistic processes.

Keywords: derivation, word formation, suffixation, feminatives, pejoratives, nonce words, neologisms, political discourse, Modern Greek, morphological analysis

References (transliterated)

1. Χριστοφίδου, Α. Περί Νεολογίας // Νάκας, Θ. & Κατσούδα, Γ. Όψεις Της Νεολογίας: Σύμπτυξη Και Επανετυμολόγηση – Ολικοί Και Μερικοί Λεξικοί Σύμπτυχοι Στη Δημοσιογραφία, Τη Διαφήμιση, Τα Ιστολόγια Και Τη Λογοτεχνία Για Παιδιά. Γλωσσολογική Βιβλιοθήκη 11. Αθήνα: Πατάκης, 2013.
2. Inzhechik, A.A. Obrazovanie neologizmov v politicheskoi terminologii sovremennogo nemetskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 1(67): v 2-kh ch. Ch. 1. S. 108-113. ISSN 1997-2911. EDN: XELTIT.
3. Ralli, A., Xydopoulos, G. Blend formation in Modern Greek // Renner, V., Maniez, F. & P. Arnaud (eds.) Cross-disciplinary perspectives on lexical blending (Trends in Linguistics). Berlin, 2012. S. 35-50.
4. Μπόγρη, Α. Το επίθημα-ίλα στην Κοινή Νέα Ελληνική // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα. № 35. Θεσσαλονίκη, 2017. S. 658-668.
5. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α. Η νεοελληνική παραγωγή κατά το μοντέλο της D. Corbin // Μελέτες για την ελληνική γλώσσα-Πρακτικά της 13ης ετήσιας συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής Α.Π.Θ., 7-9 Μαΐου 1992. Θεσσαλονίκη. S. 505-526.
6. Ιορδανίδου, Α., Μάντζαρη, Έ. Τα θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά: γλωσσική χρήση και τυποποίηση. Πρακτικά 5ου Συνεδρίου Ελληνικής Γλώσσας και Ορολογίας, 13-15 Οκτωβρίου. Λευκωσία: Ελληνική Εταιρεία Ορολογίας, 2005. S. 73-87.
7. Gataulin, R.G. K probleme suffiksali'noi stilisticheskoi nominatsii (na primere nemetskiikh suffiksov -o, -e, -i) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. T. 17. № 1. S. 127-132. EDN: OXTLTX.
8. Corbin, D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. T. I – II. Presses universitaires du Septentrion, 1991. URL: <https://books.openedition.org/septentrion/124160> (data poslednego obrashcheniya: 28.06.2025).
9. elTenTen2014. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Feltenten14_tt2 (data poslednego obrashcheniya: 25.06.2025).
10. elTenTen2019. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Feltenten19_tt3 (data poslednego obrashcheniya: 25.06.2025).
11. www.tovima.gr (data poslednego obrashcheniya: 08.07.2025).
12. www.kathimerini.gr (data poslednego obrashcheniya: 08.07.2025).
13. www.rizospastis.gr (data poslednego obrashcheniya: 08.07.2025).
14. Chueva, S.Yu. Izmenenie produktivnosti suffiksa feminitivov -ισσα v grecheskom yazyke (diakhronnyi analiz) // Rema. Rhema. 2024. № 2. S. 33-60. DOI:

10.31862/2500-2953-2024-2-33-60. EDN: BOVSHS.

15. SlangWiki. URL:

<https://slang.fandom.com/el/wiki/%CE%9D%CE%B1%CF%81%CE%AF%CF%84%CE%B7%CF%82> (data poslednego obrashcheniya: 24.07.2025).

Semantic-Functional Features of Emotive Verbs of Anger in Mongolian Languages

Badmadorzhieva Elena Bayarovna

Postgraduate student; Department of Philology of Central Asia; Buryat State University

670000, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Smolina str., 24, office a

✉ badmadorzhieva@aginskhost.ru

Abstract. The study aims to contribute to a deeper understanding of the structure and development of verbal vocabulary in Mongolian languages, particularly in relation to emotiveness. The study is relevant due to the anthropocentric orientation of linguistics and the limited understanding of the issues related to emotiveness in Mongolian languages. The research draws upon linguistic material from lexicographic sources and corpora of national languages. Using various methods including analysis and synthesis of empirical material, descriptive analysis, and structural methods, the study identifies the semantic-functional characteristics of the ANGER verbs. The findings reveal that verbs with the meaning "get angry" in Mongolian languages form a complex microsystem consisting of a base verb *bur. uurlakha* "to be angry"/*mong. urlah* "to be angry, angry; get irritated; be angry; to be indignant" / *kalm. uurlkh* "to be angry" and five distinct lexical-semantic groups: emotional state, formation of emotional state, emotional attitude, emotional impact and external expression on emotion. These verbs share a common lexical-categorical aspect and exhibit synonymy and polysemy within their respective groups. While the representation of anger in the Mongolian languages is similar, cultural and historical factors contribute to slight variations. Moreover, the study identifies that verbs and substantive-verb combinations with the meaning "get angry" have a figurative internal structure, providing insights into the nature, reactions, and intensity of anger manifestation. This research contributes to a more comprehensive understanding of the functional and semantic development of verbal vocabulary in Mongolian languages. The findings have implications for lexicography, linguoculturology, psycholinguistics, and related fields. The study provides valuable insight into how anger is expressed through verb forms in Mongolian languages. The information obtained from the study contributes to a more detailed description of the structure and functional development of verbal vocabulary.

Keywords: emotions, Buryat, rage, anger, Kalmyk, semantics, Mongolian, emotive verb, Mongolian languages, meaning

References (transliterated)

1. Mulaeva N.M. Emotivnye glagoly v kalmytskom geroicheskom epose "Dzhangar" // Vestnik KIGI RAN. 2020. № 4. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120.
2. Darzhaeva N. B. Kombinatorika buryatskikh glagolov emotsii i sintaksicheskoe vyrazhenie stimula // Vestnik BGU. Filologiya. 2023. № 3. S. 33-40.
3. Sundueva E. V. Manifestatsiya grusti v mongol'skikh yazykakh // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. Vyp. 4. S. 20-26. DOI:

10.18101/2686-7095-2022-4-20-26

4. Tsyrenov B. D. Emotivy so znacheniem 'zlost', gnev' v mongol'skikh yazykakh // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. Vyp. 2. S. 59-66. Rezhim dostupa: <https://journals.bsu.ru/content/articles/3040.pdf>. Data obrashcheniya: 01.03.2024.
5. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta. 1989. 182 c.
6. Babenko L. G. Lingvopsikhologiya na metodologicheskoi baze kognitivistiki: leksikograficheskii aspekt. 2020 Rezhim dostupa: <http://hdl.handle.net/10995/90984>. Data obrashcheniya: 21.02.2024. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.3.0573.
7. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkii slovar'. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2010. 708 s. T. 2. O–Ya.
8. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / otv. red. G. Ts. Pyurbeev. M.: Academia. 2001. 440 s. T. 3 Θ–F.
9. Kalm'shchko-russkii slovar' / pod red. B. D. Munieva. M.: Russkii yazyk. 1977. 768 s.
10. Buryatskii natsional'nyi korpus [elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://webcorpora.net/BuryatCorpus/search/>. Data obrashcheniya: 21.02.2024.
11. Natsional'nyi korpus kalmytskogo yazyka [elektronnyi resurs] // <http://kalmcorpora.ru>. Data obrashcheniya: 24.02.2024.
12. Mongol'skii natsional'nyi korpus [elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://webcorpora.net/MongolianCorpus>. Data obrashcheniya: 24.02.2024.
13. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / otv. red. G. Ts. Pyurbeev. M.: Academia. 2001. 532 s. T. 4 Kh–Ya.
14. Todaeva B. Kh. Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana: (Po versiyam pesen "Dzhangara" i polevym zapisyam avtora). Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2001. 493 s.
15. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkii slovar'. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2010. 636 s. T. 1. A–N.
16. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / otv. red. G. Ts. Pyurbeev. M.: Academia. 2001. 520 s. T. 1. A–G.
17. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov / red. G.D. Sanzheev. M.: IV RAN. 2015. 224 c. T. 1. A–E.
18. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov / red. G.D. Sanzheev. M.: IV RAN. 2016. 232 c. T. 2. G–P.
19. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov / red. G.D. Sanzheev. M.: IV RAN. 2018. 232 c. T. 2. Q–Z.
20. Mongol khelnii ikh tailbar tol' [elektronnyi resurs] // <https://mongoltoli.mn/dictionary/> Data obrashcheniya: 24.02.2024.
21. Ts. Norzhin Mongol khelnii tol'. Khukh-Khoto: Æver Mongolyn ardyn khevleliin khoroo. 1997. 3142 c.

Morphological features of the Romanian language in the 16th –17th centuries (based on Codex Neagoeanus, 1620)

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

26A Govorova str., 184 block, Odintsovo, Moscow region, 143005, Russia

✉ glebmerkulov@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the description of the morphological features of the Romanian language of the 16th-17th centuries, using the manuscript Codex Neagoeanus as an example. The subject of the research is a comprehensive morphological analysis of the manuscript monument "Codex Neagoeanus" (ms. rom. 3821, Romanian Academy Library), dated to the beginning of the 17th century. This codex represents a characteristic collection of religious and folk texts (cărți populare) typical for Romanian culture of the 16th-17th centuries, including translations of a popular romance, a didactic treatise, a brief nomocanon, and works of astrological literature. The study focuses on a systematic description and classification of archaic and variable morphological features of the Romanian language recorded in the texts of the codex. Special attention is given to those features that demonstrate the transitional nature of the language of this era, which is at the intersection of the old Latin tradition and the active influence of Slavic languages, as well as the process of establishing future literary norms. The analysis is conducted using material from all significant parts of speech: nouns, adjectives, verbs, pronouns, and adverbs. The main research method is a comprehensive morphological analysis aimed at identifying and classifying characteristic archaic and innovative elements in the morphological system of the writing monument. Paleographic analysis methods are also employed. The scientific novelty of the research lies in the first detailed and systematic linguistic analysis of Codex Neagoeanus, which introduces new factual material into scientific circulation. Key conclusions include the following: the morphological system of the codex is characterized by extreme variability and the absence of a stable norm, which is manifested in the coexistence of archaic (ending -u for masculine nouns, obsolete forms of the perfect tense) and innovative (periphrastic conditional) forms. It has been established that phonetic processes (e.g., diphthong contraction ea) directly influenced verb conjugation paradigms. An important conclusion is the demonstration of the deep integral influence of Slavic languages, expressed not only in lexical borrowings but also in the active use of Slavic word formation models (suffixes -enie, -nie, prefix ne-) to create new words based on Latin and Greek roots. Thus, the codex serves as a vivid testimony to the complex and multifaceted state of the Romanian language in the early period.

Keywords: diachronic analysis, paleography, folk books, manuscript, Romanian morphology, Romanian Cyrillic script, Codex Neagoeanus, Romanian studies, Old Romanian language, language variability

References (transliterated)

1. Grosu M. Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană). București: Litografia și Tipografia Învățămintului, 1958.
2. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, editie de text si indice de cuvinte. București: Editură Academiei Române, 1993.
3. Drăganu N. Doua manuscrise vechi. Codicele Todorescu și Codicele Martian. București: Librariile SOCEC, Sfetea și Libraria Nationala, 1914.
4. Camară I. Originea celui mai vechi text românesc // Receptarea Sfintei Scripturi, între filologie, hermeneutică și traductologie. Vol. 12. 2023. P. 129–139.

5. Chekunova A. E. Russkoe kirillichesкое pis'mo XI-XVIII vv. Uchebnoe posobie. M., 2010.
6. Ghetie I. Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Româna. Vol. 22. № 6. 1973. P. 545–560.
7. Ionascu A. «Alexăndria», or the first instance of monsters in romanian culture // Journal of Romanian Literary Studies. № 17. 2019. P. 939–944.
8. Sihler, Andrew L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.
9. Rosetti A. Istoria Limbii Române. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.
10. Vikislovar', «sto». URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/sto#Latin> (data obrashcheniya: 18.02.2025)

From tradition to digital: A study on the international communication strategy of Nezha's image

Wang Ziming

PhD in Philology

PhD student; Faculty of Philology; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

119571, Russia, Moscow, Troparevo-Nikulino district, 26 Bakinsky Komissarov St., 7 K. 6

✉ 1042248002@pfur.ru

Wen Boyuan

PhD in Philology

PhD student; Faculty of Philology; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6kab, sq. 218

✉ 1042228177@pfur.ru

Du Yuwei

PhD in Philology

PhD Student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228058@pfur.ru

Abstract. In 2019, the animated film *Nezha: The Devil Child Comes into the World* became a cultural phenomenon in China, breaking domestic box office records with earnings exceeding 5 billion yuan. The release of its sequel in 2025 further advanced the global dissemination and reimagining of the Nezha character, marking a pivotal moment in the international communication of Chinese cultural IP. This paper takes these two films as primary case studies to examine the evolution of Nezha's image in the digital media environment and to analyze the strategies employed in cross-cultural transmission. Drawing on theories of cultural adaptation and digital communication, the study identifies two core aesthetic and narrative techniques – “cuteness reshaping” and “pain-point grafting” – that enable traditional mythological symbols to be emotionally and visually accessible to global audiences. Simultaneously, the rise of digital platforms such as Douyin, Weibo, WeChat Video Account, and YouTube has significantly reshaped the dissemination pathways of Chinese animated content. Through algorithmic recommendation systems and the widespread participation of users in content creation (UGC), these platforms have enabled bottom-up amplification and

transmedia storytelling of the Nezha mythos. The study also reveals a dual reception effect among overseas audiences. While the films garner surface-level attention and entertainment value, deeper layers of Chinese cultural context are often misunderstood, ignored, or misrepresented. To address this challenge, the paper proposes a theoretical model of "dynamic layering," which consists of three interrelated dimensions: the content layer (visual and symbolic restructuring), the platform layer (distribution mechanics and algorithmic engagement), and the audience layer (cross-cultural interpretation and reception). This model offers a practical framework for improving the international communication strategies of traditional cultural IP, with particular relevance to the animation and creative industries. The findings highlight the need for a more nuanced approach to globalizing Chinese mythological figures, one that balances market appeal with cultural authenticity in the age of algorithm-driven digital media.

Keywords: international communication strategy, user participation, reconstruction of mythological images, cultural adaptation, visual narrative, intercultural communication, new media platforms, digital media communication, Nezha cultural IP, media space theory

References (transliterated)

1. Sun Y., Hua J. On Strategies and Effects of Cross-cultural Communication of Chinese Mythological Animated Films—With Nezha and White Snake as Examples // *European Journal of Language and Culture Studies*. 2023. № 6 (2). C. 6–14. <https://doi.org/10.24018/ejlang.2023.2.6.121> EDN: PKIIFY
2. Wulandari A. The Animated Film of Ne Zha in Disruptive Era: From Chinese Classical Mythology goes to Global. Indonesia: EAI, 2021. <https://doi.org/10.4108/eai.30-12-2020.2311278>
3. Zhao H., Dolah J. Discusses the Narrative Elements of Retelling Traditional Myths in Chinese Animated Films: A Case Study of New Gods: Nezha Reborn (2021) // *Herança*. 2024. № 4 (7). C. 222–235. <https://doi.org/10.52152/heranca.v7i4.816> EDN: BKSZSN
4. Fan N. Ne Zha's image transformation in Chinese animation cinema (1961–2019) // *Film, Fashion & Consumption*. 2021. № 1 (10). C. 277–298. https://doi.org/10.1386/ffc_00025_1
5. Yang G., Wang W. *Engaging Social Media in China: Platforms, Publics, and Production*. / G. Yang, W. Wang. Michigan State University Press, 2021. https://muse.jhu.edu/pub/26/edited_volume/book/82318
6. Theocharis Y., Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. Platform affordances and political participation: how social media reshape political engagement // *West European Politics*. 2023. № 46 (4). C. 788–811. <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2087410> EDN: NMXHJE
7. Chen A., Gu H. IP Adaptation Strategies in Film: A Case Study of Ne Zha 2 (2025) // *Arts*. 2025. № 4 (14). C. 85. <https://doi.org/10.3390/arts14040085>
8. *Spatial Literary Studies in China* / red. Y. Fang, R. T. Tally. Cham: Springer International Publishing, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-03914-0>
9. Lähteenmäki I. Transmedia history // *Rethinking History*. 2021. № 3 (25). C. 281–306. <https://doi.org/10.1080/13642529.2021.1963597> EDN: SUZBGB
10. Wei Yanan, Mohd Kipli Abdul Rahman, Gao Shijie. Role of Social Media in the Global Reception of Chinese Animation: A Case Study of 'Nezha' // *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. 2025. № 31 (10). C. 63–69. <https://doi.org/10.21834/e-bpj.v10i31.6509>

Emotive Vocabulary with Semantics of Courage and Fear in A. S. Pushkin's "The Tales of Ivan Belkin"

Hao Gaoyuan

Postgraduate student; Department of Russian Language; Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ 947922671@qq.com

Abstract. The subject of the study is the lexical means of expressing the emotions of courage and fear in A. S. Pushkin's cycle "The Tales of Ivan Belkin". The semantics and functioning of these lexical units in the artistic text are analyzed, based on 93 identified contexts. Particular attention is paid to identifying the connection between lexical choice (courage, timidity, fearing) and the social status of characters (nobility and "the little people"), gender characteristics (cheerful courage for men, fainting for women), and situational factors. The role of context in the formation of emotional meanings and their classification into 7 functional-semantic groups according to L. G. Babenko (emotional state, emotional quality, external expression of emotion, etc.) is investigated, encompassing both direct emotion nominations (courage, timidity) and indirect markers manifested through physiological reactions (trembling, turning pale, with bated breath). The methods of contextual and statistical analysis, and functional-semantic classification are used. The methodological basis is the system of L. G. Babenko (7 groups of emotional vocabulary) and the principles of lexicography. The scientific novelty lies in the first systematic analysis of the opposition "courage" – "fear" in A. S. Pushkin through the prism of lexical semantics. It has been established that the dominance of the vocabulary of cowardice (79 cases, e.g., fearing, becoming timid) over that of boldness (14 cases, e.g., bravery, cheerful courage) reflects the author's understanding of human weaknesses as deviations from the norm. Gender asymmetry has been identified: men express their courage through direct nominations (heroic, hero), while women express it contextually through physiological reactions (turning pale, trembling). Social specificity has been discovered: fear of the upper classes is encoded by the verbs to be afraid and not to dare. It has been proven that fear is situational (e.g., timidity acts as a "floating emotion" dependent on context), while courage transforms (physical → moral). These findings are significant for psycholinguistics and the interpretation of Russian classics.

Keywords: semantics, lexico-semantic analysis, emotion, courage, cowardice, non-verbal means, emotional vocabulary, A. S. Pushkin, Literary text, contextual analysis

References (transliterated)

1. Apresyan Yu. D. Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod obshch. ruk. akad. Yu. D. Apresyana. – 2-e izd. – M.: Shkola "Yazyki slavyanskoi kul'tury", 2003. – 1488 s.
2. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. – 184 s.
3. Blagoi D. D. Zakonomernosti stanovleniya novoi russkoi literatury. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 108 s.
4. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S. A. Kuznetsov [i dr.]; pod red. S. A. Kuznetsova. – SPb.: Norint, 1998. – 1536 s.

5. Boretskii M. I. Khudozhestvennyi mir i chastotnyi slovar' poeticheskogo proizvedeniya // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. – 1978. – № 5. – S. 453.
6. Vartanyan G. A., Petrov E. S. Emotsii i povedenie. – L.: Nauka, 1989. – 144 s.
7. Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. – M.: Nauka, 1999. – 704 s.
8. Izard K. E. Psikhologiya emotsii / per. s angl. – SPb.: Piter, 2003. – 464 s.
9. Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii / L. G. Babenko [i dr.]; pod obshch. red. L. G. Babenko. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. – 340 s.
10. Kuznetsov Yu. A. Leksiko-semanticheskoe pole smekha kak fragment russkoi yazykovoi kartiny mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2005. – 23 s.
11. Lebedevskaya T. V., Gurskaya Yu. A. Kharakteristika yazykovoi lichnosti kak sposob raskrytiya sodержaniya khudozhestvennogo obraza (na materiale "Povestei Belkina" A. S. Pushkina) // Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. – 2009. – № 2 (23). – S. 73-78.
12. Mullagayanova G. S. Polozhitel'nye emotsii, eksplitsiruemye v russkom yazyke // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. – 2020. – № 1 (3). – S. 28-40. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.28-40.
13. Plotnikova A. M. Semanticheskie konstanty i peremennye vnutrennego mira cheloveka (po dannym ideograficheskikh slovarei) // Filologicheskii klass. – 2017. – № 4 (50). – S. 25-29. DOI: 10.26710/fk17-04-03.
14. Pushkin A. S. Povesti Belkina // Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978. – T. 6. Khudozhestvennaya proza. – S. 54-115.
15. Russkii semanticheskii slovar': tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii: v 4 t. / N. Yu. Shvedova [i dr.]; pod obshch. red. N. Yu. Shvedovoi. – M.: Azbukovnik, 2007. – T. 4. – 952 s.
16. Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. / V. V. Vinogradov [i dr.]; otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – 2-e izd., dop. – M.: Azbukovnik, 2000. – T. 1. – 1002 s.; T. 2. – 1085 s.; T. 3. – 1284 s.; T. 4. – 1228 s.

Information support of the university's activities as a tool for implementing regional policy based on the example of the Republic of Tatarstan

Akimov Andrey Anatolevich

Assistant Professor; Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Professora Nuzhina str., zd 1/37

✉ akimov.andrey17@mail.ru

Muhamadullin Salavat Railevich

Head of the Visual Information Laboratory, KFU

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Professora Nuzhina str., zd 1/37

✉ SRMukhamadullin@kpfu.ru

Vafina Shamiliya Raufovna

Assistant Professor; Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the regional component in the information policy of leading universities in the Republic of Tatarstan and the potential of their own communication channels to achieve the goals of regional policy. The subject of the research is the information policy of the universities of the Republic of Tatarstan, including Kazan Federal University, Kazan National Research Technological University, and Kazan State Power Engineering University. Special attention is paid to the regional aspect in the content of articles on official websites and social media pages. The aim of the work is to identify the role of university communication channels in implementing regional state policy. The basis of the research is content analysis of publications from January to May 2025 on official websites, university pages on the social network VK, and the messaging app Telegram. Particular attention is given to the frequency and context of the use of regional markers ("Tatarstan," "Republic," "President," "Policy," "Grants," "Ministry," derivatives of the word "State," and various programs to support youth initiatives), which on average appear in 10% of the studied posts. The work confirms the close interrelationship between the information policies of universities and the regional agenda, emphasizing their significance as key actors in shaping the educational, scientific, and social environment of Tatarstan. The main methods of research are quantitative and qualitative content analysis of materials from regional universities published on official websites and social media groups. The novelty of the research lies in identifying the role of communication channels of regional universities as a tool for informing about implemented programs and support measures relevant to students and teachers. The official websites, social networks, and messaging apps of universities are integrated into the electronic government system as an additional point of contact with a specific target audience. The published materials perform both informative and stimulating functions, allowing for achieving higher values on key regional performance indicators, such as the Human Development Index (HDI). Based on the analysis conducted, a political component was found in an average of 10% of publications related to Tatarstan universities, and specific features of the information policies of the studied universities were discovered, which stem from both the specifics of the training areas and the internal culture and values of the university.

Keywords: media communications, GR-communications, Tatarstan, e-government, press office, University, university, regional policy, Information policy, social network

References (transliterated)

1. Gureeva A. N. Glubokaya mediatizatsiya kak draiver informatsionnoi raboty vuza // Media v sovremennom mire. 63-i Peterburgskie chteniya : Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. 2024. S. 168-169. EDN: LLGVTQ.
2. Fayustov A. V., Benemanskii D. A., Krasnova A. V. Mediastrategiya vuza: svyaz' tselei, strukturnykh reshenii i deyatel'nosti // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2021. T. 25, № 4. S. 135. DOI: 10.15826/umpa.2021.04.041 EDN: SAYGRG.
3. Fedyunin D. V. Formirovanie GR-kommunikatsii universiteta s vneshnimi steikholderami // Plekhanovskii nauchnyi byulleten'. 2017. № 2(12). S. 230-235. EDN: ZXOEAN.
4. Smirnova E. A., Matveeva A. S. Faktory brendooobrazovaniya vuza (na materiale publikatsii o VolGU v volgogradskikh SMI) // Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2009. № 8. S. 141-147. EDN: LHTEZN.

5. Gabdrakhmanov N. K., Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. Obrazovatel'naya migratsiya molodezhi i optimizatsiya seti vuzov v raznykh po razmeru gorodakh // Voprosy obrazovaniya. 2022. № 2. S. 88-116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116 EDN: ANWKLZ.
6. Petruzzelli A. M. The impact of technological relatedness, prior ties, and geographical distance on university-industry collaborations: A joint-patent analysis // Technovation. 2011. No. 31(7). P. 309-319.
7. Kindt A.-M., Geissler M., Bühling K. Be my (little) partner?! – Universities' role in regional innovation systems when large firms are rare // Journal of Regional Science. 2022. Vol. 62. P. 1274–1295.
8. Mukhamadullin S., Andreeva Yu., Ratner F., Raskhodova I. University information policy as a tool for supporting civic engagement of student youth // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 449. DOI: 10.1051/e3sconf/202344907017 EDN: RVUCFL.
9. Smirnov V. A. Molodezhnaya politika i vospitatel'naya deyatelnost' v rossiiskikh universitetakh: etapy razvitiya i klyuchevye protivorechiya // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2023. № 5. C. 9-20. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20 EDN: ADRDWX.
10. Ostrovkin D. L., Sandler D. G. Vliyanie molodezhnoi politiki na realizatsiyu programmy razvitiya universiteta // Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium. 2024. № 1 (52). C. 89-92.
11. Ostrovkin D. L., Sandler D. G. Molodezhnaya politika i ee rol' v strategicheskom razvitii universiteta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2024. № 4. C. 70-92. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-70-92 EDN: XUJWBW.
12. Milyukova A. G. Kul'tura bez kommunikatsii? Vnutrikorporativnye kommunikatsii v universitetakh // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2023. № 28. C. 56-67. EDN: KAAEXX.
13. Koivumäki K., Karvonen E., Koivumäki T. Challenges in the collaboration between researchers and in-house communication professionals in the digital media landscape // JCOM. 2021. Vol. 20. No. 03. P. 21.
14. Morozova S. S. Tsifrovye ekosistemy v politicheskoi sfere: analiz tendentsii i perspektivy razvitiya // POLITEKS. 2024. № 2. C. 356-368. DOI: 10.21638/spbu23.2024.215 EDN: FAVSYB.
15. Zubov V. Business-Government Relations (GR) as a Problem Field of Modern Political Science: Theoretical Issues // Sociopolitical Sciences. 2025. Vol. 15. P. 22-32. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-22-32 EDN: PQEZSM.
16. Fedyunin D. V., Lochan S. A., Avtonomova S. A., Kutyrykina L. I., Mintusov I. E. The scenario approach to establishing GR communications in higher education institutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. No. 2 (32). P. 472-480. DOI: 10.14505/jarle.v92(32).11 EDN: VPTCCI.
17. Zubov V. Communicative, ideological and expert-analytical aspects of Government Relations (GR) in the structure of modern corporations // Sociopolitical Sciences. 2025. Vol. 15. P. 51-60. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-1-51-60 EDN: IOWXUP.
18. Rahmeeva I., Barykin A. Russian school of corporate GR: research program // Moscow Economic Journal. 2024. No. 7. P. 74-101. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_7_318 EDN: GWOCTM.
19. Pyasetskaya E. N. Elektronnoe pravitel'stvo i elektronnaya demokratiya: institutsializatsiya politiki informatsionnogo razvitiya // Kontsept. 2017. № 9. C. 1-8.
20. Stefan M. Social Media and Technological Ubiquity, in Agile Development of E-Business

Solutions at the Government Level // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2025. Vol. 19. P. 2149–2161.

21. Rudan I. Editor's view: Value of information in the 21st century – examples from science, medicine, policy, media, and markets // Journal of Global Health. 2025. Vol. 15. P. 103-106.

Contrastive analysis of the synthetic nature of comparative and superlative forms in the Czech and Russian languages

Morozov Daniel Aleksandrovich

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
Technical writer; pSeven SAS

606015, Russia, Nizhny Novgorod region, Dzerzhinsk, Samokhvalova str., 3, sq. 68

✉ mda1998@yandex.by

Abstract. This article presents an experience of corpus analysis of comparative and superlative forms of ten most frequent qualitative adjectives in the Czech and Russian languages across the period from 1990 to 2019. The investigation is focused at determining the characteristic features of the gradation of Czech adjectives against the common Slavic background. The goal of the study is to establish the degree of syntheticity of the Czech language by comparing frequencies of simple and complex forms of degrees of comparison in Czech and Russian written discourses. The subject of the study is the frequency of use of such forms, represented by the grammatical category of comparative degrees. The research methodology includes the functional and systemic methods developed by the Soviet school of Bohemian studies, as well as the contrastive method described in the works of A. G. Shirokova and V. I. Barnet. In addition, corpus tools of linguistic research were used to analyze the language material. The investigation is based on the material of the balanced corpora of Czech written texts SYN and the National Corpus of the Russian Language. Due to the application of large language models in linguistic analysis, and the current lack of accurate information on the relationship between synthetic and analytical comparatives and superlatives in the Slavic languages, the study is considered to be relevant. The corpus analysis revealed a significant difference in the frequency of use of analytical forms like *více důležitý/более важный* "more important", *nejvíce mladý/самый молодой* "the youngest" in the Czech and Russian languages: 0.023% versus 10.396%. This confirms the hypothesis about the synthetic nature of the gradation of the qualitative degree of Czech adjectives.

Keywords: competition of superlative forms, competition of comparative forms, syntheticity, adjectival degrees of comparison, Russian, Czech, Slavistics, corpora studies, contrastive analysis, gradation of the qualitative degree

References (transliterated)

1. Vorotnikov Yu. L. Struktura funktsional'no-grammaticheskoi sfery gradatsionnosti kachestvennogo priznaka // NDVSh. Filologicheskie nauki. 1987. № 4. S. 78-81.
2. Russkaya grammatika / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 s.
3. Izotov A. I., Morozov D. A. Superlativ v sovremennom cheshskom pis'mennom diskurse: opyt korpusnogo analiza // Slavyanskii al'manakh. 2025. № 1-2. [V pechati].
4. Morozov D.A. Opyt korpusnogo analiza komparativov v sovremennom cheshskom pis'mennom diskurse // Litera. 2025. № 7. S. 66-76. DOI: 10.25136/2409-

8698.2025.7.75167 EDN: ATSHHJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75167

5. Mathesius V. Čeština a obecný jazykozpyt: soubor statí. V Praze: Melantrich, 1947.
6. Rylov S. A. Problema tipologii sovremennykh slavyanskikh yazykov: sotsial'no-funktsional'nyi aspekt // Lingvisticheskie traditsii i sovremennost': sbornik statei, posvyashchennyi 90-letiyu prof. V. N. Nemchenko / Otv. red. L. V. Ratsiburskaya. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2018. S. 113-120. EDN: XZXCDZ.
7. Rylov S. A. Lingvisticheskaya tipologiya sovremennykh slavyanskikh yazykov: uchebno-metodicheskoe posobie. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet, 2021. 58 s.
8. Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. P. 207-211. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14317>. EDN: TWVZDJ.
9. Chang W., Cathcart C., Hall D., Garrett A. Ancestry-constrained phylogenetic analysis supports the Indo-European steppe hypothesis // Language. 2015. Vol. 91, № 1. P. 194-244. URL: <https://dx.doi.org/10.1353/lan.2015.0005>. EDN: UPECSZ.
10. Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.
11. Barnet VI. K problému ekvivalentnosti pri lingvisticheskom sravnenii (v perevode A. G. Shirokovoi) // Sopostavitel'noe izuchenie grammatiki i leksiki russkogo yazyka s cheshskim yazykom i drugimi slavyanskimi yazykami / Pod red. A. G. Shirokovoi i VI. Grab'e. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1983. S. 9-29.
12. Shirokova A. G. Metody, printsipy i usloviya sopostavitel'nogo izucheniya grammaticheskogo stroya geneticheski rodstvennykh slavyanskikh yazykov // Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov / Pod red. A. G. Shirokovoi. M.: Izd-vo MGU, 1998. S. 10-99.
13. Co nejvíce, co možná nejvíce; čím více, tím lépe; dost na tom // Naše řec. 1919. № 3. I. 6. S. 161-166. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=564>.
14. Co nejvíce // Naše řec. 1924. № 8. I. 2. S. 61. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=1073>.
15. Hanusová Z. K překladu ruského elativu do češtiny // Ruský jazyk. 1970/71. T. 21. S. 249-251.
16. Brandner A. Postupy při vyjádření vysoké míry vlastnosti u ruských Adjektiv a jejich české protějšky // Linguistica Brunensia. 2011. T. 59, № 1-2. S. 149-161.

On the Genre Specificity of the Graphic Novel

Alekseev Anton Vladimirovich

Postgraduate student; Institute of Philology and History; Russian State University for the Humanities

121108, Russia, Moscow, Fili-Davydkovo district, 35 Kastanaevskaya str., room 1, sq. 34

✉ hazett@mail.ru

Abstract. The article explores the genre nature of the graphic novel as a unique narrative form that emerged at the intersection of literary and comic traditions, occupying a special place in the contemporary literary process. The object of study is the graphic novel as a graphic-literary genre, combining the structural complexity and thematic depth of the novel with the grammatical tools of comics. The subject of the article is the genre specificity of the graphic novel in terms of its compliance with the criteria of the novel genre accepted in

modern literary studies (primarily in the works of M.M. Bakhtin and N.D. Tamarchenko). The aim of the work is to identify and systematize the genre characteristics of the graphic novel, as well as to critically reassess its initial genre labeling based on the materials of the graphic novels "A Contract with God" by W. Eisner, "Maus" by A. Spiegelman, "Watchmen" by A. Moore and D. Gibbons, and "Batman: The Dark Knight Returns" by F. Miller. The methodological foundation includes the works of M.M. Bakhtin and N.D. Tamarchenko dedicated to the genre characteristics of the novel, as well as the works of V.I. Tyupa on genre categories and narrative strategy. The scientific novelty of this research lies in the poetological analysis of the genre nature of graphic novels, which not only established this genre definition for a broad audience but also took on the role of a standard for the further development of genre identity in the field of visual narratives. The results of the study show that the graphic novel is formed at the intersection of a wordless novel and comics: from the former, it borrows the depth of thematic issues, focus on historical experience, and individual fate; from the latter, the grammar of visual storytelling, compositional techniques, and the dialogue between word and image. The poetics of the novel manifest in the verbal-visual synthesis through motif organization, graphical transformation, and the counterpoint of inserted texts. The chronotope of the unfinished present is expressed through the comparison of graphic styles, the dialogicity of spatial-temporal plans, and the openness of the ending, while the zone of contact is conveyed through the artistic organization of autobiographical material and the limitations of superhero discourse. The genre synthetic nature of the graphic novels discussed demonstrates the realization of novelistic nature in a hybrid sign system.

Keywords: poetics of the hybrid text, comics, wordless novel, novel genre, novel, verbal-visual transformation, genre identity, genre, graphic novel, genre synthesis

References (transliterated)

1. Aisner U. Komiks i posledovatel'noe iskusstvo / Aisner Uill; per. s angl. M. Zaslavskogo. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2022. 192 s.
2. Sabin R. Comics, comix and graphic novels: the history of comic art. London: Phaidon Press Limited, 1996. 240 p.
3. Hatfield Ch. Alternative Comics: An Emerging Literature. University Press of Mississippi, 2005. 182 p.
4. MakKlaud S. Ponimanie komiksa. M.: Beloe yabloko, 2012. 216 s.
5. Chute H. Why Comics? From Underground to Everywhere. Harper, 2017. 449 p.
6. Potashova A. V., Oshukov M. Yu. Komiks: dinamika vzaimodeistviya verbal'nogo i vizual'nogo v stanovlenii mediuma // Filologicheskie issledovaniya. 2021. № 13. DOI: 10.15393/j100.art.2021.3822. URL: <http://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3822>.
7. Merkulova M. G., Prudius I. G. Zhanr graficheskogo romana: k postanovke problemy (na materiale sovremennykh franko- i angloyazychnykh tekstov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Vol. 16, № 10. S. 3379-3385. DOI: 10.30853/phil20230522. EDN: RRBYYT.
8. Markelova A. A. Graficheskii roman kak fenomen sovremennoi slovesnosti. Avtoref. mag. rab. SGU im. N.G. Chernyshevskogo, 2022. 10 s.
9. Barzakh A. E. O poetike komiksa // Russkii komiks: sb. st. M.: NLO, 2010. S. 9-52.
10. Sem'yan T. F., Smyshlyaev E. A. Graficheskie adaptatsii proizvedenii russkoi literatury // Filologicheskii klass. 2024. T. 29, № 3. S. 162-173. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-162-173. EDN: NIGWBL.

11. Shubitidze V. Z., Alimuradov O. A. Graficheskii roman: vekhi evolyutsii zhanra v angloyazychnoi i russkoyazychnoi lingvokul'turakh. Cherty kreolizatsii v tekstovom prostranstve graficheskogo romana kak perevodcheski znachimaya osobennost' // Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. 2020. № 09 (65). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/graficheskij-roman-vekhi-evolyutsii-zhanra-v-angloyazychnoj-i-russkoyazychnoj-lingvokulturakh-cherty-kreolizatsii-v-tekstovom-prostranstve-graficheskogo-romana-kak-perevodcheski-znachimaya-osobennost.html>.
12. Pavlovskii A. Nuzhna li komiksu teoriya literatury (rets. na kn.: Geszy A., McBurnie J., Litcomix: Literary Theory and the Graphic Novel, 2023) // NLO. 2023. S. 336-345.
13. Kyle R. (1964, November). The Future. Wonderworld (1st series), Capa-Alpha, issue 2. pp. 3-4.
14. Pearson R. E., Uricchio W. The Many Lives of the Batman: Critical Approaches to a Superhero and his Media / ed. Roberta E. Pearson & William Uricchio. New York; London: Routledge/BFI Publishing, 1991. 213 p.
15. Yudin L. A. Dramaturgicheskii potentsial graficheskogo romana: poetika sinkretizma // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 1. S. 186-190.
16. Bakhtin M. M. K voprosam teorii romana // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 557-607.
17. Tamarchenko N. D. Russkii klassicheskii roman XIX v.: problemy poetiki i tipologii zhanra. M.: Izdatel'stvo RGGU, 1997. 203 s. EDN: SRGZZN.
18. Kozhinov V. V. Proiskhozhdenie romana. Teoretiko-istoricheskii ocherk. M.: Sovetskii pisatel', 1963. 440 s.
19. Bakhtin M. M. Roman, kak literaturnyi zhanr // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 608-654.
20. Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: V 2 t. / Pod red. N. D. Tamarchenko. – T. 1: N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2004. 512 s.
21. Bakhtin M. M. Slovo v romane (k voprosam stilistiki romana) // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 554-607.
22. Tyupa V. I. Zhanrovaya priroda narrativnykh strategii // Filologicheskii klass. 2018. № 2 (52).
23. Aisner U. Kontrakt s Bogom i drugie istorii dokhodnogo doma. M.: MIF, 2018. 216 s.
24. Berona D. A. Wordless Novels in Woodcuts. Print Quarterly. 2003. Vol. 20, № 1. 13 p.
25. Dedyukhina P. V. Mezhdistsiplinarnyi podkhod v issledovanii romana bez slov pervoi poloviny KhKh veka // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. 2022. № 12. S. 715-724. DOI: 10.18688/aa2212-08-57. EDN: HHXEEI.
26. Fetisova T. A. Komiks – porozhdenie amerikanskoi massovoi kul'tury. Analiticheskii obzor // Vestnik kul'turologii. 2019. № 3 (90). S. 174-192. DOI: 10.31249/hoc/2019.03.07. EDN: XFDMKG.
27. Wright B. W. Comic Book Nation: The Transformation of Youth Culture in America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 360 p.
28. Coogan P. Superhero: The Secret Origin of a Genre. Austin: MonkeyBrain Books, 2006. 290 p.

29. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoi skazki. Nauchnaya redaktsiya, tekstologicheskii kommentarii I. V. Peshkova. M.: Labirint, 2001. 192 s.
30. Sychev I. Yu. Geroi komiksa i geroi komiks-kul'tury // Chelyabinskii gumanitarii. 2011. № 4 (17). S. 99-103. EDN: OWIRWB.
31. Kristeva Yu. Razrushenie poetiki // Kristeva Yu. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki / per. s frants. M.: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2004. 656 s.
32. Shpigel'man A. Maus. M.: AST, 2023. 296 s.
33. Mur A., Gibbons D. Khraniteli [graficheskii roman] / Alan Mur, Deiv Gibbons; per. s angl. M. Yunger; pod red. S. Berezhnogo. SPb.: Amfora, 2009. 415 s.
34. Auh R. The Polyphonic Poetics of Watchmen by Alan Moore and Dave Gibbons and Its Ontological Implications. North Carolina: Duke University, 2017. 10 p.
35. Miller F. Betmen: Vozvrashchenie Temnogo rytsarya. M.: Azbuka, 2022. 264 s.
36. Tamarchenko N. D. Teoriya literaturnykh zhanrov. Izd. 2-e. M.: Akademiya, 2012. 256 s.
37. Teampău G. Comics Book as Modern Mythology // Media Mythologies. Revisiting Myths in Contemporary Media / coord. Andrada Fătu-Tutoveanu & Corin Braga. Cluj-Napoca: Orma Sodalitas Anthropologica, 2015. Vol. 28. 14 p.

Colonial Vietnam through the Eyes of Europeans in the novel by Vietnamese writer Nguyen Suan Khanh «Mother – Mistress of Mountains and Forests»

Muralova Ekaterina Olegovna

Postgraduate student; Institute of Asian and African Studies; Lomonosov Moscow State University

11 Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russia

✉ murket96@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the historical novel by Vietnamese writer Nguyen Suan Khanh (1933–2021) "Mother – Mistress of the Mountains and Forests," published in 2005, which describes the sociocultural context of a Vietnamese village at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. One of the key issues of the work is the interaction between France and Vietnam during the period of French colonial conquest. "Mother – Mistress of the Mountains and Forests" occupies a significant place in contemporary Vietnamese literature as a novel that reflects on historical trauma and cultural continuity through the lens of folkloric archetypes, mythological consciousness, and popular beliefs. The work reflects the crisis of traditional religious and philosophical doctrines—Buddhism and Confucianism—against the backdrop of colonial expansion. An important theme of the novel is the perception of colonial Vietnam through the eyes of Europeans. The methodological basis of the research includes a comparative analysis and a cultural-historical approach, which allow for the identification of the peculiarities of the depiction of colonial Vietnam from the European perspective. Two types of European characters have been identified. The first type is characterized by Eurocentric, colonial thinking and a desire to "civilize" the local population. The second type demonstrates respect for Vietnamese culture and seeks dialogue. Their opposition, evaluative judgments, authorial remarks, and narrative decisions have made it possible to reconstruct the author's position regarding the relationship between Vietnam and its former metropolis, as well as the colonial past of the country from the perspective of contemporary Vietnamese identity. The novelty of the work lies in the postcolonial reading of the novel, which goes beyond the binary model of "metropolis – colony." The work itself has

not been translated into other languages and is being introduced into scientific discourse for the first time in domestic literary studies. The conclusions drawn may be useful in the field of comparative literature and the study of postcolonial processes in Southeast Asian literature.

Keywords: Vietnam and France, the other, postcolonial discourse, orientalism, French colonial conquest, Vietnamese identity, East and West, historical novel, contemporary Vietnamese literature, Nguyen Xuan Khanh

References (transliterated)

1. Lại Nguyên An. Mấy nét về đường văn Nguyễn Xuân Khánh. // Đoàn Ánh Dương biên soạn. Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. Hà Nội: nxb. Phụ nữ Việt Nam. 2021. Tr. 48-64. [Lai Nguen An. Nekotorye osobennosti tvorcheskogo puti Nguen Suan Kkhanya. // Doan An' Zyong (red.). Nguen Suan Kkhan': odna ulybka, odno delo prozaika. Khanoi: Funy V'etnam, 2021. S. 48-64]. (na v'et. yaz.)
2. Filimonova T. N. Tragediya reformatora v romane Nguen Suan Kkhanya "Kho Kui Li". // V'etnamskie issledovaniya. 2012. Vyp. 2. M.: IDV RAN. S. 370-387. EDN: TPOHUJ
3. Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2000. 834 tr. [Nguen Suan Kkhan'. Kho Kui Li. Khanoi: Funy, 2000. 834 s.]. (na v'et. yaz.)
4. Phung Phuong Nga, Doan Duc Hai. Religion and culture mixture in "Mau Thuong Ngan" novel of Nguyen Xuan Khanh. // Tạp Chí Khoa học và Công nghệ Đại học Đà Nẵng [Zhurnal nauki i tekhnologii Danangskogo Universiteta], vol 6, № 79.2, 2014. P. 62-65. (na angl. yaz.)
5. Nguyễn Xuân Khánh. Mẫu Thượng Ngàn. In lần thứ 8. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2018. 756 tr. [Nguen Suan Kkhan'. Matushka – khozyaika gor i lesov. 8 pereizd. Khanoi: funy, 2018. 756 s.]. (na v'et. yaz.)
6. Nguyễn Văn Hùng. Giải mã cội nguồn bản sắc văn hóa Việt qua tín ngưỡng thờ Mẫu trong tiểu thuyết Mẫu Thượng Ngàn của Nguyễn Xuân Khánh. // Tạp Chí Khoa học Đại học Huế: khoa học xã hội và nhân văn [Nguen Van Khung. Rasshifrovka proiskhozhdeniya v'etnamskoi kul'turnoi identichnosti cherez poklonenie Bogine-Materi v romane «Matushka – khozyaika gor i lesov» Nguen Suan Kkhanya. // Vestnik Universiteta Khyue: sotsial'nye i gumanitarnye nauki], vol. 82. № 4, 2013. P. 62-70. (na v'et. yaz.)
7. Phạm Văn Dự. Tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" và "Đội gạo lên chùa" của Nguyễn Xuân Khánh từ góc nhìn lý thuyết cổ mẫu. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Fam Van Zy. Romany «Matushka – khozyaika gor i lesov» i «Istoriya odnogo poslushnika» Nguen Suan Kkhanya s točki zreniya arkhetipov. Diss. mag. Pedagogicheskii universitet]. Thái Nguyên. 2018. (na v'et. yaz.)
8. Trương Thị Hòa. Văn hóa tâm linh người Việt trong tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" của Nguyễn Xuân Khánh. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Chyong Tkhi Khoa. Dukhovnaya kul'tura V'etnama v romane Nguen Suan Kkhanya «Matushka – khozyaika gor i lesov». Diss. mag. Pedagogicheskii universitet]. Thái Nguyên, 2013. (na v'et. yaz.)
9. Nguyễn Thị Huệ. Tiểu thuyết Nguyễn Xuân Khánh từ hướng tiếp cận văn hóa học (qua "Mẫu Thượng Ngàn" và "Đội gạo lên chùa"). Luận văn thạc sĩ. Đại học quốc gia Hà Nội. [Nguen Tkhi Khyue. Romany Nguen Suan Kkhanya s kul'turologicheskoi točki zreniya (na primere romanov «Matushka – khozyaika gor i lesov» i «Istoriya odnogo poslushnika»). Diss. mag. Khanoiskii gosudarstvennyi universitet]. Hà Nội, 2013. (na v'et. yaz.)

10. Phan Mạnh Hùng. History as a way of constructing the notion of nation: a case study of historical novels published in southern Vietnam in the early twentieth century. // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío, 2022. 34(2). P. 396-408.
11. Ran Tai. Pursuing Văn Minh: A Study of Civilizational Discourse in the Historical Narratives in Colonial Vietnam (1900–1915). // Vietnam over the long twentieth century. Springer, 2024. P. 13-36.
12. Heise, U. K., Pham, C. P. Environment and Narrative in Vietnam (Literatures, Cultures, and the Environment). Palgrave Macmillan, 2024. 367 p.
13. Ngo T. Kh., Bui Kh. T. Franko-v'etnamskaya kul'tura obrazovaniya v Kokhinkhine (1862–1945). // V'etnamskie issledovaniya. 2024. T. 8. № 2. S. 67-78. DOI: 10.54631/VS.2024.82-562779 EDN: CPHWQX
14. Said E. W. Culture and Imperialism. New York: Alfred A. Knopf, 1993. 380 p.
15. Said E. W. Orientalism. London: Penguin Books, 2003. 396 p.

The competition of journalistic skills "Siberia.ABOUT": seventeen years of the history of the Siberian media

Belenko Viktoriya Evgen'evna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Mass Communications; Novosibirsk State University

630090, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, office 1225

✉ Viktoria_belenko@mail.ru

Abstract. Despite the relatively little attention paid in the Russian scientific literature to competitions of professional skills of journalists, we consider it possible to assert that referring to this kind of material can be of great value, since it reflects examples of high-quality journalistic work.

"Siberia.PRO" was first held in 2006, so it represents an almost twenty-year chronicle of regional domestic journalism. "Siberia.PRO" is supported by the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Siberian Federal District. From 2006 to 2023 inclusive, more than 670 media outlets and over 4,000 journalists participated in the project. The purpose of this interregional competition is to promote the positive experience of cooperation between authorities, business and the media within the framework of socio-economic development programs implemented in the Siberian Federal District. That is, the theme of the contest's nominations corresponds to the main directions of the country's development and often correlates with the President's message to the Federal Assembly. This scientific study presents the fixation and analysis of the Siberian media that won the interregional competition of journalistic excellence "Siberia.ABOUT" from 2006 to 2023. The article reflects the transformation of the nominations "Siberia.ABOUT" as a reflection of the changing state tasks assigned to regional media, it allowed us to see the topics that are perceived as the most deserving of awards.

The work done made it possible to identify the media of ten regions of the Siberian Federal District, which became winners in different years "Siberia.ABOUT". And since the significant transformation of the Russian media system caused by the events of 2022 raises the question of fixing the state of regional media both at a turning point and in historical retrospect of the last two decades, such "mapping" allows us to identify examples of media that best coped with covering topics important to the state. The content of these media can be further analyzed in journalism classes at universities or become an empirical basis for analysis in the

framework of scientific work to identify the features of the regional media discourse.

Keywords: mass media, journalism, interregional competition, high-quality journalism, the winners of the competition, regional media, Siberia.PRO, Siberian media, competition of journalistic skills, MEDIA

References (transliterated)

1. Semilet T. A. i dr. Konkursy tvorcheskogo masterstva v razvitii professional'nykh kompetentsii studentov-zhurnalistov // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2015. № 2. S. 128–131.
2. Korolev E. A. Ne vse to zoloto, chto blestit: o professional'nykh zhurnalisticheskikh konkursakh dlya studentov // Vek informatsii. 2018. № 3. S. 86–89.
3. Tulupov V. O mediafestival'yakh i konkursakh zhurnalistov, reklamistov i piarmenov // Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii. 2018. № 3–4. S. 2–5.
4. Smeyukha V.V. Konkursy yunykh zhurnalistov: funktsional'nye i tipologicheskie kharakteristiki // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2016. T. 158. № 4. S. 1064–1076.
5. Vologina E. V. Analiticheskii obzor aktual'nykh trendov v oblasti premirovaniya po zhurnalistike / Nasledie V.I. Likhonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskii konferentsii. Kubanskii gosudarstvennyi universitet, fakul'tet zhurnalistiki. 2018. S. 240–244.
6. Kirillova N. B. Festival' audiovizual'nykh iskusstv kak indikator razvitiya regional'noi mediakul'tury // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013. № 25. S. 72–82.
7. Khalina E. Uchastie regional'nykh telezhurnalistov v konkursakh professional'nogo masterstva / Televidenie Sibiri: monografiya / Pod red. A.E. Yaroslavtsevoi. Tomsk; TGU, 2010. S. 147–152.
8. Kurilenko N. «Zhelayu, chtoby konkurs i vpred' sootvetstvoval svoemu neofitsial'nomu nazvaniyu «Sibirskii Oskar dlya zhurnalistov» / Ofitsial'nyi sait konkursa Sibir' Pro. 2019. URL: <https://sibirpro.ru/interview/nikita-kurilenko-direktor-id-sibirs/> (data obrashcheniya 25.05.2024)
9. Sevost'yanov A. «Po lente konkursnykh rabot mozno smelo pisat' noveishuyu istoriyu Sibiri» / Ofitsial'nyi sait konkursa Sibir' Pro. 2019. URL: <https://sibirpro.ru/interview/aleksey-sevostyanov-nachalnik-depar/> (data obrashcheniya 25.05.2024)
10. Ofitsial'nyi sait konkursa «Sibir'.PRO», 2024. URL: <https://sibirpro.ru/o-konkurse/> (data obrashcheniya 6.06.2024)
11. Mishankina N.A., Zhilyakova N.V., Vershinin V.A., Ershova V.E. «Tomskaya mediinaya anomal'iya»: metodologicheskaya model' issledovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2023. № 85. S. 269–286.
12. Zhilyakova N.V. Tomskaya mediinaya anomal'iya: proiskhozhdenie i sodержanie termina (2000–2010 gg.) // Zhurnalistyka – 2023: stan, prablemy i perspektyvy : mater'yyaly 25-i Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 22 listap. 2023 g. / Belarus. dzyarzh. un-t ; redkal.: A. V. Byalyaey (gal. red.) [i insh.]. Minsk : BDU, 2023. S. 133–136.
13. Zhilyakova N.V., Mishankina N.A., Ershova V.E. Tomskii gosudarstvennyi universitet transformatsii regional'noi mediasistemy s 1990-kh do 2020-kh godov (na primere

Tomska i Tomskoi oblasti) / Kommunikatsiya v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii issledovatelei i prepodavatelei zhurnalistiki, reklamy i svyazei s obshchestvennost'yu 2021 maya 2022 g. S. 117–119.

Media of SEMAS countries: challenges and solutions in the context of the contemporary media landscape of the African continent.

Malakhovskii Aleksei Kimovich

PhD in History

Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10 bldg. 2, Faculty of Philology

✉ malakhovskiy_ak@pfur.ru

Malahovskii Ivan Alekseevich

Independent researcher

Mklukho-Maklaya str., 10 k. 2, office 647, Moscow, 117198, Russia

✉ malakhovskiy2468@gmail.com

Allamine Moustafa

independent researcher

Mklukho-Maklaya str., 10, room 2, office 647, Moscow, 117198, Russia

✉ 1032189012@pfur.ru

Abstract. This study is dedicated to the analysis of the current state and issues facing the media of the member states of the Central African regional organization CEMAC. The aim of the research is to analyze the current situation in the media space of the CEMAC member states, which is an integral part of the African media landscape. The object of the study is African media (south of the Sahara), and the subject of the study is the media of the CEMAC member states. The authors intend to examine the media in Cameroon, Gabon, Equatorial Guinea, Chad, the Central African Republic, and the Republic of Congo, identifying their similarities and differences in the regional and African context. The authors also consider the tasks facing CEMAC structures for improving the media in the region and propose practical steps for developing CEMAC's information policy, new initiatives in international cooperation that meet the demands of the modern multipolar world. The methodology of this study includes methods of scientific generalization, scientific observation, critical analysis of media texts, and statistical data analysis. The works of Russian, African, and Western authors dedicated to the problems of media on the African continent and the Central African region, as well as accessible media texts from the region, government documents from the countries in the region, documents from international organizations, and statistical data bases were examined. The scientific novelty of the research is due to the lack of specific works in Russian scientific literature dedicated to the media of CEMAC countries. The authors established that the Central African organization CEMAC is currently focused on regional economic integration; however, achieving success in this area requires more attention to coordinating efforts to develop the regional media environment. The uneven development of traditional media, varying levels of development in digital media, the hegemony of leading Western media

giants in the media environment of the region's countries, information sovereignty, and information security are the problems of the modern era that CEMAC member states must overcome. The authors recommend that the CEMAC regional organization develop a more articulated policy in the field of media in the region, which necessitates the establishment of a special coordinating body within the organization's leadership structures to develop a unified strategy for addressing tasks aimed at improving the regional media environment. Cooperation with Russia within the framework of the "Russia-Africa" summits and closer ties with BRICS countries could facilitate the creation of platforms for addressing media challenges facing CEMAC member states.

Keywords: information security, internet penetration, CEMAC integration projects, CEMAC information space, Francophonie, disproportionate information flows, information sovereignty, information imperialism, media of CEMAC states, international cooperation

References (transliterated)

1. Abramova I. O. (red.). Afrika: neoplachennyi dolg kolonizatorov. M.: Institut Afriki RAN, 2023. 122 s.
2. Usacheva V. V. Afrikanskije strany v poiskakh informatsionnogo suvereniteta: proshloe i nastoyashchee // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2024. № 3 (68). S. 44-63. URL: <https://doi.org/32053352/2632/5939/2226/88/5/66/85>. EDN: CTYFPR
3. Zorina E. G. Informatsionnyi suverenitet sovremennogo gosudarstva i osnovnye instrumenty ego obespecheniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. 2017. T. 17, № 3. S. 565-568. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348. EDN: ZTNGMT
4. Nkrumah K. Neocolonialism, the Last Stage of Imperialism. Transcribed by Dominic Tweedie for marxists.org. Converted to epub for marxists.org by Janet Blackquill, 2023. 204 p. URL: <https://www.marxists.org/ebooks/nkrumah/nkrumah-neocolonialism.pdf>
5. Pantsev K. A. Informatsionno-kommunikatsionnaya industriya v stranakh Tropicheskoi Afriki: istoriya i sovremennosti (na primere stanovleniya instituta zhurnalistiki) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2010. № 4. S. 250-259. EDN: NDLZST
6. Pantsev K. A. Informatsionnyi neokolonializm kak forma neokolonializma v Afrike: proshloe, nastoyashchee, budushchee // Tezisy dokladov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii. Gavristova, T. M. & Khokhol'kova, N. E. (red.). Yaroslavl', 2020. S. 90-92.
7. Pantsev K. A. Strany Tropicheskoi Afriki na puti v global'noe informatsionnoe obshchestvo: problemy i perspektivy. SPb.: Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenii SPbGU, 2010. 254 s. EDN: ZTXYZ
8. MacBride S. Many voices, one world: towards a new, more just, and more efficient world information and communication order. International Commission for the Study of Communication Problems; MacBride, Sean; UNESCO, 1980. ISBN 978-121-110-5. 312 p.
9. Snapkovskii V., Fedotov L. O nekotorykh podkhodakh k issledovaniyu mezhdunarodnogo poriyadka v oblasti informatsii i kommunikatsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67, № 2. S. 67-77. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-67-77>. EDN: MCLIWR
10. Zemlyanova L. M. Zhurnalistika i kommunikativistika. Kontseptualizatsiya mediinykh protsessov v sovremennoi zarubezhnoi nauke. M.: MediaMir, 2012. 188 s.
11. Omowale A., Azeez M., Opaleke G., Oyindamola, Amusan G. Global News Flow: Revisiting The New World Communication Order // African Journal of Social &

Behavioural Sciences. 2024. Vol. 14, No. 2. Pp. 579-590.

12. Kohnert D. Francophonie en Afrique subsaharienne: dépendance postcoloniale ou autodétermination? // Researchgate. December 2022. License CC BY-NC-SA 4.0. R. 4. URL:
https://www.researchgate.net/publication/366185457_Francophonie_en_Afrique_subsa_harienne_dependance_postcoloniale_ou_autodetermination.
13. Jenboubi S. Pamorama de la presse centrafricaine: Entre pauvreté et politique d'influence // Notes de l'Ifri. Octobre 2019. URL:
https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/jendoubi_presse_centrafrique_2019.pdf.
14. Shilina M. G., Baz'e I., Dzhamiu M. M., Volkova I. I., Moreva A. N. Media Afriki v novoi real'nosti: ot mediatsii k mediatizatsii v kontekste afrikologii // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2024. T. 29. № 2. S. 201-212. URL: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212>. EDN: UOEYLF
15. Ulanova N. S. Aktual'nye napravleniya sotrudnichestva Rossii i stran Afriki v oblasti tsifrovoy i informatsionnoy bezopasnosti // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2022. № 6 (83). S. 48-59. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-48-59. EDN: AGDKNL

Formation of National Image in the Coverage of Chinese-Russian Economic Relations: The Case of People's Daily

Li Mingyang

PhD student; Department of Theory and History of Journalism; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ lm7896150@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the formation and transformation of China's national image in both English-language and Chinese media, based on the coverage of Sino-Russian economic and foreign policy relations in outlets such as People's Daily, The New York Times, and Financial Times. The object of analysis includes discursive strategies, linguistic and stylistic features, and ideological emphases used in media texts reflecting the dynamics of bilateral cooperation, geopolitical alliances, and global challenges. The author closely examines how China's media representation aligns with the concept of "soft power," mechanisms of legitimizing foreign policy, and the strategic goals of public diplomacy. Special attention is given to the contrast between the positive, proactive narrative of People's Daily, which portrays China as a reliable partner and architect of a just world order, and the critical, constrained tone of English-language media, which tend to emphasize risks, ambiguity, and strategic contradictions. The methodology combines elements of media linguistics, critical discourse analysis, and a cognitive-pragmatic approach to political and informational texts. The scientific novelty lies in the comparative analysis of China's image construction within oppositional media ecosystems Chinese and Western amid global geopolitical turbulence. For the first time, the author undertakes a comparative examination of media discourse through specific case studies related to the Sino-Russian strategic partnership, using both domestic and international sources. The study finds that People's Daily employs rhetoric of positive integration and the "shared future for mankind," while The New York Times and Financial Times apply distancing strategies and implicit critique, highlighting the limitations and risks of the partnership. The conclusions contribute to the fields of media linguistics, political image

studies, and transnational communication, demonstrating the pivotal role of linguistic mechanisms in shaping public opinion and a nation's international reputation.

Keywords: Linguistic analysis, Public diplomacy, Political communication, Framing strategies, People's Daily, Economic cooperation, China-Russia relations, Media discourse, National image, International media

References (transliterated)

1. Chunikhina T. N., Kruglik N. V. Formirovanie mediinogo obraza strany v SMI // *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. – 2024. – № 4. – S. 83-88. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.036
2. Gorbushina O. P. Mezhdistsiplinarnaya model' imidzha stran // *Aziatsko-Tikhoookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*. – 2023. – T. 25, № 4. – S. 65-73. DOI: 10.24866/1813-3274/2023-4/65-73
3. Tsai Ts., Khan' Ch., Chen' P., Grabel'nikov A.A. Formirovanie natsional'nogo imidzha i praktika perevoda kitaiskogo politicheskogo diskursa v kontekste tsifrovoy epokhi - na primere kitaiskikh diplomaticheskikh kommyunike // *Litera*. 2024. № 6. S. 227-243. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70791 EDN: DKZHEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70791
4. Sun' I. Obraz Kitaya v rossiiskikh SMI (na osnove statei, opublikovannykh v "Izvestiyakh", "Kommersante" i "Rossiiskoi gazete" v 2024 g.) // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova*. – 2025. – T. 22, № 2. – S. 188-203. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203
5. Syao Yu. Sovremennaya mezhkul'turnaya kommunikatsiya i natsional'nyi imidzh Kitaya: issledovanie videoplatformy YouTube // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. – 2022. – T. 11, № 1. – S. 190-202. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).190-202
6. Murav'ev A. V. Kognitivnye osobennosti formirovaniya imidzha Rossii v internet-SMI Kitaya // *Filologicheskoe obrazovanie i sovremennyi mir: sb. nauch. tr.* – 2022. – S. 53-57.
7. Gureeva A. N., Kireeva P. A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoi komunikatsii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. – 2022. – № 6. – S. 28-56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856
8. Murtazin R. A. Osobennosti politicheskogo imidzha Rossii v massmediinom prostranstve sovremennosti // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. – 2025. – № 1. – S. 22-31. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-1-22-31
9. Takazov V. D., Zagoskina K. S. SMI kak instrument prodvizheniya politiki "myagkoi sily" // *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*. – 2022. – № 3. – S. 148-151.
10. Chanysheva Z. Z. Meganarrativ kak instrument strukturirovaniya mediinoi informatsii // *Medialingvistika*. – 2021. – T. 8, № 3. – S. 206-218. DOI: 10.21638/spbu22.2021.301
11. People's Daily: "One Belt, One Road" leading to future common prosperity [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://politics.people.com.cn/big5/n1/2016/1227/c1001-28979088.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).
12. People's Daily: Chinese-Russian energy cooperation is gaining momentum [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0804/c1002-29448563.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).
13. People's Daily: Innovative concepts and practical cases for the 10th anniversary of the

- initiative "Green Belt and Road" [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-01/17/nw.D110000renmrb_20240117_1-17.htm (data obrashcheniya: 02.05.2025).
14. People's Daily: Leading relations between China and Russia are steadily moving in the right direction [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-01/31/nw.D110000renmrb_20240131_2-03.htm (data obrashcheniya: 02.05.2025).
 15. Artem'eva P. P. Kognitivnaya teoriya pragmatiki T. A. van Deika v rakurse issledovaniya polikodovykh tekstov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2023. – № 4 (101). – S. 319-321. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-319-321
 16. Chang Y., Wang X., Wang J. et al. A survey on evaluation of large language models // ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – P. 1-45. DOI: 10.1145/3641289
 17. People's Daily: Xi Jinping takes part in the video conference of the World Economic Forum 2022 and makes a speech [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://politics.people.com.cn/n1/2022/0118/c1024-32333532.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).
 18. Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i RKI: traditsii i innovatsii : Sbornik nauchnykh trudov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi onlain-konferentsii, posvyashchennoi Godu pedagoga i nastavnika v Rossii i Godu russkogo yazyka v stranakh SNG, Kursk, 11 aprelya 2023 goda. – Kursk: Kurskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2023. – 521 s.
 19. People's Daily: Sino-Russian cooperation "North-East-Far East" demonstrates activity [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://hlj.people.com.cn/n2/2021/0108/c399530-34517256.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).
 20. China and Russia deepen ties as the world shifts // The New York Times. – 2023. – 20 marta. – Rezhim dostupa: <https://www.nytimes.com/2023/03/20/world/asia/china-russia-ties.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).
 21. China's partnership with Russia needs to have limits // Financial Times. – 2023. – Rezhim dostupa: <https://www.ft.com/content/9ca965a9-2eb2-424b-a836-0224a4c14535> (data obrashcheniya: 02.05.2025).

New Year's Table in Russian and Chinese Linguocultures

Wang Tianyou

PhD in Philology

Postgraduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

148 Leninsky Ave., Moscow, 119571, Russia

✉ 291028743@qq.COM

Abstract. The subject of the research is the New Year's table as a significant component of the linguistic and cultural space in Russian and Chinese traditions. The object of the study includes linguistic means, symbolism of festive dishes, phraseological constructions, and communicative practices that reflect national concepts of happiness, abundance, and family values. The author examines in detail aspects of the topic such as the semantics and etymology of dish names, the role of metaphors, homonymy, and sound associations in shaping the festive worldview, as well as behavioral and ritual characteristics related to the

holiday meal. Special attention is given to stable expressions, toasts, and wishes entrenched in the language and culture of both countries. The study considers both modern lexical and semantic manifestations and historical and cultural prerequisites of the symbolism of the New Year's feast, which allows for the identification of universal and specific features of Russian and Chinese linguistic cultures. The research materials included data from Russian ethnolinguistic dictionaries, Chinese philosophical treatises ("Li Ji"), media texts, as well as culinary and phraseological sources from both cultures. The methodological foundation consists of contrastive linguistic and cultural analysis as well as lexical-semantic and phraseological approaches. The novelty of the research lies in the comprehensive comparison of lexical-semantic, cultural, and communicative aspects of the New Year's feast in Russian and Chinese linguistic cultures. For the first time, the festive gastronomic tradition is considered not only as an ethnographic or sociocultural phenomenon but also as a structural element of the linguistic worldview that reflects the profound values of the people through food symbols, stable expressions, and the semantics of dish names. A special contribution of the author to the research of the topic is the identification of universal (the idea of abundance, family unity, cyclical time) and unique (phonetic symbolism, taboos, structure of the meal) meanings inherent to each culture. The main conclusions of the conducted research are the propositions that the New Year's table in both traditions serves not only a utilitarian but also a sacred function; it acts as a tool for transmitting cultural memory and national values. The lexical-semantic and phraseological analysis demonstrates that the names of dishes and festive expressions have pragmatic and axiological functions, contributing to the preservation of linguistic and cultural heritage. Thus, the New Year's table serves as an important linguistic and cultural marker that shapes ideas about well-being, success, and familial harmony.

Keywords: cross-cultural comparison, festive tradition, cultural codes, lexical-semantic analysis, phraseology, Chinese culture, Russian culture, symbolism, New Year's table, linguoculture

References (transliterated)

1. Lisyan P. Kommunikativnoe povedenie russkikh: novogodnie traditsii v reprezentatsii kitaiskim studentam // Innovatsionnaya nauka. – 2021. – № 1. – S. 118-120. EDN: ZSTBNB
2. Isaeva L. A., Zhilenko N. V. Kontsept "novyi god" v russkoi yazykovoi kartine mira: bazovye kharakteristiki // Vestnik Bishkekского gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – № 1 (63). – S. 70-76. DOI: 10.35254/bhu/2023.63.12 EDN: ZQIJQW
3. Zelenaya V. O. Nominatsii blyud v leksikograficheskom aspekte (na materiale proizvedenii V. P. Astaf'eva): dis. – Sibirskii federal'nyi universitet, 2023. – 74 s.
4. Mikitenko N. Yu. i dr. Struktura i semantika naimenovaniy blyud v lingvokul'turologicheskom aspekte (na materiale kulinarnykh kanalov YouTube) // Vestnik Kalmytskogo universiteta. – 2022. – № 1 (53). – S. 86-95. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-86-95 EDN: BDLCTA
5. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova. – M.: OGIZ, 1934/1935 – 1 t., 1938 – 2 t., 1939 – 3 t., 1940 – 4 t.
6. 现代汉语成语词典 [Sovremennyyi slovar' kitaiskikh idiom]. – 北京: 商务印书馆, 2015.
7. Zyryanova E.V., Lyui V. Assotsiativnoe pole kontsepta «novyi god» v russkom i kitaiskom yazykakh // Litera. 2019. № 6. S. 298-305. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.6.31130 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31130

8. Syui M. V. Simvolika prazdnika chun'tsze v kul'ture Kitaya // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept. – 2013. – № T3. – S. 326-330. EDN: RIFEAZ
9. Zakharova M. V. Transformatsiya osmysleniya simvoliki prazdnovaniya traditsionnogo novogo goda v sovremennom Kitae: spetsial'nost' 07.00.03 "Vseobshchaya istoriya (sootvetstvuyushchego perioda)": dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Zakharova Mariya Vladimirovna. – Moskva, 2003. – 273 s. EDN: QDVTZZ
10. Tel'pov R. E., Chzhu M. Osnovnye prazdnichnye traditsionnye blyuda v russkoi i kitaiskoi lingvokul'turakh // Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: Sbornik statei X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, glavnogo redaktora nauchnogo zhurnala "Sovremennaya kommunikativistika", professora Oskara Yakovlevicha Goikhmana, Kaliningrad, 19-22 maya 2022 goda. – Kaliningrad: Poligrafych", 2022. – S. 207-209. EDN: CEHTGK
11. Vorob'ev E. V. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie. – M.: Logos, 2003. – 256 s.
12. Karaulov V. N. Yazyk i kartina mira. – M.: Nauka, 1997. – 320 s.
13. Bart R. Mifologii / R. Bart; per. s fr. – M.: Progress, 1967. – 318 s.
14. Levi-Stross K. Mifologicheskie struktury / K. Levi-Stross; per. s frants. – M.: Progress, 1964. – 451 s.
15. Gal'perina N. M. Semantika i kul'tura: pishcha kak znak // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 1990. – № 2. – S. 45-56.
16. Zakharova V. V. Kul'turnye kody i ritualy pitaniya // Sovremennye issledovaniya kul'tur i yazykov. – 2005. – Vyp. 4. – S. 102-110.
17. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills: Sage Publications, 1980. – 290 p.
18. Hall E. T. The Silent Language. – New York: Doubleday, 1976. – 228 p.
19. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 543 s.
20. Stepanov Yu. S. Kul'turno-yazykovaya kartina mira. – SPb.: Nauka, 2002. – 400 s.
21. Konchakova O. P. Frazheologiya i natsional'naya kul'tura. – M.: Flinta, 2010. – 320 s.
22. Shcherba L. V. Istoricheskaya semasiologiya. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1930. – 150 s.
23. Ditmar R. A. Vvedenie v yazykoznanie. – M.: Vysshaya shkola, 1974. – 280 s.

Linguoaxiological assessment parameters in the discourse of sports electronic media in China and Russia.

Pak Leonid Evgen'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Mdivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Mdivostok, 41 Gogol Ave., room 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru

Abstract. This article is dedicated to identifying the linguoaxiological parameters of evaluation in the discourse of sports electronic media and describing their linguocultural specificity. The aim of the study is to compare the linguoaxiological parameters of evaluation

in the Chinese English-speaking and Russian discourse of sports electronic media within a linguocultural paradigm. The object of the study is the discourse of sports electronic media in the linguocultures of China and Russia. The subject of the study is the linguocultural aspect of linguoaxiological parameters of evaluation in the discourse of sports electronic media in China and Russia. The relevance of the proposed study is determined by several reasons. First, the methodology of research carried out within the framework of linguoaxiological studies corresponds to the level of development of modern linguistics and can assist in the systematic study of the implementation of the category of value and evaluation in text and discourse. Second, the deepening of the linguoaxiological analysis through comparative linguocultural studies expands the boundaries of discursive-pragmatic linguistics and contributes to contrastive linguoaxiology. Third, it is important to address the very theme of sports. Sports media discourse is characterized by a pronounced degree of evaluative nature, expressiveness, and ideological coloring. The main methods of research included the method of linguoaxiological interpretation, linguocultural analysis, discourse analysis, and statistical data processing methods. The novelty of the research lies in the development of a specified model of linguoaxiological parameters. Conclusions: it is noted that the high evaluative saturation of Russian and Chinese sports electronic media is a universal characteristic in sports discourse. It is proven that Russian sports electronic media discourse emphasizes objectivity and analytical comprehension of ongoing events. In contrast, the Chinese sports electronic media discourse is characterized by the dominance of positive evaluations, focusing on the heroization of athletes, collective pride, positivity, and faith in progress. From the perspective of ideological marking, Russian discourse is characterized by the use of evaluative means to consolidate national consciousness under conditions of international pressure. For the Chinese discourse, values transmitted during sports communication are a cultural resource, a means for expanding national influence through symbolism and cultural code. The linguocultural specificity of the parameter "target impact of evaluation" in Russian electronic media lies in the active emotional-evaluative accompaniment of events. Meanwhile, the linguocultural specificity of Chinese sports discourse in electronic media manifests in its orientation toward harmony, communicative balance, and social stability.

Keywords: value judgment, evaluative statement, value, evaluation, linguoaxiological parameter, linguoaxiological interpretation, linguoaxiology, sports discourse, sports electronic media, linguo-cultural specificity

References (transliterated)

1. Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. – 318 pp.
2. Sternin, V. I. Lingvisticheskaya aksiologiya / V. I. Sternin. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. – 440 s.
3. Bolotova, O. A. Otsenka i otsenochnost' v tekste / O. A. Bolotova. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – 362 s.
4. Nikolaeva, O. V. Aksiologicheskie aspekty semantiki polineziiskikh etnicheskikh paremii / O. V. Nikolaeva // Dal'nevostochnyi filologicheskii zhurnal. – 2023. – № 1 (1). – S. 3-12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12 EDN: EOMBCM
5. Volkova, Ya. A., Vashunina, I. V. Lingvoaksiologiya emotsii: lingvokul'turnaya tsennost' zlosti v russkom yazykovom soznanii / Ya. A. Volkova, I. V. Vashutina // Voprosy psikholingvistiki. – 2024. – № 1 (59). – S. 10-21. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21 EDN: NHJOCL

6. Lomakina, O. V. Izuchenie poslovits v rusle tsennostnoi paradigmy: metodologiya issledovaniya i kriterii vydeleniya otsenochnosti / O. V. Lomakina // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. – 2021. – № 1. – S. 97-107. EDN: PCOJZZ
7. Karasik, V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 476 c. EDN: UGQAMP
8. Kibrik, A. E. i dr. Diskurs kak kognitivno-kommunikativnoe yavlenie / A. E. Kibrik i dr. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 300 s.
9. Starostina, Yu. S. Angloyazychnye diskursivnye praktiki v rusle lingvoaksiologicheskogo podkhoda / Yu. S. Starostina // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika". – 2021. – № 3. – S. 248-253. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-3-248-253 EDN: AYKSXT
10. Zubova T.B., Kalinin O.I. Otsenochnost' kak diskursivnaya kharakteristika: svoistva i tipologiya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 2. S. 172-187. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72801 EDN: OHYPEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72801
11. Lyagoshina, T. V. Gibridizatsiya publichnogo diskursa v sovremennom mediaprostranstve: sotsial'nye efekty i issledovatel'skaya perspektiva / T. V. Lyagoshina // Voprosy psikholingvistiki. – 2022. – S. 94-103.
12. Saburova, N. A., Shishkin, B. A. Leksiko-semanticheskii analiz tolerantnogo angloyazychnogo mediadiskursa / N. A. Saburova, B. A. Shishkin // Filologicheskii aspekt. – 2022. – № 04 (84). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/leksiko-semanticheskij-analiz-tolerantnogo-angloyazychnogo-mediadiskursa.html> (data obrashcheniya: 21.07.2025)
13. Malysheva, E. G., Rogaleva, O. S. Kommunikativnye dominanty sportivnogo internet-diskursa o figurnom katanii / E. G. Malysheva, O. S. Rogaleva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – № 9. – S. 3071–3078. DOI: 10.30853/phil20240435 EDN: POXFON
14. Mosolova, N. V. Sportivnyi diskurs: osobennosti, zhanry, strategiya rechevogo povedeniya / N. V. Mosolova. – M.: MAKSS Press, 2010. – 308 s.
15. Gimaletdinova, G. K., Kamalova, R. R. Emotsional'no-otsenochnye modeli sportivnogo mediadiskursa / G. K. Gimaletdinova, R. R. Kamalova // Uchenye zapiski Kazanskogo federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki". – 2022. – № 5 (164). – S. 47-58.
16. Razhina, V. A. Kriterii otsenochnosti v sportivnom diskurse kak otrazhenie lingvokul'turnogo fona / V. A. Razhina // Filologicheskie nauki. – 2020. – № 11. – S. 265-268.
17. Loginova, T. A. Ekspressiya i otsenka v angliiskom sportivnom diskurse (na materiale futbol'nykh kommentariiev) / T. A. Loginova // Aktual'nye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2012. – № 2. – S. 166-168. EDN: OWZKDF
18. Chempionat. URL: <https://www.championat.com/> (data obrashcheniya: 05.03.2025).
19. The Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/sport/index.html> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
20. Sport-ekspress. URL: <https://www.sport-express.ru/football/> (data obrashcheniya: 06.06.2025).
21. The China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/sports> (data obrashcheniya: 15.04.2025).
22. Sport24. URL: <https://sport24.ru/> (data obrashcheniya: 03.05.2025).

Linguistic Mechanisms of National Identity Formation: A Comparative Analysis of the Use of Language for Creating and Maintaining National Identity in Russia and China Based on the Dictionary of Russian Mentality

Yang Dandan

Graduate student, RUDN University named after Patrice Lumumba

115211, Russia, Moscow, Brateevo district, Borisovskie Prudy str., 10 room 1, sq. 178

✉ ydd4114@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of linguistic mechanisms for the formation of national self-consciousness in Russia and China, realized through vocabulary that reflects mental and cultural values. The focus is on lexical units that contribute to the creation and maintenance of national identity while simultaneously performing ideological and emotional functions. Key conceptual fields are examined: "collectivism," "sobornost," and "state" in the Russian tradition, along with their functional counterparts in Chinese culture: "jia" (family), "li" (ritual), and "guo" (state). The study relies on materials from V.V. Kolesov's "Dictionary of Russian Mentality," Confucian texts, and other cultural and linguistic sources that embody images of collective memory, spirituality, and state ideology. Special attention is given to the differences in the lexical realization of collectivist values: the Russian tradition is characterized by emotional saturation and an emphasis on spiritual-moral unity, while the Chinese tradition features strict hierarchical organization and ritual orderliness. The paper employs comparative analysis, linguocultural analysis, and discursive analysis, as well as etymological breakdown and analysis of phraseological expressions and proverbs that reflect mental attitudes. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive comparison of mentally oriented vocabulary from the two cultures as a strategic resource for the formation of national identity. Common features and differences in linguistic mechanisms have been identified: in both cultures, language strengthens collectivist values; however, in Russia, they are conveyed through emotionally charged images ("communitarianism," "sobornost"), while in China, they are expressed through ritual-normative constructions ("jia," "li," "guo"). It is demonstrated that the historical dynamics of these concepts show the persistence of collectivist attitudes despite socio-political transformations, as well as their adaptation to contemporary conditions. The author argues that the preservation of these attitudes in the context of globalization ensures the maintenance of cultural identity and serves as a basis for national cohesion. The results can be used in sociolinguistics, cultural studies, and intercultural communication, as well as in the development of educational and integration programs.

Keywords: cultural values, emotional charge, comparative analysis, mentality-related lexicon, Dictionary of Russian Mentality, national identity, linguistic mechanisms, Russian language, national consciousness, Russian mentality

References (transliterated)

1. Kolesov V.V. Slovar' russkoi mental'nosti. V 2 t. SPb.: Zlatoust, 2014. – t. 1 – 591 s.; t. 2 – 592 s.; vsego – 1184 s.
2. Konfutsii. Lun' yui : Vostochnaya literatura; 2001. – 180 s. – ISBN 5-02-018024-6.
3. Konfutsii. Da syue (Velikoe uchenie) // Perevod: James Legge. The Great Learning,

- angl. / e-artnow, 2023. – 32 s. – ISBN 4064066374327.
4. Kuchera S. Konfutsianskii traktat Syao tszin // Istoriya, kul'tura i pravo drevnego Kitaya: sobranie trudov S. Kuchera. / S. Kuchera ; Rossiiskaya akademiya nauk, In-t vostokovedeniya. – M. : Natalis, 2012. – 416 s.: il. – (Corpus Sericum). – ISBN 978-5-8928-2481-1; ISBN 978-5-8062-0351-0 (v per.).
 5. Kolesov V.V. Filosofiya russkogo slova. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. – 444 s.
 6. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. / soch. V.I. Dalya. – Moskva : Izd. obshch-va lyubitelei Rossiiskoi slovesnosti, 1866. – 680 s. razd. pag.
 7. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya: teoriya i metody. – M.: Izd-vo Ross. un-ta Druzhby narodov, 1997. – 331 c.
 8. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya : Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. – M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2001. – 208 s. EDN: UKCOEJ
 9. Van S., Fatkullina F.G., Kuz'mina E.S., Lyulina A.G. Yazykovaya politika i natsional'nyi imidzh Kitaya v soobshcheniyakh TASS o koronaviruse: diskursivnyi analiz // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2024. T. 15. № 4. S. 1244–1259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1244-1259>.
 10. Issledovanie diskursivnogo konstruirovaniya natsional'noi identichnosti v politicheskom diskurse Kitaya (na primere vystupleniya Si Tszin'pina na 15-i vstreche liderov BRIKS) // Politlingvistika. – 2024. – № 6. (108) – S. 240-248.
 11. Zamyatin K. Treatment of and Attitudes Towards 'Other' Languages in Modern Russia // Journal of Language and Politics. – 2023. – Vol. 22, No. 6. – Rr. 60-63.
 12. Li Syao Kun, Marchenko G.V. Natsional'naya identichnost' v Kitae i za rubezhom: sravnitel'nyi analiz sredstv formirovaniya // Pedagogicheskii zhurnal. 2023. T. 7A. S. 72-81. DOI: 10.34670/AR.2023.41.99.025.
 13. Terskikh M.V., Zaitseva O.A. Leksicheskie sredstva otrazheniya russkogo mentaliteta v tekstakh uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomu // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2024. T. 71. S. 208-224. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-208-224>. EDN: DWGGBY
 14. Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura [Elektronnyi resurs]: sbornik statei i dokladov uchastnikov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 13-16 noyabrya 2024 g.) / otv. red. R.R. Mukhametzyanov; red. kol.: R.R. Fakhрутdinov, E.K. Khabibullina, E.I. Nesterenko, D.E. Martynov. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2024. – 174 s. – ISBN 978-5-00130-858-4.
 15. Gun S. Nominatsii i kontseptualizatsiya ponyatii «natsiya» i «narod» v ofitsial'nykh mediatekstakh Rossii i Kitaya // Litera. 2025. № 5. S. 382-396. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74602 EDN: QUHQBK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74602
 16. Zakharova E. Yu., Lyan Chun'yui. Preobrazovanie sistemy yazykovogo obrazovaniya v Rossii i Kitae v usloviyakh intensivatsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Gumanitarnyi vektor. 2025. T. 20, № 1. S. 127-136. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-1-127-136. EDN: IKSKPQ

Problematic aspects of the media's influence on public opinion in the context of emergencies, using the example of the infodemic associated with the spread of COVID-19, and ways to address them

Zhang Yaning Postgraduate student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of
Russia

Russia, Moscow, Troparevo-Nikulino district, 26 Bakinsky Komissarov str., 8k4

✉ 1042238045@pfur.ru

Abstract. This work is devoted to studying the influence of modern mass media, including digital platforms and social networks, on the formation of public opinion during emergencies. Special attention is given to information crises related to the COVID-19 pandemic and the phenomenon of infodemic, which was accompanied by the active spread of misinformation and rumors. The mechanisms of media influence, such as framing, sensationalism, bias in information presentation, and the role of algorithms in shaping the information agenda, are considered. The analysis focuses on how these processes affect the perception of reality, public behavior, and decision-making in crisis conditions. The aim of the work is to identify problematic aspects of media activity and determine possible strategies to counteract the negative effects of the infodemic. This paper presents an overview of problematic aspects of the influence of modern media on the formation of public opinion in emergency situations, particularly in the context of the infodemic caused by the COVID-19 pandemic. The study employs a qualitative analysis method of scientific publications from 2020 to 2024, focusing on comparing foreign and domestic experiences in media analysis. The scientific novelty of the article lies in the systematization and generalization of existing approaches to analyzing media influence during emergencies, emphasizing the role of digital technologies in information dissemination and shaping the public agenda. The author highlights key risks and consequences of the infodemic, including a decline in trust in official sources, increased social anxiety, and polarization of public opinion. The work presents the structure of typical media patterns during crises and assesses the effectiveness of existing methods to counter misinformation. Conclusions are drawn about the necessity of enhancing media literacy among the population and implementing regulatory mechanisms capable of limiting the spread of unreliable information. The materials of the article may be useful for specialists in the field of media communications, social psychology, and information security.

Keywords: adaptive model, media influence, public perception, COVID-19, social media platforms, doomscrolling, misinformation, paternalistic model, infodemic, gambling effect

References (transliterated)

1. Adamov M. S. Intellektual'nye dobrodeteli v epokhu infodemii // Chelovek. 2022. T. 33. Vyp. 3. S. 49-66. <https://doi.org/10.31857/S023620070020513-1>. EDN: OSUJKX
2. Argylov N. A., Men'shikov P. V., Shobotenko A. V. Funktsionirovanie politicheskoi kommunikatsii v KNR i SSHA v usloviyakh pandemii COVID-19 // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. № 1(53). S. 144-155. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/144-155>. EDN: EMVUUI
3. Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. Puti rossiiskoi infodemii: ot WhatsApp do sledstvennogo komiteta // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 6 (160). S. 231-265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. EDN: GWIGPR
4. Borkhsenius A. V. Infodemiya: ponyatie, sotsial'nye i politicheskie posledstviya, metody bor'by // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. 2021. № 8 (1). S. 52-58. DOI:

10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58. EDN: LOFTXO

5. Deineka O. S., Maksimenok A. A. Vaksina ot infodemii ili psikhologicheskoe sostoyanie obshchestva na fone pandemii, vyzvannoi COVID-19. Kostroma: ANO "Tsentr sotsial'nykh initsiativ", 2023. 380 s.
6. Zemlyanskii A. V. Feik-n'yus kak odna iz klyuchevykh sostavlyayushchikh infodemii: tipologiya i kharakteristiki // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. 2021. № 1 (4 (36)). S. 112-121. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_4_112. EDN: HTVONF
7. Kazarinova D. V. Ponimanie infodemii teorii zagovora o koronaviruse // Rossiya v global'noi politike. 2022. № 20 (2). S. 83-104.
8. Kolotaev Yu. Yu. Evropa i Evropeiskii Soyuz v kontekste informatsionnykh ugroz postkovidnogo mira // Sovremennaya Evropa. 2021. № 7. S. 143-151. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021135143>. EDN: QBBWYA
9. Pivovarova O. A., Gorbato S. Yu., Korotkova E. O., Kamynina N. N. Mezhdunarodnye aspekty infodemii COVID-19 // Vestnik Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk. 2021. № 76 (S5). S. 572-580. <https://doi.org/10.15690/vramn1623>. EDN: PWLQRO
10. Sinyutina E. V. Vliyanie SMI na formirovanie obshchestvennogo mneniya // Innovatsionnaya nauka. 2021. № 3. S. 92-93. EDN: IYHZOF
11. Tyan' Yu. Osobennosti i problemnye aspekty funktsionirovaniya sotsial'nykh setei v kontekste kitaiskoi informatsionnoi politiki perioda pandemii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2024. № 24 (1). S. 95-104. <https://doi.org/10.14529/ssh240112>. EDN: VIHEVH

The objectivity in understanding the surrounding space and the formation of the personality of the protagonist-narrator: "Letters of a Russian Traveler"

Puchkova Anastasiya Evgen'evna

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; State University of Enlightenment

24 Kirpichnaya str., square 29, Sergiev Posad, Moscow region, 141305, Russia

✉ anastasiya.puchkova.97@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the thematic sphere of N. M. Karamzin's book "Letters of a Russian Traveler" and its place in shaping perceptions of the material world in Russian literature at the end of the 18th century. The focus is on the problem of mastering reality in the poetics of sentimentalism and the peculiarities of Karamzin's creative position in this aspect. The genre and problematic-thematic complexity of "Letters of a Russian Traveler" is revealed at various levels of the text, which determined the characteristics of the organization of the material world within it. The relevance of the article is defined by the necessity of a holistic view of the dynamics of depicting the material world in 18th-century Russian literature, of which Karamzin's book "Letters of a Russian Traveler" can serve as a unique model. The aim of the article is to reconstruct the material world of "Letters of a Russian Traveler," to propose a typology of the material and everyday details in the book considering various principles that Karamzin used to organize its artistic world. The methodological basis of the study is structural-semiotic analysis of the text, which allows for the reconstruction of the laws of construction and artistic functioning of the system of material details within it, as well as elements of a comparative-typological approach, necessary for identifying the typology of material images in the book. The novelty of the research lies in the fact that it reveals the

material level of Karamzin's text for the first time, which allows for conclusions about the specificity of the author's mastery of reality. The main conclusions of the conducted analysis are as follows: the material world of "Letters of a Russian Traveler" reflects the main artistic principles of Karamzin as a writer – the multi-level structure of the text and the dynamic nature of the communication between "author - reader"; the material realities in the book are grouped according to several principles – belonging to a specific sphere of life, the relationship between the objectively descriptive and the subjectively emotional, cultural fixation and situational conditioning of representations in the text. Altogether, this allowed the author of the article to conclude on the specificity of Karamzin's artistic mastery of reality, which determined the main direction of development of Russian literature in the late 18th – early 19th centuries.

Keywords: narration, reader category, author category, objective world, poetics, artistic detail, artistic image, sentimentalism, Letters of a Russian Traveler, N.M. Karamzin

References (transliterated)

1. Aikhenval'd Yu.I. Siluety russkikh pisatelei. – M.: Respublika, 1994. – 591 s.
2. Alpatova T.A. Proza N.M. Karamzina. Poetika povestvovaniya. – M.: MGOU, 2012. – 560 s.
3. Baldin A. Protyazhenie tochki. Literaturnye puteshestviya. Karamzin. Pushkin. – M.: Eksmo, 2009. – 576 s.
4. Barskov Ya.L. Perepiska moskovskikh masonov XVIII veka, 1780–1792 gg. – Pg.: Izd. Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk, 1915. – 335 s.
5. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Izd. podgot. [i primech. sost.] Yu. M. Lotman i dr. – L.: Nauka, 1984. – 717 s. ("Literaturnye pamyatniki").
6. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. "Pis'ma russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury // Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. – L.: Nauka, 1984 (seriya "Literaturnye pamyatniki"). S. 525-606.
7. Roboli T. Literatura puteshestvii // Russkaya proza: sbornik statei pod red. B.M. Eikhenbauma i Yu.N. Tynyanova. – L.: Academia, 1926. – S. 42-73.
8. Sapchenko L.A. "Pis'ma russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina – entsiklopediya evropeiskoi zhizni // Filosofskii vek. Al'manakh 27: Entsiklopediya kak forma universal'nogo znaniya: ot epokhi Prosveshcheniya k epokhe Interneta. – SPb.: Sankt-Peterburgskii tsentr istorii idei, 2004. – S. 330-336.
9. Sakharov V.M. Mif o zolotom veke v russkoi masonskoi literature XVIII stoletiya // Voprosy literatury. 2000. № 6. S. 149-164.
10. Sipovskii V.V. N.M. Karamzin, avtor "Pisem russkogo puteshestvennika". – SPb.: tip. V. Demakova, 1899. – 578 s.
11. Toporov V.N. "Bednaya Liza" Karamzina: Opyt prochteniya. K 200-letiyu so dnya vykhoda v svet. – M.: RGGU, 1995. – 512 s.
12. Chudakov A.P. Predmetnyi mir literatury (k probleme kategorii istoricheskoi poetiki) // Istoricheskaya poetika: itogi i perspektivy izucheniya. – M.: Nauka, 1986. – S. 251-291.

The image of Varvara Petrovna Stavrogina and the evolution of the noblewoman in Dostoevsky's novel "Demons"

Abstract. The subject of this study is the literary image of Varvara Petrovna Stavrogina, one of the most complex and undervalued female characters in Fyodor Dostoevsky's novel *Demons*. The research focuses on how this figure reflects the transformation of the noblewoman in 19th-century Russian literature against the backdrop of ideological, cultural, and social crisis. The object of analysis is the aristocratic female type—endowed with external authority and symbolic status but lacking internal integrity and moral influence. The article explores how Varvara Petrovna represents the decline of the old nobility, the loss of the spiritual function of femininity, and the transition to a rhetorically constructed but substantively impoverished subjectivity. Special attention is paid to her speech strategies, interactions with other characters, and compositional role as a bearer of cultural memory and a relic of a fading social order. Methodologically, the study is based on structural-semantic, discursive, and gender-cultural analysis, with elements of comparative interpretation. The scientific novelty lies in the comprehensive rethinking of Varvara Petrovna as a typologically unique figure marking the final stage in the evolution of the noblewoman in Russian literature. For the first time, she is analyzed not as a secondary character but as a structural and ideological element of Dostoevsky's narrative, symbolizing sociocultural disintegration. Her speech ceases to function communicatively and becomes a ritualized mechanism for preserving symbolic order. As a semiotic relic and "monument" of a bygone era, the character embodies a historical-value shift in the representation of the feminine, reflecting a move from moral authority to pragmatic, formalized subjectivity. The results may be of value in gender studies, cultural analysis, and literary criticism of late 19th-century Russian prose.

Keywords: Speech strategy, Gender representation, Russian nobility, Female character, Varvara Stavrogina, *Demons*, Dostoevsky, Social crisis, Female evolution, 19th-century literature

References (transliterated)

1. Kopylova A. A., Buyanova G. B. Zhenskije obrazy v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot" // *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v neproshedsheye vremeni Rossii: materialy konferentsii*. – 2021. – S. 50-55.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. – M.: Alkonost, 1994. – 178 s.
3. Makarycheva E. V. Zhenskije obrazy v tvorchestve Dostoevskogo: tipologicheskie cherty i ochertaniya tipov // *Vestnik MGPU*. – 2011. – № 4. – S. 86-90.
4. Tszyun'zhu B. Nemnogo o spetsifike zhenskikh kharakterov v russkoi literature XIX veka // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. – 2016. – № 12-2. – S. 127-129.
5. Tarasova N. A. Problemy podgotovki real'nogo kommentariya (na materiale romana F. M. Dostoevskogo "Idiot") // *Problemy istoricheskoi poetiki*. – 2019. – T. 17, № 3. – S. 149-185. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6181
6. Kovalev B. V., Dvinyatin F. N. Krasnoe i cherno: o semanticheskom invariante v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" // *Voprosy onomastiki*. – 2024. – T. 21, № 1. – S. 169-186. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008
7. Sytun Zh., Tszyan' Ch. Sravnitel'noe issledovanie obrazov Anny Kareninoi i Tat'yany

- Larinoi v aspekte "beglykh" zhenshchin v russkoi literature XIX veka // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2024. – № 3 (106). – S. 445-447.
8. Kuznetsova E. V. Kritika E. Koltonovskoi: v poiskakh osnovanii zhenskoi tvorcheskoi sub"ektnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2024. – № 87. – S. 233-254. DOI: 10.17223/19986645/87/13
 9. Kovtun N. V. Kto oni, geroini sovremennoi prozy: "Baba-bogatyрка", "Baba s podushkoi" ili biznes-ledi? // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2022. – T. 21, № 2. – S. 108-117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117
 10. Settarova L. Kh. Zhenskie obrazy tvorchestva F. M. Dostoevskogo v nauchno-kriticheskoi retseptsii kak aspekt uglublennogo izucheniya v rabote s odarennymi det'mi // Pedagogicheskie innovatsii v rabote s odarennymi det'mi: traditsii i perspektivy: sb. nauch. tr. – 2019. – S. 242-250.
 11. Makaricheva N. A. Ivan i Mar'ya Shatovy v romane "Besy" Dostoevskogo: ideologiya vs genderologiya // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. – 2024. – № 2 (24). – S. 137-143. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-137-143
 12. Anokhina Yu. Yu. Zhenskie obrazy romanov F. M. Dostoevskogo v istolkovanii Vyach. Ivanova // Nauchnyi dialog. – 2024. – T. 13, № 4. – S. 172-188. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188

Peculiarities of the Use of Zoonyms in Russian and British News Discourses

Tarasov Daniil Stanislavovich

Postgraduate student; Faculty of Philology; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ daniil_tarasov@list.ru

Abstract. The subject of this article is the linguocultural features of the use of a separate class of onomastic units - zoonyms - in the context of modern Russian and British news discourses. The use of zoonyms in socio-political and journalistic texts of a news focus is aimed at increasing the attractive potential of the news text (especially when used in the title or announcement of the article) for a potential reader, as well as the aesthetic, pragmatic and implicit content of the material in question. The work describes and analyzes headlines, news briefs and elements of full-text articles of Russian (RIA Novosti, RBC, TASS, Gazeta.ru) and British (Times, Guardian, Independent, Daily Telegraph, Observer, Daily Mail) news publishers. The work used the methods of continuous sampling for selecting news discourse texts; the method of discourse analysis for studying textual material; the method of corpus analysis for automated extraction of zoonymous units; method of dictionary definitions analysis, method of semantic analysis of zoonym lexemes; method of linguocultural text analysis to identify ethnospecific parameters of zoonym functioning in Russian and British news discourse. The aim of the article is to identify and describe linguocultural features of zoonym use in modern Russian and British news discourse. The scientific novelty of the study lies in comparing the features of zoonym use as a separate type of onomastic units in the texts of modern Russian and British news discourse. The study found that, despite the relative rarity of zoonym use in modern news texts, their role in implementing the attractive and pragmatic function remains consistently high. In Russian news discourse, one can note the high frequency of using

zoonyms in the context of paremiological units (proverbs, sayings, phraseological locution), while for modern British news discourse, it is typical to use zoonyms as metaphorical nominees of various actors of political discourse, as well as to form the image of political figures or political movements.

Keywords: precedent content, British media, Russian media, political discourse, linguapragmatics, linguacultural studies, news discourse, zoonym, onomastic, metaphorization

References (transliterated)

1. Volova V. M., Oparina K. S., Rakova E. V. Funktsionirovanie pretsedentnykh imen sobstvennykh (sfera-istochnik "Politika") na primere sovremennykh angloyazychnykh publitsisticheskikh tekstov // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2025. № 18 (1). S. 359-365. doi: 10.30853/phil20250053. EDN: KSEGGB.
2. Chesnokova O. S., Radovich M. O. Onomasticheskie perifrazy v natsional'noi kontseptsii // *Russkii yazyk v sovremennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik tezisov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu professora Serafimy Alekseevny Khavroninoy*, Moskva, 28-29 oktyabrya 2020 goda. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2020. S. 350-353. EDN: KFYANE.
3. Bolotnikova K. E. Onomasticheskie dominanty v yazykovoi kartine mira kvebektsev: avtoref. diss. ... k.f.n. Moskva, 2018. 32 s.
4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Pretsedentnye onimy v SMI // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3. S. 266-268. EDN: OHIEXD.
5. Tereshchenko A. V. Pretsedentnye imena v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: status, semantika, osobennosti funktsionirovaniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. № 11 (176). S. 76-84. EDN: WXFDR.
6. Anisimov V. E. Vneshnyaya ierarkhiya frantsuzskogo kinodiskursa // *Diskurs professional'noi kommunikatsii*. 2024. T. 6, № 4. S. 34-64. DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-4-34-64. EDN: BMPNXX.
7. Tarasov D. S. Onomasticheskie dominanty rossiiskogo i britanskogo novostnogo diskursa // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2025. № 18 (5). S. 2217-2222. doi: 10.30853/phil20250311. EDN: CMBOL.
8. Nikolaeva N. V. Funktsionirovanie zoonimov v sravneniyakh i metaforakh raznosistemnykh yazykov (na materiale russkogo, chuvashskogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov): diss. na soiskanie uch. stepeni ... kand. filol.n. Cheboksary: 2022, 302 s. EDN: MPRLLE.
9. Solntseva N. V. Sopostavitel'nyi analiz zoonimov russkogo, frantsuzskogo i nemetskogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte: diss. na soiskanie uch. stepeni ... kand. filol.n. Omsk: 2004, 221 s. EDN: NNNHHB.
10. Anisimov V. E., Kalinnikova E. D. Osobennosti perevoda sloganov sotsial'noi reklamy v sovremennom veb-prostranstve // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022. № 10 (865). S. 16-23. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_16. EDN: LARUIC.
11. Anisimova E. D., Anisimov V. E., Denisenko V. N. Paremiya v kontekste sovremennoi frantsuzskoi sotsial'noi internet-reklamy // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2023. T. 14, № 1. S. 70-87. doi: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87. EDN: QGWPDB.

On the issue of modeling the gender identity of the linguistic personality of the addressee of the advertising text

Shcheglova Valentina Mikhailovna

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ valentina_sheglova@mail.ru

Kornakova Ekaterina Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language No.5; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ kornakova_es@pfur.ru

Abstract. The article presents an analysis of the gender-relevant parameters of the advertising text in accordance with the level structure of the linguistic personality of Y. N. Karaulov. The relevance of this research is due to the increasing interest of linguists in studying the features of advertising texts placed in different types of media. Researchers of the advertising discourse identify a number of non-linguistic properties inherent in the addressee of the advertising text and influencing the addressee's choice of methods of influence. One of these properties is the gender identity of the addressee. The object of the study is advertising texts, and the subject is their gender-specific features. The aim of the work is to identify gender-relevant parameters for the analysis of advertising text at different levels of linguistic personality. The authors consider in detail the content of advertising at the verbal-semantic, linguistic-cognitive and pragmatic levels. Special attention in this work is paid to the verbal-semantic and pragmatic levels of linguistic personality. The text material was selected using the continuous sampling method. The research was conducted using methods of descriptive analysis, content analysis and statistical processing of the selected material. The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to confirm the opinion about the influence of the addressee's belonging to a particular gender on the addressee's choice of ways to organize an advertisement. The article defines the criteria for analyzing the gender identity of the addressee's linguistic personality at each of the levels of the linguistic personality. In the course of the work, gender-relevant differences were found at the verbal, semantic and pragmatic levels of the linguistic personality. The manifestation of gender-relevant parameters in advertisements is illustrated by examples from Russian-language glossy magazines for men and women published in September 2024 ("Domashny", "Rules of Life", "The Voice Mag", "Men Today"). Further directions for studying the specifics of gender functioning in advertising discourse are proposed.

Keywords: addressee, gender, gender identity, gender linguistics, language personality, advertising text, advertising discourse, semantics, pragmatics, Media linguistics

References (transliterated)

1. Kirilina A. V. Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya // Voprosy psikholingvistiki. 2021. № 3. S. 109–147.

2. Wood J. *Gendered Lives: Communication, Gender and Culture*. NS: Cengage Learning, 2018.
3. Ankov A. A., Garanovich M. V., Gritsenko E. S. *Gendernye aspekty yazyka, soznaniya i kommunikatsii*. M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2022.
4. Eisend M. Muldrow A.F., Rosengren S. Diversity and inclusion in advertising research // *International Journal of Advertising*. 2022. No 1. Pp. 52–59.
5. Williams L. *Queer(y)ing LGBTQ+ advertisements*. Oxford Brookes University, 2021.
6. Karasik V. I. *Samoprezentatsiya v reklamnom diskurse // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. 2015. № 4. S. 33–43.
7. Khaims D. *Etnografiya rechi // Novoe v lingvistike*. № 7. *Sotsiolingvistika*. M., 1975. S. 42–95.
8. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'*. M.: LKI, URSS Editorial, 2010.
9. Byuler K. *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funktsiya yazyka*. M.: Progress, 2000.
10. Ervin-Tripp S. M. *Yazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodeistviya // Novoe v lingvistike*. № 7. *Sotsiolingvistika*. M.: Inostrannaya literatura, 1975. S. 336–362.
11. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktika russkoi rechi*. M.: Editorial URSS, 2008.
12. Van Deik T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. M.: URSS, 2015.